

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

**СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ,
МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ**

**МЕЧ
ДУХОВНЫЙ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010**

Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный / Составление и комментарии доктора философских наук П. В. Калитина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 720 с.

В книге собраны самые выдающиеся духовные произведения святителя Филарета, митрополита Московского, одного из величайших подвижников и богословов Русской церкви. Всю свою жизнь он подчинил воле Божией и трудился ради славы Божией. За великую ревность о Господе и великие труды Бог дал святителю Филарету благодатные дары прозорливости и исцелений. Он стал основоположником русской библейской науки. По его настоянию и под его наблюдением был издан первый русский перевод Святой Библии. Как великий богослов митрополит Филарет учил, что только через личную «голгофу», через умерщвление плотских и секулярных страстей человек может рассчитывать на свое спасение. Огромный вклад святитель внес в создание теории русского монархического государства.

Последователями Филарета были многие подвижники православия и великие русские мыслители — Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Смирнов), Макарий (Глухарев), Серафим (Соболев), Н. В. Гоголь, А. Н. Муравьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров, И. Л. Солоневич.

Часть произведений святителя Филарета публикуется в настоящем издании впервые после более чем столетнего перерыва.

ISBN 978-5-902725-53-4

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Родился будущий святитель Филарет, митрополит Московский 26 декабря 1782 года в городе Коломне Московской губернии в семье соборного диакона (впоследствии священника).

До девяти лет воспитанием ребенка занимались его благочестивые родители.

В 1791 году он поступил в Коломенскую духовную семинарию, в которой учился до ее закрытия в 1799 году, после чего перешел в Троице-Сергиеву лаврскую семинарию, находившуюся под особым покровительством митрополита Платона (Левшина; †1812). Личность митрополита Платона оказала большое влияние на судьбу и развитие будущего митрополита Филарета.

В Троицкой семинарии Дроздов учился в философском и богословском классах с марта 1800 года по 1803 год. По окончании семинарии, 21 ноября 1803 года, после проведенного лично митрополитом Платоном экзамена, он был назначен учителем греческого и древнееврейского языков в той же лаврской семинарии.

30 августа 1806 года перемещен на высший класс — пиитический и назначен проповедником при лавре. Митрополит Платон оказывает новому проповеднику знаки исключительного внимания и расположения, дарит ему разные вещи, делает своим иподиаконом, а 14 января 1808 года утверждает учителем высшего красноречия и риторики. Митрополит Платон писал о своем любимом ученике: «Я пишу по-человечески, а он пишет по-ангельски».

Митрополит Платон стал убеждать молодого учителя принять монашество. Но Василий не сразу согласился. В течение двух лет он проверял свои склонности, советовался с родителями, молился и только в июле 1808 года подал прошение о пострижении в монашество. 16 ноября того же года в Трапезной церкви Троице-Сергиевой лавры наместником лавры архимандритом Симеоном (Крыловым-Платоновым; †1824; впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский) он был пострижен в монашество с именем Филарет в честь праведного Филарета Милостивого, а 21 ноября митрополитом Платоном рукоположен во иеродиакона.

1 марта 1809 года по указу Святейшего Синода вызван в Санкт-Петербург и определен инспектором Санкт-Петербургской семинарии с занятием кафедры философских наук в звании бакалавра академии.

28 марта того же года митрополитом Санкт-Петербургским Амвросием (Подобедовым; †1818) рукоположен во иеромонаха; 9 марта определен на должность ректора Александро-Невского уездного училища, учрежденного при той же семинарии, с оставлением в прежних должностях в семинарии.

8 февраля 1810 года переведен бакалавром богословских наук в Санкт-Петербургскую духовную академию, где сначала преподавал догматическое богословие и церковную историю, а с 21 июля того же года — историю и древности церковные. Здесь, на кафедрах Санкт-Петербургской академии, развернулись его необычайные разносторонние дарования, его изумительная работоспособность, дисциплинированность, способность четко выполнять все возлагаемые на него обязанности. Его слова и поучения с церковной кафедры привлекали всеобщее внимание глубиной постановки богословских вопросов, широтой их трактовки, яркостью образов, точностью языка. 8 июля 1811 года «за отличие в проповедовании слова Божия» Филарет был возведен в сан архимандрита. Он приобретал все большую известность как в кругах духовных, так и в светских. Так, в Санкт-Петербурге главными покровителями его стали

такие влиятельные лица, как первенствующий член Святейшего Синода митрополит Амвросий (Подобедов) и обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын. Они облекли его полным доверием и возлагали на него различные ответственные поручения. В июле 1811 года по назначению Комиссии духовных училищ он производил ревизии Санкт-Петербургской духовной семинарии и училищ.

В начале 1812 года от Комиссии духовных училищ имел поручение образовать для учеников, окончивших Санкт-Петербургскую семинарию, класс чтения Священного Писания и святых отцов и руководства к прохождению священнослужительских должностей.

11 марта того же года определен ректором Санкт-Петербургской академии и профессором богословских наук, а 27 марта назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. С этого же времени по званию ректора присутствовал в Санкт-Петербургской духовной консистории. В академии у архимандрита Филарета был образцовый порядок, что служило примером и для других академий. Он заново переработал и представил на утверждение академический устав. Вместе с тем он переработал устав для духовных семинарий, уездных и приходских училищ, выполнив всю эту работу без помощников в шесть недель. Впоследствии Филарет сам говорил, что он никогда так много не работал, как в свою бытность ректором академии, и считал себя свободным от занятий, когда у него, по его собственным словам, «за раз было только одно дело на руках, а не три или пять».

Митрополит Филарет по праву считается подлинным основоположником русской библейской науки. Он стоял во главе перевода Библии на русский язык. «Дело перевода было, можно сказать, делом едва ли не всей жизни святителя Филарета, составляло предмет самых заветных его помыслов, желаний и забот... было причиною и великих скорбей для него, и великой славы», — писал профессор МДА И. Н. Корсунский, уделявший этому крайне сложному вопросу большое место в своих исследованиях. Но не все с пониманием отнеслись к этому

новому делу. Архимандрит Фотий (Спасский; †1838), бывший в 1814 году студентом 1 курса Санкт-Петербургской академии, был противником переводческой деятельности архимандрита Филарета, но признавал его выдающиеся способности как ректора и профессора. Вот как описал он архимандрита Филарета в своей автобиографии: «Филарет был... росту среднего, смугл видом, волосы средние темно-русые, бранду долую имел, лицом всегда светел, весел быть казался, у него были глаза острые, пронизательные, вид постен, строг и приятен; поступь у него была нескорая, важная. Голос тих, тонок, но ясен; речь внятная, говорил остро, высоко, премудро, но все более к уму, менее же к сердцу. Свободно делал изъяснение священных писаний: как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что, когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления от учений своих — всем казалось истинно, приятно, совершенно его учение... Оратор мудрый, красноречивый, писатель искусный. Все доказывало, что он много в науках занимался... Сила, красота, достоинство и слава Духовной академии был один Филарет».

Изумлявшие всех работоспособность и эрудиция архимандрита Филарета быстро выдвигали его вперед. В 1814 году Комиссией духовных училищ было выработано Положение об ученых степенях действительных и почетных, и первым действительным доктором богословия в России стал (13 августа 1814 года) ректор Санкт-Петербургской академии архимандрит Филарет. В мотивировке предоставления ему докторской степени говорилось, что он удостоивается ее на основании «светлейших доказательств учености, священной и церковной, представленных в академических чтениях, в церковных речах, а особенно в классических сочинениях, и увенчанных искренним осуществлением на деле христианского учения». Через две недели после получения высшей ученой степени, 27 августа 1814 года, архимандриту Филарету была назначена пожизненная пенсия в размере 1500 рублей в год; 30 августа того же года он был назначен членом Комиссии духовных училищ.

В июне и июле 1815 года ревизовал Московскую духовную академию и семь семинарий: Новгородскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Спасо-Вифанскую и Московскую, а также ряд уездных и приходских училищ, находящихся на пути его следования.

В марте 1816 года по указу Святейшего Синода определен настоятелем Московского Новоспасского монастыря с оставлением при академии; 2 июня назначен членом Комитета для решения судебных дел о лицах духовного звания греко-российского исповедания в Финляндии; 16 июля утвержден членом совета Императорского человеколюбивого общества.

3 марта 1817 года назначен членом Строительного комитета при Санкт-Петербургской духовной академии; 7 апреля — членом Главного Правления училищ; в июле произвел ревизию Санкт-Петербургской духовной семинарии.

23 июля 1817 года, по представлению митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), он был назначен епископом Ревельским, викарием Санкт-Петербургской епархии, с оставлением в должности ректора академии и управляющего Новоспасским монастырем.

5 августа 1817 года в Санкт-Петербурге, в Троицком соборе Александро-Невской лавры, архимандрит Филарет был хиротонисан во епископа Ревельского.

15 марта 1819 года возведен в сан архиепископа с переводом в Тверскую епархию и с назначением членом Святейшего Синода.

26 сентября 1820 года назначен архиепископом Ярославским и Ростовским.

С 3 июля 1821 года — архиепископ Московский, священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры и присутствующий в Московской Синодальной конторе. С этого времени и до своей кончины Филарет с великой честью и огромной пользой стоял во главе епархиального управления первопрестольного града, не прекращая вместе с тем научно-литературной деятельности и не переставая принимать живей-

шего участия в делах как общецерковного, так и общегосударственного характера, призываемый к тому Высшей властью.

28 октября 1822 года, согласно прошению, освобожден от должности члена Главного Правления училищ.

За все время своего служения Филарет имел ряд наград: 25 декабря 1825 года ему был пожалован бриллиантовый крест для ношения на клобуке, 22 августа 1826 года он был возведен в сан митрополита; за заслуги, оказанные Церкви, 7 января 1828 года ему объявлена высочайшая благодарность за составление Краткой Священной истории, а также краткого и пространного катехизисов с прибавлением наставления для воинов; 19 апреля 1831 года награжден орденом святого апостола Андрея Первозванного за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане; 10 января 1854 года объявлена высочайшая благодарность и благодарность Святейшего Синода за приношение от Свято-Троицкой лавры и от Чудова монастыря 50 000 рублей на воинов и за труды, понесенные в деле обращения Рогожских раскольников; 18 марта 1855 года получил благодарность от императора за пожертвованные 110 600 рублей на военные надобности от Московской епархии; 31 мая 1857 года объявлена благодарность Святейшего Синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии; 31 октября 1862 года получил благодарность от императрицы за пожертвованные 10 100 рублей от духовенства Московской епархии в пользу пострадавших от пожара жителей Санкт-Петербурга; 21 июня 1867 года единогласно признан почетным членом императорского Новороссийского университета и получил диплом; 5 августа 1867 года, в день 50-летия служения в епископском сане, за непрерывные заботы о духовном просвещении паствы, за щедрую поддержку благотворительных и воспитательных учреждений, многочисленные пастырские послания и другую деятельность предоставлено право, по киевскому обычаю, предношения креста в священнослужении, ношение креста на митре и двух панагий на персях. При этом пожалована украшенная драгоценными камнями панагия на бриллиантовой цепочке, а в вознагражде-

ние заслуг собственно государственных пожалованы портреты императора и двух его предшественников.

Скончался митрополит Филарет 19 ноября 1867 года.

Святитель Филарет был поистине великим мужем Христовой Церкви. Уже во время обучения в семинарии и на первых порах учительства обнаружились необыкновенные духовные дарования Дроздова и его образцовочестное поведение. «Вы подлинно имеете драгоценный залог и свидетельство Божия к вам благоволения в талантах, а паче в честном поведении сына вашего», — писал к родителям Дроздова ректор лаврской семинарии архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов). Особенно же блестящий проповеднический талант скоро выдвинул его из ряда других учителей.

Митрополит Платон, под особым покровительством и ближайшим попечением которого находился Василий Дроздов, прозревал великую будущность скромного учителя семинарии и видел его отличные дарования и высоконравственную жизнь.

Не имея еще 30 лет от роду, Филарет получил известность не только в кругу духовных лиц, но и за пределами этого круга. Он вел обширную и многостороннюю деятельность. Многочисленные и нелегкие труды Филарета не оставались без наград, а награды, в свою очередь, свидетельствовали о множестве и тяжести этих трудов.

Почти полвека управлял Филарет Московской епархией, и это время было самым блестящим периодом и в истории епархии, и вообще в истории Русской Церкви. Как истинный архипастырь, Филарет во все вникал сам, был полным и настоящим хозяином в своей епархии, зорко наблюдал за всеми подчиненными органами управления, везде и на все налагал печать своих мудрых резолюций, распоряжений и суждений. Управление Филарета епархией было в полном смысле образцовое: строго основываясь на канонических устоях Церкви, оно вместе с тем вполне соответствовало и потребностям времени. Столь же образцовым администратором был он и в более широкой сфере высшего церковного управления. С тех пор

как он стал членом Святейшего Синода (1817—1819) ни одного сколько-нибудь важного дела не решали в Синоде без его присутствия и обычно ожидали его приезда в Санкт-Петербург. И Филарет «мудрый» обычно решал самые запутанные, самые трудные дела, часто сам составлял бумаги по синодальному делопроизводству. Митрополит Серафим (Глаголевский; †1843), бывший первенствующим членом Святейшего Синода, обыкновенно, не просматривая дела, подписывал его, если знал, что его просмотрел и одобрил Филарет Московский. При этом мудром, проницательном, неутомимом деятеле все и везде как-то невольно подтягивались.

Кроме круга синодального управления, его деятельность простиралась и в область высшего управления. Он был и «мужем государственным». Принимал деятельное участие во многих чисто гражданских делах.

Вся эта неутомимая деятельность митрополита Филарета, среди которой он, по его собственным словам, отдыхал только «на разнообразии занятий», соединялась в нем, кроме того, с подвижнической жизнью, которая делала его истинным святителем и еще более возвышала его значение, делала имя его народным.

С постом и молитвой, исполненными глубокого смиренного мудрия, прощения, покаяния, дел милосердия, Филарет постоянно жаждал соединять уединение и совершенное отшельничество для высших подвигов иноческого жития. Филарет не скрывал волновавших его чувств и жажды уединения в пустыне.

Принимая во внимание и эту святую жизнь великого архипастыря, и его многолетнюю деятельность на благо Церкви и государства, и его личные достоинства и заслуги, император в день 50-летия архиерейского служения наградил митрополита Филарета Высочайшим рескриптом. В словах этого рескрипта заключалась высшая и наилучшая оценка и личности, и жизни, и деятельности, и заслуг митрополита Филарета. Всеобъемлющий, глубокий, сильный, строго дисциплинированный ум этого иерарха, его необыкновенная

проницательность, мудрость, памятьливость, его многолетняя опытность в делах всякого рода, замечательный во всем такт, администраторские способности, непоколебимость убеждения, твердость воли и строгая последовательность мышления и действий заставляли всех, имевших с ним те или иные дела и отношения, видеть в нем необыкновенного человека, самого выдающегося деятеля. Когда митрополит Филарет скончался, все сразу почувствовали ничем не восполнимую пустоту. В Москву и Санкт-Петербург поступали телеграммы с выражением глубокого соболезнования, сочувствия и сострадания, общерусской скорби об утрате архипастыря, который более полувека служил опорой и украшением Церкви и Отечества, столпом Православия.

Вот что писал о митрополите Филарете епископ Ладожский Гермоген (Добронравин; †1893): «Велик был Московский святитель как ученый деятель. Все, что возросло благого, что зрело и явилось плодоносным в вертограде нашем, — все росло, зрело и приносило плоды под твоим мудрым надзором и попечением. Твоему проницательному взору предоставлено было обозреть первые опыты трудящихся в академии и направить их стремления вернее к целям духовного образования. И с той поры донныне неусыпным взором ты следишь за всеми движениями мысли в области высшего учения и даешь немощному силу, благому преспеяние. Под твоим охранением процветало и цветет здесь любомудрие, послушное вере; под твоим блюдением в уроках богословия всегда проповедовалась чистая истина Христова».

Велик был Московский святитель и как хранитель Православия, и как пастырь и благодетель бедных вдов и сирот, и как государственный муж, и как строгий инок. Везде и во всем чувствовалось величие этого святителя. Как оратор — это образец истинно христианского витийства. Обилие, сила и высота мыслей, сжатость и своеобразие выражений — неотъемлемое свойство почти каждого его слова, каждой речи. Они «блещут мыслями, как алмазами, его слова как будто скованы из стали и золота».

Как литератор, он стоял и будет стоять на высоте недосягаемой. Он был и оратор, и историк, и догматист, и экзегет, и апологет. Даже поэзия была не чужда ему.

Был защитником Православия во всей его чистоте, во всей заповеданной Вселенскими соборами и отцами Церкви неприкосновенности. Все сокровища православного вероучения, толкования духовных тайн, раскрытие силы Таинств Церкви, руководящие пути к жизни духовной — все это, накопленное веками вдохновенной мудростью святых учителей и пастырей церковных, весь этот многовековой опыт отразился в творениях митрополита Филарета. По богословским трудам своим он может быть назван отцом Церкви. По составленному им катехизису училась вся подрастающая Россия.

О ревности его как епархиального архиерея можно судить по тому, что он за сто дней успел объехать всю Тверскую епархию, причем проповедовал в каждой церкви.

В течение полувекового своего пребывания в Москве он совершенно перевоспитал и изменил духовенство. Поставил на значительную высоту духовно-учебные заведения своей епархии и подготовил целые поколения ревностного, твердо православного духовенства.

В служении был неутомим. Богослужения в памятные дни в лавре неопустительно совершал сам. После литургии, невзирая на множество народа, он благословлял каждого в отдельности, произнося: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», осеняя неспешно крестным знаменiem.

Совершая богослужение в присутствии митрополита Филарета, служащие старались «даже не переминаться с ноги на ногу», чтобы не получить замечания со стороны владыки.

Митрополит Филарет был истинный монах, строгий подвижник. Никто не знал, сколько времени он отдыхал. Келейник, уходя от него поздно вечером и приходя ранним утром, заставал его за занятиями.

Принявший при постриге имя праведного Филарета Милостивого, он был его подражателем в делах милосердия. Нескончаемы были пожертвования бедным.

Во многих проповедях святителя чувствуется стремление его в пустыню, вдаль от многомятежных, но необходимых дел правления. Эти наклонности к уединенному подвижничеству он удовлетворил, создав близ лавры в 1844 году Гефсиманский скит.

Филарет был самым усердным, горячим почитателем великого подвижника земли Русской преподобного Сергия и словами редкой силы и вдохновения рисовал в своих проповедях дивный образ основателя Свято-Троицкой лавры.

Сильное впечатление производил вид святителя. Очень небольшого роста, весь истонченный постом, он был полон какой-то духовной силы. Острого взгляда его пронизательных очей никто не мог выдержать.

Православный народ чтит святителя Филарета как тепло-го молитвенника. Еще при жизни все притекавшие к владыке с верой и просившие его святых молитв получали исцеления.

Незадолго до кончины святитель во сне увидел своего родителя, который сказал ему: «Береги 19-е число». Исполняя сие слово, он служил 19 сентября и 19 октября, несмотря на свои немощи. Настало 19 ноября. В этот день он с особенной бодростью совершил Божественную литургию и тихо почил. Святитель Московский, умыв лицо и руки, встретил грядущего к нему Ангела смерти и поклонился ему до земли, давно уже готовый душевно и телесно идти вслед за ним, чтобы предстать Господу своему, Которого пришествие он возлюбил от юности своей и Которому он работал со страхом и трепетом до последнего часа. Кончина его была безболезненной. Погребен в Троице-Сергиевой лавре, в приделе праведного Филарета Милостивого в Свято-Духовской церкви. Этот придел был устроен в память 50-летнего служения владыки Филарета в епископском сане.

В конце 30-х годов XX века честные останки митрополита Филарета, видимо, подверглись поруганию при сносе Филаретовской церкви и небрежному обращению (в целом) при прокладке теплосети в 1956—1957 годах, когда они вместе с останками святого митрополита Иннокентия (Вениамино-

ва; †1879; память 31 марта/13 апреля, 23 сентября/6 октября) и архимандрита Антония (Медведева; †1877) были сброшены в общую яму, вырытую рядом с местом их первоначального захоронения. При раскопках, проведенных 10—14 октября 1994 года археологом С. А. Беляевым, они были извлечены из этой ямы и идентифицированы. Лишь две кости от останков митрополита Филарета оказались запрятанными в 1957 году в особом тайнике в стене Свято-Духовского храма.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 декабря 1994 года святитель Филарет был причислен к лику святых. Мощи святителя Филарета первоначально были перенесены в Трапезный храм во имя преподобного Сергия, а затем в Успенский собор Троице-Сергиевой лавры.

9 июня 2004 года мощи святителя Филарета были перенесены в Москву в кафедральный соборный Храм Христа Спасителя.

Митрополит Мануил (Лемешевский)

БОГОМУДРИЕ СЛОВА И ЖИЗНИ

Ежедневная молитва Господу Иисусу Христу

Господи: не знаю, чего мне просить у Тебя? Ты один ведает, что мне потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дажь рабу Твоему — чего сам я и просить не умею. Не дерзаю просить — ни креста, ни утешения! Только предстою пред Тобою; сердце мое — отверсто. Ты зри нужды, которых я не знаю. Зри! — и сотвори со мною по милости Твоей: порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Предаю Тебе. Нет у меня желания, кроме желания — исполнить волю Твою... Научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь.

Слово в Великий пяток

Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 1806 году

*Совершишися!*¹ (Ин. 19:30) — возопил Иисус на кресте, и возопил *гласом велием*, дабы он услышался в небесных, и земных, и преисподних — гласом, который расторгнул церковную завесу, чтобы показать прехождение законной сени; гласом, который потряс землю и прошел в сердца гор каменных, дабы в то же самое время проникнуть и — ежели сие возможно всемогуществу — смягчить каменное сердце ожесточенного

народа. Но *одебеле сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и исцелю я* (Ис. 6:10), — жалуется Врач душ и телес.

О, Распятый! Мы и в отдалении многих веков слышим вопль Твой, видим язвы Твои — и оружие скорби сердце наше проходит. *Совершишися!* Но Икупитель продан, истина осуждена, святость поругана, Бог *оставил* Бога (Мф. 17:46). *Совершишися!* Но благословение израилево на древе проклятия, но чаяние языков умирает. *Совершишися!* Но падший человек вновь падает ниже прежнего — самоубийца делается «богоубийцей». Какой ужас! Кажется, ад радостно скрежещет, и гордый враг наш хочет уверить себя и своих единомышленников, что «все совершилось», — значит «все погибло».

О, Распятый! Мы не соблазняемся о Тебе; мы с учениками Твоими *глаголем Тя быти Христа, Божию силу и Божию премудрость* (Мф. 16:16; 1 Кор. 1:24); мы веруем, что Ты *глаголы живота вечнаго имаши* (Ин. 6:68). Исцели словом Твоим рану Твоими ранами пронзенной души, а вместе загради уста глаголющих несправедное; научи нас тайне страданий Твоих; открой нам, *какое великое дело и для кого с Твоею кончиною окончилось?*

Христиане! Он не ответствует нам более. Уже *Он преклонил главу, предаде дух* (Ин. 19:30), как бы желая оставить нас в размышлении при кресте и гробе Своем.

Совершишися! Не думайте, чтобы умирающая Премудрость оставила нас в неведении о таинственном знаменовании сего изречения. Мы находим его пространное изъяснение, начатое в книге бытия человеческого и оконченное в книге жизни Иисусовой. Чтение сих великих книг может и должно занимать целую жизнь, но несколько строк из каждой достаточно вразумить нас.

Первая из сих книг подобна Иезекиилеву свитку, *в нем же вписано бяше рыдание, и жалость, и горе* (Иез. 2:10); или, точнее, сей грозный свиток есть один лист оной. Естественное положение племени Адамова заключает в себе не токмо рыдание,

но и отчаяние, не токмо жалость, но и ожесточение, не токмо горе, но и гибель. *Помышляет* человек *прилежно на злая* (Быт. 6:5); за сим необходимо следует целый поток зла, который от мыслей распространяется на все дела, поглощает все способности и по внешнем даже состоянии ничего не производит, кроме опустошения. Несчастный в сем бурном океане теряет часто самое чувствование потерянных совершенств. Не имея вещественного счастья, он приемлет за него призраки лъстивого воображения. *Богат есмь, и обогатихся*, — говорит он, хотя и природа, и закон, и совесть обличают его: *Ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Апок. 3:17). Сократим бесконечное рукописание, которое вы не можете не знать, пища в нем каждый участь свою слезами и кровию. Зачинаться в беззакониях, рождаться во грехах, жить среди страхов смерти, умирать в страхе жизни — *сия книга бытия человека* (Быт. 5:1).

Может ли правосудный Бог без пламенного гнева взирать на ежеминутного преступника? Может ли благий Творец с хладным пренебрежением внимать стоны бедствующей твари? Правосудие пробуждает мстительные громы, благость удерживает руку, готовую пустить их. Милосердие хочет подать страдальцу чашу спасения, бесчувственный сын погибели не терпит и напоминания о врачевании лютой болезни своей. Если бы неограниченная Премудрость не знала средства согласить непостижимые сии противоречия, разрушающие гармонию созданий и союз их со своим Создателем; если бы не умела примирить — да, скажем человечески, — Бога с Богом и потом Бога с человеком, то бы никогда не было речено в предвечном совете: *Сотворим человека* (Быт. 1:26). В плане бытия мира должно быть назначено «пакибытие» нравственного ничтожества — человека.

Раскроем другую книгу и прочтем чудесное событие сего предопределения — *Книга родства Иисуса Христа* (Мф. 1:1). Он есть Сын Божий, *сияние славы Отчи и образ ипостаси Его* (Евр. 1:3); Он есть сын человеческий, *приискренне приобщившийся плоти и крови* (Евр. 2:14). Он — Бог, чтобы иметь силу понести на Себе немощи человеческие; Он — человек, чтобы

сделать человека *причастниками Божественного естества* (2 Пет. 1:4). Он — сын Адамов, дабы вторым быть Адамом новых чад Божиих; — Авраамов, чтобы по образу Исаака представить Себя чистейшею, совершеннейшею жертвою Господу; — Давидов, чтобы наследовать и восстановить Царство благодати. Наконец, Он есть вечная Любовь, низведшая соединить с собою отчужденных от нее грехом смертных, удовлетворив за них Небесному Правосудию.

Так самое рождение Иисуса указывает на Его смерть. И какой величественный свет простирается над крестом, из сей точки зрения рассматриваемым! Сие титуло, содержащее вину невинного, сии служители мстящих законов, сие орудие казни — все сие произвольный Страдалец собирает окрест Себя для того, чтобы напомнить нам определение Вышнего Судилица, которое исполняет земное неправосудие, в слепом неведении водимое одной злобою. Сии простертые руки объемят и поддерживают мир над бездной, изрытой под ним его развратом. Сей угасающий взор еще испускает луч милосердия и, будучи устремлен горé, тысячекратно повторяет молитву, не только за виновных мучителей, но и еще более за совинный человеческий род воссылаемую: *Отче! Отпусти им* (Лк. 23:34). Сия Божественная кровь... О, любовь бесконечная! Одной капли ее довольно было бы омыть наши беззакония и угасить геенну нашу, а Ты проливаешь ее потоками! О, Милосердый даже до немилосердия! Прости упрекам изумленной благодарности! — Довольно, довольно! — Или нет! Проливай до истощения сей неистощимый ток блаженства, сию воду жизни! Ах... я не знаю, что мне делать — плакать или радоваться? Плакать ли о Твоей смерти или радоваться о моем в ней бессмертии? Но уже довольно! У креста Твоего *милость и истина сретостся*; у гроба Твоего *правда и мир облобызастся* (Пс. 84:11). *Совершишися!*

Искупление проданного под грех совершено, бесценная цена заплачена за его свободу: но что, если неключимый раб любит свои оковы; если не имеет и не хочет иметь понятия о даруемой ему свободе? — Божия сила и Божия премудрость

должны были преодолеть сие затруднение, и — о, чудо жестокости человеческой! — в немногие дни Ходатай наш преклонил Бога к человеку. Целые годы неутомимых трудов потребны Ему были для обращения человека к Богу; по-видимому, легче было для Него положить предел вечной Вечного вражде, нежели ограничить дерзость праха, вихрем непостоянства возметаемого. За чистейшее учение, за пример святейшей жизни, за поражающие знамения, за бесчисленные благодеяния Он требовал вместо благодарности одного согласия принять новое, величайшее благодеяние. Сими златыми оружиями наконец победил Он неверие и торжественно исповедался Отцу Своему: *Аз прославих Тя на земли; дело соверших, еже дал еси Мне; явих имя Твое человеком* (Ин. 17:4, 6). Я напомнил Тебя забывшим о Тебе; проповедал им славу благодати Твоей, и вместо имен, коими земнородные доселе называли Тебя и которые приводили только их в трепет, открыл им сладкое имя Отца, которым Я даю им область призывать Тебя. Я достиг цели Моего посольства. *Совершишася!*

Но, о Совершитель благодатного о нас смотра! Не для всех ли человеков Ты совершил его? Для чего же еще не все наслаждаются плодами Твоих подвигов? Ты явил имя Отца Небесного, почто же и ныне слишком много таких, *иже древу рекоша: яко отец еси Ты; и камени: Ты мя родил еси* (Иер. 2:27). Доколе, Господи, доколе? Что я сказал? Пусть таким образом вопрошают те, которым *слово крестное юродство есть* (1 Кор. 1:18). Для чего столь наглým любопытством хотел раздрать завесу непроницаемых судеб? *Нестъ наше разумети времена и лета* (Деян. 1:7); наше есть только желать любовью и молить духовного Вертоградаря, *да все дивии ветви прицепятся к плодоносному древу веры, да исполнение языков внидет в Церковь, и весь Израиль спасется.*

Обратим лучше заботливость нашу на самих себя. Для всех ли нас во всем пространстве совершилось великое дело Иисусово? — Увы! И солнце не освещает вдруг всей земли, угрюмая ночь не стыдится ступать по его следам и расстилать свои мраки в местах, им посещенных. Самая глубокая

тишина не есть прекращение бури, но только ее действие в других странах воздуха... Пусть бы одна только буря закрыла тучами Солнце правды, пусть бы единожды пострадал и распялся Сын Божий, но тягчайшие страдания Его еще не кончились. Его апостол и между чадами нового Израиля видит извергов, *второе распинающих Его* (Евр. 6:6). Паки оставленную добродетель окружают противные полчища. Паки в жилище благочестия чистая теплота ревности оскудевает; а суеверие и гонение *возгнетают* свой *огнь* (Лк. 22:55), изгребием и плевелами питаемый. Паки робкое и вероломное сердце, страшись трудных путей Иисуса, едва осмеливается следовать за Ним издалека и при малейшей опасности от Его врагов, или даже по одному стыду от Его поносителей, отрицается Его с клятвою: *Не знаю человека* (Мф. 26:72). Тщетно Христовы «алекторы»² на сих священных местах возглашают жалостную песнь: она не извлекает более слез раскаяния, она проста и единообразна, как истина, и не трогает искусственной чувствительности³. Паки Святой предается нечестивому суду — суду неочищенного верой разума. Новый Пилат вместо беспристрастного исследования старается показать мнимую власть свою, представляя Его в чужой одежде и странном виде. Мятеж неистовых страстей умножается, слабый оный судия слышит вопль: *Распи Его* (Ин. 19:15) и, в угождение зверству сей толпы и князю века сего, отказывается далее защищать справедливость. Паки венчает Христа тернием — нега; напояет желчию и оцтом — невоздержание; жестокосердие к меньшим Его братьям обнажает Его и заставляет алкать и жаждать; злоба источает кровь Его; корыстолюбие и грабительство разделяют ризы Его; самолюбивое суемудрие и упорное невежество уже с большим, нежели в первом мучении, бешенством раздирают Его нешвейный хитон, терзают самое тело Его на части; вольнодумство и неверие прободают Его сердце. И здесь все совершается, но совершается к совершенному осуждению богоубийственного нечестия, а во благо, во спасение ничего не совершается. *Се лежит Сей* и по смерти Своей, так как прежде в пеленах, не токмо на *возста-*

ние, но и на падение многим (Лк. 2:34) — многим, которые, гонясь за высокоумными мечтаниями своими, претыкаются о гроб Его и невозвратно в преисподнюю низвергаются.

Вы безопасны от сего преткновения, слушатели, когда столь внимательно и внешним, и внутренним оком рассматриваете гроб сей, когда ваше сердце не распинает Иисуса, но сраспинается Ему. Таковые расположения составляют славу настоящего дня и ваше будущее блаженство. Нести крест самоотвержения и терпения, восходить на самую высоту любви к Божеству и человечеству, распинать плоть со страстями и похотьми, умирать миру, чтобы жить Богу, — сие есть стяжать все, что совершил Богочеловек; сие дает право каждому подражателю его при конце своего течения и чувствовать и говорить: *«Совершишиися!»* Совершитель нашего спасения! Соверши стопы наши во стезях Твоих. Жизнь умершая! Оживи нас Тобою во веки. Аминь.

Слово во Святой и Великий пяток

Говорено в придворной соборной церкви в 1812 году

*Дщери Иерусалимски, не плачитесь о мне,
обаче себе плачите и чад ваших.
(Лк. 23:28)*

Ах, утеха израилева! — так ли ты утешаешь Израиля?

Муж болезней из Врача душ и телес, Агнец среди волков из Пастыря заблудших овец, Судия осужденный преступниками, Царь славы, поруганный рабами, Слово умолкающее, Свет угасающий, сый Воскрешение и Живот, но умирающий и погребаемый — о Тебе ли не плакать?

О чем же сетует небо, содрогается земля и каменею воздыхает? Неужели сей есть *день твой*, который Авраам, отец наш, *рад бы был видеть, и виде и возрадовася* (Ин. 8:56)?

И теперь ли нам плакать о себе самих? Если бы весь Израиль, если бы весь род человеческий, если бы весь мир погибал

теперь, — сего мог бы не заметить взирающий на Богочеловека страждущего.

Стоит ли неизмеримость творения единой капли крови Твоей, стоят ли все времена и лета единой минуты скорби Твоей, Иисусе!

Но я забываюсь. Я не пришел препираться с Тобою о любви Твоей, довольно уже препираемый и попираемый злобою, Человеколюбец! Я пришел возвестить волю Его вам, сопровождающие Его в пути креста и гроба, дочери Нового Иерусалима, души христианские!

Он видит благочестивую скорбь вашу — и в ней самой открывает для вас источник исцеления. Он хочет, чтоб из созерцания крестной смерти Его вы почерпали вкупе и сладкое утешение, и спасительное сокрушение. Утешение о Нем: *не плачьтеся о Мне*. Сокрушение о себе: *себе плачете и чад ваших*.

Повинемся нашему кроткому Наставнику в сии наипаче минуты, когда Он так мало имеет повинующихся.

Что такое заставляет нас плакать при виде страдания и смерти? Если разрушение находится в законах бытия, то почему действие природы ужасно для самой природы? Если бессмертная душа возмущается тлением как противным существу ее — почему более поражает ее преходящий образ тления, нежели бессмертие существенное и неотъемлемое?

Будем внимательнее к самим себе, и мы заметим, что болезни смертные отзываются иною предшествующею им болезнию человеческого естества — болезнию *греха*, который *рождает смерть* (Иак. 1:15). Убо где грех теряет свою силу, там должно притупиться и болезненное жало смерти.

Христос греха не сотвори (1 Пет. 2:22). Сколько ни разглашал князь тьмы устами своих единомышленников, *яко человек сей грешен есть* (Ин. 9:24), дабы затмить сию вожденную для нас невинность, сию святость Божественную — ее осияло полдневным светом самое осуждение Иисуса.

Посмеиваясь шатаниям восстающих на Него, провидение повелело единому от среды их проповедать о Нем то, в

чем не верили Его последователям, Его учению, Его житию, Его знамениям. Пилат в то самое время, когда уступает воплям кровожадной толпы: *Распи, распи Его* (Ин. 19:15), сам не престаёт вопиять: *Аз ни единыя вины обретаю в Нем* (Ин. 18:38).

Соглашается пролить кровь Его, но не иначе как умовенными в Его неповинности руками.

Итак, пусть страждет Иисус, но да не радуются враги Его и да не унывают Его любящие: Тот, иже есть Истина и Святость, не вотще вменяется с беззаконными. Пусть умирает Иисус, но да трепещет смерть, приемлющая Его в свое владычество: ее права не простираются на безгрешного. *Не мощно держану быти Ему от нее* (Деян. 2:24).

Да не будет, христиане, чтобы мы нашего Вождя воображали хотя на минуту побежденным, когда видим Его мучима или бездыханна. Не случай или насилие ведет Его крестным путем: *Он идет по предоставленному* (Лк. 22:22).

Не исторгают Его душу: Он *ее полагает* (Ин. 5:18).

Давно назнаменал Он смерть свою народам; возвестил ученикам; носил в уме и сердце так, что за неосторожное желание поколебать в Нем сию мысль друга, которого недавно называл *камнем веры*, которому *вверял ключи Царства Небеснаго*, поразил ужасным наименованием *сатаны* (Мф. 16:18, 19; 22, 23).

Вчера на вечерней трапезе ясно предначертал Он события настоящего дня — и предложил в снедь свое тело, ныне терзаемое, дал в питье кровь, ныне изливаемую. Он указал своего предателя и принял его измену, подобно как служение: *друже, твори на неже пришел еси* (Мф. 26:30). Легионы ангелов ожидали повеления ополчиться окрест Его; единое слово Его: *Аз есмь* (Ин. 18:5) явилось сильнее легионов; но не торжества хотел Он, а плена, унижения и смерти.

Теперь уже не время, подобно Петру, пререкать сей любви к страданию. Нам предоставлено проникнуть в тайну оную, дабы не токмо утешиться в смерти Иисуса, но и возблагодарить к ней. В своей смерти, слушатели, Он любит человека.

Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3:16).

О сей-то, конечно, любви написал Премудрый: *Крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность* (Песн. 8:6).

Поелику жизнь показалась человеку сомнительною споручницею любви Божией: сия любовь обручает его себе смертию.

Человек отпал от любви Божией; ревность, яко ад жестокая, отверзла в его падении ад: но любовь, яко смерть крепкая, умирает за него и утоляет ревность, затворяет ад, воспаляет его любовь угасшую, дает ему жизнь новую.

Страждущий Ходатай Бога и человеков примиряет ревность, почивающую во святых, со всеобъемлющею любовью, правосудие с милосердием, смерть с жизнью, человека с Богом.

Смерть Иисуса есть средоточие сотворенного бытия, и возвешенным от Него *совершением искупления* (Ин. 19:30) выполняется *совершение творения* (Быт. 11:2), предуготовляется *совершение всеобновления* (Апок. 21:6).

Судьба мира висит на кресте Его; жизнь мира лежит во гробе Его. Сей крест озаряет светом плачевную страну жизни; из гроба сего взыдет солнце блаженного бессмертия.

Только наш грех посрамляется на кресте; только наша смерть погребается во гробе; но Сын Божий прославляется, но Богочеловек побеждает.

О, кресте славы! Не буди отныне древом проклятия и ужаса, но древом благословения и мира; повергни к подножию твоему языческие оливы и лавры; взыди на священные венцы державных глав; будучи свидетелем и орудием подвигов, буди также их воздаянием и украшением; являйся любящим Тебя во всей природе; паче же водрузися в сердцах наших, *да не будет нам хвалиться, токмо о тебе, кресте Господень* (Гал. 6:14).

И ты, гробе жизни! Утвердися непоколебимо среди воинствующей Церкви, яко победное знамение, и, услаждая ее воспоминанием победы, одержанной Главою ее в единоборстве

противу князя тьмы, предвозвещающей ей победу во всеобщей брани противу царства тьмы!

Но что мы видим, слушатели!

Гроб нашего Иисуса окружен мраком и сетованием, подобно гробам смертных. Неужели Церковь не знает тайны сего гроба животворящего?

Нет, она полагает на нем токмо нашу собственную печаль; она повторяет нам Господню заповедь сокрушения о себе самих: *себе плачите и чад ваших*.

Сколько страдания Господа нашего выше сострадания по их Божественному величию и блаженным последствиям, столь далеке отстоят от утешения те, которые дерзнули восстать на своего Избавителя и поругаться Святому Божию. Те, которые принесли Его на жертву своему корыстолюбию, любочестию, человекоугодию, не могут довольно себя оплакивать и быть оплакиваемы.

Весь Иерусалим — Иисус не исключает ни *дщерей иерусалимских*, ни *чад их*, — весь Израиль достоин испытать горькую чашу от руки того, *иже отдает грехи отцев на чада и на чада чад* (Исх. 32:7).

Ослепленный чувственностью и суеверием народ *не разумел времени посещения своего* (Лк. 19:44), и так он узрит посреди себя мерзость запустения.

Он торжественно принял *кровь праведника на себя и на чад своих* (Мф. 27:25), за то скоро позавидует бесчадию.

Се дние грядут, в няже рекут, блажены неплоды (Лк. 23:29).

И уже Иерусалим разрушен; Израиль оплакан, однако Иисус гласом Евангелия и Церкви доселе зовет: *себе плачите и чад ваших*. Нет ли убо и еще виновных в Его страданиях? — Увы! И кто же не виновен в Его страданиях?

Он есть *Агнец Божий, вземлющий грехи* не Иерусалима, не Израиля, но *мира* (Ин. 1:20), всего мира. *Он грехи наша носит, и о нас болезнует* (Ис. 8:4).

Будучи все потомками единого грешника и *чадами гнева по естеству* (Ефес. 2:3), мы наследовали горестную необ-

ходимость быть виною страданий Сына Божия; мы были Его врагами прежде, нежели могли возлюбить Его, прежде, нежели вкусили жизнь; Он терпел от нас и для нас болезни смертные.

Не знаю, долготерпеливе Господи! какие наипаче слезы мы должны за сие приносить Тебе: горькие ли слезы покаяния, или сладкие слезы любви и благодарности.

Грех наследственный не есть единственное бремя, под тяжестью которого мы страждем и которое возвергаем на страждущего Искупителя.

С какою неутомимою деятельностью мы умножаем печальное наследие Адама даже и тогда, когда поклялись обнажить себя, *совлецися ветхаго человека и облещися в нового* (Кол. 3:9 — 10).

Слава Всеблагову, если благодатный Иерусалим не имеет ни своих фарисеев, ревностию по славе Божией облакающих мирское славолубие;

ни саддукеев, пренебрегающих Царствие Божие, потому, что оно не есть плоть и кровь; ни книжников, желающих *писмением* закона губить *дух* Евангелия;

ни лжебратий, самым лобзанием уязвляющих Иисуса;

ни малодушных человекоугодников, истинною Божиею жертвующих буйству человеческому:

да не видим — что, к сожалению, видел уже апостол — *второе распинающих Сына Божия* (Евр. 6:6).

Нет ли, по крайней мере, таких, которые, подобно Петру, и после искренней решимости не разлучаться с Господом в животе и смерти, смутясь от гласа коварной рабыни — плоти, не смеют произнести пред нею даже имени Его: *не знаю человека* (Мф. 26:74)! и особенным только воззрением благодати возвращаются к своему обету? И можем ли мы довольно иметь Петровых *горьких слез* (Мф. 26:75), дабы оплакать таковые преткновения, которые все приражаются к сердцу нашего Восставителя?

Кто не плачет с Петром, тот да плачет со дочерьми иерусалимскими. Кого не смиряют прежние падения, кого не смягчает милосердие Божие, того да сокрушит страх будущего.

Себе плачите и чад ваших.

Чада Иерусалима нового! Довольно ли разумеваем и мы время нашего посещения?

Соделав спасение наше посреде земли, Господь *почил от своего дела* второго творения. Ожидаем ли мы после сей *субботы* Его иного дня, великого и просвещенного, в который Он *воскреснет*, дабы *судить земли* (Пс. 81:8)?

Дух Христов, прежде свидетельствовавший о Христовых страстях, и о словах, яже по сих (1 Пет. 1:11), по видимому, не глаголет нам более: Он скрывается во гробе обрядов, под печатию маловерия, за стражею земной мудрости; и покой долготерпения Божия погружает нас в сон, подобный сну дев юродивых. Но долготерпение Господа не есть коснение, и покой Его не есть дремание. *Аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5:2).

Он исчисляет лета и дни; взирает на преливающуюся меру беззакония; болит о страданиях и терпении своих избранных, столь давно уже к нему взывающих: *Востани, вскую спиши, Господи* (Пс. 43:24), и призывает день гнева и день суда.

Се дние грядут, в няже рекут: блажены неплоды и утробы, яже не родиша (Лк. 23:29). Не *родившим* в себе духа Христова отраднее будет в страшный день откровения славы Божией, нежели тем, которые имели, но угасили оный небрежением.

Помедли, Господи! Помедли еще со днем славы Твоей: нам еще нужен день нашего сетования. Дай нам оплакать себе самих; и рукописание грех наших, изглаженное Твоею кровию, но непрестанно нами возобновляемое, смыть слезами покаяния.

Сотвори, да заветная кровь Твоя, не будет *на нас*, яко на иудеях, в усугубление смерти уже для нас естественной; но да будет *в нас*, и дает нам новую душу живу от Твоего Духа *животворящего* (1 Кор. 15:45).

Тогда наконец — *воскресни, Боже! Суди земли: яко ты наследииши во всех языцех* (Пс. 81:8). Аминь.

Слово в Великий пяток

Говорено в Александро-Невской лавре в 1813 году

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, от служителей слова? Нет более Слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасения, начало всякого слова «живого и действенного», умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнее и убедительнее сказать *человекам пути живота* (Пс. 15:11), Слово сие преклонило небеса и облеклось плотию. Но человеки не восхотели внимать Слову, растерзали плоть Его, и *се взят от земли живот Его* (Ис. 53:8). Кто же теперь даст нам слово жизни и спасения?

Поспешим исповедать тайну Слова, которая долженствует обезоружить гонителей Его и которая возвращает Его душам, готовым принять Оное. Слово Божие не связуется смертию. Как устное слово человеческое не совсем умирает в ту минуту, когда перестает звук его, но паче восприимлет тогда новую силу и, прошед чрез чувство, вселяется в умах и сердцах слышавших: так Ипостасное Слово Божие, Сын Божий, в Своем спасительном вочеловечении, умирая плотию, в то же время *исполняет всяческая* (Еф. 4:10) Своим Духом и силою. Посему-то, когда Иисус Христос изнемогает и умолкает на кресте, тогда и небо, и земля дают Ему глас свой, и умершие проповедуют воскресение Распятого, и самое каменье вопиет о Нем. *И померче солнце, и завеса церковная раздрася... и земля потрясая, и каменье распадется... и многа телеса усопших святых восташа* (Лк. 23:45; Мф. 27:51—52).

Христиане! Воплощенное Слово умолкает токмо для того, чтобы сильнее и действенное глаголать к нам, сокрывается для того, чтобы внутренне *вселиться в нас* (Ин. 1:14), умирает, чтобы даровать нам Свое наследие. Будучи собраны Церковью беседовать с умершим Иисусом, слышите *живое слово* (Евр. 4:12) Умершего; слышите данное от Него вам за-

вещание: *Аз завещаю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство* (Лк. 22:29).

Но дабы неблагоприятные мечтания о величии сего наследия не уклонили взоров наших от предписанного пред нами в сии великие дни Распятого Иисуса, заметим тщательнее, христиане, что первые наследники Его не обрели по Его кончине иного сокровища, кроме древа креста, на котором Он пострадал и умер, и сей токмо крест, в подражательных образах, преподали всем желающим участвовать в наследии Царствия. Что сие значит? — То, как Христу *подобаша пострадати*, дабы потом *внити в славу* (Лк. 24:26), которую *имел Он у Отца*, так христианину *многими скорбьми подобает внити в Царствие* (Деян. 14:22), которое завещал ему Христос; что как крест Христов есть дверь Царствия для всех, так крест христиан есть ключ Царствия для каждого сына Царствия. Вот сокращение великого *слова крестнаго* (1 Кор. 1:18), столь необъятного уму, столь удобоприятного вере, столь сильного Богом. Принесем оное, как каплю мира, ко гробу Слова Животворящего.

Прежде нежели вочеловечившийся Сын Божий восприим и понес крест Свой, сей крест принадлежал человеку. В начале своем он был сделан из *древа познания добра и зла*. Первый человек думал испытать только плод его, но едва прикоснулся, как вся тяжесть запрещенного древа, со всеми ветвями его и отраслями, обрушилась на хребет нарушителя Господней заповеди. Тьма, ужас, труды, болезни, смерть, нищета, уничтожение, вражда всей природы — словом, все разрушительные силы, как бы исторгшись из рокового древа, ополчились на него; и низринул бы сын гнева навеки во ад, если бы Милосердие, по предвечному совету, не простерло к нему руки Своей и не удержало его в падении. Сын Божий перенес на Себя бремя, подавляющее человека, усвоил Себе крест его и предоставил ему токмо придерживаться сего креста, без сомнения, не для того, чтобы он вспомоществовал Всемогущему в отношении бремени, но дабы сам, и с малым оставшимся ему крестом собственным, носим был силой креста великого, по-

добно как ладья влечется движением корабля. Так крест гнева преобразается в крест любви; крест, заграждавший рай, становится лестницей к небесам; крест, рожденный от страшного *древа познания добра и зла*, чрез орошение Божественной кровью, перерождается в *древо жизни*. Сын Божий приемлет естество наше и *страданьями совершает* в Себе *начальника спасения нашего*; *искушается по всяческим и вспомоществует искушаемым*; шествует со крестом и *ведет в славу* Своих последователей (Евр. 2:10, 18; 4:15).

Кто измерит всемирный сей крест, понесенный Начальником нашего спасения? Кто известит его тяжесть? Кто исчислит разнообразное множество крестов, из которых он, как из капель море, составляется? — Не от Иерусалима токмо до Голгофы несен крест сей, с помощью Симона Кирияинского. Несен он и от Гефсимании до Иерусалима, и до Гефсимании от самого Вифлеема. Вся жизнь Иисуса была единый крест; и никто не прикасался к бремени его, разве для отягчения оного: *Един истоптал точило ярости Божией, и от язык не бе мужа с Ним* (Ис. 63:3).

Божественное соединяется с человечеством, вечное со временным, всесовершенное с ограниченным, несозданное со Своим созданием, самосущее с ничтожным: какой необозримый и непостижимый крест из сего уже слагается!

Богочеловек, Которого нисшествие на землю прославляют небеса, является здесь в уничиженнейшем возрасте человечества, в малейшем граде малейшего из царств земных; нет для Него ни дома, ни колыбели, кроме убогих родителей, едва несколько пастырей занимаются Его рождением.

Исчисляют Безначальному осьмой день бытия — и порабащают Его кровавому закону обрезания.

Господь храма *приносится во храм поставить Его пред Господом*, и Пришедший искупить мир искупляется *двумя тленцами* (Лк. 2:22, 24).

Тогда как Он еще немотствует, уже изощряется на Него в устах Симеона оружие слова крестного и проходит сердце Его Матери (Лк. 2:34, 35).

Некоторые иноплеменники приходят возвеличить Его именем царя иудейского, но сия малая слава воздвигает на Него злобу иудейского царя, соделывает Его невинной виной кровопролития и принуждает удалиться от народа Божия в страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божия не иначе как с возрастом *преспеваet премудростию у Бога и человеков*. Источник и податель благодати *приемлет благодать* (Лк. 2:52). Тридцать лет Владыка небес и Царь славы сокрывается от неба и земли в глубоком повиновении двум смертным, которых удостоил нарещи Своими родителями.

Чего потом не претерпел Иисус от дня вступления Своего в торжественное служение спасению рода человеческого.

Святой Божий, грядущий освятить человеков, вместе с ищущими очищения грешниками преклоняется под руку человека и приемлет Крещение: воистину крещение, слушатели, то есть погружение не столько в водах, сколько в обилии креста!

Испытующий сердца и утробы Сам поставляется *в искушении*.

Хлеб Небесный предается земной *алчбе*. Тот, пред Которым должно *преклоняться всякое колено небесных, земных и преисподних*, допускает князя преисподних требовать от Себя поклонения (Мф. 4:9).

Ходатай Бога и человеков открывает Себя человекам, но Его или не узнают, или не хотят узнавать. Его учение почитают богохульным (Мф. 9:3), Его дела беззаконными (Ин. 9:16), Его чудеса веельзевуловыми (Мф. 12:24). Если Он чудотворит и благодворит в субботу, его называют нарушителем субботы. Если обращает заблудших и приемлет кающихся, Его порицают *другом грешников* (Мф. 9:19). Там ищут уловить Его словом (Мф. 22:15); здесь ведут Его на верх горы, дабы низринуть (Лк. 4:29); инде возьмлют на Него камение (Ин. 8:59); нигде не дают Ему главы подклонити (Мф. 8:20). Он воскрешает умершего — завистники совещаются умертвить Его Самого (Ин. 11:43, 44, 46, 53). Народ во вратах Иерусалима приветствует

Его царем — все земные власти восстают, дабы осудить Его, как преступника. В избранном сонме Своих друзей Он видит неблагодарного предателя и первое орудие смерти Своей; лучшие из них служат Ему *соблазном*, помышляя человеческое в то время, когда Он идет на дело Божие (Мф. 16:23).

Почиешь ли Ты, Божественный Крестоносец, хотя на единое мгновение от ига, непрестанно возрастающего на раменах Твоих? Почиешь ли, если не для обновления Твоих сил к новым подвигам, то, по крайней мере, из снисхождения к немощи Твоих последователей? — Так, приближаясь к Голгофе, Ты почиешь на Фаворе. Гряди на сию гору славы, да просветится лицо Твое светом небесным; да убелятся ризы Твои; да приидут закон и пророки признать в Тебе свое исполнение; да услышится глас благословения Отчего! — Но не примечаете ли вы, слушатели, как крест последует за Иисусом на самый Фавор и слово крестное не разлучается от слова прославления? О чем там среди толикой славы беседуют с Иисусом Моисей и Илия? — Они беседуют о Его кресте и смерти. *Глаголаста же исход Его* (Лк. 9:31).

Долго носил Иисус крест Свой, как бы не чувствуя его тяжести, наконец «предан был» ему, *аки льву, да сокрушит вся кости Его* (Ис. 38:13). Внидем за Ним с Петром и сынами Завадеевыми в вертоград гефсиманский и проникнем бдящим оком во мрак последней ночи Его на земле. Уже Он не скрывает креста, сокрушившего душу Его: *Прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Мф. 24:38). И молитвенное беседование с Единосущным Отцом не освобождает Его, а удерживает под тяжестью страдания: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хошу, но якоже Ты* (Мф. 26:39). *Носящий всяческая глаголом силы Своя* имеет теперь нужду в укреплении от Ангела (Лк. 22:43).

Может быть, смертная скорбь Иисуса представляется некоторым из нас недостойной Бесстрастного. Да ведают они, что сия скорбь не есть действие нетерпения человеческого, но Божеского правосудия. Мог ли Агнец, *заколенный от сложения мира* (Апок. 13:8), убегать своего жертвенника? Тот, *Его же*

Отец святы и посла в мир (Ин. 10:36). Тот, Который от века принял на Себя служение примирения человек с Богом, могли поколебаться в деле сего служения единой мыслью о страдании? Если Он мог иметь какую нетерпеливость, то разве нетерпеливость совершить наше спасение и облаженствовать нас? *Крещением имам креститесь*, — говорит Он, — *како удержуся, дондеже скончаются?* (Лк. 12:50). Итак, если Он скорбит, то скорбит не собственной, но нашей скорбью; если мы видим Его *быти в труде, и в язве от Бога, и во озлоблении*, то Он *грехи наша носит и о нас болезнует* (Ис. 53:3, 4); чаша, которую подает Ему Отец Его, есть чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он один не восприял, удержал, иссушил ее. Она растворена, во-первых, преслушанием Адама, потом растлением *первого мира* (Быт. 6:12; 2 Пет. 2:5), гордостью и нечестием Вавилона, ожесточением и нераскаянностью Египта, изменами Иерусалима, *избившаго пророки и камением побившаго посланнаго к нему* (Мф. 23:37), злостью синагоги, суевериями язычества, буйством мудрецов и, наконец (поскольку Искупитель понес на Себе и будущие грехи мира), соблазнами в самом христианстве: разделением единого стада Единого Пастыря, дерзновенными мудрованиями лжеучителей, оскудением веры и любви в царстве веры и любви, возрождением безбожия в недрах самого благочестия. Присовокупим к сему все то, что мы находим в себе и окрест себя достойным отвращения и гнева Божия, и также все, что стараемся скрыть от своей совести под ухищренным наименованием «слабостей» — легкомыслие и законопреступные утехы юности, закоснение старости, забвения Промысла в счастии, ропот в несчастьях, тщеславие в благотворении, корыстолюбие в трудолюбии, медленность в исправлении, многократные падения после восстания, беспечность и бездействие, свойственные владычеству роскоши, своеволие века, надменного мечтою просвещения: все сии потоки беззакония сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания; весь ад устремился на сию небесную душу; и дивно ли, что она была прискорбна даже до смерти.

Наше слово изнемогает, слушатели, чтобы провожать еще великого Страдальца от Гефсимании до Иерусалима и Голгофы, от внутреннего креста до внешнего. Но совершаемые ныне Церковью тайнодействия уже преднаписали нам сей путь и сей последний крест. Он столь болезнен, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжек, что земля потряслась под ним. Претерпеть в чистейшей непорочности все мучения, внутренние и внешние, тягчайшие и поноснейшие, и претерпеть вместо награды за соделанные благодеяния; страдать Всесвятому от пребеззаконных, Творцу от тварей; страдать за недостойных, неблагодарных, за самых виновников страдания; страдать для славы Божией и быть оставленным Богом — какая неизмеримая бездна страданий!

Боже наш! Боже наш! Вскую оставил еси Возлюбленного Твоего? — Ей, Господи! Ты оставил Его в мале, дабы навеки не оставить нас, Тебя оставивших. Отныне Он *воцаряется: облачается в лепоту, препоясуетя силою, и утверждает вселенную, да не подвижится* (Пс. 92:1). *Вознесенный от земли крестом, Он простирает его на землю и вся привлекает к Себе на небо* (Ин. 12:32).

Но сколь ни велика и Божественна все привлекающая сила Иисуса Христа, Он не иначе может *влести нас в след Себе* (Песн. 1:3), как чрез водружение креста Своего в нас и сопряжение с Его крестом креста нашего. *Иже хочет по Мне ити*, — глаголет Он, — *да возмет крест свои и последует Мне* (Лк. 9:23). Ибо хотя заветной Своей кровию и крестом Своим совершил Он очищение от грехов и от проклятия искупление всего мира и отверз нам вход во святая святых; но поскольку туда не входит никто, кроме жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя в руки сего великого, *по чину Мелхиседекову*, священника; поскольку клятва есть плод греха, грех же утверждается своим корнем в свободной воле, то для усвоения себе очищения и искупления правды и благословения Христова мы должны свободно предать волю свою крестному в нас действию Христову. Для сего-то те, которые истинно постигли заключенную в слове крестном силу Божию, столь часто и примером и

словом поучают нас *сораспинатися Христу, распинаться миру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себе самим, исполнять лишение скорбей Христовых во плоти нашей* (Рим. 6:6; Гал. 6:14; 5:24; Рим. 14:7; Кол. 1:24).

Чем неослабнее и терпеливее мы носим бремя креста нашего, тем обильнее подаются нам дары Божии, приобретенные крестом Христовым. *Якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1:5). Грешник, который от усиленного ношения креста своего переходит наконец к распятию себя на нем, с совершенной покорностью подвергаясь всем действиям очистительного правосудия пред лицом распятого Иисуса, вскоре услышит с разбойником радостный глас Его: *Днесь со Мною будеши в раи*. Страдание в присутствии Христа и по образу Его есть преддверие рая.

Как видимый, вещественный крест есть державное знамение видимого царства Христова, так крест таинственный — печать и отличие истинных и избранных рабов невидимого Царствия Божия. Он есть драгоценный залог любви Божией, жезл Отчий, не столько наказующий и сокрушающий, сколько *пасущий и утешающий* (Пс. 2:9; 22:4), очистительный огонь веры, спутник надежды, укротитель чувственности, победитель страстей, возбудитель к молитве, страж чистоты, отец смирения, наставник мудрости, пестун сынов Царствия. Где воспитаны все великие ангелы, водители и хранители Церкви — Иосифы, Моисеи, Даниилы, Павлы? — В училище креста. Когда благоденствовало вся Церковь возрастала, процветала и приносила плод во святыню? — Тогда, как вся нива Господня непрестанно раздираема была крестом и напояема кровию мучеников. Кто суть те, которые окружают славный престол Агнца? Вопросили Иоанна в видении: *Сии облеченнии в ризы белыя кто суть, и откуда приидоша?* И когда он не мог узнать их в Божественной славе сей, то ему сказано, что то были запечатленные крестом: *Сии суть, иже приидоша от скорби великая* (Апок. 7:13, 14).

Кто же суть те, которые желают *изпразднить крест Христов* (1 Кор. 1:17) и мнят *уразуметь силу воскресения Его*

без *сообщения страстей Его* (Флп. 3:10)? Если един Христос есть и *живот и путь* (Ин. 14:6) к животу, то как могут они достигнуть живота Христова, не шествуя *путем* Его? Могут ли изнеженные сии члены быть в союзе тела, которое *считивает* себе увенчанная тернием Глава (Еф. 4:15, 16)? Можно ли членам быть в покое и беспечности, когда Глава в труде, и в язве, и во озлоблении; забываться в шумных радостях, когда Она объята болезнями смертными; упиваться из полной чаши мирских удовольствий, когда Она жаждет и вкушает оцет; превозноситься, когда Она преклоняется; не хотеть ниже минуты поболеть о собственных грехах и беззакониях, когда Она за чуждые страждет и умирает, жить миру и плоти, когда Она предает дух свой Богу?

О, человек, влекомый благодатию Господа твоего на небо, но погрязающий плотию в мире! Видь образ твой в человеке, погружающемся в водах и противоборствующем потоплению; он непрестанно возобновляет в членах своих образ креста и таким образом преодолевает враждебные волны. Воззри на птицу, когда она желает вознестись от земли: она простирается в крест и возлегает. Ищи и ты в кресте средства изникнуть от мира и вознестись к Богу. *Слово крестное спасаемым сила Божия есть*. Аминь.

Беседа в Великий пяток

Говорена в Александро-Невской лавре в 1815 году

*Видите, како праведный погibe,
и никтоже не приемлет сердцем.
(Ис. 53:1)*

Есть предметы, для которых самое обильное человеческое слово так скудно, как немощствование младенческое, и которые сами о себе говорят более, нежели всякое человеческое слово. Таков, христиане, великий предмет, которым теперь должны быть исполнены наши мысли, сердца и самые чувства.

Чего, впрочем, не сделала со своей стороны Церковь, дабы *глас крове* Христовы, ныне пролиянной, *лучше глаголюция*, нежели Авелева, слышан был в сердцах ваших!

Сколько раз открывались ныне пред вами писания пророческие и апостольские, и единое *слово крестное*, посредством разных звуков, искало согласить с собою ваши чувствования.

Сколько возглашено пред вами песней, могущих питать сладкую и спасительную *печаль, яже по Боже!* От заветной вечери, на которой хлеб и вино преложены в Тело и Кровь Господню, до вечери крестной, на которой Тело и Кровь Господня уготованы в брашно и питье духовное; от вертограда гефсиманского, где дух Великого Страдальца сражался со смертными ужасами, до вертограда Голгофского, где плоть Его успокоилась в объятиях гроба;

от первого уязвления уст Его лобзанием Иудиним — до последнего уязвления сердца Его сквозь ребро прободенное;

от молитвы, которою Он вручал оставляемых и сиротствующих учеников Своих Богу Отцу, до молитвы, которою предал Ему собственный дух, также оставленный и сиротствующий;

от крепкого гласа, низложившего иудейское полчище, до крепчайшего вопля, потрясшего землю, — сколько тайн страдания, сколько чудес долготерпения показано вам ныне в чистом зеркале слова Божия!

Наконец, дабы внушить вам, что совершаемое здесь не есть одно воспоминание прошедшего, но паче созерцание настоящего, ибо *Агнец, заколенный от сложения мира* (Апок. 8:8), еще закалается и будет закалаться до скончания мира, — Церковь даже чувственно показывает вам плащаницу погребения Иисусова с видимым изображением невидимого ныне тела Его, и таким образом всех здесь предстоящих поставляет вместе с Иосифом Аримафейским и Никодимом.

После сего надобно ли служителю Слова пролагать иной путь к вашему сердцу, как разве указать только на то, что уже видите в совершаемых ныне тайнодействиях, и сказать словами пророка Исаии: *Видите, како праведный погиге?*

Но пусть каждый из нас, христиане, войдет теперь в собственное сердце с испытанием: какое участие приемлет оно в неизреченных страданиях Божественного Искупителя?

Верно ли сопровождали мы Его по всему скорбному Его пути благоговейным созерцанием и умилением?

Облагаем ли мы теперь, как Иосиф, крестную наготу Его чистыми помышлениями?

Приносим ли Ему, как Никодим, духовное благоухание молитвы?

Не так ли токмо притекаем мы ко гробу Его, как гонимые ветром волны притекают ко берегу и паки утекают? — Может быть, при таковом самоиспытании, недавно произнесенные слова Исаии совсем иначе отзовутся в душах наших; может быть, многим из нас пророк сей представится стоящ между Распятием и нами, в сугубом изумлении, с одной стороны, о неизреченных страданиях сего Божественного Праведника, с другой — о нашем несказанном равнодушии к сим страданиям: *Праведный погиге, и никтоже не приемлет сердцем!*

Итак, может быть, не излишне будет, если мы углубим несколько наше внимание в сии пророческие слова, дабы хотя обличение законопреступного невнимания расположило нас *принимать сердцем страдания и смерть нашего Спасителя.*

Смотрите, взывает дивящийся пророк, вот зрелище, которому отнюдь не надлежало бы представляться в роде человеческого и которого никто не должен пройти без внимания, когда оно уже представляется: праведника нет более. *Праведный погиге!*

«О чем он говорит?» — вопрошали без сомнения иерусалимляне, услышав Исаиино восклицание, так как, вероятно, и ныне, при повторении слов его, некоторые спросят: «О чем он говорит?»

О кончине ли некоего благочестивого и добродетельного мужа? — Так тут еще нет ничего необычайного, ибо мы смертны все, как грешные, так и праведные?

Или о нечаянной и несчастной смерти праведного и невинного человека? — Но и таковые случаи не столь редки,

чтобы можно было исследовать и оплакать каждый из них, а удивляться им было бы бесполезно.

Или, наконец, дело идет о том, что число добрых и благонамеренных людей непрестанно уменьшается? — Но жалобы на сие столь давни, что могут служить доказательством одинакового с давних времен состояния человеческого: люди — всегда люди; всегда видно в них не столько совершенств, сколько слабостей и недостатков.

Так обыкновенно рассуждают сыны века сего, или, лучше, так они осуждают пророка грозной для них истины прежде, нежели уразумели его. И как разуметь им? Они, как изъясняет тот же пророк, занимаются множеством собственных дел, которые непрестанно влагают в их руки суета и роскошь, а для исследования дел провидения Божия не имеют и времени.

С гуслями, и певницами, и тимпаны, и свирельми, вино пьют, на дела же Господня не взирают, и дел руку Его не помышляют (Ис. 5:12).

Да не будет нам, христиане, толико слепотствовать или столь лукавое иметь око для дел Господних. Будем взирать на происходящее пред нами не в искусственные стекла, увеличивающие или уменьшающие предметы по требованию наших страстей, но простым оком, да видим всякое событие так, как оно исходить из рук провидения.

Праведный погиге! — взывает пророк. Не будем заботливо исследовать, — о потере ли одного из великих действователей Царствия Божия говорит он, или о мученической кончине многих верных рабов Божиих, или вообще об уменьшении на земле праведных и умножении нечестивых, или точно, как думают некоторые учителя Церкви (Тертуллиан, Киприан, Иероним, Кирилл), о крестной смерти единственного под солнцем Праведника — Иисуса.

Дая словам Исаии самое простое знаменование, мы должны принять оные с тем же чувствованием необычайности, с каким и произнесены оныя. Как? *Праведный погиге?* — Надлежало бы погибнуть грешнику.

Хранит Господь вся любящая Его, и вся грешники потребит (Пс. 144:20).

Мужие кровей и лъсти не преполовят дней своих (Пс. 54:24). *Рода неправедного лютая окончания* (Прем. 2:19).

Како убо *праведный погibe*? Если, по слову самой Истины, и *един от вrabиев не падет на земли без Отца Небеснаго, нам же и власи главнии вси изочтени суть* (Мф. 10:9, 30) и ни *един от них не погибнет* (Лк. 21:18): то может ли Царь неба и земли без внимания уронить драгий камень из собственного своего венца и оставить оный на поппране? А если уже и *праведный погibe*, то что наконец будет с грешниками?

Таковы, естественно, размышления, которыми, подобно грому, поражает нашу беспечность оная грозная весть, яко *праведный погibe*.

Долго бы, конечно, естественному разуму искать ключа к разумению сего необычайного в Царствии Божием явления, в котором вышние силы находятся, по-видимому, в споре сами с собою.

Слово Божие озаряет светом сию тайну провидения, и светом, столь же ужасным оку грешника, сколько самый мрак, в котором она предстала ему прежде. *Праведный погibe!* — вопиет Исаия: — *мужие праведнии возьмются!*

Но почто, пророче Божий, творит или попускает Господь сие страшное дело? — Пророк отвечает: *От лица зла взяся праведный* (Ис. 57:1).

Что значит: *от лица зла*? Или от лица зла, содеваемого человеками, от которого праведные более иногда страждут в жизни, нежели в смерти, даже мученической; или от лица другого зла, которым правосудный Бог от времени до времени карает и прекращает зло, содеваемое человеками?

Благоугоден Богови быв, — так изъясняет Премудрый нечаянную кончину праведника, — *возлюблен бысть, и живый посреде грешных преставлен бысть. Угодна бе Господеву душа его: сего ради потщася от среды лукавствия* (Прем. 4:10, 14). — *Аз приложу тя ко отцем твоим*, — глаголет Сам Бог Иосии царю, — *и соберешися во гроб твой в мире, и не узриши*

очима твоима всех злых, яже имам навести на место сие, и на живуция в нем (4 Цар. 22:20).

Так и каждый раз, когда мы видим или слышим, яко *взяся праведный*, мы должны видеть перст, или слышать глас провидения, или обличающего зло *греха*, от которого праведный, как от смертоносной язвы, восхищен к вечному животу, или угрожающего *злом наказания*, от которого был он оградой.

От лица зла взяся праведный.

Бытие праведников между людьми есть тайный глагол провидения, внятно некогда слышанный Авраамом: *не погублю целого града десятих ради*; как скоро хотя один праведный возьмется, *Господь престаёт глаголя* (Быт. 18:32 —33), и гибель висит над главами многих. *От лица зла взяся праведный.*

Есть еще надежда, когда праведный возьмется, и мир чувствует свою потерю. Тогда мир имеет случай лучше узнать людей, *ихже не бе достоин*, устыдить примером их лице зла в нем господствующего и покаянием отворотить лице зла ему грозящего.

Но что, если окаменелые сердца и не чувствуют страданий невинного, и не сокрушаются погибелию праведного, и совсем не примечают, до какой безвестной малочисленности *оскуде преподобный* (Пс. 11:2)?

Сие значить (оскуде), что зло греха всеместно и неисцельно, а потому и зло казни близко и неизбежно. Сие-то истинно гибельное состояние человечества видит пророк и вопиет с изумлением и ужасом: *Праведный погibe, и никтоже не прие млет сердцем!*

Здесь, христиане, дерзнул бы я внести светильник закона Божия и слова пророческого в смутные и темные события наших дней и, сколько позволяет недалёковидность, исследовать, каков ныне и между нами жребий праведников?

Какой суд изрекаем мы на себя и наших современников, когда сами обыкновенно говорим, что наши времена не суть времена святых, что благочестие и нравы отцов наших остались почти без наследников, что бедствия, которыми столь многие невинные жертвы восхищены от среды лукавствия, не остановили, если только не ускорили, успехов лукавствия, — и

говорим о сих печальных явлениях, нас окружающих, с таким участием, как бы о ночных призраках во время дня?

Какие, наконец, виды будущего скрываются за сим блестящим временным благом и чувственных удовольствий, который один мелькает пред нами в настоящем?

Но сии рассматривания удалили бы настоящую беседу от ее меты, к которой она поспешает возвратиться. Пред очами нашими образ Божественного Праведника, в присутствии Которого все праведные человеки с их судьбою скрываются, как звезды при солнце.

Христиане! роде праведных! наследники и подражатели Праведника Иисуса! *Праведный погине! взия праведный!*

Сей высочайший и единственный Праведник Тот, Ему же имя: *Господь правда наша* (Иер. 23:6), который есть самая *правда*, по существу своему, и *правда наша*, по благодати нам от Него подаваемой, *Святой святых и святый* освящаемых, *живый посреде грешных преставлен бысть!* *Краеугольный камень*, на нем же зиждется всякое создание Божие, о нем же и мы *созидаемся в жилище Божие духом, пренебрежен и отвержен живущими!* *Сын Божий возлюбленный, о немже благоволи Отец, возненавиден, поруган и умерщвлен сынами человеческими, сынами гнева и погибели!*

Если тако чистейший цвет человечества, дерево живое и плодоносное сожигается огнем суда Божия, — что же будет с остальным человечеством, с сим деревом бесплодным, прежде прозябения умершим и сухим хвратищем? *Аще в сурове древе сия творятся, в сусе что будет?* (Лк. 23:31).

Восстани *лежащий во зле* и *спящий мир* и виждь, *како праведный погине: от лица бо зла взия праведный.*

Надлежало бы всему миру быть праведным, якоже *сотвори Бог первого человека правого*; и тогда бы Сын Божий, глава праведных, обитал в человеках и царствовал во всем мире, открыто и торжественно, и непрестанно проливал бы свет и силы небесные на землю дотоле, доколе наконец соделал бы ее самим небом. Теперь, поелику мир есть владычество зла, то царство Сына Божия *несть от мира сего* (Ин. 18:36). Посетил

было сей Царь правды землю на краткое время, но и в сие краткое время, — *о роде неверный и развращенный!* — жаловался Он: *Доколе буду с вами? доколе терплю вам?* (Мф. 17:17).

И не стерпел Он зла, или, лучше, зло не стерпело Его присутствия: и се — *несть zde! Потщася от среды лукавствия! От лица зла взяся праведный!*

Но почто взываю я к миру? Не подумали бы слышашие, что сие до них и не касается? — Нет! Кто бы ты ни был предстоящий здесь, хотя един Бог ведает твои дела; но, поелику слово Божие сказует и о тебе, так же, как и о всех прочих, яко *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. 8:21); и поелику ты не можешь не примечать, чаще или реже, *исходящих от сердца твоего помышлений злых* (Мф. 15:19), то реки Богу твоему и ты со мною: и я, Господи, виновен в том, что *взят от земли живот* Праведника твоего Иисуса!

От лица бо зла взяся праведный.

Правда, Сын Божий взяся от лица зла для того, чтобы самое зло взять от лица земли. Смерть Иисуса Христа, будучи обличением растлившего весь мир зла, есть также и врачевство противу сего растления: слава Всемогущему, изводящему из глубины крайнего зла высочайшее благо!

Праведный погibe, да спасутся грешники: *слава Всемилосердому, отвергающему преизбыточество благодати тамо, идеже умножися грех!* (Рим. 7:20).

Только благодать преизбыточествует не для греха, но для покаяния; и благо не сообщается злу, но произникает сквозь развалины зла *в новой твари*. Врачевство не врачует, заключенное в сосуде, но введенное с своею силою в тело болящего посредством правильного употребления; подобно сему всеочищающая и всецелбная кровь Христова для необращающегося грешника есть врачевство в сосуде; и всеобъемлющая заслуга Исккупителя спасает токмо тех, которые *приемлют сердцем* Его страдания и крестную смерть.

Впрочем, вашей, христиане, собственной совести должно быть предоставлено то, сердечным ли сокрушением более о своих грехах или более сердечным упованием на заслуги Ис-

купителя — пристойно каждому из вас, по его внутреннему состоянию, принимать страдания и смерть Христову. Одному хладному равнодушию не должно давать здесь места.

О Христе наш, искупивый нас неисчислимою ценою святейшей Твоей крови! неужели, подобно ветхому Израилю, и сей новый Твой народ, на нем же наречется имя Твое, будет принадлежать Тебе только именем и *приближаться к тебе только усты своими, сердцем же далеке отстоять от Тебе*; и сие тогда, как мы видим Тебя на кресте с отверстыми к нам объятиями, с отверстым для нас сердцем?

Вси пришедшии народи на позор Твоих страданий, сколь ни чужды оные были тайн Твоих, видяще бывающая, биюще в перси своя возвращахуся (Лк. 23:48); мы ли, приснии Тебе суще, отгидем от креста и гроба Твоего как от бесполезного зрелища, с хладным и неумягченным сердцем?

Целый мир разделяет с Тобою Твои страдания, и бесчувственная тварь их чувствует: ибо *и солнце померче, и земля потрясется, и камене распадется*; человек ли не будет иметь сердца и останется без чувства, которое самая бесчувственная тварь хочет вдохнуть ему?

О люте! есть человеки, которых укоряет слово Твое: *одебеле сердце людей сих! Никтоже не приемлет сердцем! Еда мы есмы, Господи?* (Ис. 6:10).

После ужасных страданий распятого Икупителя нет ничего ужаснее, как бесчувствие грешника при сих страданиях. Если страдания или смерть праведных человеков, оставляемые без участия и внимания в мире, по судьбам провидения, бывают грозным предвестием гнева Божия: *колико, мните, горшая сподобится муки, иже страждущего Сына Божия дерзновением небрежением поправый* (Евр. 10:29)?

Когда вольный и необузданный *грех* отвергает самую жертву, за него приносимую, — то что иное остается ему, *разве страшно некое чаяние суда, и огня ревность пояссти хотящего сопротивный* (Евр. 10:26, 27)?

Заветная кровь пролита за всех, и за праведников, и за грешников; но ни за кого не пролита напрасно. Течет она по

всему миру; и если находит отверстые для нее сосуды, то есть сердца сокрушенные и верующие, то исполняет их светом и жизнью; встретит преграды? — Воспламенится, и огонь суда пояст и тленное тростие и бесчувственное каменение.

Без сомнения, некоторые помышляют теперь, как бы достойно уготовать сосуды свои для сего живоносного источника, текущего из ребра Спасителя; как бы вернее и Богоугоднее *прятать сердцем* страдания и смерть Его.

Благо им, яко же Иосифу и Никодиму, втайне уготовавшим покоище для животворящего тела! Если они желают руководства в своем подвиге, да слышат наставление апостола: *Христу пострадавши за ны плотию, и вы в туже мысль вооружитесь: зане пострадавый плотию преста от греха во еже не к тому человеческим похотем, но воли Божией прочее жити время* (1 Пет. 4:1—2). И паки: *умертвити уды ваша, яже на земли* (Кол. 3:5), то есть земные вожделения и страсти.

Не говорите, что жестоко слово сие: в горьком слове крестном есть и манна сокровенная. *Понеже приобщается Христовым страstem*, говорит паки апостол, *радуйтесь, яко да и в явление славы Его возрадуется веселящаяся* (1 Пет. 4:13).

Воскреснет Бог, и расточатся врази Его, а праведницы возвеселятся (Пс. 67:2, 4).

Вмале, и вы Его узрите... и возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возмет от вас (Ин. 16:19, 22). Аминь.

Слово в Великий пяток

Говорено в Александро-Невской лавре в 1816 году

*Тако возлюби Бог мир.
(Ин. 3:16)*

Ныне ли о любви, скажут, может быть, некоторые? Ныне ли, когда плод вражды созрел в вертограде Возлюбленного; когда и земля трепещет от ужаса, и сердца камней разрываются, и око неба помрачается негодованием? Ныне ли

о любви к миру, когда и Сын Божий, страждущий в мире, оставлен без утешения, и молитвенный вопль Его: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мф. 27:46), — без ответа отеческого?

Правда, христиане! День вражды и ужаса день сей, день гнева и мщения. Но если так, то что с нами будет, когда и земля не тверда под нами, и небо над нами беспокойно? Куда убежать с колеблющейся земли? Куда уклониться из-под грозящего неба? Взирайте прилежнее на Голгофу: и там, где видится средоточие всех бед, вы откроете убежище. Тогда как *трепетна бысть земля и основания гор смятошася и подвигошася, яко прогнеवासя на ня Бог* (Пс. 17:8), не видите ли, как непоколебимо там стоит неукорененное древо креста? Тогда как и мертвые не почивают в гробах своих, не видите ли, как мирно почивает Распятый на кресте Своем, сколько ни старались Его совлести самую славой Спасителя: *Иные спасе, Себе ли не может спасти»; самым достоинством Сына Божия: Аще Сын еси Божий: сними со креста»; самым благом веры в Него: Да снидет ныне со креста, и веруем в Него?* Итак, утвердим в сердцах наших сию странную и страшную для мира, но радостную для верующих истину: что во всем мире нет ничего тверже креста и безопаснее Распятого. Ужасы от Голгофы для того и рассеяны по всему миру, чтобы мы, не видя нигде безопасности, бежали прямо на Голгофу, и повергались у ног, и скрывались в язвах, и погружались в страдания распятого Спасителя. О солнце! Для чего бы тебе закрывать от Него лицо свое в полдень, когда великое дело тьмы еще при твоём свете уже достигло своей полуночи и когда очи Всевидящего, *тмами тем светлейшии* света твоего, и во тьме столь же ясно видят позор богоубийства? — Так! В твоём негодовании впечатлено было наше вразумление; ты поспешало совершить видимый день вражды и гнева, дабы препроводить нас к созерцаемому дню любви и милосердия, освещаемому незаходимым светом трисолнечного Божества.

Христианин! Пусть *тьма покрывает землю!* Пусть *мрак на языки!* *Встань* от страха и недоумений! *Светися* верою и надеждой! Сквозь *тьму приходит свет Твой* (Ис. 60:1, 2).

Пройди путем, который открывает тебе раздирающаяся завеса таинств, вниди во внутреннее святилище страданий Иисусовых, оставя за собой внешний двор, отданный языкам на поправление. Что там? — Ничего, кроме святой и блаженной любви Отца и Сына и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому.

Любовь Отца — распинающая.

Любовь Сына — распинаемая.

Любовь Духа — торжествующая силой крестной.

Тако возлюби Бог мир!

О сей-то любви, христиане, да будет позволено мало не-что немотствовать пред вами, поскольку изречь ее даже и невозможно, так что само Слово Божие, дабы совершенно избразить ее, умолкло на кресте. Сие же Слово и сия любовь да даруют нам и немотствовать, и внимать немотствованию, подобно как дети одной матери ее сердцем и ее словами взаимно немотствуют и разумеют немотствование.

Итак, кто распинает Сына Божия? Воины? — Они суть почти столько же страдательные орудия, как крест и гвоздие. Пилат? — Он, кажется, истощил все усилия в защищении Праведника и торжественно изъявил свое несогласие на пролитие крови Его: *Прием воду, умы руце пред народом, глаголя: неповинен есмь от крове Праведного сего* (Мф. 27:24). Народ? — Как мог он искать смерти Того, Которого старался воцарить? Первосвященники? Старейшины? Фарисеи? — Они признаются, что не имеют власти ни над чьей жизнью: *Нам не достоин убити никогоже* (Ин. 18:31). Предатель? — Он уже свидетельствовал во храме, что *предал кровь неповинную* (Мф. 27:4). Князь тьмы? — Он не мог коснуться и жизни Иова: ныне же сам осуждается и изгоняется. Но кто лучше, как Распятый, может знать распинателей? И что же глаголет Он? — *Не ведают, что творят* (Лк. 23:34). Коснулся было истинной причины дела сего Каиафа, сказав, что *уне есть, да един человек умрет за люди*, однако и *сего о себе не рече, но архиерей сый лету тому* (Ин. 11:50, 51); он прозвучал, как кимвал, в который на тот день надлежало благовестить для Церкви, но и сам же не

уразумел своего благовестия. Таким образом, то, чего не хотели, не могли, не знали, пред целым светом совершилось теми самыми, которые не хотели, не могли, не знали.

Впрочем, сие не значит того, чтобы и не было виновных в убийении Невинного! Нет! Кто не мог, если бы только восхотел, уразуметь то, что уразумел и проповедал отчаянный даже Иуда? Но *аще быша разумели, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2:8).

Нам должно приметить здесь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетение видимых причин, произведших великое Голгофское событие. Как же сия паутина в первых нитях своих не расторглась или от дохновения гнева Божия, или даже от ветра суеты человеческой? Кто связал ею льва от Иуды? Как сделалось то, чего не хотели, не могли, не знали и что столь удобно было и уразуметь, и отвратить? Нет! Хулители Голгофские также не знают, что говорят, как распинатели не знают, что делают; в самом же деле, не человеки здесь ругаются Божию величеству: Божий Промысл посмеивается буйству человеческому, без нарушения свободы заставляя его служить высочайшей Своей Премудрости. Не лукавые рабы перехитряют Господа: Всеблагий Отец не щадит Сына, дабы не погубить рабов лукавых. Не вражда земная уязвляет любовь небесную — небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертию любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. *Бог возлюбил мир, и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3:16).

Кажется, мы, и проникая в тайну распятия, и усматривая в страданиях Сына Божия волю Отца Его, более ощущаем ужас Его правосудия, нежели сладость любви Его. Но сие долженствует уверять нас не в отсутствии самой любви, а токмо в недостатке нашей готовности к принятию ее внушений. *Бояйся, не совершился в любви* (1 Ин. 4:18), — говорит Ученик любви. Очистим и расширим око наше любовью и там, где оно смежалось страхом Божия суда, насладимся зрением любви Божией. *Бог любви есть* (1 Ин. 16), — говорит тот же со-

зерцатель любви. Бог есть любовь по существу и самое существо любви. Все Его свойства суть облачения любви; все действия — выражения любви. В ней обитает Его всемогущество всей полнотой своею; она есть Его истина, когда осуществляет возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждает существующее или существовать имеющее, по закону истины; она есть Его благодать, когда премудро раздает истинные дары свои; наконец, она есть Его правосудие, когда степени и роды ниспосылаемых или удерживаемых даров своих измеряет премудростью и благодатью, ради высочайшего блага всех своих созданий. Приблизьтесь и рассмотрите грозное лицо правосудия Божия, и вы точно узнаете в нем кроткий взор любви Божией. Человек своим грехом заградил от себя присносущный источник любви Божией, и сия любовь вооружается правдой и судом — для чего? — дабы разрушить сей оплот разделения. Но как ничтожное существо грешника под ударами очищающего Правосудия невосвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному, то непостижимый Душелюбец посылает единосущную Любовь Свою, то есть Единородного Сына Своего, дабы Сей, *носящий всяческая глаголом силы Своея* (Евр. 1:3), воспринятой на Себя плотью нашей, кроме греха, понес и тяжесть наших немощей, и тяжесть подвигшегося на нас правосудия; и, Един истощив стрелы гнева, изощренные на все человечество, в крестных язвах Своих открыл бы незагродимые источники милосердия и любви, долженствующие упоить всю, проклятую некогда, землю благословениями, жизнью и блаженством. *Так возлюби Бог мир.*

Но если Отец Небесный из любви к миру предает Единородного Сына Своего, то равно и Сын из любви к миру предает Себя Самого: и как любовь распинает, так любовь же и распинается. Ибо хотя не *может Сын творити о Себе ничего* (Ин. 5:19), но ничего также не может Он творить и вопреки Себе. *Он не ищет Своея воли* (Ин. 5:30), но потому есть вечный наследник и обладатель воли Отца Своего. *Пребывает в Его любви*, но в ней и Сам восприимлет в Свою любовь все, Отцу любезное, как глаголет: *Возлюби Мя Отец, и Аз возлю-*

бих вас (Ин. 15:9). И таким образом любовь Отца Небесного чрез Сына простирается к миру: любовь Единосущного Сына Божия вместе и восходит к Отцу Небесному, и нисходит к миру. Здесь имеющий очи да видит глубочайшее основание и первоначальный внутренний состав креста, из любви Сына Божия ко Всесвятому Отцу Своему и любви к человечеству согрешившему, одна другую пресекающих и одна другой поддерживающихся, по-видимому, разделяющих единое, но воистину соединяющих разделенное. Любовь к Богу ревнует по Боге — любовь к человеку милует человека. Любовь к Богу требует, чтобы соблюден был закон правды Божией — любовь к человеку не оставляет и нарушителя закона погибать в неправде своей. Любовь к Богу стремится поразить врага Божия — любовь к человеку вочеловечивает Божество, дабы посредством любви к Богу обожить человечество, и между тем как любовь к Богу *возносит от земли Сына человеческого* (Ин. 12:32, 34), любовь к человеку разверзает объятия Сына Божия к земнородным, сии противоположные стремления любви соприкасаются, растворяются, уравниваются и слагают из себя то дивное средокрестие, на котором прощающая *милость* и судящая *истина* *сретаются*, *правда* Божества и *мир* человечества *лобызаются*, чрез которое *небесная истина возсиявает от земли*, и *правда* уже не грозным оком *приникает с небеси*; *Господь дает благодать земле*, и *земля дает плод свой небу* (Пс. 84:11—13).

Крест Иисусов, сложенный из вражды иудеев и буйства язычников, есть уже земной образ и тень сего небесного креста любви. Без сего мог ли бы оный не токмо удержать на себе, даже до смерти, Держащего дланию жизнь всего живущего, но даже и коснуться ramen Того, для избавления Которого вящше двенадцати легионов Ангелов ожидали токмо мановения? Вотще мрачное полчище подьмлет оружие, дабы взять Его в плен, и готовит узы Ему: освещая путь свой огнем злобы, оно не видит, что Он уже пленен и связан собственной Своей *любовию*, *яко смерть, крепкою* (Песн. 8:6). Вотще вопиет беззаконное сборище: *Мы закон имамы*, и *по закону нашему должен есть умерети* (Ин. 19:7) — Он умрет не по иному, как

по сему Своему закону: *Больши сея любви никтоже имать, да кто душу положит за други своя* (Ин. 15:13). Вотще повторяют хулители: *Аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Мф. 27:40). — Сын Божий тем-то самым и даст познать Себя, что не снидет со креста, доколе не истощит всего Себя в сугубом стремлении любви к Отцу Своему, Которому наконец предает дух Свой, и к человекам, для которых источает воду очищения и кровь жизни. *О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи* (1 Ин. 3:16). Углубляйтесь, христиане, в сие великое познание не одним словом и языком или слухом праздным, но духом и истиной: и вы приидете наконец в то, если можно так сказать, содружество креста, что не будете находить сладчайшего удовольствия, как в духе созерцания взывать с Богоносным мужем: «Любовь моя распялася!» (Игнатий Богоносец. — *Примеч. св. Филарета*).

Любовь Божия, непосредственно действующая в кресте Иисусовом, без сомнения, долженствовала сообщить ему Божественную силу. И как быстро, как обильно, как неизмеримо далеко течет из него сия победоносная сила!

Аще зерно, — так говорил Иисус Христос о Себе Самом, — *аще зерно пшенично паде на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12:24). О, как скоро сие зерно Божественного семени, умирающее на кресте, дает окрест себя отрасли новой жизни! Смотрите, как еще прежде кончины Иисуса на древе проклятия в устах разбойника процветает молитва: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!* (Лк. 23:42), и сей подлинно райский цвет в тот же день переносится в рай Божий. Смотрите, как вместе с потрясенной землей и расседшимися камнями сокрушается каменное дотоле сердце язычника и немедленно износит зрелый плод устен, исповедующихся Спасителю: *Воистину Божий Сын бе Сей* (Мф. 27:54). Каким непреодолимым влечением оставившие Иисуса живого собираются окрест Его креста и гроба! Наипаче же явилась победа креста в Иосифе Аримафейском. Доколе он знал Иисуса как пророка и чудотворца, он не имел мужества открыть себя Его учеником. *Потаен страха ради*

иудейска (Ин. 19:38). Но когда узнал, что Иисус умер смертью осужденного, то Вознесенный от земли повлек его к Себе с такою силой, что он не внял ни чести, ни боязни человеческой, и не поколебался обнаружить даже пред правительством свое участие в Распятом. *Дерзнув вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова* (Мк. 15:43). Не тою ли же силою и давно согнившие в вертограде смерти зерна показали необычайный плод — *и многа телеса усопших святых восташа?* (Мф. 27:53).

Чем далее простираться будет сила креста, тем более торжественны будут ее действия. Она сосредоточит в едином Иисусе распятом всякую власть на небеси и на земли; даст ощутить силу благодатного владычества Его и сущим в темнице душам; вознесет Его превыше всех небес; низведет Им оттоле Утешителя, Который не пришел бы, если бы Иисус не прошел путем креста и не сделал его путем истинно царским. Тогда *любвы Божия* беспрепятственно и преизобильно *излиется* в жаждущие сердца верующих Духом Святым (Рим. 5:5) и, несмотря ни на какие препятствия, поведет крестными подвигами искупленный мир ко всеобщему торжеству освящения и прославления. Пусть враги креста Христова устроят новый крест для Его Церкви: они готовят ей тем новую победу и новую славу. Пусть мудрецы века сего огласят *слово крестное юродством* — оно будет юродством только для погибающих. Пусть иудеи — древние или новые — *просят знамения*, не примечая знамений, совершающихся пред их очами, и эллины ищут собственной *премудрости* слова там, где должно деятельно веровать в Премудрость Божию: истинная Церковь всегда будет *проповедовать Христа распята*; иудеем убо соблазн, еллином же безумие, и Он всегда будет для званых Богом, Христос, *Божия сила и Божия премудрость* (1 Кор. 1:18—24). Пусть, наконец, настанут и те лютые времена, когда человеки *здорового учения не послушают, по своим похотех изберут себе учителя, чешем слухом, и от истины слух отвратят, и к басням уклонятся* (2 Тим. 4:3, 4); вослед за лжеучением приведут богоотступление и самую любовь иссушат преумножением беззакония. По мере сих событий сила крестная, как при втором распятии

Господа, проникнет с новым обилием все человечество и всю природу, сотрясет всю землю, разрушит в ней то, что было твердо, низринет то, что вовышалось, затмит то, что блистало, не столько в отмщение врагам Божиим, которые обыкновенно сами уготовляют себе гибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить привлечение всего к Вознесенному от земли. Равным образом и любовь, подобно предуготовленному елею мудрых дев, неприметно для юродивых, соблюдается дотоле, как явится вожделенный жених, и она седмиричным пламенем воспыхает в день брака Агнчаго; и дотоле, как пройдут и небо и земля, и вера и надежда, *и будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15:28), поскольку во всех богоносных сердцах будет *любовь, излиянная* в них Духом Святым чрез язвы крестные.

Вот, христиане, и начало, и середина, и конец креста Христова — все одна любовь Божия! Как в чувственном сем мире, куда ни прострем взор — к востоку или западу, к югу или северу, — всюду зрение упадает в неизмеримость неба, так в духовной области тайн, по всем измерениям креста Христова, созерцание теряется в беспредельности любви Божией. Прекратим дерзновенное о сем немотствование. Слово крестное чем более изрекается, тем более онемевает язык плоти, и око земного ума слепотствует от избытка небесного света крестного. Сам вечный Художник креста, *Отец Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своя, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце; вселится Христу верою в сердца ваша: в любви вкоренени и основаны, да сможете разумети со всеми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота, разумети же в сем непостижимом многокрестии единую преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. 3:14—19).

Впрочем, вспомним, что если мы не по имени токмо христиане, но или есмы, или хотя желаем быть истинными последователями Иисуса Христа, то имеем и свой крест, по Его заповеди: *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16:24). Поскольку же наш крест должен быть подобием креста Христова, то не от-

радно ли теперь помыслить, что и наш крест должен состоять из единой любви? Так, христиане, сей крест, от которого миролюбцы бегут как от мучителя, и от которого самые крестоносцы нередко стонут, но большей частью потому, что благое и легкое бремя Христово, по неведению, малодушию, неопытности, увеличивают собственными тяжестями, — сей страшный крест весь из любви — что может быть утешительнее? — весь из любви состоять должен. Но да принесет ныне каждый из нас малый крест свой и приложит к великому кресту Христову, дабы видеть, сообразен ли оный своему первообразному: ибо мы должны знать, что всякий крест, не подобный Христову, не вознесет нас от земли, но падет и с нами, и истрется под нами в дрова огню гееннскому. Итак, воззрим еще раз на Крест Господень. Се, любовь Отца Небесного распинает за нас Единородного Сына Своего — как сообразуется сему наша любовь? Совершаем ли мы дело Авраама (Быт. 22), возношение на жертвенник любви Божией всего нам любезного, без колебания, без остатка собственности, паче упования? Се, любовь Сына Божия сама предает себя на распятие не токмо Святейшей руке Отца Своего, но и рукам грешников: научила ли любовь и нас неограниченной сей преданности судьбам Божиим, с которой бы мы, как Исаак, всегда были готовы быть жертвой — для славы ли Божией, для очищения ли собственного, для блага ли ближних? Се, любовь Божия, изливающаяся Духом Святым, наполняет горняя и дольняя, объемлет время и вечность, дабы ожестевшее и омертвевшее враждою против Бога растворить в живоносную и блаженную любовь: умеет ли и наша любовь побеждать злое благим, благословлять клянущих, молиться за распинающих и не знать ни одного врага во всем мире, хотя бы он не давал нам ни одного друга? — Не умножим сих вопрошений. Здесь должна продолжать беседу совесть каждого, которая и возвестит нам, ныне или некогда, непременно, или горе, ожидающее врагов креста, или победу, мир и славу его любителей, по суду закланного на кресте Агнца Божия, Ему же от всякого создания *благословение, и честь, и слава, и держава во веки веков* (Апок. 5:13). Аминь.

Слово в Великий пяток

Говорено в Александро-Невской лавре в 1817 году

Изыде же вон Иисус, нося терновен венец и багряну ризу.

И глагола им: се человек!

(Ин. 19:5)

Евангелие и Церковь провождают ныне нас, христиане, по всему последнему поприщу Великого Страдальца Гефсиманского и Голгофского.

Где станем мы, чтобы рассмотреть хотя некую часть таин и чудес, которые целую вечность наполнят удивлением и славою? — если еще непроницаемы для нас глубокие тайны Гефсимании, куда допускаются немногие токмо избранные таинники, уже знающие тайну Фавора — Петр, Иаков и Иоанн, но и их бодрственный дух, воспящается немощною плотию, и воздвигаемые к молитвенному созерцанию очи тяготеют невольным сном; — если еще неприступны для нас высокие чудеса Голгофы, где также возлюбленный токмо ученик и Божественная Матерь с немногими подражательницами ее примера могут стоять непоколебимо на колеблющейся земле и причащаться в одно время любви и страдания, жизни и смерти страждущего и умирающего Жизнодавца, и где Иисус, простертый между небом, землею и адом, приступен токмо для тех, которых не привлекает земля, не страшит ад и не отражает небо: — станем в середине между оными великими пределами, там, где страждущий Иисус является и указывается всем желающим видеть его: *изыде вон Иисус, нося терновен венец и багряну ризу, и глагола* Пилат народу: *се человек!*

Воззрим со вниманием на то, что в сем непостижимом Страдальце может рассматривать каждый, кто не смежит упорно своих очей, — на человека страждущего в Богочеловеке: *се человек!*

Воззрим для того, что сей человек должен быть явлен и в каждом из нас: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2:5). Воззрим на Него с верою, да не будем принуждены воззреть на Него с отчаянием: *ибо се грядет со облаки, и узрит Его всяко око, и иже Его прободоша, и плач сотворят о Нем вся колена земная* (Апок. 1:7).

Но прежде, нежели последуем далее, за оным знаменательным указанием на человека в Иисусе, остановим несколько внимание наше на том, кто и как находит и дает сие указание.

Лице Иисуса, высокое и святое не только по Божеству, но и по человечеству, закрыто было мрачнейшими клеветами, когда Он предстал Пилату. Клеветники хотели указать Пилату в Иисусе возмутителя общественного покоя, противника власти, похитителя имени Сына Божия, — того, кого ни небо, ни земля не могли бы терпеть между человеками.

Но и Пилат не в таком был расположении, которое благоприятствовало бы открытию чистой истины.

По-видимому, он ищет ее, ибо вопрошает о ней: *Что есть истина?* (Ин. 18:38), но или нетерпеливость, или легкомыслие представляют ему вопрос об истине праздным в суде над Истиною и не позволяют дожидаться на оный ответа.

Скоромолчание вопрошаемого раздражит гордость судии: *мне ли не глаголеши?* (Ин. 19:10), а угроза доносителей: *аще сего пустиши, неси друг Кесарев* (Ин. 12) отнимет мужество у защитника невинности.

Сам Иисус, провидя сие расположение и не желая расточать сокровищ истины, не удовлетворяет изысканиям Пилата, то пребывая пред ним в молчании, то произнося некие глаголы на том языке таин, которого внешние и слыша не слышат.

Однако истинное и существенное во Иисусе с такою силою просиявало сквозь все многообразные покровы, наипаче во время Его страдания, что и полуомраченное страстями око еще способно было собрать некоторые лучи света: и судия, не имеющий в его пользу ни одного свидетеля, не удовлетворяемый ответами его самого, преклоняемый своими страстями на сторону его врагов, при всем том ощущает

присутствие истины и, объятый ее силою, спешит из дома к народу провозгласить невинность Иисуса. — О, несчастная коловратность!

Пилат оставляет Иисуса, дабы открыть самообретшуюся истину другим, и теряет ее даже и для себя; заражается и сам духом злобы и ожесточения, возгосподствовавшим в народе, и возвращается мучить Того, Которого только теперь объявил ни в чем невиновным: *тогда убо Пилат поят Иисуса, и би Его* (Ин. 9:1).

Но, конечно, умножавшиеся страдания более и более открывали в сем Страдальце чистое и святое; конечно, каждая рана, Ему налагаемая, была новым отверстием света, в нем скрывавшегося: ибо вскоре мучитель Его паки делается Его защитником; и дабы заградить уста клеветникам, вразумить обманутых клеветниками, переменить мнение почти целого народа, не ищет средств убеждения нигде, кроме самого лица Иисусова.

Вновь провозглашает Его невинность, и, когда ожидают доказательства сей невинности, судия только указывает на обвиняемого: *се человек!* се Тот, Которого ваши лжесвидетели представляют недостойным жить между людьми! вернейшее о Нем свидетельство находится в Нем Самом.

Смотрите и судите! Смотрите, в каком Он состоянии, как взирает Он на врагов Своих, как приемлет Свои страдания.

Се человек!

Помыслим здесь, христиане, один ли Пилат, язычник и обладаемый страстями судия, мог видеть столько света в лице Иисусовом? — Нет! Нет! koliko кратно больший свет, уже просвещенному оку христианскому, должен сиять из человечества Того, *иже есть сияние славы Бога Отца и образ Ипостаси Его* (Евр. 1:3).

Итак, если кто из нас не познает сего света, не последует сему свету, не восприимлет в себя сего света, то сколько бы мы ни уничижали виновных в страдании и смерти Распятого, будет ли нам отраднее в день судный, нежели Пилату и подобным ему?

Теперь оставим языческий суд и мятеж иудейский и потщимся христианским оком рассмотреть то, что указывает язычник и чего не хотят видеть иудеи.

Се человек! Пилат сказал в сих словах более, нежели сколько сам разумел. Не удивляйтесь. Если и Саул некогда был во *пророцех* (1 Цар. 19:24), и Каиафа, думая сообщить своим соумышленникам тайну нечестия, открыл тайну благочестия, *яко уне есть, да един умрет за люди* (Ин. 18:14), и гибельнейшее дело иудейского народа было служением святейшему делу спасения человеческого, то Владыка судеб также властен был соделать и то, чтобы судия и осудитель Иисуса был Его проповедником, хотя сам не все уразумел, что проповедал, и что разумел, тому не последовал.

Судьбы поставили страждущего Иисуса пред архиереями, старейшинами и народом, пред иудеями и язычниками не для того, чтобы умножить преступления, хулы и грехи соблазна, но чтобы показать иудеям их спасение и язычникам их чаяние, сколько их взоры то снести могли.

Должно было кому-нибудь и проповедать о сем намерении судеб. Но не было тогда ни Иоанна, который бы указал Иисуса, крещаемого кровию, как некогда указал Его, крестившегося водою: *се агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1:29); ни Петра, который бы исповедал *Христа Сына Бога живаго* (Мф. 16:16).

Итак, Слово Божие, не удержимое никакими преградами или недостатком орудий, как молния сквозь облако, проторглось сквозь омраченную душу и устами человека неправды проповедало человека святыни:

се человек!

Дабы почерпнуть из сего изречения, по-видимому, только земного, скрывающийся в нем свет чистого небесного познания, поучимся, слушатели, ведению человека от мужа, которого в сем наставил Сам *человек Христос Иисус* (1 Тим. 2:5), показав ему Свое Божественное человечество с небеси и собственным словом удостоверив его в истине сего откровения: *Аз есмь Иисус* (Деян. 9:5).

Апостол Павел в целом мире считает только два человека, из коих одного называет первым, а другого вторым и последним. Он говорит: *Первый человек от земли перстен; второй человек Господь с небесе* (1 Кор. 15:47); *бысть первый человек Адам в душу живу; последний Адам в дух животворящ* (1 Кор. 15:45). Все прочие человеки принадлежат к сим двум, как ветви к древу и корню, или, по точному изречению самого второго человека Иисуса Христа, как рождие к виноградной лозе: *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Ин. 15:5).

Где ныне первый человек? — Быв отторгнут от Бога послушанием заповеди, он исторжен из святой земли райской, повержен на сию землю, пораженную проклятием, где сие славное некогда древо тщетно до бесчисленности умножает листвие и ветви, непрестанно увядающие, и не может произвести никакого плода в жизнь вечную.

Все те, которые по происхождению от первого Адама называются *сынами человеческими* (Пс. 4:3), по истинному достоинству их деяний и самого естества, в Слове Божием именуются *семенем змия* (Быт. 3:15) древнего, прельстившего человеков, *древом злым* (Мф. 7:17), *при корени* коего *лежит секира* (Мф. 3:10) осуждения вечного, *плотию*, в которой не пребывает Дух Божий (Быт. 6:3), и *уподобляются скотом немысленным* (Пс. 48:13).

И где же человек? веки и тысячелетия произвели ли его? общества сложили ли его в один состав? законы начертали ли образ его? мудрецы вдунули ли ему душу живу? — Если бы род Адамов мог ощутить себя единым общим ощущением, оно было бы ощущением беспомощного иерусалимского расслабленного и весьма естественно изобразилось бы его же словами: *человека не имам* (Ин. 5:7)!

Но се пришел наконец столь долгое время ожидаемый, человек, долженствующий исцелить расслабленного или, лучше сказать, от смерти, которая по тому только могла называться жизнью, что была ощущаема, воздвигнуть к истинной жизни, превышающей чаяния и желания расслабленного. Явился второй Человек, Господь с небесе, дабы первого человека, перст-

ного, возвращаемого в землю, от нее же взят бысть (Быт. 3:19), возвести на новый и живой путь (Деян. 2:28) возвращения к Богу, *вдунувшему в лице его дыхание жизни* (Быт. 2:7).

Произрасла Лоза истинная, долженствующая отпадшее рождение соединить с собою, увядшее прозеленить, дивие удобрить, да будет в ней, и *сотворить плод мног* (Ин. 15:5).

Бысть последний Адам, который един животворящим духом своим силен проникнуть и, проникнув, разрушить царство смерти, основанное на разрушении первого Адама, *возглавить себе всяческая* (Еф. 1:10) и сочетать конец с началом.

Сей небесный и Божественный человек, в высоком имени Единородного Сына Божия и в таинственном имени Богочеловека, представляемый Евангелием нашему верованию и созерцанию, указывается также и в простом имени человека нашему подражанию: *се человек!* И хотя таким образом во всяком состоянии, во всяком действии, во всяком мгновении святейшей жизни Иисусовой мы можем видеть чистейшие образы истинного совершенства человеческого, впрочем, судьбы особенно указуют Его в то мгновение, когда Он исшел из дома судии к народу, *нося терновен венец и багряну ризу*.

Мгновение великое и подлинно требующее особенного указания, дабы оно в сокращенном своем величии не укрылось от нашей непроницательности! Иисус в таком состоянии, в которое приведен волею других; в чуждой одежде; не видно никакого действия Его; не слышно никакого слова Его; Его как бы нет.

Что же здесь нам указывается в Нем? — То самое, что Иисус является без воли, без действия, без слова. Сие молчание, которое Он сохраняет между восклицаниями защитника и между воплями клеветников и хулителей, сей глубокий взор, сквозь смятения человеческие, погруженный в судьбы Божии, сии неподвижные члены, так сказать, почивающие в страданиях, — все сие представляет нам образ человека высочайше терпеливого, мужественного, кроткого, смиренного, никакою всеобщю враждою непобедимого в любви, непоколебимого в мире со всеми, человека бесстрастного, чистого, святого, и —

чтобы соединить сии черты в одну их объемлющую, — человека совершенно преданного Богу.

Сею самую чертою описуется *образ красного добротыю паче сынов человеческих* (Пс. 44:3) и во всех Его состояниях. Он сам описует ея и дела свои: *якоже заповеда Мне Отец, тако творю* (Ин. 14:31); и свои глаголы: *яже убо аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю* (Ин. 12:50); и свою волю: *не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Ин. 5:30).

Сею неограниченною преданностию Богу Отцу Иисус подобен Сам Себе и тогда, когда кровавый пот скрывает большую часть образа Его: *Отче, не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22:42).

Она есть последняя живая черта в лице умирающего на кресте Иисуса: *Отче, в руке Твои предаю дух Мой* (Лк. 23:46). И наконец, сия же черта воссияет и на славном лице Иисуса воскресшего, ибо и тогда, как Ему *дастся всякая власть на небеси и на земли* (Мф. 28:18), воспросят ли Его о *временах и летах?* — Он не коснется их, как *положенных во власти Отца* (Деян. 1:7); будет ли Он обещать Святого Духа? — Он повелит ожидать Его как *обетования Отца* (Деян. 1:4).

Се едино из человеческих свойств Иисуса Христа, хотя, впрочем, оно есть и едино из Божественных Его свойств, указуемое ныне нам для подражания: *се человек! сие да мудрствуется и в нас.*

Христиане! быв ныне призваны Церковию воззреть и мысленным, и вместе чувственным оком на образ Иисуса Христа, в жизни и смерти преданного Богу Отцу Своему любовью и послушанием, — вспомняем, что, когда и Сам Он в сем образе предстал иудеям, ожесточенные чада гнева не пленились добротой красного паче сынов человеческих, но удаляли от себя образ Его и желали употребить Его.

Да внемлем прилежно и нашему, в безобразии первого Адама рожденному, сердцу, каким гласом отзывается оно к образу второго Адама, в который мы должны преобразиться.

Но говорит ли оно, что в сем образе есть слишком печальные и страшные черты; что оно желало бы носить токмо при-

ятные и радостные, а распятие воли предоставить Распятому за нас плотию; что из детской преданности Богу должно исключить Богом утвержденные права разума и свободы?

Ведайте, что сии, или подобные сим, чувствования и желания суть хотя тихие и отдаленные отголоски одного вопля иерусалимского против Иисуса: *возми, возми, распни Его* (Ин. 19:15), — между подражателями и врагами распятого Иисуса нет среднего состояния: *иже несть со мною*, говорит Он, *на мя есть* (Мф. 12:30).

Должно взять один из двух жребиев непременно: или жребий Распятого, или жребий распинателей.

Сам Распятый, нашего ради спасения, благодатию Своею да дарует всем нам верою *разумети Его*, и *силу воскресения Его* и *сообщение страстей Его*, подражанием, *соображаясь смерти Его* (Флп. 3:10), во умерщвлении воли своей и самопредании в волю Божию, да тако и мы *достигнем в воскресение мертвых*. Аминь.

Слово по освящении храма Господа нашего Иисуса Христа, в честь и память гефсиманского моления Его

Говорено 8 июля 1845 года

*Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую
Гефсимания, и глагола учеником: сядите ту,
дондеже шед помолюся тамо.
(Мф. 26:36)*

Созидающие храмы во славу Господа нашего Иисуса Христа, для их наименования и торжественного в них воспоминания, обыкновеннее избирают славные и радостные события Его земной жизни. И хорошо, чтобы в самом наименовании храма являлась слава Божественного Спасителя и озаряла входящих в него надеждою и радостию спасения.

Пусть входящие во храм, посвященный воспоминанию Рождества Христова, радостно воспоминают, *яко Отроча ро-*

дися нам, Сын, и дадеся нам (Ис. 9:6), что Он есть *Еммануил, еже есть* сказано: *с нами Бог* (Ис. 7:14; Мф. 1:23), *Начальник* нашего мира, *Отец будущего века* (Ис. 9:6), приемлющим Его верою дающий область чадам Божиим быти (Ин. 1:12).

Пусть входящие во храм, посвященный славе Богоявления, благоговейно воспоминают, что *Троицы явление во Иордане бысть*; и при сем, к утверждению надежды, да помышляют, какая Божественная сила, яже к животу и благочестию, нам дарована в Крещении, которое освящено не только примером воплощенного Единородного Сына Божия, но и наитием Бога Отца и Святого Духа, присутствием и действием всей Пребожественной Единосущной Троицы.

Пусть входящие во храм светоносного Преображения Господня радуются о сей предначинательной славе естества человеческого в Лице Богочеловека и надеждою одушевляются к подвигу для достижения того, чтобы Он *преобразил тело смирения нашего, во еже быти ему сообразну телу славы Его* (Флп. 3:21).

Пусть входящие во храм Воскресения Христова торжествующим оком взирают на победу над смертию и адом, уже для нас готовую (ибо только для нас потребно было *умерщвлену быть плотью, ожить же духом* (1 Пет. 3:18) Бессмертному и Присноживущему); и в уповании на сию победу *да не стужают душами своими ослабляеми*, хотя бы должны были *стать до крове противу греха подвигающаяся* (Евр. 12:3, 4).

Пусть входящие во храм Вознесения Господня следуют взором веры за Прощедшим небеса и видят путь неба открытым и для нас (ибо для сего самого торжественно *взыде на небо Сын человеческий сый на небеси* (Ин. 3:13); и да воскриляются умом и сердцем *вышних искать, идеже есть Христос одесную Бога сидя, горняя мудрствовать, а не земная* (Кол. 3:1—2).

Но не должно быть ни для кого странным и то, что храм, ныне освященный, посвящается благоговейному воспоминанию гефсиманского моления Иисус Христов, принесенного со скорбию и тугою и с подвигом, простертым

до кровавого пота. Ибо как радостные и торжественные события земной жизни Спасителя нашего имеют действительное отношение к нашему спасению, так равно и скорбные и страдательные, сопряженные с состоянием совершенного истощения или уничтожения, которое Он благоизволил на Себя принять. Благопотребно и совершенно необходимо для нашего спасения со апостолом мудрствовать о Христе Иисусе, что Он, *во образе Божии сый, не восхищением нещцева быти равен Богу* (Флп. 2:6); ибо, без естества Божественного и силы Творческой, каким образом могло бы совершиться спасение человечества, грехом погибшего, низверженного ниже ничтожества? Но так же благопотребно и совершенно необходимо мудрствовать о едином и том же Христе Иисусе и то, что Он *Себе умалил, зрак раба прием... и образом обретися, якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2:7 —8); ибо каким образом низверженное, немощное и недостойное человечество возникло бы и достигло к общению с Божественною спасающею силою, если бы Сын Божий не нисшел во глубину нашей немощи и недостойнства Своим воплощением, не очистил нашей смертоносной заразы греха, не загладил нашей смертной виновности Своим неистленным страданием в соестественном нам, но безгрешном теле, и Своею смертью и воскресением не отверз нам заключенных врат благодати и жизни Божественной? Апостол, поставляя целью стремления для себя, без всякого сомнения также и для нас, *сущую от Бога правду в вере*, относит к сему совершенству христианскому два образа познания Иисус Христа, — один более торжественный: *еже разумети Его и силу воскресенья Его*; другой более страдательный: *еже разумети сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его* (Флп. 3:9, 10). Сему последнему разумению Иисуса Христа споспешествовать, да дарует благодать освященному ныне храму Он Сам, благословляя и освящаяй всяческая, Христос Бог наш!

Не можем обещать себе полного постижения тайны гефсиманского события, которой неприкосновенность нашему ис-

пытанию Господь Сам ознаменовал тем, что из самых апостолов только не многих к ней приблизил, и только что приблизил. Но поелику в Гефсимании, так же как и на Голгофе, *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Пет. 2:21): то в какие особенные помышления и расположения должен вводить нас образ гефсиманского многострадального моления Иисус Христов?

Во-первых, он дает нам руководительные мысли о молитве уединенной. Когда Господь глаголет ученикам Своим: *Яко аще два от вас совещаеца на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18:19 — 20), тогда Он показывает потребность и пользу молитвы общественной, в которой соединение многих подкрепляет каждого. Но когда Он Сам, среди Своего великого служения спасению человеческому, прерывая Свою проповедь и Свои чудодействия, *бе отходя в пустыню и моляся* (Лк. 5:16); и когда, наконец, приближаясь к пределу Своего земного поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствам, удалился сперва с тремя избранными учениками от собора прочих, а потом и от трех избранных, в совершенное уединение, рекши: *Сидите ту, дондеже шед помолюся тамо* — тогда показал нам потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможном отлучении от всего сотворенного, погружающей душу в единое присутствие Божие.

Братие! С надеждою да входим в молитву общественную; поелику она благословлена словом обетования Христова: с любовию да входим в уединенную молитву; поелику она освящена примером Христовым.

Во-вторых, гефсиманское моление Христово должно вводить нас в умилительные помышления о глубоко смиренном образе моления Христова. *Поклонь колена моляшеся* (Лк. 22:41). *Паде на лице Своем моляся* (Мф. 26:39). *Паде на земли, и моляшеся* (Мк. 14:35). Когда подумаешь, что это Единородный Сын Божий, от вечности со Отцем и Святым Духом

царствующий на пренебесном престоле и теперь сего престола не оставивший, — что Он, облекшись в нашу нищету, немощь, низость, повергается в молитве на землю, чтобы молитвою исходатайствовать нам спасение, а смирением обличить, загладить и уврачевать нашу гордость, тогда пораженная мысль ищет, есть ли в мире довольно униженное место или положение, в которое бы человек мог себя унижительно повергнуть, дабы ему не слишком стыдно было пред сим Божественным унижением?

При таком размышлении как должны быть для нас легки и сладостны наши молитвенные коленопреклонения и земнопоклонения, которые так тяжкими кажутся иногда для нашей немощи и, может быть, для нашей лени!

В-третьих, Гефсимания, исполненная духом моления Христова, орошенная кровавым потом Его Богочеловеческого молитвенного подвига в навечерие дня Его распятия, представляет благоприятнейшее и благонадежнейшее мысленное место молитвы для сокрушенного грешника, для возмущаемого скорбию, тугою, унынием, страхом, для боримого всяким искушением. Ибо там сила всех возможных искушений побеждена силою молитвы Христовой: и сия победоносная сила не прешла, но пребывает и пребудет; потому что *Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки* (Евр. 8:8). Отчего Он, вступя на гефсиманское поприще, *начат скорбети и тужити* (Мф. 26:37), *ужасатися и тужити* (Мк. 14:33)? От предусмотрения ли приближающихся оскорблений и телесных страданий в Иерусалиме и на Голгофе? Но Он самые сии оскорбления и страдания не в воображении, а в самом их действии, в продолжение многих часов сей же ночи и следующего дня, пред синагогою и пред Пилатом, от иудеев и от язычников, в Иерусалиме и на Голгофе переносил, не изъявляя никакого страха, с победоносною твердостью, с высоким спокойствием, то с величием молчания, то со словом любви и молитвы о других, а не скорби о Себе. И если в одну новую таинственную минуту допустил услышаться воплю: *Боже мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46) — то немедленно по-

крыл оный торжественным гласом: *Совершишися* (Ин. 19:30). Отчего же еще прежде видимых страданий — скорбь, туга, ужас, прискорбие души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала в себе сия таинственная чаша, о которой Он и молился, *да мимо идет*, являя тем истинное восприятое человечество, не чуждое немощи, хотя чуждое греха, и которую в то же время принимал по предвечной воле Отца Своего, глаголя: *Не якоже аз хошу, но якоже Ты* (Мф. 26:39)? Увы! это горечь наших грехов, это тягость нашей виновности пред Богом и заслуженных нами казней, которые все принял на Себя *Агнец Божий, взявляй грехи мира* (Ин. 1:29); и таким образом Он скорбел, тужил, ужасался, прискорбен был душою даже до смерти не потому, чтобы истощалось Его терпение, но потому, что Своими внутренними страданиями очищал Он наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял раздраженному на нас правосудию Божию и с тем вместе молился о нашем помиловании, прощении и спасении, — и был услышан. Так изъясняет апостол Павел гефсиманское моление Иисуса Христа, когда пишет к евреям, что Он, *во днех плоти Своея, моления и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговейства* (Евр. 5:7). Как услышан, когда не избавлен от смерти крестной? Услышан тем образом, что Ему предоставлено Своею крестною смертию и воскресением избавить нас от владычества греха и смерти вечной. Итак, не правда ли, что в Гефсимании сила всех возможных искушений побеждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни был немоществующий и бедствующий вместе со мною, брат мой, если ты уязвляешься печалию греха; если стесняешься тугою души, неудобно возвышаемой верою, неудобно расширяемой любовью, неблагоподвижной на добродетель; если поражаешься страхом суда Божия; если искушаешься прискорбием души, простирающимся, по-видимому, даже до смерти, не предавайся унынию безнадежному; не дай скорби, туге и страху совсем одолеть тебя; собери останки твоих изнемогающих сил, беги мыслен-

но на победоносное гефсиманское поприще Иисусово, и там, где Сын благоволения и любви Отчей *паде на лице Своем моляся*; где пот Его молитвенного труда, яко капли крови, каплет на землю; где ангел укрепляет его в превышающем силу человечества подвиге, а двенадцать легионов других ангелов ожидают повеления для Него и от Него; откуда Дьявол бежит, поражаемый многообразною Божественною силою послушания Богу Отцу, человеколюбия, смирения, молитвы, самопожертвования, — там, недалеко от Агнца Божия, вземлющего грехи мира, повергнись с твоими грехами, скорбию, тугою, страхом от разверстых челюстей смерти и ада; и помняни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частию испита в великой чаше Христовых страданий; что под бремя, на тебе тяготеющее, уже подложил Свою облегчающую руку крепкий гефсиманский Подвижник; что твой Спаситель, совершивший для тебя всецелое дело твоего спасения, ожидает от тебя только *сообщения страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, веры, любви и благодарности. Предайся же сему благодатному общению и не преставай предаваться всем сердцем. Если хотя с малою верою, упованием и любовию к сему приступишь, от самого сего упражнения получишь приращение веры, упования и любви, а с ними и победу над искушениями; потому что *вера есть победа, побеждающая мир* (1 Ин. 5:4); потому что *упование не посрамляет* (Рим. 5:5); потому что *ни высота*, по-видимому, для нас недоступная, *ни глубина*, по-видимому, нас поглощающая, *ни ина тварь кая* *возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 8:39).

Благодарным ко Христу Господу сердцем да памятуем, братия, что *Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша*, что *наказанье мира нашего на Нем* было (Ис. 53:5). И посему да блюдемся всемерно, чтобы не нарушать нашего в Нем мира и не наносить Ему новых язв делами, уязвляющими нашу совесть, но внимательным хранением заповедей и верностию к благодати да утверждаем себя в мире и общении со Отцем и Сыном и Святым Духом! Аминь.

Слово в день Святой Пасхи

Говорено в Александро-Невской лавре в 1811 году

Христос воскрес!

Так, Он воскрес, христиане! *Воссияла истина от земли* (Пс. 84:12), куда низвели ее неправды человеческие и правый суд Божий. Печать, наложенная неверием на хладном гробе ее, растаяла от огня Божества, в нем таившегося. Тяжелый камень соблазна, покрывавший его, упал и только поразил иудейскую жестокость и еллинское высокоумие. Сей гроб, в котором недавно погребено было чаяние вся твари (Рим. 8:19), теперь пуст, и небесный вестник, сидя в его возглавии, кажется, чертит на нем доселе ни одному смертному неприличествовавшее надгробие, но которое отныне будет общим надгробием смертных: *где ты, смерть, жало? где ты, ада, победа?* (Кор. 15:55).

Как одно мгновение изменяет лицо мира! Я не узнаю ада; я не знаю, что небо и что земля. Ад ли это, заключивший рабов проклятия, который теперь отдает сынов свободы? Земля ли это, где Божество сияет пренебесной славою? Небо ли это, где поселяются земнородные и царствует человечество? Непостижимое прехождение от совершенного истощения к полноте совершенства, от глубочайшего бедствия к высочайшему блаженству, от смерти к бессмертию, из ада в небо, из человека в Бога! Великая Пасха!

Торжествуйте Пасху сию, счастливые странники страны несчастной! *И будет вам день сей в память, и празднуйте той праздник Господу во вся роды ваша: законно вечно празднуйте его* (Исх. 12:14).

Раскроем более свойство вечной Пасхи, дабы тем лучше определить внутреннюю цену торжества настоящего.

Известно, что как имя Пасхи, так и празднественное установление первоначально принадлежит евреям. Их Пасха знаменовала «прехождение» мимо их Ангела истребителя пер-

венцев египетских, исход из дома работы, избавление от лютого тирана. Агнец, снедаемый при наблюдении некоторых обрядов, изображал сии происшествия и составлял празднество.

Жизнь, сохраненная в Египте, но вскоре жалким образом потерянная в пустыне, — исшествие из дома работы, о котором, однако, не раз проливаемы были слезы во время четырехдесятилетнего странствования, — избавления такого народа, который после сделался образцом злополучий, стоили ли «вечного» празднования? Но вечная Премудрость определила представить ученикам своим сокращение книги судеб в истории сего удивительного народа — и его Пасха сделалась важной, будучи образованием другой, важнейшей. Вот как *в последок дней сих* (Евр. 1:2) разрешаются древние гадания. Иисус Христос, Агнец (Исх. 12) по кротости, совершенный по соединению Божества с человечеством (Исх. 12), *мужеск пол* по крепости для понесения немощей наших, *непорочный* по чистоте от греха, даже наследственного, агнец *единолетний*, то есть достигший в полноту естественного возраста, *закланый* на кресте, искушенный огнем правосудия Божия, дает себя в духовную пищу духовному племени Авраама. На таинственной *вечери*, всегда *без недостатка* и всегда *без избытка*, он *снедается в безквасии* чистоты. Между тем как прирожденное растление *убивает* в сынах века сего всякую мысль, всякое желание, *сих первенцев* разума и сердца, и они производят мертвы токмо дела; заветная *Кровь* Христова, *окропля* души верующих, возрождает в них небесное начало жизни. Чрез сие *работа* греху прекращается; *брение и плевелы*, низкая нужда и суетность не отвлекают более от свободного служения Богу, и невидимый *Фараон*, *миродержитель тмы века сего* (Еф. 6:12), изнемогает в своем неистовстве.

Такова, слушатели, новая, благодатная Пасха, прообразованная ветхозаветной.

Впрочем, сие торжество не есть еще полное и совершенное. Се есть таинство, еще сокрываемое *в дому едином*, во внутренности души отражаемой. Внутренне преходя к Богу от мира, мы еще остаемся в нем по внешнему человеку и, прича-

щаяся благодати верой, не можем вдруг истребить проклятия, проникшего, так сказать, сквозь всю поврежденную природу. Потому-то и к нашей духовной трапезе, так же, как и у евреев к пасхальной вечери, много должно быть примешано *горького*: прискорбия и напасти в изобилии растут на сей юдоли плачевной. Мы должны вкушать таинственную пищу со тщанием, с торопливостью и спастись бегством от рода строптивого. Должны быть *препоясаны чресла наши истиною* (Еф. 6:14); нам нужно быть в непрестанном подвиге против врагов ее. Должны быть *в руках наших жезлы* бодрости, каждый шаг угрожает нам претыканием и падением. Должны быть *сапоги на ногах наших* — древний *змий*, несмотря на то что сам получил смертоносный удар *во главу*, доселе *блюдет* нашу *пята* (Быт. 3:15), изощряет притупленное жало на плоть нашу.

О, бедная плоть! Ленивый прах, коим подавляется дух деятельный! Бремя, которое и в бегстве от мира следует за мною! Друг вероломный, враг лстивый! Помощник — изменник! Страшный — любимый! Куда я сокроюсь от тебя? Мирюсь с тобою, не победив тебя, и, не насладясь миром, возобновляю брань. Ты стонешь, когда я изнуряю тебя, когда поблажаю тебе, своевольствуешь. Острые терны прободают тебя, благоуханные розы погружают в негу и расслабление. Ты служишь целью для разжженных стрел лукавого и даже прикрываешь ковы его. Я стремлюсь к свету Сиона, ты удерживаешь меня *во тьме* египетской. И тогда, как ты в непонятной тебе тоске сама совоздыхаешь о Господе моем, и тогда, приближаясь к Самому источнику жизни, подобно как она Магдалина, все ищешь мертвого тела — чувственных образов. *Не прикасайся Мне* (Ин. 20:7), — глаголет тебе Господь; и самый дух, более или менее, принужден разделять с тобой сие осуждение.

Кто, кто из нас огражден от сих разнообразных искушений, сокрушавших иногда избранные, по-видимому, сосуды благодати? Убо *со страхом работая Господеву*, мы можем и *радоваться Ему* только *с трепетом* (Пс. 2:10). Позволено нам *вкушать и видеть яко благ Господь* (Пс. 33:9), но еще не насыщаться. Наша таинственная Пасха исхода, будучи событием

древних преобразований, сама есть токмо новое пророчество и ожидание торжественной Пасхи входа.

Полная и торжественная Пасха Израилева долженствовала совершаться в земле обетованной, *на избранном месте* (Втор. 16:6) присутствия Божия, в Иерусалиме, *граде покоя*, подобно и наша Пасха совершится тогда, когда окончим земной жизни странствование. Как Израилю кивот завета разделил воды Иордана для прохождения, так нам гроб воскресшего Ходатая Нового Завета откроет безопасный путь чрез потоки тления, но он пол-бытия нашего. Мы бросим ветхие останки плоти как странническую одежду и взыдем во Иерусалим горний. Тогда уже не двери алтаря сего, но нерукотворенная скиния Божия пред нами отверзется. Безлетный Агнец не под покровом Таинства, но во всем сиянии Своей истины явится нам. Трапеза богатая, без глада и без пресыщения! Хлеб ангельский, вино новое, уже не жизнь, а бессмертие! Не радость, а блаженство. Тогда-то, наконец, *вечная Пасха* сопряжется с *вечной Субботою*, вечное восхождение к Богу с вечным в Нем покоем.

По сему разумению вечной Пасхи должны мы, слушатели, судить и о настоящем праздновании. Поскольку торжественная Пасха входа в вечность для нас еще не приблизилась, а таинственная Пасха внутреннего соединения со Христом сокровенна от нас, то Церковь, для взаимного назидания своих чад, предваряет одну и некоторым образом открывает другую в наружном торжестве Светлой седмицы. Итак, чем живейшими чертами торжество сие изображает великую тайну христианского учения и благочестия — примирение и соединение человека с Богом, тем оно совершеннее, тем оно величественнее.

Что ж, если некоторые из нас ограничивают Пасху семью днями веселия, не помышляя о непрестанном ко Христу приближении? Если *упиваются от тука дому* Божия (Пс. 35:9), но не хотят и капли вкусить от горькой чаши Иисусовой? Если, вместо преимущественного над собой бдения, во дни святые предаются беспечности языческой, *седоша людие ясти и пити, восташи играти* (1 Кор. 10:7)? Если среди торжества духовной свободы работают единой плоти, празднуя Пасху новую,

остаются ветхими человеками; радуются о воскресении, а пребывают мертвы Богу? — Что будет таковой праздник? Ах, таковой праздник есть тело без души, и для таковых христиан — страшно, а должно сказать, — для таковых нет и воскресения Христова. *Ибо мы спогребомся Ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (Рим. 6:4).

О, Пасха велия и священнейшая, Христе! Настави нас праздновать Пасху исхода законно и благодатно, удостой нас торжествовать Пасху входа славно и вечно. Аминь.

Слово в день Пасхи

Говорено в 1845 году

Христос воскрес!

Уже провели мы несколько торжественных и знаменательных часов величайшего из праздников. Приходит на мысль спросить: довольно ли поняты нами самые первые минуты сего торжества? — Возвратимся от сего светлого дня к прошедшей, сперва темной, а потом не менее дня светлой ночи, и размыслим о том, что происходило.

В полночь поспешила собрать нас Церковь для начатия торжества. Почему так? — Потому что желательно было, сколько можно, сблизить начинательное время празднования с временем празднуемого, то есть Воскресения Христова. Время сие не совершенно нам открыто. Когда мироносицы при восхождении солнца пришли ко гробу Господню, он уже был открыт и ангелы возвещали воскресение Христово, уже совершившееся. Гораздо ранее потряслась около гроба Господня земля, ангел отвалил от гроба камень и светом своего явления привел в ужас и тем удалил стражей, чтобы открыть мироносицам и апостолам свободный доступ ко гробу. Еще ранее совершилось воскресение: поскольку оно совершилось еще при запечатанном гробе, как свидетельствует хранительница Христовых тайн

Святая Церковь; но только не прежде полуночи, поскольку оно, по предречению Господню, долженствовало быть тридневное, и потому войти хотя в первые послеполуночные часы дня после субботнего. В сих-то часах сокрытую беспримерно высокую и чудесную минуту воскресения желали мы уловить началом нашего торжества, чтобы праздник, по возможности, составлял едино с празднуемым событием, так как и празднующие призываются быть едино со Творцом праздника.

Непосредственно пред вступлением в торжество Христова Воскресения мы воспели песнь тридневного погребения Христова. Для чего сие? — Во-первых, и здесь порядок воспоминаний следовал порядку воспоминаемых событий; поскольку Воскресение Христово явилось из состояния тридневного погребения Христова. Во-вторых, пред самой радостью возбужденная благочестивая печаль должна была приготовить к более правильному и ясному сознанию и живому ощущению следующей за ней Божественной радости.

К торжеству приступили мы песнею, в которой исповедали, что Воскресение Христово ангелы поют на небесех, потом и себе просили благодати славить оное чистым сердцем; и сия песнь вначале возглашена в затворенном алтаре, когда Церковь еще молчала. Что значит сей чин? — И здесь видно последование событию. Ангелы узнали и прославили Воскресение Христово прежде человеков: ибо человеки узнали оное вначале от ангелов. Небо не отверзлось видимо для земли, когда Христос отверз оное невидимо, силою креста Своего и, вместе с Воскресением Своим, ввел в оное патриархов, пророков и святых ветхозаветных, при славословии ангелов. Верую, а не видением знаем мы сей торжественный крестный ход Церкви Небесной и, чтобы наше знание о нем было не слишком темно и образовательное подражание оному в Церкви земной не слишком мертво, для сего имеем нужду просить от Христа Бога благодати и чистого сердца; потому что *чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5:8).

Испросив от Самого воскресшего Христа помощь, чтобы достойно славить Его, мы начали славить Его весьма необычно-

венным чином. Оставив алтарь и храм, мы остановились в ночи, на западе, пред затворенными вратами храма; и там возгласили первое славословие Пресвятой Троице и Христу Воскресшему. Кадило и крест отверзли нам врата храма, и тогда из тьмы внешней вошли мы в его внутренний свет и неудержимо предались восторгам праздника. Здесь видны такие необычайности, что их надлежало бы признать несообразностями, если бы не предположить в них сокровенного и глубокого знаменования. Какое же это знаменование? — То самое, которое мы отчасти уже указали. В видимых действиях Церкви земной по возможности начертать образ невидимого торжества Церкви Небесной.

Это есть древний и высокий закон церковного богослужения, чтобы в нем представлялись образы небесного. Так, святой апостол Павел о ветхозаветных священниках писал, что они *образу и степени служат небесных* (Евр. 8:5). Христианская церковь ближе к небесному, нежели ветхозаветная. Ветхозаветная представляла большей частью образцы нисхождения небесного на землю — воплощения Сына Божия: христианская, после сошествия Его на землю, наипаче должна представлять то, как Он, по выражению пророка, *восшел на высоту, пленил плен* (Пс. 67:19) или, яснее сказать, пленников и рабов ада уловил и извел в свободу и блаженство, *приял даяния в человецех*, то есть Своею крестной заслугой приобрел человеку право на благодатные дары Духа Святого.

Воскресение и восхождение Христово началось не от гроба только, но и от ада; ибо, по крестной смерти Своей, Он был, как исповедует Церковь, «во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог. Даже до ада нисшел Он, и тамо сущую тьму разрушил». До сего, хотя патриархи, пророки и праведники Ветхого Завета не были погружены в глубокой тьме, в которой погрязают неверующие и нечестивые; однако и не выходили из сени смертной, и не наслаждались полным светом. Они имели семя света, то есть веру во Христа грядущего; но только Его действительное к ним пришествие и прикосновение Божественного света Его могло засветить их светильники светом истинной небесной жизни. Их души, как мудрые девы, были близ дверей

небесного чертога; но только ключ Давидов мог отпереть сии двери; только жених Небесный, Который из сих дверей вышел, мог войти в них обратно и ввести за Собой сынов брачных. Итак, Спаситель мира после того, как в видимом мире распялся и умер, в мире невидимом даже до ада нисшел, и души верных озарил, и от сени смертной извел их, и двери рая и неба им отверз; и, паки в видимом мире, «свет Воскресения показал».

Не примечаете ли теперь, каким образом сие невидимое Церковь соединила с сим видимым и одно в другом изобразила? Как бы вместе с обитателями невидимого мира, на западе, во мраке ночи, как бы в сени смертной, стояли мы пред затворенными вратами храма, как бы пред затворенными вратами рая. Через сие Церковь хотела сказать нам: так было до Воскресения Христова, и так было бы вечно без Воскресения Христова. Потом славословие Пресвятой Троицы и Христа Воскресшего, крест и кадило нам отворили врата храма, как бы врата рая и неба. Через сии знамения Церковь сказала нам: так благодать Пресвятой Троицы и имя и сила Христа Воскресшего, вера и молитва отверзают врата рая и неба. Горящие свечи в руках наших не только знаменовали свет Воскресения, но в то же время напоминали нам о мудрых девах и возбуждали к готовности, со светом веры, с елеем мира, любви и милосердия, встретить второе, славное пришествие Небесного жениха в полунощи времен и найти для себя отверстыми Его царские двери.

Вот некоторые черты нынешнего церковного тайноводства! Будем внимательны, братия, да будем и верны таинственному руководству Матери-Церкви!

Торжествуя Христу, для нас воскресшему, да взираем в то же время умиленным сердцем на Христа, за нас распятого, страдавшего, умершего и погребенного, чтобы радость не былась и не сделалась бессмысленной. Только тот имеет полную и неотъемлемую радость Воскресения Христова, кто со Христом и сам воскрес внутренне и имеет надежду воскреснуть торжественно, а сию надежду имеет только тот, кто примет участие в кресте, страданиях и смерти Христовой, как учит апостол: *Аще сообразны быхом подобию смерти Его, то*

и воскресения будем (Рим. 6:5). *С Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8:17). Праздничная радость, которая забывает крест и смерть Христову, призывающие нас к распинанию плоти со страстями и похотями, находится в опасности — начатое духом закончить плотью и празднующих Воскресение Христа превратить в распинающих Его вторично.

Вслед за ангелами вступили мы в торжество Христова Воскресения: с патриархами, пророками и праведниками образно в нем соединились; как в рай и в небо, введены в Церковь для празднования. Подумайте же, каково посему должно быть празднование наше! Оно должно быть близко к ангельскому; должно быть достойно общения с Небесной Церковью патриархов, пророков и прочих святых, должно быть достойно рая и неба. Не думайте, что сие требование слишком велико и неисполнимо для нашей немощи. Кто празднует чистым сердцем, тот празднует с ангелами. Кто празднует с любовью к Богу и Воскресшему Христу и в духе братолюбия к ближним, тот празднует в общении с Небесной Церковью; поскольку небо есть не иное что, как царство любви Божественной; и если, как уверяет тайновидец, *пребываяй в любви в Бозе пребываешь* (1 Ин. 4:16), то пребывает он, конечно, не ниже рая и неба. Но если не очень трудно возвыситься, чтобы праздновать в общении с ангелами и Церковью Небесной; то, к прискорбию, очень нетрудно и отпасть, и удалиться от их общения. Кто радость духовную погружает и погребает в веселии плотском, тот уже не с бесплотными ангелами празднует. Кто занимается земным так, что забывает небесное, тот не близок уже к Церкви Небесной. Кто не старается охранить свое празднование от дел греховных, тот не в общении со святыми празднует. Кто не хранит и не питает своего внутреннего света и небрежением попускает ему гаснуть, тому немного надежды увидеть отверстые царские двери небесного чертога, хотя и видит на земле отверстые царские двери святилища.

Христе Спасе, славимый на небеси ангелами и блаженными духами святых человек! «И нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить!» Аминь.

Слово в день Пятидесятницы

Говорено в Александро-Невской лавре в 1811 году

Исполнишася вси Духа Свята.

(Деян. 2:4)

После того как погрузившийся в твари, не могли сносить несозданного света, человек *скрылся* (Быт. 3:8) от Бога, и Бог скрылся от человека, дабы не истребить преступника святым Своим присутствием, Единый Триипостасный, по неизреченной благодати, вновь приблизился к отчужденному в постепенных откровениях, да *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святаго Духа* (2 Кор. 13:13) восставит и паки превознесет падшего. Явился Отец в обетованиях любви и милосердия и уstraшенного всемогущим правосудием грешника провождал к ходатайству Сына. Явился Сын под покровом человечества и, в Себе Самом победив грех и умертвив смерть, отверз благодати Святого Духа дверь к сынам гнева. Явился, наконец, Дух Святой в знамении огненных языков и проникнул в апостолах естество человеческое, дабы усвоить ему благоволение Отца и заслуги Сына и соделать, *да будем причастницы Божественного естества* (2 Пет. 1:4).

В тот самый день, в который дан некогда на Синае закон *духа работы в боязнь смерти*, в тот самый день исшел ныне от Сиона закон *Духа жизни, свободы, сыноположения* (Рим. 8:15, 2), да разумеем, что *не постигнутое* плотским Израилем *оправдание закона исполняется в чадах веры, ходящих по духу* (Рим. 9:31; 8:4), и общество спасаемых предызмеренным шествием приближается к совершению.

Итак, мы должны взирать на сошествие Святого Духа не токмо как на чудо, прославившее Апостольскую Церковь, но и как на событие, существенно сопряженное с делом нашего спасения. Настоящее торжество не есть простое воспоминание прошедшего, но продолжение апостольского приготовления к

приятно оного Духа, непрестанно *дышащего, идеже хочет*. Апостолы, как повествует книга их деяний, после постоянных и единокорных молитв *исполнишася Духа Свята*, и не только апостолы, но, по изъяснению святого Иоанна Златоуста, и пребывавшие с ними ученики, *имен народа вкупе яко сто и двадцать* (Деян. 1:16), *исполнишася вси*. И нас ныне Церковь, как и в иерусалимской горнице (Деян. 1:13), во храме сем собирает, дабы призвать Утешителя Духа истины, да приидет и вселится в нас.

Чтобы столь важное прошение не встретилось с древним упреком: *Не веста, чего просита*, — внимнем, слушатели, предварительно, что такое *исполниться Духа Свята* и сколь дар сей необходим для всех и каждого.

Не осмелимся говорить здесь о Духе Святом как о третьем Лице поклоняемой Троицы, исходящем от Отца и почивающем в Сыне, Сам только Божий Дух *испытует глубины Божия* (1 Кор. 2:10, 11). Дух, *посылаемый Сыном от Отца* (Ин. 15:26) в спасительных дарах, Дух, исполняющий человека, человек, исполненный Духа, — вот предметы, которые постигает человек, но и то человек, Духом же обитаемый. Мы, едва ли *начатой Духа имуще* (Рим. 8:23), только издалека, чрез зеркало слова Божия, проникать можем в явления сего великого таинства.

Что такое Дух Святой в первоначальных дарах Своих, сие изъясняет Сам Он Своими *огненными языками*. Он есть невестественный *огнь*, который действует двумя силами: светом и теплотой — светом веры и теплотою любви. Сей небесный свет, по выражению Соломона, *предходит и просвещает, дондеже исправится день* (Притч. 4:18). Разгоняет мглу неведения и сомнений, открывает обман призраков, которые погрязший в чувственности разум принимает нередко за истины, дает человеку видеть себя самого в наготе растленной природы, познать мир в отношении к душе и ощутить присутствие Бога, яко источника света, сообщает *уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 9:1). По той мере как свет от Солнца правды умножается в уме, согревается и воспламеняется сердце. Любовь Божественная изгоняет из него самолюбие, попирает в нем

терние плотских пожеланий, очищает, упраздняет его и взаимно привлекает в душу новый свет. Слияние сих неточных даров духовных образует *огненный язык*, изрекающий закон Бога *Слова в сердце* (Пс. 34:31) человека, *воображающий в нем Христа* (Гал. 4:19), совершающий возрождение в жизнь духовную.

Способ, каковым человек исполняется благодатных даров, есть единое нераздельное действие Святого Духа, которое, однако, в человеке начинается и прекращается, уменьшается и возрастает, длится и ускоряется, приемлет различные направления и виды; всегда соответствует готовности приемлющего, но никогда не зависит от его произвола; сопровождается ощутительными следствиями, но убегает от рассудка, желающего взойти к его началу. Простираясь из внутреннего во внешнее, оно уподобляется влаге, сходящей на руно Гедеоново (Суд. 6:38), которая из воздуха открывается в каплях воды и наполняет окрин, или ветру, примечаемому в тех движениях, которые он производит, но не в тех, которые его составляют. *Дух, идеже хочет, дышет, и глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет, тако есть всяк человек, рожденный от Духа* (Ин. 3:8). Какие же суть примечательнейшие перемены, которые могут означить путь Духа Божия в душе человеческой? Бывают минуты, в которые и преданный миру и плоти человек пробуждается от очарования, в каковом они держат его; видит ясно, что прошедшая жизнь его есть цепь заблуждений, слабостей, преступлений, измен Богу, что дела его, естественно, суть семя будущих казней и что самые добродетели его не постоят пред взором Вечного Судии; осуждает сам себя, трепещет всем существом своим и, будучи отчаян в самом себе, чрез сие отчаяние влечется к упованию на Бога: сие расположение к покаянию что есть иное, как не тот *Дух велик и крепок, разоряя горы и сокрушая камене* (то есть низлагающий гордость и умягчающий жестокосердие), который посылает пред Собою *мимолетающий Господь* (3 Цар. 19:11)? Что, как не то *дыхание бурно*, которое предвещает сошествие Святого Духа? (Деян. 2:2). Что, как не тот *страх Твой, Господи*, среди коего мы *во чреве приемлем Дух спасения Твоего*? (Ис. 26:18). Блажен, кто с покорностью

дает влещи себя сему стремлению Духа Божия! Оно поведет его *тесным путем* (Мф. 7:14) самоотвержения, заставит его самого исторгать то, что прежде посеял, и разрушать то, что создал; научит его *страдать и радоваться во страданиях* (Кол. 1:24); *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. 5:24), дабы совершенно предать дух в руце Божии. Мало-помалу бурное дыхание превратится в те кроткие *неизглаголанная въздыхания*, коими *Сам Дух о нас ходатайствует* (Рим. 8:26), — в тот живой глас, коим *вопиет Он в сердцах наших: Авва Отче* (Гал. 4:6); и тогда человек исполняет Христову заповедь о *непрестанной молитве* (Лк. 18:1), что при одних собственных силах было бы для него невозможно и по его склонности к рассеянию, и по неведению предметов и образа истинной молитвы: *О чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы*. С упражнением в непрестанной молитве неразлучно соединяется духовное уединение, в котором христианин, *вошед в клеть свою и затворив двери* (Мф. 6:6), пребывает, подобно как апостолы, в *ожидании обетования Отца* (Деян. 1:4). Он не вдается в развлечение, в коем миролюбцы, связанные суетными благоприличиями, преследуя утеху, преследуемы заботами, редко возвращаются к себе; но *пленяет разум в послушание Христово* (2 Кор. 10:5) и все свои желания или воскреляет горё, где живот его *сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. 3:3), или упокоивает *внутри себя*, где благодать, наконец, должна открыть *Царствие Божие* (Лк. 17:21). Исполняет обязанности своего состояния, не привязываясь к соединенным с ними выгодам; пользуется наружными благами, но не прилепляется к ним; приобретает так, как бы не имел нужды; теряет так, как бы отдавал излишнее. Если человек твердо решится, по возможности, удерживать себя в сем состоянии самоотчуждения, то скоро его *пустыня жаждущая процветет, яко крин* (Ис. 35:1); *зерно горушно, вверженное в вертоград души его, возрастет в древо велие* (Лк. 13:9); сквозь *тлеющий покров ветхаго человека*, отчасу более *совлекаемый*, будет *просиявать новый человек, созданный по Богу в правде и преподобии истины* (Кол. 3:9; Еф. 4:24); и дух святости дышать будет во всех его способностях и действиях.

Так исполненный Духа Свята человек не потемненному предрассудками оку представляет такой образ совершенства, пред которым, как тень, исчезает все, что мир называет прекрасным и высоким. Его, слушатели, оценил апостол, когда о некоторых подвижниках веры сказал, что их *не бе достоин весь мир* (Евр. 11:38). Благодать превращает в бесценное сокровище все, к чему ни коснется в человеке, ей преданном. В его уме сияет дух премудрости — не той, которой сыны века сего преимуществуют, по словам Спасителя, *в роде своем* (Лк. 16:8), то есть которая научает их быть изобретательными в способах и ловкими в случаях к снисканию временных выгод и умножать свое достояние не столько в себе, сколько во мнении других, но премудрости, *духовно востязующей вся* (1 Кор. 2:15), дабы все обратить в средства к единому вечному благу души. Его волю движет дух свободы: ибо *закон Духа жизни о Христе Иисусе* его *свободил от закона греховного и смерти*, который дает своим рабам столько тяжких владык, сколько есть нужд и прихотей, страстей и привычек. Во глубине сердца его почивает дух утешения и *мира, всяк ум превосходящего* (Флп. 4:7), который *Иисус Христос* дает ученикам Своим, *не якоже мир дает* (Ин. 14:27); ибо мир мира сего есть краткая дремота под шумом опасной бури — безопасность, основанная на неведении, так что радостные восклицания: *Мир и утверждение!* — иногда прерывает *внезапу нападающее всегубительство* (1 Сол. 5:3). Напротив того, мир, даруемый Христом, утверждается на непоколебимой уверенности в примирении с Богом, так что христианин в самых искушениях, скорбях и опасностях *не стужает си*, но и в *смерть предается мирно*, в увереннии, что *еже ныне легкое печали по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает* (2 Кор. 4:8—17). В нем обитает дух величия, которое не есть ни слепая отважность, ни гордость, покрытая пышностью, ни блеск естественных добродетелей, нечистых в своем источнике, но истинная возвышенность мыслей, занятых Богом, обширность видов, ограничивающихся одной вечностью, благородство чувствований, рожденных и воспитанных словом Божиим, — дух сми-

рения, который среди богатства благодати Божией усматривает в себе одну бедность и недостойнство, дабы тем более *величить Господа*; между тем как не возрожденные Духом Божиим в самых недостатках своих стараются находить нечто великое, самым унижением просят себе почтения, пресмыкаются, чтобы подавлять других, — дух силы, с которым христианин не есть более оный человек бессильный, пленник собственных чувств, со всех сторон открытый нападениям врага, побежденный прежде сражения и, дабы усмирить одну страсть, покоряющийся другой, но добрый воин, *облеченный во вся оружия Божия* (Еф. 6:11), *могущий вся о укрепляющем его Иисусе Христе* (Флп. 4:13), *силою восхищающий Царствие Божие* (Мф. 11:12). Что сказать о тех чрезвычайных дарованиях, о тех явлениях Духа, которые избранным Божиим даются на пользу (1 Кор. 12:47) других, в созидание вся Церкви?

О, несравненное счастье быть сосудом, жилищем, орудием Духа Божия! О, блаженство на земле небесное! О, таинство, в котором сокрывается все, чего ищет дух человеческий и о чем *вся тварь совоздыхает и сболезнует* (Рим. 8:22)! Но, *Господи! Кто верова слуху нашему и мышца Господня кому открыся?* (Ис. 53:1). *Плоть и кровь не являют* (Мф. 16:17) сего таинства: мир думает, что и на небесах дышат духом мира и, столь многократно слыша глаголющих языком Духа Твоего, доселе, так же, как прежде, ругается: *Вином исполнени суть*.

Так. Есть и между христианами люди, которым дары Святого Духа кажутся столь странными, что если не смеют совсем отвергнуть их, по крайней мере, относят к другим лицам и временам; а сами, не помышляя о возрождении, довольствуются или праздною надеждой на заслуги Ходатая, или даже собственной честностью.

Не будем обманываться привлекательным видом, который имеет обыкновенная мирская честность. Не быть врагом веры, не делать вопиющих несправедливостей, оказывать иногда благодеяния, убегать вредных излишеств — кратко, исполнять только необходимые и наружные обязанности человека и члена общества — значит только *повапливать свой гроб* (Мф.

23:27), который между тем остается *внутри-уду полн костей мертвых*; значит срывать *листвие древа животного*, данное во исцеление языком, не вкушать *плодов* (Апок. 22:2) его, долженствующих питать христианина; значит *иметь правду книжников и фарисеев*, которая не вводит в *Царствие Небесное* (Мф. 5:20). А проникнуть в изгибы своего сердца, отколе *исходят помышления злая* (Мф. 15:19), и там водворить чистоту и святость, а *соблюсти весь закон* и не согрешить ни *во едином*, дабы *всем* не быть *повинну* (Иак. 2:10), — какой своему токмо разуму и силам оставленный человек похвалится, что исполнит сие? Един Бог зиждет в человеке *сердце чисто*, и *дух прав обновляет во утробе* его (Пс. 50:12). Должно *родиться свыше*, чтобы *видеть Царствие Божие* (Ин. 3:3).

С другой стороны, когда *неистленное семя* (1 Пет. 1:23) сего вышнего рождения низведено на землю смертью Богочеловека, мы не можем и остальное представить бесконечной, впрочем, силе заслуг Его. Как? Разве Бог предал Сына Своего в жертву не только Своему правосудию, но и нашей неблагодарности? Разве мы для того познали действительность крестной жертвы, чтобы тем с большей беспечностью оставаться в бездействии? Так мыслить не есть возвышать цену заслуг Христовых, но паче унижать их и почивать на них с такой же пагубной безопасностью, как некогда иудеи *почивали на законе*. Если мы во Христа крестились, то согласно сему исповеданию да явим в себе плоды крещения не только водою, но и духом, ибо Христос крестит *Духом Святым и огнем* (Мф. 3:11).

Наконец, когда Божественный дар Духа кажется нам редким явлением, не заключим из сего, что он не для всех. Он для всех, коль скоро все для него. Если не примечают более следов Его, то или имеют очи — и не видят, или в самом деле вопрос: *Егда придет Сын Человеческий, обрящет ли веру на земли* (Лк. 18:8) — приближается к разрешению и самый мир находится при последнем издыхании. Вселенная знает, что случилось с ней тогда, когда рек раздраженный Бог: *Не имать Дух мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. 6:3). Тогда не только беззаконный род человеческий, но и

тварь, *повинувшаяся суете неволею*, потребились мстительными волнами. Еще подобное прещение — и наступит огненный потоп суда последнего!

Но доколе Бог сохраняет бытие наше, христиане, и благоденствие Церкви Своей, дотоле мы не можем сомневаться, что Дух Божий в ней пребывает. Так же, как при создании мира, Он *ношашеся верху воды*, носится Он и ныне, при продолжающемся воссоздании человека, над бездной расстроенного естества нашего и животворящим осенением оплодотворяет его к благодатному возрождению. Предадим себя Его всесильному действию, приведем к Нему наши мысли и желания от смешения плоти и мира, воззовем из глубины отпадения нашего, да снидет на нас и Своею благодатию, ходатайством Икупителя нам приобретенной, очистит, просветит, обновит, освятит и спасет, Благий, души наша. Аминь.

Слово в день Сошествия Святого Духа

*Говорено в Троицкой домовой церкви
князя А. Н. Голицына церкви 18 мая 1814 года*

*Исполняйтесь Духом.
(Еф. 5:18)*

Душа всякого праздника есть присутствие того, кому празднуют. И для празднующих день Святого Духа что может быть вожеленнее, как если бы сей Небесный Утешитель благодатным наитием посетил Свое празднество? Если бы Он, хотя уже не огненными языками осиял главы наши, по крайней мере, тайной искрой огня Своего коснулся наших сердец и воспламенил их ощущением присутствия Божия; подобно как некогда и *косныя, еже веровати, сердца* двух учеников возжигал Он так, что сии самые сердца могли указать им, по крайней мере, след присутствия Господня: *Не сердце ли наше горя бе в наю, егда глаголаше нам на пути* (Лк. 24:32). Благо сие так велико, что не знаю, можно ли его просить от «Сокровища благих» без

внутреннего содрогания и некоего удивления собственному дерзновению. Хотя, впрочем, церковь и каждый день, и в начале каждого молитвословия, приглашает нас молить Святого Духа, не токмо да «приидет», но и да «вселится в нас».

Но чего единое желание столь с нашей стороны трудно, слушатели, то самое, так просто и так щедро, предлагает нам ныне Дух Святой устами апостола, и не только предлагает, но заповедует, внушает, поставляет законом: *Исполняйтесь Духом!*

Сколь блаженную, Божественный Павле, но вместе сколь чудную и непостижимую ты даешь нам заповедь! *Исполняйтесь Духом*. Разве в нашей состоит воле исполняться Духом? Если сие сокровище столь близко и столь доступно, то почему оно столь редко и неизвестно?

Христиане! Конечно, между Ефесскими соучениками нашими, которым учитель языков первоначально дал наставление, нами рассматриваемое, не было человека, который бы его не разумел в сем случае и мог бы противоположить ему наши недоумения. Иначе Богодухновенный наставник, без сомнения, предупредил бы совопрошения вразумлением. Так, знали в то время *жаждущие* указанный некогда пророком путь, да *идут на воду*, и *елицы не имеют сребра*, да *шедшие купят и ядят*, да *шедшие купят без сребра и цены вино и млеко*. Ныне, по-видимому, и сребро *иждивается не в хлебы*, и *труд наш не в сытость* (Ис. 55:1, 2). Нам кажется, будто Господь слишком дорого ценит Свои блага и будто не наши мышцы ослабели для принятия, но Его рука сократилась для подаяния даров духовных.

Нет! Господь независтно *изливает от Духа Своего на всяку плоть* (Иоил. 2:28). Если мы не исполняемся Духом, то не даров Его недостает для нас, а нас недостает для даров Его. Да утешатся нищие Духом! Да воздвигнутся немощствующие плотию! Да оправдится Господь во словесех Своих!

Было время, когда апостолы, преимущественно святые храмы Святого Духа, не ощущали Живущего в них. Они уже обладали даром чудес, а еще не понимали начала и не примечали направления силы, в них действующей. Дух любви являлся в них духом гнева, и призванные в служение спасения

готовы были низвести с небесе огонь истребления. Сама Истина обличала их в столь странном неведении самих себя: *Не весте, коего духа есте вы* (Лк. 9:55).

После, когда тот же Дух, который вначале действовал в апостолах сокровенной силой, посетив их торжественным сошествием Своим, исполнил ведением и премудростью, они узнали Его столь ясно и столь близко, что решительно различали Его как от собственного, так и общего некоего духа, действующего в естественных, не возрожденных Духом Божиим человеках и, может быть, в них самих некогда действовавшего. *Мы же*, — говорит один из них, — *не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам* (1 Кор. 2:12).

Заметим, слушатели, что апостол не говорит: «Дадесе нам Дух», но *мы прияхом Духа*. Как бы так сказал: «Известно, что Бог дает Своего Духа каждому, кто расположен принять Его. Только люди по большей части поработаются и омрачаются духом мира. Мы же отвергли владычество сего мрачного духа, но приняли духом нашим светоносные влияния Духа, от Бога исходящего, и, таким образом, открылось в нас деятельное познание и ощущение даров», от Бога нам предустановленных. *Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам*.

Итак, поверьте нам, немощным служителям слова, поверьте избранным орудиям, посланникам и благовестникам Духа Божия, что, несмотря на некое самостоятельное бытие и свободу человека, он не только может находиться обыкновенно под правлением одного из двух начал, или *духа мира сего*, или *Духа иже от Бога*, смотря по тому, которого из них действие на себя свободно приемлет. Если вы сего, по-видимому, на себе не испытываете, сие токмо то значит, что *не весте, коего духа есте вы*.

Дабы по возможности приблизить к общему разумению сии тайные отношения духа человеческого к Духу Божию, да будет позволено употребить притчу и гадание, в которые сама Божественная истина облекалась нередко, дабы явиться взорам человеков, более или менее чувственных. — Младенец

во чреве имеет собственную душу и жизнь, но жизнь его погружена в жизни матерней, ею проникнута, ею питаема, так что в сравнении с полной жизнью человека едва может почитаться жизнью: вот образ того состояния, в котором естественный человек находится в мире. Дух его имеет собственную жизнь и свободу, но тем не менее, будучи во плоти, объят и нечувствительно правим силой мира: он мыслит, но по стихиям мира; желает, но так, как побуждает всеобладающая в мире похоть плотская, похоть очес и гордость житейская; действует, но в тесном и низком круге чувственного; живет, но по духу мира, *в отчуждении от жизни Божия* (Еф. 4:18). Впрочем, заключение младенца во чреве не есть решительное намерение природы, но токмо средство и путь, которым он ведется к полному бытию; и он должен изыти на свет, узреть красоту мира, вкусить от благ его, познать его Творца: таково и высшее назначение человеческого духа, объятого плотью и заключенного в мире. *Подобает вам родиться свыше* (Ин. 3:7), — *подобает*, ибо сие, по намерению Божию, не случайный токмо жребий некоторых, но утвержденный закон и предопределение всего человечества, к которому вся естественная жизнь служит токмо приготовлением и переходом. Узник мира должен быть *изведен из темницы* своей — *исповедатися имени Господню* (Пс. 141:8), *просветиться* светом Христовым, *вкусить дара Небесного и силы грядущаго века* (Евр. 6:4, 5) в течение еще настоящего века, приять в самом мире *Духа, иже от Бога*, начать на земле дышать небесным воздухом. И как рождающийся младенец, отрешаясь от жизни матерней, не имеет труда искать новой жизни своей, но в себе самом носит источник деятельности, непрестанно развивающейся и усовершеншающейся, вокруг же себя всюду находит воздух, нужный для своего дыхания, — так влекомый благодатью от мира и призываемый к вышнему рождению человек ближе находится к области новой жизни, нежели думает; ибо мы только можем быть далеки от Духа Божия, а Дух Божий не может быть далек от нас. Сей Дух, по словам Премудрого, *сквозь вся проходит духи* (Прем. 7:23), будучи неприкосновен во святыни своей и вез-

деприсущ своею благодатию: он изливается на всякую силу и способность, предающуюся его действованию, и в самом сердце ветхого человека отвергает источник новой жизни. *Веруяй в Мя*, — рек Податель Духа, — *реки от чрева его истекнут воды живы*. — *Сие же*, — присовокупляет возлюбленный ученик, изъясняя слова Небесного Учителя, — *сие же рече о Дусе, Его же хотяху приимати верующий во имя Его* (Ин. 7:38, 39). Наконец, вот важная разность между рождением естественным и духовным; первое достигается и совершается необходимым шествием природы, а последнее — свободным стремлением к Богу веры во Христа. *Веруяй в Мя*, якоже рече Писание, *реки от чрева его истекнут воды живы*. И для чего целые реки от единого чрева, когда единой капли от исполнения благодати довольно, чтобы оживотворить сонмы духов? — Для того, как рекло Писание, чтобы явить превеликое богатство благодати, по которой Дух Святой не токмо наполняет, но и преисполняет меру нашей готовности к принятию Его и, так сказать, более нам дарствует, нежели мы приемлем. Нам ли убо, чада веры, не познавать присутствия посреди нас Духа Святого и вопрошать о Его владычестве: где оно? А еще до торжественного сошествия Его на царство веры чада закона ощущали вездесущую и вседействующую силу Его столь живо, что нигде не могли скрыться и почить от благоговейного ужаса! *Камо пойду от Духа Твоего* (Пс. 138:7)? — восклицал Давид. Нам ли недоумевать, как самостоятельный дух человеческий может стоять под непрерывным действием Духа всемогущего? А еще во времена Иова разумели, что *дух есть в человецех, дыхание же Вседержителево есть научающее* (Иов 32:8)! Нужно ли припоминать и собственное наше исповедание, столь часто по гласу Церкви возобновляемое, которым, вводя себя в молитвенное приближение к Богу, возвещаем вездесущую и всеисполняющую силу Духа Его? — Везде сый и вся исполняяй!

Вся исполняяй! Но почему же не все Им исполняемся? — Видно, что самих себя должно вопрошать о сем.

Можно ли нам «исполняться Духом», если плоть, непрестанно враждующая на духа, не находит в нас никакой пре-

грады своему владычеству? Если в ее пресыщении, упоении, наслаждении мы угашаем даже свойственный духу нашему глад слышания слова Божия и жажду правды? Если мы токмо и живем в сию плоть, в которой, как по собственному опыту нас уверяет человек Божий, совсем *не живет доброе* (Рим. 7:18)? В таком случае мы сами течем под тяжкий суд Божий, изреченный на первый мир. *Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. 6:3). *Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6:7 — 8).

Можно ли нам «исполняться духом Божиим», если мы сами одушевляем себя токмо духом сего мира? Если только его стихийной мудростью исполняем наш ум, только его прелестями оживляем наше воображение, только его страстями возбуждаем наше сердце, только его законами правим нашу волю, только ему стараемся угодить нашим действовани-ем? Если лучшие наши чувствования и самые добродетели заражены тлетворным дыханием духа мира: любовь при-страстием, снисходительность ласкательством, благородство гордостью, трудолюбие корыстолюбием, благотворение тщеславием, достоинство презрением других, подвиги често-любием? Токмо те могут прияти *Духа, иже от Бога*, которые *не прияли духа мира сего* или изгнали его, *не любя мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2:15).

Можно ли нам исполняться Духом Святым, если мы еще преисполнены сами собою так, что нет в нас ниже столько упраздненного и очищенного места, куда бы хотя капля все-напоющей воды, по всей долготе и широте времен и мест *текущая в живот вечный* (Ин. 4:14) могла укануть и не пре-вратиться в брение нашим самолюбием и греховными остан-ками? — Наша нечистота есть оплот, которым заграждаем мы от себя токи Духа Господня, подобно устремлениям весенних вод посланного всюду *созидать* новую тварь и *обновлять лице земли* (Пс. 103:30), но то не есть еще и гнев, а паче милосердие Божие, что сии токи не проторгаются в души недостойные, ибо

святая и освящающая вода жизни, упавши на нечистое, воспы-
лала бы огнем всеподающим.

И потому, да не сетуют на Духа Господня и те, которые, хотя всеми силами отвергаются плоти, мира и самих себя и с духовной жаждою приходят ко Христу, однако *не пьют* еще от источника благословений, не ощущают в себе утешительно-го присутствия благодати освящающей и обновляющей или, ощутив, мгновенно теряют оное. В Евангелии написано, что некогда, между тем как Сам Иисус Христос проповедовал о *Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его, не у бе Дух Святой* приемлемый, *яко Иисус не у бе прославлен*. В другом месте Он говорит ученикам Своим, что и после неизменного Ему последования надобно прежде искушенным быть лишением видимого присутствия Его и потом уже взыти к таинственному общению Духа Святого: *Уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам; аще ли же иду, пошлю Его к вам* (Ин. 16:7). Даже по воскресении Его, когда Ему *дадеса всяка власть на небеси и на земли*, потребны были апостолам пятьдесят дней терпения, *единодушных молитв и молений* (Деян. 1:14), дабы они могли, упраздняясь от всего, единого, наконец *исполнитися Духа Свята* и начать жить в сем исполнении. Токмо *упраздняясь* от всего, удостоились они *праздновать* великий праздник Божий. Может быть, и для вас, ревнующие об апостольском исследовании Христу, но не ощущающие на себе *помазания от Святого*, — может быть, и для вас потому *не у есть Дух Святой, яко Иисус не у прославлен* в вас; может быть, вы прияли Его еще токмо, *яко пророка*, носящего слово Божие во устах Своих, но еще не посвятили себя Ему *яко священнику*, да в общении всемирной жертвы своей всецело вознесет и вас в благоприятное приношение Отцу Своему; еще не превознесли Его, *яко Царя*, да никакое желание и мысль не воздвигнется без Его манования. Может быть, *уне есть* и вам, — если *разумеете* и взыскуете *Христа более по плоти* (2 Кор. 5:16), нежели по духу, — да *отъимется* на время от душ ваших вожделенный жених, и лишение духовных утешений очистит вашу веру, возвысит любовь, утвердит

терпение, изошрит молитву, изгонит опасное самоуслаждение, приготовит сугубое блаженство.

Но те, в которых если не ощущается, по крайней мере, уже начинается сокровенной рукою помазание, не требуют, да кто учит их: *яко то самое помазание учит их о всем* (1 Ин. 2:27). Что мы сотворим, живущие токмо плоти и крови, которые Царствия Божия наследити не могут? Что будем мы, по духу мертвые, хладные и сухие, подобно рассеянным среди поля костям в Иезекииловом видении? *Оживут ли кости сия* (Иез. 37:3)? — вопрошал Бог пророка, желая ниспослать на них животворящего Духа Своего. *Не хотяя смерти грешников, но еже обратитися и живым быти им*, без сомнения, и на сии духовные остоны с таким же взирает милосердием и желанием их оживления Духом Святым. *Оживут ли кости сия?* — *Господи Боже, Ты веси сия.* — И ныне рцы Сам, еже рекл еси древле пророкам Твоим, яко есть в нас, иже проречет, — Сам рцы костем сим, *Се Аз введу в вас дух животен, — и дам Дух Мой в вас, и оживете и увесте, яко Аз есмь Господь.* Аминь.

Слово в Неделю вторую по Пятидесятнице

Говорено в Чудове монастыре 31 мая 1836 года

*Она же абие оставльше корабль
и отца своего, по Нем идоста.
(Мф. 4:22)*

Евангелие показывает нам ныне, с какой властью Господь наш Иисус Христос призывал избранных к последованию за Ним и в служение апостольское и, соответственно тому, с каким послушанием и с какими пожертвованиями они последовали его призыванию. Власть призывающего являет в Нем силу Божественную; послушание призываемых вразумляет нас о долге христианском.

На берегу моря Галилейского четверо рыбаков занимались своим делом. Двое закидывали сети, начиная лов,

другие двое в другом месте поправляли сети, видно поврежденные во время лова. Идет некто по берегу и говорит двум первым: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков*. Петр и Андрей могли узнать в призывающем Того, Которого Иоанн Креститель указал им на Иордане и назвал Агнцем Божиим и Который при первой встрече с незнакомым Симонем не только назвал его по имени, но и преднарек ему новое имя Петра, тогда непонятное и загадочное. Сии воспоминания должны были возбудить в Петре и Андрее почтительное внимание к словам призывающего Иисуса. Но при сем нельзя было им приметить и того, что призывающий был странник, беспомощный, не имеющий ни собственного дома, ни богатства, ни звания в обществе, почетного или начальственного. Как же вдруг пойти за Ним? Куда идти за человеком, который не имеет, где преклонить главу? Петр и Андрей имели какую-нибудь хижину, имели лодку, сети, рыболовный промысел — и от того пропитание: как бросить сие, чтоб идти за Тем, который и сего не имеет? — Но Он сделает *ловцами человеков*? — Что это значит? Как это возможно? Люди ловят людей в свою власть, подчиненность, зависимость, в свою волю, посредством предварительной власти над некоторыми людьми, посредством богатства, посредством разнообразного светского искусства, посредством сильных, богатых, образованных сообщников и единомышленников: ничего такого не имеют ни призывающий, ни призываемые быть ловцами человеков. Посему чего бы естественно должен был ожидать призывающий Иисус от Петра и Андрея? — Если не решительного отказа, то нерешимости, раздумья, колебания и борьбы между порывами на зов необыкновенный и привязанностью к быту обыкновенному, между желанием и надеждой неизвестного великого и между опасением потерять известное малое и не приобрести ничего. И что же, напротив, оказалось? — Решимость быстрая, готовность полная, последование зову неотсроченное ни на минуту. Петр и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовные сети, дабы они без пользы не пропали или не сделались добычей

хищника. Они просто их бросили. *Она же абие оставльша мрежи, по Нем идоста.*

Иисус идет далее по берегу и подобным образом зовет других двух рыбарей, Иакова и Иоанна. Действие зова оказывается подобное прежнему и, может быть, еще более удивительное. Из евангельской истории не видно, чтобы Иаков и Иоанн так рано и так благоприятно предварены были о Иисусе, как Андрей и Пет. Тем более удивительно, что и те приняли зов Его так же беспрекословно, как сии. Иаков и Иоанн, чтобы идти за Иисусом, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовных сетей, — оставить отца своего, но и сила сыновней любви, вместе с прочими противоборствующими чувствами и помышлениями естественными, не могли стоять против силы и слова Иисусова. *Она же абие оставльша корабль и отца своего, по Нем идоста.*

Что же это за сила, которая в немногих звуках слова Иисусова действует так внезапно, так неестественно, так победоносно над сильнейшими естественными привязанностями, чувствованиями, умопредставлениями? — По самому действию необходимо должно признать, что это сила высшее естественная, следственно, Божественная — сила слова Божия *живаго и действеннаго* (Евр. 4:12), — глагола, который *не возвращается тощ* (Ис. 55:11) к изрекшему его, Слова — которым *вся быша* (Ин. 1:3). То же Слово, соприносущное Богу Отцу, которое в начале мира непостижимым, Божественным образом *рече, да будет свет: и бысть свет* (Быт. 1:3), и вообще: *рече, и быша: повеле и создашася* (Пс. 32:9) теперь, облекшись в одежду человеческого естества, с той же Божественной властью глаголет человеческим гласом, и глаголемое творится. Тварь неудержимо никакими препятствиями устрояется и движется по гласу Творца, человек идет за Бого-человеком, рыбарь делается апостолом.

Из сказанного доселе усмотрим, братия, к нашему назиданию и утешению, сколь благотельно для нашей веры Господь Иисус повсюду являет Божество Свое и спасительную силу Свою, сколь дивная сила обитает в слове Его, ис-

шедшем из уст Его, и сколь богатое сокровище Божественной и спасительной силы предано нам в наследие в словах Господних, сложенных, как в некоей сокровищнице, в святом Евангелии.

Но при сих размышлениях о Божественном могуществе слова Христова надлежит принять в рассуждение и то, что сие Слово, всегда одинаково могущественное само в себе, неодинаково простирает Свое могущество на твари. Когда Оно глаголет твари как твари, тогда она покорствуется Ему необходимо. Так Иисус *запрети ветру, и рече морю: молчи, престани; и улеже ветер, и бысть тишина велия* (Мк. 4:39). Но когда Слово Божие глаголет твари как существу разумному и свободному, тогда предоставляет ей свободно внять глаголему и принять спасительную силу и действие глагола. Так глаголали Господь Петру и Андрею: *Грядита по Мне*; и сим не только побуждал их следовать за Ним, но и давал им силу исполнить сие и преодолеть все препятствия, однако не принуждал их, а предоставлял им свободно принять слово и силу слова, повеление и благодать исполнения. И потому, прославляя Божественную силу слова Христова, мы не должны оставить без замечания и человеческую в апостолах добродетель послушания слову Христову.

Как быстро подвиглась их свободная воля вослед призывающего слова Христова: *абие*, тотчас! Как верно за намерением последовало само дело: *по Нем идоста*! Как безусловно всем для сего пожертвовано: *оставльша мрежи, — оставльша корабль и отца своего*!

И вот, братия, и для нас пример, и указание общего христианского долга — послушания слову Христову, — послушания скорого, неуклонного, деятельного, никакими препятствиями не побеждаемого, на все жертвоания готового. Ибо не одним апостолам так могущественно глаголали Христос, но с той же Божественной силой глаголет и всем христианам или желающим быть христианами: *покайтесь и веруйте; бдите и молитесь; будьте милосердны; да любите друг друга; глаголет и вместе подает благодать исполнения. Самое повеление*

идти за Иисусом, хотя не в том смысле, чтобы всем быть ловцами человеков, но чтобы самим быть уловленными во спасение, относится ко всем христианам, как нетрудно усмотреть из другого изречения Его: *Аще кто Мне служит, Мне да последствует* (Ин. 12:26). Служить Христу, без сомнения, обязан каждый христианин, следственно, и последовать Ему должен каждый. Долг, которого нарушение тем неизвинительнее, что Дающий повеление дает вместе и силу исполнять оное, только что не принуждает.

Испытаем себя, христиане, и возбудим. Господь призывает нас, чтобы Ему служить и Ему последовать, и куда последовать? — *Идеже есмь Аз*, — говорит Он, — *ту и слуга Мой будет* (Ин. 12:26). Какую высокую цель Он указывает нам! И Он же дает силу достигать оной. Что же мы? Может ли каждый из нас, не запинаясь совестью, сказать: *Готово сердце Мое, Боже, готово* (Пс. 56:8)? Если и кажется в лучшие минуты наши, что душа наша *исходит в слово Его* (Песн. 5:6), идут ли также и дела наши вослед Его повелений и заповедей? Мрежи земных забот, привязанностей, пристрастий не опутывают ли наших ног, направляемых вослед Господа? Видя истинный путь Господень и слыша призывание на оный, не говорят ли некоторые: что же нам делать с нашими родителями, с нашими знакомыми, с нашими общественными связями, с нашими выгодами, которых нельзя взять с собою на сей путь? Да! *Узкий путь*, нельзя увлечь по нему за собою многого. Но надобно вспомнить, что нет иного пути за Христом, ко спасению, кроме узкого, и что нельзя прийти ко спасению, если не вступишь самым делом на истинный путь спасения. Если, не обманывая себя, желаешь спастись, то будь верным последователем Христа по пути истинной веры Его и заповедей Его, и как можно, оставляй позади себя все, что не может или не хочет проходить с тобою путем тесным, но единым спасительным.

Господи, в силе слова Твоего пошли нам благодать последования Тебе! *Влецы нас в след Тебе, в воню мира Твоего течем* (Песн. 1:3). Аминь.

Слово на Рождество Христово

Говорено в Александро-Невской лавре в 1811 году

*Велия есть благочестия тайна,
Бог явися во плоти.
(1 Тим. 3:16)*

Новый Адам исходит от девственной земли. Жена, источник проклятия, износит росу благословения. Является истинный Ной, который *упокоит нас от дел наших, и от печали рук наших, и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. 5:29). Безродный Мелхиседек (Евр. 7:3), рожденный без матери, рождающийся без отца, приходит наследовать Царство и Священство вечное. Проходит, наконец, долгая ночь страха и ожидания всемирного — и утренний свет проникает во мрак Ветхозаветного Святилища, отверстого не столько к ежедневному, сколько к вечному Востоку. Небесная Манна иссыпается от стамны, ее сокрывавшей. Жезл Иессеев прозябает вместо увядающего жезла Ааронова. Христос рождается.

Приидите, пастыри кроткие, и облобызайте Агнца и Пастыря — Агнца, пасущего пастырей, и Пастыря, имеющего собрать воедино мирное стадо: с агнцами волков и юнцев со львами. Приидите, волхвы мудрые, и поклонитесь тайнам Древнего Младенца, научитесь от Слова немолчующего, вкусите от Ангельского хлеба на трапезе бессловесных и видите, яко благ Господь. Сонмы небесных сил, *восхвалившие Господа, егда сотворены быша звезды!* — удвойте и утройте ваши славословия пред вашим Солнцем, и для нас восходящим. Христос рождается.

Христос рождается в Вифлееме: и в сем ли состоит вся настоящая радость и вся слава в вышних Богу? Слава Богу, если Он рождается и *для нас, ибо по намерению судеб, сие Отроча родися нам, и дадеся нам* (Ис. 9:6). Среди торжества о Его рождении Церковь страждет болезнью рождения, дабы Он вооб-

разился (Гал. 4:19) в нас. Не презрим радостной скорби нашей Матери: снимем хотя некоторые черты с образа рождения Иисусова и положим их в сердца наших.

Вифлеем был отечественный град предков Иисусовых, однако Иосиф и Мария не имели в нем ниже убогой хижины, ниже пяди земли наследственной, ни пребывания постоянного. Провидение рукою кесаря привело их в сие место, из которого предопределено было *изыти Вождю Израиля* (Мф. 2:6). Чуждые в земле предков своих, пришельцы в своем отечестве дали Отечество Сыну Того, *из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3:15). Христиане! Доколе мы живем в мире с беспечностью граждан и наслаждаемся им с самовластием обладателей, доколе Христос не может вообразиться в нас. Мир непрестанно силится выпечатлеть в душе нашей свои преходящие образы; насыщаемые желания рождают другие желания, которые не приметно возрастают в исполнов и зиждут Вавилон. *Блажен, иже имет и разбьет о камень веры самых младенцев* сего Вавилона и отчуждит себя от града zde пребывающего, дабы взыскать грядущего! Если бы Авраам, по гласу Божию, не исшел от земли своей и от рода своего, то он бы не получил славного завета, обетования и наследия. Если бы страждущий Израиль не решился подвергнуть себя трудностям опасного и неизвестного пути, то Иегова не исшел бы в силах его и не уготовал бы в нем жилище Себе. Если бы прозорливая мать не изгнала невинного Иакова от лица мстительного Исава, оный не пришел бы на страшное место *врат небесных*. Беспокровные токмо странники находят Вефиль и Вифлеем — дом Божий и дом Хлеба животного. Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба. Кто желает быть селением Сына Божия, тот должен иметь Отечество в едином Боге и, при всей привязанности к Отечеству земному, впрочем, весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградием небесного.

Иисус, ничего не заняв от мира в своем рождении, по видимому, не хотел и ему показать ничего собственного. Древоден получил имя отца Его, носившая Его во чреве, по Ее при-

знанию, не принесла к сему служению другого достоинства, кроме чувствования Своего недостойства: *Призре на смирение рабы Своея* (Лк. 1:48). Он скрыл неизмеримую вечность Свою за днем Своего рождения, престолом Царя царствующих соделались ясли, утварью — пелены, первыми слугами Царствия — пастыри стада. Божия сила и Божия премудрость сокрыты в немощах младенчества. Но кто может измерить расстояние от высоты Божественного Существа Его до глубины Его уничижения? Конечный ум не может следовать за Ним, как в Его восхождении превыше всех небес, так и в Его нисхождении до бездн нашего естества. Что же при виде толикого смирения должно чувствовать сердце, желающее быть подобным образу Иисуса? — Сила ума, великость духа, знаменитость дел, преимущества знаний! Я вами не прельщаюсь и не завидую тем, которые гордятся вами. Нет высшей мудрости, как отречься от мудрости для Иисуса; нет большей славы, как разделить бесчестие с Иисусом; нет избыточнейшего состояния, как нищета Иисуса; нет иной двери к совершенству и блаженству, как младенчество Иисуса, нет лучшего украшения для души, в которой Он должен обитать, как видеть себя чуждым всех украшений, подобно яслям Его. — Ток благодати, подобно речным устремлениям, изливается в доли: кедры на горах блюдутся громам и молниям. Бог творит из ничего — доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает Своего дела. Смирение и отвержение себя есть основание в нас храма Его: кто более углубляет оное, тот выше и безопаснее созиждет.

Одной из существенных принадлежностей рождения Иисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взором, ниже мыслию. Она должна была иметь обручника, но токмо для того, чтобы он был защитником и свидетелем Ее целомудрия и чтобы Ее священное девство не казалось осуждением брака. Между тем Она была, как единодушно исповедует Церковь, Дева прежде рожdestва, в рожdestве и по рожdestве. Взирай на Ее пример, стремящаяся к соединению с Богом душа, и виждь в зеркале совершенства Ее твою обязанность. Господь

есть Бог ревнивый — тогда как Он гласом отеческой благодати говорит человеку: *Даждь Ми, сыне, твое сердце*, праведная ревность Его не менее в духовном, как и в нравственном смысле заповедует: *Не прелюбы сотвори*. Тот, Кто дал нам сердце, не довольствуется большей или меньшей его долей: оно все должно принадлежать Владыке всяческих. Он не признает достойной Себя никакой любви, которая не основывается на любви к Нему; всякое услаждение, в котором ищем себя при страстно, всякая мысль, наклоненная к тварям, всякая рассеянность есть удаление от Него. Строгая токмо над собой бдительность может возвести к блаженному с Ним соединению и удержать в нем: *Всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходяща живота* (Притч. 4:23). Небесный жених обручается с мудрыми токмо и непорочными девами, не дремлющими при Его чертоге; девственная, к единому Богу обращенная душа зачинает духовную жизнь и рождает блаженство чистого созерцания. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*; и где? — в самом сердце своем. Чистая душа, подобно как чистая вода, приемлет в себя живые изображения солнца и неба.

Не будем долее удерживать взоров на тех чертах в образе рождения Иисусова, которые желающих начертать оный в душе своей могли бы утратить трудностью подражания. Но еще один взгляд на те черты того, в которых сквозь самое уничтожение сияла Его Божественная слава и которые вслед за первыми благодать раскрывает и в нашем рождении духовном.

При рождении Христовом ангелы воспевают славу Божию и мир на земле; они воспевают и при нашем возрождении славу благодати и мир человека с Богом. *Радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся* (Лк. 15:7). Ко Христу приходят с благоговением пастыри и волхвы, несмотря на убожество и неизвестность, которые отделяли Его, по-видимому, от всего мира; так и соединяющийся со Христом соединяется в Нем со всеми верными Ему, столько же неразрывным, сколько непостижимым союзом; тот Дух, который образует из них единое общество или паче единое тело, иногда нечаянно, всегда благо-

временно, сближает их друг со другом, дабы взаимно наставлять и поучаться, утешать и принимать утешения, исповедовать милость и славу Божию. Христу приносятся дары: злато, яко Царю, ливан, яко Богу, смирна, яко мертвому за смертных. Но не обещает ли Он и нам, что ищущим Царствия Божия *вся приложатся* (Мф. 6:33)? Не хочет ли *сотворить нас цари и иереи Богу и Отцу Своему* (Апок. 1:6)? Не сопрягает ли нашего духовного рождения с тою животворящей смертью, после коей *живот* наш будет вместе с *Ним сокровен в Бозе* (Кол. 3:3)?

О Боже, давший нам Сына Твоего! Чего Ты нам с Ним не дарствуешь? Дажь токмо нам родити в себе дух Христов и жити Его жизнью. Тогда пусть и против нас, как некогда против Него, *мятется Ирод и весь Иерусалим с ним*, пусть неистовствует князь века сего, и весь мир вооружается: Ты, покрывши нас в тайне селения Твоего, на воде покойне воспитаеши нас, и чрез Ангела завета Твоего введеши нас в гору святую Твою. Аминь.

Слово на второй день праздника Рождества Христова

Говорено в придворной церкви в 1814 году

*Ангел Господень во сне явися Иосифу, глаголя:
встав, поими Отроча и Матерь Его,
и бежи во Египет, и буди тамо, дондеже реку ти:
хочет бо Ирод искати Отрочате, да погубит е.
(Мф. 2:13)*

Чудно и ужасно! Ангелы, которых естества не приял Сын Божий, торжествуют Его на земле рождение; ангелы стараются спасти жизнь Пришедшего спасти человеков, а человек, для которого Сын Божий соделался сыном человеческим, ищет погубить своего Спасителя. Воинство небесное проповедует на земле мир, но вместо того начинается неслыханная война: с одной стороны, царь Ирод и весь Иерусалим, с другой — Отроча Иисус и Его телохранители, все младенцы Вифлеемские.

Правда, царь не победил Отрочате: воинство младенцев не предало Вождя своего в руки врагов, но своей кровью пожертвовало за жизнь всеобщего Искупителя. Напротив того — невидимая месть постигла Ирода и его соумышленников: *изомроша ищущий души Отрочате* (Мф. 2:20). Но сия победа не принесла мира, ниже безопасности Победителю. Иосиф не дерзает даже ввести Его в отческий град: *убояся тамо ити* (Мф. 2:22).

После сего уже неудивительно, что возраст Отрочате Христа принесет Ему новые брани, новые опасности. Едва Он явится миру, все видное в мире возжелает затмить славу Его. Фарисеи, книжники, священники, князи, судии, правители обратят против Него каждый свое оружие. Когда же победа возведет Его на небеса, все земные силы, народ и вельможи, мудрецы и кесари подвигнутся для истребления от земли мирного Царства Его. Кровопролитие, начатое в Вифлееме, обогрит царства и веки.

Возвращаясь от воспоминания сих печальных событий, с каким утешением успокаивается дух при виде великих и сильных земли, смиряющихся пред Отрочатем Вифлеемским, полагающих лучшую славу свою в служении Ему, ищущих своего веселия в Его Евангелии!

Но что такое, христиане, так долго раздражало и, может быть, частью еще раздражает людей против Иисуса Христа, в самые дни крепости Своей кроткого и незлобивого, как отроча, и заповедавшего всем Своим последователям, да будут *яко дети* (Мф. 17:3)? — «Любовь к миру», — отвечает представленный ныне в Евангелии пример Ирода и дает нам случай свидетельствовать против сей любви, сколько суетной, столько вредной и богопротивной.

Не будем говорить о той любви к миру, в которой и самый мир, согласно с Евангелием, признает вражду против Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требует посторонних обличений. Есть иная любовь к миру, которая, по-видимому, примиряется с любовью к Богу, которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтобы ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия,

только чтобы мир видел и одобрял их, даже любит ходить в храмы богослужения, только чтобы мир за ней последовал. С сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и повергнуть оную под строгий суд, производимый Евангелием на всякую любовь мира без исключения: *любви мира сего вражда Богу есть* (Иак. 4:4).

Тех, которые при самом желании своем принадлежать Богу, не могут еще отторгнуться от мира, привязывает к нему наипаче троякий узел: прелесть его благ, сила его примеров и надежда совместить с любовью к миру служение Богу. Слово Евангелия, как духовный меч, рассекает сие сплетение обманов и открывает свободному оку суетность благ мира, опасность его примеров и тайное семя вражды против Бога, заключенное в самой, как говорят, невинной любви к миру.

Там, где мир восприимлет всю возможную важность и великолепие, дабы привлекать взоры, которых он не может не уважать; где неразлучная с ним подражательность облакает его в виды тех совершенств, которым он удивляется, и заставляет брать высокие примеры, дабы тем полномочнее давать свои собственные; где близость великих бросает некую тень величия на самые малые предметы, — могло бы случиться, что сей блеск или ослепил проныцание, или поколебал твердость, или уничтожил доверие служителя слова, долженствующего в лице самого мира свидетельствовать его ничтожность. Но Дух Божий, который приходит *обличить мир* (Ин. 16:8), предупредил сие затруднение, воздвигнув Себе свидетеля, которого нельзя упрекать ни дерзостью или пристрастием, ни неведением и неопытностью. Мудрейшего и счастливейшего из царей Он облек званием Екклесиаста, то есть проповедника, и вдохнул ему слово суда на всякое благо, счастье и славу мира. Что же проповедует сей царственный проповедник? *Суета суетствий*, — рече Екклесиаст, — *суета суетствий, всяческая суета. Видех всяческая сотворения, сотворенная под солнцем: и се вся суетство и крушение духа. Се аз возвеличихся и умножих мудрость паче всех, иже быша прежде мене во Иерусалиме: и уразумех аз, яко и сие есть крушение духа. Рекох аз в*

сердце моем, прииди убо, да ты искушу в веселии, и виждь во блазе: и се такожде сие суетство. И призрех аз на вся творения моя, яже сотвористе руце мои, и на труд, имже трудихся творити, и се вся суета. И возненавидех аз всяческая мира (Еккл. 1:2, 14, 16, 17; 2:1, 11, 18).

Св. Златоуст (Слово на Евтропия) находил Соломонову проповедь о суете столь важной, что желал, дабы она «была написана и на стенах, и на одеждах, и на соборищах, и на домах, и на путях, и на вратах, и на внутренних входах, а всего паче на сердце каждого». Можно сказать, что суета и действительно повсюду написана, только не всегда на челе и на лице вещей, и мы читаем сие поучительное надписание по большей части уже тогда, как несколько времени обращаем оные в руках наших. В самом деле, что сие значит, что вчерашнее украшение сегодня перестает нравиться, что повторяемое сладкопение начинает терзать слух, что приобретенная честь или сокровище отражает сердце наше к новым исканиям, что расширяемый круг познаний только более отверзает пред нами неизмеримую страну неизвестностей, а в нас — ненаполнимую пустоту любознаний? Не то ли, что дух наш невольно находит поражающее начертание суеты на всем, что занимает нас в мире: на наших удовольствиях, на нашем богатстве, на наших достоинствах и на самой мудрости нашей? Творец всех вещей рассыпал по ним сие начертание: подобно как попечительный отец на орудиях детских забав напишет буквы, которым дети должны научиться.

Горе легкомысленным детям, которые не приемлют учения между играми! Орудия игр непрестанно будут у них отнимаемы, а ненавистное учение останется и будет нападать на них с оружием угроз и наказания. Так, если мы, употребляя блага мира, не поспешим уразуметь в них *суету суетствий и суету всяческих*, то, между тем как сии тленные блага ежечасно будут исчезать в руках наших, *суета* будет оставаться в сердце нашем, как терние после цветов, и разнообразными уязвлениями будет производить крушение духа. Тогда в самом пресыщении чувств поселится вечный глад; слабость приобретения и об-

ладания отравляема будет заботами сохранения и страхом потери; счастье и слава других будут казаться несчастьем и бесславием нашим; свет познаний, как ночной призрак, то будет непостоянно мерцать в дыме гордости, то ниспадать отчаянно в брение нечистой жизни; наипаче же смертный помысл, как строгий пестун, являясь нечаянно, будет приводить в смятение и трепет резвых чад удовольствия. Таким образом, обильная жатва приводит раба суеты в такое же недоумение, как убогого недостаток дневного пропитания: *Что сотворю?* (Лк. 12:17). Благодать чудотворений, явившаяся в Сыне тектонове, паче язв египетских мучит честолюбивых вождей народа: *Что сотворим? Яко Человек Сей многа знамения творит* (Ин. 11:17). — Невразумительный слух о рождении безвестного младенца, принесенный в столицу иноплеменниками, колеблет царя на престоле, на твердость коего тем менее он полагался, чем более дорожил его блеском: *слышав Ирод царь, смутися* (Мф. 2:3).

Сынове человечестии! Доколе тяжкосердии? Вскую любите суету? (Пс. 4:3). Вместо того чтобы умудриться от нее? Почто *ищете лжи*, которой мир прельщает, не примечая истины, которой он скрыть не может? — *Преходит образ мира сего* (1 Кор. 7:31), — не образ только некоторых вещей, но и образ всего мира; и что будет с любовью к миру, когда он пройдет невозвратно? *Земля, и яже на ней дела, сгорят* (2 Пет. 3:10): куда же тогда пойдут бессмертные желания, обвыкшие питаться от земли? Где будут самые глубокие мудрования, которые, однако, также ископаны от земли? *Будет небо ново и земля нова* (Ис. 65:17): допустят ли нас внести туда с нашим сердцем останки ветхого мира?

Обратимся к мудрейшему из царей. Как счастливо суетой исправляет он свою мудрость, познав ничтожность тех вещей, которые ложным блеском не раз осуетили помышления мудрых: *Уразумех аз!* Как суетою же исцеляет от мучений суеты, открывая суету самой сей суеты: *Суета суетствий!* Как суетой мира сего приуготовляет себя к лучшему и непреходящему миру, перестав любить мир суетный: *Возненавидех аз всяческая мира!*

К сожалению, многие ближе знают Соломона, подобно прочим, обращающегося в вихре земли, но теряют из вида Екклесиаста, стоящего в солнце истины и проповедующего суету земнородным. Бедственное ослепление людей, прельщенных миром, увеличивается тем, что слепые слепых же избирают вождями себе или дают влещи себя множеству, на которое, опираясь десницей и шуйцей, мнят быть безопасны от падений. На что же, христиане, дано нам собственное око ума, на что вожжен пред нами светильник откровенной Богом истины, если бы мы могли ходить по единому осязанию примеров мира?

Внидем в Иерусалим, в котором Евангелие показывает нам сокращенный образ мира: и приметим, куда приводят примеры сего мира, приемлемые слепым подражанием. — Весть о рождении Христа Царя приносится в Иерусалим, который ожидал в Нем своего избавителя. Ирод, которого не священное право наследия, но честолюбие возвело на престол Давидов, и который утверждал власть свою более притворством и насилием, нежели правлением истинно благодетельным, не мог спокойно слышать о законном Царе иудейском, хотя Сей был еще в пеленах и скрывался во мраке неизвестности. *Слышав Ирод царь, смутися.* Но что Иерусалим? Познает ли он время посещения своего? Восклоняет ли главу, поникшую под чуждым игом? Радуется ли? Благословляет ли Господа Бога Израилева, *яко посети и сотвори избавление людем Своим, и воздвиге рог спасения им в дому Давида отрока Своего* (Лк. 1:68 — 69)? Напротив! Вид расстроенного властителя, как в зеркале, отражается на участниках его несправедного владычества; от сих тот же образ запечатлевается в раболепных человекоугодниках; размножается любопытством, лукавством, неблагоприятным; и, наконец, весь Иерусалим наполнен и объят нелепым беспокойством и богохульным смущением о благодатном для всего Израиля и всего мира событии: *Ирод царь смутися, и весь Иерусалим с ним.*

Да помыслят при сем люди, которые думают, что живут как должно, если живут как большая часть, — да помыслят они, долженствовали ли во время сего смятения Иерусалима

Захария, или Симеон, или волхвы подражать примеру множества и по господствующему мнению учреждать свои чувствования и деяния! — Или заблуждал мир в одном Иерусалиме?

Благословенно время и страна, где пример великих и сильных земли служит светильником для народа и не позволяет сгуститься тьме, распространяемой миродержателями тьмы века сего! — Но доколе не приидет Царствие Отца Небесного, призываемое нами в молитве, — и под видимым владычеством благочестия всегда есть тайные самовладыки, которым Христос Царь не угоден, поскольку Он требует совершенного повиновения и отречения от любимых страстей и вожделений: и пленники примеров мира последуют за оными, не примечая, что находятся в порабощении у возмутителей. Какой же признак сих возмутителей и возмущаемых? О Царю Христе! Мир не хочет верить, но Ты Сам уверяешь нас, что знамение не принадлежащих Тебе есть многочисленность: *мнози суть звани во Царствие Твое, мало же избранных* (Мф. 20:16); что те, которым Отец Твой благоволил дать Царство, суть *малое стадо* (Лк. 12:32); что *узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7:14)! Нет, мир не руководитель, которому последовать, но враг, которого побеждать должно чадам Божиим: *всяк рожденный от Бога побеждает мир* (1 Ин. 5:4). Образ мыслей и чувствований, наиболее одобряемый, нередко есть наиболее опасный; пример, от которого заповедано нам остерегаться, есть точно пример наиболее общий; обычай, принятый всегда и везде; дух времени, которым дышат и живут: *не сообразуйтесь веку сему* (Рим. 12:2).

Может быть, вы желали бы, христиане, осуждаемый Евангелием образ века сего видеть представленным в чертах более ясных и раздельных, дабы тем непогрешительнее различать, что *в сынах века сего* недостойно сынов *века онного*; но Тот, Кто не позволил прежде времени отделять плевелы от пшеницы, дабы с восторжением оных и сия не была исторгнута, и *оставил расти обоя купно до жатвы* (Мф. 13:30), оставил также обветшавающий образ века сего и посреди его тайной рукой новонаписуемый образ века грядущего, в нерешитель-

ных, смешанных и пресеченных чертах, до преопределенного времени совершения, когда, наконец, и на целых сонмах рабов и врагов Божиих, и на каждом челе явится там светлое имя Отца Небесного (Апок. 14:1), а там — страшное *начертание зверя* (Апок. 14:11), имеющего сотворить открытую, но гибельную для себя брань с Агнцем Христом. Ныне же токмо то известно, что мир есть пещера и ложе, где рождается и воспитывается зверь; и поле, на котором с пшеницей зреют плевелы, огню блюдомые. Но не довольно ли уже сего разумения для того, чтобы оно управляло заповеданной нам осторожностью? — Чем глубже *весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5:19), так что различие зла и блага становится в нем как бы едва видимым, тем с большей осмотрительностью мы должны в нем прикасаться даже к тому, что кажется благом. Если весь мир исполнен плевел и доселе не мог быть очищен от них, то может ли быть очищена от оных душа, исполненная миром? Если враг Божий сокровенно зачинается и живет в сердце мира, то может ли любовь Божия обитать в любви к миру?

Итак, вотще стараются некоторые утончать любовь к миру, вместо того, чтобы отсекасть ее, и вместо того, чтобы побеждать оную любовью к Богу, надеются примирить одну с другой. Как бы кто ни облекал свою любовь к миру видами добродетелей: воздержания, трудолюбия, нестяжательности, кротости, благотворительности; но поскольку душа всех добродетелей есть любовь, то все добродетели его знаменуют токмо сына века сего, живут и дышат миром и с миром исчезнут. И как две души не могут одушевлять единого тела: так две любви — любовь к Богу и любовь к миру — не могут одушевлять единой души. *Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем* (1 Ин. 2:15). Где же нет любви к Богу, там должна быть по необходимости, хотя иногда сокровенная и не примечаемая, вражда против Него, ибо пред высочайшим благом нет места равнодушию. В Царстве Вседержителя всякий отдельный союз есть восстание на всеобщего Владыку: кольми паче союз с областью, очевидно зараженной духом буйства и своеволия. *Любы мира сего — вражда Богу есть.*

Воззрим еще раз на Ирода, в котором Евангелие обнажает совершенно сие глубокое и крайнее зло любви к миру. Сия любовь обыкновенному взору представляется в Ироде такой, что желающие избавить ее от имени порока и ввести в общество добродетелей могли бы начать с сего примера. Рождение Царя иудейского приводит Ирода в смущение. Что же? И не простительно ли некоторое смущение при угрожающей потере владычества и чести? Но притом же смущение было, по видимому, кратковременным порывом страсти, которая вскоре покорена рассудку. Ирод не запретил волхвам благоразумного исследования о Царе иудейском, но еще содействовал им чрез способных к тому людей: *Собрав вся первосвященники и книжники людския, вопрошаше*. Он сам исповедал грядущего Христа: *Где Христос рождается* (Мф. 2:4)? Он желал достоверных сведений о Его пришествии: *Шедшие испытайте известно о Отрочати*. Наконец, он готов был сам поклониться Христу: *Яко да и аз шед поклонюся Ему* (Мф. 2:8). И какое беспристрастие и благочестие! — восклицали, вероятно, иерусалимляне. Мир остался бы в сем обольщении, произведенном любовью к миру; но вдруг явилась небесная истина: *Ангел Господень явился*. Он оставляет без внимания искусственные слова и добродетели, поставленные на зрелище: ведет нас прямо в сердце творца их и открывает, может быть, еще самим Иродом не примеченное хотение, возникающее из глубины души его: *Хочет Ирод*. И что мы видим? — Смерть Спасителя мира, запечатленную в душе миролюбца. *Хочет Ирод искати Отрочате, да погубит Е* (Мф. 2:13).

О, если бы мы могли утвердиться в вожделенном уверении, что мир не воздвигает окрест нас подобных сему лису противу Агнца Христа! *Изомроша ищущии души Отрочате!* Но когда призванные воинствовать под знаменем Победителя мира (Ин. 16:33) ценою тленных благ увлекаются на страну мятежа; когда овцы Пастыря, имеющего малое стадо, мнят обрести лучшую пажить посреди хищных зверей и нечистых животных; когда довольствуются тем, что имеют рукою мира написанный образ благочестия (2 Тим. 3:5), не предаваясь его

силе сокрушающей и воссозидающей, умерщвляющей и возрождающей, — то не ищут ли еще, хотя не Иродовым путем, — не ищут ли, однако, души Отрочате? Не восстают ли то есть, хотя, может быть, сами того не примечая, против истинного духа Христова?

Оставим Соломону, которого поставили мы первым свидетелем против любви к миру, запечатлеть сие свидетельство и положить настоящему слову соответственный ему конец: *Конец слова: Бога бойся, и заповеди Его храни: яко сие всяк человек* (Еккл. 12:13). Противопоставь обольщениям любви к миру страх Божий и по заповедям Божиим принимай или отвергай подаваемые тебе примеры, а не составляй себе из одобряемых в веке сем примеров собственных заповедей. Храни заповеди Божии, дабы мир, под видом благоустройства и украшения твоей наружной деятельности, не похитил оных из сердца твоего. *Яко сие всяк человек*: то есть сыновний страх к Богу и хранение заповедей Его, в средоточии коих почивает любовь Божия, суть все для всякого человека: в них его радость, обилие, слава, покой, блаженство, живот временный и вечный. Аминь.

Беседа о благом иге Христовом

Слово в день обретения мощей преподобного

Сергия, говоренное в Свято-Троицкой

Сергиевой лавре 5 июля 1828 года

*Иго бо Мое благо,
и бремя Мое легко есть.
(Мф. 11:30)*

Господь Иисус призывает к Себе труждающихся и обремененных: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии*; обещает им душевное успокоение: *Аз упокою вы, — обряцете покой душам вашим.*

Какой приятный зов! Какое вожделенное обещание!

Но какое средство употребит Он для успокоения труждающихся и для облегчения обремененных? Снимет ли с них бремя, которое их удручало? Избавит ли их от трудов, которые их изнуляли? Без сомнения, Он сие сделает: но на первый раз Он имеет в намерении совсем другое. Он хочет, чтобы они приняли на себя новое иго: *возмите*, говорит, *иго Мое на себе*.

О милосердый Господи! Утружденных ли посылать на новый труд? На обремененных ли налагать новое бремя? Таковы ли у Тебя средства покоя? — Не смущайтесь; Господь ведаёт, что творит; и несообразные с нашим мудрованием средства Его сообразны с намерениями Его премудрости.

Утружденные делами плоти и мира найдут покой, если примут на себя новый труд духовный; обремененные игом диавола, связанные злыми привычками, отягченные в совести грехами, гонимые и удручаемые бичами страстей найдут облегчение и свободу, если подклонят выю под иго Христова: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*.

Христиане! Когда Сам Иисус Христос, Который есть Вечное Слово и Вечная Истина, нашел нужным сказать, что *иго Его благо, и бремя Его легко есть*: то сие, во-первых, удостоверяет нас, что учение жизни христианской, к исполнению которого мы призываемся, воистину есть благотворно и удобно к исполнению; во-вторых, сие показывает, что действительно нужно приступающих работати Господеви удостоверить в удобоисполнимости учения христианского.

Слышим еще и ныне жалобу, на которую так давно уже отвечивал Божественный Учитель и Спаситель душ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его учения, на трудность исполнять Его заповеди.

На чем же основывается сия жалоба? В чем состоит сия трудность? — Без сомнения, в том наиболее, что учение Христово повелевает человеку идти против некоторых естественных склонностей, преодолевать их, умерщвлять, приносить в жертву; и что требует от христианина строгого очищения не только наружных, но и внутренних действий и движений, не

только дел и слов, но и желаний и помышлений. Разберем сии обвинения человеческие против Божественной Истины.

Истина не запирается, что она дает людям заповеди, не так легкие, как детские игрушки, но так тяжелые, как иго, коим обременяют работный скот. *Возмите иго*. Жалующиеся на Истину должны быть довольны сим откровенным признанием истины. Но чем более откровенно ее признание в том, что ее заповеди суть иго: тем более убедительно должно быть ее уверение, что иго сие благо, и бремя сие легко.

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.

Люди, сколько-нибудь благоразумные и не совсем низкие в чувствованиях, конечно, не решатся объявить требование на то, чтобы всегда быть и оставаться только детьми, вечно заниматься только игрушками. Но если вы помышляете восходить выше сего состояния, то надобно перейти к занятиям дельным, к трудам, к подвигам — принять на себя *иго*.

«На что *иго*? — скажут непокоривые. — Человек не то, что работный скот; человек одарен разумом; для чего ж бы не вести его из состояния детства к возрасту совершенства путями разума, правилами, понятными разуму, легкими воле, приятными чувствам?»

На что бы отягчать его игом — правилами, часто непонятными разуму, трудными воле, неприятными чувствам?

Хорошо, разумные почитатели разума; откройте мне сии простые, легкие и приятные правила, посредством которых мог бы человек без труда, как будто в некую игру, выиграть совершенство и благополучие.

Только я боюсь, чтобы правила сии не были слишком легки, или, яснее сказать, легкомысленны. Ибо, вопреки сему самонадеянному разуму, неоспоримый опыт свидетельствует, что в сей земной жизни человека никакая способность его не образуется, никакое знание не приобретается, никакой успех не достигается без того, чтоб он не впряг себя в какое-нибудь ярмо, не понес какого-нибудь бремени.

Чтобы научить отрока грамоте, не впрягаете ли вы его в жестокое для него ярмо учебных часов, не отягчаете ли бре-

менем непонятных для него книг, не принуждаете ли целый день твердить бессмысленные и безвкусные буквы?

Что сказать о высшем образовании сего самого разума, который хочет быть законодателем легкой нравственности?

Чтобы сделаться достойным своего имени, не преклоняется ли он под иго наставников, не силится ли поднять веками собранные бремена учености и, чтобы понести оные, не мучит ли тела бессонницею, не утомляет ли головы напряженными размышлениями?

Чтобы сделаться богатым, не отказывает ли себе человек надолго в приятностях роскоши, не связывает ли себя строгим законом бережливости?

Чтобы получить жатву, не приобщает ли земледелец и самого себя к ярму орющего скота, и жнецы не наклоняют ли хребта своего перед малым колосом, прежде нежели он послужит им в пищу?

Чтобы сделать одежду для прикрытия и защиты от воздушных перемен тела человеческого, сколько нужно разных искусств, разных трудов, разных орудий?

Вот обыкновенные опыты человеческой жизни! Как же люди, которые по природе думают быть умнее и могущественнее природы, хотят легче научить человека добродетели, нежели грамоте?

Легче сделать его совершенным духовно, нежели как он делается образованным по-мирски? Легче доставить ему вечное блаженство, нежели как приобретается тленное богатство? Легче достать живую пищу для бессмертной души, нежели как готовится безжизненная пища для смертного тела?

Легче устроить нерукотворимую ризу правды и славы, нежели как устрояют рукодельную одежду нужды и стыда?

Если свидетельств природы не довольно для людей, которые хотели бы лучше слушаться природы, нежели Евангелия, буду отважнее: сошлюсь на свидетельство сих самых людей в том, что не легкость и приятность, но трудность и пожертвование ознаменовывают истинную и возвышенную добродетель или совершенство в человеках.

Пускай сии люди, которым христианские подвиги потому только не нравятся, что трудны, — пускай они скажут, удивляются ли они делам, которые никакого труда не стоят, не требуют никакой победы над собою, никакого пожертвования?

Великое ли дело, когда богатый не грабит и не мздоимствует? Не гораздо ли важнее то, когда неимеющий насущного хлеба не хочет прибрести его неправдою? Когда обиженный отмщает: что тут важного? И звери то же делают. Но когда он щадит низложенного врага, тогда не только любомудрые, но и зрелищные ценители дел более превозносят победителя за победу над собственным гневом, нежели над силою врага.

Что так в общепринятом мнении возвышает над многими другими подвигами подвиги военные и смерть за Отечество, если не жертвование собственною безопасностью за безопасность Отечества?

Итак, если от добродетели требуются подвиг и жертвование, чтобы она была достойна мира и его мнения, можно ли менее требовать для того, чтобы она была достойна Бога и Его праведного избрания?

И если надобность подвига и закон жертвования не делают неудобоисполнимою добродетель мирскую, то как можно неудобоисполнимою почитать добродетель христианскую потому только, что она соединена с тою же надобностию подвига, подчинена тому же закону жертвования?

Но чтобы прямее ответить, почему Иисус Христос налагает на Своих последователей некое иго и бремя и как иго сие оказывается благим и бремя легким, приведем на память знающим и приемлющим свидетельства Священных Писаний, что *человек*, некогда в *чести сый*, не *разуме* превосходства своего ангелоподобного состояния и, обманутый прельщением искусителя, добровольно *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48:13), потому что прилепился к чувственной природе, преимущественно пред духовною.

Сколько по естественному последствию сего действия, столько же по праведному наказанию сего преступления, он

естественно находится ныне под игом чувственности, так что и старания сделать приятным иго плоти крушат дух его, и усилия вырваться из-под ига сего другим образом удручают его, поелику грубое иго крепко налегло на него, приросло к нему, и он, как впряженный скот, не имеет орудий сам себя разрешить от оногo.

Таким образом, человек, по апостольскому выражению, *естеством чадо гнева*, всегда *труждается* без успокоения, всегда обременяется без облегчения.

В сем состоянии обретает его Христос: и примечайте, как напрасно труждающийся и обремененный жалуется на облегчителя и успокоителя; не теперь впервые налагает, но только переменяет иго его; переменяет иго злое и тяжкое на благое и легкое, иго похотей и страстей погибельных на иго заповедей спасительных.

И Христовы заповеди суть *иго*; потому что скотские похоти надлежит обуздать, зверские страсти укротить и даже заклать чувственное удовольствие, и принести в жертву закону духовному: но иго Христовых заповедей есть *иго благое*, потому что находящийся под сим игом ведется от состояния более или менее скотоподобного в состояние истинно человеческое, ангелоподобное, даже Богоподобное; есть *бремя легкое*, потому что Господь, возлагающий оное, в то же время благодатно подает соразмерную силу нести оное.

Иго Христово *благо*, и *бремя легко*: потому что, чем охотнее человек несет оное, тем более сам становится благим; а чем более сам становится благим, тем легче для него становится исполнять благие заповеди, так что наконец он творит волю Господню с большею легкостью и удовольствием, нежели собственную, и таким образом иго на раменах его совсем исчезает или превращается в крылья, которые непрестанно несут его на небо.

В сих размышлениях уже заключается оправдание истины христианской и против другого обвинения, будто она слишком строга, когда требует от своего последователя очищения не только наружных, но и внутренних действий и движений.

Подлинно, строгость заповедей Христовых преследует и слова праздные, и взоры нецеломудренные, и желания нечистые, и помышления суетные: но как сему и быть иначе, когда *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. 8:21); а намерение Христово есть возвести сего человека к Богу, Которому никакое зло, никакая нечистота, никакая суета приблизиться не может?

Кто желал бы, чтобы закон Христов снисходительно взирал на беспорядочные блуждания человеческих желаний и помышлений, того можно спросить, согласится ли он, чтобы по сему снисходительному закону поступали с ним его дети или его друзья?

Отцу было ли бы приятно узнать, что его сын, видимо почтительный, втайне жаждет его наследства и ждет дня, в который оно ему достанется? Какой друг был бы доволен ласками и услугами своего друга, если бы узнал, что в душе его нет любви и усердия, которых оные кажутся выражением? Если человек, который не видит мыслей и не знает желаний своего ближнего, не удовлетворяется, когда не видит в нем внутреннего к себе расположения, то koliko необходимее, чтобы чистоты желанию и мыслей требовал от человека Бог, испытующий сердца и утробы?¹

А что сия строгость евангельской нравственности не жестока и ее требования, при содействии благодати, в данной каждому мере, удобоисполнимы, в том да уверят нас, новоначальных учеников Христовых, благословенные, веками оправданные, опыты учеников Его совершенных, из которых многие, конечно, живо чувствовали благодатную легкость, когда не только носили всецелое иго необходимых заповедей, но и добровольно приложили к нему иго советов евангельских; отреклись не только от любостяжания, но и от самого стяжания; не только в наслаждении отказывали плоти своей, но и необходимые требования тела ограничивали, чтобы тем удобнее распространять свою деятельность в области духа.

Упокоенные и прославленные Игоносцы Христовы!
Вашими оставленными нам примерами, наставлениями,
молитвами вспомоществуйте нам², труждающимся и обремененным бременами плоти и мира, и с верою воспринимать, и с любовью нести благое иго Христово и в нем обретать покой душам нашим. Аминь.

Беседа о небесной награде

Говорено в Чудове монастыре 20 мая 1826 года

*Возрадуйтесь в той день и възиграйте,
се бо мзда ваша многа на небеси.
(Лк. 6:23)*

Господь Иисус повелевает возрадоваться и възиграть; обещает награду, великую награду, небесную награду.

Достанется ли кому из нас сия награда, без сомнения, совершенная; потому что Судия, который определяет ее, и праведен, чтобы определить награду достойную, и благ, чтобы определить награду щедрую, и всемогущ, чтобы исполнить Свое определение во всей силе оногo?

Внидет ли кто из нас в сию радость, без сомнения, блаженную; поелику Призывающий к ней есть Источник блаженства?

Возрадуйтесь в той день. Какой это день, предназначенный для радости? Придет ли он и к нам? Доживем ли мы до него?

Прочитаем в большей полноте слова Христовы, предназначенные день сей, чтобы нам узнать его. *Блаженни будете, — глаголет Он, — егда возненавидят вас человецы, и егда различат вы и поносит, и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради. Возрадуйтесь в той день и възиграйте.*

Итак, день, в который христианам должно возрадоваться и възиграть, есть время, когда их за имя Христово ненавидят, разлучают, бесславят.

Теперь хотите ли дожить до сего дня, насладиться сею радостью? Или, еще не видя его, желаете, чтобы он прошел мимо вас, и уже не хотите вкусить радости, которой вкуса не знаете?

Нельзя осуждать того, кто скажет в сем случае слова Христовы: *Да мимо идет от мене чаша сия*, то есть чаша ненависти от человеков, гонения, бесславия; но также нельзя не восхвалить того, у кого достанет духа непрерывно договорить и следующее: *обаче не яко же аз хошу, но яко же Ты, Отче Небесный!*

Премудрым и непостижимым судьбам Божиим предоставляя избирать достойных к трудному подвигу и возводить к высокому блаженству страдать за Христа, не пропустим без особенного внимания того, для всех вообще удобонаставительного, слова Христова, которое побуждает, для совершения подвигов и для перенесения страданий, достаточную силу и ободряющую надежду почерпать из помышления о небесной награде: *се бо мзда ваша многа на небеси*.

Есть и такие, вероятно не многие, возвышенные души, которые в сердечных помышлениях и желаниях проходя мимо и оставляя позади себя всякую, не только земную, но и небесную награду, прямо, чисто, единственно стремятся ко благоугождению пред Богом и к соединению с ним любовью.

Что ми есть на небеси? — восклицает псалмопевец к Богу. — *И от Тебе что восхотех на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже, сердца моего, и часть моя Боже во век* (Пс. 72:25 — 26).

Не желаю, говорит, ничего земного; и на небесах не ищю ничего, кроме Бога небесного; не чувственных удовольствий алчет плоть моя, не любви тварей жаждет сердце мое;

самую завидную между людьми долю без зависти уступаю всякому желающему;

моя доля есть Бог; сердце мое хочет исчезнуть там, где Его не находит, и возродиться там, где обрести Его можно;

самая плоть моя томится желанием единственного насыщения — *всегда явитимися славе Его*.

О сем состоянии некоторых благочестивых душ, для многих из слушающих сие, не знаю, что сказать, разве сии слова

Господни, сказанные об одном из особенных состояний благодатных: *Могий вместити да вместит*.

Впрочем, если желание награды и не есть совершенство, Бог, однако же, не возбраняет человеку помышлять о награде; и даже Сам употребляет мысль о награде для поощрения человека к исполнению заповедей и к достижению совершенства.

Чти отца твоего и мать твою — вот заповедь. И вот вслед за нею награда, поощряющая к исполнению ее: *да благи тебе будут, и да долголетен будешь на земли блазе* (Исх. 20:12).

Аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое, и даждь нищим — вот требование совершенства. И вот непосредственно за сим награда, поощряющая к достижению сего совершенства: *и имети имаша сокровище на небеси* (Мф. 19:21).

Возрадуйтесь в той день, — егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради — вот великое требование подвига, для которого нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпение. Для сего вот и великая награда, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: *се бо мзда ваша многа на небеси*.

Ветхий Завет, как приготовительный к совершенству христианскому, открытым образом говорит наиболее о наградах земных, **потому что**¹, применяясь к понятиям людей, которым был дан, по необходимости должен был и духовные созерцания небесного блаженства облекать в чувственные изображения благополучия земного.

Завет Новый, как открывающий совершенство Царствия Небесного, в его духовной силе и высокой чистоте, обыкновенно указывает своим подвижникам и страдальцам награды небесные, а земные не только пренебрегает, как маловажные, но иногда почитает даже уроном наград небесных.

Восприемлют мзду свою, — говорит Господь о лицемерах, ищущих посредством добродетели славы человеческой: то есть они получили свою награду на земли от человеков и потому не получают ее на небеси от Бога.

Вместо того что древний Закон ласкал земным благополучием: *благо ти будет; долголетен будеши на земли блазе*, Евангелие земным благополучием угрожает как опасным, а презрение сего благополучия полагает залогом небесного блаженства: *кая польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою? Любяй душу свою погубит ю; и ненавидяй души своя в мире сем в живот вечный сохранил ю* (Ин. 12:25).

По сему рассуждению, каждый из слышащих сие имеет случай предложить себе и может просто для себя решить немаловажный, надеюсь, для каждого из нас вопрос: истинный ли я христианин или нет?

Если ты истинный христианин, то ты, верно, не привязан душою ко временному благополучию; не пристрастен к земным наградам; поощряешь и утешаешь себя мыслию о награде небесной и вечной.

А если ты забываешь о небесной и вечной награде, домогаясь временной корысти, чести, удобства жить в свое удовольствие: не прельщайся; такие расположения не показывают духа истинно христианского.

Кто управляется и одушевляется желанием только земной награды: тот есть земный Ветхозаветник, далекий от совершенства духовного и от стяжания сокровища небесного. Кто делает добрые дела для временной корысти или для славы человеческой, тот еще не вышел из области язычества; он вырабатывает кумиры добродетелей на продажу или на зрелище: он восприимлет мзду свою от человека, и потому небеса и Бог ничем более не должны ему².

Не скажут ли, что сие рассуждение слишком строго и затворяет всех под грехом? Ибо не естественно ли, скажут, человеку и на земле искать где лучше, подобно как, по известному присловию, рыба ищет где глубже?

Если кто подлинно сие скажет, тот пусть знает, что не мы строгим рассуждением затворяем его под грехом; но суд Слова Христова и нерадение последовать сему Слову затворяют его под грехом.

Если и естественно желать лучшего земного, но не согласно с разумом искать оно с забвением и утратою наилучшего небесного.

И если вы хотите держаться только естественного, то смотрите, не отпадаете ли чрез сие от благодатного, которое выше естественного? Опираясь на мнимые естественные ваши права, не отвергнете ли вы сих положений благодатного закона: — *не сребролюбцы нравом, довольни сущими* (Евр. 13:5); — *честью друг друга больша себе творяще* (Рим. 12:10); — *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13:14)?

Но если уже вам непременно угодно естественное: подлинно ли естественно искание земных воздаяний, какое столь обыкновенно примечается между нами; если естественным называть должно не то, чего требуют неуправляемые желания и неудерживаемые страсти, но то, что из истинных потребностей естества человеческого происходит, им соответствует, им удовлетворяет?

Когда наемник желает платы, достаточной для пропитания не только во дни работы, но и на дни необходимого потом отдыха, не спорю, что естественно ему желать такого воздаяния.

Но когда богатый не хочет ничего сделать без того, чтобы не извлечь из дела выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды, — что тут естественного?

Когда проходящий какое-либо служение за каждый год или за каждое сколько-нибудь особенное действие служения, хочет большей и большей платы, высшего и высшего звания или отличия — что и тут естественного? Требуется ли того при рода человека и служит ли то к его совершенству, чтобы на него сыпали деньги, названия, украшения.

Не лучше ли было бы, напротив, и для естественного состояния человеков, если бы они взирали не столько на земные воздаяния, всегда малые в сравнении с трудами для них употребляемыми и мало радующие в сравнении с неприятностями искания, соревнования, лишения, сколько на небесную награду, всегда великую, вполне радующую, никогда не отъемлемую?

Если бы каждый непрестанно имел пред очами свою *мзду многую на небеси*, которую и властен каждый иметь пред очами непрестанно, то, удовлетворяемый чаянием оным, — каждый не так страстно искал бы воздаяний земных и утешений временных;

продающий менее бы корыстолюбствовал;

судящий охотнее предпочел бы бесчестной мзде неправды безмездную правду;

обязанный служить обществу, решительнее предпочитал бы общую выгоду своей личной и не отрекался бы от служения общему благу, хотя бы и не отдавали всей справедливости его служению;

поставленный в подчиненность и послушание удобнее забывал бы свою волю и менее тяготился взыскательностью начальствующего;

раб усерднее и веселее работал бы и нещедрому господину;

— кратко сказать, мыслью о небесной награде поддерживаемое бескорыстие каждого непрестанно увеличивало бы сокровище общего блага человеков и внутреннее сокровище добродетели в сердце каждого.

Господи, щедрый в обещании и верный в исполнении, утверди нас в благотворном памятовании и чаянии мзды многия на небеси, да и воздаяния земные не будут для нас приманчивы, и скорби или потери временные не будут неслосны. Аминь³.

Слово в Неделю Крестопоклонную

Говорено в Чудове монастыре 5 марта 1822 года

*Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе,
и возмет крест свой, и по Мне грядет.
(Мк. 8:34)*

Некогда Иисус Христос наименовал *Себя Путем, Истиною и Жизнию* (Ин. 14:6). Теперь, соответственно с первым из сих

наименований, указывает Он нам путь. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.*

Евангелист замечает при сих словах, что Иисус Христос произнес их, призвав народы со учениками Своими. Сие показывает, что Его воззвание относится не к одним особенно избранным, но ко всем без исключения.

Кто бы ты ни был, слушающий сие, надобно и тебе подумать о пути.

В видимом и временном мире, в котором ты живешь, нет ничего неподвижного, но все идет и проходит. И твоя жизнь идет и проходит; ты покоишься иногда, по-видимому, телом, но твои сокровенные помышления, твои тайные желания неперестанно в движении, а потому если ты не идешь путем спасения, то верно идешь путем погибели, или если не идешь, то падаешь, падаешь из жизни духовной в плотскую, из жизни человеческой в скотскую, и не заметишь, как обрушишься в жизнь адскую, в смерть сугубую — невовратно! Подумай же о своем пути!

Как вождь и царь свободных, Иисус Христос не приневолит никого к пути, который Он указывает, но приглашает желающих вступить в оный: *иже хочет по Мне ити.*

Спроси себя, христианин, спроси так, чтобы ответить решительно, хочешь ли ты идти за Иисусом Христом?

Христианину не хотеть идти за Христом? Какая нелепая мысль! Как она противоречит сама себе! Однако есть люди, которые понимают, как нелепа сия мысль, но не чувствуют, как преступно сие дело.

Почему же мы и христиане, когда не последуем Христу? Мы потому христиане, скажут некоторые, прислушавшись к словам первоначального учения христианского, но не уразумев силы их, — мы потому христиане, что веруем во Христа. Хорошо.

Но если ты веруешь во Христа, то, конечно, веруешь и в слово Христово: ибо то и другое есть одно. Если ты веруешь в слово Христово, то должен и поступать по сему слову: ибо веровать в слово и не поступать по нему есть пагубная дерзость и безумие.

Изясним сие примером: если бы тебе, блуждающему в неизвестных и опасных местах, сказал некто: вот тропинка, по

которой ты можешь прийти в безопасное место; и если бы ты, не имея причины сомневаться в сем указании, стал медлить или пошел в противную сторону, может быть, навстречу зверю или разбойнику, не была ли бы то пагубная дерзость и безумие?

Но что говорит тебе слово Иисуса Христа, в Которого и в которое ты веруешь? — *Аще хочещи совершен быти, гряди в след Мене* (Мф. 19:21). После сего чем отзовешься от последования Иисусу Христу?

Разве тем, что ты не домогаешься совершенства? Но сего именно требует от тебя Тот, в Которого ты веруешь. *Будите вы совершени*, — говорит Он; и притом как? — *якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5:48).

Если ты отрекаешься от стремления к совершенству, то Он отъемлет у тебя надежду Царствия Небесного: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5:20).

Если ты не хочешь быть с Ним, — а как быть с Ним, если не поступать по слову Его и не последовать Ему во всем? — то Он признает тебя врагом Своим и отрекается тебя пред лицом неба и земли: *иже несть со Мною, на Мя есть* (Мф. 12:30); *иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8:38). Итак, одно из двух: или ты должен идти за Христом, последовать Его слову и Его примеру; или ты напрасно называешься христианином.

Нетрудно было бы признать и принять обязанность идти за Христом, если бы не останавливала мысль: куда идти за Ним?

Куда же? Посмотрим, куда Он идет.

Се восходим, — возвещает Он идущим в след Его, — *се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет Архиереем и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком, и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его* (Мк. 10:33 — 34).

Страшный подлинно путь Христов! Самые апостолы, которые, будучи непосредственно Им руководимы, за Ним следовали, не могли спокойно проходить путем сим.

Бяху, — повествует евангелист, — на пути восходяще во Иерусалим; и бе варяя их Иисус, и ужасахуся, и в след идуще, бояхуся (Мк. 10:32).

И что еще? Есть на сем пути поприще, которое Сам Иисус Христос проходил не без ужаса: *начат ужасатися и тужити* (Мк. 14:38).

Но не напрасно ли открываю я весь ужас пути Христова, которого и без того страшатся многие? — Нет, христиане, *утешение наше*, скажем со апостолом, *не от прелести, ни от нечистоты, ни лестию* (1 Сол. 2:3).

Не хотим скрывать от вас трудности, которая неизбежна: но из самой трудности вы можете усмотреть, что нетрудно преодолеть ее. Отчего ужасался Иисус Христос, Его же все бояться и трепещут, Которому некого бояться, потому что нет силы, которая бы могла быть страшна для Всемогущего?

Отчего тужил Тот, Который есть источник радости и блаженства для всего, что может быть причастно радости и блаженства? Очевидно, что не Его собственно были сей ужас и сия туга; но подвергся Он им потому, что *Он недуги наша прият, и болезни понесе* (Мф. 8:17).

Но для чего принял Он и понес наши недуги и болезни, если не для того, чтобы уврачевать их, или, по крайней мере, до совершенного уврачевания облегчить так, чтобы не оставить нас *искуситися паче, еже мощи* (1 Кор. 10:13)?

Следственно, ужас и скорбь, если не совсем отъяты от пути Христова, то много уменьшены тем самым, что Он уже совершил путь сей и проложил его для нас.

Посему и апостолы не всегда, как в начале, боялись идти за Христом; но пришло после время, когда они тем же страшным и скорбным путем проходили с радостью. «*Они, — пишет повествователь их деяний, — идяху радующеся, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти*» (Деян. 5:41).

Как могло стать, что те же люди, на том же пути сперва боялись, а потом радовались? Боялись, когда Иисус Христос еще не совершил сего пути и не привел его в безопасность; радовались, когда Он прошел путем сим и на Себе унес труд-

ности его. Боялись, когда взирали только на сии трудности, не проникая далее; но возрадовались, когда ясно усмотрели конец пути Христова.

Ибо куда наконец приводит путь сей?

Он приводит на небеса, к Самому Богу Отцу, как Сам Иисус Христос, изображая весь путь Свой, от начала до конца, говорит: *Изыдох от Отца, и приидох в мир, и паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (Ин. 16:28).

Сей путь вводит в славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити в славу Свою* (Лк. 24:26). Неужели и мы, скажет не разумеющий тайн Христовых, неужели и мы возведены будем к Самому Богу Отцу и внидем в славу Единородного Сына Божия? Так, братия!

Ибо верен Тот, Который сказал: *Идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12:26). Итак, если Господь наш идет к Богу Отцу Своему, то приведет к Нему с Собою и нас.

Если Христос входит в Свою Божественную славу, то введет с Собою и христиан и соделает, как изъясняется апостол, *причастниками Божественного естества* (2 Пет. 1:4).

Не говорите, что толика высота недосыгаема для земнородных; нам должно только с твердою решимостию вступить в ту часть пути Христова, которую прошел Он и проложил для нас на земле; когда надобно будет вознестись превыше земного и восходить к небесному и Божественному, тогда Он Сам подымет нас, *яко на крилех орлих* (Исх. 19:4), по Своему великому обещанию: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

При сих размышлениях, надеемся о вас, братия, что сердце ваше говорит Вождю и Спасителю своему: *Господи! иду по Тебе, аможе аще идеши* (Мф. 8:19); только Ты, Сердцеведче, не отрини сего желания, как некогда отвергнул оное в устах некоего, без сомнения, потому, что не от полноты сердца оно изливалось.

Если же вы желаете идти за Христом, то время сказать вам, как должно вам идти за Ним: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.*

Во-первых, желающий последовать Христу должен отречься от самого себя, то есть отвергнуть свое самолюбие, не быть привязан к собственной чести, собственной выгоде и собственному удовольствию, но все сие, по образу путешественника, встречать мимоходом и вскоре оставлять позади себя — во всем поступать по сему наставлению апостола: *да имущии жены, якоже, не имущии будут; и плачуущися, якоже не плачущи; и радующися, якоже не радующеся; и купующии, яко не содержаще; и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7:29—31).

Как можно, скажут, дойти до такого самоотвержения? Можно так же, как воин отрекается от приятностей домашней жизни, когда выходить на поле брани; как он отрекается и от самой жизни, когда вступает в сражение, без какового отречения не мог бы он быть ни мужественным, ни победоносным.

Если сие можно делать для тленного венца и временной славы, чего не можно и не должно сделать для венца нетленного и славы вечной?

Во-вторых, для последования Христу должно *взять крест свой*. Крест Христов составляют *Его страдания, искушения и убиение* (Мк. 8:31). Претерпев един все сие для нас, Он имеет совершенное право требовать, чтобы каждый из нас претерпел все сие для Него.

Но дабы не сокрушить нас тяжестию сего бремени, под которым Он Сам являлся изнемогающим, Он не возлагает на нас Своего великого креста, но заповедует только взять каждому свой собственный, то есть быть готовым перенести столько страданий, искушений, внешних, внутренних, сколько на каждого в особенности наведет наказующая, очищающая и вместе милующая судьба всем управляющего провидения.

«Неужели сие неизбежно?» — вопиют изнеженные души. Успокойтесь и рассуждайте. Если *подобаше пострадати Христу*, безгрешному и всемогущему, дабы *внити в славу Свою*, как можем мы, оскверненные и расслабленные грехом, дойти до сей славы, не быв очищены искушениями и укреплены страданиями?

Ибо что живет в нас ныне? Если самолюбие препятствует признанию, обличим себя признанием апостола: *не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе* (Рим. 7:18).

В нас живет со времени первого греха ветхий Адам с его страстями и похотями: как же можно совлещись его и облещись в нового человека, — что есть цель нашего стремления, — не говорю, без страдания, но даже без смерти?

Должно взять крест не для того только, чтобы подвизаться в ношении оного, но чтобы наконец совсем *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. 5:24), *умертвить уды наша, суция на земли* (Кол. 3:5), *умереть* таинственно, чтобы *живот наш был сокровен со Христом в Боге* (Кол. 3:3).

Таково, христиане, учение креста, учение столь нужное и существенное в христианстве, что Церковь, не довольствуясь часто возвещать оное гласом, еще чаще представляет оное в изображениях и знамениях. При самом крещении она возлагает на нас изображение креста; при каждой молитве повелевает нам полагать на себе знамение креста; и от времени до времени, как и в настоящий день, торжественно предлагает нам для поклонения и целования знамение креста.

Будем внимательны; примем, не яко от уст человеческих, но яко от уст Самого распятого Спасителя нашего сию заповедь, да *отвержемся себе, и возмем крест свой, и последуем Ему*. Аминь.

Слово в Неделю Крестопоклонную

Говорено в 1835 году

*И призвав народы со ученики Своими рече им:
иже хочет по Мне ити, да отвержется себе,
и возмет крест свой, и по Мне грядет.
(Мк. 8:34)*

Хочу показать вам знаменование настоящего дня в Церкви и с тем вместе предложить часть христианского учения, которой

исполнение всякий день нужно и спасительно. Почтив день сей поклонением кресту, почтите оный вниманием к размышлению о Господней заповеди самоотвержения и крестоношения.

Посмотрим в Евангелии, при каких обстоятельствах изречена сия заповедь. Господь наш Иисус Христос, проходя поприще земного жития и проповедования истины, приближался к страданию и крестной смерти, предоставленным для Него, во спасение наше. По Своему Божественному всеведению, Он видел сию близость и нашел нужным предупредить своих учеников о предстоящих грозных событиях, которые при совершенной внезапности могли бы не только поколебать веру их, но и совсем разрушить. Посему двенадцати апостолам, как более достойным и способным принимать тайны Его, сказал Он ясно: *Яко подобает Сыну человеческому много пострадати, и искушену быти от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день воскреснути*. Но поскольку и апостольская вера в сие время еще не созрела для сей великой тайны, и первый из апостолов Петр осмелился противоречить сему предсказанию, так что нужно было заградить уста его строгим упреком; то, без сомнения, не время было так же ясно говорить о сем народу; а между тем для утверждения веры нужно было, чтобы и народ имел заранее свидетельство, что Господь предвидел свои страдания и шел на вольную смерть. Поэтому ученикам при народе и народу сказал Он как бы загадочно: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет*. Не говорит: «Я понесу крест и постражду на нем», — но когда велит своему последователю нести крест, а последовать — значит подражать, делать то же, что делает предшествующий, то дает разуместь, что понесет крест и Сам; а, следовательно, и распят будет, ибо не для чего было нести крест, если не для распятия. Итак, загадка загадана всенародно, и хотя народ не мог отгадать ее в то же время, но по событию распятия Господня должен был и понять слышанное предсказание, и удостовериться в Божественности Предсказателя, и поверить спасительному таинству нашего искупления страданием и крестной смертью Богочеловека.

Мы теперь, братие, проходим поприще поста и приближаемся к торжественному воспоминанию спасительных страданий, смерти и воскресения Христова. Матерь-Церковь заботится, чтобы мы не предстали сему высокому и святейшему зрелищу не готовые, недостойные. Потому она оставливает нас на середине постного поприща, и тем самым словом, которым Господь заранее приготавливал учеников и народ к событию Своего распятия, она приготавливает нас к благоговейному воспоминанию Его распятия и нам в Евангелии возглашает от лица Христова: *Иже хочет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет*; и чем оглашает наш слух, то самое предлагает и нашему оку, то есть крест Христов, дабы через око непрестанно внушать то, чего нельзя довольно часто повторять слуху. Мне кажется, что я слышу сие безмолвное, но довольно внятное внушение. Ты приближаешься к высокому и таинственному воспоминанию крестной смерти Христовой, чтобы войти в радость воскресения Христова. Остановись и подумай, достоин ли ты сего приближения, готов ли к сему созерцанию, довольно ли у тебя для сего веры, благоговения, любви, разумения. Посмотри как бы еще несколько издавеча, как бы приготовительно на великое зрелище Христа Крестonosца, Христа распинаемого, Христа умирающего и погребаемого, и поучись, как бы приступить ближе и не быть отринуту, как бы прикоснуться к жизнеточащим язвам Господним и не быть осуждену. Многие приближались, но немногие так спасительно, как благо-разумный разбойник, многие прикасались и по любопытству теснящиеся, и ругающиеся, и распинающие, но немногие так свято, как Иосиф и Никодим. Только последователи Христовы неосужденно и спасительно приближаются и прикасаются ко Христу; а последователь Его должен отвергнуться себя, взять крест свой и по Нем идти. Вот что, братия, внушает нам ныне Матерь-Церковь. Вот что и без меня, как чрез меня, проповедует вам нынешний день.

Дабы сему внушению последовать, надобно вразумиться, что такое отвергнуться себя и взять крест свой.

Отвергнуться себя не значит ли бросить свою душу и тело, как бросают ничего не стоящую вещь, без внимания, без попечения? — Нельзя так думать. Душа есть вещь, очень дорого стоящая. Верную оценку ее вы слышали ныне же в сих словах Евангелия: *Кая польза человеку, аще приобретает мир весь, и отщепит душу свою?* То есть потеря души есть потеря столь великая, что целым миром заменена быть не может. Следовательно, душа для человека дороже целого мира. Как ее бросить без внимания? Нельзя думать и того, чтобы Господь повелевал нам бросить без всякого попечения тело наше, если вспомним, что апостол Его представляет как образ высшего закона духовного то попечение, по которому *никто же когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. 5:29); что тело наше создал Бог и дал нам как орудие для действия в телесном мире с тем, чтобы в употреблении оно в свое время потребовать от нас отчета, *да примет кийждо пред судищем Христовым, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5:10); что, наконец, тело не только должно беречь и образовать для дел нужных, полезных и добрых в мире, но еще можно употребить к славе Божией, по совету апостола: *Прославите Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (1 Кор. 6:20). Можно ли пренебрегать как маловажное то, чрез что можно прославлять Бога?

Итак, что же значит отвергнуться себя? Из сказанного по необходимости надлежит заключить, что сие не значит бросить душу и тело без внимания, без попечения, но разве отвергнуть пристрастие к телу и его удовольствиям, к жизни временной и ее благополучию и даже к наслаждениям душевным, почерпываемым из неочищенной природы, к желаниям собственной воли, к любимым понятиям собственного мудрования. Что такое разумение заповеди самоотвержения есть правильное, сие усмотреть можно из намерения, с которым она произнесена. Какого намерения? Того, чтобы сделать человека способным идти за Христом. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе.* Для чего бы желающему идти по Христе не стать на сей путь по самому сему желанию, без другого предварительного требования? Для чего предварительно требуется от него само-

отвержение? Видно, для того, что без сего желание идти по Христе осталось бы несбыточным. И подлинно, привязанному к любимым понятиям собственного мудрования сия привязанность препятствует восходить выше и веровать истине Божественной: он не способен идти за Христом на путь чистой веры. Не оставляющий желаний собственной воли также не может быть последователем Христовым, ибо последнее в том и состоит, чтобы избирать путь не по собственной воле, а по воле предшествующего. И не хотящий послушанию и преданности в волю Божию пожертвовать наслаждениями душевными не есть надежный последователь Христов даже и в том случае, когда он стремится к наслаждениям духовным; поскольку он, напрягая все усилия к мерцанию света на крутизнах Фавора, по тому самому еще не сопровождает Господа к спасительной Голгофе. Что же сказать, если он почерпает свои душевные наслаждения из неочищенного источника падшего естества и упорствует, когда Провидение и благодать приближаются преградить потоки его для очищения души? Сказал о сем суд Свой Сам Господь, когда одному из людей сего рода, изъявившему желание идти по Нем и в то же время привлекаемому наслаждениями родственной любви, отвечал: *Никто же возложь руку свою на рало, и зря вспасть, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9:62). Что пристрастный к жизни временной не может успешно совершить последования Христу, сие видно в апостолах, которые и после довольно долгого у Него учения, и после столь многих чудес, не только Им, но и ими, по дару Его, соделанных, обратились от последования Ему в бегство, когда на пути Его встретились с опасностью жизни. Что пристрастный к благам жизни временной не способен последовать Христу, сего печальный опыт представляет евангельский юноша, который, хотя и сам желал вступить на путь к животу вечному, и Самим Христом призываем был последовать Ему, не последовал, но *отъиде скорбя, бе бо имея стяжания много* (Мф. 19:22), и не хотел с ними расстаться. Наконец, пристрастный к телу и его удовольствиям, очевидно, есть худой последователь Христу, ибо изнеженному, обременяемому, расслабляемому

оними, ему трудно подниматься на гору Господню, он охотнее обратится под гору или воздремлет в цветах, и не далек от того, чтобы погрязнуть в благе нечистых страстей и похотей. Кратко сказать, поскольку все, что есть в сыне Адамовом, доколе не очищено или, лучше, не новосоздано Христом, обыкновенно подвержено употреблению пристрастному, то желающий быть истинным и верным последователем Христовым все, что в себе усвоит и любит, должен оставить не в отношении к употреблению, но в отношении к пристрастию. И сие-то, сокращая еще более, Господь сказал: *Да отвержется себе.*

Другое, чего требует Господь от своего последователя, есть взять крест свой. Что такое *крест свой*? Я уже сказал, что изречение о кресте последователя Христова предполагает крест Самого Христа и указывает на оный. Итак, крест наш есть нечто подобное тому, что называется крестом Христовым. И как под именем креста Христова мы разумеем, во-первых, орудие страдания и смерти Его, во-вторых, самое страдание и смерть Его на кресте, в-третьих, в более обширном смысле, все последование и разнообразие страданий, уничижения и постепенного умерщвления Его, и внутренний крест скорби, в глубоком ощущении, и еще ранее, в предчувствии видимого креста и страдания; то под именем креста нашего должно разуметь всякую, по судьбам Божиим, нас постигающую скорбь, лишение, уничижение, страдание и многострадальную или бедственную смерть. Неужели, скажут, на все сие должен обречь себя каждый христианин? Заповедь Господня не изъясняется так строго. Не наше дело предназначать себе жребий: наш долг уметь принимать тот, который Господь нам назначает. И Христос не избирал и не умножал Себе страданий, а принял те и в той полноте, какие и в какой представила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человеческие, не ведавшие, что творили. Кольми паче нескромная и потому ненадежная была бы дерзость обрекать себя на многое, трудное нашей немощи, не могущей и малое, и легкое понести без Вышней помощи. Посему-то Господь не говорит в заповеди Своему последователю, да умножит себе страдания, да распнет сам себя, но меньше, снисходительнее:

Да возмет крест свой. Что такое «взять крест»? Не убегать скорбного посещения, не упорствовать против оного, быть в готовности принять оное, когда еще не постигло, послушно и безропотно принять оное, когда действительно постигает, кротко дать себя вести, как овча на заклание, по образу Агнца и Пастыря Христа, если нужно пострадать за правду, беспрекословно нести дрова для собственного всеожжения, как Исаак, если такова воля Отца Небесного, для нашего очищения и для приведения нас в обетованное пакибытие.

Таковы суть условия, при исполнении которых человек может незаблужденно следовать за Христом, приближаться к Нему не внешне, а внутренне, не местом, а духом, соделываться в вере и любви общником спасительных Его страданий и смерти, и в уповании общником Его воскресения и славы.

Да испытуем себя, христиане, и да отвергнемся всего, что нас привязывает узами пристрастия к себе самим, к плоти, к миру, да будем свободны и легки, чтобы идти за Христом. Да приемлем безропотно и послушно крест свой, то есть меру скорби и страданий, без сомнения, непогрешительно измеренную для нас Провидением, соответственно потребности нашего исправления, очищения и усовершеня. Верно да ходим за Христом путем самоотвержения и креста, и верно внидем в радость Господа своего. Аминь.

Слово в Неделю по Воздвижении

Говорено в Чудове монастыре 9 марта 1824 года

*Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес
в роде сем прелюбодейнем и грешнем;
и сын человеческий постыдится его, егда приидет
во славе Отца Своего со Ангелы святыми.
(Мк. 8:38)*

Отец Небесный не судит никому, но весь суд отдал Сыну Своему.

Смотрите, как дивен суд Его. Как он точен и строг! Ибо наказание с преступлением измеряется одною и тою же мерою.

Если человек постыдится Христа — вот преступление;
и Христос постыдится человека — вот наказание.

Но как вместе и снисходителен суд сей! Сколько дерзновенный раб захочет унижить пред очами своими Господа славы, столько, а не более, Господь славы хочет унижить пред Собою раба дерзновенного: *иже аще постыдится Мене: и Сын человеческий постыдится его.*

Но каким бы в сем случае ни являлся нам Верховный Судия, — строгим ли, дабы утратить нас, и страхом спасти от преступления и осуждения, — снисходительным ли, дабы устыдить нас, и стыдом спасительным предупредить стыд законопреступный, самое преступление, на которое произносится суд, кажется, может возбудить в нас весь ужас отвращения и все внимание осторожности.

Как? Будут люди, которые подумают, что Сын человеческий и словеса Его, то есть Христос и христианство, делают им стыд? К сожалению, невозможно в сем сомневаться. Будет то, что предсказывает Истина. Всеведущий Судия не провозглашал бы наказания, если бы не предвидел преступления.

Чтобы некогда Господь наш не постыдился нас, христиане, нужно нам, в предосторожность нашу, внимательно размыслить, что значит *постыдиться Сына человеческого и словеса Его* и как можно впасть в сие преступление.

Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем;: и Сын человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми.

Стыдятся обыкновенно нечистого, низкого, презренного. Как же можно постыдиться Иисуса Христа — всечистого, превознесенного, препрославленного? Что значит в сем случае *постыдиться*?

Дабы определить разум сего слова в устах Иисуса Христа, надлежит вспомнить, что пред тем говорил Он о кресте. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.* Но что был крест в очах людей,

прежде нежели крестная смерть и воскресение Спасителя нашего представили оный и по внутреннему знаменованию величественным и чрез то купно и по внешнему знаменованию священным?

Он был орудие смерти для осужденных, и между осужденными для рабов, или для людей, признаваемых достойными вместе и наказания, и поругания. Посему вероятно, что люди, привыкшие ценить вещи ценою народного мнения, услышав учение о кресте, тотчас подумали, как трудно последовать Учителю, Который готовится и готовит учеников своих к такому необыкновенному позору; вероятно, что люди отличной образованности и изящного вкуса по своему времени стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподает столь страшное учение.

На сии помышления и чувствования испытующий сердца Учитель отвечает: *Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем; и Сын человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми.*

Из сего можно заключить, что *стыдиться Сына человеческого* определительно значит стыдиться Иисуса Христа, яко распятого; и что *стыдиться словес* Его значит стыдиться учения о кресте.

Предостережение против сего стыда очевидно нужно было для времен, в которые господствовали иудейство и язычество и в которые для опровержения христианской веры и для осмеяния христиан как безумных довольным почитали сказать, что они веруют в Распятого; — как безумных, говорю я; ибо точно сие говорит апостол: *Слово крестное погибающим юродство есть; — мы проповедуем Христа распята, Иудеям убо соблазн, Еллином же безумие* (1 Кор. 1:18, 23); и посему тот же апостол вместо того, чтобы объявить себя приемлющим учение Христово, верующим ему, благоговеющим пред ним, почел довольным сказать, что не стыдится оно: *Не стыжуся благовествованием Христовым; сила бо Божия есть во спасение всякому верующему* (Рим. 1:16).

Должно заметить, что то же преступление, которое Иисус Христос называет стыдом имени Его и учения, иначе называет Он *отвержением Его* или отречением от Него: *Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех*. Стыдиться Христа есть начало, а отречься от Него есть совершение одного и того же преступления.

Как сердцем веруется в правду; усты же исповедуется во спасение (Рим. 10:10): так сердцем стыдятся Христа в осуждение, чувствуют тягость и затруднение от Его учения, как несообразного с понятиями гордого разума, с похотями плоти, с обычаями века сего; и вследствие таковых внутренних расположений устами, делами и всю жизнь отрываются от Него к погибели.

Нет сомнения, что каждый благомыслящий христианин чувствует важность сего преступления, рассматриваемого во всем его пространстве; и, может быть, некоторые думают, что самая тяжесть оного избавляет их от опасения, чтобы не впасть в оное. Не удивляюсь, если благонамеренные, но не опытные в христианстве так думают.

Так думал апостол Петр, когда на предсказание Иисуса Христа, что все апостолы соблазнятся о Нем в следующую ночь, сказал Господу: *Аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогда же соблазнюся* (Мф. 16:33). И еще на предсказание о его трехкратном отречении от Христа: *аще ми есть и умерти с Тобою, не отвергуся Тебе*. Так и все апостолы думали: *такожде и вси ученицы реша* (Мф. 16:35). Но известно, что было в следующую ночь: *тогда ученицы вси оставльше Его, бежаша* (Мф. 16:56).

И Петр, который менее всех опасался падения, пал бедственнее всех прочих.

Отчего же сие случилось? От того наиболее, что Петр не опасался пасть так глубоко; а того еще не изведal, как древний человекоубийца тростием и изгребием закрывает пропасти, чтобы навести на них и низринуть неосторожного. Если бы кто из явных и сильных врагов Христовых напал на Петра, он увидел бы опасность и вооружился бы мужеством.

Если бы прямо сказали ему: отрекись от Христа, он ужаснулся бы сего преступления и, может быть, подлинно решил бы в ту же минуту до смерти стоять в исповедании осуждаемого на смерть Иисуса.

Вместо того *приступи к нему едина рабыня*: чего тут опасаться? Она ничего не говорит и, вероятно, ничего не понимает ни о вере во Христа, ни о исповедании Его; а только любопытствует о том, кого видали с Ним вместе: *и ты был еси со Иисусом Галилейским*.

Петр подумал, может быть, что не стоит труда входить в разговор о Христе с людьми, которые так далеки от Его тайн, и что сие значило бы метать бисер пред свиньями. Повидимому, он старался только прекратить речь. *Не вем, что глаголеши*, — сказал он, — я тебя не понимаю: и не сведал, как постыдный для апостола стыд Сына человеческого прокрался в сердце апостола.

Нападение повторено сильнее прежнего: ибо другая рабыня указала его *сущим тамо*. Надлежало усилить отпор: и Петр сказал *с клятвою, яко не знаю человека*.

Таким образом, уклонение от разговора о Иисусе непрямо превратилось в отречение от Его лица.

Еще нападение и улика — и Петр *начат ротитися и клятися, яко не знаю человека*, то есть всеми силами отрицаться от Него. Сие нечаянное и глубокое падение Петра, горько им оплаканное, попущено провидением Божиим не для его только испытания, но и в наставление всем нам, христиане.

Он преткнулся, дабы мы научились осторожно ступать по пути спасения. *Мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10:12).

Если мы думаем, что решились бы пожертвовать жизнью за Христа, когда бы то нужно было, то дабы сим приятным уверением, подобно Петру, не обмануть самих себя, мы должны тщательно смотреть за собою, как поступаем в тех случаях, когда для неизменного исповедания Христа нужно пожертвовать чем-либо гораздо менее важным, нежели жизнь.

Подходит рабыня суетных приличий и ни на чем добром не основанных обычаев, называемая в мире образованности или людскостию (как будто без нее люди и людьми бы не были, и образа не имели), и говорит человеку, желающему быть последователем распятого Иисуса: неужели подлинно ты хочешь оставить путь столь многих людей разумных, разборчивых, сильных, богатых, почитаемых, любезных, которых образ жизни столько же приятен для них самих, сколько и всеми одобряем? Неужели откажешь себе в удовольствиях и некоторых вольностях, которые почти у всех почитаются невинными? Неужели решишься быть странным в очах света и притчею общества? Неужели будешь мучить себя подвигами, убивать постом, изнурять строгостями, которые в самых отшельниках суть действие излишней, может быть, и не расудительной ревности?

До кого из желающих идти путем Христовым не доходят такие речи? К кому не приходят иногда такие помыслы? Что же скажем на сие, христиане?

Кажется, здесь дело идет не о том, чтобы отречься от Христа; нас хотят только пристыдить подозрением, *не были ль мы со Иисусом Галилейским* или не хотим ли вместо светского вечера быть с Ним на всенощном бдении Его в саду гефсиманском, где и Сам Он был с тугою и скорбью с болезненным, хотя притом совершенно свободным и охотным пожертвованием Своея воли. Нет, говорят иные в тайных помыслах, я совсем не понимаю, что значит быть в саду гефсиманском; я знаю и хочу знать только такое христианство, которое утешает, а не такое, которое учит лишаться, страдать и каким-то непонятным образом умирать самому себе: *не вем, что глаголеши*.

Ах! Поберегись, желающий спасти душу свою! Если так говоришь ты, то уже ты последователь не Иисуса, восставляющего падших, но Петра падающего.

Если ты сказал теперь об отречении от мира и от самого себя, о участии в страданиях Христовых и о крестном слове: *не вем, что глаголеши* — можно ли быть уверену, что не скажешь вскоре о Самом Христе: *Не знаю человека?*

Войдем в какое-нибудь из обыкновенных собраний, в доме или на преддвории; поищем христиан между сынами века сего; вслушаемся в разговоры. Тотчас услышим ласкательство, злоречие, голос тщеславия, корысти, смех легкомыслия, вопли нетерпеливости, суждения о всем, что знают и чего не разумеют.

Но скоро ли найдем беседу и в беседе человека, который бы свободно произносил слово, солию мудрости евангельской растворенное, рассуждал с чадами плоти о душе и сынам века сего напоминал о вечности?

От чего же так редко говорят христиане языком христианским? — Они боятся, чтобы их не узнали как христиан и за то не поругались им сыны века сего; чтобы им не сказали: *Беседа твоя яве тя творит.*

И так они таятся и молчат; и не примечают, что стыдятся Сына человеческого и что их молчание иногда довольно внятно говорит миру о Иисусе: *Не знаю человека!*

По сим примерам каждый может указать сам себе многие случаи в жизни, в которых мы более или менее приближаемся к опасности постыдиться Сына человеческого или совсем отречься от Него.

Будь осмотрителен, христианин, старайся благовременно примечать, где враг спасения твоего ставит тебе ковы на пути последования Иисусу Христу, дабы или осторожно миновать оные, или мужественно разрушать. Или пусть бы не входил Петр во двор архиереев на столь близкую опасность; или, вошедши, уже не отступал бы так далеко назад от Того, Которому хотел так близко последовать.

И ты, христианин, или не приближайся, если можно, к людям, которые имеют бесстыдство стыдить тебя тем, что составляет твою славу: или, если необходимо приблизиться к ним, *глаголи о свидениях Христовых пред кем бы то ни было, и не стыдися.*

Не являй своего дела благочестия, не провозглашай своего слова о спасении, когда не призывает тебя к сему никакая обязанность и не вызывает на то слава твоего Спасителя, что-

бы тебе не впасть в лицемерие или тщеславие: но не оставляй богоугодного дела потому, что миру кажется оно странным; и когда захотят отлучить тебя от участия в скорбях, страданиях и поношениях распятого Иисуса, скажи с благородною твердостью: *«Знаю человека и желаю с Ним жить и умереть, чтоб и по смерти жить с Ним как с моим Спасителем и Богом».*

Не постыдись, когда крестом Христовым хочет стыдить тебя *род прелюбодейный и грешный*, да не будешь постыжден *пред Ангелами святыми, пред Сыном человеческим во славе Его и пред Отцем Его небесным*, но да внидешь во славу Того, Которому подобает слава во веки. Аминь.

Слово в день Вознесения Господня

Говорено в Московском Архангельском

соборе 15 мая 1824 года

*И егда взирающе бяху на небо,
идущу Ему, и се мужа два стаа
пред ними во одежди беле, иже и рекоста:
мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо?
(Деян. 1:10 — 11)*

А мне удивительным кажется то, что вы, светоносные мужи, вопрошаете сих мужей Галилейских, для чего смотрят они на небо. Как им не смотреть на небо, куда вознесся Иисус, куда перенесено их сокровище, куда взята их надежда и радость, где жизнь их сокрылась? Если бы теперь смотрели они на землю, тогда надлежало бы спросить их — и надлежало спросить всех последователей Иисуса Христа, которые при-страстным оком смотрят на землю: что смотрите на землю? Чего вам искать на ней после того, как единственное ваше и ее Сокровище, найденное в Вифлееме, рассыпанное по всей Иудеи и Самарии, прошедшее чрез руки разбойников в Гефсимании, в Иерусалиме, на Голгофе, скрытое под камнем в саду Иосифа Аримафейского, взято и отнесено в сокровищницу не-

бесную? Вам сказано, и так должно быть, да *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6:21). Итак, если сокровище ваше на небесах, там должно быть и сердце ваше; туда должны быть устремлены взоры ваши, помышления ваши, желания ваши.

Мужа два... во одежди беле, которые тотчас, по вознесении Господнем, явились апостолам и вопрошали их, для чего смотрят они на небо, без сомнения, сами были небесные жители, потому нельзя думать, чтобы сие было им неприятно и чтобы они куда-нибудь еще хотели обратить взоры мужей Галилейских. Нет! Они хотят только прекратить бездейственное изумление апостолов: *Что стоите зряще на небо?* Пробудив их от сего изумления, они вводят в размышление и наставляют апостолов — и нас, с какими мыслями должно взирать на небо вослед Господа Иисуса, Который туда вознесся. *Сей Иисус*, — продолжают они, — *вознесыйся от вас на небо, такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь наш по воскресении Своем являлся апостолам и становился невидим, и потому они могли некоторым образом привыкнуть к сим чудесным нечаяностям; но когда, разлучаясь с ними на горе Елеонской, не просто удалился Он или сделался невидим, а восходя, видимо, превыше облаков, только по причине безмерной высоты перестал быть видим ими; нет сомнения, что сей новый образ отшествия Его показался им, и после привычки к чудесному, необычайным и особенно знаменательным. Им представилось тогда ясное исполнение слов Его, которые им пересказала Мария Магдалина: *Восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20:17). Должно было заключить, что сии радостные посещения Его, сии поучительные собеседования с Ним, сии ощутительные общения с Его Богочеловечеством, продолжавшиеся сорок дней, прекращает настоящая минута. Когда руки и голос не могли уже достигнуть Возносящегося, Его преследовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему.* Можно вообразить, какое безмерное лишение должны

были ощутить апостолы по удалении на небо Иисуса, Который Един был для них все в мире. И сие-то безмерное лишение спешают восполнить Небесные Силы. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, придет.*

Христианин! Если ты сколько-нибудь познал Господа Иисуса и *вкусил, яко благ Господь* (Пс. 33:9), то, конечно, более или менее примечаешь, какая без Него пустота в мире, чувствуешь, какая без Него пустота в сердце. Так и должно быть, потому что все, что есть в мире, *суета суетствий*, а суета не может наполнить сердце, сотворенное Истиною для истины: *все, еже в мире, есть похоть*, или предмет, приманка похоти в разных видах, и как *мир преходит и похоть его* (1 Ин. 2:16, 17), или, иначе сказать, предметы, возбуждающие похоть, вскоре исчезают, то сколь ни велик мир, сколь ни разнообразны блага его, сколь ни обильны потоки удовольствий его, все сие не может наполнить малого сосуда сердца человеческого, которое, будучи бессмертно, только вечной жизнью может быть наполнено. Если, при таком ощущении пустоты в тварях, тебе кажется, что Господь, Который есть твоя истина, твоя жизнь, твое желание и полнота всех желаний, удаляется от тебя, скрывается, оставляет тебя не только без утешения, но и в скорби, не только одиноким, но и среди врагов твоего спасения; если утомленный взор твой не пронизает небес, закрытых облаком, и недомыслимые судьбы Всевышнего представляют тебе одну неизвестность: прими от Небесных Сил исполненное силы слово, которое может наполнить твою пустоту, облегчить скорбь, прекратить одиночество, прояснить мрак, разрешить неизвестность, оживить дух твой надеждой необманчивой и нетленной: *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, — придет.*

К утешительному и спасительному свидетельству о будущем пришествии Вознесшегося Господа небесные вестники Его присовокупляют некоторое изъяснение того, каким образом последует сие пришествие. Они сказывают, что пришествие Господа подобно будет отшествию Его, или вознесению. *Такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо.*

Небесные проповедники, верно, не празднословят, как иногда мы, земные; но и малым словом подают великое наставление внимательным. Будем внимательны!

Также придет, имже образом видесте Его идуща на небо. По сему указанию, обращаясь к обстоятельствам отшествия Иисуса Христа на небо, во-первых, можем заметить благословение, в то время Им преподанное апостолам. *Бысть, — повествует евангелист Лука, — егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо* (Лк. 24:51). Сие обстоятельство восшествия Своего на небо и разлучения с избранными Своими Господь Сам приведет им на память, *егда придет во славе Своей*, и вновь встретяся с ними, будет призывать их к действительному обладанию Царствием Его. *Ибо тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего* (Мф. 25:34).

Какой бесконечный ток благословения Христова открывается пред нами, христиане! Он начинает благословение и, не окончив оного, возносится. *Бысть, егда благословляше их, — возношашеся.* Таким образом, и вознесшись, он еще продолжает невидимо преподавать благословение. Оно течет и нисходит непрестанно на апостолов, чрез них переливается на тех, которых они благословляют во имя Иисуса Христа; получившие Христово благословение чрез апостолов распространяют оное на других; таким образом, все, принадлежащие ко святой, соборной, апостольской Церкви, делаются причастниками единого благословения Иисуса Христа и Отца Его, *благословляющего нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. 1:3); как роса *Аермонская, сходящая на горы Сионския* (Пс. 132:3), сходит сие благословение мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше сует и попечений мира; как неизгладимая печать знаменует тех, кои Христовы суть, так что в кончину века по сему знамению вызовет Он их из среды всего рода человеческого: *Приидите!*

Помыслим, братия, как нужно нам попещись ныне, чтобы приобрести и сохранить благословение Вознесшегося Господа,

нисходящее и на нас чрез апостолов и Церковь апостольскую. Если мы получили и сохраним оное, то и мы с апостолами и со всеми святыми в будущее пришествие Иисуса Христа призваны будем к участию во Царствии Его: *Приидите благословеннии!* А если тогда, как Он призывать будет *благословенных Отца Своего*, или не обрящется на нас благословения, или мы будем иметь только ложное благословение людей, которые сами не наследовали благодатно и таинственно благословения Отца Небесного, то что будет с нами? Ей, глаголю вам, помыслим и попечемся о сем благовременно!

Другое обстоятельство вознесения Господня, примечаемое в соображении с ожидаемым пришествием Господним, есть то, что Господь вознесся пред очами учеников Своих явно и торжественно. *Зрящим им взятыя, и облак подъяет Его от очию их.* Что за облак? Облак света и славы, какой осенял и наполнял некогда скинию Моисееву и храм Соломонов. Там видели славу, но не видели Господа славы, после и Его видели, но не в славе, и потому не узнали Его и не прославили: здесь и слава не скрывает Славимого, и Славимый не скрывает славы. Апостолы зрели славу Вознесшегося Господа. Пророк также и слышал ее, когда и сам торжественно воскликнул: *Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубы* (Пс. 46:6). Итак, когда светоносные проповедники возвестили нам, что Он так же приидет, как видели Его идущим на небо, чрез сие они дали нам разуметь, что Он приидет явно и торжественно. Так точно предрек и Господь о Себе, что *приидет Сын человеческий во славе Своей, и вси святии Ангели с Ним* (Мф. 25:31). Так и апостол изъясняет, что Господь в повелении, или по предвозвещении, *во гласе Архангелове, и в трубе Божии снидет с небесе* (1 Сол. 4:16).

Но для чего, подумает иной, замечаются сии подробности, по-видимому, более возбуждающие любопытство, нежели подающие наставления, ибо предсказывают для того, чтобы можно было узнать и принять с верой посылаемое от Бога событие; а славного пришествия Христова кто не узнает, хотя бы и не был предварен о его подробностях? Не спешите,

возлюбленный, заключить об излишестве сих подробностей. Нет! Апостолы, ангелы, Сам Господь не говорит ничего для любопытства, но все для наставления. Что пришествие Христово будет явное и торжественное, сие предсказано для того, что будут провозвестники противного сему, когда на недостойных, неверных и развращенных христиан послан будет дух оболыщения. *Грядет час*, или время искушения (может быть *и ныне есть*), когда скажут: *Се zde Христос, или онде! Се в пустыни есть! Се в сокровищах!* (Мф. 24:23 — 26). Вот Он у нас, говорят отщепенцы, которые, оставя град Божий, духовный Иерусалим, апостольскую Церковь, убегают не в истинную пустыню мира и тишины, но в запустение духовное и чувственное, где нет ни здорового учения, ни святости таинств, ни добрых правил жизни частной и общественной. Вот Он у нас, говорят скрытно еретичествующие, указуя на свои тайные сборища, как будто солнцу должно светить только под землей; как будто Он не сказал и повелел: *Еже глаголю вам во тьме, рцйте во свете; и еже во уши слышите, проповедите на кровлех* (Мф. 10:27).

Слыша таковые вопли или шептания, вспомните, христиане, ангельский глас и проповедь о вознесшемся Господе: *Такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо*, так же явно, так же торжественно. И потому, *аще кто речет вам: се zde Христос, или онде, не имите веры*. Ни грубые вопли, ни хитрые шептания не походят на провозвещение Архангела и на трубу Божию. *Не исходите* вослед зовущих вас из града Господня, оставайтесь на месте своем и берегите веру вашу для истинного пришествия Христова, славного и торжественного.

Третье обстоятельство вознесения Господня, примечательное для будущего, есть то, что оно было для учеников Его нечаянно и непредвиденно. Сие произошло, сколько можно узнать из кратких повествований евангельских, таким образом, что Он, являсь им во Иерусалиме, как бывало многократно, и отходя, вел их за Собою как сопровождающих, беседуя с ними, как обыкновенно, о Царствии Божием и наипаче о

приближающемся сошествии Святого Духа; *Извед же их вон из Иерусалима до Вифании, и воздвиг руце Свои, и благослови их; и бысть егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо.* Не только по собственному изволению не предварил Он их о сем великом событии; но даже на вопрос их о временах великих событий Царствия Его, решительно им отказал в сем познании. *Рече же к ним: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1:7). Сей отказ в разумении времен, очевидно, простирается и на время будущего пришествия Христова, и преимущественно к сему относится. Еще и прежде Он внушал ученикам Своим внезапность сего события, уподобляя оное молнии, которая есть разительнейший в природе образ совершенной внезапности. *Якоже молния исходит от восток, и является до запад, тако будет пришествие Сына человеческого* (Мф. 2:27). Подобно сему и апостол изъясняет: *Приидет день Господень, яко тать в нощи* (1 Сол. 5:2).

Из сей внезапности будущего Своего пришествия Господь Сам извлекает для нас, христиане, спасительное предостережение. *Бдите убо, — глаголет, — яко не весте, в кий час Господь приидет* (Мф. 24:42). Не увлекайтесь любопытством или легковерием, когда христиане, думающие знать более, нежели сколько дано от Христа, будут исчислять вам времена Царствия Его и определять лета чаемого явления Его: *несть ваше разумети времена и лета*, старайтесь лучше познавать грехи свои, исчислять падения и находить им пределы в покаянии. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажут предсказанные апостолом ругатели: *Где есть обетование пришествия Его? Отнележе бо отцы упоша, вся тако пребывают от начала создания* (2 Пет. 3 — 4). Берегитесь, чтобы мрачные грезы сынов века сего, смежающих очи от света грядущего века, не омрачили вашего сердца, не облепили ума, не усыпили духа к тому вожделенному и страшному часу, когда приидет день Господень, яко тать в нощи.

Возлюбленнии! Сих чающе, потщитесь нескверни и непорочны Тому обрестися в мире (2 Пет. 3:14). Аминь.

Слово на Преображение Господне

Говорено в Тверском кафедральном
Преображенском соборе в 1820 году

*Взыде на гору помолитися.
И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино;
и одеяние Его бело блистая.
И се мужа два с Ним глаголюща,
яже беста Моисей и Илия.
(Лк. 9:28–30)*

Высокое зрелище на горе Фаворской. Зрелище, подлинно достойное того, чтобы и видеть оное с восхищением, как видели апостолы, и вспоминать с торжеством, как мы ныне вспоминаем. Не напрасно и те, которые были свидетелями великих явлений на Синае и Хориве, не напрасно Моисей и Илия являются на Фаворе. Они увидят здесь более, нежели там. На Синае и Хориве сила и слава Божия открылась человекам сквозь силы видимого естества: на Фаворе не только Божество является человекам, но и человечество является в Божественной силе. Моисей трепетал на Синае (Евр. 12:21); Илия жаловался на Хориве (3 Цар. 19:14), в апостолах на Фаворе сквозь ужас сияет радость: *Добро есть нам zde быти.*

Христиане! Вероятно, сердце ваше готово сказать о зрителях Фаворской славы: воистину добро есть им тамо быти! Счастливы они, что могли там быть! Что ж, если скажем вам, что путь к созерцанию Фаворской славы не поглощен бездной, не прегражден стеной, не зарос тернием, не забыт, не потерян, но еще и ныне указывается знающими желающим. (Нетрудно понять, что сие говорится о пути духовном, ибо телесным шествием, конечно, нельзя взойти к видениям духовным и откровениям Божественным.) В самом деле, для чего евангелист, приступая к изображению славного преобразования Господня, прежде всего свое и наше внимание обращает на молитву: *Взы-*

де на гору помолитися? Для чего еще, как будто не полагаясь на проникание некоторых читателей и слушателей Евангелия и опасаясь, что недовольно поймут важность замеченного обстояательства, он тут же повторяет, что преображение Господне случилось во время молитвы: *Бысть, егда моляшеся?* Для чего иначе, если не для того, чтобы указать нам в молитве путь к свету Фаворскому, ключ тайн духовных, силу откровений Божественных?

Если Богомудрый евангелист нашел столь нужным с изображением славы Фаворской соединить мысль о молитве, то, конечно, не излишне будет и нам, христиане, с воспоминанием славного Преображения Господня соединить хотя некое малое размышление «о силе и действии молитвы».

Хотя должно уповать, что в сем доме молитвы нет никого, кто бы не имел более или менее познания о силе и действии молитвы, однако для основательного знания, да будет позволено войти о сем предмете в исследование как бы о неизвестном. Итак, имеет ли какая-нибудь молитва какое-нибудь действие? Сей вопрос недолго может оставаться неразрешенным. Он разрешается общим смыслом человеческого рода, ибо все — от просвещенного чистым светом веры христианина до язычника, омраченного грубым суеверием, — все люди признают обязанность молиться, а большая и лучшая часть людей и самым делом исполняют сию обязанность, хотя не одинаковым образом и не с одинаковым успехом. Но для чего бы и устанавливать, и совершать молитву, если бы не признавали в ней никакой силы и не ожидали от нее никакого действия? Если кто спросит, как могут и язычники быть свидетелями о силе молитвы, когда они, не имея истинного Богочтения, не имеют потому и истинной молитвы, того мы опять спросим: как же у них и есть какая-нибудь молитва? Как ни старайся изъяснить какое бы то ни было несовершенное явление молитвы, в основание происхождения его всегда должно будет положить силу молитвы. Молятся и язычники, конечно, или потому, что оставляемый тварью, но не оставляющий ее Бог и в их омраченных сердцах оставляет некоторые искры Своего света, который *просвещает*

всякого человека, *грядущаго в мир*, и которого *тьма необъемлет* (Ин. 1:9, 5), который и во плоти возбуждает некое чувство потребности духовной, дает некое предчувствие о возможности ее удовлетворения и таким образом побуждает взывать к неведомому Богу о неведомой помощи, — или потому, что из самого болота чувственности, в котором погрязло язычество, иногда возникали некоторые окрыленные души, которые, при сознании низости и нечистоты сего состояния, искренним желанием и усилием познать силы духовного мира достигали некоторого причастия их и потому научали других достигать того же искренним и крепким желанием, то есть молитвой. Или, наконец, потому, что еще с тех пор, когда во всем роде человеческом было истинное богопознание и, следственно, во всем роде человеческом известны были сила и действенность истинной молитвы, несмотря на последовавшее повреждение Богопочитания, осталось неизгладимое всеобщее уверение как о необходимости самого Богопочитания, так и о пользе молитвы, то есть о ее силе и действенности.

К несчастью, есть философия того рода, который апостол Павел называет философией *по стихиям мира и тщетною лестию* (Кол. 2:8), которая, пренебрегая вообще свидетельство человеческого рода, думает надежнейшее свидетельство истины дать сама себе. Она учит, что как весь мир связан узами причин и последствий, в которых и свободные существа более или менее запутаны, то, когда человек молится, например, об изобилии плодов земных, а сие изобилие зависит от благорастворения воздуха, благорастворение воздуха — от действия и воздействия солнца, земли и воды, действие же их от законов мира, однажды Творцом его поставленных и всегда постоянно и необходимо действующих, — он молится или бесполезно, или разве только для своего смирения и покорности пред властью и величеством Творца. Заметим, что и сей род мудрования не может отнять у молитвы хотя того действия, что она образует в человеке качество смирения пред Богом — а это уже немаловажное и спасительное действие. Но сего не довольно. Спросите, если встретите, учеников сего мудрования,

что лучше: искусная машина или существо живое, разумное, свободное и благоустроенное общество таковых существ? Что возвышеннее: художник, который устроил машину и наблюдает за ее движениями, или отец, который родил детей и воспитанием образует их в свое подобие, и царь, который основал царство свободных и управляет ими так, как они хотят быть управляемы, только без нарушения его премудрых и благих намерений? Выбор здесь не труден, и ответа ожидать не нужно. Спросите же их еще: для чего в творении Всесовершенного Творца лучше хотят они видеть совершенное произведение, нежели благоустроенное Царство Премудрого Царя и великий дом Отца Всеблагого?

Почему охотнее представляют себе Бога Художником мира, нежели Царем неба и земли и Отцом духов? Ответа на сие предоставим им искать в своей совести, а для нашего настоящего рассуждения довольно, что если Бог есть не только Создатель наш, но и Царь и Отец, то нет сомнения, что дети не вотще будут призывать Отца и Царь не заградит слуха от сынов Царствия. И удивительно ли, если чадолюбивый Отец в удовлетворение доброго или, по крайней мере, невинного желания сына остановит или переменит движение машины, которую Он устроил? Так неудивительно, если Всеблагий Отец Небесный, по молитве земнородных чад своих, дает новое, необыкновенное направление природе, управляемой законом необходимости. Сим уподоблением изъясняет действие молитвы сама Истина и само Слово: *Аще вы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим: кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7:11).

Некоторые христиане, знающие и творящие дело молитвы более наружно, по обряду, нежели внутренне, по духу, не сомневаясь в неопределенной мысли, что молитва может быть сильна и действенна, недоумевают или совсем ошибаются в приложении сей мысли к самим себе и своей молитве. Молясь многократно и не видя ощутительных последствий своей молитвы ни в себе, ни окрест себя, вместо того, чтобы усомниться в истине и достоинстве своих молитв, они получают духом

лености и самопрельщения вдыхаемую мысль, что молитва сильная и действенная есть, может быть, особенный дар благодати, предоставленный только для некоторых избранных Божиих и для некоторых только чрезвычайных случаев. Для таковых скажем не обинуясь, что нет человека, которого молитва не могла бы сделаться сильной, если он того твердо и чистосердечно, с верой и упованием на Бога, возжелает; и нет вещи, в которой бы молитва не могла соделаться действенной, если только предмет молитвы не противен премудрости и благодати Божией и благу молящегося. Много сказано, надеемся, однако, что не обманем истинных любителей молитвы.

Представьте себе человека, который силою молитвы заворачивает и отверзает небо для прекращения и низведения дождя; вели, чтобы горсть муки и немного елея достаточны были для пропитания нескольких человек на несколько месяцев и даже, может быть, не на один год, — и сие исполняется; дует на мертвого — и он воскресает; низводит с небес огонь, дабы он попалил жертву и жертвенник, погруженный в воду. Что может показаться необыкновеннее сей силы молитвенной? Но так кажется только для человека, не знающего силы духовной, а для знающего сие есть дело подобного нам человека. Это не мое мнение, но учение апостольское. Апостол Иаков, поучая нас *молиться друг за друга*, в убеждение к сему говорит, что *много может молитва праведного*, и сие общее для всех наставление и убеждающую мысль подтверждает именно примером необыкновенного человека, которого мы теперь изобразили и которого он называет подобным нам человеком: *Илия человек бе подобострастен нам, и молитвою помолися, да не будет дождь; и не одожди по земли лета три и месяц шесть: и паки помолися; и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой* (Иак. 5:16—18). Для чего сказано здесь, что сей чудодействующий Илия был *подобострастен нам*? — Точно для того, чтобы, почитая его необыкновенным человеком, не обленились мы подражать ему и достигать силы в молитве.

Если, несмотря на сие, подражать в молитве пророку кажется вам жребием, превышающим вашу посредственность, и

высотой недостижимой, то представьте себя, чем вам угодно, меньшим пророка, представьте себя хотя меньше, нежели христианами, хотя только язычниками: и в сем случае, я утверждаю, что молитва ваша может быть сильна и действенна. Она может — чего больше? Может и из язычников сделать вас истинными христианами, может ввести вас в истинное богопознание и богопочтение, хотя бы оно и неизвестно вам было, и, если не будет близко человека, который бы мог руководствовать вас к тому, она отверзет небо и низведет вам оттоле ангела, который наставит вас. Но не мечтаю ли я, увлекаемый желанием возбудить вас к молитве сильной и действенной? Нет, братия и сомолитвенники, я все говорю о том, что действительно уже было, а потому и опять может быть, и о чем свидетельствуют наши священные книги. Известный из книги Деяний апостольских Корнилий, сотник римского войска, был язычник. Неизвестно, знал ли он Единого Бога, а то верно, что не знал, *Егоже послал есть Бог, Иисуса Христа*, но он творил столько добра, сколько разумел, боялся и непрестанно призывал Бога, хотя и неведомого. *Благоговеи и бойся Бога со всем домом своим, творяя милостыни многи людем, и моляйся Богу всегда* (Деян. 10:2). И что же сделала постоянная молитва язычника? Она точно преклонила к нему небеса и низвела в помощь ему вышние, даже Божественные силы. Среди самой молитвы является ему ангел. *Корнилие, — говорит он, — услышана бысть молитва твоя* (Деян. 10:31), и потом научает его призвать апостола Петра. Когда же призванный апостол проповедал ему Иисуса Христа, Дух Святой, еще прежде совершения крещения, излился на Корнилия.

Изыскивайте, если хотите, изобретайте в мыслях ваших вещь, которая казалась бы недоступной силе молитвы — не отчаиваемся при свете слова Божия показать вам, что она доступна и достижима, хотя бы даже казалась невозможной. Вообразите, например, целый народ, тяжким преступлением раздраживший Бога; присовокупите, что Бог уже изъявляет праведную волю Свою погубить сей народ и что в сии ужасные минуты остается один только человек на свете, который

может принести молитву за сей, почти уже поглощаемый адом народ. Не кажется ли вам, что уже невозможно спасти народ сей? Опыт Моисея показал, что и сие возможно. Народ израильский, непосредственно после славного Богоявления и законоположения синайского, вдруг впадает в идолопоклонство. Моисей предстоит Богу на горе. Выслушайте и уразумейте, какие дивные слова в сие время изглаголал Господь Моисею: *И ныне остави Мя, и възъярився гневом на ня, потреблю их* (Исх. 32:10). О, Господи Боже духов и всякия плоти! Неужели сей раб Твой, который только Твоей силой силен, может воспрепятствовать исполнению воли Твоей? Оставь Меня, глаголет, Я хочу явить праведный гнев Мой, хочу погубить сей народ; но ты Меня удерживаешь. *Остави Мя, и възъярився гневом на ня, потреблю их.* Что же еще? Молитвенник и тогда не оставляет Бога, но усугубляет молитву, и гнев непобедимого Всемогущего уступает силе молитвы бренного человека! *И умилившись Господь о зле, еже рече сотворити людем Своим* (Исх. 32:14). Измеряйте здесь, если можете, чудесную силу молитвы и найдите после сего, чего бы не могла она совершить во спасение!

Дабы усмотреть еще, с какой удобностью ключ молитвы отверзает духовные и Божественные сокровища, воззрим паки к Фавору, к которому и старались мы приблизиться настоящими размышлениями. Всмотримся еще раз прилежно в изображение Преображения Господня у евангелиста. *Взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино и прочее.* Если смеем мы по сим чертам угадывать сердечную тайну Божественного Иисуса, кажется, на пути к Фавору в прямом и непосредственном намерении Его было не преображение, но просто молитва. *Взыде на гору помолитися.* Кажется, и на самой горе, в самые минуты преображения, собственной целью действия Его была только молитва: *бысть егда моляшеся.* Размышляющему не покажется невероятной и та догадка, что предметом сей молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти, о чем Он незадолго пред сим открылся ученикам (Лк. 9:22) и о чем в самое время преобра-

жения беседовали с Ним Моисей и Илия (Лк. 9:31). Как же среди молитвы о страдании открылась слава? Как самородный, так сказать, цвет и плод обильной живой силой молитвы. Дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнил светом душу Иисусову; преизбыток сего света, не удерживаясь в душе, пролился на тело — и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объят души апостолов — и отразился в восклицании Петровом: *Добро есть нам zde быти*, прошел в область внутреннего мира — и привлек оттоле Моисея и Илию; достиг самых недр Отца Небесного — и подвигнул любовь Его к торжественному свидетельству о Возлюбленном: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*. О, чудо молитвы, единым действием объемлющей небо и землю, и самое Божество! Да не скажет кто, что сей пример молитвы до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится и до нас, христиане, ибо в нас то же, хотя не в той же степени, должно совершаться, что и во Христе. *Сие да мудрствуется в вас*, — учит апостол, — *еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2:5).

Время наконец спросить: отчего же столь многие молитвы остаются без действия, если всякая молитва может быть столь сильна и действенна? Ибо для сего наипаче вопроса сказано все, что доселе сказано. Отличим здесь один случай, когда молитва кажется неисполненной, между тем как она исполняется неожиданным и высшим образом. Так, Павел *трикраты молил Господа*, да отступит от него пакостник плоти, но Бог ему ответил: *Довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12:8, 9). Не прекращено искушение, но еще более дивная дарована победа над продолжающимся искушением. Если исключить подобные сему случаи, то все безуспешные молитвы объясняются кратким изречением апостольским: *Желаете, и не имате, зане не просите; просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. 4:2—3). Наши молитвы бесплодны потому, что это не суть прошения прилежные и неотступные, которые бы исходили из глубины души и в которых бы вся душа изливалась, но только желания слабые, которые мы изрекаем без возбуждения

духа и думаем, что они сами собой должны исполниться; или потому, что прошения наши нечисты и злы, что мы просим вредного, а не полезного для души нашей, или просим не во славу Божию, но для удовлетворения наших хотений плотских и самолюбивых.

Молись, христианин, молитвой крепкой, от всей силы души твоей, молитвой прилежной и неотступной, молитвой благой и чистой, а если сего не обретаешь в себе, молись о самой молитве, и ты молитвой сперва приобретешь молитву истинную и действенную, потом сия все победит с тобою и все тебе приобрящет, возведет тебя на Фавор или в тебе откроет Фавор, низведет Небо в душу твою и душу твою вознесет на Небо. Аминь.

Слово в день Преображения Господня

Говорено в Чудове монастыре 6 августа 1826 года

*Аминь глаголю вам, (яко) суть нецыи от zde стоящих,
иже не имут вкусити смерти, дондеже видят
Сына человеческого, грядуща во Царствие Своем.
(Мф. 16:28)*

Иудеи от дней родоначальника своего Авраама ожидали некоего блаженного царствия, долженствовавшего устроиться чрез обетованное семя, в котором по обетованию благословятся все народы земли: по более четырехдесяти родов от Авраама вкусили смерть прежде, нежели явилось обетованное семя и ожидаемое царствие. И так весьма важно было для них узнать, что есть уже люди, которые доживут до явления сего царствия. *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во Царствии Своем.*

Христиане! Мы не ожидаем с иудеями мечтательно блаженного царствия земного, мирского, чувственного, но чаем по вере царствия духовного, Царствия Небесного, Царствия соб-

ственно Божия. Однако не уподобляются ли некоторые из нас иудеям в том, что пределы ожидаемого Царствия Божия полагают далее гроба. Не есть ли потому и для нас новое и, дабы мы не оставались в неведении об истине, давно возвешенной, весьма нужное учение, что есть и должны быть люди, которые встречаются с Царствием Божиим ближе гроба? *Суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во Царствии Своем.*

Царство Иисуса Христа Сына Божия есть Царство всех веков. Псалмопевец написал, апостол истолковал изречение псалмопевца о Сыне Божиим: *Престол твой, Боже, в век века* (Евр. 1:8). И да не подумает кто, что сим означает только вечность в будущем или бесконечное Царствие Сына Божия: ибо тот же апостол и в том же рассуждении о Сыне Божиим говорит, что *Им и веки сотворены, и носит Он всяческая глаголом силы своя* (Евр. 1:2, 3); следственно, Его царственное могущество вечно в полном знаменовании сего слова, как не имеющее ни временного начала, ни временного конца; и действительно владычествует Он над тварями во все продолжение существования тварей. Посему Царство Сына Божия в отношении к Самому Сыну Божию не только будет, но и есть, и было; не грядет, но пребывает; не ограничивается какими-либо предками, но простирается беспредельно.

Как же вопрошают Господа ученики: *аще в лето сие устрояеши царствие Израилево* (Деян. 1:6)? Что такое проповедует Иоанн: *приблизися Царствие Небесное* (Мф. 3:2)? Один предполагает, что Царствие Небесное было далеко; другие думают, что царствие Израилево, под именем которого, без сомнения, разумеют Царство Иисуса Христа Сына Божия, еще не устроено. Так говорится о Царствии Сына Божия в отношении к человекам. Царствие Небесное далеко, если оно не познается человеками; оно еще не устроено, когда человеки не устроят себя в члены и орудия оного. Царствие Небесное приближается, когда познается человеками; устрояется, когда они *созидаются в жилище Божие духом* (Еф. 2:22). Поелику же и для человека в полном устройстве является и

познается Царствие Небесное в небесах, Божие в Боге, и сие может быть только тогда, когда *узрим Его лицом к лицу* (1 Кор. 13:12), *якоже есть* (1 Ин. 3:2); когда *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15:28), а сие может быть не прежде, как по разрешении от смертного тела, которое, по выражению апостола, *устраняет нас от Господа* (2 Кор. 5:6); то и есть основание мыслить, как мыслят обыкновенно, что Царствия Небесного должно ждать каждому сыну Царствия не прежде смерти земного тела своего, а всем не прежде, как и вся *земля, и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3:10).

Но между вечным Царствием Божиим, долженствующим открыться в человеках после временной жизни и преходящего мира, Господь указывает некий средний вид Своего Царствия, не совсем непостижимого и не совсем открытого, частию будущего, частию настоящего, для одних искомого и ожидаемого, для других обретаемого и действительного. *Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во Царствии Своем.*

Кто стояли там окрест Господа, когда Он изрек сие таинственное предсказание? В их жизни надлежит усматривать, как оное исполнилось и что значило. Кто же стояли там? Из повествования евангельского видно, что то были двенадцать апостолов и что Иисус ко *учеником Своим* (Мф. 16:24) говорил о Своем близком пришествии во Царствии Своем, или, по выражении другого евангелиста, *о видении Царствия Божия, пришедшаго в силе* (Мк. 9:1). Как же увидели сие апостолы прежде, нежели вкусили смерть, и которые из них особенно сие увидели?

Иисус Христос явился в мире, *зрак раба приим* (Флп. 2:7), сокрывая силу Своего Царствия или только начатки оногo являя в могущественном слове и чудесах. Так было, без сомнения, до крестной смерти Его. Но и по воскресении Он торжественно возвестил о Себе ученикам своим, что *дадеса Ему всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28:18); следственно, с самого воскресения Его начали они *видеть Сына человеческого, грядуща во Царствии Своем*. Когда потом восшел Он на небеса,

воссел одесную Бога Отца и вновь явился грядущим на землю, ниспосылая Духа Святого на апостолов и прочих верующих, когда посредством сего Духа действительно начал устроить из верующих одно благоучрежденное общество Своих последователей, церковь Свою, Царствие Свое, когда Царствие сие из Иудеи во все страны света распространилось с такою скоростью, что при жизни апостолов простиралось уже от Индии до Испании, от Скифии до Ефиопии, с такою силою, что гонения кесарей победило кровию мученичества: тогда, не обинуясь, могли апостолы сказать Господу на Его предсказание, что воистину, *еще не вкусив смерти, видели они Царствие Божие, пришедшее в силу.*

Но нетрудно приметить, что в сем значении видение Сына человеческого, грядущего во Царствии Своем, и Царствия Божия, пришедшего в силу, с малым неравенством принадлежало всем апостолам, кроме Иуды-предателя: Господь же усвояет обещанное видение только некоторым из них: *суть нецыи от zde стоящих.* Посему невольно возобновляется вопрос: кто сии некоторые?

Для ответа на сие, простого, но тем не менее верного, не станем умствовать, а прочитаем евангельское повествование, как оно есть. *Суть нецыи от zde стоящих,* — глаголет Господь, — *иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во Царствии Своем.* — *И по днех шестих,* — продолжает евангелист, — *поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна, брата его, и возведе их на гору высоко едины, и преобразися пред ними* (Мф. 17:1—2). На чтобы с такою точностию означать евангелисту промежуток времени между предсказанием о скором пришествии Сына человеческого во Царствии Своем и между чудесным действием Преображения Господня, если бы между сими случаями не полагал Он тесной связи, если бы, то есть случившееся ровно чрез неделю после предсказания, не было событием предсказания? Итак, нецыи от стоявших окрест Иисуса, именно Петр, Иаков и Иоанн увидели Его, грядуща во Царствии Его, увидели Царствие Божие, пришедшее в силу, когда увидели Его славное преоб-

ражение. Божество Иисуса просияло сквозь Его человечество; Моисей-законодатель как раб предстал Владыке закона; Илия, ревнитель единого, истинного Бога, пришел поклониться Богочеловеку; глас Бога Отца возвестил возлюбленного Сына и приглашал к повиновению Ему яко царю: *того послушайте*; блаженная сила Царствия Небесного проникла и восхитила апостолов, и жизнь небесная едва не поглотила в них земную; так что возвращение от небесного видения к земным ощущениям казалось им пробуждением от сна, или, может быть, не прилично ли было бы назвать сие погружением из бодренной жизни небесной в полусонную жизнь земную.

Прекрасное видение — подумают, может быть, некоторые; но что до того нам, когда и обещал оное Господь немногим избранным, а теперь и событие уже миновало? А я думаю, что во всей земной жизни Господа нашего Иисуса Христа едва ли есть что-нибудь такое, что бы до нас не касалось. Не для нас ли Он на земле родился, жил, умер и воскрес? Не для нашего ли спасения все и глагоlal, и творил? И как верно то, что соделал Он все для нас потребное, так верно и то, что не сделал ничего излишнего. Надобно было, чтобы Он после явления Своего во зраке раба, но прежде последнего славного Своего пришествия предварительно и тайно пришел во Царствии Своем; надобно было, чтобы ученики Его, еще не вкусив смерти, хотя на мгновение ока увидели Царствие Божие, пришедшее в силу; сего требовал всеобщий закон постепенности, соблюдаемый в действиях и откровениях Божиих; сие частное явление Царствия Небесного нужно было для приготовления к трудному и не скорому полному откровению оно́го. А сие служит указанием и для нас, да еще в настоящем житии нашем *откровенным лицем славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся* (2 Кор. 3:18). Надобно, чтоб и мы, сперва подвизаясь в покаянии, в делании заповедей как рабы, потом чрез веру, молитву, любовь соделались из рабов сынами Божиими, преобразились внутренно из земных человеков в небесных, дабы, наконец, могли воскреснуть и вознестись в славную жизнь и в Царствие Небесное. В ком прежде смерти нет Царствия Божия, пришед-

шего в силе, тот после смерти не придет в Царствие Божие, пребывающее во славе. Аминь.

Беседа о нашем житии на небесах

Говорена в Московском Успенском

соборе 15 августа 1833 года

*Наше бо житие на небесех есть, отонудуже
и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа,
иже преобразит тело смирения нашего,
яко быти сему сообразну телу славы Его.
(Флп. 3:20—21)*

Нынешний праздник поставляет нас на краю всего земного, в преддверии отверстого неба.

Если по вознесении Господнем на небо апостолы стояли неподвижно с устремленными туда взорами, как бы ничего не оставалось для них на земле, то что осталось на ней после того, как и Матерь Господа нашего сокрылась от земли, вознесясь невидимо путем Сына Своего в Его Божественную славу? Не хочется оглянуться на землю, когда видим, что все благое, святое, божественное, как молния возблистав над нею мгновенно, как молния же скрывается внезапно.

Я готов бы тосковать теперь, но Церковь велит праздновать. И сие, без сомнения, потому, что, приведя нас к краю всего земного, в то же время она вводит нас в преддверие неба, открывает пред нами лестницу небес, по которой недавно взошла живая лестница божества, — хочет, чтобы мы вошли туда очищенным умом, прежде нежели удостоимся взойти воскресшим духом и прославленным телом, и чтобы необманчивым созерцанием дознали радостную истину апостольского слова, что *наше бо житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его.*

Как бы ни приятно кто жил на сей темной земле, однако никто, надеюсь, не станет спорить, что несравненно приятнее должно быть житие на светлых небесах, если туда кто может переселиться.

Посему не достойна ли полного внимания нашего весть, которую слышим от апостола о житии на небесах, что оно действительно есть и даже что оно для нас не чуждо?

Житие наше на небесех есть.

Небесный житель, который, видно, еще живя на земле, обладал небесным житием, потому что все земное пренебрег и оставил и потому что еще тогда силу небесной жизни проявлял в себе духовною прозорливостию, исцелениями, властью над преисподними силами, преподобне отче Сергие! Твоею молитвою и благословением споспешествуй нам возвести помышления и сердца наши к небесному житию, да не погрязнем в суете жития земного.

Разуму земному странным показаться может апостольское возвещение, что *житие наше на небесех есть*. Он скажет: и птицы небесные не на небесах живут, хотя мы уступаем им преимущественно называться небесными; мы меньше птиц можем отделять себя от земли. Наша жизнь стоит на земле, как на основании; питается земною пищею; покрывается земной одеждою; укрывается в земном жилище. Как же можно сказать, что *житие наше на небесех есть*? Иное дело, если бы сказано было: житие наше на небесех будет. Но и сие кому известно? А то как возможно?

Вы оправдаете меня, братия, в том, что я не соглашусь поправлять или ослаблять слов апостольских в угодность непонимающих. Я стою твердо в апостольском уверении, что *житие наше на небесех есть*. Чтобы сделать истину сию внятною и ощутительною, надлежит различить и сравнить жизнь временную и вечную, телесную и духовную.

Если бы городского жителя во время путешествия в поле или в деревне, спросили, где он живет? — Без сомнения, он не сказал бы: вот здесь на дороге или вот здесь в сельской гостинице; но сказал бы, что живет в городе, где у

него дом и семейство, хотя бы во время вопрошения и далеко был от города.

И справедливо: ибо мы живем не там, где случайно странствуем, где ночуем в постоялом доме, но где имеем постоянное пребывание. Примените сие к апостолу — и просто будет его необычайное по первому виду изречение.

Святой Павел жизнь временную представлял только странствованием, землю — не больше как постоялым домом; как мысль странника упреждает его и находится уже в доме, когда он еще на пути, так сердце апостола во время земного странствования было уже там, идеже есть сокровище его, где Бог живет во свете, где Христос царствует во славе, где обители святых и жизнь их истинная и вечная.

Так он мыслил и чувствовал, такие мысли и чувствования предполагал и во всех христианах как участниках той же веры, как наследниках той же вечной жизни; и потому не о себе только, но вместе с собою и о всех нас уверительно сказал: *житие наше на небесех есть*.

Как жизнь временная есть едва приметное мгновение пред вечною, так жизнь телесная, или чувственная, едва заслуживает название жизни в сравнении с духовною.

Святой апостол, тогда как возвещает житие небесное, с горестию и негодованием отвергает преобладающую в некоторых людях жизнь телесную, или чувственную.

Мнози бо ходят, ихже многажда глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова, имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, имже земная мудрствуют (Флп. 3:18—19).

И недуховный человек оскорбится, если ему скажут, что он живет только чревом: так низко думают о чреве и о жизни чрева даже и такие люди, которые не духовно мыслят.

Но если всякий поклонник, без сомнения, много ниже своего Божества, то подумайте, как низки люди, *имже бог чрево*, которые идолу чувственного наслаждения приносят в жертву время и жизнь, тело и душу, дары природы и приобретения в мире!

Если это жизнь, то разве скотская, а жизни человеческой, кольми паче христианской, ни искры тут нет.

Какая же быть может жизнь, которую нам не стыдно было бы назвать нашею жизнью? — скажут ли: жизнь сердца? или: жизнь разума?

На сие скажу относительно жизни сердца, что, если она не возвышена особенным средством, то близко граничит с жизнью чувственности и потому легко низвергается в ту же пропасть низости, которую мы недавно указали; или же удобно переходит в жизнь зверя, который находит удовольствие в том, что терзает; что касается до жизни разума, кроме того, что она с трудом, и то в немногих, восходит до некоторой высоты, земный разум также висит над пропастью чувственности, и нет в природе человеческой силы, которая была бы достаточно безопасно поддержать его. Почему апостол тех, *имже земная мудрствуют*, ставит рядом с теми, *имже бог чрево и слава в студе их*, то есть которые, предавшись чувственности, полагают славу в делах постыдных, и *имже кончина погибель*.

Какая же, спрошу еще раз, быть может жизнь, которую мы могли бы назвать нашею, не подвергаясь стыду и опасности? — Не иная, как только жизнь духа, — жизнь, в которой *уды сущие на земли*, то есть чувственные похоти и страсти, *умерщвляются* крестом Христовым, то есть чрез повиновение заповедям Его и чрез последование примеру Его, — жизнь, в которой *разум пленяется в послушание веры*, и от нее получает и чистый свет, дабы видеть истину, и силу, дабы непоколебимо стоять в оной, — жизнь, в которой *вселяется Христос верою в сердца* человеков, и *любовию действует* в них к миру внутреннему, к благополучию внешнему, к благоустройству общественному, к блаженству вечному.

Сия жизнь не есть земная, потому что она земное умерщвляет; не есть земная, потому что рождается от семени небесного и Божественного. Она есть небесная жизнь, потому что хотя сеется на земле, но растет в небо и даже превыше небес, она есть небесная еще прежде окончания видимой жизни земной, потому что нам *возвещен живот вечный, имже бе у Отца*,

и явился нам, и вследствие сего есть общение наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом (1 Ин. 1:2, 3), есть общение Святаго Духа со всеми нами (2 Кор. 13:13); а сие общение, без сомнения, есть небесное и пренебесное.

Познаем, восчувствуем, христиане, достоинство христианства.

Поверим возвещению апостольскому, уразумеем сие возвещение, возрадуемся о сем возвещении, что *житие наше на небесех есть*.

И если между тем устрашают нас превратности жизни временной, озабочивают нужды жизни телесной, возмущают искушения плоти, да возводим взоры наши от темной и коловратной земли к светлому и неподвижному небу, *отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа*, Который и превратности времени, и нужды тела, и искушения плоти окончательно прекратит, когда *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его*, что предначал Он для нас и в чем обнадеживает нас Своими Преображением, Воскресением, Вознесением.

Житие наше на небесех есть!

В сем апостольском слове подаю вам, чада Церкви воинствующей, оружие против многого, что сражается с вами на земле.

Тяготит тебя печаль о добром и возлюбленном умершем. Скажи себе: *житие наше на небесех есть*; не благоразумно было бы расслаблять себя на пути печалию о том, кто упредил нас; лучше напрягать силы и внимание, чтобы верным путем идти туда, где житие обоих.

Искушает тебя любовь к земным вещам и желание многого приобретения. Скажи опять: *житие наше на небесех есть*, а здесь мы путешествуем; не надобно путешественнику слишком увеличивать ношу путевого запаса; нелепо было бы останавливаться на дороге и строить себе великолепный дом для ночлега.

Обижают тебя, лишают собственности, чести, награды. Еще скажи себе: *житие наше на небесех есть*; там наши со-

кровища некрадомые, венцы нетленные, воздаяния вечные. Не нужно заботиться много, если отнимают лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить бесценное наследие в доме Отца Небесного.

Так сильною мыслию о небесном, верую в небесное, любовью к небесному, надеждою небесного возмогай, земнородный, над земным и преисподним; и подвизайся непрестанно, да будет в тебе небо благодатию, да будешь наконец ты в небе со славою вечною. Аминь.

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

Говорено в Московском Успенском

соборе 15 августа 1832 года

*Да не явишиися человеком постяся,
но Отцу твоему, Иже в тайне:
и Отец твой, видяй в тайне,
воздаст тебе яве.
(Мф. 6:18)*

У гроба Пресвятой Девы Марии Церковь поставляет нас ныне в благочестивое созерцание. Ибо что такое церковный праздник, если не благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни?

Что же видим, быв поставлены у гроба Пресвятой Девы? Зрелище необыкновенное! — Обыкновенно до гроба — свет и ясность, далее гроба — мрак и неизвестность; но здесь совсем напротив. До гроба — какое высокое достоинство и добродетель в какой глубокой тайне и безвестности! Далее гроба — какой свет и слава, какое торжественное воздаяние достоинству и добродетели!

Не много нужно труда для изъяснения, что нравственное достоинство Преподобной Девы Марии должно признавать беспримерно высоким. Сие видно само собой из досто-

инства служения, в которое Она избрана и возведена. Если бы нашлась добродетель выше, нежели Ее, то была бы несообразность в том, что Она преимущественно избрана быть жилищем, престолом, Матерью Бога Слова. Но в судьбах и делах Божиих несообразности быть не может. Следовательно, как верно то, что Мариам есть *благословенная в женах*, то есть благословенная высочайшим благословением пред всеми прочими женами, так же верно и то, что добродетель Ее есть высочайшая, чистейшая, совершеннейшая, хотя, впрочем, Она чиста и совершенна помощью того же Христа, Который сделался наградой Ее чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знают, как видят достоинство Мариам прежде гроба Ее.

Кому лучше было знать Ее, как не тому, кто удостоен был доверенности хранить сие сокровище мира, сию запечатленную сокровищницу неба? Но Иосиф вначале так мало знал, сколь высоко должно чтить Ее, что почитал даже возможным *обличить* Ее, хотя и не хотел того. Иосиф готов был повергнуть бесценное сокровище, если бы оно не было надежнее оберегаемо более просвещенными хранителями, ангелами. *Не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити Ю. Сия же ему помысливши, се, Ангел Господень во сне явися ему* (Мф. 1:19—20).

О дивно молчаливая Дево! Не ближе ли было Тебе Самой известить Иосифа о том, о чем наконец известил его ангел? Почему ждала Ты дальнего вестника с неба? Почто не спешила на помощь праведнику, почти впавшему в несправедливость? Без сомнения, для того, *да не явишиися человеком* с Твоею добродетелью, с Твоею благодатью, с Твоим достоинством, — но единственно Отцу Твоему Небесному, *Иже в тайне*.

Тайну высокого достоинства Девы Богородицы более или менее открывали ангелы, звезды, волхвы, пастыри, Симеон: но ангелы возвратились на небо; волхвы на Восток; звезда скрылась; Симеон с миром отпущен из мира сего; свет Вифлеемской славы потушен гневным дыханием Ирода и кровию младенцев. Мария скрывалась то в Египте, то в Назарете, а Ее достоинство

и знаменитость — в Ее сердце. *Мариам же соблюдайте вся глаголы сия, слагающи в сердце своем* (Лк. 2:19).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотворений Сына Мариина просияла в Иудее и Галилее. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскоре озарить и лицо Матери. Однажды нечаянно показалось, что сие начинается. Другая, может быть, мать или сильно желающая быть матерью живее других вообразила счастье Матери благословенной и всенародно предалась восторгу, который побуждал ее прославлять Иисуса и вместе с Ним Его Матерь. *Воздвигши некая жена глас от народа, рече Ему: Блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал* (Лк. 11:27). Но приметьте, она говорит околичностями, ублажает чрево и сосцы, а не произносит имени Той, Которую прославляет. Почему? — Без сомнения, потому что не знает Ее ни в лицо, ниже по имени.

Другие знали Мариам и в лицо, и по имени, потому что не могли не знать сего, и, несмотря на сие, оставались в самом странном о Ней неведении. Послушайте, что говорят сограждане и соседи Иисуса и Марии. *Откуда сему премудрость сия и силы?* (Мф. 13:54). (Следовательно, они слышат премудрость Иисуса, видят чудеса Его, признают их и побуждаются ими узнавать все, что до Него касается.) *Не сей ли есть тектонов Сын? Не Мати ли Его порицается Мариам?* (Мф. 13:55). Видите, они не умеют даже сказать: Иосиф, сын Давидов, Мария, дочь Давидова; они знают только то, что в глазах: что Иосиф есть ремесленник, что Мария есть Мария. Как же не знают они даже того, что евреи так заботливо старались знать о себе и о других? Как не знают рода и происхождения Марии? Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что Пресвятая Дева, не желая ни в чем *являться человеком*, не ища никакого человеческого утешения, не хотела и того, чтобы в унижении бедности Своей утешать Себя пред людьми достоинством Своего рода, и потому не делала гласным Своего происхождения так же, как Своей добродетели и благодати.

Но что уже дивиться Тому, что чужие, дальние ли то, или ближние, долго не дают славы Той, Которую должны убла-

жать все роды? Сам Сын Ее — усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самой Истиной, — Сам Сын Ее, по-видимому, не решается дать Ей пред человеками славу, подобающую Матери; и Он является как бы не знающим или не желающим знать Ее. *Кто есть Мати Моя?* (Мф. 12:48), — вопрошает Он. Как бы ищет, кому даровать имя, честь и славу Своей Матери, умалчивая о Той, Которой Его рождение дало право на сии отличия. *Мати Моя и братия Моя сии суть слышащие слово Божие и творящие* (Лк. 8:21). Говоря таким образом, Господь не отчуждает Матери Своей по плоти, поскольку слышит слово Божие паче других Та, Которая услышала оное прежде других и творит оное деятельнее других. Та, Которая сотворила Ему достойную обитель во чреве Своем. Но, во-первых, Господь возвышает Своим изречением слушающих и творящих слово Божие и возбуждает к сему спасительному деланию; во-вторых, и Он в приведенном изречении сообразуется с собственным правилом Своей Матери, чтобы *не являться человеком*, — сколько можно уклониться от славы человеческой, ища славы Божией; и Он медлит, отлагает явить человекам всю честь и славу Той, Которая есть «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим».

Иду далее поприщем земной жизни Иисуса и Марии: то же повсюду. Где наиболее является слава, там отнюдь не является Мария, как, например, при торжественном входе Господнем во Иерусалим. А если где является Матерь Господня, там не слава Ее встречает, как, например, *стояху при кресте Иисусове Мати Его и сестра Матере Его* (Ин. 19:25).

Последуем за Распятым, чрез дверь гроба, в область славы Воскресшего. Уже не первый только, но последний по вере ученик Его славит Его Божество: *Господь мой и Бог мой!* Уже за славою Господня воскресения следует новая Божественная слава вознесения Его на небо. Ищу человека, действия, слова, в котором бы хотя теперь явилась слава Матери Господа моего, которую, правда, еще очень рано, только без свидетелей и без последствий, возвещала праведная

Елизавета: ишу — и не нахожу. *Сии вси*, — написано об апостолах после вознесения Господня, — *бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Мариєю Материю Иисусовою* (Деян. 1:14). Какое неожиданное повествование! Не только после апостолов, но даже после неких неизвестных жен, едва, наконец, вспомнили наименовать Марию Матерью Иисусовой. Что это такое? Неужели повествователь не довольно чтит Матерь Божию? Сохрани Бог допустить сию мысль, оскорбительную не только для Пресвятой Девы, но и для святого евангелиста Луки! Что же это значит? То, что святой Лука так пишет в книге Деяний апостольских, как вела Себя Пресвятая Дева между апостолами; а Она, хотя по высоте благодати, в духе, невидимо председательствовала в соборе апостолов, по смирению сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никаких преимуществ, поставляла Себя в ряду с прочими женами, учила их Своим примером тому, чему после учил их апостол Павел словами: *Жены ваша в церквах да молчат* (1 Кор. 14:34). *Жена в безмолвии да учится со всяким покорением; жене же учити не повелеваю* (1 Тим. 2:11, 12). Желал бы я, — скажу мимоходом, — чтобы в сей священный пример пристально всмотрелись наши чуждающиеся братья, которые, прежде суда Христова, осудив без разбора всякое священство и за то наказав сами себя произвольным лишением священства, к довершению беспорядка поручают начальствовать у себя в общественном богослужении девам, — без сомнения, не мудрым, а юродивым! Ибо какая дева, кроме юродивой, дерзнет принять на себя в Церкви то, к чему не дерзала приступить Пресвятая Дева Богородица?

Теперь посмотрим на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по светлости поприще, которое открылось для Пресвятой Девы Ее успением. Как скоро сие совершилось: собор апостолов, как говорит благочестивое предание, отовсюду собран Духом Божиим, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ее погребение. Как прежде неверие Фомы обращено в доказательство достовер-

ности воскресения Христова, так теперь умедление Фомы обращается в средство к прославлению вознесения Богоматери, — еще сокровенного, как сокровенна была жизнь Ее на земле. Восприяв славу Божию на небеси, с сего времени Она не отвергает и человеческой славы на земле, прежде не угодной для Ее смирения, теперь полезной и благотворной для живущих на земле.

Слава Ее имела и своих врагов, подобно как и слава Христова, но в сем-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служат ей не столько препятствием, сколько средством к достижению ее целей. Что произвели еретики, которые так и хитро, и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятой Девы Марии высокое наименование Богородицы? То, что Православная церковь, остерегаясь от их лукавства и дерзости, стала еще ревностнее прежнего прославлять Пресвятую Богородицу, отчего нет теперь в Церкви ни одного дня, ни одного богослужения, которые бы не были «преукрашены Ее Божественною славою». И это не есть простой перебор слов православных противу еретических, но действительное сражение духовных сил и совершенная победа силы Христовой над силой Его противников. Ибо славящие уста утомились бы в продолжение веков, если бы на глас молитв и славословий не посещала верующих Пресвятая Богородица Своею могущественной помощью, принося душам Христа с Его благодатью, подобно как Она является носящею Его на руках в наших священных изображениях. Радуйся, благодатная! Слава Твоя Боголепная Богоподобными сияет чудесы!

Вот, братья, что видится мне ныне, чином церковным и долгом служения поставленному на страже, в созерцании, у гроба Пресвятой Девы Богородицы. Но к чему сие видение? Ибо созерцание благочестивое должно быть не праздно, а деятельно. К тому, чтобы пример сокровенной жизни Ее споспешествовал нам — и уразуметь, и принять, и делом исполнять учение Христово. *Да не явишия человеком... но Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе*

яве. Подвизайся, делай добро, служи Богу. Но берегись, чтобы твоих подвигов, твоих добродетелей, твоего благочестия не обнаруживать пред людьми без нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно. Имей Бога свидетелем твоей совести, и Он будет мздовоздаятелем твоим за все, что ты, не примечаемый человеками, для Него делаешь или терпишь.

Господь заповедует тайну, во-первых, для дел человеколюбия: *тебе творящу милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*. Во-вторых, для дел благочестия: *егда молишися, вниди в клетъ твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне*. В-третьих, для дел самоотвержения и умерщвления плоти: *да не явишиися человеком постыся, но Отцу твоему, Иже в тайне*. Следовательно, тайну скромности и смирения заповедует Он для всех обязанностей человека к Богу, ближнему и самому себе — для всех дел Закона.

Скажут: но как же исполнится Христово же слово? *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5:16). Не заботьтесь, слово Христово исполнится само собою и не потребует вашей помощи. Сказано: *да просветится свет ваш* сам собою, естественно, как светит всякий свет; а не сказано: выставляйте напоказ свет ваш. Добрые дела суть дела света по естеству: делайте тайно — свет просияет, когда и сколько повелит Бог Светодавец. Беда в том, если делаете дела темные, злые: от сих, конечно, нет и не будет света, и Бог не будет ими прославлен.

Скажут еще: как же и молиться или проповедовать в церкви, если и дела благочестия творить должно *в тайне*? Дабы ответствовать на сие, напомним, что в том же самом поучении, в котором Спаситель наш говорит о молитве *в тайне*, говорит и о даре, приносимом к алтарю: *Аще принесеши дар твой ко олтарю* (Мф. 5:23); а сие бывает в богослужении открытом и торжественном. Из сего видно, что заповедью о тайной молитве не отменяется обязанность участвовать в общественном церковном богослужении. Но есть и в сем слу-

чае своего рода осторожность, чтобы не являться человекам тщеславно, а смиренно предстоять Отцу Небесному, *Иже в тайне*. Если, стоя в церкви, ты совершаешь действия благоговения, общие всем присутствующим, но стараешься удерживать или делать неприметными особенные в тебе движения возбужденного благочестия, воздыхания или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовые пролиться; в сем расположении ты и среди многочисленного собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему, *Иже в тайне*.

Помыслим, братие, сколь и неблагородно, и тягостно, и бесполезно жить только напоказ, как поступают многие и в нравственной, и в общественной, и в домашней жизни. Все показывают, все выставляют, о всем трубят, всякое ничтожное дело провозглашают, подобно как кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашение кокоши основательнее: она возвещает яйцо, которое подлинно родилось и остается; а тщеславные возвещают то, чего нет, или провозглашением ничтожают провозглашаемое. Например, сделано дело благотворения — хорошо; до сих пор оно существует. Но если сделавший и хвалится оным, то доброе дело исчезает. Теперь открылось, что нет доброго в его сердце, там тщеславие. Нет доброго в его деле, произведение тщеславия не есть доброе дело. Нет доброго даже в глазах людей, ибо они проникают тщеславие, и если славят дело тщеславного, то в то же время разглашают и укорижны его тщеславию. Кольми паче нет здесь доброго пред Богом. Он отказался от тщеславных, когда сказал: *Восприемлют мзду свою* (Мф. 6:2, 16).

Христианин! Будь, а не кажись, вот одно из важных для тебя правил. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродетели. Ей свойственно быть тайной для земли, потому что она небесной породы и для неба существует. Совершай ее *в тайне* и охраняй от глаз человеческих, часто нечистых и вредящих ее чистоте, а представляй тщательно и непрестанно чистому и очищающему оку Божию. *Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве*. Аминь.

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

Говорено в Московском Успенском

соборе 15 августа 1849 года

*О сем воздыхаем, в жилище
наше небесное облецися желающе.*

(2 Кор. 5:2)

Дивна крестная смерть Господа нашего Иисуса Христа; дивно Его тридневное воскресение; но не дивно то, что они являются дивными, потому что в них заключено недомыслимое таинство непостижимой премудрости Божией, ими чудесно разрешается не разрешимый без чуда вопрос: как спасти погибший род человеческий?

Как это возможно, что пострадал и умер Сын Божий? — Возможно потому, что такова воля Отца Его и такова Его собственная воля, для которой нет невозможного. Чашею Своего вольного, неповинного Богочеловеческого страдания Он исчерпал и упразднил чашу вечных мучений осужденного за грех человечества. Своей смертью Он проник в замкнутую область всеобщей смерти человеческой, чтобы светом Божества рассеять мрак ее, чтобы силою Божества расторгнуть узы ее.

Не позже третьего дня от смерти воскрес Он, потому что Ему надлежало быть начатком умерших воскресающих, и не ранее третьего дня, чтобы дело спасения нашего запечатлено было знамением Пресвятой Троицы, Которой оно всецело принадлежит.

Очевидно, не в такой степени, как смерть и воскресение Господне, однако дивна и смерть Пресвятой Девы Богородицы, и Ее воскресение.

Как это возможно, что умерла честнейшая Херувимов и славнейшая Серафимов? Херувимы и Серафимы ниже Ее и, следственно, в низшей степени должны быть блаженны, но они не знают смерти. Как умерла бывшая вместилищем во-

площенного Сына Божия и, конечно, не преставшая быть жилищем Божества? Нетленно принявшая огонь Божества должна ли была уступить силе земного тления? — Подлинно, можно полагать, что могла бы Пресвятая Дева, по выражению апостольскому, *не совлецися, но пооблецися, да пожертво будет мертвенное животом*, — не сложить с Себя одежду земного тела посредством смерти, но мгновенным преображением облечься в тело прославленное. И почему же не так было? Должно думать, что, по Своему всегдашнему смирению и по желанию подражать уничижению Своего Божественного Сына, Она Сама желала не миновать уничиженного пути смерти временной. А всеустрояющее провидение, не препятствуя углублению смирения, долженствующему возвысить будущую славу, смерти Матери Живота вразумляет нас, как немалый еще и небезопасный остаток силы сохраняет смерть в естестве человеческом и после животворящей смерти Христовой. Если Пречистая Мать Живота не миновала смерти, хотя тихой и кратковременной, то мы, далекие от совершенной чистоты, поверженные в нечистоту мыслей, в нечистоту страстей, в нечистоту дел, в нечистоту жизни, — в какой мы опасности смерти лютой и вечной!

Слава вечной жизни начинала уже просвечивать сквозь самую смерть Пресвятой Девы. За три дня явился небесный вестник призвать Ее в вечность и принес Ей знамение ожидающего Ее рая. Чудесно собрался собор апостолов, чтобы почтить Ее преставление и погребение. Достойные видели Божественного Ее Сына, с Небесными Силами пришедшего принять душу Ее. Бездыханное тело Ее чудодействовало. В третий же день от смерти, по подобию Христову, проявлено Ее полное воскресение. Земного тела Ее не стало во гробе. Собору апостолов Она явилась в небесной славе.

Таково событие, которое ныне воспоминает Собор церковный торжественно, впрочем, под смиренным наименованием Успения Божией Матери, представляющим более умягченную мысль о смерти, нежели мысль о торжестве и славе. Что же при сем думает Мать-Церковь? Чего желает? Конечно

но, не думает высочайшей славе небесной доставить приращение ничтожной земной славой. Нас хочет она поставить в созерцании, как бы на рубеже между жизнью и смертью, между землей и небом, между временем и вечностью. Каждому из чад своих она хочет сказать: смотри за предел гроба, помышляй на земле о небесном, во времени помни вечность, поучайся сему из книги жизни и успения Матери Божией.

Действительно, в книге земной жизни Ее, поскольку сия книга открыта для нас, мы повсюду находим одну господствующую мысль: стремление к небесному, вечному, Божественному. Когда младенческий ум и младенческие стопы еще не сильны были нести Ее к небу, Ее стремление туда выразилось тем, что Она пришла в земное небо — в храм Божий и здесь поселилась. Необыкновенному раннему стремлению соответствовал необыкновенный ранний успех: в нежной юности Она уже так приближалась к небу, что ангел посещал Ее и питал небесной пищей. И необычный в Ее времена обет всегдашнего девства для чего иначе восприняла Она, если не для того, чтобы не связанной земными узами, тем свободнее стремиться к небу? Когда же, чрез воплощение в Ней Сына Божия, Сама Она соделалась вторым небом, с того времени нельзя уже и подумать, чтобы Ее привлекало что-либо земное. Будучи живым престолом воплощенного Сына Божия, Которого носила во чреве и в объятиях, подобно живым Престолам Небесным, конечно, жила Она Тем, Кого носила. Она слагала в сердце Своем все глаголы Его тайн и судеб, прежде всех открыла Его Божественную силу, как видно из того, что испросила у него первое чудо в Кане Галилейской, ранее апостолов уразумела, что видящий Его видит Отца Его, следовала за Ним не только по трудным путям Его Богопроповеднических странствий, но и по страшному пути креста, смерти и погребения, почерпая неизнемогающее мужество в беспредельной любви. Наконец, когда воскресением и вознесением Христовым единственное сокровище Ее возвратилось на небо, и по чувству материнскому, но наипаче по чувству благодатному, без сомнения,

сердце Ее постоянно было там, где Ее сокровище. Остальная жизнь Ее на земле была один неуклонный взор из времени в вечность, одно протяженное вздыхание к воздуху небесному — к небесной жизни со Христом в Боге.

И вот по какому направлению жизнь Пресвятой Девы достигла такого предела, на котором «пожертва бысть смертью по бедоу» воскресения и славы, так скоро и так торжественно.

Можете подумать, не слишком ли много требую, если по направлению жизни Пресвятой Девы указываю направление для вашей жизни. Мариам, по свидетельству небесному, есть *благодатная и благословенная в женах* (Лк. 1:28); могут ли за Нею следовать люди обыкновенные, колыми паче обремененные грехами? Она, по созерцанию церковному, выше сравнения с Серафимами, как же далека наша низость от того, чтобы идти по Ее стопам?

Не допустим, чтобы сии недоумения обеспечивали леность, истина легко разрешает их. Мать Божия наречена благодатной по превосходству, но есть и для всех нас некоторая мера благодати, соответствующая нашей вере и потребности, достаточная для нашего спасения. *Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком* (Тит. 2:11). Мать Божия беспримерно благословенна в женах и в роде человеческом, но и нас, как скажет апостол: *Бог благословил всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. 1:3). Можно ли идти по стопам Божией Матери? — Не только можно сему быть, но и должно, по предвещению пророка: *Приведутся царю девы в след Ея* (Пс. 44:15). Может человек подражать и Богочеловеку, Который Сам к сему призывает и обнадеживает достижением высокой цели: *Аще кто Мне служит, Мне да последствует; и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12:26). Подражание не требует равенства, ни даже близости к равенству. Малый может подражать великому в том, что доступно. Не всякому пожеланию доступно дивное и чудесное, истинное и доброе доступно всем, хотя, впрочем, каждому в своей мере и степени, по мере веры, по степени чистоты желания и ревности подвига. И мы не говорим вам: девствуйте все, как Пресвятая

Дева, беседуйте с ангелами, восходите выше Серафимов. Мы указываем вам доступное, возбуждаемые памятию Ее жизни и успения: смотрите за предел гроба, помышляйте на земле о небесном, во времени помните вечность. Это так свойственно христианам, что апостол говорит о сем не как о должном и требуемом, но как о существующем и обыкновенном: *О сем воздыхаем, в жилище наше небесное облецися желающе.*

Многие из нас неохотно смотрят в небо и в вечность частию потому, что на сем пути зрения встречается смерть и гроб, частию потому, что их зрение слишком погружено в предметы земные.

Как порицали бы вы человека, который бы при виде приближающейся опасности вместо того, чтобы немедленно рассмотреть, что угрожает ему, и принять меры предосторожности, зажмурил глаза, чтобы не видеть опасности! Не то ли, однако, делаете вы сами? Смерть к вам приближается и непременно придет, а вы, вместо того, чтобы, не отлагая, рассмотреть, что в ней опасно, и употребить открытые вам средства сделать ее безопасной, зажимиваете глаза, чтобы вас не беспокоил ее печальный образ! Бояться смерти, но рассудите здраво, что страшнее, смерть ли, которую готовящаяся к ней жизнь может сделать безопасной и блаженной, или не готовящаяся жизнь, которая делает смерть лютой?

Что подумали бы вы о сыне, который, живя вдали от отца, так занят делами и удовольствиями чужой страны, что не думает о возвращении к отцу и не пользуется случаями навеститься о нем и о его доме? Без сомнения, вы сказали бы: видно, сей сын не любит отца. Что же посему должно подумывать о человеке, который так занят земными заботами и удовольствиями, что не помышляет о своем возвращении к Отцу Небесному и о Его доме — о небе, о вечности? Необходимо сказать, видно, сей человек не любит Бога или, по крайней мере, более любит мир, нежели Бога. Но то верно, по слову апостольскому, что *еще кто любит мир, несть любви Отчи в нем* (1 Ин. 2:15), и что не любяй даже и не позна Бога. Что же остается у такого человека? Какое достоинство в настоящем?

Какая надежда для будущего? О Мати Живота! Светом Твоего живоносного Успения пробуди нас от смертоносного сна нерадения о нашем вечном спасении.

К Тебе возводим очи наши Живущему на небесах: даруй нам начаток духа, да, преминув и радости, и печали земные, к Тебе сладце въздыхаем, всыновления чающе, в жилище наше небесное облещися желающе. Отврати очи наши, еже не видети суеты: в пути Твоем живи нас (Пс. 118:37). Аминь.

Беседа о прикосновении веры ко Христу

*Говорено в Николаевском Перервинском монастыре
в день святителя Николая 9 мая 1825 года*

*И весь народ искаше прикасаться Ему:
яко сила от Него исхождаше, и исцеляше вся.
(Лк. 6:19)*

Чудное зрелище показывает нам святой евангелист Лука.

Господь Иисус после всенощной молитвы на горе и по избрании Себе утром двенадцати апостолов сходит на равнину, апостолы следуют за Ним; собор прочих учеников Его встречает и принимает Его; великое множество людей не только из многолюдного Иерусалима, но из всей земли иудейской и даже из приморских мест Тирских и Сидонских окружает Его. Хотят слышать Его учение, хотят получить от Него исцеления; но как обыкновенно многолюдство затрудняет само себя, то что делает народ?

Он теснится к Учителю и Целителю уже не для того, чтобы просить исцелений и ожидать или возложения рук, или слова, разрешающего грехи, но бросается к Нему, как кому случится, только чтобы достигнуть до Него и прикоснуться или к живоносному телу Его, или к освященным и, так сказать, напоенным текущей из Него спасительной силой одеждам Его.

Весь народ искаше прикасаться Ему: яко сила от Него исхождаше, и исцеляше вся.

Зрелище поистине чудное и достойное не просто удивления, но и благоговейного размышления, и не только размышления, но и поревнования.

Кто не возжелал бы спасительного прикосновения к Господу, от Которого исходит сила, исцеляющая все?

Посмотрим же в Евангелии, как достигали сего желавшие, и увидим, как и нам достигать сего должно.

Дабы желавшие спасительного прикосновения к Иисусу Христу могли самым делом сего достигнуть, для сего нужно было со стороны Его снисхождение, и снисхождение крайнее.

Когда Он был на горе, они не могли прикасаться к Нему, ибо, вероятно, даже не знали, где найти Его и как приблизиться к Нему. Надобно было, чтобы Он сошел с горы на место ровное, где ожидал Его народ. И сие сошествие было только малый, чувственный образ Его великого и многообразного снисхождения.

Подумайте, что надлежало Ему оставить на горе — сладкое и блаженное молитвенное собеседование с Отцом Своим Небесным, однако же Он нисходит.

А что найдет Он внизу? — Смешанное многолюдство, в котором иные хотят слушать Его, а иные, может быть, уловить Его в слове, в котором каждый готов приступить к Нему со своим требованием, но, вероятно, есть и не ведающие, чего просят; во множестве ищущих прикоснуться к Нему, вероятно, есть и такие больные, к которым мы, подверженные подобным немощам, не захотели бы приблизиться, есть и такие грешники, от которых мы, будучи также грешниками, удалились бы, если бы видели сердца их, как Он видит. Однако же Он нисходит — Он приближается.

И что еще? Сии несчастные и погибающие, которые имеют в Нем нужду как в Помощнике и Спасителе, поступают с Ним, по-видимому, с нарушением должного к Божественному Чудотворцу благоговения и, очевидно, с нарушением обыкновенного человеческого уважения и приличия.

Они, как в другом случае о подобном действии народа изъяснился один из самих апостолов, *одержат* Его и *гнетут*;

обезображенные болезнями, покрытые ранами, вергнутся на Него без разбора, беснуемых влекут и повергают к Нему другие — все терпит Он, всему снисходит.

Как чистая и глубокая река приемлет всех почерпающих из нее, не возмущаясь и не истощаясь, так бесконечная спасительная сила Его допускает всех приступающих к Нему, не истощаясь множеством их, не возмущаясь их недостойнством.

Сила от Него исходящая, и исцеляше вся.

Христиане! Если нужно снисхождение Божественного Спасителя, как и, без сомнения, оно нужно, дабы и мы могли спасительно прикасаться к Нему, то со стороны Его не будет в сем недостатка.

Не с горы только сошел Он на место ровное для нескольких тысяч народа иудейского и соседственного с Иудеей — Он сошел с высоты небес для всех миллионов людей, живших, живущих и когда бы то ни было имеющих жить на земле.

Поскольку Божественная сила Его, будучи выше самих небес, недостижима была низкому и недостойному естеству человеческому, Он низвел ее в самое человечество, влил ее в сосуд плоти, подобострастной нам, кроме греха, для исцеления от коего и потребна нам особенно сия сила. По избытку милосердия Своего к нам, Он, так сказать, переполнил сосуд пречистой плоти Своею Божественной силой, так что ею оросилась самая одежда Его и уврачевала кровоточивую; а когда по воскресении *дадеса* Ему *всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28:18), когда воспринятую Им плоть нашу вознес Он с Собой и посадил одесную Бога Отца, тогда *сшедый и восшедый превыше всех небес, исполнил всяческая* (Еф. 4:10), следовательно, и всю землю на все времена Своею Божественной, спасительной, не только телесно, но и наипаче духовно *вся исцеляющею силою*.

Желаете ли и ныне даже чувственного доказательства близости и снисхождения к нам Иисуса Христова? Мы имеем оное каждый день на сем алтаре, где Он всегда ту же, как и прежде, Божественную и спасительную силу Свою, *сие исполнение Божества живущее в Нем телесне* (Кол. 2:9), покрыва-

ет видом хлеба и вина и допускает нас не только прикоснуться к Нему, но Плоть Его ясти и Кровь Его пити во исцеление и жизнь вечную.

Но мы видим далее в Евангелии, что для достижения спасительного прикосновения к Господу Иисусу нужно было не только со стороны Его снисхождение, но и взаимно со стороны желающих сего блага — искание и приближение.

Весь народ ищет прикоснуться Ему.

Искание же не должно разуместь здесь просто и приближение не должно воображать только телесно. Были ищущие, которые искали Иисуса — убить; были приближающиеся к Нему — чтобы ударить Его в ланиту: без сомнения, не для таких людей исходила от Него всеисцеляющая сила.

Сам Христос ясно различает приближение ко всеисцеляющей Его силе от всякого другого к Нему приближения, когда, теснимый множеством окружающего народа, не чувствует ничего приближения, кроме приближения одного человека. *Прикоснуса, — говорит, — Мне некто; Аз бо чух силу изшедшую из Мене* (Лк. 8:46).

В чем же состоит сей особенный образ приближения ко Христу, сопровождаемый не мертвым приражением, но живым прикосновением, извлекающим из Него спасительную силу?

Сие также ясно показывает Господь в лице кровоточивой, которая из множества теснящегося к Нему народа одна умела к Нему приблизиться и прикоснуться и чрез прикосновение получила исцеление.

Ибо что говорит Он ей? *Дерзай дщи, вера твоя спасе тя* (Лк. 8:48). Итак, то, что пред очами телесными было приближение и *прикосновение*, по созерцанию духовному Господь называет *верою*.

Так должно разуместь и то искание, приближение, прикосновение, вследствие которого над множеством народа ознаменовалась сила Господня, исцеляющая всех.

По вере искали Его, с верою приближались к Нему, верою духовно прикасались к Его силе, прикасаясь телесно к Его пречистому телу или ризам.

Так *весь народ искаше прикасаться Ему*, или, по крайней мере, те из народа, которые по вере своей послужили образцом для других.

И какая вера видна в сих людях! Не та малая и как бы неприметная, которой бы нужно было доискиваться, как и подлинно Господь Сам искал ее в двух слепцах, просивших зрения, вопрошая их: *Веруета ли, яко могу сие сотворити?* (Мф. 9:28).

Не та вера, слабая и колеблющаяся, с которой отец отрока беснуемого и просил от Господа помощи, и в то же время не надеялся: *Аще что можеша, помози*; которую он и признавал в себе и в то же время не верил собственному признанию: *Верую, Господи, помози моему неверию* (Мк. 9:22, 24).

Не та вера медленная и полумертвая, которая в слепце Вифсаидском, после живоносного брения Господня, возложенного на очи его, по двукратном возложении рук Его едва пробудилась к принятию совершенного исцеления.

Вера искавших прикасаться Иисусу не ожидает себе возбуждения от Него, не колеблется сомнением о Его силе, не смущается мыслью о своем недостойнстве, не требует от Него никакого действия или слова, прямо, твердо и свободно идет она к Источнику благодати и почерпает из него, как будто силой похищает она всеисцеляющую силу Спасителя.

Сила от Него исхождаше и исцеляше вся.

Но что в таком чрезвычайном избытке открывало сию целебную силу? Не иное что, как чрезвычайное дерзновение веры народной: *народ искаше прикасаться Ему*.

После сего, христианин, если скажешь, что и ты желал бы сподобиться спасительного прикосновения ко Господу, ответ на сие нетруден. Ищи, приближайся, прикасайся; только по вере ищи, с верою приближайся, верою прикасайся.

Где мне, скажешь, искать Господа? Как приближаться и прикасаться к Нему?

Ищи Его мыслью — на небесах,
любовью — в сердце,

благоговением — в храме,
везде ищи Его — делами, для Него предприемлемыми и совершаемыми.

Приближайся к Нему, как оный верующий народ, желанием послушать Его и желанием исцелиться, то есть поучением в слове Его и молитвой к Нему.

Прикасайся к Нему в священных знамениях и таинствах, которыми Он, как ризою, облакает в Церкви свою Божественную и спасительную силу, наипаче же прикасайся Ему в таинстве Тела и Крови Его.

От тебя самого зависит более или менее успевать в таковом искании, в твоей воле более или менее воспользоваться таковым приближением и прикосновением ко Господу для твоего спасения и блаженства.

Каковы бы ни были твои душевные недуги: чем совершеннее уверуешь, тем совершеннее получишь от них исцеление силой Христовой, которая и слепотствующее око ума твоего просветит познанием истины, и расслабленные силы духа твоего укрепит для добродетели, и от духов искусителей тебя избавит, и от мертвых дел воскресит в жизнь духовную и святую.

Но если ищешь Его невнимательно, приближаешься к Нему только устами, прикасаешься святыне Его только наружно, без живой веры и усердия, то ты уподобляешься тому народу, который только угнетал идущего Иисуса, но не достигал Его спасительной силы.

Горький упрек сделал Сам Господь некоторым, неправильно, то есть не по вере, искавшим Его: *Аминь, аминь глаголю вам, ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы и насытитесь* (Ин. 6:26).

О, если бы никто из пришедших ныне взискать Господа в храме сем не заслужил подобного упрека невниманием к сокровищу веры и благодати, исканием только видимых и временных благ и чувственных утешений!

Присоединим к воспоминанию Господня обличения Господне и наставление: *«Делайте брашно не гиблющее; делайте*

дела Божия; се есть дело Божие, да веруете в Того, Егоже посла Он» (Ин. 6:27—29). Аминь.

Слово в день обретения мощей святителя Алексия

Говорено в Чудове монастыре 20 мая 1822 года

*Прочее убо соблюдается мне венец правды,
егоже воздаст ми Господь в день он,
праведный Судия, не токмо же мне,
но и всем возлюбльшим явление Его.
(2 Тим. 4:8)*

Необыкновенно смелые слова! Можно подумать, что этот человек забывается и мечтает, когда прежде суда Божия пред Богом себя оправдывает, и сам себе назначает венец от Бога. Но так думать не позволяет известная его скромность и глубоко смиренное о себе мнение. Ибо сей самый человек в другое время называл себя *наименьшим из апостолов, недостойным имени апостола* (1 Кор. 15:9), *гонителем Церкви, хульником и досадителем*, единственно по благодати *помилованным, первым из грешников* (1 Тим. 1:13, 15).

Как же случилось, что человек, который так любит уничижать себя, с таким дерзновением себя возвеличивает? Без сомнения, вера дала ему предчувствовать то, что уготовано ему: а открыть сие предчувствие, думаю, любовь его побудила. *Злопостражди*, написал он пред сим возлюбленному чаду своему Тимофею, и тотчас, дабы сию горькую заповедь растворить утешением, указывает ему на пример своего злострадания: *аз уже жрен бываю*; и на свою несомненную награду: *прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия*. Но едва любовь к ученику исторгла из сердца учителя тайну высокой надежды, немедленно приходит смирение и поставляет высокого учителя наряду с последними учениками: *не токмо же мне венец правды, но и всем возлюбльшим явление Его*.

И все человеки Божии не любят быть в славе между человеками: а если являются между ими в славе или являют в себе чаяние славы; то для того, чтобы, показуя им венец правды, привлечь их на путь правды. И ты, Духоносный преемник и подражатель апостолов, «дело сотворивший благовестника, подвигом добрым подвизавшийся», когда некоторыми лучами твоего небесного венца и здесь на земле сияешь, — и ты, Алексие, по кончине своей, как Павел пред кончиною своею, проповедуешь нам надежду венца небесного и поощряешь нас искать его. *Не токмо мне венец правды, но и всем возлюбльшим явление Его.*

Достойно примечания, христиане, что апостол обещает венец правды *всем возлюбльшим явление Господне*. Чрез сие научает он нас, что между прочими спасительными подвигами для достижения венца от Господа потребно то, чтобы мы *возлюбили явление Его*, то есть прилежно размышляли о пришествии Христовом, ожидали его непрестанно, желали сердечно, готовились к нему деятельно.

Когда Иисус Христос возносился на небо, и апостолы, хотя уже и предваренные о Его восхождении ко Отцу Своему, стояли с устремленными вслед Его взорами, в изумлении ли от дивного события, в недоумии ли о его последствиях, в сетовании ли о разлучении с Божественным Спасителем: тогда успокоить их волнуемые мысли и чувствования посланы были ангелы. Что же они делают? Какое употребляют врачевство? Как крепкое врачевство, употребляют они мысль о будущем явлении сокрывшегося от взоров Иисуса: *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. 1:11). И как верно помогло сие духовное врачевство! *Возвратишся*, — повествует евангелист об апостолах по вознесении Господнем, — *возвратишся во Иерусалим с радостью великою* (Лк. 24:52).

Видно, что, приняв поданное ангелами врачевство, апостолы действительно и обильно вкусили в нем силы грядущего века. Оттого так часто подают они то же врачевство и другим человекам, то есть дают вкушать надежду будущего явления

Христову, нужно ли очистить зараженных, или укрепить слабых, или облегчить страждущих. *Христос*, — пишет апостол Павел ко евреям, — *единою принесется, во еже вознести многих грехи, второе без греха явится, ждущим Его во спасение* (Евр. 9:28). Наставляя Тита преподавать учение спасительной благодати, он говорит, что сия благодать *научает нас, да отвергшиеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце* (Тит. 2:12): но как возможем исполнить столь великие требования благодати? В ответе на сие он присовокупляет: *Ждуще блаженнаго упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*» (Тит. 2:13). Поощряя Тимофея *успевать в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, подвизаться добрым подвигом веры*, он заветствует ему *соблюдать сию заповедь чисто и неукоризненно*, — долго ли? спросил бы, может быть, иногда изнуренный подвижник; и прозорливый наставник, предупреждая сие, указывает радостный предел подвигов: *даже до явления Господа нашего Иисуса Христа* (1 Тим. 6:11—14). Подобно и апостол Петр, возывая пастырей к истинному пастырскому подвигу: *образы бывайте стаду*, — возбуждает в них ревность к подвигу не иным чем, как мыслию о явлении Венцедателя-Пастыреначальника: *и явльишися Пастыреначальнику, примете неувядаемый славы венец* (1 Пет. 5:3, 4). Сею надеждою растворяет он и горькую чашу страждущих: *понеже приобщаетеся Христовым страстем; радуйтесь, яко да и в явление славы Его возрадуетесь, веселящися* (1 Пет. 4:13). Апостол Иоанн требует от христианина высочайшего *очищения себя, якоже Сам Христос чист есть*. Каким же не разрушающим огнем или какою огненною водою думает он произвести сие коренное очищение? Надеждою явления Христова. *Вемы*, — говорит, — *яко, егда явится, подобни Ему будем: ибо узрим Его, якоже есть: и всяк имеяй надежду сию нань, очищает себе, якоже Он чист есть* (1 Ин. 3:2—3).

Можно сказать, что мысль об ожидаемом явлении Христовом была в первоначальном христианстве всеобщим основанием, которым поддерживалось все здание, всеобщую си-

лою, которою одушевлялось все тело, всеобщим двигательным орудием, которым производились действия великие и чистые. Но для чего я сказал: в первоначальном христианстве? Когда и какое христианство может стоять без сего основания, жить без сея силы, действовать без сего орудия? *Упованием спасохомся* (Рим. 8:24), — говорит апостол; мы спасены в надежде, а не в полном совершении спасения. Что значит *спасение в надежде*? — *Ожидание*, как определяет тот же апостол, *блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2:13). Итак, где нет сего ожидания, там нет надежды; где нет надежды, там нет спасения; где нет спасения, там нет христианства.

Если кому сии заключения кажутся не довольно ясны потому, что выведены из свидетельства наставника в христианстве, а не из простых и очевидных начал разума; — хотя в делах веры гораздо надежнее полагаться на свидетельства знающих, нежели на собственные изыскания естественного разума, кичливого и суетного, который в таких случаях со всеми своими вопросами и недоумениями не заслуживает иного ответа, как обличительный ответ Христов Никодиму: *еже вемы, глаголем; и еже видехом, свидетельствуем; и свидетельства нашего не приемлете* (Ин. 3:11)! — если, говорю, несмотря на сие, желает кто собственным рассуждением исследовать, до какой степени надежда и непрестанное ожидание явления Христова входит в существо христианства: пусть советуется с лучшим своим разумением и совестью. Кто чувствует в себе грех, тому не существенно ли потребна твердая надежда совершенного прощения и очищения? Без сего не угрожало ли бы ему отчаяние, которое есть ад в душе, прежде нежели низведет во ад душу? Кто страждет, тому не существенно ли нужна отрадная надежда лучшего состояния? Кто испытывает или хотя видит несправедливость, тот для успокоения сердца и совести не имеет ли также нужды в надежде правосудия? Кто подвигается до изнурения, не имеет ли нужды в ободряющей надежде воздаяния?

Христианин знает, что прощение и очищение грехов приобретено ему кровию и смертию Христовою, однако чувству-

ет и то, что корень греха еще не исторгнут из него, как признавался и апостол, что он чувствует *живущий в себе грех* и что *не живет во плоти его доброе* (Рим. 7:17, 18). Можно даже сказать, что святой более грешника чувствует в себе грех, потому что сие внутреннее чувство не заглушается в нем ни внешними чувственными удовольствиями, ни усыплением совести: посему, что было бы с христианином, если бы он не надеялся и не ожидал непрестанно явления Христова, которое во всех частях, даже до тела смирения, должно преобразить его в славный образ Христов, причем, без сомнения, и малейшие останки нечистоты греховной исчезнут, и всякая брань греха, всякое искушение на веки прекратится?

Христианин страждет и страждет едва ли не более прочих человеков, ибо ему сверх общих для растленного естества человеческого неизбежных страданий в особенный жребий дан крест, подобный тому, на котором пострадал Христос: сколь же несчастен был бы христианин, если бы не думал, если бы не чувствовал в своем страдании, что *страданием Вошедший во славу* (Лк. 24:26) ежеминутно приближается, чтобы осиять славою страдальцев?

Христианин и видит над другими, и над собою испытывает несправедливость мира, по предречению Истины: *якоже от мира несте, сего ради ненавидит вас мир* (Ин. 15:19); и чем яснее понимает он правду Божию, тем пламеннее *ревнует*, тем болезненнее *снедается* ревностью, *зря мир грешников* (Пс. 72:3) и бедствия праведных: *истаял бы он от собственной ревности, если бы, как глас хлада тонка, не дышала на него прохладная надежда правосудия: се грядю скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по делом его* (Апок. 22:12).

Наконец, христианин подвизается; ибо с тех пор, как грех воцарил в мире зло, никакое добро не приобретается в нем иначе, как подвигом, бранию и победою; и должен подвизаться, по примеру Подвигоположника, иногда и до кровавого пота, и до истощения всех сил: что же необходимее для ободрения его в подвиге и для обновления сил его, как то, чтобы оком надежды усматривать в конце попроща Самого Подвигоположника,

являющегося уже Венцедавцем; не потому, чтобы в истинном подвижнике была корысть или тщеславие, алкающее венца, но потому, что душа его жаждет Самого Возлюбленного Подвигположника и Венцедавца, за Которого истинный подвижник *во всех препобеждает, яко за возлюбльшаго ны* (Рим. 8:37)? Если бы истинный христианин не имел сей единственной надежды, то всякая другая надежда могла бы привести его в отчаяние. *Аще в животе семь точию уповающе есмы во Христа: окаяннейши всех человек есмы* (1 Кор. 15:19).

Все показывает, что с истинным христианством существенно должно быть соединено упование и ожидание явления Христова. Что же посему должно сказать о тех, в которых или совсем нет сего упования и ожидания, или оно слабо и по большей части покрыто забвением? То, что или в них нет истинного христианства, или христианство их слабо, и они забывают, чем обязаны сему имени. *Еда аз есмь?* — может быть, помыслит при сем истинный ученик, страшась преступления. *Еда аз есмь?* — скажет и ложный, убегая обличения. Не можем никому подать обличительного знака, но для имеющих очи дела все обличают. *От плод их познаете их* (Мф. 7:16).

Коснит Господин мой приити, говорит упоминаемый в притче злой раб, *и начинает бити клеветы своя, ясти же и пити с пияницами* (Мф. 24:48, 49). *Коснит жених* (Мф. 25:5), думают юродивые девы и спят беспечно, между тем как последние капли елея догорают в лампадах их. Так в слабых или ложных христианах забвение о предстоящем пришествии Господа и праведном суде Его влечет за собою все дела, противные духу христианства, и до конца истощает все добродетели христианские. *Коснит Князь царей земных* (Апок. 1:5), говорит сильный земли, прельщенный властолюбием, и начинает попираť слабых. *Коснит*, вопиют мятежные народы и замышляют безначалие. *Коснит Царь тернового венца*, говорит сын чувственных утех и, увенчав себя цветами, засыпает на цветах, которые вскоре должны увянуть и оставить по себе одно будущее терние. *Коснит Царь-заимодавец*, говорит раб сребролюбия или лености, и глубже зарывает в землю талант, которо-

го лихвою могло быть Царствие. Коснит жених, говорит душа, обрекшая себя небесному жениху, и дремлет, не примечая, что в ее духовном сосуде елей умиления и любви Божественной оскудевает, а потому и свет разума вскоре угаснуть может. Коснит, кричат ругатели; *где есть обетование пришествия Его? отнележе бо отцы упоша, вся тако пребывают от начала создания*; и в надежде на сие коснение или, лучше сказать, в отчаянии, *ходят по своим похотех* (2 Пет. 3:3, 4).

Нет, лукавые рабы и рабыни легкомысленные, *не коснит Господь обетования, якоже неции коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут* (2 Пет. 3:9). И кто знает, не наполнилась ли уже мера Его долготерпения? Примечайте, христиане, как со дня на день умножаются знамения Его пришествия, Им Самим предназначенные: туга языков глады и пагубы и труси по местам, множество соблазнов, предательство друг друга, умножение беззакония, иссякновение любви, — и то уже знамение, что так многие дремлют, не обращая внимания на поразительные знамения времени; ибо, по преждереченным глаголам от святых пророков и апостол ваших, *приидет день Господень, яко тать в нощи* (2 Пет. 3:10).

Се грядет со облаки, и узрит Его всяко око (Апок. 1:7)! Блажен, кто может от всего сердца сказать: *ей, гряди, Господи Иисусе* (Апок. 22:20)! *Венец возлюбльшим явление Его!* Аминь.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЛИЧИЕ КРЕСТА

Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы

Говорено в Благовещенской церкви

Чудова монастыря в 1822 году

*Рече же Мариам: Се Раба Господня:
буди Мне по глаголу твоему.
(Лк. 1:38)*

Не великие, по-видимому, слова, но великое дело в них заключается.

И все мы нередко называем себя рабами, даже рабами чело-
веков, правда, не всегда с готовностью на самом деле быть
тем, чем себя называем; но иногда и самым делом, даже без
нужды и обязанности, раболепствуем человекам. Трудно ли,
по-видимому, назвать себя рабом или рабыней Господа, Кото-
рому мы все, по необходимости, рабы, желаем ли или не же-
лаем быть и называться таковыми? Глаголом Его все сотворе-
но вначале, и доньше, когда ни посылает Он глагол Свой на
землю, глагол сей не может возвратиться к Нему тощ. Посему
нетрудно, кажется, и то, чтобы на посланный от Него глагол
ответствовать изъявлением согласия, да будет по глаголу Его,
так как сие уже должно быть непременно.

Рассуждая таким образом, без внимания оставили мы
многие, а может быть, некоторые и оставляют без внимания,
слова Мариам; но дело, которое открывается вслед за Ее сло-

вами, должно пробудить все внимание каждого мыслящего. Во дни творения мира, когда Бог изрекал Свое живое и мощное: да будет, — слово Творца производило в мир твари; но в сей беспримерный в бытии мира день, когда Божественная Мариам изрекла свое кроткое и послушное **буди**¹, — едва держаю выговорить, что тогда соделалось, — слово твари низводит в мир Творца. И здесь Бог изрекает Свое слово: *Зачнеши во чреве и родиши Сына* (Лк. 1:31); — *Сей будет велий* (Лк. 1:32); — *Воцарится в дому Иаковли во веки* (Лк. 1:33). Но — что опять дивно и непостижимо — самое Слово Божие медлит действовать, удерживаясь словом Марии: *Какое будет сие?* (Лк. 1:34). Потребно было Ее смиренное: **буди**, чтобы воздействовало Божие величественное: **да будет**. Что же за сокровенная сила заключается в сих простых словах: *Се Раба Господня: буди Мне по глаголу твоему* и производит столь необычайное действие? Сия чудная сила есть чистейшая и совершенная преданность Марии Богу, волею, мыслию, душою, всем существом, всякой способностью, всяким действием, всякой надеждой и ожиданием.

Христиане! О если бы каждый из нас, хотя помалу приобщился сей Богодейственной силы, молитвами Преблагословенной Девы! Се раби Господи, и раби Твои, Мати Господня! Буди нам по образу Твоему!

Да будет, братия, пример Пресвятой Девы наставником нашим в истинной Богу преданности.

Преданность Богу есть такое расположение духа, по которому человек всего себя, все, что ему принадлежит, все, что с ним случиться может, предоставляет воле и провидению Божию, так что сам остается только стражем своей души и тела как стяжания Божия. К сему расположению prepares человека внимательное наблюдение над собственными усилиями сделать себя совершенным и благополучным. Желает он сделаться мудрым — образует свои способности, напрягает силы ума, подкрепляет себя силами других избранных умов, составляет себе образ ведения: что же? Между тем как он старается уяснить для себя в сем образе одну черту, другая в нем

затмевается, пресекается, исчезает; по той мере, как расширяет круг своих познаний, за чертой знакомого еще обширнее открывается область неведомого; истина, давно признанная за достоверную, приводится в сомнение вновь открытой истиной. Конец самодеятельных изысканий, по признанию беспристрастнейшего из древних мудрецов², есть открытие того, что человек сам собой ничего не знает. Желает он сделаться добрым; старается познать закон справедливости; возбуждает сердце свое к добродетельным чувствованиям; предпринимает добрые дела: что же и здесь? Опыт доказывает, что желание быть добрым нередко бывает слабее страсти, влекущей к пороку, и ею побеждается; что познанный закон предлагает добро, но не дает силы творить оное; что добродетельные чувствования из жестокого сердца, как огонь из кремня, высекаются с трудом, а легко угасают, в мягком же сердце хотя и скоро возгораются, как огонь во льну, но так же тлятся слабо и недолго; что дела внешней своей стороной добрые с внутренней стороны своей часто бывают осквернены нечистыми побуждениями: своекорыстием, самоуслаждением, тщеславием; что природа человеческая, как принужден был признать в новейшие времена один из самых ревностных почитателей так называемого нравственного разума³, из самого корня своего зло производит. По таковым опытам что могут обещать и усилия сделать себя благополучным? Где недостает истинного блага, там истинное благополучие, конечно, невозможно. Правильное следствие сих опытов, тщательно и беспристрастно наблюдаемых, должно быть то, что человек потеряет надежду на самого себя, и, если не хочет погибнуть — поскольку вне действительного благополучия и вне надежды ничего нельзя найти, кроме гибели, — как бы по необходимости вознесет желание и надежду свою к Богу, и, еще не предвидя и не предчувствуя, каким образом она может совершиться, предаст себя Ему как расстроенную собственность, которой владелец располагать не умеет.

Начав предаваться Богу, человек встречает другие опыты, совсем противоположные тем, которые имел он, управляя

сам собою. Прежде собственные усилия познать истину едва производили в нем слабый, кратковременный свет, оставлявший по себе сугубую тьму; теперь из самой тьмы, в которой он повергается пред Отцем светов, рождается для него внезапный свет, а если остается он иногда и во тьме, то и в ней познает непостижимую близость Того, Который есть Свет превыше света. Прежде усилия делать добро или совсем подавляемы были в нем злыми склонностями, или производили несовершенное действие; теперь, когда он положил сердце свое в силу Божию, в самой немощи его начинается сила Божия, разрушающая зло и созидаящая благо. Прежде наилучшие обдуманые предначертания его к устройению своего благополучия или не исполнялись, или в самом исполнении оказывались неудовлетворительными; теперь он не делает никаких собственных предначертаний, но со дня на день более усматривает великий чертеж провидения, по которому, несмотря ни на какие препятствия, — кроме одного препятствия, которое полагало прежде его упорство и неверие, — постепенно устрояется его спасение. Прежде успехи надмевали его, неудачи повергали в уныние, прошедшее терзало раскаянием, настоящее озабочивало, будущее устрашало; теперь и благоприятные события приемлет он с чистой радостью, потому что видит в них милость и дар Божий, и неблагоприятные — с надеждой, потому что усматривает в них обличение своего недостойнства, наставление к смирению, очищение и приготовление к лучшему. Раскаяние не есть уже огонь, пожирающий душу его, но тихий дождь, ее орошающий, потому что он погрузил грехи свои в кровь и воду, истекшую из ребра Спасителя; нет для такового человека слишком тяжелой заботы, потому что он всю печаль свою возверг на Господа; нет страха, потому что он живет под покровом Всемогущего; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее верно — в руках Вечного. Прежде в самых делах благоугождения Богу он суетился, подобно изображенной в Евангелии Марфе, и производил много молвы, не приобретая тем совершенного благоволения Божия: теперь, подобно Марии, безмолвен и не-

движим, пребывает он у ног своего Спасителя и, с минуты на минуту наполняясь жизнью слова Его, во глубине души своей обретает свидетельство, что он *избрал благую часть, которая не будет отнята у него* (Лк. 10:42). Таким образом, преданность Богу, зачатая от убеждения ума, перерождается в живое чувство сердца; вынужденная, так сказать, уступка того, чего не умели сберечь, превращается в свободное даяние того, что сим единственно способом надеются сохранить; человек повергает себя невозвратно, как убогую лепту, в сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ею сокровище Божие, но веруя и уповая, что там она не будет потеряна и, сколь ни малоценна, употреблена будет вместе с бесчисленными талантами на созидание живого храма живому Богу.

Говорят, что это значит сложить навсегда руки, сесть и ожидать своего спасения. Совсем нет! Если кто в самом деле такое составил себе понятие о преданности Богу и поступает по сему понятию; тот в заблуждении — он предается не Богу, а лени. Человек, не преданный Богу, не тем отличается, что он действует, но тем, что действует по собственной воле, полагаясь на собственный разум. Подобно и преданный Богу не тем отличается, что не действует, но тем, что не действует по собственной воле и разуму. Как не преданный Богу может быть в бездействии, так, напротив, и преданность Богу не исключает действия — действия по воле Божией и по Духу Божию. Положить талант свой в землю, без сомнения, не то, что положить его в руку торжника. Ты отдал сокровище свое в искусные и верные руки, ты себя обеспечил; но сверх того можешь сему самому торжнику предоставить и свои руки, дабы он употребил их по своему искусству к совершению своих оборотов, и тогда получишь сугубое приобретение. Так желающий стяжать душу свою предает сие сокровище Искупителю душ и успокаивается в Нем верой, надеждой и любовью: но в то же время сему всеобщему Стяжателю все свои способности и силы представляет в деятельные орудия к совершению великого оборота, через который ценой земного, тленного, ничтожного, должно быть приобретено небесное, нетленное, Божественное.

Если после сего найдет еще кто нужным спросить, почему, собственно, для усовершенствования и облаженствования человека требуется преданность Богу? Вот ответ: потому что человек потерял совершенство и блаженство, похитив себя у Бога, Который не только по всеобщему праву Вседержителя обладал им, но и особенно усвоил его Себе, положив на нем Свою печать — Свой образ. Собственная воля твари отторгла третью часть неба и зажгла в ней ад, собственная воля разорила природу человеческую грехом и смертью и весь мир проклятием; и до тех пор не престанет производить все виды зла, доколе не будет всецело предана Богу, Который един силен вновь проникнуть ее благословением, жизнью, святыней и блаженством небесным.

Посему слово Божие часто напоминает нам о сей преданности, в отношении ко внутреннему и внешнему, ко временному и вечному. *Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит* (Пс. 36:5). *Приблизь ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя* (Притч. 16:3). *Смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время, всю печаль вашу возвергши нань, яко Той печется о вас* (1 Пет. 5:6, 7). *Отче наш... да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мф. 6:9—10).

Все великое, что представляет нам слово Божие, совершилось великой преданностью Богу.

Кто не знает Авраама и его великой жертвы? Как возмог он поднять смертоносную руку на сына, о котором получил потомственные обетования? Как не усумнился он? Как не сказал Богу: не Ты ли, Господи, обещал, что во Исааке наречется мне семя (Быт. 21:12)? Где же будет сие семя, когда отрок Исаак сгорит на жертвеннике? Патриарх не имел в сие время ни помышления, ни желания, ни действия собственного; все предал он Богу, *паче упования во упование веруя* (Рим. 4:18); и таким образом и вожделенную жертву принес, и вожделенного сына не лишился, и благословение над собою усугубил. *Воистину, — сказано ему, — благословляя благословлю тя, и умножая умножу семя твое, — и благословятся*

о семени своем вся языцы земнии (Быт. 22:17—18). Таким образом, преданность есть лучшая Богу жертва и вернейший залог Его благословений.

Кто не слышал об Иове, которого добродетель проповедовал Сам Бог пред собранием Небесных Сил? Но в чем состоит сила его добродетели, если не в преданности Богу, Которого непостижимым судьбам с благодарностью предал он себя, и детей, и богатство, и здоровье, и чрез то соделал ничтожными все усилия врага добродетели и блаженства человеческого? *Господь даде, Господь отъял: буди имя Господне благословенно* (Иов. 1:12). Такая преданность Богу есть безопасная ограда от всех искушений.

Посмотрите и на Моисея в ужасную минуту, когда пред ним море, а за ним войско египетское. Народ вопиет к Богу, ропщет на вождя; но что вождь? Он не prepares народ к брани, не ищет пути к бегству, не воздвигает чудодейственного жезла, не произносит даже ни одного молитвенного слова к Богу. Что сие значит? — Он предался Богу и вводит народ в сию преданность: *Господь поборет по вас; вы же умолкните* (Исх. 14:14). Все умолкло, но молчание сие громко раздалось на небесах и подвигло чудодейственную силу Божию. *И рече Господь к Моисею: Что вопиши ко Мне? Рцы сыном Израилевым, и да путешествуют; и да внидут сынове Израилевы посреде моря по суху* (Исх. 14:15—16). Здесь видно, что преданность Богу есть самая крепкая и действенная молитва.

Но — чтобы вкратце сказать все для христианина — чем начинается высочайшее дело Христово? Преданностью Сына Божия воле Бога Отца Своего. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39:9), — глаголет Он, нисходя к воплощению. Чем оканчивается сие дело? Тою же Преданностью. *Не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Мф. 23:46). Итак, преданность Богу есть и начало, и совершение христианства и вечного спасения.

Заклучим сие учение увещанием, которым Церковь заключает большую часть молитвенных провозглашений, дабы непрестанно питать в нас дух преданности, которым дышит и живет истинное христианство: «Пресвятую, Пречистую,

Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувшие, сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Аминь.

Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы

Говорено в Чудове монастыре 25 марта 1835 года

*И исповедуемо велия есть благочестия тайна,
Бог явися во плоти, оправдася в Дусе,
показася Ангелом, веровася в мире, вознесся во славе.
(1 Тим. 3:16)*

Благоговейно воспоминаем и торжествуем мы ныне тот единственный во временах день, то великое мгновение, когда велия благочестия тайна: «Бог во плоти» не в слове только, но в силе Вышнего принесена Архангелом Гавриилом на землю, скрыта в чистом сердце и в приснодевственной утробе Преблагословенной Марии, запечатлена смиренным Ее молчанием. После сия тайна, сокровенная от век и от родов (Кол. 1:26), превратилась во всемирную славу, но тем не менее и теперь еще остается тайной. *Велия есть благочестия тайна, Бог явися во плоти.*

Дивились, без сомнения, сей тайне и на небесах, когда она там открылась, когда Иисус Христос, воскресший и возносящийся, дабы сесть одесную Бога Отца, *показася Ангелом*, в невиданной ими славе Богочеловека. Небесное удивление, как и все небесное, прекрасно. Дивились ангелы тайне и славе Богочеловека, но не смущались. Вопросали: *Кто есть сей Царь славы?* Но не любопытствовали, не сомневались; желали знать, чтобы благоговеть; и прежде, нежели провозглашено им разрешение вопроса их: *Кто есть сей Царь славы?* — они уже принимали Его как Царя славы, потому что уже зывали: *Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь славы* (Пс. 23:7, 8). Чем более непостижимой видят они тайну, тем более находят ее достойной непостижимого Бога,

тем более благоговеют, тем более славят Бога, тем более просвещаются Его славой и блаженствуют. Там ведение и слава не противоречат и не завидуют тайне — и тайна до бесконечности умножает славу и свет.

Но земля так ли приемлет дивную тайну Бога во плоти? Земля, для которой, собственно, сия тайна и изобретена, и употреблена, и сокрыта, и открыта, и низведена, и вознесена, и предана позору, и прославлена? Воистину благословенна в женах единственная Пресвятая Дева, Которая представила Себя достойным хранилищем пришедшей с небес тайны, чтобы она не обратилась вспять, как наполненный сокровищами корабль от берега, не имеющего пристани; Которая, быв возводима в превыспренный сан Богоматери, не попустила своему помыслу ни на один волос подняться из глубины смирения; Которая умела обнять бесконечное Слово Божие столь малым словом человеческим: *се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему* (Лк. 1:38). После Ее благословим и тех, которыми тайна Бога во плоти *веровася в мире*, которые оную с верою приняли, верно сохранили, проповедали всем народам; чрез которых она в неизменной чистоте, в неуменьшенной силе и до нас достигла. Но это те, которые хотя и *в мире суть* (Ин. 17:11), однако *не суть от мира* (Ин. 17:14). А мир? Он не хотел было принять спасительной для него тайны Божией: по слуху о ней он восстал было в тревоге, чтобы подавить ее, чтобы затмить ее лжами, запутать вымыслами, покрыть презрением и клеветами, чтобы преградить ей путь мечом, залить ее кровью ее свидетелей, погребсти их в могилах, сжечь в огне, потопить в воде, истребить всеми возможными способами истребления. Не удалось! Вопреки усилиям мира, тайна Бога во плоти превратилась, как я уже сказал, во всемирную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познав, не приняли! И что еще прискорбнее, даже между теми, которые получили оную по наследству от отцов и праотцов, или остаются, или вновь являются такие, которые не знают, что делать с сей непонятной тайной, спрашивают то с любопытством — почему для спасения человеческого рода употре-

блено столь необычайное средство — воплощение Божества; то с сомнением — неужели без сего невозможно спасение человека. А где любопытство, там еще нет чистого ведения; где сомнение, там еще нет полной веры.

Тайна гонит от себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призывает к себе веру: впрочем, не возбраняет ей мимоходом пользоваться пособием скромного размышления для снятия с ее пути претканий, которые бросает на него сомнение.

Если посему осмелиться размышлять о потребности воплощения Сына Божия нас ради человек и нашего ради спасения, то верующий может положить в основание своего размышления следующие изречения Самого Иисуса Христа.

Первое изречение: *Никтоже знает Сына, токмо Отец; ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Мф. 11:27). Что без познания Бога нельзя быть спасену и блаженну, в том не усомнится никто здравомыслящий. Но если сокровище Богопознания лежит сокрыто во внутренности самого Божества, недоступно по недосызаемой высоте Его, если взять из оногo себе на потребу спасения может токмо тот, *емуже аще волит Сын Божий открыти*; а между тем и Самого Сына Божия, *Который волит открыти* человеку Богопознание, *никтоже знает, токмо Отец*, то как же может совершиться спасительное открытие Богопознания? Надобно, чтобы Сын Божий, из неведомости Божества, которая превыше всех образов познания, так сказать, выступил в некие познавательные образы, как Он и нарицается *образом Бога невидимого* (Кол. 1:15). Но в какие образы? Конечно, ближе к Божеству, в духовные. Положим так. Чрез сие начинает быть понятным, как совершается откровение Богопознания небесное, в духовном, ангельском мире. Но земля не то, что небо; и человек не то, что ангел. Особенно в настоящем состоянии земли и человека, небо и ангел закрыты для земли и человека: следственно, и откровение Богопознания, свойственное небу и ангелам, не было бы еще откровением для земли и человека. Итак, надобно, чтобы Сын Божий, когда Он *волит открыти* спасительное

Богопознание нынешнему человеку, снисшел еще и вступил в образы познания, ближайшие к человеку; чтобы Слово Божие, не переставая быть Словом Божиим, вступило в образы человеческого слова, чтобы *образ Бога невидимого*, не переставая быть тем, что Он есть, вступил в образы видимые для ока земнородного ума; чтобы Он явился или в образах преходящих — и вот откровения и видения святых; или в образе пребывающем — и вот воплощение Сына Божия.

Второе изречение: *Никтоже придет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14:6). Что значит прийти к Богу? К Богу, Который *во свете живет непрístupнем*, *Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. 6:16) в существе Его, — конечно, не может человек прийти ни ногами по земле, ниже крылами по воздуху. Что же значит прийти к Богу? Приходят к тому, от кого бывают удалены, но как можно и удалену быть от Бога вездесущего? *Дух есть Бог* (Ин. 4:24) — духовно должно быть и шествие к Нему. Духовное удаление и приближение происходят преимущественно в воле. Волей греховной, злой, человек удаляется от Бога, как и сказано в Писании: *Греси ваши разлучают между вами и между Богом* (Ис. 59:2). Волей покаянной и благой человек приходит к Богу. И сего-то не может быть без воплощенного Сына Божия, как Он Сам говорит: *Никтоже придет ко Отцу, токмо Мною*. Если ты спросишь: для чего ж бы человеку не прийти к Богу одной собственной волей, которая свободна? Ответствую — в добрый час! Сделай опыт. Но если будешь внимателен, то, без сомнения, найдешь и признаешь то, в чем признавались лучшие нас с тобой: *Еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю; не еже хошу доброе, творю, но еже не хошу злое, сие содеиваю* (Рим. 7:18—19). Как ни странно пред глазами разума сие противоречащее само себе явление в человеческой природе, но оно давно замечено даже и теми, которых сему наблюдению не научило христианство; и если вникнуть глубже в причину оно́го, то можно удостовериться, что так и должно быть при известных обстоятельствах. Источник добра и силы есть един Бог. Если человек стоит в добре и чрез то в общении с Богом, то

он непрестанно почерпает силу от Бога делать добро; и потому как свободен желать добра, так и силен делать оное. Но если он допустил себя до греха и чрез то вошел в разлучение с Богом, то, по мере удаления от Бога, уменьшается для него удобство почерпать от Бога силу, и потому, когда воля его по природной свободе своей делает обратное движение к добру и к Богу, сила делать добро не отвечает хотению делать оное; и человек не может прийти к Богу сам собой, без особенного, чрезвычайно низведения к нему силы Божией — без такого посредства, которым бы расстояние между Богом и человеком было наполнено, разделение уничтожено, общение, ничем не пресекаемое, восстановлено — без посредства, которое бы с совершенным единством касалось обеих разделенных сторон — Бога и человека. И такое посредство есть Богочеловек.

Третье изречение: *«Так о возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал естъ, да всякъ веруя въ Онъ, не погибнет, но имать живот вечный»* (Ин. 3:16). Бог не может делать ничего излишнего и ненужного: ибо сие было бы несообразно с Его премудростью. Итак, если Бог дал Единородного Сына Своего миру, то, видно, сие было нужно. Для чего? Для того, как говорит Сам Сын Божий, *да всякъ веруя въ Онъ, не погибнет, но имать живот вечный*. Неужели, иначе погиб бы мир и не имел бы живота вечного? Видно, так. Почему? Чтобы сделать сие по возможности понятным, взойдем мыслию к началу тварей. В книге Премудрости написано: *Бог смерти не сотвори* (Прем. 1:13). Сию строчку из книги Премудрости Божественной без затруднения может переписать в свою книгу всякая премудрость человеческая, если она не совсем лишена понятия о Боге — Творце всесовершенном. Бог есть чисто жизненное начало. Тварь как тварь подвержена переменам, но ее перемены в творении и под управлением всесовершенного Творца могут быть устроены в порядке, к совершенству, без страдания, без разрушения грубого, нечистого, мертвого, даже в случае разрешения оных на составные начала, которое может происходить легко и прятно, как, например, можно найти примеры в нынешнем несовершенном устроении тварей, разрешение чистого

елея в свет или разрешение ладана в благовонное курение. Откуда же беспорядок, безобразие, нечистота, страдание, разрушение, тление, словом — смерть? Мне кажется, что и естественное рассуждение не найдет на сие сказать ничего другого, как то, что говорит откровенное Богом учение: *Грех в мир вниде, и грехом смерть* (Рим. 5:12). Грех, как отлучение от Бога, есть вместе *отчуждение от жизни Божия* (Еф. 4:18), и, следовательно, раньше или позже — смерть для существа телесного, разрушимого, временная, а для духовного, неразрушимого — вечная, потому что, кроме Бога, нет и никогда не будет другого источника жизни. Таким образом, грех и смерть ручаются в мире друг за друга, что они тут. Видишь ли владычествующий в мире грех: ты можешь сказать — мир находится на пути к смерти. Видишь ли в нем смерть: ты также можешь сказать — мир, видно, согрешил и идет к погибели. Кто не так слеп, чтобы не видеть в мире владычества ни того, ни другого, ни греха, ни смерти, тот может понять, сколь нужно миру избавление от погибели, дарование вновь вечной жизни. И для сей-то потребности Бог *Сына Своего Единородного дал есть* (Ин. 3:16). Смерть и погибель приходят на человека и как естественное следствие удаления от Бога, и вместе как действие правосудия Божия над грехом. Посему для спасения человека нужно, во-первых, удовлетворить правосудию Божию (потому что никакое свойство Божества не может лишено быть свойственного Ему действия; и потому что объявление безусловного прощения или ненаказанности стоящего уже на пути греха человека всего легче повело бы его далее по сему пути и, следовательно, не ко спасению, а к погибели); во-вторых, вновь ввести в человечество жизнь Божию, которая бы воцарившуюся в нем смерть победила и уничтожила. Требования трудные и, естественно, невозможные! Удовлетворить правосудию Божию значит предать грешника вечной смерти: за сим совершенно исчезает для него возможность вечной жизни. Как же приблизить жизнь Всесвятого Бога к человеку грешнику? Столь резкая противоположность сближаемых крайностей более угрожает истреблением недостойной твари, как сена от огня, нежели обнадеживает

спасением. Что же творит Бог чудес? Он вводит Свою Ипостасную жизнь, Своего Единородного Сына в малую, избранную долю человеческого естества, долгим, сокровенным действием судеб Его приготовленную, от заразной примеси греха предохраненную, соединяет Божество и человечество в единую Ипостась Богочеловека; низводит облеченное человечеством Божество в состояние человеческое, кроме греха, даже в немощи, в страдания, в смерть. И что же? Правосудие Божие совершенно удовлетворено, потому что в лице Богочеловека человечество понесло присужденную себе смерть, и понесло вполне, так как и мгновение смерти Богочеловека, по присутствию вечного Божества, равняется вечности. На удовлетворении правосудию основано право Икупителя простить кающегося грешника, без пагубной надежды ненаказанности для некающегося; и в то же время жизнь Божия, нисшедшая в глубину человеческой смерти, но смертью по своему естеству не одержимая, из глубины смерти сияет во все умершее грехом человечество и вносит вечную жизнь во все души, которые ей открывают себя верой, а не отражают ее от себя неверием и ожесточением. *Тако возлюбил Бог мир.*

Сии размышления дают место вопросам: как же человек жил, делал добро, познавал Бога еще прежде, нежели совершилось воплощение Божества? Как живут, делают добро, познают Бога и теперь человеки, не пользующиеся плодами воплощения Божества? Вопросы, достойные внимания. Тем, которые не довольно проникли во внутренность тайны Бога во плоти, чтобы изнутри видеть ее живоносный свет, испытывать ее спасительную силу, разрешение предложенных теперь вопросов может, по крайней мере, отвне показать величие сей тайны, которая одна зиждет из человеческого рода стройное здание, с удивительным единством в разнообразии простирающееся по всем размерам пространства и времени и высотой своей теряющееся в небесах, и вне которой человечество представляет беспорядочные развалины, редко где и когда несколько возвышающиеся, вообще же раздробленные, рассыпанные, едва поднимающиеся над землей.

Как жил человек до Христа? Жил в первоначальной чистоте своего сотворения, посредством общения с Богом Словом, в Котором *живот бе, и живот бе свет человеком, в начале* так же, как и всегда после (Ин. 1: 4,1). А с того времени, как грех разлучил человека от Бога, до Христа, если человек, уже *мертвый прегрешеньми* (Еф. 2:5) внутренне, жил еще внешне; и если являлись еще в нем и некоторые проблески жизни высшей, то жил он, во-первых, останками жизни, преподанной ему от Бога в начале, подобно как живет черенок, отрезанный от живого дерева до истощения в нем живого сока или до привития его вновь к живому дереву; во-вторых, жил предварительными начатками жизни Христовой, которых можно искать далее колыбели Вифлеемской и ранее благовещения Назаретского, можно сказать, окончательного, а не начинательного: ибо в то самое время, как жизнь первоначальная повреждена грехом, нужно было ввести в человечество врачество Христово; и оно введено словом первого благовещения о воплощении Бога Слова: *Семя жены сотрет главу змия* (Быт. 3:15), и с того времени начало и непрерывно продолжало действовать благодатно, как можно примечать в патриархах и пророках. Что касается до естественной жизни человечества, поврежденной грехом, можно ли не примечать, и в прежних временах, и ныне, как она идет не к совершенству, но к разрушению и смерти; как она с течением веков сократилась в летосчислении личного жития, как она растрескалась и рассеялась на несвязные глыбы, которые называют племенами и народами; как она во многих чуждых Христа народах ниспала до самых низких степеней жизни скотской и зверской.

Как человек познавал и познает Бога, делал и делает добро до христианства и без христианства? Мой ответ один: если познавал Бога, то познавал останками первоначального света в разуме, при помощи благочестивого предания; если делал что-нибудь в некотором смысле доброе, то останками первоначальной доброты в воле. Падением человека в грех образ в нем Божий сокрушен, но не совсем истреблен и уничтожен; вечное Солнце зашло в душе его, но некоторые лучи зари от Него еще касаются высот ее. И при сем уменьшившемся свете, *невиди-*

мая Божия от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество (Рим. 1:20). *Языцы, закона не имуще, естеством законная творят; — являют дело законное, написано в сердцах своих* (Рим. 2:14—15). Но скажут, может быть: если естественно есть в роде человеческом хотя некоторое познание Бога и хотя некоторое делание добра, то не мог ли бы он естественными же средствами, при продолжаемых усилиях и взаимном содействии быть возвышен, усовершен и спасен? Ответ на сие не очень труден, ибо опыты готовы, надобно только указать на них. Род человеческий до христианства в продолжение нескольких тысяч лет имел довольно простора испытывать естественные свои усилия. Что же он выработал? После древнейших преданий о Едином Боге, о непорочности райской, или, как говорилось у язычников, о золотом веке, — многобожие, идолопоклонство, пороки и злодеяния, которых одно название ужасает противоестественностью, как, например, не только человекоубийство, но и детоубийство, и отцеубийство, и человекоядение. Мир языческий, жалкий в невежестве, когда переходит в образованность, становится отвратительным по разврату, который обыкновенно идет рядом с ней и обращает ее в свое орудие. Что сделала языческая философия? Привела ли она хотя один языческий город или деревню в познание Единого Бога? Не она ли, напротив, изобрела сомнения о бытии Бога и добродетели? Во времени христианства легко было разуму зажечь многие фокусы естественного знания при солнце откровения Божественного; но и в сии времена естественный разум, вознамерясь действовать без Христа, не лишил ли себя самых останков духовного света, не посрамил ли себя неистовством, которого и в язычестве не видано, именно, государственным законом провозгласил было безбожие¹? Пусть назовут сие случайным припадком, частным беспорядком, злоупотреблением разума в немногих людях, обладаемых страстями, только наружно представившимся в обширном виде: не спорю, если хотите; но если это злоупотребление, беспорядок, болезнь, то где же благоупотребление, порядок, здоровье разума естественного без высшего управления

откровением, без Врача Христа? Пусть покажут, если могут, в более обширном или хотя не в меньшем виде общественное действие такого разума к совершенству и блаженству рода человеческого! И кто может поручиться, что его злоупотребление, беспорядок, болезнь не возвратятся многократно в новых по обстоятельствам видах, с новой жестокостью, если вы оставите его без высшего попечительства и предоставите ему независимое владычество; если прежде несбыточной от него заслуги провозгласите его спасителем рода человеческого? Поистине, довольно печальных опытов для удостоверения, что самоспасение человечества естественными средствами и усилиями разума есть не более как мечтание и болезненный бред духовно недугующего человечества. Лучший и действительно спасительный подвиг разума человеческого к совершенству и блаженству человечества может состоять только в том, чтобы беспристрастно изведать и измерить свои силы, средства, недостатки для сей великой цели; понять возможность, признать потребность откровения свыше; приближаться к *велией благодести тайне*, положить к ее стопам свое оружие и свой венец; и предать себя в благородный плен, в свободное послушание вере в Бога, явльшегося во плоти.

Христиане, чада веры, наследники Откровения, хранители тайны Божией! Благословим Бога тайн и откровений. Прославим Богочеловека, Начальника и Совершителя веры. Сохраним тайну Божию, так снисходительно нам вверенную. Помыслим также при сем, что неприлично было бы хранить тайну благочестия в душе и жизни нечистой. Должно хранить святое и Божественное сокровище в ковчеге от злата чиста — *таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3:9). Аминь.

Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы

Говорено в Чудове монастыре 25 марта 1843 года

Рече Мариам: Се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему (Лк. 1:38). Вот слова земные, но которые, подобно не-

бесным, чище искушенного серебра, возжеленнее золота, ценнее драгоценных камней. Вот сокровище, которого пять тысяч лет небеса искали на земле и которое открыть послан был один из ближайших предстоятелей Небесного Престола!

Подлинно, Архангел Гавриил не только принес Деве Марии слово Божественного благовещения, но и взыскал услышать от Нее слово соответствия. Когда он произнес только слово приветствия: *Радуйся, благодатная: Господь с Тобою, благословенна Ты в женах*, — благовещение о Спасителе мира почти уже совершилось, потому что сим ознаменована и указана Матерь Господня. Но как Дева смутилась и, размышляя, молчала, то Архангел продолжил и усилил слово благовещения: *«Родиши Сына; — Сей будет велий, и Сын Вышняго наречется; — Царствию Его не будет конца»*. Теперь благовещение со стороны Архангела решительно совершилось, но еще он не почитает дела своего посольства конченным, потому что не то, которого ждет, слышит слово: *Како будет сие, идеже мужа не знаю*. Наконец, он разрешает вопрос: *Дух Святой и найдет на Тя*. И получает взыскуемый ответ: *Се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему*. И вот искомое сокровище открыто. Радостным благовещением от неба приобретено благовещение от земли небу, взаимно возжеленное. Небесное посольство совершенно достигло своей цели. *И отъиде от Нее Ангел*.

Что же это значит? Что значит, что воплощение Сына Божия предваряет небесным благовещением и что сие благовещение не только изрекается вседержавной волей Господа, но и взыскует соизволения рабы Его? Разве Вседержитель не властен действовать, не предваряя и не ожидая соизволения? Для чего так нужны небу сии земные слова: *«Се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему»*? — Нужно сие было и для достоинства Матери Господней, и для самого воплощения Бога Слова.

Никто не станет сомневаться в том, что для избрания быть Матерью Господней требовалось в избираемой высочайшее возможное на земле достоинство. Но в чем состоять может достоинство существа разумного и свободного, если не в чистых и возвышенных воззрениях ума и движениях свобод-

ной воли? Надлежало дать им место, чтобы основалось, утвердилось и, к утешению и назиданию нашему, явилось в Деве Марии достоинство Матери Господней. Ее смущение от высокого архангелова приветствия было движение души глубоко смиренной. Удержание сего смущения в молчаливом размышлении знаменовало мудрость, твердость и спокойное величие духа. В вопросе: *Како будет сие, идеже мужа не знаю?* — проявлялась неизменная любовь к чистоте девства. Наконец, в решительном изречении: *Се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему*, — изрекло себя послушание веры.

Если, как учит апостол, *верою вселяется в сердца Христос* (Еф. 3:17), уже приблизившийся к человечеству и приобщившийся оного воплощением, то сколь превосходнейшая и крепчайшая вера потребна была Деве Марии, чтобы первоначально воплощением вселился в Нее Сын Божий, так еще не близкий к человечеству, и по недоступной ни для какой твари высоте Своего Божества, и по причине средостения, которое грех поставил между Божеством и человечеством! И обрелась в Ней такая вера, и соделала для Нее возможным чистое и совершенное послушание — призванию непостимому послушание без сомнения, призванию безмерно высокому послушание без превозношения. И сие послушание преклонило душу Ее под осенение Духа Святого, соединило волю Ее с волей Божией, отверзло сердце Ее для входа силы Вышнего. И Вечный Свет пришел и засветил в Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную в земной, вечную во временной, Божескую в человеческой, всеоживляющую в умирающей. *И Слово плоть бысть, и вселися в ны.*

Дивна дела Твоя, Господи! Дивны Твоя тайны, Богородице! Кто слышит Твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какие огромные дела ведет за собой Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между землей и небом? Знает ли мечтающий о всемирном владчестве Рим, что в одной из дальних областей его некая дочь царей, называющая себя *рабой Господней*, изрекла

приговор, который готовит миру нового, лучшего, высочайшего Владыку, а Риму — разрушение гордого и своенравного владычества? Гадают ли славные прорицалища языческих народов, что из уст безвестной Девы излетело прорицание, которое заставит их умолкнуть, низринет кумиры и кумирницы, прекратит кровавые жертвы, уничтожит кровожадных жрецов? Домышляются ли мудрецы мира, что на глас еврейки сходит с неба неведомая дотоле Премудрость, Которая обуит премудрость премудрых и разум разумных отвергнет, но младенцам откроет тайны, для мудрецов непостижимые? Что я говорю? Иерусалим и колена израилены, которые от дальних предков знают и хранят обетование Божие о великом Избавителе и Умиротворителе, и *безспрестани день и ночь служаще надеются доити* (Деян. 24:7) до исполнения, — дослужились ли они до познания, что, пройдя обширную область обетования, в сей день или в сию ночь внезапно приблизились они к пределу исполнения и что предел сей поставлен в Назарете? Книжники, которые столько раз читали в книге Исаи: *Се Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеши имя Ему Еммануил* — и едва ли не столько же раз недоумевали о сем, — думают ли они, что провиденная пророком Дева и уразумела уже сие пророчество, и готовится исполнить оное? Знает ли хотя праведный Иосиф, уже не совсем чуждый тайнам Приснодевы, как обручивший Ее себе с тем, чтобы Ей пребыть Девою, — знает ли, что вслед за сим Она обручается Духу Святому, чтобы соделаться Матерью Господа? В целом мире никому, кроме единой, не ведомо благовещение архангелово, когда оно совершается: а оно долженствует огласить весь мир, когда совершится. И, услышав рано простые, по-видимому, слова благовещения Мариина: *Се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему*, — кто исчерпал бы весь их разум, ощутил бы всю их силу? А их разум сливается с бездной разума Божия и объемлет время и вечность; их слава сопрягается с силой Вышнего, и преобразит землю, и наполнит небо. Смиритесь, пытливые исследователи! Чудитесь и радуйтесь, смиренные созерцатели! Брось, кичливый разум, ломкие оружия своевольного мудрования и возлюби свободный плен веры!

Ты же, благомысленно ищущая своего спасения душа, вразуми себя словом и примером Препоблагословенной Девы, как высоко возводит, как многое совершает, как совершенно благоугождает Богу скромная и неблистательная, по-видимому, добродетель — послушание веры.

Послушание, по имени своему, есть последование тому, что слышим как наставление или как повеление. Но в высшем, существенном, духовном значении под именем послушания разумеется последование воли человеческой, как сотворенной и зависимой, воле Божией, как творческой и вседержавной.

Из сего понятия тотчас открывается обязанность, польза и важность послушания.

Твари ли восставать против Творца? Рабу ли земному воздвигать мятеж против Небесного Владыки? Не совсем омраченный разум, не совсем ожесточенное сердце общими силами отражают сию нелепую несообразность. Разум и сердце согласно изрекают обязанность послушания воли человеческой воле Божией.

Воля Божия непогрешительна. Следовательно, послушание воле Божией должно предохранить или избавить человека от погрешностей и заблуждений.

Воля Божия всеблагая. Следственно, послушание воле Божией должно вести человека ко всему благому.

Тварь без Творца есть ничто. Силою только Творца она есть нечто. Что же будет значить воля человека, если она не прилепится к воле Божией послушанием, если отторгнется от нее непослушанием?

Некогда первый человек блаженствовал: почему? Потому что последовал всеблагой воле Божией. Он пал с высоты своего блаженства: каким образом? Его воля отпала от воли Божией и впала в чувственные пожелания. Преслушание, грех, смерть — это звенья одной цепи. Взявшийся за первое звено влечет сам к себе последнее — и, о если бы всегда не более, как только сам к себе! Напротив, *ослушанием единого человека грешни быша мнози* (Рим. 5:19). *Единым человеком грех в мир вниде, и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде* (Рим. 5:12).

Надобно ли врачевать от всеобщей смертоносной болезни бедное человечество? Можно догадаться, что весьма нужный врачебный прием должно составлять то качество, утрата которого была началом болезни, то есть послушание. С сим точно врачеством и пришел на землю Небесный Врач. Смотрите, как Он, будучи Сам безболезнен, в Самом Себе приготавливает врачество для больного рода человеческого и как врачует его — именно послушанием. *Смирил Себе, послушав быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2:8). *Послушанием Единого праведни будут мнози* (Рим. 5:19). *Аще и Сын бяше, обаче навывче от их, яже пострада, послушанию, и совершився бысть всем послушающим Его виновен спасения вечнаго* (Евр. 5:8—9).

Есть послушание любви, послушание страха, послушание веры. Вначале человек жил, как сладкой пищей, послушанием любви к Богу всеблаговому и всесовершенному. Но после того как сию блаженную жизнь отравил он вкушением запрещенного, ему нужно, как врачество, иногда не без горечи, употреблять послушание страха пред Богом, праведным Судией, и потом послушание веры в Бога и Христа, Помилвателя, Исцелителя и Спасителя, дабы, наконец, по мере исцеления, вновь питаться сладкой и бессмертной пищей — послушанием любви. Так от послушания зависит духовная жизнь человека и христианина, почему слово апостольское и нарицает христиан *чадами послушания* (1 Пет. 1:14).

Если бы мысль питаться и жить послушанием показала кому только представлением воображения, изысканным и преувеличенным, а не представлением ума, почерпнутым из существа дела, таковой пусть вспомнит изречение непогрешительного Учителя, в слове Которого нельзя предполагать изысканности или преувеличения: *Аз есмь лоза, вы же родие; и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5). Как это сделать, чтобы человек был во Христе, и Христос в человеке, чтобы человек соединился со Христом, подобно как с виноградной лозой ветвь ее? Не иначе можно,

как послушанием веры, свободной преданностию сердца и безмолвно покорной волей человека вседействующей воле Христовой. Таким образом, послушание веры действительно вводит в человека силу и жизнь Христову, почему и деятельность такого человека нередко бывает далеко возвышеннее и могущественнее обыкновенной, свойственной человеку деятельности.

Неразумевающий или ищущий отговорки может сказать: как можно даже жить, то есть непрестанно заниматься послушанием воле Божией? Неужели не оставить места своей воле, которая от природы есть и которой уничтожить невозможно? И можно ли в каждую минуту знать волю Божию? Счастливы избранные, к которым для сего Бог посылал Своих вестников, но и для избранных такие случаи были редки. Кто говорит таким образом, тот доказывает не то, что дело совершенного послушания неудобно, а то, что не упражняющийся в деле не знает, как оно делается.

Если искренне желаешь знать волю Божию, есть и для тебя ангел, который близок и готов. Это твоя совесть. Внимай совести твоей, не заглушай тонкого гласа ее шумом страстей твоих — и будет открываться тебе воля Божия, и будешь на пути послушания.

Есть и более удостоверительное и более полное возвещение воли Божией, которое можешь читать в священных книгах, слышать в церкви, видеть в примерах святых. Внимай сему, и воля Божия более уяснится тебе, и послушание сделается более удобным и верным.

Все в мире происходит под управлением провидения Божия, и, следственно, все по воле Божией, поскольку не по воле человеческой. Итак, во всем, что тебя постигает, можешь познавать волю Божию. Приходит благополучие и благовестует тебе волю Божию, чтобы ты благодарил Бога. Приходит бедствие и возвещает тебе волю Божию, чтобы ты терпел. И послушание может являться не только в том, чтобы действовать по воле Божией, но и в том, если не действуешь против воли Божией, и наипаче, если безропотно страдаешь

по воле Божией. Умей вестнику высшего жребия сказать смиренно: *Буди мне по глаголу твоему*. Но учись также и при виде креста сказать великодушно: *Не якоже аз хощу, но якоже Ты, Отче Небесный!*

Впрочем, хотя истина и добродетель доступны всем, однако никак не излишни, а часто необходимы особые учителя, по роду знания, особые руководители, по роду подвигов. Так и для успеха в духовном послушании, поскольку можешь, поскольку внутренне чувствуешь особенную нужду, избери себе особенного наставника, сведущего и опытного в сей науке, благословенного на сие служение, которого слово сильно жизнью, светло молитвой, охранено от заблуждения смирением. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога Небесного сойдет к тебе на землю, и твое простое земное послушание будет достигать до неба, по реченному к истинным и законным наставникам от Дающего пастырей и учителей: *слушай вас, Мене слушает*.

Правда, послушание Богу посредством человека издревле вынесло свои училища из жизни обыкновенной, отделило их от общежития мирского, создало себе особые обители, в которых и приносило и приносит свои плоды для неба и для земли. Но наука, которую преподавать удобнейшим признано в тишине загородной, должна ли потому считаться совсем ненужной и бесполезной для города?

Сыны века сего желают все больше и больше простора собственной воле. К чему сие ведет? — Не к тому ли, что некогда предсказывал пророк: *Будут людие, аки жрец, и раб, аки господин, и раба, аки госпожа; будет купуяй, яко продаяй, и взаим емляй, аки заимодавец* (Ис. 24:2). Но что будет во время сего неограниченного простора собственной воли? — Пророк скажет: *Се Господь рассыплет вселенную и опустошит ю*. То есть Он попустит своеволию наказать самому себя теми беспорядками, которые оно производит.

И после всех временных наказаний, знаете ли, что даст пищу адскому огню? Ничто более, как собственная воля с ее порождениями, то есть грехами. Отложите собственную

волю, и ад не найдет в вас для себя пищи. Восприимите волю Божию и примете в себя небо, доколе оно вас в себя примет. Где воля Божия, там небо.

Но легко ли расстаться со свободой, которая человеку естественна? Кто требует от тебя, чтобы ты расстался со свободой? Бог даровал тебе свободу, чтобы ты свободно сделал выбор между злом и добром, между тварию и Творцом, между собой и Богом. Если изберешь себя, тварь, зло — пойдешь в плен самолюбия, тварей, зла. Если изберешь и непрестанно будешь избирать добро, Бога и Его волю — не утратишь, а утвердишь и расширишь свою свободу. *Идеже бо Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3:17).

Но легко ли иногда преломить собственную волю? Иногда трудно, иногда легко, смотря по тому, как ты сам себе делаешь сие трудным или легким. Когда ты хочешь исполнить волю возлюбленного отца или матери — не легко ли тебе забывать свою волю, не приятно ли даже приносить ее в жертву? Кто препятствует тебе посредством веры и любви сделаться сыном Божиим и сделать себе сладостным послушание воле Отца Небесного?

Отче наш, Иже еси на небесех! Да будет воля Твоя во всех нас. Аминь.

Беседа о нищете духовной

*Говорено в Николаевском Перервинском монастыре
в день святителя Николая, 9 мая 1824 года*

*Блажени нищии духом:
яко ваше есть Царствие Божие.
(Лк. 6:20)*

Вот начальное учение, которое преподавал Божественный Учитель и Господь наш Иисус Христос, когда на некоем месте равне окружал Его народ ученик Его, и множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и

Сидонска, иже приидоша послушати Его, и исцелятися от недуг своих (Лк. 6:17, 18).

И мы здесь *на месте равне*: потому что здесь и высокий вельможа не выше прочих, и низкий простолудин не ниже прочих, пред Богом, Который в вышних живет и на смиренные призирает. И здесь *народ ученик его*, ибо все христиане суть ученики Христовы. Сие множество много людей пришло сюда, чтобы приблизиться и, поколику можно, прикоснуться святыне и силе Божией и чрез то исцелиться от недуг своих, какие кто чувствует душевно или телесно; надеюсь, что пришло, или, по крайней мере, должно было прийти и с тою мыслию, дабы послушати учения Христова.

Не постыдитесь, давние и, так сказать, природные ученики Христовы, если предложим вам начальное учение Христова, но тем с большим вниманием послушайте учение, которое давно пора вам исполнить и в котором остаться незнающими не только стыдно было бы, но и погибельно.

Блажени нищии духом: яко ваше есть Царствие Божие.

Благословен возлюбленный Учитель за сие начало учения! Если бы Он, предприемля говорить народу о Царствии Божием, всем без различия вдруг сказал то, что наедине сказал человеку, который сам почитался **учителем израилевым**: *Аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия*, то к вопросам Никодимовым: *Како может человек родиться стар сый? еда может второе внити во утробу матери своея и родитися?* (Ин. 3:3—4) — сколько бы еще присоединилось вопросов неудоборазрешимых для плотских человеков! Или, если бы неприготовленным ученикам предложил Он учение о кресте, которое и после приготовления самые апостолы с трудом уразумели: *не разумеша глагола сего, бе бо прикровен от них, да не оуют его* (Лк. 10:45), — как трудно было бы слушать Его и принимать слышанное! Теперь, снисходя к немощи слушающих, Он не поражает высотою, не устрашает трудностию учения, но прежде всего делает оное любезным и привлекает к нему сердца сладкими именами *блаженства, Царствия Божия*.

Кто не ищет блаженства, где и как умеет? Кто не желает Царствия Божия? Какой безумный или бесчувственный может быть холоден или невнимателен, когда ему предлагают блаженство, когда ему обещают Царствие Божие? Смотрите же. Вот путь к блаженству, вот дверь в Царствие Божие — нищета духа. *Блажени нищии духом: яко ваше есть Царствие Божие.* Не правда ли, что можно бросить целый мир, чтобы приобрести сию нищету, которая доставляет блаженство и Царствие Божие?

Христианин! Ученик блаженства! Ученик Царствия Божия! Не пронзает ли уха твоего сии первые звуки учения Христова? Не расширяется ли сердце Твое, чтобы поглотить оно! Не жаждет ли ум твой познать, что такое нищета духа? Не пробуждает ли тебя дух к спасительной заботе, как бы тебе соделаться одним из блаженных нищих духом? Слушай и учись.

Блажени нищии духом: яко ваше есть Царствие Божие.

Паки благословен премудрый Учитель, что премудрое учение облакает простотою слова, так что утаенное от премудрых и разумных открывается даже младенцам. Что более загадочно, как блаженство, которого все везде ищут и никто нигде не находит? Что непостижимее Царствия Божия, потому что все Божие непостижимо? Просто ли по сему изъяснить способ достигнуть блаженства и Царствия Божия? Напротив того, что знакомее и проще, как нищета, которую повсюду между собою встречаем? И ею-то беспримерный Учитель изъясняет тайну, как достигнуть блаженства и Царствия Божия. Смотри на бедственную нищету плоти, размышляй и уразумешь блаженную нищету духа.

Нищий не имеет ничего, а всего ищет у других и, как милости, просит необходимого для жизни, как то: пищи, одежды, жилища. Если дух твой, вспоминая райское жилище, из которого он в прародителях изгнан, райскую одежду света, от которой грехом обнажен, райскую пищу от древа жизни, которой лишен, чувствует себя в крайней скудости всякого добра и в опасности умереть вечною смертию; а потому непрестанно прибегает и припадает к Богу, ищет и просит себе духовного жилища — в Церкви Его, духовной одежды — в благодати

Сына Его Иисуса Христа, дабы в Него крестившись, в Него и облецишь духовной пищи — во всяком слове, исходящем из уст Божиих: по таковым расположениям Бог, богатый милостию, видит и приемлет тебя как нищего духом и, даруя тебе просимые блага, дарует в них самое Царствие Божие. Признавать, что в нас и для нас в мире нет истинного духовного блага, и усердно просить духовной милости от Подателя всех благ Бога есть дело нищего духом. *Смиренная молитва и молящееся смирение составляют нищету духа.*

Если судить по тому, что лишение райских и духовных благ есть общий от прародителей жребий всех живущих на земле, то надлежало бы, кажется, всем без изъятия быть нищими духом. И подлинно, по сему рассуждению богатых духом, собственно, нет между людьми, но, что всего хуже, есть *богатыющиеся*, то есть нищие, которые выдают себя за богатых. Они бывают, если можно так изъясниться, богаты гордостью, тщеславием, лицемерием, невежеством и слепотою и потому не приходят в спасительное ощущение духовной нищеты. Один сделал несколько добрых или благотворительных дел и думает, что уже обогатился добродетелями. Другого похвалили, и он уверяет себя, что уже достиг совершенства. Иной умел только скрыть свои пороки и за тем уже не нуждается в добродетелях. Иной, привыкши удовлетворять только требованиям плоти, почти не знает потребностей духа, изобилием благ земных закрывает от себя недостаток благ небесных, удовольствиями чувственными притупляет вкус духовный, и, если дом его полон, одежда украшена, тело насыщено или пресыщено, он весьма доволен и, точно как богатый на нищих, смотрит на людей, которые говорят ему о гладе духовном, о наготе греховной, о бедственном земном изгнаничестве нашем из нерукотворенного и нетленного дома Отца Небесного. *Имей ухо, да слышишь, что на сие Дух глаголет. Глаголеши, яко богат есмь, и обогатихся и ничтоже требую, и не веши, яко ты еси окаян, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Апок. 3:13, 17). Да слышим и то, какая судьба определена от Бога таковым ложно и мечтательно богатым. *Алчущия исполни благ, и богатыющиеся отпусти*

тици (Лк. 1:53). Чему и быть иному! Кто думает, что он богат, тот не чувствует нужды; кто не чувствует нужды, тот не просит; кто не просит, тот не приемлет, по реченному апостолом: *Не имате, зане не просите* — ибо небесный Податель благ как нам не велит метать бисер пред свиньями, так и Сам сего не делает; и с другой стороны, не просящий от Бога благодати не способен принять ее, имея заключенное сердце. Посему сказано еще: *Просай приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзается* (Мф. 7:8) внутрь сокровенное Царствие Божие.

Христиане! Тот, Который в Евангелии поучает нас нищите духовной, *нас ради, богат сый, обнища, да мы нищею Его обогатимся* (2 Кор. 8:9). Если бы из послушания к Нему, из благодарности, для участия в приобретенном Им для нас бесчисленном богатстве, то есть в бесконечном блаженстве Царствия Божия, надлежало нам из богатых сделаться нищими: чего жалеть? Но нам нечего терять по внутреннему нашему, духовному человеку, если не обогатила нас благодать Христова, соделаться нищими духом значит только познать ясно и признать искренно нищету, которая с нами родилась и живет с нами. Можно ли не радеть о сем? Можно ли упорствовать против сего? Если тебе и кажется, что ты стяжал некоторые добродетели: *что имаши, его же неси приял?* Не от Бога ли приял ты закон добра, свет ума, в котором ты увидел сей закон, чувство сердца, которым ты возлюбил его, свидетельство совести, которое не позволило тебе отречься от него или забыть его, силу воли, которою ты подвигся к исполнению его, средства, которыми ты мог исполнить его? *Аще же и приял еси; что хвалишися, яко не прием-ь?* (1 Кор. 4:7). Оточи и отложи из присваемого тобою духовного богатства то, что приял ты от Бога, и осмотришь, остается ли у тебя что, кроме твоей наследственной нищеты? А что, если плоды правды твоей, как внутренним червем, повреждены нечистыми намерениями и побуждениями? Что, если против нескольких динариев, которые ты считаешь в духовном твоём сокровище, Бог и ближние могут считать на тебе многие тысячи динариев долгов, то есть грехов и неправд? Не должно ли в сем случае признаться, что ты из нищих ни-

щий? Если, вместо сего признания, ты заглушаешь чувствование сей нищеты, полагая свое удовольствие в тленном земном богатстве или отягчая сердце свое объедением и пьянством и предаваясь другим чувственным и скотским вожелениям, ты делаешь то, что изображенный в Евангелии распутный сын, когда он в недостатке пищи, свойственной человеку, *желаше насытитися от рожец, яже ядяху свиния* (Лк. 15:16).

Восчувствуем, участники всеобщей нищеты, восчувствуем каждый во своем духе нищету нашу в благах духовных и смиримся, признаем нашу греховность и покаемся, будем часто прибегать к дому Отца Небесного и просить от Него духовной милости ради Христа, Единородного Сына Его, для нас обнищавшего и нам богатство благодати стяжавшего кровию Своею; нет сомнения, что по сему ходатайству *даст Он Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11:13) с верою, и сей Утешитель паче слова опытом научит нас, как *блажени нищии духом* и что воистину *их есть Царствие Божие*. Аминь.

Слово в день святителя Николая

*Говорено в Николаевском Перервинском
монастыре 9 мая 1822 года*

*Поминайте наставники ваша, иже глаголаша
вам слово Божие, иже взирающе на скончание
жительства, подражайте вере их.
(Евр. 13:7)*

Сие пишет апостол Павел к евреям, то есть к обратившимся в христианство из еврейского народа, и, вероятно, к тем, которые жили в Иудее. Посему догадываться можно, что наставники, которых он имел в мыслях, суть именно апостолы Иаков, брат Иоанна, и Иаков, брат Господень. Первый из сих скончался от меча, поднятого на Церковь иерусалимскую Иродом; а второй пострадал от иудейского первосвященника Анны и его скопища. Естественно, что дети Церкви с горестию

вспоминали столь бедственную потерю столь великих наставников. Сие-то расположение духа исправляет и возвышает апостол, поучая вспоминать кончину благочестивых наставников не с печалию, но с благоговением, не для оплакивания, но для подражания. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их.*

Поелику апостолы говорили то, что подаваемо было им от Духа Святого, то послушные дети Церкви наставления их принимали как законы и слово их обращали в дело. Отсюда обыкновение торжественно вспоминать отшедших к Богу наставников христианских и, когда уже не поучают они словом, поучаться их примером.

Иные наставники прошли словом мудрости, иные иными дарованиями духовными на пользу Церкви. Вспоминаемый ныне наставник, святитель Николай, ознаменовал себя преимущественно сильною верою и ревностию по вере.

Вспоминайте же его так, чтобы при том поучаться и самым делом подражать его **ревности по вере**.

Ревность есть духовный огонь. Как мудрость светит в уме, как любовь согревает сердце, так ревность, сложное действие оных двух сил, воспламеняет все существо, в котором она есть. Она является в нем напряженною деятельностью, которая все, что может ей покориться, могущественно направляет к своей цели, — способное к очищению очищает, смешенное разделяет, нечистое и тленное разрушает, противоборствующее отражает и рассыпает. Так ревность Самого Бога изображает апостол, когда называет ее *ревностию огня, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10:27).

По сему образу ревность человека в отношении к вере есть такое качество и расположение духа, по которому человек с пламенным желанием и живейшею деятельностью старается истинную веру, которую он познал и возлюбил, сохранить, распространить, очистить от примешения суеверий и соблазнов, и врагов ее или умягчить и обратить, или довести до невозможности вредить ей.

Ревность по вере есть **алчба и жажда правды** в вере, которая поколику обретает веру правую, потолику насыщается и блаженствует; а когда или не обретает правые веры, или видит ее ослабляему нерадением ложных христиан, колеблему раздорами, угрожаему бедами, тогда *снедает* (Ин. 2:17) самого ревнителя. Соломон, изображая сию огненную или снедающую силу ревности, говорит: *жесток, яко ад, ревность* (Песн. 8:6). Аду ее уподобляет не потому, чтобы она хотела кого-либо низринуть во ад, ибо сего не может быть от истинной ревности, поелику в составе ее есть любовь, но или потому, что она, видя возлюбленные творения Божия на пути ко аду и с живейшим состраданием представляя себе погибель, им предстоящую, сама в себе чувствует их ад; или потому, что ревность, с избытком растворенная любовью, готова бывает разделить даже адскую участь с теми, по которым ревнует, дабы облегчить участь сию для них и своею опасностью исхитить их от опасности. Так, апостол Павел, ревнуя по израильтянах *ревностию Божиею*, побужден был сказать, что он *молилбхся сам отлучен быти от Христа по братии своей* (Рим. 9:3), то есть дабы они во Христа уверовали.

По сему и подобным примерам некоторые, может быть, думают, что сия святая ревность не есть общая и всегдашняя обязанность, но дар, ниспосылаемый благодатно не многим на некоторые особенные случаи, когда необыкновенные опасности веры требуют необыкновенных усилий для ее сохранения и утверждения. Подозрением в сем образе рассуждения не касаемся мы тех, которые охладели в вере до такой степени, что не исполняют и обыкновенных, всеми признанных, ее обязанностей: как искать ревности по вере у тех, у которых и самой веры в делах найти не можно? Нет ли таких, которые чтят веру, желают и употребляют некоторые усилия исполнять ее обязанности, поколику знают их, но у которых ни в исчислении должностей, ни в списке добродетелей не найдешь имени ревности? Не думают ли, что нам нет нужды в ревности Павла, когда мы не назначены сражаться с упорством иудеев, ни в ревности Моисея, или Финееса, или Илии, когда мы не живем среди мерзостей язычества?

Конечно, не всякому быть Моисеем или Финеесом, Илиею или Павлом; когда и Моисей в известное время не мог быть Финеесом, ни Финеес Моисеем. Но если Моисей в одном, а Финеес в другом случае спасли целый народ Божий своею ревностью, не лучше ли было бы еще, когда бы таких ревнителей было более? А из сего уже и видно, что, если святая ревность не есть необходимая обязанность, по крайней мере, она есть желательная добродетель.

Но осмотримся внимательнее, не найдем ли мы ревности и между необходимыми нашими обязанностями? Что может быть необходимее и повсемственное обязанностей, которые Сам Бог возложил на нас десятью заповедями? Здесь ищу я закона ревности, и сие искание нет нужды простираť далее первой заповеди: *Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии* — слышите ли вы в сих словах вместе с заповеديو веры и любви заповедь ревности? Вслушайтесь разборчиво. Когда небесный Законодатель провозглашает Себя *Господом* и *Богом*, Он возвещает Свою власть и требует нашей покорности; возвещает Свое величие и поставляет нас в благоговение пред Ним. Когда же *не стыдится*, как выражается в сем самом предмете апостол (Евр. 11:16), *нарицаться* Господом и *Богом* нашим, что являет Он нам в Себе, как не любовь, и что возбуждает в нас к Себе, как не любовь? Ибо что может быть полнее любовью от лица говорящего, что любезнее для слышащего, как сказать, как услышать говорящего: *Я есмь твой*. Итак, вот заповедь любви. Но что далее? *Да не будут тебе бози инии, разве Мене*. Что сие значит, как не то, что Бог, постановив между Собою и человеком союз любви, желает укрепить его и возвысить до такого совершенства, чтобы любовь сия исключала всякую другую любовь, которая с нею не согласна и ей не подчинена, или, что то же, открывает Свою ревность и ревность нам заповедует? Итак, вот заповедь ревности. Изъяснение сие не вымыслено, а дано Самим Творцом закона в продолжении десятословия: *Аз бо есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель* (Исх. 20:5).

Из сего нетрудно усмотреть как то, что обязанность быть ревностным по Боге и по вере в Него лежит на каждом челове-

ке, так и то, что обязанность сия простирается на все времена и случаи: поелику заповедь ревности неразрывно связана Высочайшим Законоположником с заповедию любви к Богу, которая никогда никакому исключению подвержена быть не может.

Но дабы ближе в самом действии усмотреть, как далеко может и должна простираться святая ревность, вопрошаю: должно ли быть ревнительну по таком богослужении, которое хотя и было правильное и Богом установленное, но, по Его же судьбам, уже начало терять свое достоинство и значение и вскоре совершенно должно быть разрушено? Как многие души, не воспламененные Божественным огнем, подумали бы, что они, не нарушая своих обязанностей, с хладным равнодушием смотреть могут на какое бы то ни было уничтожение такого богослужения! Не подумают ли некоторые, что в таком случае ревность была бы даже неуместна и нерассудительна, усиливаясь подкрепить то, что непременно должно быть разрушено? Примечайте же здесь, как много может обмануть нас мнимое благоразумие, лишенное живого чувствования сердечного, или, лучше сказать, нерадение, прикрытое видом благоразумия. Не так мыслил, не так поступал Тот, Который есть самая Премудрость и вместе самая Любовь, и потому чистейший образец ревности. Иерусалимское богослужение, состоявшее из теней и гаданий, должно было прекратиться, когда явился Иисус Христос, Свет теней и разрешение гаданий; и самому храму вскоре надлежало быть предану язычникам для конечного разрушения. Но что в сие время чувствовал, что сказал, что сделал Иисус Христос, когда увидел во храме недостойное храма? Он чувствовал то, что изображено у пророка: *Ревность по дому Твоем снедает Меня. Не творите, — говорил Он, — дома Отца Моего домом торговли. И самым делом изгнал продающих из храма* (Ин. 2:14—17).

Видите, христиане, пример святой ревности в таком случае, по которому должно заключить, что и каждому из нас не будет недостатка в случаях к подвигам ревности. И сей образ ревности показан точно всем, ибо Иисус Христос поступил в сем случае, не яко принадлежащий храму, по особенной к нему

обязанности, поелику известно, что Он никогда не поставлял Себя в такое положение, но во всех случаях для исполнения обязанностей установленного богослужения, даже очудодетствованных Им, отсылал к священникам; Он действовал здесь по свободной, всеобщей ревности.

Итак, христианин, если ты веруешь и желаешь быть верен твоей вере, то надлежит тебе быть и ревнителем по вере. Не отрицайся от сего тем, что ты не видишь врагов веры и не встречаешь предметов ревности. Иисус Христос нашел предмет ревности в самом храме истинного Бога.

Встречается и в истинной Церкви христианской то, что ревностного христианина снедает ревностию.

Можно ли равнодушно видеть многих из чад веры, живущих в таком неведении о том, во что они веруют, что им точно можно сказать сказанное самарянам: *Вы кланяетесь, Егоже не весте?* (Ин. 4:22). Если Бог даровал тебе истинный свет веры и разумение тайны Христовы, то возревнуй по таковых со апостолом *Божиею ревностию* (2 Кор. 11:2) и болезнью спасительною болезнию, *дондеже вообразится в них Христос* (Гал. 4:19).

Не встречаем ли христиан, которые право так именовать себя основывают токмо на исполнении некоторых наружных, по легкости предпочтительно восприемлемых обязанностей без внутреннего исправления сердца, без очищения совести, без возвышения духа к общению с Богом? Если ты христианин не по одному имени, но по духу и силе, скажи хотя одному из таковых, кому можешь: почто ты, христианин сый, иудейски или даже язычески живешь?

Трудно было бы окончить, если бы мы захотели продолжать исчисление подобных случаев к святой ревности, которые внимательный христианин ежедневно может встречать, обращаясь с подобными себе христианами. Но еще не далеко ли мы оных ищем, когда ищем далее самих себя?

Обратись, христианин, в собственную твою храмину, войди в себя самого: не найдешь ли и здесь того, что должно снедать тебя ревностию?

Если ум *прилагается в научения странна и различна* (Евр. 13:9) и не хочет отдать себя в свободный плен и блаженное послушание вере, то не нужна ли тебе против тебя самого ревность святых отцов, которые силою веры *низлагали взимавшиеся на разум Божий возношения* (2 Кор. 10:5) гордого разума ересеначальников?

Если корысть или суета наполняет сердце твое предметами мира и оно занимается ими более, нежели Богом, для Которого сотворено, то не нужна ли тебе против тебя самого ревность Моисея и Илии, обличавших и истреблявших идолослужение?

Если чувства твои отверсты к удовольствиям растлевающим и оскверняющим душу, то не нужна ли тебе против тебя самого ревность Финееса, дабы, если можно, решительным ударом *умертвить уды суция на земли, страсть и похоть злую* (Кол. 3:5)?

Ревнуя, поревнуй по Господе Боже твоём (3 Цар. 19:10). Не одному Финеесу ревность принесла завет священства вечного. И нам, если будем чистыми и неизменными ревнителями и поборниками по Царствию Божию в нас и в ближних наших, сия ревность принесет обет, или лучше — самое исполнение обета, да *сотворит нас Христос цари и иереи Богу Отцу Своему. Тому слава и держава во веки веков* (Апок. 1:6). Аминь.

Слово на память преподобного Сергия, Радонежского чудотворца

*Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой
лавре 25 сентября 1844 года*

*Ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов.
(2 Тим. 2:3)*

Часто слышим здесь песнопение, в котором Церковь, восхваляя преподобного Сергия как «подвижника добродетелей», с сим вместе именует его «истинным воином Христа Бога» и

в изъяснение сего присовокупляет, что он «на страсти подвижался», — страстям и вожделениям противоборствовал и побеждал их силою ума, помощью Божиею, оружием, духовной брани свойственными.

С каким расположением должны мы слушать похвалу **истинному воину Христа Бога?** Так ли, как нередко похвалы воинам и победителям слушают люди, не бывшие и не думающие быть ни победителями, ни воинами? Или как нововступившие и вступающие в воинство внимают славе много подвизавшихся воинов и победителей, чтобы перенимать их искусство, чтобы возбуждать свою ревность к бранным подвигам?

Святая Церковь, провозглашая подвиги и добродетели святых, обыкновенно не о том заботится, чтобы к их небесной славе присовокупить не нужную для них, ничтожную земную славу, а о том, чтоб нас обучать подвигам и поощрять к добродетелям. Чему же научает нас и чего требует от нас показуемый образ истинного воина Христова?

Хвалебное представление святого мужа в образе воина Христова заимствовано, без сомнения, от святого апостола Павла, который в Послании к Тимофею пишет: *Ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов.*

Тимофей, которому дано сие наставление, или заповедь, чтобы злопострадать, как надлежит доброму воину Иисусу Христову, был один из учеников святого Павла, заслуживавший особенное у него доверие и получивший от него в управление Церковь ефесскую. Из сего можем заключить, что наставление сие достойно приятия и для людей преимущественного достоинства. Но не должно думать, что сие относилось исключительно к одному лицу, к которому писано, или только к званию, в котором сие лицо находилось. Нет, сие более или менее относится и к каждому христианину. В сем удостовериться можно другим изречением того же апостола к тому же Тимофею в другом послании. *Да воинствуеши...* — пишет он, — *доброе воинство, имея веру и благую совесть* (1 Тим. 1:18—19). Не каждый ли христианин должен иметь веру и благую совесть? Но как сие относит апостол к доброму воинствованию, то ясно,

что и к доброму воинствованию обязывается каждый христианин, а следственно — и к злострданию, какого требует святой Павел от доброго воина Иисус Христов.

Для большего в сем удостоверения приведем еще учение того же апостола, которого он уже не чрез пример одного лица, но прямо ко всем христианам простирает. *«Примите, — говорит, — вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и, вся содеявшее, стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною и оболкшися в броня правды, и обувшие нозе во уготование благовествования мира: над всеми же восприимши щит веры, в немже возможете вся стрелы лукавого разжженныя угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий»* (Еф. 6:13—17). Видите, что всех нас записал апостол в воинскую службу Христову и всем раздает оружие по роду сей службы.

Посмотрим несколько ближе на сии оружия, которые апостол называет *Божими*, потому что не человеческим искусством и силою они устроятся, но благодатию Божиею нам даруются.

Воин *препоясует*ся, чтобы связать одежду, скрепить тело и тем крепче и свободнее действовать. Вашим препоясанием должна быть *истина*. Познавайте истину, держитесь истины, связуйте истиною ваши мысли, склонности, желания. В сем препоясании вы можете духовно действовать крепко и свободно, не расслабевая — лению, не претыкаясь — соблазном, не колеблясь — лжеучениями и не падая — в грех и в порок.

Воин облачается в *броню*, чтобы оружие врага не могло ранить его, хотя бы и приразилось к нему. Вашею броней да будет *правда*, честность, добродетель. Правая совесть сохранит вас внутренне невредимыми, хотя бы внешне и приразилась к вам клевета или несправедливость.

Воин, *обуываясь*, становится готовым невредимою ногою идти против врага. Вам, вместо обуения, да будет *готовность* идти не для того, чтобы нападать и поражать, ибо не в сем состоит ваше воинствование, но чтобы *благовествовать мир* — мир Христов, побеждающий всякую вражду и брань.

Воин берет *щит*, чтобы не допускать до своего тела стрел врага. И в вас невидимый враг направляет стрелы, острые и уязвляющие, разжженные и палящие, — то более невидимые стрелы богоборных мудрований и сомнений, воспламеняющихся страстей и вожделений, то более видимые стрелы наветов, поношений и самых гонений от врагов истины и добродетели, но если сердце ваше покрыто *щитом веры*, то и острые стрелы не пронзят его, и палящие, не повредив, угаснут.

Воин *шлемом* охраняет голову от ран, особенно в сей части тела опасных. Охраняйте и вы ваш ум *шлемом спасения*, или, как полнее изъяснился апостол в другом послании, *шлемом упования спасения* (1 Сол. 5:8). Какие бы ни встретились с вами трудности или опасности, упование на Бога не должно допустить до души вашей духа уныния, за которым могло бы последовать и смертоносное отчаяние.

Воин, поражая врага *мечем*, приводит в бездействие и его силу, и силу оружия его. Так и еще более победоносно действует *меч духовный*, который есть *слово Божие*. Сим оружием сам Началовождь наш Господь Иисус выдержал образцовое для нас сражение и одержал благотворную для нас победу над начальником зла. *Писано есть*, — говорил Он, — *не о хлебе едином жив будет человек. — Писано есть: не искусиши Господа Бога твоего. — Писано есть: Господу Богу твоему поклонишия, и Тому единому послужиши* (Мф. 4:4, 7, 10). И троекратно мечом духовным пронзенный враг в изнеможении оставил место сражения. Вооружайся и ты, христианин, мечом духовным, глаголом Божиим, держи его в твоей памяти и в твоём сердце, обучи себя обращать его острие против всякого глагола беззакония; и никакое зло не будет для тебя непобедимо, никакая сила врага страшна, никакая хитрость его не проникаема, и все оружия его сокрушатся и упразднятся.

Но возвратимся к заповеди наставника Христовых воинов, которая подала нам случай обозреть их оружие.

Злопостражди, — говорит, — *яко добр воин Иисус Христов*. Что значит: злопостражди? Значит ли: заставляй сам себя страдать, как то делают некоторые в избытке ревности

бичеванием или другим неестественным изнурением и даже искажением тела? Но известно, что апостол не одобрял *непощадения тела* (Кол. 2:23). Значит ли: сделайся мучеником? Но сего нельзя решительно предписывать, как не состоящего во власти воина Христова.

Мысль, заключенную апостолом в слове *злопостражди*, должна изъяснить его уподобительная мысль *о воине*. Чем отличается звание воинов и приобретает преимущественное пред другими званиями право на уважение и почести? Особенными трудами, лишениями, подвигами, соединенными с готовностью пожертвовать жизнью за исполнение своего долга. Подобное сему в воине Христовом апостол называет *злостраданием*.

Среди покоя других воин бодрствует на страже. Он жертвует своим покоем, чтобы охранить безопасность, чтобы замышляемому врагом нападению не уступить нечаянности, которая во много крат увеличила бы опасность. Надобно и тебе, Христов воин, с трудом бодрствовать на страже твоей веры и благой совести, на страже твоего и других спасения. Предавшись дремоте беспечности и мечтам чувственности, падали даже избранные подвижники веры и добродетели, внезапно уязвленные стрелами лукавого. Надобно тебе постоянно иметь в мыслях и в действии повеления твоего Началовождя: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26:41).

Воин то в трудных походах, то в продолжительных сражениях должен переносить холод, непогоду, зной, голод, жажду, утомление, боль и все сие побеждать силою духа, без чего не совершить бы ему подвига и не победить бы врага. Подобно сему и христианин должен уметь переносить трудности, лишения, скорби, чтобы совершить духовные подвиги, чтобы приобретать победы над страстями. Глад и жажду чувственных желаний он должен не столько удовлетворять, сколько преодолевать и умерщвлять. Он должен отвергать удовольствия, которые развлекают и ослабляют дух, и еще решительнее те, которые оскорбляют нравственное чувство и совесть. Он должен охотно переносить скорби, начиная от

скорби покаяния, чтобы превозмогать искушения, чтобы приобретать добродетели.

Только совершенная готовность пожертвовать жизнью за Царя своего делает воина бесстрашным и непоколебимым в бранном подвиге, способным к победе, достойным венца, только совершенная готовность пожертвовать всем, когда нужно, и самую жизнь за Царя-Христа, за сохранение веры в него, за соблюдение заповедей его делает христианина *добрым воином Иисус Христовым*, способным неколебимо стоять против врагов видимых и невидимых, победить все сопротивное, достигнуть венца нетленного. Сие значат слова Христовы: *Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10:39).

Если бы кто стал жаловаться, что правила христианского самопожертвования строги и тяжки, то, продолжая следовать уподобительному рассуждению апостола, я сказал бы ему: как же не тяготятся руководствоваться подобными правилами самопожертвования воины царя земного? Прекрасно и приятно всем пожертвовать Царю и Отечеству, но менее ли достойны жертвований наших небесный Царь и Небесное Отечество? Напротив того, и самопожертвование ради царя земного ничем лучше не облегчается и не поддерживается, как самопожертвованием ради Царя Небесного, имеющим непреложное обетование жизни вечной и венца бессмертного. *Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*.

Если правила самопожертвования для веры и добродетели тяжки, изобретите мне другие — легкие, дайте мне нетрудную добродетель, и я вам отдам на суд ее достоинство. Если воин не переносил трудностей брани, если не стоял в сражении глаз против глаза со смертью, станете ли вы хвалить его твердость и мужество? Если христианин не стоял против искушений с готовностью все претерпеть, чтобы только не изменить своему званию, как припишете вы ему сильную и высокую христианскую добродетель? Кто не переносил скорбей и бед, у того как найдете вы терпение?

Итак, уразумеем, что трудности, лишения, самопожертвование составляют преимущество и некоторую потребность

добродетели, частью для того, чтобы она могла иметь достоинство, возвышенность, право на чести и награду, частью даже для того, чтобы могла существовать. Так, без сомнения, мыслил апостол и о вере, когда особенным явлением спасения в некоторых христианах признавал то, что им даровался, *еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Флп. 1:29).

Братия! Дар совершенно пострадать и умереть за Христа и Его веру есть дар высокий для высоких душ. Поревнуем, чтобы хотя низшие степени сего дара не были нам чужды! Когда нам предлежит подвиг веры, дело правды, но для сего надобно употребить трудные усилия, или понести лишения, или подвергнуться опасности пререканий от людей холодных к вере, преследования от враждебных правде: не поколеблемся избрать трудную возвышенность духа предпочтительно пред нетрудной низостию. Возбудим себя увещанием апостольским: *Ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов*. С пожертвованием собственного покоя, выгоды, удовольствия, безопасности совершив подвиг веры, правды, добродетели — и он верно соблюдет нам венец правды, его же воздаст Господь, праведный Судия, всем возлюбльшим Его! Аминь.

Беседа о благодарности к Богу

Говорено в 1842 году

*Молим, не вотице благодать Божию прияти вам.
(2 Кор. 6:1)*

Апостол Павел, указав Коринфским ученикам своим на величайшее из благодеяний Божиих человеческому роду — на избавление от области греха чрез нисхождение в оную Единородного Сына Божия, дабы злотворную и смертоносную силу греха разрушить всепроникающей и всепобеждающей, животворной и благотворной силой Божией: *неведевшего бо греха по нас грех*, то есть жертву за грех, *сотвори Бог Отец, да мы будем*

правда Божия о Нем, — указав, говорю, на сие величайшее из благодеяний Божиих, святой апостол тотчас присовокупляет увещание, которому, по любви к увещаемым и по сильно-му желанию, чтобы оное было принято, дает вид просьбы: *Молим, не вотще благодать Божию прияти вам*.

Указанной апостолом благодати Божией не все ли мы участники, братья христиане? Посему долг имеем и мы повторить вам слово апостольское: *Молим, не вотще благодать Божию прияти вам*. Просим вас, чтобы благодеяния, которые получили и получаете вы от Бога, получаемы были не напрасно. Окажите себя верными Его благодати, достойными Его благодеяний. Изъяснимся о сем несколько подробнее.

Человек живет непрерывными благодеяниями Божиими, он весь составлен из даров и благодеяний Божиих, он погружен в благодеяниях Божиих, как в бездне.

Бытие и жизнь человека, в своем начале, есть свободное даяние Творца — дар, которого никто не мог у Него вынудить, никто не имел права истребовать, следовательно, и продолжение бытия и жизни есть непрерывное продолжение того же даяния Божия. Жизнь временная есть ежеминутное благодеяние Божие. Бессмертие человека есть бессмертное, бесконечное благодеяние Божие.

Разберем состав наш. Душа, основание жизни, есть дыхание Бога Творца. Тело, жилище и орудие души, — дело рук Божиих. Ум, без которого не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость; сердце, без которого не было бы для тебя ни блага, ни блаженства; чувства, без которых вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна, — все сие не также ли Божие дело, Божии дары тебе — ничтожеству? Точно, ты весь составлен из даров и благодеяний Божиих.

Осмотримся во вселенной. Кто положил под нами землю, которая нас держит над бездной, дает нам жилище, одежду, пищу? Кто пролил на земле воду, которая нас поит и омывает? Кто засветил в небесах светила, которые дают нам возможность видеть вселенную с ее чудесами, которые из мертвой земли вызывают для нас жизнь, красоту, благоухание, сладость, пищу,

лекарство и которые нашу собственную земную жизнь питают тонкой, но не менее земной существенной пищей? Чей это воздух, которым мы дышим? Кто учредил нам день, который возбуждает нас к деятельности, и ночь, которая благоприятствует нашему покою? Кто дал злаку благодетельный для нас закон — сверх небольшого числа семян, нужного для продолжения рода, производить преизбыточествующее множество на хлеб нам? Кто заповедал дереву, сверх нужного ему семенного зерна, приносить плод, нам, а не ему надобный? Кто велел гордому коню смиряться под нашей тяжестью и смиренной овце, даже малому червю — прясть из своего тела нашу одежду? Кто на случай скупости солнца приготовил нам сокровища света и огня в кремне и стали, в дереве и масле? Не все ли сие и прочее неисчислимое — Божие устройство, Божия собственность и, когда предоставлено в пользу нашу, Божие нам благодеяние? Точно, мы погружены в благодеяниях Божиих, как в бездне.

Может быть, невнимательный к благодеяниям Божиим скажет: я пользуюсь тем, что в моей и в окружающей меня природе, посредством собственных моих усилий либо при содействии других людей, обработал, изыскал, произвел, приобрел. Таковому отвечаем с апостолом: *Ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Бог* (1 Кор. 3:7). Сие обличение ничтожности человеческих действий в сравнении с благотворным содействием Божиим столько же справедливо буквально, в отношении к обрабатыванию видимой природы, сколько иносказательно — в отношении к образованию духовного естества в человеке. Ты провел грубую борозду или вырыл яму, бросил зерно или посадил корень и, может быть, еще брызнул водой, если это в небольшом саду. Какие ограниченные, мертвые, ничтожные дела! Но что делает между тем Небесный Земледелец? В зерне или корне Он уже приготовил неприметно, и тем более удивительно, все будущее растение и весь плод, которого ты алчешь, в земле, в которую ты бросаешь семя, как в могилу. Он также приготовил для него матернюю утробу, далее, Он повелевает солнцу Своему сквозь темные и холодные глыбы, пробиваться светом и теплотой и

извлекать из погребенного семени росток, из ростка стебель, из стебля цвет и плод. Для споспешествования сему Он опять посылает поочередно теплоту и холод, влажность и сухость, дожди и росы, ветры и тишину. И, конечно, не насаждающий и напояющий человек, но возражающий Бог из одних и тех же — земли, воды, воздуха, света — производит в пшеничном колосе хлеб, а в виноградной ягоде — вино. Мы замечаем наши ничтожные дела по тому самому, что они ограничены и малы, потому что начинаем их и оканчиваем, усиливаемся для них и устаем от них и, напротив, не замечаем иногда благодеяний Божиих по тому самому, что они велики, потому что готовы без усилий, повсеместны, всегдашни. Надобно иногда временное и местное отъятие благотворной руки Божией, чтобы люди справедливее оценили благодеяние Божие, которым долго без внимания пользовались. Голод изъясняет Божие благодеяние хлеба, тлетворное поветрие — благодеяние воздуха, засуха — благодеяние дождя, безведрие — благодеяние солнца, сияние которого не дорого потому, что всеблагой Бог каждый день сияет им на злых и благих.

При рассмотрении человеческих обществ мысль о благодеющей руке Божией затеняется нередко мыслью о свободной воле человеческой. Но Бог, благодетельный Творец мира и человека, может ли не быть также благодетельным Творцом общества человеческого? Ибо независимое от Него и неуправляемое Им общество человеческое препятствовало бы Ему исполнять благодетельные намерения о мире и человеке, ограничивало бы Бога, что противоречит коренному понятию о Божестве.

Никто, признающий Бога Творца и Промыслителя, не станет спорить, что общество пчел или муравьев есть устройство Божие в природе, потому что никакие избранные члены улья не составляли для него постановления общественного и никакой философ муравейника не вымышлял басни общественно-го договора. Что ж? Общество человеков менее ли достойно быть устройством премудрого Бога и всегдашним предметом Его благодетельного управления? Существует над человека-

ми человеческое правление — и сие нимало не противоречит тому, что каждый из них имеет, по естеству, свободную волю. Равным образом существование сей свободы нимало не противоречит существованию верховного правления Божия и над родом человеческим; и над семейством, и над государством. Сие правление Божие не бездейственно от того, что невидимо, и средствами достигать своих целей оно, без сомнения, богаче всякого правления человеческого. Как же скоро верим, что мы и в общественном, так же как в естественном состоянии находимся под всеблагим и премудрым управлением Божиим, то все доброе и благотворное в общежитии — добрые родители, благоразумные воспитатели, просвещенные наставники, правдивые судьи, попечительные начальники, и наипаче мудрый и благодетельный государь и его благословенные успехи в благих для государства намерениях, победа над врагом, уничтожение крамол, достижение, сохранение, утверждение мира, возвышение или ограждение общественного внутреннего благоустройства, — все сие умножает никогда несключаемый счет даров и благодеяний Царя царствующих, Господа господствующих, Отца, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3:15). *Милости Твоя, Господи, во век воспою* (Пс. 88:2), вызывает псалмопевец, и воспевает завет Божий Давиду как царю и родоначальнику, благотворный для царства и народа, и молит о возобновлении сих *древних милостей* Господних. Если кто думает при сем, что это было у иудеев, то я говорю с апостолом: *Или иудеев Бог токмо, а не и языков? ей, и языков* (Рим. 3:29). Неужели Бог есть Бог царственно благодетельный только для иудеев? Право, и для христиан, право, и для россиян.

Сколь, впрочем, ни многи и велики благодеяния Божии человеку в жизни естественной и гражданской, но преимущественно велики, важны, неисчислимы, неописанны благодеяния Божии, относящиеся к жизни человека духовной и вечной. Первые два рода благодеяний можно почтить только предуготовительными и споспешествующими для последнего. Там даруется ничтожеству бытие и бытию благоустройство,

здесь подается грешнику непорочность, осужденному — прощение, духовно умершему — жизнь, погибшему — спасение и блаженство. Там сотворенное уготовляется и употребляется в пользу сотворенного, здесь Творец Сам приходит на помощь твари, служит ей, предает ей Самого Себя, Сын Божий не щадится, но за нас всех предается, плоть и кровь Богочеловека предлагается как пища и питье, как врачевство, как источник жизни, сердце Божие отверзается, любовь Божия изливается в сердца наши, Дух Святой подается, обители многи на небесах земнородным отверзаются, и в сердце человека обитель Божия сотворяется. Кто понимает, что душа человеческая может истинно жить только Богом, подобно как тело живет душой, но что Бог не может жить в душе нечистой; кто имеет довольно самопознания, чтобы примечать, как несчастно и как почти неизбежно обман змия и прельщение Евы повторяются в нас гордостью разума и похотью плоти, как всякое несправедливое дело, даже всякое нечистое желание и лукавый помысл изгоняют душу из рая мирной совести, как, наконец, недостаточны одни собственные усилия, чтобы возникнуть из ада совести раздраженной, — тот может несколько понимать, как велико благодеяние благодатного искупления, очищения и прощения, как дивно также благодеяние сохранения человека в состоянии благодатном. Кто же касается до высших даров благодати: просвещения, освящения, соединения с Богом, — о сем и познавший прочие благодеяния Божии так мало может сказать, как видевший только мелкую милостыню, подаваемую нищим на крыльце, не может сказать о том, как щедрые, драгоценные, сладкие дары во внутренности чертогов раздает Царь своим приближенным, домовладыка — друзьям своим, исполненный любви отец — своим присным чадам.

Останавливаюсь в изложении благодеяний Божиих не потому, чтобы уже довольно сказал, но потому, что никогда нельзя сказать довольно. Останавливаюсь и слушаю, что мне ответствует ваша совесть, что говорит ваше сердце?

Есть ли какое особенное отношение человека к Богу Благодетелю? Требуется ли какое соответствие благодеяниям Его?

Или совсем никакого нет и не нужно? Не думаю, чтобы кто решился сказать сие последнее. И если бы нашелся таковой, то я усомнился бы, сердце ли у него в груди, а не твердый ли и холодный камень, либо какая-нибудь губка, жадно пьющая чужую влагу, без жажды, без вкуса и без насыщения; и разум ли у него в голове, или нечто худшее скотского инстинкта, потому что *позна вол стяжавшаго его, и осел ясли господина своего* (Ис. 1:3) — бессловесные познают человека по благодеяниям и оказывают им соответствие.

Но если должно быть соответствие благодеяниям Божиим со стороны человека, то в чем оно состоять может? Заслуга, просьба, благодарность: вот три возможные соответствия благодеяниям. Заслуга возможна между людьми, из которых один имеет нужду в услугах другого, а другой может усердно представить первому свои услуги. Но самодостаточный Бог ни в чем не имеет нужды, и человек не имеет ничего представить Богу, что не было бы от Бога же полученным благодеянием, следовательно, здесь нет места заслуге. Просить от Бога благодеяний можно, и хорошо, если человек сие делает с доверием и со смирением. Но большая часть благодеяний Божиих бывает прежде нашего прошения, лучше нашего прошения и выше нашего понятия. Нельзя просить того, что уже сделано, нельзя просить того, чего нет и в мысли. Посему остается самым употребительным способом соответствия благодеяниям Божиим — благодарность, истинная, как истинны благодеяния Божий, деятельная, как деятельно благоденствует нам Бог.

И посему молим, *не вотще благодать Божию прияти вам*. Окажите себя верными благодати Божией в сердце, достойными благодати Его на самом деле. Сотворил ли с тобой Господь знамение во благо избавлением от беды или опасности, памятуя бывшее, положишься на Господа в будущем, употребляя во благо настоящее. Простирает ли тебе Бог благодеющую руку в земных благах, прости благодарную твою руку на помощь нуждающемуся ближнему. Является ли над нами благодеющий промысл Божий в добром Государе, в правлении, споспешествующем тихому и безмолвному житию, —

вознесем нашу благодарность к Царю царствующих в радостных славословиях и в усердной молитве за помазанника Его и явим плоды благодарности в ревностном исполнении всякой верноподданнической обязанности.

Обретаешь ли ты в сердце твоём дар благодати Божией — прощение грехов, мир совести, радость спасения — благодаря Бога твердой и непрестанно возобновляемой решимостью убегать от грехов, глубоким внутренним вниманием к сохранению мира совести, скромным, но не ленивым споспешествованием спасению ближних.

Почтил ли кого небесный Подвигоположник отличием креста, подвигами искушений, скорби, страданий, да помышляет и сей, что и наказание от всеблаготворного Отца есть благодеяние, и даже избранный дар *на пользу, да причастимся святости Его* (Евр. 12:10), и потому да учится не только не роптать, не малодушествовать, не сетовать, но и благословлять имя Господне с Иовом, или благодарственно взывать с псалмопевцем: *Благо мне, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118:71).

О всем благодарите: *Сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5:18). Аминь.

Слово в день Собора святого Архистратига Михаила

Говорено в Московском Архангельском соборе в 1821 году

*Не вси ли суть служебнии дуси, в служение
посылаеми за хотящих наследовати спасение?
(Евр. 1:14)*

Торжественно собрался ныне собор земной воздать честь Собору небесному, собрался собор человеков воспеть хвалы Собору ангелов. Для чего? Не все ли они, говорит апостол, изъясняя высокое превосходство Сына Божия пред ангелами, не все ли они *суть служебные духи*? Для чего же Церковь, которая часто изъявляет желание вместе с ангелами служить Богу

и славословить Его благость, теперь, так сказать, остается позади их и совершает род служения в честь их самих? Сие тем более требует исследования, что и древний закон, *вчиненный Ангелами* (Гал. 3:19), не представляет никакого торжественного установления в честь ангелов.

Самое обыкновенное основание священных установлений — говоря сие, мы не колеблем других оснований, глубоких и таинственных — самое, говорю, обыкновенное основание церковных установлений есть благочестивое напоминание. *Помни день субботний* (Исх. 20:8), — говорит заповедь. *Будет вам день сей в память* (Исх. 12:14), — говорит закон Пасхи. *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22:19), — говорит Сам Иисус Христос, устанавливая таинство Тела и Крови Своей. На сем основании древний закон не мог основать особенного церковного установления в честь святых ангелов в такие времена, когда человеки наклонны были воздавать служебным силам честь Божескую и когда всего более нужно было напоминать о подобающем служении Единому Богу. Ныне, под законом Христовым, совсем иные времена. Единство Божие, как солнце, озаряет умы, но как звезды не приметны при солнце, так при занятии любомудрствующего ума одной великой мыслью о Свете несотворенном некоторые не примечают светов сотворенных, малых, конечно, перед оным, впрочем, чистых и благодетельных, не примечают **служебных духов, посылаемых от Бога в служение для тех, которые должны наследовать спасение**, а не примечая их, устраниются от их благодетельного сообщества и помощи. Для таких времен прозорливо и премудро установила Церковь торжествовать в честь Собора Небесных Сил, дабы мы, немощные земнородные, получали назидательное напоминание о сих споспешниках нашего спасения.

Удивительно, что забвение о Небесных Силах в некоторых из христиан простирается до того, что сомневаются даже о существовании невидимого мира. Если бы не имели мы о сем свидетельства в книге Откровения, мы могли бы найти оное в книге природы. На всем видимом написано свидетель-

ство о невидимом. Апостол Павел говорит, что *невидимое Божие, Его присносущная сила и Божество, от создания мира, чрез рассматривание тварей, есть видимо* (Рим. 1:20), но как не все видимое может отнесено быть непосредственно к невидимой силе Божией, то на основании апостольского изречения можно видеть мир невидимый, сквозь мир переходящих образов — мир постоянных сил, посредством которых вседетельная сила Божия держит, *носит* (Евр. 1:3), движет, управляет и сохраняет все видимое. Посмотрите на дерево или траву, то, что вы видите, может только увянуть, засохнуть и разрушиться, а то, что производит зелень, рост, цвет и плод, не ость ли невидимое? Оглянитесь на самих себя, то, что в вас чувствует, желает, мыслит, не есть ли невидимое? Приметьте подобную лестнице постепенность тварей, которые постольку совершеннее одна другой, поскольку более открывается в них действие невидимого. Начните от земли и камня, в которых невидимое совершенно погребено, взойдите по лестнице видимых тварей до человека, в котором невидимое может уже господствовать, не естественно ли над сей степенью предполагать твари, в которых видимое совершенно поглощено — существа чисто невидимые, духовные?

Правда, в нынешнем омраченном состоянии человека и мира, сквозь письмена видимых вещей тускло мелькает свет мира невидимого. Но зато в книге Откровения очищенное верой око ясно усматривает не только существование мира невидимого, но и его близость, и тесный союз его с видимым. Там Херувим стережет путь древа жизни (Быт. 3:24); здесь ангел утешает отчаянную Агарь (Быт. 16:7—12); в другом месте ангелы вместе с Господом гостят у Авраама (Быт. 18); ангелы спасают Лота из погибающего Содомы (Быт. 19); ангел сохраняет жизнь умирающему от жажды Измаилу (Быт. 21:17—19); ангел и, может быть, более нежели ангел по существу, однако же ангел по явлению и по наименованию в священном бытописании — удерживает руку Авраама, вознесенную на заклание Исаака, и осыпает его благословениями (Быт. 22:15, 17); ангела обещает Авраам в руководство

рабу своему (Быт. 24:7), и сей раб дивно руководствуется в обретении Ревекки. Иаков то спящий во множестве видит ангелов, по лестнице восходящих на небо и нисходящих на землю (Быт. 28:22), то бдящий встречается с полками ангелов (Быт. 32:1). Ангел является Моисею в горящей купине (Исх. 3:2) для приготовления его к изведению израильтян из Египта. Ангел в столпе огненном и облачном предшествует израильтянам из Египта, заграждает их от преследующих египтян (Исх. 14:19), сопровождает чрез Черное море и сорок лет непрерывно странствует с ними по пустыне. Под *распоряжением Ангелов приемлют* (Деян. 7:53) израильтяне закон Моисеев. *Архистратиг силы Господни* является Иисусу Навину (Нав. 5:14) и распоряжает чудесное завоевание Иерихона. Ангел вместо пророка проповедует израильтянам, и плачущий от его проповеди народ ознаменовывает место его явления именем Плача (Суд. 2:1—6). Ангел призывает Гедео-на к избавлению израильтян от порабощения (Суд. 6:11); ангел двукратно посещает родителей Самсона, предсказывает необыкновенное рождение и научает воздержанием матери охранять плод чрева (Суд. 13). Ангел поражает иерусалимлян за тщеславие Давида (2 Цар. 24:16) и ассириан за гордость Сеннахирима (4 Цар. 19:35); пророк Илия неоднократно в действиях своих руководствует ангелом (3 Цар. 19:5; 4 Цар. 1:15); Елисей показывает отроку своему сонм ангелов, подобный охранительному воинству (4 Цар. 6:17). Исаия видит Серафимов, окружающих Престол Господень, и от одного из них приемлет огненное очищение (Ис. 6); Иезекииль среди отверстых небес созерцает четыре Богоносные животные и одушевленные колеса (Иез. 1); Даниил зрит *тысящи тысящ служащих* Ветхому деньми, *и тмы тем предстоящих Ему* (Дан. 7:10); иногда встречается он ангела хранителя и, может быть, более нежели ангела в разжженной печи (Дан. 3:92); иногда во рве львином (Дан. 6:22); иногда Гавриил *парит* над ним, и *прикасается* к нему, и изъясняет ему видения (Дан. 9:21); иногда в откровениях своих он слышит о *Михаиле, едином от первых старейшин* небесных и *Князе* народа своего (Дан. 10:13, 21).

Захария, кроме того, что видит и слышит ангелов, многократно в себе ощущает *Ангела глаголющего* (Зах. 1:14). О, Господи сил! Какие воистину Соборы Небесных Сил собираешь Ты для земнородных! Как дивно *ополчаешь Ангелов Твоих окрест боящихся Тебе!* (Пс. 33:8). Каким содружеством, каким единством сопрягаешь духи Ангельские и человеческие!

Может быть, некоторые думают, что ангелам покорны были только ветхозаветные времена теней и гаданий, подобно тому, как видимые звезды поставлены для обладания ношью. Посмотрим. Откроем Новый Завет. Се восходит солнце духов, является Царь откровений, Иисус Христос. Что же? Должны ли исчезнуть звезды? Должны ли удалиться служебные духи Света? Или присутствие солнца не уничтожит звезд, а только сделает их менее приметными? Или и в присутствии Царя царственные служители будут учреждать и облегчать доступ к Нему? Но что вопрошать о сем? Сам Царь провозглашает, чему быть надлежит: *Отселе узрите небо отверсто, и Ангелы Божия восходяща и нисходяща к Сыну человеческому* (Ин. 1:51). И действительно, мы видим ангела, возвещающего неплодное зачатие Предтечи (Лк. 1:11), и бессеменное зачатие Спасителя (Лк. 1:26), целое воинство ангелов, воспевающих славу рождения Спасителя (Мф. 1:20), и ангела, устрояющего безопасность Младенца Иисуса от ищущих души Его (Мф. 2:13), ангелов, служащих Иисусу по искушении Его в пустыне (Мф. 4:11), ангелов, усвоенных каждому младенцу, *выну видящих Отца Небеснаго* (Мф. 18:10), более двенадцати легионов Ангелов, готовых ополчиться за Иисуса против иудеев (Мф. 24:33), ангела, явившегося для укрепления Его в гефсиманском подвиге (Лк. 22:43), ангелов, отверзающих гроб Его (Мф. 28:2), возвещающих Его воскресение (Ин. 20:12), ангелов, сопровождающих Его вознесение и возвещающих Его паки пришествие (Деян. 1:10, 11), ангелов, разрешающих узы (Деян. 12:7) и отверзающих темницы для апостолов (Деян. 5:19). Наконец, ангела, только еще возникающему от тьмы язычества Корнилию явившегося для того, чтобы указать ему ход в Церковь христианскую (Деян. 10:3—6).

Христиане! Иисус Христос, по изречению Иоанна Богослова, есть *Святой, истинный, имеяй ключ Давидов, отверзай, и никтоже затворит* (Апок. 3:7). Итак, если Он отверзл небо, кто же смеет затворить его? Или кто смеет сказать, что теперь уже не время видеть ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по воле Сына человеческого? *Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаемы за хотящих наследовати спасение?* Кто же и ныне может утверждать, что они уже без дела и мы без помощи?

Но чем несомненное удостоверяемся мы о близости к нам святых ангелов и о их готовности на помощь нам, тем с большей заботливостью мы должны помыслить о том, отчего в наши дни так мало слышат о сей помощи, а еще менее верят слышанному о том. Или нет при нас ангелов, или мы не примечаем их, или удаляем от себя. Что их нет, то неправда, как мы видели. Следовательно, правда то, что мы или не примечаем их, или даже удаляем от себя.

Как в видимых своих явлениях святые ангелы нередко принимаемы были человеками за подобных человек, так легко случиться может, что и невидимые их действия человек примет за собственные человеческие или обыкновенные естественные действия. Не случается ли, например, что среди недоумения или некоего бездействия ума, вдруг, как молния, просияет чистая, святая и спасительная мысль, что в буруеваемом или холодном сердце мгновенно водворяется тишина или возгорается небесный пламень любви к Богу? Если всякое явление по роду своему свидетельствует о присутствии действующей силы, то сии внутренние явления души нашей не свидетельствуют ли о присутствии Небесных Сил, по человеколюбию бросающих лучи свои в наш ум и искры в наше сердце? Не суть ли это действия ангелов, по изречению пророка Захарии, *глаголющих в нас*? Как достойно сожаления, если мы не примечаем сей ангельской помощи! Ибо, не примечая, не приемлем ее как должно и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не приготавливаем себя к другим подобным посещениям и таким образом даже удаляем от себя хранителей наших.

Если мы, человеки, удаляемся от человеков, которых расположения противны нашим расположениям, если наставник, наконец, отрекается от ученика, не внимлющего наставлениям, или пестун от воспитанника, отвергающего руководство, если самый отец удаляет от себя непокорливого сына, то как не удалиться, наконец, от нас святым ангелам, когда мы не следуем их спасительным внушениям и оставляем бесплодным для нас их служение? Как не удалиться от нас Небесным Силам, когда мы предаемся только земному? Как не удалиться чистым духам, когда мы живем в нечистотах плоти? Как не удалиться ангелам Божиим, когда мы непрестанно имеем в мыслях и в желаниях не Бога и Христа Его, но мир и самих себя?

Чада Церкви! Чада Божии! Будем ходить, яко чада послушания. Не слышим ли, как Матерь ежедневно просит нам у Господа и Отца нашего «Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших»? Не отвергнем блага, о которых она столько для нас подвизается. Презрим земное и приблизимся к небесному. Очистим чувства и узрим сверхчувственное. Изгоним из души нашей плотские желания и суетные помыслы, и тогда посетят ее бесплотные Силы, и поведут нас с собой *от силы в силу*, доколе, наконец, и Сам *явится Господь Бог в Сионе* духа нашего (Пс. 83:8) и *сотворит* в нем Себе *обитель* (Ин. 14:23). Аминь.

Слово в день святителя Алексия

Говорено в Чудове монастыре 20 мая 1825 года

Тече ко гробу, и приник виде ризы едины лежаща.
(Лк. 24:12)

Евангелие, повествуя о воскресении Господа Иисуса, излагает между прочим сии обстоятельства, что камень от гроба Его был отвален ангелом, которого сошествие для сего с неба сопровождается было землетрясением, что жены мироносицы

нашли сей гроб открытым, что Петр и после него Иоанн, посмотрев во гроб, увидели лежащие ризы Господа, то есть плащаницу, которой при погребении обвито было тело Его, сударь, или плат, который был на главе Его, и, вероятно, препоясание, которое было на Нем во время Его распятия. *Петр же встав тече ко гробу, и приник виде ризы едины лежащая.*

Что значит, что евангельское повествование так занимается ризами Господа, которые уже не нужны Воскресшему? Что значит, что и Воскресший оставил и сохранил ризы Свои во гробе, чтобы их видели? Сие значит то, что и ризы Господа должныствовали быть в числе свидетелей Его воскресения. Если скажут иудеи, что тело Господа украдено учениками, если бы самые ученики подумали, как на время думала Магдалина, что тело Господа перенесено кем-то: ризы Его вопиют против клеветников и вразумляют погрешающих. Время ли похищающему тело развивать с него плащаницу и сударь и опять свивать их и укладывать порознь в порядке? Какая нужда переносящему тело погребенное обнажать оное, когда, напротив, и обнаженное одеть надлежало, как для удобнейшего перенесения, так и сообразно с мнением иудеев о прикосновении к мертвым? Таким образом, и безжизненные ризы Господа проповедовали Его воскресение.

И мы, собравшиеся здесь ныне, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гроб открыт вследствие потрясения, которое трудно вообразить сбывшимся без содействия руки ангельской. Ибо деревянный храм, под которым несколько десятилетий скрыт был гроб сей, внезапно пал во время священнослужения, но сим падением никто не поражен, а только подан случай к открытию гроба сего. И что видим мы в открытом гробе сем? Не погрешим, если скажем, что *видим ризы лежащая*, не ризы тела, но самое тело видим, как ризы только, как облачение бессмертного духа, которое он оставил здесь, восходя в жизнь небесную. Видим ризы, лежащие благочинно, не поверженные и не разодранные, то есть видим тело, не подверженное тлению и разрушению, но неувредимо и мирно почивающее.

Что же значит, что подражатель Христу в жизни подражает Ему и по смерти в том, что и гроб свой открытый, и нетленную ризу плоти своей видимую нам представляет? Как безмолвные ризы Господа возвещали Его воскресение, так и безмолвные нетленные останки сего подражателя Христова не как неизвестное возвещают, но как в суете настоящей жизни нередко забываемое, приводят нас на память будущее наше воскресение.

О бессмертии души человеческой и о будущем воскресении самого тела человеческого если бы надлежало говорить к незнающим, то для составления понятия о бессмертии можно было бы обратить внимание на самое существо и естество того, что в человеке живет и что умирает. То, что видим умирающим, есть видимое, грубое тело, а то, что живет в человеке, есть невидимая тонкая сила, которую обыкновенно называем душой. Тело само изъясняет свою смертность, поскольку очевидно на части делится и разрушается. Душа не только не показывает в себе никаких признаков делимости, разрушимости, но являет совершенно противоположное тому свойство в способности рассуждения, которая разделенные понятия о вещах представляет в нераздельном и неслиянном единстве, никак несовместимом со свойствами делимого вещества. Тело еще в продолжении жизни умирает и, конечно, несколько раз, по частям, ежедневно отделяя от себя часть своего вещества мертвую; между тем душа во все продолжение жизни чувствует в себе одно постоянное бытие. Тело участвует в жизни как бы поневоле, будучи приводимо в движение силой души и всегда более или менее тяготя ее своей ленью. Душа и в то время, когда деятельность тела связывается сном или болезнью, продолжает свою, независимую от тела, жизнь и деятельность.

Свидетелями бессмертия души человеческой можно бы поставить лучшую и наибольшую часть рода человеческого и целые народы, от наиболее просвещенных до наименее образованных, так что в сем случае самые заблуждения могут некоторым образом свидетельствовать об истине. Сколь ни чувственные понятия о будущей жизни у последователей Магомета, сколь ни грубы сказания об оной у язычников, сколь

ни поразительна власть духа тьмы и злобы над некоторыми из сих, у которых почитается за добродетель живому отдать себя на сожжение для умершего, — но и в сем превращении и смешении понятий и чувствований, и в сем преобладании скотских и зверских свойств над человеческими, еще, как искра в грудe пепла, не совсем угасла истина — та истина, что после настоящей есть для человека жизнь будущая. Если древние или новые саддукеи сияются отвергать сию истину, то потому только, что она препятствует им быть саддукеями, то есть беспечно наслаждаться чувственными удовольствиями, поскольку мысль о бессмертии требует и смертной жизни, сообразной с будущей бессмертной.

Можно бы для удостоверения о будущей жизни человека заставить говорить даже бессловесную и безжизненную природу. Ибо в целом мире нельзя найти никакого примера, никакого признака, никакого доказательства уничтожения какой бы то ни было ничтожной вещи; нет прошедшего, которое бы не приготавливало к будущему; нет конца, который бы не вел к началу; всякая особенная жизнь, когда сходит в свойственный ей гроб, оставляет в нем только прежнюю, обветшавшую одежду телесности, а сама восходит в великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться в новой, иногда лучшей и совершеннейшей одежде. Солнце заходит, чтобы взойти опять; звезды утром умирают для земного зрителя, а вечером воскресают; времена оканчиваются и начинаются; умирающие звуки воскресают в отголосках; реки погребаются в море и воскресают в источниках; целый мир земных прозябений умирает осенью, а весной оживает; умирает в земле семя, воскресает трава и дерево; умирает пресмыкающийся червь, воскресает крылатая бабочка; жизнь птицы погребается в бездушном яйце и опять из него воскресает. Если твари низших степеней разрушаются для воссоздания, умирают для новой жизни: человек ли, венец земли и зеркало неба, падет во гроб для того только, чтобы рассыпаться в прах, безнадежнее червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще от внешних вещей обратить человека во глубину сердца его и там дать услышать ему предвестие о жи-

ни по смерти. Все живущее на земле, кроме человека, по внушению природы печется только о настоящей жизни, кроме того случая, когда действует предчувствие жизни будущей, как, например, в черве, который устрояет себе шелковый или паутинный гроб в надежде воскреснуть бабочкой: отчего происходит, что человек, даже тогда, когда забывает о собственной будущей жизни, многое делает для так называемого бессмертия в потомстве? Сие стремление человеческого сердца не есть ли отрасль от корня истинного бессмертия — отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? Также всякое сердце человеческое признает, а чем оно благороднее, тем сильнее любит добро и правду, несмотря на то что в настоящей жизни добро и правда очень часто страдают от зла и неправды. Откуда же происходит сие глубокое в естестве человеческом признание достоинства добра и правды, или совесть, если не от глубочайшего, сокровенного ощущения царства добра и правды, которое граничит с настоящей жизнью посредством гроба?

Но, может быть, погрешаю я и в том, что мимоходом говорю сие пред христианами, для которых будущее воскресение не требует никаких исследований и удостоверений, как дело верного, засвидетельствованного и признанного опыта. *Аще бо веруем, — говорит апостол Павел, — яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умерших во Иисусе приведет с Ним* (1 Сол. 4:14). *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15:20). Коли кто, имея сей опыт воскресения, вздумает сам себя затруднять сомнением, как может оно совершиться, когда образ разрушения многих умерших тел, по видимому, не оставляет места для мысли о их возобновлении, тот же апостол уполномочивает меня не только разрешить сие затруднение рассуждением, основанным на естестве известных вещей, но притом изъявить негодование за сомнение, которое и веру оскорбляет, и разуму, его изобретшему, чести не приносит: *безумие, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет: и еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного от прочих: Бог же дает ему тело, якоже восхощет, и коемуждо семени свое тело* (1 Кор. 15:36—38).

Думаю, что не изъяснять или доказывать нужно нам бессмертие, воскресение и жизнь будущего века, но напоминать о сих важных предметах, которые, как можно примечать, многих в продолжение многого времени меньше занимают, нежели самые мелочи.

Апостолы называют себя *свидетелями воскресения* (Деян. 2:32) Христова, хотя должность их была свидетельствовать не о воскресении только, но и о всем учении Его. Так важной почитают они истину воскресения. И подлинно, как скоро утверждена сия истина, то сим самым утверждена истина всего, что творил и чему поучал Господь наш. Но как важна истина воскресения Христова для веры, так истина воскресения нашего важна для жизни. Как скоро утверждена сия истина, то сим самым непоколебимо утверждены все правила жизни святой и богоугодной.

Да ямы и пием, утре бо умрем (1 Кор. 15:32). Сие правило, которое апостол от лица не знающих или не желающих знать воскресения мертвых произнес в поругание им, которое очень годилось бы для нравственной философии бессловесных, если бы они имели преимущество философствовать, в самом деле составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, все законы, если бы удалить от них мысль о будущей жизни. Тогда, не прогневайся, ближний и брат, если и ты сделаешься пищей людей, которые любят ясти и пити, ибо если не стоит труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утре умрем*, то также не стоит труда щадить и жизнь другого, которую завтра без остатка поглотит могила. Так забвение о будущей жизни ведет к забвению всех добродетелей и обязанностей и превращает человека в скота или зверя.

О, человек, непременно бессмертный, хотя бы ты о том не думал, хотя бы и не хотел того! Берегись забывать твое бессмертие, чтобы забвение о бессмертии не сделалось смертоносной отравой и для смертной жизни твоей и чтобы забываемое тобой бессмертие не убило тебя навеки, если оно тебе, не ожидающему его и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утре умрем*, чтобы тем необузданнее устремляться за наслаждениями смертной жизни; говори с надеждой и страхом: *утре умрем на земли и родимся или на небесах, или во аде*. Итак, надобно поспешать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укреплять в себе начало к небесному, а не к адскому рождению.

Что есть начало к небесному рождению? Слово, и дух, и сила воскресшего Христа, Который есть и наше воскресение и жизнь. Принимай сие Божественное семя вечной жизни верой, полагай оное в сердце любовью, углубляй смирением, согревай молитвой и богомыслием, питай или напой слезами умиления, укрепляй подвигами добродетели.

Чтобы истребить в себе плевельные семена жизни адской и жить, наконец, чистой и полной жизнью Воскресшего, умирай всему, кроме Его жизни, то есть не действуй ни в каком качестве, Ему противном, не живи миру и плоти, страстям и похотям, не прилагай сердца к богатству, не возносись гордостью житейской. С Павлом *вменяй вся уметы быти, да Христа приобщаешь*, то есть, *яже верую Иисус Христовою, сущую от Бога правду*, или праведность, *в вере, еже разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его*, дабы *достигнуть в воскресение мертвых* (Флп. 3:8—11). Если так поживешь и умрешь, то и ты, оставив во гробе обветшавшие ризы земные, получишь на небесах новые, убеленные в крови Агнца, и в день брака Его *облечешься в виссон чист и светел: виссон бо оправдания святых есть* (Апок. 19:8). Аминь.

Слово по освящении храма
Явления Божией Матери преподобному Сергию,
устроенного над мощами преподобного Михея
в Свято-Троицкой Сергиевой лавре
Говорено 27 сентября 1842 года

Благодатью всесвятого и всеосвящающего Духа совершилось ныне священное обновление сего храма, созданного

прежде нас в честь и память явления Пресвятой Владычицы нашей Богородицы преподобному и Богоносному отцу нашему Сергию, чему очевидным свидетелем был и преподобный Михей, во благоухании святыни здесь почивающий. Праведно было память сего благодатного события почтить освященным храмом, хотя, впрочем, и вся обитель сия есть памятник сего чудного посещения, потому что вся судьба ее в продолжение веков есть исполнение обетования Небесной Посетительницы: «Неотступна буду от места сего».

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временам и предметам, которые ознаменованы памятником, то прости мне, великая лавра Сергиева, мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обители святыни, свидетелей праотеческого и современнического благочестия, люблю чин твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых. С уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия, знаю, что и лавра Сергиева, и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть Божией благодатью, которая обитала в преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его мощах, в его лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом лаврой. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всюнощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вдохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами

святых и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мне еще другие сени другой келлии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергей, и в награду за труд дня и за глад нескольких дней получил укрух согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь, только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище, оно непохитимо и неистоимо, из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования.

Или это вам кажется только мечтанием воображения? О, если бы мы достойны были более очищенным оком ума созерцать сие в более существенных явлениях света духовного, а не в представлениях только собственного воображения! Но, мне кажется, лучше хотя мечтать таким образом, нежели любомудрствовать противным сему образом.

Братия сей обители! Вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена некоторым образом в подобие града обительного, но не града же искать пришли вы сюда, следовательно, пришли вы искать пустыни. Если она несколько закрыта, тем внимательнее надлежит ее искать. Если шум житейской молвы не вдалеке слышен, тем нужнее ограждать от него слух. Если образы суетного мира движутся пред лицом пустыни, тем ревностнее должно нам преднаписывать себе пред очами образ чистого пустынножительства, и постоянно на него взирать, и с ним сообразовывать житие наше.

И для сего хочу я показать вам теперь не человеческим художеством, но словом Божественным начертанный образ

духовного любителя пустыни. Смотрите, как он сам себя изображает: *И рех: кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию. Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс. 54:7—9).

Правда, тот, кто говорил сие в псалме, был только временный пришелец пустыни по нужде, а не постоянный житель ее по обету, но сие не препятствует нам усматривать в словах его черты доброго пустынножителя, и даже тем более примечательна любовь его к пустыне и правильное изображение пустынножительства. Дух Божий, который носился над Давидом от дня помазания его Самуилом, вел его чрез разные состояния внешние так и для того, чтобы в них сказать нам поучительные образы духовных состояний.

Итак, первая черта духовного пустынножителя есть желание пустыни, или усердие к благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию!*

Желание есть семя или зародыш всякого свободного дела, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Как от души зависит жизнь, сила, достоинство тела; так жизнь, сила, достоинство всякого дела зависит от желания. Если желание нечисто, дело недостойно. Если желание слабо, и дело не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовного желания нет, дело есть мертвое. Дела, которые мы делаем без искреннего желания, не утешают нас самих и не приносят удовольствия другим. Если так судят и чувствуют люди, которые дела только видят, а о желаниях только догадываются, что сказать о суде Бога Всевидящего, испытующего сердца и утробы? — *Даст ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему делу (Пс. 19:5).

Посему, кто желает пустынножительства или монашествовать с утешением и пользой для себя и со благоугождением Богу, тот должен как начать сие дело с искренним, духовным и Божественным желанием, так и продолжать с неослабным усердием. Надобно, чтобы еще в мире сказал он себе: *Кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию?*

И когда чистое и горячее желание, действительно, как на крыльях голубиных, принесло его в пустыню или в обитель отшельнических, он должен часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить в движение сии крыла, чтобы они имели довольно легкости и крепости нести его далее — из пустыни на небо.

Другая черта доброго пустынножительства или отшельника есть решительное и совершенное удаление от мира. *Се удалихся бегая.*

Если бы не было нужды удаляться от мира, то не для чего было бы и водворяться в пустыне, избирать отшельническое одиночество преимущественно пред обыкновенным образом жизни семейственным и гражданским. Не Бог ли, сотворивший пустыню, созидает и хранит грады, и самую пустыню не для того ли сотворил Он, чтобы населить ее? Не живут ли и в городах Его рабы и чада, которых пустыня едва ли достойна иметь, подобно как, напротив того, другие, которых *недостойна весь мир, в пустынях скитаются, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных* (Евр. 11:38)? Не обитал ли Сам Господь во граде, так же как и в пустыне, и не дал ли граду Иерусалиму Своего храма, подобно как в пустыне дал Свою скинию? Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе и поклоняться Ему духом и истиной? *На всяком месте владычества Его: благослови душе моя Господа* (Пс. 102:22).

Но что делать, если сие благословенное приглашение, всюду и всегда благословлять Господа, не успешно повторяю я к душе моей оттого, что мир в то же время, не переставая, оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, страстей, похотей, и она не находит довольно силы противоборствовать сему или, утомленная противоборством, жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей, служить Ему без развлечений? В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякие узы, привязывающие нас к миру, бежать из него, как израильтяне из Египта, как Лот из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жи-

тельство добровольного изгнанничества, в котором бы все внушало нам, что *не имамы zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13:4).

Таким образом, истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отречение и удаление от мира, по заповеди апостола: *Не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2:15).

Кто приходит в пустынножительство или отшельническое братство, как переселенец, желающий перенести сюда выгоды и удобства прежнего жительства или заменить их другими, а не как беглец, бросивший все, чтобы только избавиться от того, что было причиной бегства, тот не вполне отшельник, не в совершенстве пустынножитель.

Кто в пустынножительстве ропщет на скудость в чем-либо и, пользуясь необходимым, требует излишнего под благовидным именем утешения, тот еще не удалился от роскоши мира. Он подобен израильтянам, которые в пустыне воздыхали о мясных котлах египетских; и должен вспомнить, что были некоторые, которые, спасшись из погибающего Египта, погибли в спасительной пустыне, в гробах похотения.

Кто в братстве отшельническом более желает поступать по своей воле или даже повелевать, нежели покоряться, тот еще не удалился от гордости и честолюбия мира. Заботливо надлежит ему осмотреться, чтобы не приблизиться к сонму Корея, которого конец показал, что чистая пустынная земля не хочет носить на себе властолюбивых и мятежных.

Кто в братстве отшельническом более радеет себе, нежели братству и обители, усвоит, что не благословлено или более, нежели благословлено, после обета нищеты думает богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищих, — тот не удалился от корыстолюбия мира. В какой образ образует он себя? Не в образ ли пророческого ученика Гиезия, который, восхотев тайно и неблагословенно усвоить серебро Неемана, явно усвоил себе его проказу?

Кто, вышед из мира в отшельническое жительство, при-
страстным оком озирается на оный под предлогом невинной

любви к присным, друзьям, знаемым, тому не бесполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрелась на оставленный ею Содом, и, как говорит премудрый, *стоит столп слан, неверныя души память* (Прем. 10:7).

Третья черта благонадежного пустынножителя есть упование на Бога. *Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури.*

Образ духовного пустынничества был бы довольно страшен, если столь суровая черта его, какой представляется совершенное отречение от мира, не умягчалась и не покрывалась приятной и светлой чертой совершенного упования на Бога.

Не случается ли даже, что удалившиеся от мира с намерением избежать трудностей и опасностей для души, сверх ожидания встречают для нее новые трудности и самые опасности в отшельническом и пустынном уединении или общежительстве? И не должно сему дивиться. Израильтяне в пустыне сколько перенесли трудностей, сколько видели опасностей! Едва ли не более, нежели в самом Египте. Сам Начальник нашего спасения и совершеннейший для нас образец того где испытал сильнейшую брань против врага душ, как не в пустыне? Где более перенес духовных страданий, как не в уединении вертограда гефсиманского?

Но если так, то для чего, скажут, и удаляться от мира в пустыню, от трудностей к трудностям, от опасностей к опасностям? — Ответствую, для того же, для чего израильтяне вышли из Египта в пустыню, ибо в пустыне испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вместо того, что в Египте погибли бы в мерзостях язычества, и если бы они не вышли в пустыню, то не пришли бы в землю, текущую медом и молоком. Для того же, говорю, для чего и Спаситель Духом Святым возведен был в пустыню и для чего удалялся Он в уединение гефсиманское; ибо в пустыне победил Он непобежденного дотоле врага душ наших, а в Гефсимании принес Он за преслушание человеков духовную жертву послушания воле Бога Отца Своего и крепкую о нашем спасении молитву, в которой и *услышан от*

благоговейства (Евр. 5:7). Так и для нас, если и трудна, и небезопасна пустыня, то все же полезно и спасительно бежать в нее от мира погибельного.

А дабы и трудности преодолеть, и опасности пройти не-вредимо, для сего не более требуется, как только не быть не-терпеливым, не унывать, не отчаиваться, но, каково бы ни было наше положение, непрестанно *чаять Бога, спасающего нас от малодушия и от бури*. Если произвольным нашим непостоянством или нетерпеливостью не прервем сего чаяния — *упование не посрамит* (Рим. 5:5), и помощь свыше придет непременно тогда и в такой мере, как сие нужно для искренно желающих спасения, как прилично славе Спасителя.

Братия святые обители сея! Если пустыня Сергиева, некогда безлюдная, дикая, бесплодная, безводная, скудная, беззащитная, беспомощная, — населилась, возросла, процвела, благословилась от тука земли и от росы небесной и пренебесной, открыла в себе источники вод и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу, — что все сие значит? Не то ли, что поскольку ее основатель и его сподвижники *чаяли Бога спасающего*, то чаяние их оправдалось и еще оправдывается, даже свыше чаяния? Какое подкрепление и для нашего упования на Бога спасающего?

Внимайте себе и званию вашему и ходите достойно столь благого призрения Отца Небесного. Воскрыляйте себя благочестивым желанием, дабы лететь во внутреннюю пустыню, то есть в духовную область Царствия Божия, которое *внутри вас есть* (Лк. 17:21). Отвращайте очи сердец ваших, еже не видети суеты мира, вами оставленного. Возбуждайте себя к неослабным подвигам для спасения душ ваших, упованием на Бога спасающего.

Мне, который недолго беседую с пустыней и о пустыне и потом долго пребываю в молве и попечениях града и дел человеческих, — *кто даст ми криле яко голубине; и полечу, и почию?* Могу ли сказать себе, или когда, наконец, возмогу сказать: *Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни?* Когда облегчусь от бремени чужих, чтобы обратить все попечение к

облегчению собственного, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду?* (1 Кор. 9:27). О, Дающий иному криле, яко голубине, дабы лететь и безвозвратно почить в пустыне, а иному глас *кокоши*, чтобы созывать Твоих *птенцов* под Твои крылья, собирай Сам и храни всех нас под крылами Твоей благодати и, стогнами ли селений, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в тот вечно безопасный град, из которого не нужно будет убегать ни в какую пустыню. Аминь.

**Слово по возвращении к своей
пастве из Санкт-Петербурга**

*Говорено в Московском Успенском
соборе 15 августа 1823 года*

Что мне сказать? Откуда начать или куда обратиться слово, которому и предшествующее время, и настоящий день, и побуждение сердца, и обязанность служения вдруг представляют многие предметы и указывают различные пути.

Первое всего — *благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя Имя Святое* (Пс. 102:1)! Благословен сохраняющий полноту Церкви Своей, Небесный Пастырь и Посетитель душ, и в отсутствии земных пастырей пасущей стадо Свое; и пастырей, яко агнцев, водящей жезлом невидимым, призывающий и посылающий, удаляющий и возвращающий, разлучающий и паки соединяющий!

Величает душа моя и Тебя, Благословенная Матерь Божественного Агнца и Пастыря, дивно некогда Успением Твоим собравшая полный Собор апостолов, и ныне к сему торжественному воспоминанию Твоего Успения сподобившая меньшего из служителей Церкви сей приити в полноту сего священного собора.

Обращаюсь к вам, Боголюбезные братья и чада Церкви сей, не умолчу ныне о том, о чем умолчал здесь за год пред сим, — о скорби разлучения с вами, которую тогда понес отсюда в стесненном сердце; не хотел я прикосновением раздра-

жать рану, которой не мог утешать. Поелику не в моей было власти отвратить самое разлучение, то не стал уже я расточать слова бесполезного сетования о том, и в безмолвной покорности вручил недавно воспринятое стадо благодати Пастыреначальника и молитвам пастырей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, которых помощь также благодарно исповедую и паки призываю к соблюдению стада, с вящим преспеянием, даже до дня Иисус Христов.

Что касается до продолжительности отсутствия моего, скажу со апостолом: *Не хочу не вести вам, братие, яко множицею восхотех прийти к вам, и возбранен бых доселе* (Рим. 1:13). Чем возбранен был? Возбранен тою же священною властью, тем же законом послушания, которые и вначале меня сюда привели и вскоре отсюда воззвали; возбранен бых тем же самым делом служения, которым возбуждалось и желание прийти к вам. Неволья святая! Беззаконно было бы рваться из нее в свою волю с нетерпеливостью или упорством.

Наконец, пользуюсь дарованною свободою прийти к вам, и притом не на краткое время. Скажу ли, что пользуюсь оною с радостью? Не скажу, потому что не знаю, послужит ли сие к истинной радости вашей, а без сего радость моя была бы неосновательна и суетна, ибо, как нас учили, нашу радость и самую жизнь нашу полагать в вашей радости о Господе и в вашей жизни по вере: *ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. 3:8). Таким образом, после минувшей скорби разлучения, после окончившихся трудностей отсутственного попечения о Церкви у меня остается одна беспокойная забота, забота неизвестности — будет ли продолжение служения моего благоугодно Богу, полезно Церкви, спасительно душам вашим. Итак, скажу паки со апостолом: *Исполните мою радость* (Флп. 2:2). Облегчайте до всех вас касающуюся заботу, во-первых, общими молитвами, во-вторых, облегчайте сию необъятную заботу — малыми заботами, каждый о своей душе, не теряя данного для спасения ее времени, которого каждому из нас остается не более как несколько десятилетий, а иному только несколько лет или даже, может быть, несколько

ко дней и которое, быв однажды потеряно, ниже ценою вечности выкуплено быть не может.

Кстати, вспомнить о смерти, ибо время обратить слово к настоящему празднованию, а сие должно нас обратить к размышлению о смерти.

Теперь ли говорить о смерти, скажет невнимательный любитель праздника, день веселия омрачать размышлением о смерти? Иди с сим размышлением туда, где оплакивают умершего. Нет! Кто бы ты ни был, желающий отгнать от себя мысль о смерти как неблагоприятную, еще более неблагоприятна будет она для тебя, если, неприготовленного размышлением, вдруг поразит тебя самое зрелище смерти. Нет! Теперь, когда смерть, по-видимому, не угрожает тебе, когда ты спокоен, когда ты празднуешь, теперь именно нахожу я благоприятным расположить тебя, если можно, к внимательному размышлению о смерти, дабы ты мог размышлять о ней в полном присутствии духа и дабы дня веселия, забыв о смерти, не употребил на дела мертвые. Или, лучше сказать, не я ищущу ввести кого-либо в размышление о смерти, но всех нас к оному ведут ныне Богомудрые учредители церковного чиноположения, которые смерть сделали предметом настоящего празднования.

Дивны вообще праздники христианские! Иногда, например, мы празднуем временное рождение — Вечного, иногда крещение Того, на Котором никогда не было никакой скверны, и Которого именем очищаемся и возрождаемся мы в крещении нашем, иногда Божественный образ Преображения — Того, Который всегда был и есть *сияние Славы Бога Отца и образ Ипостаси Его* (Евр. 1:3), иногда страдание, смерть и воскресение Того, Который есть Единый всегдашний источник жизни и блаженства для всего, что может жить и блаженствовать. Впрочем, при всей таинственности, которою ознаменованы сии предметы празднования, нетрудно усмотреть то, с какою точностью они все определяются историею христианской веры и в какой тесной состоят связи с ее спасительным учением. И между празднествами, в которых воспоминается

Матерь Господня, сего рода есть, например, Благовещение, то есть принесете Архангелом Деве Марии радостной вести о предстоящем зачатии от Нее Спасителя мира. Но после того как таинства веры Христовой достигли своей полноты и запечатлелись сошествием Святого Духа на апостолов в присутствии Матери Господней, каким образом Ее Успение, то есть окончание земной жизни Ее, хотя и Святое, и знамение будущей славы Ее сопровождаемое, впрочем, разрешающее только личную Ее историю, — каким образом сделалось предметом одного из всеобщих праздников христианских и притом высшего чина? Каким образом событие, в котором Церкви представляется, по-видимому, только лишение видимого общения с Матерью Света, сделалось предметом светлого праздника? Какое в сем имели намерение древние священноначальники? Мне кажется, что сии вопросы всего удобнее разрешаются тем, что я сказал, то есть, что учредители настоящего празднования желали сим приятным путем вести нас к постоянно-му, благоговейному и, поколику то возможно, к радостному размышлению о смерти.

Издревле памятование и размышление о смерти одобряемо было как сильное средство мудрости к улучшению жизни. *Помяни, — говорит еврейский мудрец, — помяни, яко смерть не замедлит и завет адов не показан ти бысть* (Сир. 14:12). И, положив мысль о смерти в основание, тотчас на сем основании созидает он правила добродетельной и благополучной жизни. *Прежде неже умреш ти, — говорит он, — добро твори другу, и по силе твоей простри, и даждь ему. Не лишиши от дне добра, и часть желания блага да не преидет тебе. Не инем ли оставиши притяжания твоя и труды твоя, в разделение жребия? Дажь и возми, и освяти душу твою* (Сир. 14:13—16). Если ты колеблешься, принять ли сие учение деятельной мудрости, наставник не колеблется в изыскании средств убеждения; он обращается вновь на размышление о смерти и продолжает: *Яко несть во аде взыскати сладости; всяка плоть яко риза обветшает, завет бо от века: смертию умреш. Яко лист расплощаяся на древе чаете, ов*

убо спадает, другой же прозябает: такожде и род плоти и крови, ов убо умирает, ов же рождается. Всякое дело гниущее исчезает, и делаяя е с ним отъидет (Сир. 14:17—20). В другом месте тот же наставник предлагает памятование о смерти как вообще предохранительное врачевство против грехов: *во всех словесех твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7:39). Пророк Иеремия, оплакивая разрушение Иерусалима, одною из первых причин сего страшного падения полагает то, что Иерусалим не памятовал о смерти. *Не помяне последних своих, и низведется пречудно* (Иер. 1:9). Каким образом от столь малого, по-видимому, начала как мысль о смерти, или забвение о смерти, происходят столь великие последствия, добрые или злые, благополучные или бедственные? Не оскорблю ли я мудрости христианской, обращая в вопрос то, что еще прежде христианства утвердительно полагали как известное и очевидное; но когда вижу, как многие из нас не любят всего, что каким-нибудь образом напоминает о смерти, как самым обыкновенным явлением ее поражаются или обращаются в бегство, то само собою обличается, что мы слишком мало или совсем не знакомы с правильным или основательным размышлением о смерти, а потому, к стыду нашему, не излишне для нас и такое о сем исследование, какое употребляют в предмете новом и неизвестном.

Итак, спрашиваю, что лучше: оставить ли жизнь свою на произвол течения дней, как ладью — стремлению волн, понесут ли ее к берегу, сокрушат ли о камень, погрузят ли в бездну, — или, напротив, назначить себе пристанище, избрать удобнейший путь и по направлению сего править кормилом? В веке, который хвалится образованностию и усилиями привести в порядок все части знания и деятельности, можно надеяться, что и основательный, и легкомысленный согласно скажут: лучше начертать план жизни, поставить себе известную цель и действовать сообразно с нею. Возьмем же для понятного всякому примера один из обыкновенных мирских планов жизни. Желает кто-либо устроить и обеспечить благополучие жизни приобретением богатства; чтобы усилить ход приобре-

тения, он *лишается*, по вышеприведенному выражению еврейского мудреца, *от дне добра, и часть желания блага проходит мимо его*, то есть он отказывает себе в покое, в удовольствии и иногда в необходимых потребностях; исполнение: *даждь и возми*, дай неимущему и возьми себе из отложенного в хранение — он отлагает дотоле, доколе, по его мнению, обилием приобретенного не приведет себя в совершенную безопасность от скудости. Поступая таким образом, если не вспомнит он о смерти, *яко не замедлит*, то будет изнушать и мучить себя заботами приобретения, не пользуясь плодами приобретения дотоле, пока наконец сокровенная судьба явится внезапно и делом совершит над ним слово притчи евангельской: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе; а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк. 12:20). Так даже мирской план жизни для самого мира оказывается негодным, если в нем не принята в соображение мысль о смерти. Возвысим план жизни и опять посмотрим, может ли он стоять, если не будет поддержан соразмерно возвышенными понятиями о смерти. Желает кто-либо утвердить блаженство жизни на основании добродетели. Известны давние усилия человеческой мудрости доказать, что добродетель сама для себя может быть достаточным основанием, побуждением и наградой. Учение сие не оказало истинных успехов или потому, что истина в сем случае не благоприятствовала усилиям, или потому, что гордость мудрователей наводила на истину неестественный блеск, который одних ослеплял, но не просвещал, а для других обнаруживал поддельный вид истины, или, что наиболее вероятно, внутреннее достоинство и блаженство добродетели, известное только тем, которые достигли в ней совершенства, не возбуждало тех, которые при первых в ней опытах встречали только подвиги, которые совершить, препятствия, который преодолеть, удовольствия, которыми пожертвовать надлежало. Посему нужно было подкрепить от-инуду основания самой добродетели, на которой хотели основать блаженство: и хотя не озаренные светом откровения Божия не могли ясно созерцать того, что находится по ту сторону смерти, однако и они видели себя в

необходимости углубляться во мрак гроба, чтобы там хотя, так сказать, ощупью искать оснований для утверждения на них нравственного порядка в жизни. Если за пределом настоящей жизни — так рассуждали они — нет ничего, кроме тления и ничтожества, то добродетель, которой так часто в настоящей жизни не отдают справедливости, навсегда лишается венца за подвиги, вознаграждения за пожертвования и ободряющей надежды в искушениях. Но если — так как мы во всей познаваемой природе вещей не находили такого места, где с бытием было бы сопредельно ничтожество, и всюду за пределом одного встречаем другой образ бытия, — если за пределом настоящей есть другая область жизни, если — как требует понятие о Творце мира Премудром и Праведном — там, где кончится тленность, начинается бессмертие, там, где кончится смешение зла и добра, начинается царство порядка, в котором добро по существу своему всегда блаженно, а зло по свойству своему всегда злополучно, то знающему и памятующему сие можно ли не быть всегда готову, чтобы недолго подвизаться, немного пострадать, немного лишиться и чрез то водворить в себе добро, которое навеки водворит его в блаженстве? Если бы даже сия надежда — повторяю, что я говорю сие по понятиям рассуждающих без помощи откровения, — если бы надежда блаженной жизни по смерти не была выше сомнения, и тогда она еще достаточна к тому, чтобы возбудить здравомыслящего подвизаться для нее со всею ревностью: и в том случае, когда бы она не сбылась, подвизавшийся не теряет ничего в сравнении со всеми прочими, потому что ничтожество для всех одинаково. Но когда она совершится самым делом, тогда нет меры, коею можно было бы определить, сколько приобретает подвизавшийся, и сколько не подвизавшийся теряет; и не только теряет он беспредельные блага, но, что еще ужаснее, наследует бесконечное зло. Так древние нелицемерные любители деятельной мудрости при помощи естественного разума и рассуждения из размышления о смерти извлекали сильнейшие, по их состоянию, побуждения к добру и, следственно, средства к блаженству¹.

Что сказать о христианине? Сколько план жизни, начертанный для него в Евангелии, возвышеннее, нежели всякий другой, столько яснее, нежели какому бы то ни было мудрецу, сияет ему руководящий и возбуждающий свет из гроба. Он знает будущую жизнь не по заключениям и догадкам, но по опыту, в котором ее видели и осязали: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15:20). Пристально смотря в живоносный гроб Христов как в открытое окно будущего века и приемля оттоле в храмину земной жизни небесный свет, он ощущает непонятную для других легкость — бодрствовать как сын света, подвизаться против царства тьмы и совершать живые дела света. Ты должен умереть миру, заповедует ему Евангелие. Он говорит: *повинуюсь, потому что мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию, пребывает во веки* (1 Ин. 2:17). Ты должен распять плоть со страстями и похотями. И как иначе? — отвечает он, потому что *сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6:8). Ты должен распяться со Христом. Не отрицаюсь: *аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем; с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (2 Тим. 2:11; Рим. 8:17). Угрожайте ему страданиями, он скажет: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8:18). Угрожайте ему смертно, он будет отвечать: *желаю разрешиться, и со Христом быти... мне еже жити, Христос: и еже умерети, приобретение есть* (Флп. 1:23, 21). Прилежным, глубоким размышлением о смерти он не только разрушает все ее ужасы, но, соображаясь с своими понятиями и чувствованиями, отъемлет у ней последнюю черту грозного вида ее, отъемлет у смерти самое имя смерти и называет ее успением, то есть отхождением ко сну по трудах сея жизни, или, если угодно, можно назвать ее рождением в лучшую жизнь, или воскресением от сей мертвенной жизни — в смертной плоти, в истинно живую — бессмертного духа. Так благоговейное христианское размышление о смерти, особенно при постоянном в нем упражнении, становится наконец истинным праздником духа, в котором он

в то же время и собирает силы для спасительных подвигов настоящей жизни, и наслаждается предвкушением будущего блаженства.

Спроси себя, слушающий сие, умеешь ли таким образом **праздновать Успение**, или ты только боишься смерти, или совсем не хочешь думать о ней? Вопрос не маловажный; он может показать тебе, в каком состоянии душа твоя, и чего подлинно ты можешь надеяться или бояться. Если ты часто, хотя и без страха призываешь к себе смертный помысел, дабы поставить его судию твоих дел и стражем твоей совести, благо тебе! Он может соделаться для тебя ангелом, которому заповедано будет сохранять тебя на всех путях твоих. Но если ты совсем не помышлял доньше о смерти и бегаешь всего, что напоминает о ней, горе тебе! Сие расположение духа не обещает чистого добра в настоящей жизни и не предвещает блаженства в будущей, которого, впрочем, при употреблении средств, дарованных благодатию, всех нас да сподобит Господь наш Иисус Христос, истинная жизнь наша, предстательством Преподобной Девы Марии, Матери жизни. Аминь.

Слово в Неделю всех Святых при посещении города Коломны

Говорено в тамошнем Успенском соборе 28 мая 1822 года

*Иже любит отца или мать паче Мене,
несть Мене достоин;
и иже любит сына или дочь паче Мене,
несть Мене достоин.
(Мф. 10:37)*

По неисповедимым судьбам Божиим, видя себя вновь посреди сего града, в котором суждено было мне в первый раз увидеть свет и от которого течением происшествий увлечен я был так, что никогда уже видеть его не чаял, — сверх чаяния, вновь находясь посреди братий и ближних, в сообществе кото-

рых получил первые приятные ощущения жизни, — желал бы я совершенно предаться сильному влечению любви к отчизне — любви, по которой, как изъясняется некто из иерусалимлян, дети Иерусалима *благоволиша камене его, и персть его ущедрят* (Пс. 101:15), то есть самые камни отечественного града им любезны, мил даже прах путей его. Сердце мое готово теперь воспевать сему граду песнь, которую они воспевали своему Иерусалиму: *Вопросите, яже о мире Иерусалима: и обилие любящим тя! Буди же мир в силе твоей, и обилие в столпостенах твоих. Ради братьий моих и ближних моих, глаголах убо мир о тебе* (Пс. 121:6—8). Но что слышу? Сию сладкую песнь пресекает грозный глас заповеди Христовой, которая как будто по особенному намерению ныне оглашает меня среди сего храма: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин*. Что же буду делать? Восприиму иную песнь песнопевца израилева: *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61:2)? Покорю любовь к ближним и братьям — покорю любви к Богу и Христу; *забуду люди моя, и дом отца моего*, и потщуся помнить токмо людей Господних и дом Отца Небесного. В сем расположении духа и прерванную иерусалимскую песнь продолжать мне позволено: *дому ради Бога нашего взысках благая тебе* (Пс. 121:9). Боголюбезный граде! Ради святой Церкви, которая есть дом Божий, ради православных чад ее, которые суть присные Богу, желаю я тебе благ; и поелику желаю для Бога, то и благ желаю Божественных, **мира Божия, превосходящего всяк ум, веры Божией**, которая есть **Божий дар, любви Божией, изливающейся в сердца наши Духом Святым**.

Но не оскорбляю ли братьий и ближних столь скорым отречением от любви отечественной? Тотчас увидите, братия, что нет в сем несправедливости. Ибо и от вас не иного требую расположения, как того же, в которое себя поставить желаю. Если желаете быть достойны любви Бога и Христа, возлюбите Бога и Христа паче отца и матери, паче братьий и сестр, паче всего, что вам любезно. *Иже любит отца или мать паче*

Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин.

Когда, следуя Евангелию, возвещаю вам священную обязанность любить Бога и Христа превыше всего, сие не значит того, чтобы я опасался найти в ком-либо из слышащих сие прямую вражду против Бога и Христа. Есть и сего расположения люди, о которых *плача говорит* (Флп. 3:18) апостол, о которых и я воспоминаю с ужасом, *враги креста Христова*, которые не хотят покорить ни разума своего вере Его, ни сердца закону Его и говорят с изображенными в притче мятежниками: *не хотим сему, да царствует над нами* (Лк. 19:14)! Но не сомневаюсь, что против таковых каждый из правоверующих воспримет ревность апостола и не поколеблется вместе с ним отвергнуть их всею силою духа. *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа: да будет проклят, маран-афа* (1 Кор. 16:22).

Есть иной род людей между самыми верующими во Христа и познающими над собою власть закона Божия, которые ужасаются мысли поставить себя врагами против Бога и Христа, но которые не довольно ясно познают, не довольно глубоко чувствуют свою обязанность любить Бога и Христа и потому не достигают всего блаженства, в сей любви заключенного. Они знают обязанность веровать — с покорностию собственного разума принимать тайны, которые открывает Слово Божие, потому что разум человеческий, ограниченный и поврежденный, не может уразуметь ума Божия, всесовершенного и бесконечного; приемлют обязанность жить по закону Божию, — служить истинному Богу известным образом Богопочтения, не обижать ближних хищением, татьбою и подобными несправедливостями; чувствуют обязанность приносить покаяние — обличать себя пред Богом во грехах в надежде прощения ради Того, Которого Бог, *не ведевшего греха, по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5:21); признают обязанность молиться — призывать имя Божие, дабы низвести на себя благословение и спасительную силу Божию; поражаются страхом суда Божия, когда видят себя нарушившими которую-нибудь из сих обязанностей, а когда думают, что исполняют

оние, тогда успокоивают себя надеждою Царствия Небесного как заслуженного воздаяния. Не правда ли, что у некоторых и, может быть, у многих христиан в сем заключается весь образ их благочестия, так что им и на мысль не приходит, что бы еще за сим оставалось. Нет, это не все еще, братия; много еще за сим остается, так много, что без остающегося все прочее не приведет вас к истинной цели вашей, то есть к вечному спасению вашему. Сколь бы ни высоко восходила лестница ваших добродетелей, она не возведет вас на небо и, сверх опасения, бедственно может обрушиться с вами, если вверху ее нет последней степени, которая одна крепко и непоколебимо прикасается к небу. Спросите ваше сердце, любит ли оно Того, Которого веру и закон приемлет, Которому приносит покаяние и молитву; чувствуете ли вы точно, что *сия любовь излилась в сердце ваше Духом Святым* (Рим. 5:5), подобно как вы точно чувствуете лиющуюся в сердце любовь детскую, родительскую, братскую при виде родителей, детей и братьев? Если совесть и дух не свидетельствуют вам, что вы точно и живо чувствуете внутренне сие Божественное излияние Божественной любви, то нужно вам прилежно учиться сей любви у единого Божественного Учителя Иисуса Христа. *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин.*

Ты веруешь и надеешься спастися верою. Не оспариваю сей надежды. Вере спасение предоставляет в удел Сам Спаситель. *Вера твоя спасе тя* (Мф. 9:22) часто говорил Он тем, над которыми совершал чудесные исцеления. И всем без исключения обещал: *иже веру имет и крестится, спасен будет* (Мк. 16:16). Но всякая ли вера одинакова? Нет ли различия между верою и верою? Какова, например, та вера, которую столь ужасною похвалою хвалит апостол, когда говорит: *Ты веруеши, яко Бог един есть; добре твориши; и беси веруют и трепещут* (Иак. 2:19). Кто может быть доволен такою верою? Какая же та вера, которая могла бы спасти человека? *Вера, любовию поспешествуема* (Гал. 6:6), — определяет апостол. Если нет любви, то вера не имеет силы и успеха и не достигает спа-

сения. Вера без любви есть образ без жизни: любовь, как дыхание Святого Духа, одушевляет веру и творит ее деятельною и спасительною. Если желаешь спасен быть верою, возлюби Того, в Кого веруешь.

Ты живешь по закону. В сем, кажется, есть уже и любовь, ибо Сам великий Наставник в любви Божественной сказал: *Имей заповеди Моя и соблюдай их, той есть любяй Мя* (Ин. 14:21). Но вникай и разумей поистине то, что говорит Истина. Как любовь собственно есть чувство сердца, и как испытующий сердце Наставник провидит, что некоторые слабые ученики помыслят, будто чувство сие может быть сохранено и без помощи деятельности, с сим чувством сообразной, то, предупреждая сие превращение истинной любви во мнимую и поучая *любить делом и истинною* (1 Ин. 3:18), Он говорит, что *любящий Его есть тот, кто имеет заповеди Его и соблюдает их*. А того совсем не мог сказать исполненный любви Наставник, будто для учеников Его довольно только внешне исполнять дела Его заповедей и будто сие вменится им вместо любви к Нему, хотя бы они ее и не чувствовали: подобно как любящему детей родителю не свойственно сказать своим детям, что он позволяет и не любить себя, только бы они делали, что он прикажет. И что значит без любви соблюдение заповедей? Кто столь не сведущ о самом себе или столь не искренен, чтобы не признаться, что он иногда в чем-нибудь погрешает против заповедей? Если же таким образом здание собственной правды, созидаемое на основании заповедей, имеет слабые места, то найдет гром проклятия законного и одним ударом разрушит все здание: *проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я* (Гал. 3:10). И еще сильнее: *иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином: бысть всем повинен* (Иак. 2:10). Где же теперь спасение в исполнении заповедей? Оно есть; но для тех, которые исполняют заповеди не по письмени, а по духу: дух же закона есть любовь. Хочешь ли избежать проклятия законного? Желаешь ли иметь краткий и верный способ исполнить весь закон? Сей краткий и верный способ есть любовь. *Любяй, —*

говорит апостол, — *закон исполни; исполнение закона любви есть* (Рим. 13:8—10). Не в том разуме сие сказано, будто любовь позволяет оставить закон без исполнения, нет! Она есть исполнение закона потому, что она есть душа закона, а душа и все тело оживляет и движет: так любовь исполняющему закон дает силу, и заповеди творит легкими к исполнению. Сын, который бежит увидеть возлюбленного родителя, чувствует ли усталость от пути? Так сынове Божии, любящие Бога человеки, не утомляются никакими подвигами на пути жизни, поспешая к вечным обителям, где надеются узреть Отца, от Которого рождение дало им столь высокую область — *чадами Божиими быти* (Ин. 1:12) — и Которого в них любовь сильнее всякой любви, земной и небесной.

Ты каешься. И в сем случае ты на добром пути; и сия стезя проложена ко спасению, по реченному: *покаяние нераскаянно во спасение* (2 Кор. 7:10). Но примечай и здесь глубокий разум слова Павлова: *покаяние нераскаянно*, говорит он, то есть покаяние, после которого человек не переменяет воспрятых им лучших мыслей опять на худшие, не возвращается на прежние грехи, не ослабевает в ревности жить по воле Божией, — такое покаяние бывает *во спасение*. Здесь паки, братия, требую я для вас свидетельства от вас самих. Не примечаем ли мы за собою, что благие намерения, воспринимаемые нами в покаянии, по времени колеблются иногда и падают, и мы, частию от беспечности, а частию и при некоторой заботе о своем исправлении, впадаем во грехи, в которых многократно каялись? Какая же в сем случае надежда спасения в покаянии, если *нераскаянное* только *покаяние* бывает *во спасение*? И что делать нам с нашими духовными болезнями, когда самое врачевство, при частом их возобновлении часто употребляемое, как бы притупляется в своем действии? И в помощь врачевству, и против возобновления болезни, и в помощь покаянию, и против возобновления грехов действительнейшее средство есть истинная любовь к Тому, *Который не хочет смерти грешника* и Который даже умер за спасение грешника; истинная, говорю, ибо то не любовь, когда непотребный сын расточает имение

родителя в надежде на его снисхождение, но то любовь, когда нежный сын и тем, что позволено ему, осмотрительно пользуется, сохраняя благоволение возлюбленного родителя. Евангельская история представляет нам разительный пример спасительной силы, которую истинная любовь дает покаянию. Жена, в целом городе известная как грешница, приступает к Иисусу Христу, помазует миром ноги Его, омывает их слезами, отирает власами своими, словом, являет знамения покаяния, хотя не слышно из уст ее слов покаяния, и Тот, Которого иудеи называли укорительно, а христиане радостно называть должны *другом грешников* (Мф. 11:19), разрешает ее, несмотря на множество ее грехов: *отпускаются греси ея мнози*. Но каким образом столь совершенно воздействовало покаяние, которое даже не разрешилось еще открытым исповеданием грехов? Оно воздействовало посредством совершенной любви к Решителю грехов: *отпускаются*, говорит Он, *греси ея мнози, яко возлюбил много* (Лк. 7:47).

Ты молишься. Кто не похвалит и сего духовного упражнения? Но и о сем вопрошаю: какою молитвою ты молишься? Ибо есть и суетная молитва, о которой сказано: *приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене; всуе же чтут Мя* (Мф. 15:8—9). Что значит *приближаться* к Богу *устнами*, а *сердцем* далеко *отстоять* от Него? — Произносить устами или принимать слухом из уст других молитвенные к Богу слова, но не соединять с ними сердечного внимания и духовной теплоты, короче, молиться без любви. Нетрудно суетность такой молитвы обнаружить даже простым, естественным рассуждением и побуждением природы. Что делает дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь от отца или матери? Не соединяет ли оно для сего со своими прошениями всех, какие знает, выражений детской любви и нежности? Итак, не должны ли мы признать себя бессмысленными более самых детей, когда думаем нашими хладными, без внимания, без любви, без сердца произносимыми прошениями что-либо получить от Отца Небесного, Который именно *зрит на сердце*, вместо того, что

человек зрит на лице (1 Цар. 16:7)? Скажем ли, что небесный Отец благ паче земных родителей и потому *даст блага просящим у Него*? Правда; но Он и праведен паче их и потому не может дать недостойным, и даже, по самой благодати, не может дать блага зле просящим, дабы они не осквернили самого блага; но зле, конечно, просим мы, когда без любви просим у Всеблагого и Вселюбящего. Но что еще говорит закон духовный? Он показывает, что не только исполнение молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, без истинной и чистой любви невозможна. *О чесом бо помолимся*, — учит апостол, — *якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас, воздыхающи неизглаголаннми: испытаяй же сердца, весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствуешь о святых* (Рим. 8:26—27). И дабы кто, слыша сие, не остался в недоумии о том, как можно приобрести сие высокое ходатайство, апостол немедленно присовокупляет: *вемы же, яко любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим. 8:28). Любовь к Богу все обращает в средства к нашему спасению и блаженству, без нее все средства не достигают сей цели. Не будет светить светильник без елея, и молитва не озарит духа без любви. Не взыдет без огня курение кадила, и молитва без любви не взыдет к Богу.

Что сказать о побуждениях к добродетели, которыми заменяют любовь не познавшие силы ее, — о страхе суда и надежде воздаяния? Подпоры, необходимые для созидających дом душевный, но не на них лежит высота и красота здания духовного. Работающий из страха есть раб, трудящийся за воздаяние есть наемник. Раб, — говорит Иисус Христос, — *не пребывает в дому во век*, — можно присовокупить: и наемник; ибо только сын *пребывает во век* (Ин. 8:35). *Страх муку имать*, — говорит возлюбленный ученик, — *бояйся не совершиши в любви; зато совершенна любви вон изгоняет страх* (1 Ин. 4:18). Другой апостол христианам, в противоположении с иудеями, говорит: *Не прияте духа рабства паки в боязнь, но Духа сыноположения, о немже вопием: Авва Отче* (Рим. 8:15). И так дух рабства, — но также и наемничества духовного, — есть удел иудеев, а жребий истинных христиан есть дух сыновней любви

к Богу и Спасителю. Можно даже без прекословия апостолу сказать, что истинный дух и Ветхого Завета был дух любви, если бы не облекла его рабством жестоковейность иудеев. Свидетельствуюсь в сем самыми заповедями закона Моисеева. *Возлюбии Господа Бога твоего*, — пишет он. Дивлюсь особенно сей заповеди, когда сравниваю ее с заповедию о родителях: *Чти отца твоего и мать твою*. Как? Отца *почитать*, а Бога *любить*! Мы обыкновенно любим то, что к нам ближе и нам подобнее, а что выше нас, то почитаем. Посему, кажется, свойственное было бы требовать **любви к отцу и почтения к Богу**. *Нет*, говорит Божественный закон: *чти отца; возлюбии Бога*. Как бы так сказано: отца любить тебе свойственно и без заповеди, также и чтить Великого Бога; заповедь учит тебя тому, что трудно было бы тебе уразуметь без нее; и так отца не только люби по естеству, но и чти по воле Отца Небесного; Бога не только чти по внушению естества и совести, но дерзай приступить к Нему ближе, чего не дерзнул бы ты сделать без благодатной заповеди; возлюби Бога, яко Отца, нареки Его твоим Богом, Богом сердца твоего, и частию твоею во век (Пс. 72:26). О возлюбленная заповедь любви! Как достойно сожаления, что так долго не разумели силы твоей, сокрушали зубы о жесткую кору письмени и не умели вкусить сладкого зерна, в ней заключенного! Так долго, что, когда сама Любовь явилась на земле, Она обрела заповедь любви совсем забытою и проповедала ее как новую: *заповедь новую даю вам, да любите* (Ин. 13:34); *Якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас, будите в любви Моей* (Ин. 15:9).

Христиане! Бог влечет нас в любовь Свою более, нежели одною заповедию, одним повелительным изъяснением Своей воли: Он лучше нас ведает, что любовь не приобретается одними повелениями. Он ищет любви нас, грешных и недостойных, Своею святою и высочайшею любовию. *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3:16). Надобно ли повелевать или учить, чтобы мы любили Того, Кто умер для приобретения нам вечной жизни? Если чув-

ствуем, что мы обидели бы отца, если бы больше, нежели его, возлюбили рабов его: как не чувствовать, что мы оскорбляем Отца Небесного, когда к человекам, которые все едва достойны нарежися рабами Его, наше сердце удобнее отверзается и прилепляется теснее, нежели к Нему? Возревнуем быть достойными Его. Скажем сердцу нашему: мы не отнимаем тебя у родителей, присных и ближних, но и тебя и их вместе отдаем Богу сердца навеки. Аминь.

Слово в Неделю о Фоме

Говорено в Чудове монастыре 25 апреля 1826 года

*Глагола ему Иисус: яко видев Мя, веровал еси;
блажени не видевшии, и веровавшие.
(Ин. 20:29)*

Когда, по слову пророческому, *поражен был Пастырь и расточены овцы стада*, то есть когда Иисус Христос предан был на крест и смерть и апостолы Его подверглись различным искушениям, Фома был единою от овец Его в общем рассеянии долее прочих заблуждавшею.

Тогда как прочие апостолы, хотя *страха ради иудейска*, впрочем, хорошо поступили, что из первоначального рассеяния, кому куда случилось, вскоре обратились искать друг друга, сошлись в известном месте — *бяху собрани*, и, без сомнения, общую скорбь превращали в единодушную молитву, Фомы, неизвестно по какому препятствию или по его собственной неосмотрительности, там не было — *не бе ту с ними*. Первое последствие сего было то, что первое явление Господа воскресшего собранным апостолам для Фомы было потеряно: *Не бе ту с ними, егда прииде Иисус*. Другое последствие, что, когда прочие апостолы явлением Господним вновь утверждены были в вере, в которой поколебались было во время Его страданий и смерти, Фома, несмотря на свидетельство сих верных очевидцев, с неким упорством утверждал себя в неверии: *Аще*

не вижу на руку Его язвы гвоздинные, и вложу перста моего в язвы гвоздинные, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры.

На сей случай, хотя мимоходом, обратить внимание просил бы я особенно тех, которые в особенные дни, скорбей ли, радостей ли христианских, когда мы *бываем собрани* и призываем Господа в молитве, и приемлем Его в таинстве, *не бывают с нами* в собрании церковном, по препятствиям ли со стороны дел мирских, впрочем, большей частью не непреодолимым, или только по своему небрежению. Не лишиться бы и им благодатного посещения Того, Который обещал быть посреди собравших во имя Его и Которого присутствие приносит с собой блаженный мир и радость неотъемлемую! Произвольным ослаблением союза с прочими верующими, который должен укреплять их веру, не дойти бы им от слабой веры до упорного неверия!

Возвратимся к Фоме. От гибели, которую готовило ему закосневающее в нем неверие, спасла его, вероятно, еще не разрушенная неверием любовь к Господу, по которой недавно и сам он решительно возжелал и предлагал прочим апостолам с готовностью к смерти не отставать от возлюбленного Учителя и Господа, несмотря на явную опасность жизни шедшего в Иудею. *Идем и мы,* — говорил Фома, — *да умрем с Ним.* Поскольку сим образом любовь Фомы уже приобщилась смерти Христовой, то следовало ей приобщиться и воскресения Христова. Привлеченный ею, воскресший Господь вторично явился собравшим апостолам собственно ради Фомы, дал ему, как он хотел, осязать язвы Своих рук и ног, и ребр — и сим, не простым только внешним осязательным свидетельством, но живым прикосновением к открытым, так сказать, устам внутреннего Источника жизни полуумерщвленного неверием апостола воскресил в жизнь веры.

Совершив сие дело милосердия, Господь присовокупил слово правды: *«Видев Мя, веровал еси; блажени не видевшии, и веровавшие».* Счастливое неверие — так мог бы думать Фома, которым приобретено посещение Господа! Нет, глаголет Господь, ты преимущественно помилован, но не преимуществен-

но блажен. *Видев Мя, веровал еси: блажени* — совсем другие. А из нас иные, взирая на пример Фомы, могли бы подумать: почто мы так несчастливы, что не можем иметь непосредственного явления и утверждения в вере от Господа? Нет, глаголет Господь и нам, не видеть — не есть несчастье, когда и без того есть достаточные основания веровать; напротив, не видеть и веровать есть особенное достоинство веры и потому особенно блаженство. *Блажени не видевшии, и веровавшие.*

Мне кажется, что сие изречение Господне требует несколько более обстоятельного рассмотрения.

Должно вспомнить, что все апостолы, и одни апостолы были пред лицом Господа, когда Он именно Фоме, с некоторым видом упрека, сказал: *Яко видев Мя, веровал еси*, — и к сему присовокупил неопределенное изречение: *Блажени не видевшии, и веровавшие.* При первом взгляде неожиданным и необычным представляется то, что укоряет Фому, который подлинно и заслужил укоризну тем, что угрожал не верить, если не увидит; но так укоряет, что та же укоризна поражает, кажется, и прочих апостолов, ибо и они, хотя ранее Фомы, *видев Господа, веровали.* Вид необычайности увеличивается ублажением не видевших и веровавших, если вообразить, что все апостолы принадлежат к числу видевших и, следственно, лишаются ублажения. А не им ли прежде сказано: *Ваша же блаженна очеса, яко видят?*

Надлежало применить сии необычайности, чтобы уклонением от них приблизиться к истинному разумению изречения Господня.

Если и все апостолы, видев Господа, веровали, но великая в сем разность между Фомой и прочими. Они не имели прежде своего видения, столь сильного и по числу свидетелей, и по способам удостоверения, свидетельства о воскресении Господнем, какое имел он от них. Им видение даровано было по воле Господней, а не по их требованию. Итак, Фома исключительно заслужил личный упрек, потому что дерзновенно требовал видения после свидетельств, совершенно достаточных основать веру.

Все апостолы видели Господа, но до невероятности уничижительно было бы то для их священного собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвещаемое Господом преимущественное блаженство не видеть и веровать. Не желаем видеть и не дерзаем воображать вас, богблаженные апостолы, лишенными какого-либо блаженства верующих. Явите же нам вы сами, кто из вас *блаженный, не видевиший и веровавиший*? Смотрите, братия, не сие ли самое открывает нам евангелист Иоанн, когда, повествуя о посещении гроба Господня в утро воскресения двумя учениками, пишет: *Вниде и другой ученик, пришедый прежде ко гробу, и виде, и верова*. Что видел он по входе во гроб? Без сомнения, то же, что видел первый ученик, именно Петр: *виде ризы едины лежащя*. А чему поверил? Тому ли, что пред тем возвестила Магдалина: *Взяше Господа от гроба, и не веом, где положиши Его*? Но чему тут было верить? Тут нет никакой сокровенной истины и одно явное неведение. Чему же поверил ученик, *егоже любляше Иисус*? Догадываюсь и думаю, по необходимости должно догадываться, что в ту минуту, как он, вступив во гроб, *виде ризы едины лежащя*, необыкновенно живая любовь необыкновенным образом возбудила в нем веру, легкая мысль, что нельзя было представить случая, по которому бы ризы, обвившие тело Господне с мастию, могли отделиться от мертвого тела, подала ему великую мысль о воскресении. Он не видел ничего более, как отсутствие погребенного Иисуса из гроба, но в глубине любящего сердца ощутил, что живет Возлюбленный, несмотря на то что к верованию в воскресение Его даже познанием Писания не был приготовлен: *виде и верова; не убо ведяху писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути*.

Как же скоро, таким образом, найден между апостолами образец преимущественного блаженства не видящих и верующих: беседа Господня с Фомой получает от сего совершенную ясность, точное знаменование. Кажется, можно видеть, как Господь взором укорения взирает на Фому и глаголет: *Видев Мя, веровал еси*, потом обращает взор одобрения на Иоанна, и хотя не открыто к его имени, но тем не менее внятно к его

сердцу, продолжает: *Блажени не видевшии, и веровавшие*. Прочие апостолы остаются между одобрением и упреком.

Но поскольку блаженство не видеть и веровать Господь возвещает как общее блаженство многих, постольку после других и нам дарована благодать веровать в Господа с апостолами, тогда как мы не видели Его с ними, то что подумаем мы о себе самих? Неужели подлинно мы блаженны паче Фомы, и даже паче прочих апостолов, кроме, может быть, одного возлюбленного? Не смею с сим вас поздравить, боюсь в сем случае, чтобы не оскорбить первых последователей Господа и всеобщих руководителей в последовании Ему, если впереди их поставлю нас, последних, и у них себе похищу преимущественное блаженство. *Довлеет ученику, да будет яко учитель его* (Мф. 10:25), довольно и для нас, если и мы, последние, можем быть участниками в блаженстве с первыми руководителями к блаженству. Довольно, если найдутся между нами некоторые, к которым отнести можно ублажающее изречение Господне: *Блажени не видевшии, и веровавшие*.

Некоторые? А другие из нас неужели видят и веруют? Как ни странным сие покажется некоторым, но так должно быть, чтобы степени блаженства соответствовали степеням веры.

И ныне есть *видящие и верующие* — те, которые, как Фома, требуют от веры удостоверений ясных, действий ощутительных, знамений чудесных. Есть, напротив, «не видящие и верующие» — те, которые и тогда, как против удостоверений восстают сомнения, ощутительные действия веры скрываются, знамения чудесные не являются, тем не менее твердо и непоколебимо стоят в вере.

Не одним апостолам, но всякому любящему обещал Господь Свое явление, следственно, и видение. *Любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14:21). Не берусь изъяснить образов сего явления. Кто видит солнце, тот сие явление понимает без всякого изъяснения, но слепому изъяснять видение солнца было бы тщетное усилие! Скажем нечто, единственно по требованию настоящего рассуждения. В сердце твоём возгорается необыкновенно

живая, неизъяснимо сладостная любовь Божия, которая всякое дело благочестия делает тебе легким и приятным, так что ты не можешь сего приписать себе, но принимаешь то за дар Божий: тогда легко тебе веровать, ты испытываешь то, чему веруешь, ты ходишь во свете веры. В сем случае Господь может сказать тебе: *«Видев Мя, веровал еси»*. Знай же, что если и тогда, когда огонь в сердце твоём покажется угасающим, духовная сладость перестанет быть ощущаема, вновь восчувствуется труд подвигов и недостаточность сил, — если и тогда ты подвигов не оставишь, о благодати Божией не усомнишься, сердца унынию не предашь — вот особенное достоинство веры! И потому, вот особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданием: *Блажени не видевшии, и веровавшие!*

Господь является человеку не только во внутренней, но и во внешней жизни, видимыми благодеяниями Своего промысла, в которых, по слову апостола, *поне осязать Его* (Деян. 17:27) можно. Если Он *оградил внешняя твоя и внутренняя дому твоего, дела же руку благословил*: легко тебе веровать. Но такой вере и диавол не верит, как не верил ей в Иове; и потому может случиться, что она подвергнется опасному испытанию. Если же и тогда, как благодеющая десница Божия скрывается и тебя постигает нищета, или болезнь, или иное бедствие, ты, как Иов, *во всех сих приключаящихся не даешь безумия Богу*, то Господь благословит *последняя веры твоя паче, неже прежняя. Блажени не видевшии, и веровавшие.*

Может, еще вера наша встретит Господа на путях жизни общественной, в лице меньших братий Его, по слову Его: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25:40). И здесь иногда более Он видим бывает, а иногда менее. Авдию, который сто пророков Господних кормил хлебом и водой, нетрудно было вообразить, что в них Сам Господь *взалкался* и Самому Господу *дал он ясти*. Напротив того, как часто искушает нас то, что, видя нищих, не видим в них Христа, то есть Христовых и христианских свойств и добродетелей! Точно ли они бедны, думаем мы? Достойны ли они человеколюбивого участия по образу жизни своей? Бу-

дут ли они молиться за нас, получив благотворение? Не возмущайся напрасно, благодетельная душа! Не охлаждай сам своей любви подозрениями, не омрачай сам своей веры сомнениями. Не довольно ли тебе слышать от Господа: *Мне сотвористе?* На что, как Фома, хочешь видеть и осязать Его в том, кому благовотворить желаешь? Благовотвори видимому — требующему и верь Невидимому — Приемлещему. *Блажени не видевшии, и веровавшие.* Аминь.

Слово в Неделю мытаря и фарисея и на память святителя Алексия

Говорено в Чудове монастыре 12 февраля 1850 года

*Глаголю вам, яко сниде сей оправдан
в дом свой паче оного.
(Лк. 18:14)*

Притчу о мытаре и фарисее, которую ныне мы слышали в евангельском чтении, Христос Спаситель оканчивает тем, что фарисей пошел в дом свой как осужденный, или неоправданный, а мытарь как оправданный. *Сниде сей оправдан в дом свой паче оного.*

Но разве они были в судилище? Разве над ними производился суд? Они были в церкви. Они молились.

Отсюда открывается вид на церковь и на молитву, который, вероятно, не все довольно примечают и приемлют во внимание. Входя в церковь, становясь на молитву, мы всего скорее представляем себя просителями, а Бога подателем благ. Это справедливо, но это не все. Слово Христово показывает, что церковь, будучи домом молитвы, в то же время есть и судилище Божие. Ты молишься, а невидимый Судия внемлет не только словам твоим, но и мыслям и чувствованиям сердечным и производит над тобой праведный суд. Ты окончишь молитву — и пойдешь отсюда или оправданный, или неоправданный, или даже осужденный. Пророк сказал о

ком-то: *Молитва его да будет в грех* (Пс. 108:7). Видно, есть кто-нибудь, над кем сбывается сие слово, потому что пророки не говорят слов на ветер.

Итак, молитвенники, надобно нам позаботиться, как бы избежать осуждения, как бы достигнуть оправдания. Для сего посмотрим, как достиг оправдания мытарь, как не достиг — фарисей.

Искусный и крепкий молитвенник, святителю Алексею! Осени твоим благословением умы и сердца поучающихся молитве, да не уклонится слово наше от слова Христова; да уразумеют слушающие внутренно более, нежели изречет внешнее немощное слово.

Фарисей став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю. Кажется, это не худая молитва.

Фарисей «молится в себе», то есть внутренне, мысленно, сердечно, это лучше некоторых из нас, которых уста произносят молитву, а сердце ее не чувствует, и мысль нередко уклоняется от нее к посторонним предметам, или которые слушают церковное чтение и пение ухом телесным, но не отверзают глубоким вниманием слуха внутреннего и не одушевляются духом молитвы. По таким расположениям надлежит опасаться, чтобы нам не остаться более чуждыми оправдания, нежели неоправданный фарисей.

Фарисей «воздаст хвалу Богу»: и это лучше некоторых из нас, которые в молитве помышляют более о том, что нужно им, нежели о том, что угодно Богу, которые, как алчущие наследия отеческого, а не любви дети, приходят в дом Отца Небесного, чтобы просить себе нужного и ненужного, полезного и неполезного, а не для того, чтобы созерцать Его совершенства, чтобы исповедовать Его премудрость, благодать, провидение, помощь, благодеяния, чтобы вкушать от Его любви и благодати, приносить Ему свою любовь, благодарность, хвалу и славу.

Фарисей — человек не без подвигов и не без добрых дел. *Пощуся, — говорит он, — дважды в субботу, десятину даю всего, елика притяжу.* Поститься два дня в неделю закон ветхозаветной Церкви не предписывал, это был пост, введенный

частным преданием и добровольно принятый фарисеем, из чего можно заключить, что тем паче неопустительно наблюдал он посты законные. Давать десятину, то есть десятую долю от стада, от произведений земли, от годового дохода — Церкви, ее служителям и нищим предписывал закон, впрочем, не тщательно исполняемый в последние времена ветхозаветной Церкви. Фарисей, дававший десятину от всякого приобретения, конечно, был ревнитель закона лучше многих и, нельзя не признаться, лучше некоторых из нас, которые не только не налагают на себя добровольных постов, но и в установленные Церковью посты или явно нарушают, или исполняют небрежно, изобретая пост роскошнее мясоястия, которые не только десятой доли от своих приобретений не отделяют на Церковь и на ее служителей, и на нищих, но и скудную на сие долю отдают неохотно, как бы невольную дань, а не с радостью, как жертву Богу. Повторяю: надлежит опасаться, чтобы не остаться нам более чуждыми оправдания, нежели фарисей неоправданный.

Но как же он не оправдан? Тотчас увидите.

Фарисей став, сице в себе молящися: Боже хвалу Тебе воздаю, яко несмь якоже прочии человецы. По-видимому, он хвалит Бога, но в самом деле превозносит самого себя. Хвала Богу служит у него только средством выражения того, как он доволен собой, что он лучше других. Посему нетрудно понять, может ли его молитва быть угодна Богу: это — кадило, из которого восходит не благоухание благоговения и умиления, но смрад гордости и тщеславия. Понятно, почему он не может быть оправдан: провозглашая себя лучше других и беспорочным, он не только говорит, сам не зная что, как не сердцеведец, но и очевидно говорит неправду; потому что лучше его знающий человеческую добродетель апостол свидетельствует: *Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1:8).

Научимся из сего, братия, как вообще не думать о себе высоко, так в особенности не высокоумствовать в молитве. Что тебе заглядываться на свои ничтожные добродетели, ког-

да надобно созерцать бесконечные совершенства Божии? Что тебе хвалить себя, когда надобно прославлять Бога? Если ты наслаждаешься сам собою, то, конечно, душа твоя не возжаждет к Богу, а потому и благодать Его не приидет упоить тебя от тука дома Его потоком сладости Его.

Фарисей в молитве не только хвалил себя, но и порицал других. *Несмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь.* Сих слов не оправдает и человек незлобивый и кроткий, как оправдает их Бог всеблагий, человеколюбивый, Которого *щедроты на всех делех Его.* Пред лицом Божиим ты укоряешь ближнего, как порочного, как преступника, но Бог имеет его под Своим провидением и милует. Итак, в твоём укоре ближнего не скрывается ли дерзновенное укорение Самого Бога, Который его милует? И какая тебе польза высматривать пороки ближнего? Ты не делаешься святым от того, что видишь его грешным, напротив того, твое око, которое Бог сотворил и паки хочет сотворить чистым, сам делаешь лукавым. Ты ставишь *сего мытаря* между хищниками и неправедниками, но, может быть, сей низкий в глазах твоих Закхей чрез час каким-нибудь способом поднимется выше, чтобы узреть Христа, и еще чрез час Христос о нем скажет, *яко и сей сын Авраамль есть* (Лк. 19:9). — Какими тогда глазами воззришь на того, которого теперь порицаешь?

Опасное, братие, искушение — без нужды рассматривать недостатки и грехи других людей и прельщать себя мыслью, что мы не таковы, как они. Точно, это значит прельщать самих себя. Глумясь над пороками ближних, мы нарушаем заповедь любви к ближним, оскорбляем Бога, их милующего, оскверняем наш ум нечистыми представлениями, подвергаемся опасности быть порицателями невинных и даже будущих святых; смрадом нечистых воспоминаний растлеваем благоухание молитвы; немирной совестью отвращаем сердце наше от восхождения горе; и, конечно, не достигнем оправдания от Того, Который рек: *Не судите, да не судими будете.*

Кто избавит нас от сего искушения? Кто нам покажет надежный способ достигнуть оправдания в молитве? *Сей мы-*

тарь, толико презираемый фарисеем. Мытарю поручил сие Христос Спаситель в слове притчи.

Мытарь, издавеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Вот молитва, вследствие которой мытарь *сниде оправдан в дом свой*. Следственно, здесь есть и для нас образец молитвы, которая способна достигнуть оправдания.

Мытарь, вошед в церковь, стоит вдаль, ближе к дверям храма, нежели к его внутренней святыне. Что сделаем мы по сему образцу? Станем ли тесниться в притворе, оставив церковь пустой? Сие не было бы сообразно ни с удобством, ни с порядком церковным. Кто может, насколько может, да подражает и видимому образцу оправданной мытаревой молитвы, всякий же да тщится постигнуть дух образа сего и оным одушевиться!

Что значит мытаревое стояние вдаль? Страх Божий пред святыней Божией, чувствование своего недостойнства. И мы да стяжем и да сохраним сии чувствования! О Боже святыни и славы! Тот, которого Ты оправдываешь, не дерзает приблизиться к святыне Твоей, которой ангелы со страхом служат, приступать к таинствам Твоим, в которые ангелы желают проникнуть. Даруй мне страх, и трепет, и самоосуждение, да не осудит меня мое дерзновение.

Мытарь не хочет и очей возвести на небо. Что сие значит? Смирение. Итак, имей смирение в молитве — и будешь иметь молитву оправдывающую.

Мытарь бьет себя в перси. Что сие значит? Сокрушение сердца о грехах и покаяние. Итак, имей и ты сии чувствования. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Что ознаменовалось видимыми образами молитвы мытаревой, то же выражают и слова: *Боже, милостив буди мне грешнику.* Мытарь не опирается на свои дела, подобно фарисею, но уповает на милосердие Божие. С биением себя в перси называя себя грешником, он чрез сие исповедует, что правосудие Божие требует добродетели и осуждает грех; что он, как грешник, признает себя достойным осуждения и уже чувствует

свое осуждение; что желает избавиться от греха и вместе с тем сознает свое бессилие избавиться от оною. Когда же вместе с сим просит у Бога милости, не представляя ни права, ни побуждения, то сим исповедует веру в бесконечное милосердие Божие и в благодать, по вере оправдывающую и спасающую грешника, возрождающую и воссозидающую человека на дела благие, да в них ходит.

Таким образом, молитва мытаря есть молитва покаяния и смирения и вместе молитва веры и упования. С такой молитвой да входим в церковь и да пребываем в ней, да возглаголет Милосердный Господь и нам, яко снидем оправданы в дом свой. Аминь.

Беседа в Неделю о блудном сыне и на память святителя Алексия

Говорена в Чудове монастыре 12 февраля 1856 года

В Евангелии слышали мы ныне притчу о крайнем бедствии своевольного сына и о милосердии отца к тому же сыну раскаявшемуся.

Кто из нас так чист в своих делах и в своей совести, чтобы не имел причины раскаиваться, рассматривая свои поступки в отношении к своему собственному благу, в отношении к ближним, и наипаче в отношении к Богу? А как раскаяние есть только ощущаемая боль и страдание болящей грехом души, то кто при раскаянии не имеет нужды в милосердии, которое утлоило бы и уврачевало бы сию боль душевную?

Итак, притча о милосердии к раскаявшемуся не должна пройти мимо нас.

Повторяем ее по возможности в кратких и простых словах, чтобы потом внятнее было изъяснение подробностей ее.

Некто имел двух сыновей. Младший из них истребовал от отца часть имения, которую мог бы получить по наследству, удалился на чужую сторону; расточил имение, живя роскошно и распутно; подвергся голоду; пристав к одному из тамошних

жителей, послан был пасти свиней и не имел даже такой пищи, какой свиней кормят. Тогда он опомнился, пришел в себя и стал размышлять: сколько наемников у отца моего живут в до-вольстве! А я гибну голодом. Пойду к нему и скажу: согрешил я на небо и пред тобою и уже недостойн называться твоим сыном, определи меня в число твоих наемников. Отец, увидав его еще издали, сжалился над ним, вышел навстречу ему, обнял его, поцеловал и, не дав ему договорить покаянной речи его, сказал рабам: оденьте его в лучшую одежду, дайте ему пер-стень на руку и сапоги на ноги, заколите тучного тельца, со-ставим веселое пиршество. Во время пиршества старший сын, возвращаясь с поля, услышал веселые голоса в доме и, узнав причину сего, не хотел войти. Отец вышел и убеждал его. Но он изъясил негодование на то, что ему, много лет работающему для отца, никогда не сделано такого утешения, какого удосто-ен сын, расточивший имение отца с развратными людьми. На сие отец сказал: Сын мой! Ты всегда со мной, и все мое — твое. Надобно же было порадоваться о том, что брат твой был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Кого представляет сия притча под образом отца? Бога в отношении к человекам. Как сын имеет жизнь от отца, по рож-дению, так всякий человек имеет бытие и жизнь от Бога, по со-творению. Как сын при отце все, что имеет, имеет от отца, так всякий человек все, что имеет, первоначально имеет от Бога.

Кого изображает притча в лице и действиях младшего сына? Человека-грешника. В каких бы ни был летах возраста, незрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыслен тот сын, который не понимает счастья быть близ сердца доброго отца, под мирным кровом дома его и хочет удалиться без нуж-ды для того только, чтобы жить по своей воле. Подобно сему, всегда незрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыс-лен грешник, который не хочет признать блаженства быть с Богом посредством веры, молитвы, любви, *жить в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго* (Пс. 90:1) и удаляется от воли Божией чистой, святой, блаженнотворной в свою волю плот-скую, нечистую, и посему самому уже несчастную.

Что значит в притче взятие и присвоение младшим сыном своей части отеческого имения? Сим изображено начало греховного состояния, когда человек на то, что имеет от Отца Небесного и от Его Провидения, перестает взирать как на дары Божии, а начинает смотреть как на свою собственность и с самоуслаждением думает: это моя способность, мое знание, мое искусство, мой подвиг, моя заслуга, мое достоинство, мое богатство; а за сим, естественно, последует то, что данные ему блага он и употреблять будет только для себя, а не для Бога. Остановись, чадо, и остерегись! Отсюда начинается путь, который может довести до расточения полученного достояния, до нищеты, до голода, до состояния пасущих свиней.

Что значит удаление младшего сына от отца и дома его в чужую дальнюю страну? Удаление грешника от Бога. Как он удаляется? Очевидно, не движением местным, потому что Бог вездесущ, но мыслью, волей, поступками нравственными. Когда ты помышляешь о Боге, молишься Ему, тогда ты с Богом. Когда забываешь Бога, тогда удаляешься от Него. Верой и любовью ты приближаешься и прилепляешься к Богу; оскудением любви, маловерием, неверием удаляешься от Него. По слову Христову: *Имей заповеди Моя и соблюдай их, той есть любяй Мя* (Ин. 14:21), соблюдением заповедей Божиих и Христовых ты приближаешься к Богу и Христу; и, напротив, уклонением от исполнения их удаляешься от Бога и Христа. Когда ты в церкви, ты в доме отеческом. Когда ты удалился от Церкви, утратил благодатное чувство, которое она вселяет в душу молитвой, словом Божиим, таинствами; погрузился охотно в мир греховный, преданный суете, обладаемый страстями, жадный к чувственным удовольствиям, — жаль тебя — ты в стране чужой и далекой, и тем больше жаль, если сего не примечаешь.

Что дает разуметь притча, когда говорит, что младший сын на чужой стороне жил распутно и расточил имение? Частию сим она буквально изображает жизнь некоторых грешников. О всех же вообще грешниках притча дает разуметь, что они, перенося свою любовь от предметов духовных и свя-
тых к чувственным и греховным и к сим прилепляясь мыс-

лями, желаниями, делами, чрез сие прелюбодействуют от любви Божией, против чего и гремит пророческое слово: *Се удаляющи себе от Тебе погибнут; потребил еси всякого любодеещаго от Тебе* (Пс. 72:27). К сей грозной судьбе грешники сами себя приближают, расточая грехом не только благодатные, но и естественные блага, им дарованные. Роскошный расточает богатство. Сластолюбивый расточает сокровище здоровья. Гордый неприметно расточает золото душевных сил, даже до лишения ума.

Что значит в притче голод в чужой стране, постигший удалившегося туда от дома отеческого сына? Сим означает то, что в мире греховном человек-грешник только на краткое время может находить услаждение чувственное, но вскоре ощущает глад душевный, потому что греховный мир предлагает только тленные, скоро исчезающие услаждения, но душа человеческая нетленна, нетленной и пищи требует. Сие знают не только те, которые очистили и возвысили свой вкус для пищи духовной, но и предавшие себя тому, чтобы полным ртом поглощать чувственные удовольствия. После недолгих опытов часто слышим от них признание, что они разочарованы и уже не знают, чем себя удовлетворить.

Кто житель дальней страны, который послал несчастного сына пасти свиней? Это диавол. Человек начинает играть грехом, как отрок врабием, но раньше или позже оказывается, что это игра с адским змием. Когда греховные желания закоснением и привычкой усиливаются и умножаются, а средства удовлетворения им оскудевают и самое удовлетворение наскучивает, тогда настает для грешника мучительный, неутолимый глад, и сим искусьитель пользуется, чтобы решительнее *уловить его в свою волю* (2 Тим. 2:26) и заставить голодного пасти свиней, то есть непрестанно питать чувственные скотские похоти и в то же время чувствовать их низость, грубость и неудовлетворительность.

Изобразив крайнее бедствие грешника, притча показывает далее, как может он «возникнуть от диавольской сети» и освободиться от порабощения греху.

Заблудший сын пришел в себя. Это начало обращения грешника к Богу. Прежде блуждал он мыслями и желаниями вне себя, по предметам своих страстей и похотей, и когда сучал от их неудовлетворительности, в них же искал для себя новых обаяний. Счастливо для него крайнее бедствие вне, которое обращает его внутрь. Вошед в себя, он яснее сознает, чего требует душа его, и как многого ей недостает. Вспоминает Отца Небесного и блага, которых лишился чрез удаление от Него, и решается возвратиться к Нему, то есть оставить жизнь греховную и жить по заповедям Божиим. Берегись рассеяния, желающий спасения, входи в себя, внимай себе и Отцу Небесному.

Заблудший, но раскаивающийся сын не имеет уже притязания на достоинство и права сына и хочет довольствоваться состоянием наемника в доме отца. Сим изображает притча смирение кающегося грешника. Кто, приступая к покаянию, сказал бы: буду отныне праведником, буду сыном Божиим; о том надлежало бы усомниться, достигнет ли он сей высоты и устоит ли на ней. Скажи лучше в душе твоей к Отцу Небесному: желаю и потщусь исполнять Твою волю, как исполняют не только рабы Твои, но и сыны Твои; однако по грехам моим, недостойн и нарецись Твоим сыном; до-вольно, если принят буду между последними в доме Твоем. *Изволих приметися в дому Бога моего* (Пс. 83:11). Такое расположение, без сомнения, благонадежнее. *Смирязй себе вознесетсЯ* (Лк. 18:14).

Заблудший сын, как скоро вразумил себя о потребности обращения, действительно пошел и приблизился к отцу. Чрез сие учит притча, что доброе намерение тогда спасительно, когда неуклонно и неленостно приводится в исполнение. Есть люди, которых путь усеян добрыми намерениями, но добрые намерения остались неисполненными, и путь их склонился к аду.

Отец встречает и ущедрет возвращающегося от заблуждения сына. Это светлый образ дивного человеколюбия Божия к кающемуся грешнику.

Отец издали усматривает возвращающегося недостойного сына и идет навстречу ему. Бог провидит обращение грешника и сретае его предвещающей благодатью.

Еще только в сердце несет сын возобновляемую покорность отцу, как отец уже обнимает его и целует. Как скоро в сердце полагает грешник решительное намерение творить волю Божию, Бог уже начинает являть ему Свою близость и знамения Своего милосердия и любви.

Едва сын успел изречь свое покаяние и самоосуждение: *Согреших, не смею достоин*, как отец, не допуская его наречиться наемником, дарует ему сыновнюю светлую одежду, перстень и обувь. Как скоро грешник в смиренном покаянии произносит на себя осуждение: Бог тайно на небесах и на земли чрез служителя таинства изрекает ему прощение, утверждает его в чувстве смиренной преданности, устраняя от него чувство наемника, работающего только ради воздаяния, облакает его в сыновнюю светлую одежду оправдания Христова, дарует ему обручение Духа, дает его ногам готовность тещи по пути правды и спасения.

Отец ради погибшего и обретенного сына заклал тельца упитанного. Бог ради погибшего и взысканного им грешника предал Сына Своего в жертву спасения и в пищу жизни и веселия небесного.

Не один отец, но и дом исполняет радости о погибшем и обретенном сыне. Радость *бывает на небесах о едином грешнице кающемся* (Лк. 15:10).

Говорить ли теперь о старшем сыне, который был благоразумен, когда не пожелал оставить дом отца своего, но не таким явился, когда из радости отца извлек свою досаду, когда в спасении погибшего брата нашел свою обиду? Говорить ли о людях, которые хвалятся, что никогда не уклонялись от воли Божией и от заповедей Божиих, но которые прекословят воле Божией, милующей грешника, осуждают оправдываемого Богом и, высоко ценя свое исполнение обязанностей, как заслугу и право на воздаяние, обнаруживают не сыновний, а наемнический дух? Таковы были древние

фарисеи, которые и в дом отеческий — в церковь Христову не хотели войти, негодуя на то, что Христос приемлет грешников. Пожелаем таким людям, чтобы они «вошли в себя», лучше познали себя и уразумели, что и они только по милосердию Отца Небесного могут быть Его сынами и наследниками.

Думаю, все мы, братия, если рассмотрим себя беспристрастно, найдем, что или находимся, или были далеко или недалеко на пути заблуждающего сына. Устрашимся крайнего бедствия, к которому сей путь ведет и которое скоро может превратиться в погибель вечную. Да спешит каждый совратившийся обратиться и невозвратно предать себя милосердию Отца Небесного. Если кто по несчастию и далеко уже на бедственном пути, тем более да поспешит обратиться, не предаваясь отчаянию, ибо безмерно милосердие Отца Небесного. Да притекаем к Нему смиренным покаянием и деятельным исправлением жизни нашей: и радость будет в доме Его — в Церкви земной и небесной о чадах благодати Его, мертвых и оживших, погибших и обретшихся.

Споспешествуй сему молитвами твоими, присный сыне Отца Небесного, присный отче наш, святителю Алексие. Аминь.

Беседа по Крестном ходе

Говорена в 1843 году

*Приидите возрадуемся Господеви,
воскликнем Богу Спасителю нашему:
предварим лице Его во исповедании,
и во псалмех воскликнем Ему.
(Пс. 94:1, 2)*

Праздновать праздник дело столь обыкновенное и столь, по-видимому, простое, что нелегко придет кому-нибудь мысль подозревать себя в неумении праздновать.

Вид пришедших на сей праздник, если не обманываюсь, более показывает удовольствие, что празднуют, нежели заботу, так ли празднуют.

Но не случилось ли вам когда-нибудь читать или слышать в церковном чтении, что говорил Бог чрез пророка Исаию некоторым празднующим о некоторых праздниках? — *Праздников ваших ненавидит душа моя* (Ис. 1:14)!

Незаботливо ли это для празднующих?

Что может быть несчастнее праздников, которые Бог ненавидит?

И что это за несчастные праздники? Не вааловы ли? Не молоховы ли? Не другие ли идольские и языческие? Совсем нет! Бог негодует на праздники иудейские, истинному Богу посвященные, и даже Самим Богом установленные.

Новомесячий ваших, и суббот, и дне великого не потерплю; поста, и праздности, и новомесячий ваших, и праздников ваших ненавидит душа Моя.

И пусть бы так унижаемы и отвергаемы были праздники иудейские тогда, как сень законная прешла, и явилась благодатная истина; тогда как загадочные жертвы овнов и тельцов разгаданы крестною жертвою Христовою, и бесполезно стало повторять загадку разгаданную; тогда как Ветхий Завет уступил место Новому, храм Иерусалимский — церкви христианской, служение Богу обрядовое — поклонению духом и истинною.

Но нет! Бог чрез Исаию возгремел против праздников иудейских, когда закон Моисеев господствовал, Ветхий Завет был в своей силе, храм Иерусалимский стоял, и праздники иудейские столько же важны были для истинной церкви иудейской, как нынешние наши праздники для истинной церкви христианской.

Так посему может случиться, что и на наши праздники падет подобный приговор: *не потерплю... ненавидит душа Моя?* Да. В сем-то и состоит забота.

Итак, видите, что стоит труда подумать, как праздновать праздник, и так ли, как должно, мы празднуем.

Вслушайтесь же внимательно, как пророк Давид во псалме и созывает на праздник, и вместе поучает праздновать: *Приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему: предварим лице Его во исповедании, и во псалмах воскликнем Ему.*

Первое наставление: *приидите.*

На сие вы можете сказать, что если это есть заповедь праздника, то вы правы пред нею; потому что пришли на сей праздник, и притом шествием торжественным и благоговеи-ным. Не оспариваю сего утешения вашего.

Но иные, может быть, скажут, разве непременно надобно куда-нибудь *итти*, чтобы *возрадоваться Господеви*? Разве нельзя праздновать и дома сидящему? Не стану спорить и против сих вопросов.

Однако пророк Давид не пустое же сказал слово: *приидите*. Что же он думал? Чего требовал?

Дабы *возрадоваться Господеви*, дабы праздновать праздник Божий, надобно, чтобы человек был в некотором сближении с Богом. Бог всегда близок к человеку по Своему вездесущию: но человек не всегда близок к Богу по своей ограниченности, невниманию, рассеянности, по занятию земными предметами, по склонностям и действиям Богопротивным.

Итак, надобно выйти умом из земных помыслов и воспоминаний, сердцем из забот и пристрастий, телом из работ и дел, чтобы без преград и препятствий приблизиться к Богу, предстать Ему и праздновать в Его присутствии.

Некоторые, вышед из жития греховного, из работы дел неправедных, из пристрастий вырвавшись даже из невинных, по-видимому, естественных привязанностей к родству, к семейству, к дружбе, к вещам и занятиям, необходимым для временной жизни, идут и приходят к Богу ежедневно, ежечасно, с непрестанно поучением в слове Божием, псалмопением, с внутреннею и во время внешних занятий молитвою, с возвышенным Богомыслием и созерцанием, так что поистине вся жизнь их составляет один *путь Господень* (Деян. 18:26).

Таких я не призываю более никуда: они в своем уединении, в какой-нибудь хижине или пещере празднуют с Богом и ангелами праздники более совершенные, нежели мы в наших торжественных собраниях.

Я молил бы только их посещать, хотя иногда, наши священные собрания, не столько по надобности в том для них, сколько в благодеяние нам, чтобы их присутствием расширялось наше общение со святыми, чтобы их крепкая, небопроходная молитва пролагала удобную стезю немощной молитве нашей.

Знаю, по примерам и преданиям, что они и делают сие, по внушению водящего их Духа Божия; и мысль, что такие люди скрываются во многочисленных церковных собраниях, и тайно, неведомо нам, но сильно и благопоспешно помогают молитвам нашим, — сия мысль есть одна из тех, кои делают вожделенными сии собрания, сами по себе важные.

А вам, люди более обыкновенные, которых душа в дни работные глубоко погрязает в делах и работах, а в неработные — легко предается дремоте праздности или рассеивается в суетных увеселениях, которых внимание, по нуждам, по привычкам, по пристрастиям, так много занято земными предметами, что они стоят около вас, как преграда между вами и Богом, — вам настоятельно говорю я с Давидом о днях Господних: *приидите возрадуемся Господеву*; выйдите, как можно, хотя на сие особенное время, из обыкновенного вашего положения, неблагоприятного для души; оставьте позади себя ваши дела, ваши заботы, все, что вас привязывает, или рассеивает, или смущает, или огорчает, или раздражает; приидите в каждый из таких дней, в одно из тех освященных мест, где все вам напоминает, все дает чувствовать, что вы предстоите Богу: где слово Божие глаголет; где Дух Божий дышит; где Голгофская жертва Христова возобновляется; где благодать отверзает объятия молящимся; где ангелы сослужат тайнодействующим человекам, и человеки тайно изображают Херувимов.

Дабы, впрочем, не затруднить еще один разряд людей, — тех, которые, по немощи, по нужде, по долгу повиновения,

во времена священные принуждены оставаться в домах, при делах мирских, — скажем и для них: по крайней мере, когда услышат они возвышенный голос колокола, возвещающий высокую минуту бескровной жертвы, пусть пошлют в церковь благоговейную мысль, благочестивое желание; пусть освятят себя знаменiem креста как бы вместе с предстоящими алтарю: ангел храма встретит их и вдали, причислит к действительно предстоящим и вознесет на алтарь Господень память их.

Второе наставление пророка: *возрадуемся Господеву*.

Праздник без духовной радости, без сердечного в нем участия, без внутреннего чувства есть тело без души. Но должно испытывать и поверять чувство и различать виды радости. Ленивый работник бросил работу и рад, что настал праздник: он радуется своей лени, а не Господу. Легкомысленная женщина облеклась праздничным убранством и с удовольствием начинает праздничный день: она радуется своей суете, а не Господу. Ядца и пийца видит или воображает праздничное пиршество и весел заранее: он радуется своему чреву, а не Господу.

Нет! Если и тогда как от вчерашней работы еще болят у тебя члены, ты охотно идешь во храм и не боишься утомления; если твои чувства, мысли, сердце так заняты богослужением, что ты не развлекаешься посторонним и забываешь внешнее, то я верю, что ты *радуешься Господеву*.

Если же и по выходе из храма ты остаешься внутренно довольным так, что не привлекаешься удовольствиями чувственными; вносишь мир твоей души в мир твоего дома и распространить твое утешение желаешь разве только в духовном общении либо в благотворении к ближнему, то я еще больше верю, что ты *возрадовался Господеву*.

Ибо когда радость Господня, утешение внутреннее, духовное, посещает и наполняет сердце, тогда человек находит себя духовно услажденным и насыщенным так, что алкание внешних услаждений утихает и престаёт; тогда опыт лучшего и высшего показывает ему, как ничтожен их вкус, как низко погружение в них, как отвратительно их излишество; тогда если

радость духовная возбуждает и движет его, то движет по свойству своему к делам духовным и Богоугодным.

Дай нам такую радость, скажут, может быть, некоторые; научи нас так радоваться.

Желал бы я сего, братия, для вас и для себя, только сомневаюсь: можно ли научить радости как науке; можно ли раздавать оную, как раздают пищу за столом?

Но зато можно иметь радость и без прошения у других, и без научения другими. Посмотрите на младенца, когда он видит свою мать и бросается в ее объятия: не видите ли, что он весь радость? А его никто не учил радости; и он не просил ее у матери. Будьте и вы, *яко дети*, как и учил быть Христос Господь (Мф. 8:3), — так просто, так совершенно предавайтесь Богу, так всецело повергайтесь в объятия благодати Его: радость Господня от одного взора матери — благодати, сама собою родится в сердце простом и чистом.

Если же сердце ваше не обретает радости духовной, то не бесполезно вспомнить закон и предел, который Бог положил радости. *Нестъ радоватися нечестивым, глаголет Господь* (Ис. 48:22). Предел, за который не переступает радость Господня, есть тот, за которым начинается область нечестия, или беззакония.

Итак, если сердце твое не обретает радости духовной, то *внемли себе*, как говорит Моисей, примечай за собою, испытывай себя, *да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония* (Втор. 15:9), не кроется ли в нем противный благочестию и добродетели помысл, страсть, намерение, дело нечистое, несправедливое, злое, чем сердце осквернено, загромождено, заграждено и сделано недоступным чистой и святой радости.

В таком случае путь к радости о Боже *есть печаль яже по Боже*, которая *покаяние нераскаянно во спасение соделоват* (2 Кор. 7:10), и таким образом *сеющи слезами радостию пожинают*: чего ради и псалмопевец радости в самую средину радостного псалма своего всевает слезы как семя чистой радости: *Восплачемся*, — говорит, — *пред Господом, сотворшим нас* (Пс. 125:5).

Впрочем, испытывай себя, сказал я, не в слове ли беззакония кроется причина отсутствия радости, а может случиться и то, что она медлит явиться, ожидая манования благодати, испытующей твою преданность и упражняющей твое терпение, или просто требуя возбуждения свойственным ей образом.

Сюда относится третье празднственное наставление пророка, которое заключается в следующих воззваниях: *воскликнем Богу Спасителю нашему; предварим лице Его во исповедании, и во псалмех воскликнем Ему.*

Он указывает здесь на средство возбудить священную радость, и когда она возбудится, так как она по существу своему жива и деятельна, дать ей приличное упражнение. Когда вы приходите пред Бога, чтобы возрадоваться Господеви, чтобы праздновать праздник Его, не стойте пред Ним, как истуканы, с холодным равнодушием без упражнения вашего внимания, без возвышения вашего сердца; вспомните, что предстоите Богу, вашему Творцу, вашему ежеминутному Хранителю и Промыслителю, вашему вечному Спасителю; взирайте к Нему вашим умом; взывайте к Нему вашим сердцем; церковь вам предшествует в сем своими молитвами и песнопениями; дайте свободно входить ее гласам и воскликновениям в ваше сердце; пусть оне там отдаются и производят духовный отголосок.

Воскликнем Богу Спасителю нашему.

Может быть, призываемый воскликновениями Бог не вдруг даст ощутить душе Свою благодатную к ней близость: сие да не воспящает нас. Иногда Он предваряет наши призывания и ожидания Своим утешительным посещением, но если иногда и не так, *то мы предварим лице Его во исповедании* — во исповедании нашей немощи, а Его силы — нашего недостойнства, а Его благодати — нашей скудости, а Его великодаровитости — Его бесчисленных благодеяний и нашего, по крайней мере, искреннего желания быть Ему благодарными.

Господь наш не одобряет мнения тех, которые, взывая к Богу, мнят, *яко во многоглаголании своем услышани будут*, и заповедует *молящимся не лишие глаголати* (Мф. 6:7, 8).

Однако не должна же и не может молитва быть слишком кратка потому, что к сильному и действенному слову молитвы нужно иногда немалое молитвенное приготовление, и потому, что надобно наконец дойти до исполнения также собственно евангельской заповеди: *непрестанно молитесь* (2 Сол. 5:47). Посему мы должны с церковью не только воссылать к Богу краткие, горящие воззвания и восклицновения, но и возносить к Нему псалмы — протяженные, усугубляемые, постоянное стремление к Богу выражающие, молитвы и славословия.

И во псалмах воскликнем Ему.

Но надобно, может быть, и мне в учении о празднике и молитве *не лишше глаголати*, дабы не прейти меру утомленного внимания вашего. Сказанное доселе уже дает вам некоторый способ приметить недостатки, какие могут быть в вашем праздновании, дабы позаботиться о восполнении недостающего и о исправлении неправильного. Признаюсь, меня не все радует, что вижу я в наши праздники. Что значит столь приметный иногда в праздничных церковных собраниях недостаток безмолвия и благоговейного внимания? Если бы помнили все, что пришли пред Бога и предстоят лицу Его, то никто не осмелился бы и не захотел бы здесь обращаться от Бога к человеку и входить в празднословие или распри; народ никогда не был бы около святилища в беспорядочном и шумном движении, подобно волнам, которые движет не дух разумный, а ветер непостоянный. Что значит так близко иногда к Скинии Господней являющееся на праздник новое поселение оных недобрых скиний, приготовленных для служения лакомству или пьянству, для суетных зрелищ, для игр, собственных детям, но которые не дети учреждают и которыми не дети занимаются?

Не то ли сие значит, что многие приходят искать веселия плотского и греховного там, где надлежало им обретать и вкушать радость духовную и святую? А такие праздники не суть ли те самые, которые Бог ненавидит?

Праздников ваших, — глаголет, — ненавидит душа Моя; бысте Ми в сытость, ктому не стерплю грехов ваших.

То есть Бог ненавидит не самые праздники, но грехи, которыми оскверняются праздники, а затем уже и празднование, грехами оскверняемое и потому недостойное Божества.

Ни идолослужители бывайте, — говорит апостол, — яко же нецыи от них, то есть принадлежавших к Церкви ветхозаветной, яко же есть писано: седоша людие ясти и пити, и восташа играти (1 Кор. 10:7).

Видите ли, что праздновать лакомым ястием, неумеренным питием, суетными играми значит праздновать по-идолослужительски? Хорошо ли же вам начинать день празднованием христианским, а оканчивать идолослужительским?

Христиане! Христиански да празднуем праздники наши в радости духовной, в молитвах и псалмопениях Господу, в мирном покое или в делах благих и благотворных, да будут празднования наши Богу благоугодны и для нас благословенны и спасительны. Аминь.

Слово в день святого царевича Димитрия

Говорено в Московском Архангельском соборе

15 мая 1826 года

*Горе вам, яко зиждете гробы пророк,
отцы же ваши избиша их.
(Лк. 11:47)*

Неожиданное обвинение произносит в сих словах Господь на книжников и фарисеев иудейских.

Горе вам, яко зиждете гробы пророк! Итак, неужели созидать гробы пророков есть преступление?

Отцы же ваши избиша их. Но что до того детям, которые их не убивали? Не в законе ли Твоем, Господи, написано: *сын не возмет неправды отца своего (Иез. 18:20)?*

Сомнения сии не суть праздные, и дело сие не есть чуждое и для вас, которые сие слышите.

Увы! От рода отцов наших были те изверги рода, которые убили сего царственного мученика. Достойнейшие из рода отцов наших, при благоприятстве судьбы Божией, прославляющей неповинного страдальца, создали ему гроб. Вы красите раку праведного — благоговейным посещением, поклонением, лобзанием. Итак, уверены ли вы, что не угрожает и вам *горе*, возвешенное детям избивших пророки, *зигждущим гробы пророческия и красящим раки праведных* (Мф. 23:29)?

Остановимся, размыслим, в каком преступлении обвиняет слово Господне книжников и фарисеев, от какого преступления предостерегает всех нас?

Горе вам, яко зигждете гробы пророк, отцы же ваши избиша их.

Без сомнения, не то вменено книжникам и фарисеям в преступление, что их предки убивали пророков. От сей вины решительно освобождает их слово Господне у пророка Иезекииля: *Сын не возмет неправды отца своего, и отец не возмет неправды сына своего: правда праведного на нем будет, и беззаконие беззаконника на нем будет* (Иез. 23:20).

Еще менее можно полагать вину их в том, что гробы пророков или вообще святых чело­веков времен предшествовавших созидали, украшали, почитали. Не из почтения ли к гробам святых предков, с клятвою завещал Иаков Иосифу, говоря: *Да почую со отцы моими: и изнесеши мя из Египта, и погребеши мя во гробе их* (Быт. 47:30)? Не с почтением ли к святому предку и *кости Иосифовы изнесоша сынове Израилевы из Египта* (Нав. 24:32)? А когда случилось, что в незакрытый и не охраненный гроб пророка Елисея нечаянно поверженное тело мертвого человека *прикоснуса костем Елиссеовым, и оживе* (4 Цар. 13:21), тогда не надлежало ли признать не только невинным, но и похвальным и должным то действие, чтобы создать и приличными знаменами отличить от прочих гроб пророка, дабы нечистое не прикасалось к святому, а ищущие очищения и освящения могли находить между костями мертвых кости животворящие?

В чем же виновны зиждущие гробы пророков? За что угрожает им *горе*? Они виновны в лицемерии, за лицемерие должно прийти на них горе. *Горе вам книжницы и фарисее лицемери, яко зиждете гробы пророческия.*

Лицемер есть тот, кто представляет лице благочестивого и добродетельного человека, не будучи таковым в сердце или, по выражению апостола, кто имеет *образ благочестия, силы же его отверглся* (2 Тим. 3:5), или *Бога исповедует ведети, а дела отмещется Его* (Тит. 1:16).

Лицемер есть тот, кто на словах строго ревнует о вере, как православный, а жить попускает себе слабо и беспечно, как язычник; кто любит учить других, но не старается сам следовать своим наставлениям; кто делает добрые дела, но не с добрым намерением, как то: из своекорыстия, самоугодия, тщеславия; кто хвалится точностию, с которою исполняет наружные обряды набожности, но, как известная самаряныня, занимаясь спорами о месте и других внешних обстоятельствах богослужения, совсем не понимает *поклонения Богу духом и истиною* (Ин. 4:24) и еще хуже самаряныни, и понимать сего не хочет, и понимающих сие преследует.

Как лицемеры, книжники и фарисеи совиновны были отцам своим и вместе с ними подлежали прещению Господню не потому, что родились по плоти от избивших пророки, но потому, что в духе своем богопротивные свойства их по своей воле возродили. Давно предложен был вопрос людей, неразумяющих путей Божиих: *Что яко не взя сын неправды отца своего?* И Бог чрез пророка на сие отвечает: *Понеже сын правду и милость сотвори, вся законы Моя соблюде, и сотвори я, жизнью поживет* (Иез. 18:19). Посему если кто предложит обратный вопрос: что, *яко взя сын неправду отца своего* — без сомнения, на основании того же ответа Божия, отвечать можно: *понеже правды и милости не сотвори, и закон не соблюде*; поелику он свободно сделал себя наследником неправды и беззакония своих предков, то по необходимости сделан будет наследником их бедствий и казней. Сей точно разум имеет и прещение Господне на иудейских лицемеров. Господь

обличает их: *Соблаговолите делом отец ваших* (Лк. 11:48); вы так же, как они, расположены внутренно. Он предсказывает: *Се Аз пошлю к вам пророки и премудры и книжники: и от них убьете и распнете, и от них бьете на сонмищах ваших, и изженете от града во град* (Мф. 23:34). И проникая в таковые их расположения и предвидя таковые дела их, Он их и оплакивает, и осуждает: *Горе вам! яко да приидет на вы всяка кровь праведна!* (Мф. 23:35).

При богопротивных внутренних расположениях и намерениях сих лицемеров какая польза или достоинство в личности, которую они покрываются, как бы ни была она благовидна? Они зиждут почетные гробы убиенных пророков: какая в том польза, когда сердце их есть сокровищница вражды и смерти против живущих святых, когда *гроб отверст гортань их* для убийственной клеветы на неповинных чад премудрости? Они красят наружно вещественные раки праведных: какое в том достоинство, когда не украшают себя внутренно духом и живыми чувствованиями праведных? Мало сказать, что в сем случае нет в том пользы, нет в том похвалы, нет в том достоинства: точно, горе им, что они то делают, лучше бы они того не делали. Если бы они не оказывали почтения умершим пророкам и праведникам, то можно было бы заключить, что по неведению не отдают справедливости живущим и потому заслуживают извинение; но когда то, что уважают в умерших, оскорбляют в живущих, то *горе* им как виновным и паки *горе* как неизвинительным! И между нами человеками не столько ненавистен тот, кто не оказывает нам любви или уважения, сколько тот, кто показывает вид любви ненавидимому или вид уважения презираемому: как же должен быть пред Сердцеведцем Богом отвратителен тот, кто пред благочестием и святостию являет наружные знамения благоговения, которых сердце его не знает? *Горе вам лицемери, яко зиждете гробы пророческия!*

Из сего могут видеть и нынешние почитатели гробов пророков, или апостолов, или мучеников и других праведников, чего при сем, впрочем, справедливом и священными пре-

даниями утвержденном почтении, должно им остерегаться. Остерегаться им должно лицемерия.

Если с видимым усердием ищете вы гробов и останков святых телес пророков или апостолов, Божественных проповедников веры, но не имеете внутреннего усердия искать живого слова и духа веры и святыни в их священных писаниях, особенно когда не имеете недостатка в способах сего искания, то остерегитесь, чтобы иногда не пришло на вас *горе*, изреченное на лицемеров.

Если вы чтите гробы мучеников, которые утвердили веру тем, что терпеливо за нее пострадали, но сами не столько расположены собственным терпением и, когда нужно, страданием доказать непобедимость веры, сколько мучить других за любимые вами мнения, то берегитесь, и сие расположение духа не столько вас не обнадеживает радостью, которую святые находили в страданиях, сколько вам угрожает *горем*, которое предвещено подражателям избивших пророки.

Если вы красите знамениями благоговения раки праведных и святых, а Сердцеведец усматривает закосневающую в вашем сердце неправду и беззаконие: остерегайтесь — *горе*!

Напротив того, благословение Божие да приидет на вас, истинно благоговейные читатели гробов праведнических, когда вы, притекая к сим святым гробам, искренно желаете почерпнуть от них дух правды и святыни для вашего внутреннего оправдания и освящения; когда, приближаясь к нетленным телесам, вы стараетесь не менее приблизиться к блаженным духам, их одушевлявшим, чрез послушание их неповрежденному учению, чрез подражание их чистому житию, чрез общение данной им от Бога благодати; когда, с любовью духа лобызая останки святых преставившихся, с такою же любовью отверзаете объятия всему благому и святому, что, по благодати Божией, еще является и в живущих человеках.

Да мимо идет всех нас горе лицемерия! Да посетит нас благословение искреннего благоговения и любви ко всему святому! Аминь.

**Слово в день святого мученика
благодарного царевича Димитрия**

Говорено в Московском Архангельском соборе

15 мая 1846 года

*Аще мир вас ненавидит:
ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.
(Ин. 14:18)*

Мир делает иногда такие дела, которые не только для ненавидимых им ужасны, но и для любимых им ненавистны. Но есть ли у него средства успокоить или утешить людей, пораженных такими делами?

Отдайте на суд самого мира дело, которое одна из великих сил мира, страсть честолюбия, совершила над сыном царевым, не смягчась невинностью отрока и не усташась крови, от предков освященной для блага народа. Без сомнения, и мир скажет, что это ужасно и ненавистно. А что может он сделать, чтобы сие ужасное и ненавистное дело загладить или исправить?

Един Иисус Христос творит сие чудо, что зло, которое мир делает и которого уничтожить не может, не только уничтожается, но и превращается в добро для страждущих от мира, что на событие ужасное и ненавистное можно взирать спокойно и с любовью, что вопреки естественным понятиям и чувствованиям, по которым и благополучная смерть бывает печальна, смерть злополучная становится предметом праздника; потому что это есть смерть мученика Христова, потому что *честна пред Господом смерть преподобных Его* (Пс. 115:6).

Так мир во зле самоосужден и бессилен! Так Иисус Христос во благе могущественен и победоносен!

Посему Господь наш, предваря Своих учеников и последователей о ненависти мира, не заботится ни мирить их с миром, как недостойным их союза, ни вооружает против него, как противоборца несильного, а только предостерегает их, чтобы не-

чаянно встреченная ненависть не привела их в страх и смятение. Он учит взирать на нее равнодушно, как на дело не новое: *аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, если она восстанет против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

Могут некоторые подумать, что наставление Господа не страшиться ненависти мира не к ним относится и дано не для наших времен и обстоятельств. Оно было нужно для первых последователей Христовых, которые жили среди врагов и гонителей христианства. Мы живем христиане между христианами. Мир, который некогда ненавидел христиан, с течением времени переродился в мир христианский. Кому неизвестна победа, победившая мир, вера наша? (1 Ин. 5:4).

Остерегитесь, мысленные победоносцы, торжествующие победу, может быть, не для вас еще или не вполне для вас приобретенную! Мир побежден, но не уничтожен. Он еще живет и по-прежнему ненавидит тех, которые Христовы суть или деятельно стараются быть таковыми. Мир, побежденный непреодолимой истиной веры, как бы невольно плененный в ее послушание и потому допущенный в ее видимую область, не совсем отложил, а только скрыл при сем переходе свои древние свойства, неприметно внес в оную и распространил в ней свой собственный дух, и таким образом сей враг Христа и христианства очутился в пределах самого христианства. Прикрываясь именем христианского мира, он действует свободно и старается образовать для себя мирское христианство, сынов веры превращать в сынов мира, сынов мира не допускать до возрождения в истинную жизнь веры, а на непокоряющихся сему вооружается разными оружиями неправды, соблазном, укорением, осмеянием, презрением, клеветой, жестокостью.

Если сказанное теперь желаете увидеть в несомненных опытах — посмотрите в летописи! Кто так часто среди самого христианства возбуждал вражду, раздоры, смятение, преследовал нередко лучших из христиан, силился угашать светильники

веры? Кто наполнил христианство мучениками, пострадавшими от людей, которые также назывались христианами? Кто жизнь Афанасия Великого превратил большей частью в странничество изгнанника? Кто не оставлял спокойного дня в жизни Василию Великому и Григорию Богослову? Кто заточил Златоуста? Кто был причиной, что многие святые убегали от христианских городов и находили себя в большей безопасности в пустыне между зверями? Кто сию святую жертву заклал так преступно и еще усиливался бесславить кончину благоверного царевича, доколе она не была прославлена Богом? Кто? Неужели христиане, которым вдохновенный от Христа дух есть дух любви, мира, кротости, незлобия, послушания, терпения, взаимного назидания во всякой добродетели? Конечно, это мир, некогда побежденный верой нашей, но потом, по разности времени разными образами, то орудиями лжемудрия, то порывами страстей, действиями соблазна, прельщения и, наконец, грубой силы, возобновлявший и возобновляющий брань, не без печального для нас успеха, не потому, чтобы изнемогла непобедимая вера христианская, но по нашему произвольному расслаблению и малодушию.

Если Господь, верный в покровительстве Своей вере и *не оставляющий искушиться паче, еже мощи* (1 Кор. 10:13), в наше время на нашу немощь не попускает столь сильных искушений, как прежде, мир, однако, имеет и ныне свои стрелы против тех, которые истинно Христовы суть или деятельно желают быть таковыми. И хотя это суть, по выражению псалмопевца, *стрелы младенца*, но и они могут наносить язвы (Пс. 63:8) младенчески немоществующим в вере. Например, когда облеченные в ум Христов *глаголют премудрость Божию в тайне сокровенную* (1 Кор. 2:7), проповедуют учение о глубоком греховном повреждении человеческого естества, о самоотвержении, о возрождении, о внутреннем человеке, о жизни созерцательной, о действиях Святого Духа, Которым, по изъяснению св. Иоанна Дамаскина, «всяка душа живится и чистотою возвышается», и наконец, «светлеется Тройческим единством — священнотайне». Не восстает ли против сего глубокого учения поверхностная мудрость мира, как будто против мечтательства и опасного

нововведения, хотя сие учение может назваться новым потому только, что оно есть учение нового, а не ветхого человека, и опасным только для греховной плоти, поскольку в нем заключается ее распинание? Или, если бы кто из людей, по своему положению в обществе находящихся в глазах мира, совершенно предавшись влечению христианского духа, решился отвергнуть всякий внешний блеск, роскошь, зрелища, увеселения, развлечения, расточать имение только на нищих, прилепиться исключительно к храму Божию — не станет ли мир сего своего беглеца преследовать уязвляющими взорами? Не направит ли на него стрел остроумия? Не найдутся ли люди, которые усомнятся в его здравомыслии потому только, что он не применяется к миру и его нездравым понятиям и неправым правилам?

Итак, надлежит признать, что Христом обличенная ненависть мира против последователей Христовых не только была прежде, но продолжается и доньше. И если хотим быть беспристрастны, надлежит признаться, думаю, многим из нас, что есть и ложный страх, производимый сей ненавистью, и малодушное угождение миру именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего люди благоразумные позволяют себе дела легкомысленные, люди, которые высоко ценят честность, попускают себе дела, которые честность очень невысоко ценит.

Самое обыкновенное благоразумие может рассудить, что игра есть упражнение детское и потому людям зрелого возраста и ума едва изредко позволительное для облегчения сил после долгого напряжения во время важной деятельности. Как же изъяснить сие странное явление общежития, что общества людей зрелого возраста и ума в урочные часы каждого дня игрой занимаются, едва ли не больше неопустительно, нежели делом звания и служения? Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что рассудительные, хотя внутренне признают суетность сего упражнения, но боятся быть отлученными от общества, в котором суета сделалась законом, и потому раболепствуют суете и убивают ею время и более, нежели одно время.

Нетрудно христианскому благоразумию по достоинству оценить искусство, награжденное некогда в лице Иродиады

усеченною главою праведника покаяния и целомудрия, уже по сему одному воспоминанию неприятное для размышляющего и вообще не заслуживающее уважения как игра, и притом не дружная «с тихим и безмолвным житием», к какому располагает христианство. Почему же на попрание сего искусства так часто, в таком множестве, как бы неминуемо, идут христиане и христианки? Не к осуждению, а к извинению многих можно полагать, что это по опасению, чтобы мир не наказал презрением за презрение к законам мира.

Почтенный в обществе званием начальника или судии знает и чувствует, как хорошо иметь руки чистыми от неправды и мздоимства. Но он боится, чтобы мир не уничтожил его благородной бедности, и после сего нельзя ручаться, что он не отверзет своей руки для даров благодарности, а за сим трудно ручаться и за то, что не отверзет ее для мзды несправедливой.

Вот случаи, которые показывают, как в самом обыкновенном течении жизни христианин искушается опасением ненависти мира и как чрез сие может он сделаться или по некоторой неволе рабом мира, или охотно его другом. Но что далее? Страшась быть отверженным миром, он может дойти до того, что будет отвержен Богом. Ибо *никтоже может двема господинама работати* (Мф. 6:24). *Иже восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4:4).

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, если она восстанет против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

«Что страшиться?» — глаголет тебе Христос Господь. Твое состояние не есть необыкновенное, опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на твоего Учителя и Господа и познай, что Он прежде тебя перенес ненависть мира, и притом без сравнения жесточайшую, нежели какая тебя коснуться может. *Ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Но, Господи? Какое в том утешение для ненавидимых миром, что и Ты был им возненавиден прежде нас? Не сугубая ли в том для нас скорбь, что и Ты, самая Любовь, был ненавидим?

Не сугубая ли для нас опасность в том, что и Ты, самая Жизнь, был убит ненавидящими?

Не усомнимся, христиане, в утешении Господнем! Если *вся, елика преднаписана быша, в наше наставление преднаписашася, да терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. 15:4), то возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утешения сказанное, не было для нас обильным источником утешения? Если сей источник глубок, углубим, как почерпало, внимание! Чем более углубим, тем обильнее почерпнем.

Ведите, — глаголет, — *яко Мене прежде вас возненавиде*. Вести, что Христос был миром ненавидим, утешительно для нас, христиане, во-первых, потому, что сие может послужить нам к освобождению от сомнения, на правом ли пути мы находимся. Ибо мир, ненавидящий нас за Христа, старается дать своей ненависти такой вид, будто он не за Христа против нас враждует, а осуждает нас, как не истинно Христовой стезею ходящих. Образ мыслей и жизни, управляемый христианскими началами и потому не такой чувственный и рассеянный, какой любят в мире, мир называет нерассудительной строгостью, упрямством, странностью; простоту и смирение — малостью и низостью духа; расположение к духовным упражнениям и жизни созерцательной — склонностью к мечтательству. Но когда слышим, что и Христу, при Его Божественных деяниях и глаголах, не разумевшие тайн Божества и спасения говорили: *жестоко слово сие* (Ин. 6:60), *хулы глаголет* (Лк. 5:21), *неистов есть* (Ин. 10:20), тогда укору мира против нас перестают быть страшными, потому что уподобляют путь наш пути Христову. Тогда терние, по которому ступаем, не столько нас уязвляет, сколько одобряет, как признак пути Христова. Тогда горькая чаша, которую подают нам, услаждается уверенностью, что мы *пьем чашу, юже пил* Господь наш, и, следственно, это не чаша гнева, но чаша спасения.

Во-вторых, вести, что и Господь наш был ненавидим от мира, утешительно нам потому, что чрез сие можем усматривать последствия ненависти, которую претерпеваем от мира,

и конец наших бедствий. Если бы ненависть мира против Господа не кончилась победой и славой Господа, то не мог бы Он указывать на оную к утешению ненавидимых миром учеников Своих. Но когда, видя себя на Его терновом пути, видим конец сего пути для Него, то и для нас конец того же пути видим. Итак, пусть клеветуют на истину, пусть ненавидят любовь, пусть убивают жизнь — истина оправдается, любовь победит, жизнь воскреснет.

В-третьих, и без дальнейших видов ненавидимым от мира ведать, что и Господь был ненавидим от мира, утешительно по тому самому, что в сем является их сообразность Его возлюбленному и вожделенному образу. Неужели приятнее было бы христианину быть любиму ненавидящим Христа миром? Нет. Пусть мир нас ненавидит, презирует, отвергает — любезна сия ненависть, славно сие презрение, приятно сие отвержение, которое ко Христу приближает и Ему уподобляет.

Сподоби нас, Господи, приближаться к Тебе, если не делами совершенной добродетели, по крайней мере, благодушным терпением противностей и скорбей, по вере и любви к Тебе, по образу Твоего терпения! Но сохрани нас от беды малодушия, чтобы из опасения противностей и скорбей не раболепствовать страстям и суете мира, который Тебя ненавидит! Сотвори сие благодатию Твоею, милосердый к грешным, дивный во святых, препрославленный во веки! Аминь.

Слово в день святого мученика Дмитрия царевича

Говорено в Московском Архангельском соборе

15 мая 1825 года

*Аще мир вас ненавидит:
ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.
(Ин. 15:18)*

Нередко мир делает такие дела, которые не только для ненавидимых им ужасны, но и для любимых им ненавистны.

И спросил бы я у него, имеет ли он какие средства успокоить или утешить людей, пораженных такими делами.

Отдайте на суд самого мира дело, которое одна из великих сил мира, страсть честолюбия, совершила над сыном царевым, не смягчась невинностью отрока, не усташась крови, которую самый мир для блага своего должен признавать священной. Без сомнения, и мир скажет: ужасно! ненавистно! А что может он сделать, чтобы сие ужасное и ненавистное дело загладить или исправить?

Един Иисус Христос творит сие чудо, что зло, которое мир делает и которое уничтожить не может, не только уничтожается, но и превращается в добро для тех, которые злостраждут от мира; что на событие, в высочайшей степени ужасное и ненавистное, можно взирать спокойно и с любовью; что вопреки естественным понятиям и чувствам, по которым самая благополучная смерть бывает печальна, самая злополучная смерть становится предметом праздника.

Так мир во зле самоосужден и бессилен. Так Иисус Христос во благе могуществен и победоносен. Посему Иисус Христос, предваря Своих учеников и последователей о ненависти мира, не подает им средств, не требует от них усилий против сего врага; не мирит их с миром, как недостойным их союза, и не вооружает их против мира, как недостойного их противоборства. Он только предостерегает их, чтобы ненависть мира не привела их в страх и смятение; Он учит взирать на нее равнодушно, как на дело уже не новое. *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, восстающей против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и поступаешь добродетельно.

Могут некоторые подумать, что наставление Господа не страшиться ненависти мира к ним не относится и дано совсем не для наших времен и обстоятельств. Мы не живем ныне, скажут они, среди врагов и гонителей христианства, как жили первые последователи Христовы; мы живем хри-

стиане между христианами; мир, который некогда ненавидел христианский род, в продолжение времен сам переродился в мир христианский. Кому неизвестна *победа, победившая мир, вера наша* (1 Ин. 5:4)? Так, победоносцы, торжествующие победу, может быть, не для вас еще прибранную! Мир побежден, однако не уничтожен: он еще живет и по-прежнему ненавидит тех, которые суть Христовы или хотя стараются быть таковыми. Мир, побежденный верою, плененный в ее послушание, допущенный посему в область ее, неприметно внес в нее с собою и распространил в ней свой собственный дух; и таким образом сей враг Христа и христианства очутился в пределах самого христианства; прикрывшись именем христианского мира, он действует свободно и учреждает себе мирское христианство; старается обратно перерождать сынов веры в сынов мира, сынов мира не допускать до возрождения в истинную жизнь христианскую; а на непокоряющихся ему ненавистию, лукавством, злословием, клеветою, презрением, кратко сказать, всяким оружием неправды вооружается.

Справедливо ли то, что теперь сказано, удостовериться нетрудно. Внимательный тотчас может проверить сие опытом. Кто же так часто среди самого христианства воздвигал и воздвигает вражды, раздоры, смятения; ненавидит и гонит лучших из христиан; старается угашать светильники христианства? Кто наполнил христианство мучениками, пострадавшими от людей, которые также назывались христианами? Кто не давал покойного дня в жизни Василию или Григорию? Кто несколько раз изгонял Афанасия? Кто заточил Златоуста? Кто сию столь Священную и Богоприятную жертву заклал столь нечестиво и безбожно? Кто? Неужели христиане, которым вдохновенный от Христа дух есть дух любви и мира, кротости и незлобия, послушания и терпения? Кто же производил и производит таковые ужасы, как не мир, иногда побежденный верою нашею, но потом — о горе и бесславию христианству! — нередко побеждающий в нас веру нашу не по ее немощи, но по нашему расслаблению и малодушию?

Кто хочет еще ближе видеть, как и ныне мир ненавидит тех, которые истинно суть или желают быть Христовы, тот может испытать сие над самим собою тем скорее, чем совершеннее облечется в ум Христов и дела Христовы и чем более приметен будет миру в сем образе. Пусть предстанет кто премудрым и разумным века сего с учением *о премудрости Божией в тайне сокровенной* (1 Кор. 2:7), о коренном повреждении человеческого естества, о самоотвержении, о возрождении, о внутреннем человеке, о жизни созерцательной, о действиях Св. Духа, Которым, по изречению Святого Дамаскина, всяка душа живится и чистотою возвышается и, наконец, светлеется Тройческим единством священнотайне¹: чем глубже будет он излагать сие бесконечно глубокое учение, тем менее разумные будут разуметь его и тем удобнее, по уверенности в превосходстве своего разума, или презрят его, как мечтателя, или возненавидят, как опасного нововводителя, хотя сие учение может назваться новым только потому, что оно есть учение нового, а не ветхого человека, и опасным только для плоти и мира, поелику оно имеет целию умерщвление плоти и победу над миром. Или пусть откажется кто из людей, не скрытых от мира низостию своего состояния, с полною христианскою решимостию отвергнуть пышность и роскошь, оставить забавы и зрелища, рсточить имение на нищих, прилепиться исключительно ко храму Божию и духовным упражнениям, какими уязвляющими взорами преследовать будут сего беглеца люди так называемого хорошего общества и изящного вкуса! Сколько стрел остроумия или, справедливее, острого безумия на него посыплется! Нет сомнения, что найдутся люди, которые усомнятся в его здравомыслии потому только, что он решился мыслить и поступать по-христиански, не применяясь к миру и его ложным понятиям и неправильным правилам.

Итак, нельзя не признать, что не только в первые времена христианства была, но есть и во дни наши ненависть мира против истинных христиан, и, если хотим быть беспристрастны, нельзя, думаю, не признаться многим из нас, что есть и страх,

производимый сею ненавистью, и малодушное угождение миру именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего благоразумными и основательными кажущиеся люди позволяют себе дела легкомысленные и суетные; для сего желающие быть честными людьми допускают себя впадать в дела бесчестные. Оскорбительно было бы для целого общества подумать, что нет в нем ни одного человека, могущего рассудить, что игра есть упражнение детское и потому людям зрелого возраста и ума едва изредко и на краткое время позволительное для облегчения сил, утомленных долгим напряжением во время важнейшей деятельности. Как же изъяснить сие странное явление общежития, что целые общества людей зрелого возраста и ума играют в уреченные часы каждого дня вернее и постоянное занимаются, нежели делом звания или молитвою? Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что рассудительные, хотя и понимают суетность сего упражнения, боятся быть отлученными от сонмища суеты и потому добровольно поработают себя суете, чтобы убивать ею свое время, а иногда и свое благосостояние. Нетрудно благовоспитанной деве или жене понять, что искусство Иродиады, награжденное некогда кровавою главою проповедника покаяния и целомудрия, по сему одному воспоминанию не может быть для размышляющего христианина приятным упражнением и ни в каком отношении не есть благородное искусство: как же идет христианка на поприще Иродиады? Вероятно, боится она, чтобы мир не наказал ее презрением за презрение к законам мира. Благородный служитель правосудия желал бы сохранить руки свои чистыми от мздоимства, но боится, чтобы другие не уничили его благородной бедности, чтобы корыстолюбивый начальник не изгнал его, не получая от него дани — и, начав дарами благодарности, оканчивает мздою неправды.

Вот случаи, которые показывают, как в самом обыкновенном течении жизни в мире христианин искушается опасением ненависти от мира и как удобно чрез сие опасение делается он или по некоторой неволе рабом мира, или охотно становится его другом. И что же? Страх быть отвержену ми-

ром доводит его до того, что он действительно бывает отвержен Богом. *Ибо никтоже может двема господинома работати* (Мф. 6:24). *Иже восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4:4).

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, восстающей против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

«Что страшиться?» — утешая, глаголет тебе Иисус Христос. Твое состояние не есть необыкновенное, опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на жизнь Учителя и Господа твоего и познай, что с Ним произошло все, что происходит, или еще может произойти с тобою. *Аще мир вас ненавидит: ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Но, Господи Иисусе! Какое в том утешение для нас, ненавидимых миром, что и Ты был им возненавиден прежде нас? Не сугубая ли в том для нас скорбь, что и Ты, самая Любовь, был ненавидим? Не сугубая ли в том для нас опасность, что и Ты, самая Жизнь, убиен был ненавидящими?

Не усомнимся, христиане, во утешении Господнем. Если *вся, елика преднаписана быша, в наше наставление преднаписашася, да терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. 15:4), возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утешения сказанное, не было для нас источником утешения? Если сей источник глубок, углубим наше внимание, чем более углубим, тем обильнее почерпнем.

Ведите, глаголет, *яко мене прежде вас возненавиде*. Ведать, что и Христос был ненавидим, утешительно для нас, христиане, во-первых, потому, что сие может послужить к разрешению сомнения, на правом ли пути мы находимся. Ибо мир, ненавидящий нас за Христа, старается дать ненависти своей такой вид, что не он противу Христа враждует, но мы Христа недостойны. Образ мыслей и жизни не такой чувственный и рассеянный, какой любят в мире, мир называет безрассудною и бесполезною строгостию, упрямством, странностию; стремление к духовному — мечтательством; понятия о жизни созер-

цательной, о искреннем соединении человека с Богом — крайним безумием и даже хулою на Бога. Но когда слышим, что и о Христе, называвшем Себя хлебом животным, спшедшим с небесе, и Сыном Божиим или возвещавшем смерть Свою, говорили: *жестоко слово сие* (Ин. 6:60); *беса имать; неистов есть* (Ин. 10:20); *хулу глаголет* (Лк. 5:21): тогда познаем, что и мы на пути Христовом, когда с нами подобное встречается. Тогда терние, по которому ступаем, не столько уязвляет нас, сколько утешает, как ощутительный признак истинного пути. Тогда горькая чаша, которую подают нам, услаждается уверенностию, что мы *пьем чашу, юже Господь пил*, и что, следственно, это не чаша гнева, но чаша спасения.

Во-вторых, ведать, что и Господь наш был ненавидим утешительно нам потому, что чрез сие можем усматривать последствия ненависти, которую претерпеваем от мира, и конец нашего бедствия. Если бы ненависть мира против Господа не окончилась победою и славою Господа, то не мог бы Он указывать на оную во утешение ненавидимых миром учеников Своих. Но когда, видя себя на Его терновом пути, видим конец сего пути для Него, нет сомнения, что и для нас конец того же пути видим. Итак, пусть клеветуют на истину; пусть ненавидят любовь; пусть убивают жизнь — истина оправдается, любовь победит, жизнь воскреснет.

В-третьих, без всяких дальнейших соображений ненавидимым от мира ведать, что и Господь был ненавидим, утешительно самому, что в сем открывается их сообразность Его возлюбленному и вожделенному образу. Неужели приятнее было бы христианину быть любиму миром, который Христа ненавидит? Нет! Пусть ненавидит меня сей мир; пусть презирает; пусть отвергает: любезна мне сия ненависть; славно для меня сие презрение; приятно сие отвержение, которые приближают меня ко Христу и Ему уподобляют.

Сподоби нас, Господи, уподобиться Тебе, если не делами Твоим подобными, по крайней мере, терпением скорбей и бед Твоему терпению подобным. Но сохрани от беды малодушия, чтобы из страха скорбей не покориться врагу Твоему, не упо-

добиться миру, прелюбодейному и грешному. Сотвори сие с нами благодатию Твоею, Милосердый к грешным, Дивный во святых, Препрославленный во веки! Аминь.

Слово в Неделю вторуюнадесять по Пятидесятнице

Говорено в 1831 году

*Слышав же юноша слово, отъиде
скорбя бе бо имея стяжания многа.
(Мф. 19:22)*

Какой это несчастный человек! Только приблизился ко Христу Спасителю и уже удаляется от Него. Услышал Его Божественное слово и отходит с печалию. С печалию отходит от Того, Который есть *утеха Израилева* (Лк. 2:25) и радость неба и земли. Если от Христа отходит он с печалию, то где же найдет он утешение? Что за несчастье? Что за странность? От чего это?

Причина сей несчастной странности многим не показалась бы делом важным, если бы не открывались ее последствия, которых нельзя почесть маловажными. Это — пристрастие к земным вещам: *бе бо имея стяжания многа*.

Итак, Евангелие хочет вразумить нас о вредных и опасных последствиях пристрастия к земным вещам. Примем сие вразумление со вниманием и вразумим, по возможности, сами себя размышлением.

Пристрастие к земным вещам бывает в человеках не одного рода и не одной степени. Особенно различить должно пристрастие к вещам земным грубое, явно беспорядочное и незаконное, от пристрастия тонкого, не всегда приметного, иногда благовидного.

Пристрастен кто-нибудь к богатству и для удовлетворения сему пристрастию употребляет обман или хищение; пристрастен кто-нибудь к удовольствиям телесных чувств и для удовлетворения своему пристрастию предается объеде-

нию, или пьянству, или еще более низким порокам; истощает стяжание свое, чтобы наполнить чрево свое, простирает свою жадность и невоздержание до неприличия, до безобразия, до болезней и самыми болезнями не вразумляется обратиться к воздержанию: такие пристрастия и действия их столь очевидно беспорядочны и незаконны и последствия сих пристрастий столь очевидно вредны в отношении ко временной и вечной жизни, что сего почти не нужно доказывать и указывать человеку, которого ум не омрачен таковыми пристрастиями, которого сердце не погрязло в тине скотских наслаждений. Пожелал ли бы добрый и благородно мыслящий хозяин, чтобы хищник поселился у него в доме, чтобы ненасытимый и нечистый ядца сидел за его столом, чтобы неистовый от вина входил в его беседу? Что же сказать о Всевышнем Домовладыке и чистых обитателях небесных обителей? Возможно ли, чтобы в их обители допущены были души с такими склонностями и привычками, по которым, во время пребывания их в телах, для других, еще не совсем очищенных, только менее нечистых человеков, они были отвратительны и нестерпимы? *Вне псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всяк любяй и творяй лжу* (Апок. 22:15). *Ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6:10).

Есть земные пристрастия не столь грубые, однако вредные для ищущих Царствия Небесного, и тем более опасные, чем менее их опасаются. Сие должен объяснить показанный нам в Евангелии пример человека, пристрастного к имению.

Он приступил к Иисусу Христу с важным вопросом: *что благо сотворю, да имам живот вечный?* Посему можно приметить, что это был человек не легкомысленный и не суетою только занимающийся. Сего юношу не стыдно поставить пред лицом старцев, на сего израильтянина можно с уважением указать христианам. Всех ли нас паче всего и чаще всего занимает сей важный вопрос: *что благо сотворю, да имам живот вечный?* Не проводит ли иной дня в заботе и ночи в бессоннице над пустыми вопросами: как бы сделаться богаче? Или как бы

выше и виднее других занять место в обществе? Между тем как едва ли кто-нибудь из нас не знает, что Евангелие возвещает горе богатым и первым угрожает жребием последних? Если в таком состоянии душа твоя, христианин, то сказываю тебе, что она, кроме благодати святого крещения, еще в низшем духовном состоянии находится, нежели душа сего израильтянина, коей жалкое состояние обнаружилось внезапным удалением от Христа.

Когда Иисус Христос вопрошающему о средствах достигнуть вечной жизни отвечал, что для сего надлежит соблюдать заповеди, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, почитать отца и мать, любить ближнего, как самого себя, тогда не обвиняясь глагола *Ему юноша: вся сия сохраних от юности моея*. В то время, когда человек ищет себе наставления для вечной жизни, трудно подозревать его в вознамеренном лицемерном самохвальстве пред своим наставником, ибо в сем случае он обманывал бы только самого себя и, скрывая от наставника истинное состояние своей души, тем самым лишал бы себя наставления, сему состоянию приличного. Итак, должно думать, что евангельский юноша не против совести объявил себя сохранившим заповеди от юности своей, хотя, впрочем, можно и должно заметить, что зеркало совести его, не очищенное и не просветленное благодатию Христовой, не довольно чисто и верно представляло ему духовный вид и достоинство его деяний. Если от израильтянина не требовать более, нежели чего надлежит от него требовать по состоянию израильтянина, то сей израильтянин опять является довольно хорошим, и я опять опасуюсь, что не каждый из нас, христиане, выдержит с ним сравнение в добродетели.

Сохранил ли ты, христианин, те заповеди, которые сохранил сей израильтянин? А тебе легче было, нежели ему, сохранить оные и несравненно более можно и должно было сделать добра при помощи благодати Христовой, данной тебе во святом крещении, щедро умножаемой и удобно возобновляемой другими христианскими таинствами.

Послушаем еще израильтянина: *Вся сия сохраних от юности моя; что есмь еще не dokonчал?* Какой опять благо-разумный вопрос! Как обыкновенный ученик писмени закона, смотря на дела свои со внешней их стороны, он почитает себя исполнившим заповеди: однако потому еще не почитает себя заслужившим жизнь вечную; не думает, чтобы удаление от грубых грехов и преступлений можно было поставить в столь высокую цену пред Богом, но предполагает, что для приближения к Богу, для достижения Царствия Его нужен какой-нибудь подвиг более возвышенный, более достойный величия Божия. Не видите ли, что тут есть некоторое смирение и некоторое предчувствие духовного закона? Сии добрые расположения душевные привели сего израильтянина ко Христу, поставили его во дверях благодати, открыли пред ним путь не только спасения от вечной смерти, но и путь совершенства, ведущий к вечной жизни и к высшим степеням блаженства, ибо Господь точно нашел его способным к тому, чтобы преподавать ему учение совершенства: *аще хочещи совершен быти.*

Что ж подлинно *не dokonчал* он? Спрошу и я вместе с ним: желание и деятельное искание вечной жизни, исполнение заповедей, смирение, стремление к усовершению в добре — как уже тут много доброго! Чего еще недостает? И если подлинно чего-нибудь недостает, то, кажется, сие остальное или не очень нужно, или удобно может само собою произрасти от столь обильных семян добра. Так могли бы подумать, и много бы погрешили. Могут и многие семена добра остаться без плода, от одного только недостатка; могут многие подвиги не достигнуть цели, от одного только препятствия. Бедный израильтянин умел почувствовать, что *не dokonчал*, но докончить не умел.

Иди, — сказал ему обретенный им благий Учитель, — *продаждь имение твое, и даждь нищим.* От сего учения о совершенстве вдруг все изменилось в непостоянном ученике. Где прежняя доверенность к Учителю благому? Где желание живота вечного? Где от юности приобретенный навык исполнять познанные заповеди? Где ревность о докончании подвигов, по-

требных для вечной жизни? Все скрылось, все исчезло, я вижу только внезапное бегство: *отъиде*. Тщетно благий, воистину Учитель, словом истины нанеся страсти богатолюбца врачебную и спасительную рану, поспешает утолить боль ее словом утешения: *и имети имаши сокровище на небеси*; то есть я не отнимаю у тебя имения, а только переношу оное в самое безопасное место, на небеса, не разоряю тебя, но предохраняю от разоренья, переменяю сокровище тленное на нетленное, проживаемое на неистощаемое, крадмое и отъемлемое на некрадмое и неотъемлемое; пристрастная к земному душа не приемлет утешения небесного: *отъиде скорбя*. Тщетно провидевший сие Господь привлекает его непосредственно к Себе: *и гряди в след Мене*; то есть я предлагаю тебе тот самый жребий, который я избрал для самого Себя, может ли это быть худой жребий? Если ты, привыкши почитать себя счастливым с именем, не знаешь, как быть довольным без имения, ты удобно сему научишься из примера, слова и опыта, следуя за Мною. Сила слова и любви Христовой приметно проникала в сердце юноши, ему тяжело было расстаться с таким Учителем, не последовать такому наставленью: однако ж он не имел довольно решительности победить свою страсть, и потому она увлекла его. *Отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа*. Отошел он от Христа, может быть, для того, чтобы никогда уже не возвратиться к Нему, ибо, если, находясь у самого Источника благодати, он не вкусил ее, то кто знает, взыщет ли его в удалении благодать, им оскорбленная и пренебреженная?

Смотрите, братья, и со вниманием примечайте, с заботою и опасением о вашем собственном спасении примечайте, как одна страсть в человеке может повредить многим добродетелям; как пристрастие к земным вещам отягчает душу, омрачает ум, связует волю, угашает уже разгоревшееся желанье благ небесных, удаляет от благодати, уже обретенной, разрушает надежду вечной жизни, по-видимому, не без труда и благоразумия основанную. Ибо в Евангелии дело идет не просто о каком-то князе иудейском, которого судьба не теперь и не нами должна решиться, нет, Евангелие не рассказывает празд-

ных и бесполезных повестей; дело идет о судьбе человека, пристрастного к имению, и если ты таков, то хотя без твоего имени, однако и о тебе говорит евангельская повесть, и тебе угрожает не какую-либо маловажною опасностью, но тем, что твоя страсть может довести тебя до измены учению Христову и удалить от Христа.

Что же делать, скажет кто-либо, неужели всем бросать имение и сделаться нищими? Нет, опять не о том дело. Ибо и Христос не от всякого требовал добровольной нищеты. Например, сего, видно, не требовано Им от Иосифа аримафейского, *иже и сам учился у Иисуса*, и, без сомнения, был верен Его учению, когда решился послужить Его погребению, несмотря на опасность от врагов Его, и который, впрочем, в сие время еще оставался *человеком богатым* (Мф. 27:57).

Итак, что же делать?

Кто чувствует внутреннее призвание к добровольной нищете, а наипаче кто, по испытанию и убеждению в сем призвании посвятил оной себя о том, тот да держится нищеты сея как можно вернее, как можно искреннее, как можно совершеннее. Имей то, что иметь заставляет необходимость и правило твоего звания позволяет. Но берегись присваивать и удерживать что-нибудь сверх сего и не позволяй себе жаждать большего. Не прельщай себя мнимым снисхождением суждения о том или другом, говоря: это не слишком непозволительно; по сему обольстительному суждению поступал Иуда, когда *ковчежец имеяше, и вметаема ношаше* (Ин. 12:6). Он думал, что не слишком непозволительно с некоторою жаждою желать умножения денег, чтобы от избытка удобнее было подавать нищим, и не заметил, как совсем забыл правило апостольского нестяжания: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Мф. 10:9); и под покровом нищелюбия воспитал своекорыстие и злорыстие: *таť бе*. Не обеспечивай себя и тем, что ты не какое-нибудь большое накопил сокровище: не пуды золота надобны, чтобы погрузить твою ладью в бездну адскую; тридцать сребреников были для сего слишком тяжелы в руках человека, изменившего правилу нестяжания.

Кто же не обязан правилом совершенного нестяжания, тот, пользуясь богатством, законно приобретенным, не забывай правила, еще псалмопевцем провозглашенного всем богатым: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61:11). Напоминай себе часто, что скорее или медленнее, но во всяком случае чрез не долгое время или богатство тебя оставит, или ты оставишь богатство: и потому обходись с ним, как с гостем, которого надобно честно принять и честно проводить. *И купующии, яко не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7:30—31), учит апостол.

Наконец, если, несмотря на желание поставить себя в сие христианское равнодушие к земным вещам, ты не достигаешь сего беспристрастия, сей свободы, сей возвышенности духа; если земные желания против твоей воли, как сети, опутывают твою душу и не допускают ее возноситься к небесному; если заботы любоимения отвлекают тебя от дел благочестия или развлекают мысли и охлаждают чувствования сердца твоего в самых упражнениях благочестия; если скупость стесняет твое сердце и скорчивает твою руку, когда тебе надлежало бы простереть ее для благотворения, то вновь особенным образом указываю тебе на евангельского богатолюбца. Это его болезнь, и тебе показано теперь, как она опасна. Итак, подумай о врачевствах, которые подал против нее Врач душ и телес: *продажд имение твое, и даждь нищим*; — *гряди в след Мене*. Если ты не умеешь с сохранением имения сохранить твою душу, то подлинно, не лучше ли уже погубить богатство, нежели чтоб оно тебя погубило? Если не можешь вдруг, по крайней мере, понемногу выпутывай душу твою из сети пристрастий, действуя вопреки пристрастиям, ее связующим. Заставь себя благотворить бедному, хотя бы сердце твое не преклонялось к нему состраданием. Отторгни себя от дел житейских, и хотя с некоторым принуждением, поставь себя на дело благочестия, когда того требуют долг и порядок жизни. Бог узрит сии, хотя не совершенные, однако благонамеренные жертвы, и ниспошлет тебе мудрость и силу на то, чтобы приносить оные в большей чистоте и со-

вершенстве. Наипаче же, если по немощи твоей не достигаешь еще, чтобы непосредственно следовать за Христом, по крайней мере, внимательно и неуклонно взирай во след Его; вразумляй себя учением Его; возбуждай себя примером Его; молитвою привлекай силу Его; и за сим путеводительным Светом, как Израиль за столпом огненным, хотя помалу, простирайся дальше и дальше от Египта, ближе и ближе к земле обетования, — дальше и дальше от порабощения страстям и похотям, ближе и ближе к свободе чад Божиих и к житию на земле небесному, к которому и да приведет всех нас путями провидения и благодати Своея, нас ради Обнищавший, да мы нищетою Его обогатимся, богатый в милости Христос Бог наш, сый благословен во веки. Аминь.

Беседа о милосердии к бедным

Говорена 6 декабря 1847 года¹

*И аз вам глаголю: сотворите себе други
от мамоны неправды,
да егда оскудеете, примут вы в вечныя крове.
(Лк. 16:9)*

Не много ли уже говорено и говорится о милосердии к бедным? Будем ли говорить и еще?

Кому любезно милосердие, тому не будет сие в тягость, потому что не скушают разговором о том, что любят. А если кто не расположен часто слышать о милосердии, таковой, по справедливости, может усомниться, довольно ли он любит милосердие, и в сем случае напомнить и не раз о милосердии не лишнее.

Как богатеет мир бедствиями и скорбями! Надобно, чтобы не меньше богатели чада Божии чувствами и делами милосердия.

Кто хочет обогатиться, тот часто размышляет о способах приобретения. И тот, кто хочет обогатиться милосердием, так-

же имеет нужду часто размышлять о приобретении сего сокровища нетленного и некрадогого.

В сей мысли может утвердить нас Евангелие. Известно, как тесна сия книга для множества предметов, которые принадлежали бы ей, если бы могли вместиться в ней. *Суть, — говорит евангелист, — многа, яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мноу всему миру вместити пишемых книг* (Ин. 21:25). Посему можно бы подумать, что немного найдется места в Евангелии для учения о милосердии, по-видимому, довольно простого и обыкновенного. Но Евангелие или, лучше, Сам Христос Спаситель говорит о милосердии многократно и многообразно, и это, без сомнения, соответственно с потребностью поучаемых.

Он видит людей, только начинающих искать пути спасения и блаженства и, пользуясь возбуждившимся желанием спасения и блаженства, на сем грунте сеет семя учения о милосердии: *блажени милостивии: яко тии помиловани будут* (Мф. 5:7).

Видит души, способные к возвышенным чувствам и, чтобы научить их милосердию и благотворению бескорыстному, великодушному, простираемому даже на врагов, указывает им высочайший образец: *будите милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть* (Лк. 6:36). *Яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5:45).

Входит в дом к человеку, любящему гостеприимство, и угощение обращает в учение милосердия: *егда твориши пир, зови нищия, маламоущныя, хромыя, слепыя; и блажен будеши, яко не имут ти, что воздати, воздаст же ти ся в воскрешение праведных* (Лк. 14:13—14).

Видит людей, которым некогда подумать о делах милосердия, потому что их время слишком занято многодельной праздностью и праздной деятельностью, строгим исполнением законов современной роскоши в одежде и убранстве, пиршествами, увеселениями, которые тем глубже дремлют духовно, чем более возвышена деятельность их чувственной жизни, для

пробуждения которых, следовательно, надобно сильное средство, и таким средством употребляет притчу, в которой представляет для них зеркало настоящего и будущего: *человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло* (Лк. 16:19), и потому некогда ему приметить, что у ворот его лежит нищий и болящий Лазарь. Вот настоящее! А вот и будущее! Немилосердный богач, в адских огненных муках, не может достать капли воды для прохладения того языка, который так тонко чувствовал изящество избранного ястия и пития.

Видит Небесный Учитель законника, не отрицающего заповеди человеколюбия, но покушающегося стеснить и запутать ее холодным исследованием: *Кто есть ближний мой?* (Лк. 10:29). И дабы показать, что сие мнимое недоумение совсем не требует умственного исследования и разрешается просто сердцем, притчей представляет в предмет человеколюбия странника, поверженного на дороге, обнаженного и израненного разбойниками.

Видит священников и левитов, не довольно готовых, не довольно поспешных на помощь бедствующему, и, чтобы хотя стыдом расположить их к милосердию, показывает в притче о впадшем в разбойники священника и левита, прошедших мимо, а самарянина, по обыкновенному понятию человека презренного, помогающего беспомощному, как слуга и как родной.

Божественный Учитель милосердия не оставляет без особого наставления *приближавшихся послушати Его* (Лк. 15:1) и таких учеников (Лк. 16:1), как *мытари и грешницы*, которые как в приобретении, так и в употреблении богатства руководствовались только мирской мудростью, полагаемой в том, чтобы ловко приобрести, пожертвовать только для большей выгоды, обеспечить себя от недостатка. От их мудрования, подобно, как и прежде, в доме угостителя от угощения, заимствует Он для них образ учения и предлагает притчу о несправедном приравнении имени и сопровождает ее наставлением: *Сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, примут вы в вечныя крowy.*

Видно, слышавшие сие наставление, догадались понять оное не в смысле мирского мудрования, которому никогда не учил Божественный Наставник, но в разуме чистой духовной мудрости, потому что Наставник Сердцеведец не нашел нужным прибавить что-либо для ограждения Своего наставления от неправого истолкования. Вероятно ли посему, что некоторые из христиан не так легко войдут в истинный разум учения Христова, как некогда мытари? Желалось бы почестъ сие даже невозможным, но случается слышать вопросы: что значит притча о неверном приставнике? Что значит: *сотворить себе други от мамоны неправды*? Неужели собравший богатство неправдой, подав милостыню из несправедливо приобретенного, может тем приготовить себе добрую обитель в вечности?

Полагаю, что надобно устранить сие недоумение, а для сего нужно яснее иметь в виду содержание притчи.

Некто имел приставника сельского имения и, узнав, что он расточает вверенное, вознамерился отнять у него должность и для того потребовал отчета в управлении. Управитель, видя, что должен остаться без места и без содержания, призвал людей, которым из управляемого имения хлеб и масло были отпущены в долг, и, велев переписать долговые записи с уменьшением долга, подарил таким образом одному пятьдесят мер масла, другому двадцать мер пшеницы в той надежде, что, лишась места и содержания, из благодарности будет ими принят в их дома. *И похвали Господь дому строителя несправедного, яко мудре сотвори*. Примечайте, что несправедный строитель похвален не за неправду, которая не может быть предметом похвалы и за которую он уже осужден прежде и осужден на отрешение от должности, но за то, что *мудре сотвори*, что искусно распорядился.

Для правильного разумения сей притчи надлежит взять в соображение общее правило, что как видимый предмет притчи, по свойству вещей, не во всем может быть сходен с предметом, означаемым притчей, то не все, что принадлежит к повествованию притчи, может принадлежать к ее уподобительному значению и толкованию. Например, в притче о судии несправед-

ном, *Бога не боящемся и человек не срамляющемся* (Лк. 18:2), который вдове, долго, ежедневно неотступно просившей защиты, оказывает, наконец, просимую справедливость, к уподобительному толкованию принадлежит, во-первых, самое имя судии, во-вторых, последняя часть повествования. И сим иносказанием означает, что Бог усердную и неотступную молитву, наконец, приемлет и исполняет, а подробные черты первой части повествования, изображающие судию неправедным, *Бога не боящемся и человек не срамляющемся*, не принадлежит к уподобительному толкованию притчи, потому что в сих чертах являются человеческие свойства, очевидно, несообразные со святостью Судии Бога. Подобно сему и в притче о неправедном приставнике неправда и неверность входят только в повествование притчи для его полноты, а к уподобительному значению притчи не принадлежат как черты, несовместимые с духом учения Христова.

Истинное же значение притчи определяется следующими чертами. Приставник управляет чужим имением, подобно сему всякий человек в настоящей жизни пользуется богатством и другими дарами Божия творения и провидения не как независимый обладатель, никому не обязанный отчетом, но как приставник, обязанный отчетом Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежит. Приставник, наконец, должен оставить управление и дать в нем отчет, подобно и всякий человек с окончанием земной жизни должен оставить то, чем распоряжался на земле, и дать в своих действиях отчет пред судом Божиим. Оставляемый приставник видит, что останется скудным и бездомным, подобно сему представляемые от земной жизни иные благовременно в смиренном самопознании открывают, а иные поздно усматривают, что они скудны подвигами и добродетелями, что не стяжали довольно веры и любви к Богу, не довольно укрепились в молитве, не совершили достаточных подвигов воздержания и самоотвержения или страдания за истину, которые отверзли бы для них одну из обителей небесных. Что делать бедному приставнику? Что делать скудной душе? Приставник имеет на-

дежду быть принят в дома тех, которым он от избытка вверенного ему управления сделал одолжение. Душа, при недостатке совершенства, имеет надежду, что бедствующие и скорбящие, которым она от своего земного благосостояния подавала помощь и утешение, благодарной молитвой веры помогут и ей отворить дверь вечного крова, которую себе отверзают верностью в подвиге терпения.

Конечное слово притчи ясно показывает, что она, употребляя мирское мудрование в подобие духовной мудрости, отнюдь их не смешивает: *сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть*. То есть как жаль, что чада мудрости мирской имеют довольно искусства среди самого разрушения темными средствами устроить свое временное благосостояние, а чада света, ученики мудрости Божественной, часто не употребляют довольно тщания, чтобы при ее свете, с ее силой уравнять и управить свой путь в вечные кровы!

Остается изъяснить выражение *мамона неправды*, чтобы несно понимаемые слова не закрывали чистоты учения.

У сириян был идол, который назывался «мамона» и суеверно почитался покровителем богатства. От сего и к самому богатству перенесено то же название «мамона». Господь, конечно, не без причины вместо простого названия богатства употребил слово *мамона*, в котором с понятием «богатство» соединяется понятие «идолослужение». И причину сего не иную можно предположить, как ту, что хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, с пристрастием обладаемое, делающееся идолом сердца.

Таким образом определяется смысл и целого выражения: *мамона неправды*. Это значит богатство, которое чрез пристрастие к нему сделалось несправедливым, или порочным, ибо в священном языке неправда может означать вообще порок, подобно как и правда — вообще добродетель.

Что же посему значит наставление: *сотворите себе други от мамоны неправды*? Это значит — богатство, которое чрез пристрастие легко становится у вас мамонной неправды, веществом порока, идолом, обратите в доброе стяжание чрез бла-

готворение бедным и приобретите в них духовных друзей и молитвенников за вас.

Что касается до тех богатых, которые не только не свободны от неправды пристрастия к богатству, но и отягчены неправдой злоприобретения, они напрасно ищут легкого способа прикрыть свою неправду в притче о неправедном приставнике. Но если хотите истинного, собственно к ним относящегося наставления, то найдут оное в истории мытаря Закхея. Тогда как он неправду пристрастия к богатству очищает милостыней: *се пол имения моего, Господи, дам нищим*, — другую, более тяжкую неправду злоприобретения заграждает справедливым удовлетворением обиженных: *аще кого чем обидех, возвращу четверницею* (Лк. 19:8).

Премудрый сын Сирахов приписывает милостыне достоинство жертвы и богослужения: *творяй милостыню, аки жряй жертву хваления* (Сир. 35:2). Но приношение Богу должно быть чисто не только от гнусности, но и от низости. *Да не принесеши*, говорит закон, *цены псу в дом Господа Бога твоего* (Втор. 23:18). Посему можно судить, как нужно заботиться о том, чтобы подаваемое в милостыню было почерпнуто из чистого источника.

При сем приходит на мысль спросить, очень ли хорошо поступают, когда говорят: дай деньги на зрелище или на другое суетное увеселение, половина их издержится для твоего удовольствия, а другая обратится в милостыню. Что тут будет? Милостыня ли очистит суету? Или суета лишит чистоты милостыню? Найдется ли на сие ответ, который был бы приятнее вопроса? Но, конечно, не подлежит сомнению то, что если бы назначаемые на благотворительное увеселение деньги, с устранением увеселения и на него издержек, сполна были отданы на милостыню, то милостыня была бы вдвое больше и несравненно чище. Апостол учит нас *плакати с плачущими* (Рим. 12:15), а не ликовать с мыслью о несчастных и не переполнять чашу веселия, чтобы дрожде досталось плачущим.

Надеюсь, впрочем, что никто не оскорбится нашей заботой, чтобы изобретательное искусство благотворительности,

доброе в намерении, сколь можно более имело достоинства в средствах и способах действия.

Успокоим движение мысли и слова в беспрекословно верном общем правиле: *Чти Господа от праведных твоих трудов* (Притч. 3:9) как делами благочестия, так и делами благотворения ближнему. Аминь.

**Слово на день памяти преподобного и Богоносного
отца нашего Сергия игумена, Радонежского чудотворца**

*Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой лавре
25 сентября 1824 года*

*Блажени алчущии ныне: яко насытитесь.
(Лк. 6:21)*

Является необыкновенный Учитель, собирается необыкновенное множество слушателей, преподается необыкновенное учение: не довольно ли уже сего для многих, чтобы возжелать хотя пять слов из сего учения услышать и выразуметь? Иисус Христос — необыкновенный Учитель для тех, которые менее знали Его, *бе бо уча их яко власть имея, и не яко книжницы и фарисее* (Мф. 7:29), а для нас, более знающих Его, единственный Божественный Учитель, *в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. 2:3), *изшед с апостолами, как повествует евангелист Лука, ста на месте равне и народ ученик Его, и множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска, иже приидоша послушати Его* (Лк. 6:17—18). Примечайте: не только иудеи и иерусалимляне оставили город, храм, священников, книжников, фарисеев и пришли в пустое место слушать Сына тектонова, о Котором не знают, *како Сей книги вест не учився* (Ин. 7:15); но и жители приморской страны тирской и сидонской, сие смешение самарян и язычников, люди, как описывает их пророк, *седящии во тьме, встали от тьмы своей и пришли туда, где показался свет, сияющий во откровение языком* (Лк. 2:32).

И что же открывает Свет сей? Какое учение преподает сей Учитель? Он преподает науку о блаженстве, которой достоинство и необходимость может понять последний из неведущих и в которой первейшие мудрецы мира всегда оказывали очень малые успехи. Возможно ли, чтобы кто в самом училище такого Учителя не радел о таком учении?

А нет ли не радящих? Нетрудно приметить потому, что, если бы каждый тщательно внимал учению столь совершенного Учителя, как Иисус Христос, не было бы причины, почему бы не уразумел оного каждый достаточно; уразумев, без сомнения, каждый охотно принял бы оное; приняв, исполнил бы делом; исполнив, обрел бы плод учения и дела, то есть блаженство; и, следственно, не было бы злополучных, не было бы недовольных. Они есть между нами; следственно, есть кому начинать учиться у Иисуса Христа науке блаженства.

Совершившийся ученик совершенного Учителя и образ Его для нас, учеников твоих! И тебе кроме *народа ученик Твоих* предстоит *множество много людей*, ближних и дальних, *пришедших* от градов и весей, чтобы видеть делом явленный успех твой в науке блаженства; чтобы наблюдать твои следы и поучаться от тебя путям блаженства; чтобы прикасаться тебе и от избыточествующей в тебе *силы* блаженства причащаться во *исцеление* бедствующих душ и телес недугующих. Но ты не отверзешь ныне уст своих учить нас. Ходатайствуй о нас пред Учителем, дабы Он, как иногда пятью хлебами, принятыми от рук ученических, напичал пять тысяч, так ныне пятью собственными Его словами, чрез недостойные рабские уста, подал живую пищу сему многому множеству людей, алчущих блаженства.

Блажени алчущии ныне: яко насытитесь. Кто суть сии алчущие ныне, которые насытятся и насытятся так, что с тем вместе блаженны? Ибо много видим и знаем алчущих ныне, которые и еще алкать будут и, по роду алкания насытятся, еще не будут блаженны.

Алчет нищий, доколе благотворительная рука не подаст ему пищи. Бедствует он, доколе алчет, но не блаженствует

еще и тогда, когда насытитесь. Не нужно много рассуждать, чтобы увериться, что и будущее духовное блаженство не может быть плодом и наградой сего невольного телесного алкания, если не присоединится некоторое и свободное расположение, которое дает оному силу и достоинство. Алчет постник, и видно, что сему алканию последует некое тайное, более или менее блаженное насыщение, когда сим образом *алчущии ныне* с охотою остаются еще алчущими завтра и далее, и когда вместо того, что ядущие пищу подкрепляют свое тело на краткое время, постящиеся постом утучняют, по выражению пророка, *кости* (Ис. 58:11) свои навеки. Но да не соблазняются любители поста, который и я почитаю вместе с ними — да не соблазняются, когда скажу, что и пост не составляет всего алкания, которому Иисус Христос обещает вечно — блаженное насыщение, но токмо часть оно, а иногда и совсем к оному не принадлежит. Ибо не видим ли между постящимися людей, которые пребывают в алчбе поста и алчут продолжать алчбу сию, но, конечно, далеки еще от истинного насыщения, когда или питают себя тщеславием, *помрачают бо лица своя*, как обличает их Сердцеведец, *яко да явятся человеком постящися* (Мф. 6:16); или *снедают дома вдовиц* (Мф. 23:14); или даже людей снедают подозрением и клеветой, и гневом, и завистию, и злобою.

Не одно тело алкать может. Есть алкание души, и может для нее быть пища, более или менее насыщающая. Воля алчет исполнения или успокоения желаний, ум жаждет познания. Сколько и в сем роде *алчущих ныне*, которые, однако, не насыщаются и не блаженствуют.

У многих душевный глад и вкус воли бывает подобен (так как он и дает направление) телесному гладу и вкусу роскошного. Сперва он алчет и жаждет так, что ищет удовлетворить необходимому требованию тела, утолить глад и жажду; потом без нужды вымышляет разнообразные требования вкуса и опять алчет и жаждет, чтобы удовлетворить сим требованиям; наконец, когда и глад, и жажда утолены потребным, и вкус притуплен излишним, пресыщенный вновь алчет и жаж-

дет, так сказать, самого глада и жажды, чтобы они пришли и опять принесли ему возможность насыщаться и пресыщаться. Так воля человеческая, *алчущая ныне*, но не так, как учит Иисус Христос, поколику она и *насыщения* требует непременно *ныне же*, от настоящего тленного мира: не знает сытости; от естественного и существенного ей глада, или желания блага, переходит она к произвольным требованиям и разнообразным прихотям и, удовлетворяя им всегда неудовлетворительно, то пресыщением повреждает душевный вкус, то избытком глада снедает самую душу. Что же, наконец, будет с самоугодниками всякого рода, питающими страсти, удовлетворяющими похотям, когда сей преходящий мир, из которого заимствуют они ложное насыщение неправильных желаний, прейдет не-возвратно — когда *ныне* кончится и останется *присно*! Когда, следственно, только желания не преходящей души останутся, а тленная пища их исчезнет? Что иное и может быть, как разве предсказанное: *горе вам насыщеннии ныне: яко взалчете* (Лк. 6:25).

Воздержание ума еще менее почитается обязанностью, нежели воздержание воли. Жажда познания, без дальнего рассмотрения, приемлется не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствование. И как роскошь чувственная оказывает какое-то уважение ум помрачающему вину в сравнении с очищающею оный водою, так нередко роскошь ума с пренебрежением проходит мимо чистых источников израилевых и с жадностью принимает из рук любодейцы вавилонской, ложной мудрости мира, чашу, из которой сия *от вина ярости любодейания своего напоевает вся языки* (Апок. 14:8). Наше время видело и не к блаженству своему, кажется, еще видит жаждущих так называемого просвещения, которые из чаши сей пьют *вино* сперва духовного *любодейания*, приемлют учение, которое приводит в забвение священные отношения человека к Богу и вводит противное чистому закону не растленного ума смешение истины с ложью, зла с добром, нравственности со страстями, духовного с чувственным; потом пьют *вино любодейания* даже чувствен-

ного, поелику от нечистых понятий естественно происходят нечистые чувствования, и растленное учение сопровождается развратною жизнью; и в которых, наконец, *сие вино любодения* в высшей степени упоения превращается в вино *яро-сти*; поелику обуявшие от ложного просвещения, подобно пьяным, не любят быть в покое, но с мечтательною мыслию преобразования все хотят испровергнуть и разрушить, и не здравую жажду просвещения, от неестественного питания превратившуюся у них в другую, еще более неистовую жажду: быть просветителями, — не умеют угасить иначе, как слезами и кровию людей и народов¹.

Господи, Наставниче блаженства! Как много уже мы видим *алчущих ныне*, в которых не усматриваем ни признаков истинного насыщения, ни надежды блаженства! Но еще не находим тех *алчущих ныне*, которым Ты, верный в обещания Своих, обещал насыщение и блаженство. О! Если бы Ты Сам показал нам их, чтобы нам было можно узнать их и легко, и непогрешительно! В самом деле, братия, Господь Сам изъясняет слово Свое об *алчущих ныне* и прямо указывает нам их, когда говорит негде: *Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся*. Теперь видите алчущих и жаждущих, которым обещано истинное насыщение и блаженство: это алчущие и жаждущие не пищи и питья, не самоизобретенных удовольствий чувственных, душевных, мысленных, но *алчущие и жаждущие правды*.

Теперь в изречениях Господних об алчущих можем различить два главных наставления в отношении к блаженству. Во-первых, наставление о средстве к блаженству — сие средство есть *правда*. Во-вторых, наставление о способе пользоваться сим средством для блаженства — сей способ есть *алкание*.

Здесь вновь может потребоваться изъяснение того, что есть *правда*. Сие изъяснение можно найти в словах, которыми евангелист описывает блаженных Захарию и Елисавету: *беста, говорит, праведна оба пред Богом*. Но что значит *праведна*? Объясняет: *ходяще во всех заповедех и оправданиих Господних безпорочна* (Лк. 1:6). Итак, под именем *правды*

должно разуметь все, что делается по заповедям Господним, одним словом — добродетель.

Желаешь ли блаженства? Для сего нужна тебе правда, или добродетель. *Не имать* во блаженный град Божий *внити* всяко скверно, и творяй мерзость и лжу (Апок. 21:27). Жизнь вечную иметь могут только исполнившие заповеди Божии: *сотворивый та человек, жив будет в них* (Гал. 3:12). Так должно по правде Живого Бога, Которому неприлично было бы допустить в причастие собственной Его вечной жизни непокорных и противящихся воле Его — собственной, говорю, Его жизни, ибо *Един Он* собственно *имеет бессмертие* (1 Тим. 6:16), а все прочие существа имеют жизнь и бессмертие только по причастию Его жизни и блаженства. Так должно по свойству самой жизни вечной, ибо жизнь вечная не может быть иная, как духовная, так как *плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует* (1 Кор. 25:50); и как всякой жизни свойственна своя пища, пища жизни духовной опять не может быть иная, как духовная. Какая именно? Узнайте сие от Того, Который есть Начальник и Образ духовной жизни между человеками. *Мое брашно есть*, — говорит Он, — *да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дело Его* (Ин. 4:34). Спросите ли также и о питии? Узнайте и о сем от Него же: *иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (Ин. 4:14). Вода же, которую Он по сему обещанию действительно дал жене самарянской, была учение духа и жизни. Итак, учение правды есть питье духовной жизни; дела духа, исполнение правды есть пища духовной жизни; в сем душа обретет духовное насыщение, в духовном насыщении — вечное блаженство.

Впрочем, по рассуждении, без труда, как должно думать, всякий согласится признать правду, или добродетель, соответственным средством для блаженства. Большее затруднение представляется в том, как употребить сие средство и даже можно ли употребить оное. Слышим строгий суд апостола, который есть также суд самой правды и суд Божий: *иже весь*

закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2:10). Кто не согрешает более, нежели *во едином*? Кто потому не есть повинен всем заповедям? Кто же имеет правду? Кто найдет ея блаженство?

Согласимся, что затруднение сие для нас непреодолимо, но согласимся для того, чтобы тем с большим вниманием обратиться к наставлениям Божественного Учителя блаженства. Указав нам правду как средство блаженства, Он показывает и способ, как воспользоваться сим средством, которого употребление нам кажется столь ненадежным. Сей способ называет Он алканием: *блажени алчущии*.

Алчущим называется тот, кто не имеет пищи и кто желает ее. Лишение пищи и желание пищи составляют алкание. Посему алкание правды есть такое расположение духа человеческого, в котором он признает себя лишенным правды и чувствует, что не имеет ее; но в то же время желает ее так, как алчущий желает пищи, без которой жить не может. В сем состоит способ употреблять правду как средство блаженства, хотя между тем и то правда, что мы правды не имеем и не в силах иметь ее. Как известностию того, что мы не имеем пищи, изощряется чувство глада, или желание пищи, так сознанием того, что мы не имеем правды, изощряется желание правды. В телесном порядке усиленное желание пищи не может доставить самой пищи, поелику здесь над самыми желаниями господствует закон внешней необходимости; но в порядке духовном усиленное желание правды может привлечь самую правду, поелику здесь господствует закон свободных желаний, поелику здесь не столько глад ищет пищи, которая бы наплатила его, сколько живая пища ожидает глада, который бы принял ее. Хотите ли видеть, как живая духовная пища сама приходит к алчущим? Хотите ли слышать, как она призывает их к себе, чтобы наплатить их? Слышите: *Аз есмь хлеб животный: грядый ко Мне, не имать възалкаться: и веруяй в Мя, не имать възаждастися никогда же* (Ин. 6:35). И еще: *Аз есмь хлеб животный иже сшедый с небесе: аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки* (Ин. 6:51). Кто ис-

тинно алчет правды, тот найдет хлеб сей по вкусу себе и не отречется вкусить его; *хлеб же сей укрепит сердце человека* (Пс. 103:15) и силою правды, которой он алкал, исполнит его. Ибо сей чудесный хлеб есть Тот, Которому еще пророки нарекли имя: *Господь правда наша* (Иер. 23:6) и Который самым делом *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1:30). Алкайте сего Хлеба, или то же иначе, грядите к Нему, веруйте в Него, снейдите от Него: и вы будете вечно насыщены или, иначе, вечно блаженны. Если так вы алчете, то *блажени вы, алчущие ныне, яко насытитесь*, или будете насыщаемы присно.

Господи, хлебе животный, алчущее и не имеющее собственной пищи существо наше питающий сокровенно и неисповедимо Божественною Твоею силою, видимо же плотию и кровию Твоею, мысленно же словом правды Твоей, которое также есть хлеб жизни, по реченному Тобою: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. 4:4)! Се дерзнули мы преломить сей мысленный хлеб братии нашей, но Ты Един можешь благословить и умножить крупичи, взятые нами от неистощимой трапезы Твоей, и напитать каждого по его потребности. Сотвори сие со всеми нами. Если кто из нас алчет только плоти и мира и от них думает насытиться, угаси в нас сие грубое и ненасытимое алкание и возбуди чистое и спасительное алкание Тебя Единого и правды Твоея. Если кто мнит себя нечто бытии и хочет быть доволен своею правдою, или добродетелию, вразуми его, что Ты не пришел взыскать праведных и насытить насыщенных, что мнимое насыщение наше от собственных наших дел есть только притупление истинного вкуса духовного, которое нужно врачевать алканием Тебя и Твоей правды. Если же кто воистину и паче всего верою алчет правды и Тебя, единственная правда наша, тому подай и сладкое насыщение надеждою, и паки здоровое алкание любви, ибо, как Ты весь сладость, то *ядущии Тя еще взалчут, и пиющии Тя еще вжаждутся* (Сир. 24:23): *насыщуся совершенно, внемлю явитимися славе Твоей* (Пс. 16:15). Аминь.

Беседа о соблазнах

Говорена 5 июля 1840 года

*Не ктому убо друг друга осуждаем: но сие паче судите,
еже не полагати претыкания брату или соблазна.
(Рим. 14:13)*

В житии Богоносного отца нашего Сергия находим, что Он во время своего игуменства, услышав однажды исшедшее из уст брата его Стефана слово любоначала: *Кто есть игумен на мести сем? Не аз ли прежде седох на месте сем?* — немедленно вышел из обители, чтобы поселиться на другом удаленном и сокровенном месте. Очевидны в сем поступке терпение, кротость и смирение святого. Но вот что недоуменно: почему не вразумил он брата по долгу игумена? Как за одного человека оставил всю братию и служение, в которое поставлен священной властью? — Есть особенные пути святых, пред которыми все должны благоговеть, поелику они особенную благодать Божию управлены и оправданы в своих последствиях, но которым не всякий имеет право последовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый стал приписывать себе ту же благодать. Таков случай, теперь рассматриваемый.

Если у отца сын или у начальника подчиненный бесчинствует, берегитесь молчать и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразили несчастного Илия: *отомщу Аз на доме его до века в неправдах сынов его, о нихже ведяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа их* (1 Цар. 3:13). Если от какого-нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на котором ты поставлен законною властью, остерегись: может случиться, что вину своеволия понесешь, от зла путем своего произвола не избежнешь и преследуемого тобою спокойствия не уловишь.

Но если святой Сергей в известном случае не по сим обыкновенным правилам действовал, то по каким же? Ибо святому по святым правилам действовать надлежит. Мы уразумеем дело его, если приложим к его поступку правило апостола: *сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна*. Видел прозорливый Сергей, что неудобно было прямо обличить любоначальствующего, потому что в сем случае обличение казалось бы препирательством за начальство, и вид личной распри между игуменом и старшим по нем, и притом между родными братьями по плоти, был бы не без претыкания и для прочих братий обители.

В сих трудных обстоятельствах премудрый старец нашел средство не только не положить претыкания со своей стороны, но и положенный другим соблазн уничтожить. Он никому не сказал о поступке брата и своим удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначала. Бог же, оправдывая путь угодника своего, чрез его добровольное изгнанничество паче прежнего утвердил в любви к нему братию его первоначальной обители и возвратил его к ней властью святителя Алексия.

Вот примечательное указание на важность апостольского правила: *еже не полагати претыкания брату или соблазна*. Святой пример да возбудит нас к деятельному наблюдению оногo в нашей жизни.

Но что такое *претыкание*? Что такое *соблазн*? — Если ты идешь и об камень, лежащий на дороге, внезапно ударяешься ногою, от чего происходит замешательство движений и опасность падения, в таком случае камень есть для тебя *претыкание*. Сей чувственный образ переносит апостол к душе, ибо он заботится, конечно, не о претыкании на дороге, но о претыкании к жизни нравственной и духовной. Притом он различает от претыкания *соблазн*, без сомнения, как нечто более тяжкое, как причину не только преткновения, но и падения. Претыкаемся — в мыслях; падаем — в делах. Претыкаемся — сомнениями, ложными мнениями, смущением помыслов и расстройством чувствований душевных;

падаем — во грех, в преступление. Если мы пред ближним нашим говорим такие слова или делаем такие дела, которые произведут в нем худые помыслы и расстройство душевное, то мы полагаем ему претыкание; если нашими словами или действиями даем ему повод, побуждение, поощрение ко греху, то полагаем ему соблазн. Итак, притчею изображенное увещание апостольское: *еже не полагати претыкания брату или соблазна*, — означает то, что мы должны тщательно наблюдать, чтобы ни словами, ни делом не подать ближнему повода, побуждения, поощрения к худым помыслам, к душевным возмущениям и движениям страстей и, наконец, к самым делам греховным.

Для точности учения различим еще виды соблазна по его предметам. Предметом соблазна могут быть дела не только греховные, но и позволительные, и даже святые.

Неужели, скажете, и святые дела могут быть предметом соблазна? Могут, без сомнения, поелику о сем свидетельствует непогрешительное Слово Божие. Что может быть святее, как проповедовать людям спасительное учение о Христе Распятом? Но сие было предметом соблазна, как скажет апостол: *мы проповедуем Христа распята, Иудеям соблазн* (1 Кор. 1:23). Это соблазн не от проповедующих, которых дело было чисто и свято, а от самих соблазняющихся, которые из спасительного для верующих учения о кресте мудрованием плотским, гордостью и неверием извлекали для себя вещество соблазна, подобно как паук извлекает яд из цветка, дающего пчеле мед. Из сего примера нетрудно вывести правило, как должно поступать в отношении к соблазну сего рода. Если бы апостолы, убоясь соблазна иудеям, не стали проповедовать Христа распята, то мир не услышал бы спасительного учения и не спасся бы. Итак, очевидно, что им должно было творить дело, приносящее спасение миру, и не изменять своего действия для людей, которые сами себя соблазняют и сами себя погубляют. Соблазн креста не совсем кончился, братия; случается и ныне, что чада мира и плоти возмущаются при виде сильного и решительного стремления к делам духа и к мудро-

ванию Христову, крестному. Не сюда относится апостольское предостережение против соблазна. Да делаем свободно дела святыни и спасения. Плоть да не будет судиею духа. Мир да не предписывает законов делу Божию.

Что дело позволительное может быть предметом соблазна, сие можно усмотреть из следующих изречений святого апостола Павла: *Брашно нас не поставляет пред Богом; ниже бо аще ямы, избыточествуем, ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. 8:8). Нет нужды входить в разбирательство, к какому случаю и к какому употреблению пищи относится сие изречение: то ясно, что апостол говорит здесь об употреблении пищи как деле, не заключающем в себе ни особенного достоинства, ни особенной виновности пред Богом, следовательно, говорит о деле позволительном. И о сем самом деле он говорит далее: *аще брашно соблазняет брата моего: не имам мяса ясти во веки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8:13). В сих словах вместе с указанием на соблазн от дела позволительного: *аще брашно соблазняет брата моего* — находим и особенное правило предосторожности против сего рода соблазна: *не имам мяса ясти во веки, да не соблазню брата моего*. Удивительное соединение силы увещания с кротостию совета! Как строг святой Павел к самому себе, когда дело невинное запрещает себе навеки, чтобы не соблазнить брата однажды; и как сильно сею строгостию к себе побуждает и других к предосторожности против соблазна! С тем вместе как он снисходителен к поучаемым, когда не заповедует им *не ясти мяса во веки, да не соблазнят брата*, но строгость запрещения обращает на себя, а другим предоставляет последовать его примеру, сколько могут.

Что дела греховные бывают предметом соблазна, сие не требует ни доказательства, ни объяснения. Только для нашей невнимательности, может быть, не излишне заметить, сколь обыкновенно грех сопровождается соблазном и чрез соблазн размножается; как длинна бывает цепь, как обширен круг соблазнов, которые влечет за собою и распространяет от себя один грех. В книге Судей израилевых повествуется, что некто

Миха изваял кумир для себя и для своего дома, потом нанял левита, чтобы приносить ему жертвы; от левита выведали о сем домашнем кумире воины племени Данова и похитили оный; и таким образом идолослужение одного человека из одного дома сделалось грехом города и племени. Таков обыкновенно ход греха путем соблазна. Лукавый помысл изваяет невидимый кумир греха; нечистое желание вносит его в душу; греховное дело выставляет его и делает видимым; тщетно скрываема тайна греха похищается и разносится; соблазн рождается, и грех размножается; поползновенные увлекаются худым примером; другие впадают в грех злоречия и осуждения ближнего. Что сказать о грехах, которые или по свойству своему неудобоскрываемы, или по дерзости открыто делаются, или от положения согрешающих между людьми получают особенную силу распространять соблазн? Какой обильный сев, какая необъятная жатва плевел!

Как печально и вместе как грозно говорил о соблазнах Господь наш! *Горе миру от соблазн! — Горе человеку тому, имже соблазн приходит!* (Мф. 18:7). — *Уне ему было бы, аще жернов осельский облежал бы о выи его, и ввержен в море; неже да соблазнит от малых сих единого* (Лк. 17:2). — О, милосердый Господи! О грехах и грешниках глаголеши с толиким покоем, с толикою кротостию: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9:13), — а о соблазнах и соблазняющих так плачевно и так грозно!.. *Разумех, Господи, яко правда судьбы твоя* (Пс. 118:75); воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой при помощи благодати Твоя могу я прекратить и покаянием очистить, но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить.

Да страшимся, братия, соблазна, и осторожность против соблазна да содействует нам в осторожности против греха, хотя, впрочем, греха убрать должно не по одному опасению соблазна, но по внутреннему отвращению от зла и по любви к Богу, как исповедал о себе псалмопевец: *не правду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих* (Пс. 118:163).

Да страшимся же как подавать соблазн, так и принимать поданный, ибо грех по случаю поданного соблазна есть тем не менее грех и может породить новый соблазн. Не продолжай рода порождений ехидниных, но спеши сокрушить главу змия — греховный помысл победоносною силою Агнца непорочна и пречиста Христа. Аминь.

Беседа из притчи о плевелах

Говорена в Московском Архангельском соборе

8 ноября 1825 года

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем?

Откуда убо имат плевелы?

(Мф. 13:28)

Под руководством притчи евангельской *о плевелах* нечто говорить хочу: призовем в помощь верховного Сеятеля доброго семени, чтобы не плевелы посеялись чрез слово сие, но чтобы в ничтожных плевелах наших обрелось зерно доброго семени, способное прозябнуть в мягкой земле послушных сердец и принести плод для жизни вечной.

«А на чтобы и говорить о плевелах?» — подумает кто-либо. Призванному сеять доброе семя не лучше ли и заниматься только добрым семенем, а не плевелами негодными? И я желал бы поступить таким образом. *О, да не возглаголют уста моя дел человеческих!* (Пс. 16:4). О, если бы я мог не говорить о делах человеческих, суетных и погибельных, а только о делах Божиих, благих и спасительных! Дерзаю догадываться, что и Сам Творец и первоначальный Истолкователь притчи о плевелах не желал бы говорить о плевелах. Но что делать, если есть опасность, что тогда, как сеется доброе семя, родятся и плевелы; или, если тогда, как посев уже взошел, действительно явились и плевелы: как в сих случаях не заниматься и плевелами? Как не подумать, что с ними делать?

Рабы, не знающие таин небесного земледелия, хотели бы тотчас полоть, силою исторгать и истреблять плевелы, но Премудрый Господин поля не позволяет. *Ни да некогда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу.*

Что же, однако, делать, чтобы плевелы не усилились и не заглушили пшеницы? О сем думаю я извлечь некоторое наставление из рассматривания того, что такое плевелы и откуда они взялись на поле.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём? Откуда убо имать плевелы?

Что такое плевелы? В изъяснение сего Сам Творец притчи плевел сельных глаголет: *плевелы суть сынове неприязненнии*; или, по ближайшему предложению изречения Господня, как оно написано у евангелиста Матфея на греческом: *плевелы суть сынове лукавого*. В сем изъяснении нетрудно заметить — и заметить сие нужно для дальнейшего разумения, — что притча под именем плевел заключает некоторых человек не по существу человеческому, подобно как и в другом изъяснении, что *доброе семя, сии суть сынове Царствия*, наименования доброго семени и сынов Царствия относятся не к существу человеческому. По существу своему все человеки равно происходят первоначально от Бога-Творца, последовательно от подобных себе человек-родителей: в жизни разделяются они на доброе семя и плевелы, становятся сынами Царствия или сынами лукавого. *Сеявший доброе семя* не новое поколение на земле посеял, но в том поколении, какое нашел в мире, посеял сынов Царствия и распространил их во все поколения мира. Из сего должно заключить, что доброе семя означает дух и свойство сынов Царствия, почему и сказано, согласно с сим изъяснением, в изъяснении другой притчи, что *семя есть слово Божие* (Лк. 8:11), поелику от слова Божия происходит в человеках дух и свойство сынов Царствия. А посему и в противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означают дух и свойство сынов лукавого в некоторых человеках. Как развитие доброго духовного семени в человеке есть истина веры, благо любви, сила надежды, чистая мысль,

непорочное желание, здоровое слово, праведное и святое дело, духовная, небесная, ангельская, Христова жизнь, так, напротив, прозябание душевных плевел есть ложь неверия, или суеверия, зло нелюблениа, ложная сила самонадеяния или бессилие отчаяния, нечистая мысль, порочное желание, неверное или нецеломудренное слово, несправедное и беззаконное дело, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или — то же одним словом — не христианская.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Ты сеял на земле то, что принес на нее с Собою с небес, а принес Ты с Собою на землю дух Божественный, свойство небесное. Селом Твоим, или полем Твоим, были сердца избранных человеков, Ты посеял в них слово Божие; согрел оное в них теплотою Духа Святого; напоил Твоею Божественною кровию. Оно прозябло, процвело, принесло плод в жизнь вечную, *ово сто, овоже шестьдесят, ово тридцать*, в апостолах, в мучениках, во святых всякого рода; чрез них заняло страны, народы, веки. Сверх сего, чтобы семя Твое для поля Твоего сохранить всегда чистым и никогда неоскудным, Ты *завещал наполнить гомор от манны сея в скров в роды наша* (Исх. 16:32), — то есть наполнить определенную меру Священных Писаний словом Божиим так, чтобы, как иногда из Божественных рук Твоих, от немногих хлебов брали и насыщались тысящи алчущих, но количество хлеба от того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, из немногих Книг Божественных тысячи тысяч научились, но тайны и откровения таин премудрости Твоей от того не истощались, а неперестанно становились обильнее.

Господи! Коль *доброе семя* и с каким премудрым попечением о его доброте и чистоте *сеял еси на селе Твоем!*

Откуда убо имать плевелы? На Твоем, Господи, поле, откуда взялись плевелы? Если бы они явились там, где ничего не сеяно, или если бы злое растение взошло там, где злое и семя сеяно, нечему дивиться. Если между язычниками заблуждения и пороки, чего иного и ждать от сей земли, дикой и невозделанной? Но на поле христианства, которое воздела-

но крестом Богочеловека, насеяно Словом Божиим, откуда плевелы языческие? Откуда заблуждения ума между вами, ученики Слова Божия? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святого?

На сии не легкие, но не бесполезные вопросы есть у нас легкие, но весьма вредные ответы. Заблуждения, говорят, от ограниченности человеческой, пороки — от слабости человеческой. Прекрасное родословие заблуждений и пороков — прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблуждениям и погрязшие в пороках, люди, которых евангельская притча называет *сынами лукавого*, могли уверять себя и других, что они не худого рода! Невинное дело быть ограниченными, не стыдно признавать слабость сил человеческих, а из сего заключают, что и быть суеверным, или безверным, также невинное дело, что и в пороках пребывать также не стыдно.

Заблуждения от ограниченности? Полно, правда ли, что ограниченность есть мать заблуждений? Ограниченность есть неплоды; она не рождает ничего, потому что и сама не есть нечто, а только предел, край, недостаток существенности. Возьмем в пример способность зрения. Глаз твой ограничен, по сей причине удаляющийся от тебя предмет в известном расстоянии ты перестаешь видеть и более ничего. Но если глаз твой вводит тебя в заблуждение, представляя окружающие тебя предметы в ложном движении кружащимися и падающими, отчего и ты падаешь, напрасно стал бы ты искать сему причины в ограниченности глаза; причины сему должно искать в твоём головокружении, происшедшем от употребления одуряющего зелия, или вина, в излишестве. По сему рассуждай и о духовном зрении ума. Ум твой ограничен, по сей причине удаленные от мысленных взоров его предметы для него неизвестны или непонятны и более ничего. Но если в уме твоём оказываются понятия, которые противны естественному, всеми здравомыслящими согласно примечаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверх дном, но вместо того низвергаешь сам себя в нелепости, можно ли сие изъяснить ограниченно-

стию, которая не есть начало действующее и которая есть недостаток, общий всем человекам? Не должно ли, напротив, по необходимости производить сие от упоения нечистым и бродящим вином, или одуряющим зелием, такой мудрости, которая хотя по области явления ее называется земною и человеческою, но которой источник хуже, нежели что-нибудь просто земное, которой корень ниже человечества?

Пороки от слабости! Поэтому, чтобы добродетельным быть, надобно быть исполином! А мы, напротив, как из священных сказаний знаем, что когда *исполины бяху на земли, тогда умножишися злобы человеков на земли* (Быт. 6:4, 5); так и ныне видим нередко, что люди, и крепостию духа более других хвалящиеся, и менее других имеющие причины жаловаться на телесные слабости или недостатки, впадают в пороки более тех, которые и телесным немощам и недостаткам более других подвержены, и отличной крепости духа себе не приписывают. Пороки от слабости! А напротив, даже язычник заметил, что мы тогда бываем лучше, когда немощнее. Пороки от слабости! Согласимся, что и сие бывает в некоторых случаях, например, когда голодный нищий крадет кусок хлеба у богатого. Но когда, напротив того, видим, что богатый не только отказывает в куске хлеба нищему, но и грабительствует и разоряет бедных, между тем как есть нищие, которые сохраняют бескорыстие: как можно изъяснить сие одною слабостию человеческою? Не видны ли здесь две противоположные силы: в одном сила добра, может быть, выше, нежели человеческая, в другом — сила зла, без сомнения, хуже, нежели человеческая?

Перестанем обманываться, отложим о происхождении наших заблуждений и пороков такие мнения, которые способны только уполномочивать заблуждения и пороки; не будем почитать плевел обыкновенным порождением и естественною принадлежностью пшеницы. И если не можем догадаться, откуда они подлинно, то спросим о сем Господа и от Него примем вразумление. *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы?* Он ответству-

ет: *враг человек сие сотвори, — спящим человеком прииде враг его, и всяя плевелы посреде пшеницы, и отъиде; — враг всяевый их есть диавол.*

Мне кажется, что если бы мы чаще и с большею верою думали о сем происхождении наших душевных плевел, то не так легко попускали бы им раздражаться и разрастаться. *Враг всяевый их есть диавол:* он посеял их в легкомысленных или зломысленных сочинениях, в изнеженных песнях, в соблазнительных зрелищах, в вольном обращении, в нескромных и не постоянных обычаях. За сим враг скрывается: *всяя плевелы посреде пшеницы, и отъиде.* Ты думаешь, что позволяешь себе невинные, только не совсем строгие удовольствия зренья, слуха, воображения, чувствования, но будь внимателен: сквозь сии удовольствия сеются плевелы лукавого, адское семя внедряется в сердце; восчувствуй отвращение; убойся; восприими осторожность.

Осторожность, ибо притча говорит, что *спящим человеком прииде враг.* Что значит здесь сон, сего Творец в притче не изъясняет, но без опасения погрешности полагать можно, что сон значит здесь беспечность и недостаток бдительного внимания к себе самому и к своим действиям. Спят человеки духовно, когда беспечно смежают очи ума и не стараются взирать на свет истины евангельской и закона Божия, чтобы непрестанно им просеваться и просвещать пути жизни своей; когда, подобно во сне мечтающим, не управляют мыслями своими, не обуздывают желаний своих, попускают воображению своему блуждать по предметам чувственным и суетным. Так спят они, а враг между тем не дремлет, он крадется во тьме забвения о Боге и законе Его и сеет в пшенице плевелы, во сне человеком мечты адские, в легкомысленном нерадении о добродетели и спасении мысли нечистые, желания греховные, дела незаконные и погибельные. Не спи или пробудись, возлюбленная душа; изошряй выну око твое ко свету Божию; ходи в присутствии Божиим; смотри бдительно не только за делами, но и за желаниями и за помышлениями своими; просвещайся внутренне Словом Божиим и молитвою, дабы и во время сна

телесного заря духа не угасала в сердце твоём и не допускала до тебя врага темного, сеющего плевелы.

Сынове Царствия, в которых посеяно семя доброе! Притча скажет, что плевелы становятся виднее по мере возрастания и созревания пшеницы, по мере приближения жатвы. О, как уже ныне видны плевелы на ниве Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первое плевелы, и свяжите их в снопы*, — плевелы уже начинают сами себя готовить к позднему связанию в снопы для сожжения: люди, которые предавались нечестию и беззакониям каждый по себе, время от времени более и крепче связываются в сообщества, в скопища, в соумышления. Да не спим, братия, но да бодрствуем; и да стережем и возвращаем каждый в сердце своё зерно духа, которое Божественный Сеятель посеял в нас крещением и поучением евангельским.

А вы, небесные жатели, ангели Божии! Прежде, нежели явитесь пред нами с трубным гласом возвестить жатву, возделенную и страшную, глаголите к нам тихим гласом кроткого возбуждения к покаянию и бдению духовному, да не когда уснем во грехе в смерть. *Ополчайтесь окрест нас и избавляйте нас от врага, сеющего в нас плевелы, пищу огня гееннского. Аминь.*

Беседа о благословенном рождении детей

*Говорена в московском Успенском соборе в день
рождения Николая I — 25 июня 1828 года*

*Благословлю же ю, и дам тебе от нее чадо:
и благословлю е, и будет в языки
и цари языков из него будут.
(Быт. 17:16)*

Как счастливы наконец Авраам и Сарра! Долго бесчадствовали они, зато и чад иметь будут, и прежде рождения его уже знают, что оно будет благословенно.

Кто из желающих сделаться или уже сделавшихся родителями не пожелал бы иметь детей добрых, благословенных? Но как не все дети соответствуют желаниям родителей, то, естественно, рождается вопрос: как достаются дети добрые, благословенные?

Поскольку добрые дети бывают не только у добрых, но иногда и у худых родителей, так как и, напротив, у добрых родителей бывают не только добрые, но иногда и худые дети, то неглубокие наблюдатели, в изъяснение сих разнообразных явлений, говорят, что это так случается. Просил бы я сих людей истолковать сие таинственное для меня изречение «так случается». Когда пшеница родится на поле, где пшеница посеяна, вы не говорите, что это так случается. Но, когда видите пшеничный колос, выросший на лугу, где пшеница не сеяна, вы говорите, что это так случилось. Что же хотите вы сказать? Без сомнения, не то, что колос родился без семенного зерна, или что семенное зерно само собой сделалось из земли, или что-нибудь подобное, но разве то, что вам неизвестно, как семенное зерно занесено сюда ветром или уронено здесь прохожим. Посему изречение «так случается» есть только легкое средство уклониться от разрешения трудного вопроса или благовидный способ без стыда объявить свое незнание. Следовательно, мысль, что добрые или худые дети достаются родителям, как случится, — мысль, которая могла бы приводить в уныние особенно добрых родителей и даже выражала бы некую несправедливость судьбы против них, по счастью, неосновательна и совсем ничтожна, — это слова, которые выражают не более как отсутствие мысли, способной изъяснить событие.

Как же достаются добрые дети? Недолго искать на сие закона, если видим добрых детей у родителей также добрых, благоразумных и попечительных о воспитании. Вопрос разрешается, если скажем, что сие так же естественно, как то, когда на поле, где посеяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы.

Врачи не признают ли за несомненное, что некоторые болезни переходят от родителей к детям? А то еще менее мо-

жет подлежать спору, что здоровье родителей есть наследственно для детей, если особенные причины не похитят у них сего естественного наследия. Также смотря на лицо детей, не ищем ли мы обыкновенно сходства с лицом родителей? Итак, если мы находим, что родители себе самим обязаны за некоторые телесные совершенства или недостатки своих детей, что препятствует то же в некоторой степени заключить и о высших свойствах душевных, о предварительных склонностях и расположениях?

Может быть, спросят, каким образом что-нибудь душевное может сообщаться от родителей к детям через рождение, когда душа есть существо неделимое и потому ничего не может отделить от себя для сообщения другой душе? На сие отвечаю, во-первых, что утверждаемое мною сообщение некоторых нравственных склонностей и благих расположений от родителей к детям совершается не чрез одно рождение, но с помощью благоразумного воспитания; во-вторых, вопрошаю взаимно: как может что-нибудь телесное переходить от родителей к детям и оказываться в их жизни, когда тело их совершенно вновь образовалось из вещества, заимствованного от тела родителей, управляется собственной душой, непрерывно изменяется посредством питания и разрешения? Но недоумение о том, как сие бывает, не уничтожает опыта, что сие подлинно бывает. Осмелюсь сказать более, не есть ли даже удобопонятнее открытие чего-нибудь наследственного в душе, которая, как существо цельное, все свои способности и силы раскрывает из себя самой, из внутреннего корня бытия, полученного с рождением, нежели в теле, которого устройство так много зависит от внешней, стихийной природы?

Но дабы не поставить истину в зависимость от *помышлений человеческих*, которые все без исключения *суть суетны* пред *ведением Господним*, призываю вас пред суд сего вечно непреложного ведения и вопрошаю, кому дано сие благословение Божие: *Раститесь и множитесь* — телу ли человека, которое без души и не понимает сего благословения, и не может исполнить оно, или целому человеку, и особенно душе его?

К телу ли относятся слова Писания: *Сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. 1:27)? Бог бестелесен, следовательно, человек сотворен по образу Божию в душе. После сего еще один вопрос, и мы получим разрешение на многое. Что значит написанное о Адаме: *Роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. 5:3)? То ли, что между Адамом и Сифом было сходство в чертах лица и в строении тела? Стоило ли труда вносить столь мелочное замечание в повествование столь священное и притом столь краткое? И сличение представляемого теперь «образа Адамова» с недавно указанным «образом Божиим» не ясно ли дает разуместь, что священный писатель говорит о внутреннем образе, духовном и нравственном? Творческое слово: *Раститесь и множитесь* — насадило в Адаме способность рождать благословенных чад и передавать им в наследие образ Божий, по которому он сам сотворен. Но когда грехом поврежден сей образ в нем, тогда, хотя по силе первоначального творческого слова и мог он родить сына, но не мог сообщить ему более того, что в самом оставалось; *роди сына* не по образу Божию полному и совершенному, *но по виду своему и по образу своему*, то есть с некими чертами образа Божия и с неким примешением греха и повреждения Адамова. Вот и первоначальный Божественный, и последовательный естественный закон рождения человеческого! Будучи внесен в Книгу Бытия по случаю рождения Сифова, он никогда не уничтожен. И теперь естественно, чтобы родители рождали детей *по виду своему и по образу своему*, — чтобы от грешников рождались грешники, подобно как от чахотных рождаются чахотные, но чтобы от тех, которые свободным упражнением в покаянии, молитве и делании добра, при помощи благодати Божией, ослабили в себе греховные и усилили добрые склонности, рождались и дети с некоей предварительной помощью к добру против силы греха, впрочем, всегда преодолимой свободой и наипаче благодатию.

Примечательное указание на сей закон рождения представляет Священная история в лице жены Мановой; Ангел является ей и предсказывает, что она, быв дотоле неплодна,

родит сына и что *назорей Богови будет сие отроча от чрева* (Суд. 13: 3, 5). И с сим вместе он велит ей с сего времени начать и продолжать во время беременности назореям свойственный образ воздержания: *«От всего, еже исходит из винограда, да не яст, и вина и сикера да не пьет»* (Суд. 13:4, 14). Это почти то же, как если бы он сказал ей: сын твой должен быть назореем, но чтобы сие вернее могло сделаться, приготовь его к сему образу жизни, когда будешь носить его во чреве твоём, веди образ жизни, свойственный назореям, и таким образом приготовь в нем способность и склонность к назорейскому образу жизни.

Чтобы общий закон рождения согласить с особенными случаями, которые, по-видимому, составляют исключение из одного и даже противоречат одному, когда, например, от добрых родителей рождаются дети, их недостойные, или добрые дети от родителей недостойных, или от родителей обыкновенных дети необыкновенные, — для сего надлежит вспомнить, что Бог есть сколь всемогущий и неизменный в судьбах Своих Законодатель мира, столь же премудрый и всесвободный Правитель одного, и всеправедный Судия не только видимых дел, но и сокровеннейших расположений человеческих. Чтобы избежать долгих рассуждений, объяснимся скорее примерами.

Один и тот же Адам каких разнообразных рождает детей — Каина, Авеля, Сифа! Где же тут один общий закон рождения? Будьте внимательны и примечайте. Адам, свежим, так сказать, ядом недавно сделанного греха напоенный и недавним обетованием избавления поставивший себя в некую еще незрело обдуманную дерзость надежды, рождает Каина, дерзкого грешника. Адам, в несчастном рождении Каина испытывавший тягость проклятия, привлеченного грехом, обманутый надеждой, уничиженный суетой, рождает Авеля, кроткого, но непрочного. Наконец, Адам, продолжением скорбей глубже укоренившийся в смирении, терпением утверждённый в надежде и надеждой в терпении, рождает Сифа, надежное основание своего потомства.

От одного Авраама рождается Исмаил — *дикий осел*, по выражению предсказания о нем, и Исаак — благословение всех народов. Отчего такая разность? — Оттого, что мятежная рабыня Агарь повредила в Исмаиле благословию Авраамову, а добродетельная и смиренная Сарра с благословением Авраама самым чистым и совершенным образом сочетала в Исааке и свое благословение, по ременному о ней к Аврааму: *Благословлю же ю, и дам тебе от нее чадо: и благословлю е, и будет в языки, и цари языков из него будут.*

Еще страннее казаться может, от Исаака и Ревекки, одним разрешением утробы рождение столь непохожих один на другого сынов, как Исав и Иаков. Что же можно сказать в изъяснение сего необычайного явления? То, что сказано Богом самой Ревекке: *Два языка во утробе твоей суть.* Два противоположные начала в одно время действовали во чреве ее — прирожденный грех Адамов и Божие благословение; одно усилилось в Исаве, другое превозмогло в Иакове.

Возьмем еще один пример превратного нравственно-го хода рождений из истории царей иудейских. Сын идолопоклонника Ахаза был благочестивый Езекия, а сын Езекии Манассия, опять идолопоклонник, хотя, впрочем, не нераска-янный. Сия превратность изъяснилась бы, может быть, очень просто, если бы мы имели достаточные сведения о воспитании сих царей: ибо у людей знаменитых и богатых судьба детей много иногда зависит от детоводителей и наставников, из коих добрые становятся благотворными орудиями Провидения, а худые — орудиями наказания за пороки родителей и за небрежение о воспитании. Но кроме сего надлежит принять в рассуждение, что Божеские благословения и наказания в родах не всегда идут следом за добродетелями и пороками каждого лица в роде; но иногда ускоряют, чтобы пресекать зло и усиливать благо в человечестве вообще, а иногда отстают, чтобы дать место долготерпению или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболее нужно. *Господь*, — как вызывает Он Сам о Себе, — *Господь Бог щедер и милостив, долготерпелив и многомилостив, и истинен, и правду храняй, и творяй ми-*

лость в тысячи, отъемляй беззакония, и неправды, и грехи, и повинного не очистит, наводяй грехи отцов на чада, и на чада чад, до третьего и четвертаго рода (Исх. 34:6—7). Если бы кто стал жаловаться на строгость, *наводящую грехи отцов на чада до третьего и четвертаго рода*, всеблагий Бог с избытком оправдывает суды свои *милостию*, которую простирает не на *четыре* только рода, но на тысячи оных.

Мне кажется, сии размышления и примеры показывают, что супружество и звание родителей не суть такие предметы, которые бы можно ненаказанно предавать в жертву страстям и в игралище легкомыслию, и что желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями. Аминь.

Слово на память святителя и чудотворца Алексия в среду второй недели Великого поста

Говорено в Чудове монастыре 12 февраля 1847 года

*Блажени плачуции ныне: яко возсмеется.
(Лк. 6:21)*

Образ поста, и при осторожности против фарисейского лицемерного помрачения лиц, естественно несколько суровый и печальный, довольно просветляется у нас ныне радостью праздничной, и это по уставу святой Церкви. Но ныне же, и по тому же уставу, оглашены мы словом евангельским, располагающим к плачу: *блажени плачуции ныне*.

Что же должно нам делать? Радоваться или плакать? Подумала ли Матерь, чего желает она от чад своих? Без сомнения, подумала и знает, чего желает. Будьте внимательны и без большого труда усмотрите, как духовная радость свободно входит в область печали и опять, когда нужно, уступает место справедливой печали.

Память праведника, святителя и чудотворца Алексия мы совершаем. Но священная притча учит, что *память праведных*

должна быть *с похвалами* (Притч. 10:7). А другая притча скажет, что *похваляемым праведным, возвеселятся людие* (Притч. 29:2). Из сего, люди православные, видите, как можно нам ныне радоваться. Для сего довольно привести на память житие святителя Алексия, подвиги его, добродетели, благодеяния. Доброе само в себе заключает похвалу и само собой радует.

Посмотрите мысленно на отрока Елевферия, которому суждено было впоследствии времени сделаться святителем Алексием. Из детских забав он избирает для себя умную, чистую и, может быть, не бесполезную. Ставит сеть и хочет ловить птиц. Но Тот, без воли Которого и врабий не падает на землю, не посылает ловитвы, потому что хочет не утешить Елевферия детским утешением, а отсечь у него склонность к забавам и готовит его к важным занятиям. Ловца земного самого хочет уловить Ловец Небесный.

Утомленный ожиданием ловитвы, отрок дремлет: и в минуту сего безмолвия внешних чувств Ангел отверзает у него внутренний слух и говорит его душе: «Алексие! Что всеу трудишися! Будеши человеки ловящ». Потрясенная душа пробуждает тело. Елевферий не знает, чей это глас, чье это имя, что значит предсказание о ловитве человеков, но тем не менее небесное семя глубоко всеялось в его душу и начало прозябать. Он оставил птицеводство и все другие забавы, сделался молчалив и казался печальным, потому что не был рассеян и не занимался внешним. Воспоминание таинственного гласа влекло его к внутреннему и невидимому. Чрез три года он решительно предался сему влечению, отрекся от мира и при вступлении в монашество в Богоявленском монастыре получил имя Алексия, предназначенное в сновидении.

Это ранняя заря духовной жизни святого Алексия, но не довольно ли уже она светла и приятна? Пятнадцатилетний отрок отрекается от утех юности, сын боярина — от блеска знатности, крестник князя, чаемого владельца Москвы, от видов на большую еще знатность; решается жить только для Бога и для души, заключает себя в монастырскую жизнь — надеюсь, не станете спорить, если скажу — более строгую за пятьсот лет

пред сим, нежели в наше время. Посмотрите, старцы, на отрока и не только порадитесь о нем, но и поучитесь от него. Хорошо было бы, если бы на него умели, как должно, посмотреть и некоторые дети бояр, по крайней мере, для того, чтобы не почитать себя очень любомудрыми и очень возвышенно мыслящими, когда они, поспешно вышед из училища, не столько стремятся к подвигам и пользам Отечества, сколько преследуют призраки почестей или кружатся в вихре суеты и роскоши.

Посмотрим далее на Алексия монашествующего. Надобно ли говорить о его подвигах собственно монашеских? Понятно само собой, что пренебрегший так много приятного в мире, возложив руку на рало, уже не озирался вспять, не искал, как иные ныне, под наименованием подвижничества только покойной и обеспеченной жизни, от протяженных богослужений и молитв не усекал по частице для своей лени, не смотрел одним оком в церковь, а другим за ограду обители, не ценил собственности после обетов нестяжания, не вмешивал своей воли в дела послушания. Укажу на особенный подвиг, который один достаточен, чтобы показать Алексия светильником необыкновенно светлым не только для своего века, но и для многих веков. В веке, не представлявшем ни довольно пособий, ни довольно поощрения к усиленному учению, он имел ревность и нашел способы достаточно научиться греческому языку, и для чего? Для того чтобы приобрести более ясное и точное разумение священных книг Нового Завета на их первоначальном, апостольском языке. И не довольствуясь сим приобретением для себя, он возжелал еще разделить оное с единомерными и единоплеменными. Сличил славянский перевод новозаветных книг с греческим подлинником и, очистив от несовершенств и погрешностей, внесенных в него неискусными переписчиками, собственной рукой написал оный в книге, которая хранится и доныне в сей, от него созданной обители, как одно из бесценных от него наследий.

Кому любезна Божественная истина и чистая слава Церкви, тот всегда с утешением взирать будет на сей богословский подвиг святого Алексия. Как чисто сияет в оном православие,

которое всегда обращалось и обращается к Священному Писанию как к вечному и для всех открытому источнику Божественной истины! В каком благоприятном свете представляет он достоинство российского духовенства в четырнадцатом веке христианском, который нигде не блистал просвещением! Какое подтвердительное свидетельство дает он действованию российского священноначалия в последующие веки, в исправлении поврежденных славянских рукописей священных и церковных книг по греческим подлинникам! Как ясно обличает неправое мудрование тех любителей мнимой старины, у которых любовь к старине превратилась в благоговение к старинным ошибкам и которые исправление описки старинного писца почитают преступлением и даже повреждением веры!

Наконец, воззрим на Алексия как на святителя и святого. Добродетельное житие и мудрость его побудили Всероссийского митрополита Феогноста взять его в митрополитский дом и вверить ему церковные суды. Двенадцать лет был он удержан в сем служении, не без особенного устройства Провидения, чтобы в болезнующих членах ближе узнать состояние и потребности всего тела Церкви, которое потом должен был хранить и врачевать. После сего приготовления тем же митрополитом Феогностом поставлен святой Алексей епископом граду Владимиру, а через четыре года им же, со всем освященным Собором и с советом великого князя Симеона, избирается на престол Всероссийской митрополии. Избрание несколько необычное, при жизни митрополита сего престола и им самим. Но это было как бы по предвидению, чтобы предупредить и не допустить не избранных искателей сего престола, каковыми действительно вскоре явились Феодорит и Роман. С сего времени святой Алексей решительно является Богоизбранным, Богохранимым и Богоправимым ангелом церкви Всероссийской.

Он путешествует в Константинополь и получает патриаршее благословение и утверждение. Встретив потом в России соперника, вновь путешествует в Константинополь, чтобы отдать себя и его на суд Патриарха, и вновь получает утверждение на кафедре Всероссийской, а два избранных искателя ее

исчезают. В последнем из сих путешествий он подвергается опасности на море, но, дав с молитвой обет по избавлении создать обитель монашествующих, невредим достигает берега и Отечества, и монастырь Андроников стоит донныне памятником услышанной молитвы и оправданного обета.

Вскоре оказалось, что всеблагой Бог, спасая святого Алексия от опасности, сберегал спасительное орудие для охранения Церкви и державы Российской и для славы Своего имени даже за пределами Церкви. Царь Орды, которой сила в те времена тяготела над Россией, чрез посла требовал, чтобы Алексий пришел в Орду и исцелил царицу, ослепшую и беснуемую. Джанибек требовал того, что не во власти человеческой. Но, не понимая сего, в случае неисполнения требования, без сомнения, готов был прийти в ярость, опасную и для святителя, и для Церкви, и для России. Беды являют великих и святых, так было и в сем случае. Алексий явил великий дух — потому что не уклонился от опасного путешествия, крепкую веру — потому что не отказался от молитвы о чудесном исцелении, глубокое смирение — потому что, не полагаясь на себя, молился при гробе святителя Петра. Бог укрепил его веру знамением: свеча у гроба святителя Петра зажглась сама собой. Святитель Алексий идет в Орду, исцеляет царицу и стяжевает удивление, почести, дары и безопасность Церкви и России.

Совершившееся чудодействие поставило его так высоко во мнении всех, что, когда другой жесточайший царь Орды угрожал России опустошительным нашествием, великий князь Иоанн не нашел для нее лучшей защиты, как святителя Алексия, и сей, с новым самопожертвованием для блага общего, идет в Орду, и хотя встречает затруднения и много претерпевает, однако вновь возвращается со славой, принося Церкви безданность и мир Отечеству.

Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся (Пс. 118:52), — сказал зритель судеб Божиих в народе Божием. Не сие ли должен чувствовать внимательный зритель Господних от века судеб над Россией и церковью Российской? Как крепко у нас Церковь и Отечество друг друга обнимали и поддержива-

ли! Как благодетельно было твердое единство священноначалия при недовершившемся еще единстве государственным! Как чудно против тяготевшей над нами силы чуждого неверного народа поставлена была духовная сила Церкви, чтобы несколько уменьшить и сдержать сию разрушительную тяжесть, доколе возрастут и созреют для ее отражения победоносные государственные силы! Поминай, православный сын России, с благодарением сии древние судьбы и с упованием храни для грядущих времен силы, столь благотворные во времена протекших, силу веры и любви к Отечеству, силу единокупия и готовой на всякое пожертвование любви к самодержавной власти.

Не могу следовать за святым Алексием по всему двадцатичетырехлетнему поприщу его святительствования в Москве. И вас утомить боюсь. Но встречаю нечто, чего не могу пройти без внимания. Есть одно начинание святителя Алексия, которого он не привел к концу. Есть один спор, в котором он не одержал победы. Смотрю, дивлюсь и радуюсь, хотя не понимаю. У чудотворца начинание, которого он не может совершить? У богомудрого спор, в котором он не одерживает победы? Необычайно, а точно так. Приближаясь к пределу своего земного поприща, святой Алексей желал найти себе святого преемника. Святые видят святых, и таким образом святой Алексей видел святого Сергия. Призвал его и предложил ему свой престол. Но Сергий отрекся, и Алексей не настоял.

Что может быть святее начинания святителя Алексия? Как же оно не совершилось? Как смиренный Сергий дерзнул воспрекословить святителю, которого глаголов слушал всегда, как Христовых? Как святитель не решился преобороть игумена силой церковного и монашеского закона послушания? Сколько бы мы ни умножали вопросов, ни святой Алексей, ни святой Сергий отвечать нам на них не будут. Для чего же нам сие показано? Для того, чтобы до земли смирился наш гордый ум пред судьбами Божиими, которых и святые иногда не постигают, и пред самыми святыми, которых мы, грешные, часто ни видеть, ни понять не умеем, и чтобы благоговяющее сердце из глубины своей воззвало с псалмопевцем: *дивен Бог во святых Своих* (Пс. 67:36).

Поистине дивен Бог в тебе, святителю Алексие, дивен и в том, что пророчественно явил тебе в преподобном Сергии Свое избранное орудие, не только для твоего времени, но и для последующих времен, дивен и в том, что, не дав тебе преемника, тебе подобного, предоставил тебе с некоторыми сопрестольниками твоими беспреественную власть в Церкви Своей. Ты безмолствуешь, но паче слова проповедуешь благочестие и защищаешь Православие. Покоишься видимо, но действуешь невидимо, данной тебе благодатной силой, очищая и укрепляя наши несовершенные и немощные молитвы, распространяя окрест себя духовное благоухание, успокаивающее, услаждающее, врачующее, питая таким образом стадо и пася овец и пастырей. Твоему пастырству благодарение, что и ныне сии овцы твои любезно теснятся окрест тебя. Твоему благословению благодарение и за то, что и в первые дни сего поста храм твой наполнялся молящимися, как в торжественнейшие праздники. Твой это дар, а моя радость, и общая надежда спасения, хотя есть о чем и печалиться и чего страшиться.

Радуюсь о читателях поста, могу ли беспечально смотреть на тех, которые не только недовольно чтут его, но как бы ругаются над ним своими поступками? На что была эта неуместная общественная веселость не в праздник? А в праздник зачем похищено время у благоговения и расточено на суету? На что эта невозддержность, это преобладание увеселений в преддверии поста? Тысячи христианского народа бегут по следам языческого легкомыслия. И находятся люди, которые о делах легкомыслия, как о достопамятностях, повествуют с торжеством и похвалами. Для чего это многолюдство не напомним себе, что постом несколько сот тысяч ниневитян спаслись от близкой гибели, а весь первый мир, ядущий и пьющий, роскошествующий и веселящийся, поглощен потопом? Для чего и в пост некоторые не довольствуются или совсем не пользуются умирительным сладкопением церковным, но идут слушать зрелищного певца и сладострастные звуки или смотреть зрелища, не говорящие, правда, бесстыдных речей слуху, но и не говорящие ничего назидательного глазу? Некоторые скорбящие о

сем, подобно мне, говорят: для чего много снисходит сему начальство? Мне кажется, я имею на это удовлетворительный ответ. Начальство, как детям, снисходительно позволяет вам открытые забавы, чтобы склонные к забавам, не имея открытых, не предались тайным, более беспорядочным и вредным. Но вы для чего всегда хотите оставаться детьми в вашей склонности к забавам? Не ходите слушать страстного певца или смотреть обаятеля, дайте себе лучшие упражнения. Неблаговременные и недостойные христианской мудрости зрелища закроются сами собой, обаятели разочаруются, пекущееся о благочестии и благонравии народа начальство будет довольно, и христианское общество явится в образе строгого благонравия, достойном времен апостольских. Пока же сего нет, не станем, по крайней мере, льстить себе, не станем хвалить легкомыслие, как мудрость, признаем наше несовершенство, осудим нашу суетность, восскорбим и восплачем над нашим неочищенным от греха веселием. Поспешим сеять слезы покаяния, чтобы познать радость спасения. Остережемся, чтобы, гоняясь слишком много и долго за суетным веселием, не впасть, наконец, в поздние и бесполезные слезы безнадежности. *Последняя радости, мирской и чувственной, в плач приходят*, — говорит опытный Соломон (Притч. 14:13). Напротив того, *блаженны плачущие* слезами умиления духовного, учит Господь Спаситель наш, Ему же слава со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

**Слово по освящении храма Живоначальной
Троицы в Московском Данилове монастыре**

Говорено 13 сентября 1838 года

*Хвалю же вы, братие, яко вся моя помните,
и якоже предах вам, предания держите.
(1 Кор. 11:2)*

Святой апостол Павел, преподавая коринфским христианам спасительные наставления, хвалит их за то, что верно со-

храняют предания. Какие это предания? Сие можно усмотреть из тех его изречений, которыми он напоминает и дополняет предания. Он говорит, что *муж не должен есть покрывати главу* во время молитвы, вот дополнение предания, которое показывает, что сему предшествовало предание о церковной молитве. Далее говорит он: *«Еда домов не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божией нерадите?»* Сие обличение случайного беспорядка и неблагочиния в церкви показывает, что сему предшествовало предание о святости церкви, по которой она совсем не то, что простой дом, и требует благоговейного внимания. С особенной же ясностью, как на предмет предания, указывает апостол на таинство Тела и Крови Христовы, когда говорит о сем: *аз приях от Господа и предах вам*. Таким образом, оказывается, что апостол хвалит коринфских христиан за соблюдение преданий о церковной молитве, о святости храма, о Божественной литургии.

Взирая на сей храм, благолепно устроенный и ныне благодатью Божией освященный, помышляя, что сие сделано не по какому-либо требованию или необходимости, но по свободному усердию к Богу и святыне Его, по желанию, чтобы здесь непрерывно совершались церковные молитвы и приносима была бескровная жертва о душах живущих и преставившихся и чтобы место печальных воспоминаний превратилось в сокровищницу благодатных и спасительных утешений, — хвалю в душе моей предпринявших и совершивших сие богоугодное дело. Но поскольку похвала моей мерности не была бы для них наградой, какой им желаю, то призываю на помощь святого апостола Павла, показую ему дело, подобное тому, что похвалил он в коринфянах, и молю его преподать свою апостольскую похвалу и благословение и здешним братьям. *Хвалю вы, братие, яко вся апостольская помните, и якоже предаша нам богоносные отцы, предания держите.*

Заслужить апостольскую похвалу за верное соблюдение истинных преданий должно быть желательно всякому сыну Церкви. Итак, внимание каждого достойно учение о преданиях.

С тех пор как учение христианское заключено в священные книги, святая Церковь для верного и неизменного сохранения сего учения на непреложном свидетельстве Богодухновенного Писания не только стала его утверждать, но и самые слова и выражения для означения важнейших предметов и частей учения заимствовать из того же чистого источника Писания. Так, если тщательно разберете Символ православной веры и сличите его со Священным Писанием, то найдете, что святые отцы Никейского и Константинопольского Вселенских соборов изобразили в нем догматы веры не своими словами и выражениями, но взятыми из Священного Писания, и таким образом Символ веры имеет для нас сугубую важность, ибо не только в нем изрекают истину отцы Церкви, но и само Священное Писание, само слово Божие говорит их устами. Подобно сему и в учении о преданиях самое сие понятие и самое наименование *предания* заимствуется из Священного Писания, как уже и показали мы отчасти из слов святого Павла.

Но главнейшим основанием сего учения можно принять следующее изречение того же апостола: *Темже убо братия, стойте и держите предания, имже научитесь, или словом, или посланием нашим* (2 Сол. 2:15).

Вот вместе и учение для разумения, и учение для исполнения, и заповедь о преданиях, и введение в познание преданий. *Стойте и держите предания*, то есть твердо и постоянно соблюдайте: вот заповедь, выражение непрременной обязанности соблюдать предания. *Предания, имже научитесь, или словом, или посланием нашим*, вот вместе с наименованием преданий руководство к истолкованию сего наименования. *Преданиями* называет апостол все то, чему от него *научились* христиане, яко от апостола, относительно веры, священноначалия, богослужения, благочиния церковного и правил жизни. Далее, он различает два вида предания: предание посредством *послания*, или писаное предание, и предание посредством *слова*, или неписаное предание. Но как предание писаное проще и обычнее означается наименованием Священного Писания, то наименование предания обыкновенно употребляется для озна-

чения того, чему не посредством Священного Писания, но посредством *слова* и примера мы научились от святых апостолов и святых отцов.

Достоинно примечания, что апостол нераздельно и равно заповедует держаться и преданий посредством *слова*, и преданий посредством *послания*, или, иначе сказать, велит нераздельно и равно держаться и Священного Писания, и священных преданий. Предания и Богодухновенное Писание стоят у него рядом, он требует от нас не меньшего внимания и ревности к преданиям, как и к Богодухновенному Писанию. Нужно ли более сего для удостоверения о важности преданий и для побуждения к верному соблюдению оных?

Здесь мог быть и конец учению о преданиях, если бы мы, подобно непосредственным ученикам апостолов, имели пред глазами и непосредственное апостольское и потому, несомненно, истинное предание.

Но уже христианские предания прошли через многие страны, народы, языки, чрез многие века. К первоначальным преданиям апостольским присоединились предания отеческие разных степеней древности. В некоторых частях преданий оказалось разнообразие, простирающееся до противоречия. Сделалось нужно исследование подлинности и достоинства преданий — исследование, не всегда удобное и не всякому доступное. Для удостоверения в подлинности и достоинстве преданий всего лучше было бы с точностью знать их начало, но оно нередко скрывается в туманной дали прошедшего. Теперь что делать?

Прежде, нежели скажем, что должно делать, посмотрим, что делают. Одни обращают все внимание на то, что в преданиях есть темного и недостоверного, и отсюда выводят догадку, не суть ли оное дело если не просто человеческое, то, по крайней мере, преданное Провидением произволу людей и случайностям времен, и не позволительно ли освободить себя от дальней заботы о преданиях, тогда как *имама известнейшее пророческое и апостольское слово в Богодухновенном Писании, могущее умудрити во спасение, да совершен будет Бо-*

жий человек, на всякое дело благое уготован. Другие, обращая внимание только вообще на заповедь соблюдать предания, без исследования, без рассуждения, слепо держатся преданий, как-нибудь упавших на их руки, не стараясь дознать их подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно делать? Должно остерегаться обеих крайностей, теперь указанных.

Священное Писание начато чрез Моисея. Как же до того, в продолжении столь многих веков от начала мира, сохранялась и распространялась истинная вера и учреждалось сообразное с ней богослужение? По преданию. Следственно, предание было точно такое же орудие Божие ко спасению человека, как и Священное Писание.

Священное Писание Нового Завета начато чрез евангелиста Матфея спустя восемь лет по вознесении Господнем на небо. Где же до того было Евангелие, основание догматов, учение жизни, устав богослужения, законы управления церковного? В предании. Богодухновенное Писание, по свидетельству одного из священных писателей, именно святого евангелиста Луки, есть только продолжение и неизменение особенным устроением Духа Божия упроченный вид преданий. *Якоже предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе, изволися и мне по ряду писати* (Лк. 1:2—3).

Вы хотите все утверждать на незыблемом основании Священного Писания. Очень хорошо. Так и должно. Между тем откуда известно вам, какие книги суть священные и почему та или другая из них точно принадлежит к числу священных? Сие известно большей частью из предания. Итак, самое Священное Писание пользуется пособием предания.

Если так важно истинное предание, прежде Писания и вместе с Писанием, то когда же могла бы уменьшиться его важность? Разве тогда, когда Писание, став на место предания, сказало бы нам, что уже не нужно заботиться о предании? Но Писание говорит противное сему: *Стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием* (2 Сол. 2:15).

Впрочем, если даже апостолов должно было испытывать в том, истинные ли они апостолы, как сие видно из того, что в

Откровении святого Иоанна Сам Господь одобряет дело ангела Ефесской церкви, *искусившаго глаголющиея быти апостолы и обретишаго их ложных*, то кольми паче после апостолов чрез столь многие руки, чрез столь многие века прошедшие предания нужно испытывать, суть ли они истинные апостольские и святоотеческие и не подверглись ли неправым изменениям и чуждым применениям. Без сей осторожности наше служение Богу может подвергнуться тому же осуждению, которым Господь поразил фарисеев и книжников иудейских, державших предания старец: *всеу чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим. Оставльшие бо заповедь Божию, держите предания человеческая* (Мк. 7:7—8).

Спросят, может быть, как же предохранить себя от сего осуждения? Как испытать предания и отличить несомнительное? Надежнее для сего и удобнее к употреблению правило извлекаю из приведенного теперь изречения Господня: испытывай предание посредством Слова Божия и посредством заповедей Божиих. Если предание противоречит Слову Божию, если оно ведет тебя к нарушению заповедей Божиих, то знай, что это человеческое, не истинное предание, что такое предание соблюдал бы ты всеу, между тем как нарушение заповеди Божией осудило бы тебя.

Другое правило для испытания преданий можно извлечь из следующего изречения святого апостола Павла к Тимофею: *Да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины* (1 Тим. 3:15). Если Церковь есть столп и утверждение истины, то в ней должно искать истины, и ею можно поверять требующую дознания истину, и особенно истину преданий, которых Церковь есть единое верное хранилище. Приемля предание от Единой, Святой, Соборной и апостольской Церкви, *стойте* в нем, не колеблясь напрасными сомнениями, *держите* оное с упованием благоугодить Богу. *Да держим*, — поучает апостол, — *исповедание упования неуклонное... не оставляюще своего собрания* (Евр. 10:23, 25), то есть собрания Вселенской Православной церкви, *якоже есть неким обычай*. Примечайте, братья, что

еще в апостольские времена были некие, имевшие обычай оставлять собрание Вселенской церкви, не дивитесь, если и ныне встречаете неких, имеющих сей несчастный обычай. А если такие люди станут предлагать вам свое предание, то можете знать предварительно, что люди, оставившие Церковь, *столи и утверждение истины*, конечно, предложат вам предание или ложное, или поврежденное, или, по крайней мере, краденое и неблагословенное; и, конечно, ложное не спасет, поврежденное не исцелит, краденое не обогатит, неблагословенное не принесет благословения.

Прославим, братия, Бога, сподобившего нас быть чадами и членами истинной и святой Церкви, в которой истинное и святое предание, — не просто видимое и словесное предание учения, правил, чиноположений, обрядов, но с сим вместе и невидимое, действительное преподание благодати и освящения сходит с неба на землю, *яко роса аермонская на горы Сионския* (Пс. 132:3), течет непрерывно и неиссякаемо и орошает священноначалие и священнодействия, *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (Пс. 132:2), так что помазанные Духом Святым апостолы помазуют тем же духовным миром святых отцов, и сии своих приемников из века в век; святители подают освящение храмам и таинствам, и взаимно храмы и таинства подают освящение святителям, почему, прикасаясь к нынешней святыне, вы прикасаетесь к той же благодати, которая излилась в сошествии Святого Духа на апостолов.

Да держимся неуклонно сего чистого и живого источника. Яко чада послушания, с усердием и любовью да приемлем от уст и рук матери нашей Православной церкви чистое учение веры и жизни, истинное благодатное освящение, верное руководство к жизни вечной. Аминь.

ВСЕЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской церкви

И. — Я ищу истины. Я желаю быть в истинной христианской Церкви. Я желаю получить спасение.

У. — Если сии желания искренны, то Сам Господь ответствует тебе: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6). *Идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 8:20).

И. — Но ныне многие общества, между собой различные, собираются во имя Христово. К которому же мне присоединиться?

У. — А разве ты не принадлежишь ни к которому из оных?

И. — Судя по чувствам и расположению моего сердца, я не знаю, как на сие ответить.

У. — В каком христианском обществе получил ты первое познание Бога и Христа?

И. — В Восточной греко-российской церкви.

У. — Посему не соединен ли ты с сей Церковью хотя некоторыми узами благодарности?

И. — Более, нежели одной благодарностью. Я соединен с Восточной церковью принятием от нее таинств и обязательством, данным ей при крещении, в исповедании ее учения.

У. — Хорошо. Но я хотел прежде говорить о твоей благодарности. Разве ты уже заплатил сей долг совершенно?

И. — Напротив. Я не имел к тому средств.

У. — Ты всегда имеешь к тому средства — в послушании.

И. — Я готов к искреннему послушанию Восточной церкви, если удостоверюсь, что ее надо мною власть угодна Богу. Ибо *повиноватися подобает Богови паче, нежели человекам* (Деян. 5:29).

У. — Приложим, если тебе угодно, к настоящему делу сии апостольские слова: *Повиноватися подобает Богови паче, нежели человекам*. Мне кажется, они значат то, что мы, чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо на земле власти, должны повиноваться ей дотоле, доколе она не требует от нас того, что Бог запрещает.

И. — Справедливо.

У. — Но чего требует от тебя Восточная церковь?

И. — Я думаю, того, чтобы я верил, как она верит, и жил, как она заповедует.

У. — Иначе сказать, чтобы ты верил и жил так, как она исповедует в Никейско-цареградском символе и учит в десяти заповедях.

И. — Пусть так.

У. — Теперь ответь: запрещает ли Бог веровать и жить так, как Восточная церковь исповедует в Никейско-цареградском символе и учит в десяти заповедях?

И. — О заповедях спора нет. Разве, может быть, не дает ли Восточная церковь которой-нибудь заповеди такого истолкования, которое уничтожает или, по крайней мере, ослабляет силу закона Божия.

У. — Ты сего не можешь опасаться. Поскольку церковь Восточная предоставляет истолкование закона собственному твоему рассуждению и совести, при помощи токмо церковных учителей и под руководством Слова Божия. Она не имеет самовластного истолкователя своего учения, который бы давал своим истолкованием важность догматов веры и от времени до времени полагал на совести христианские сии новые бремена.

И. — Я сказал, что нет спора о заповедях. Но вопрос: запрещает ли Бог веровать так, как Восточная церковь ис-

поведует в Никейско-цареградском символе, мне кажется неясным.

У. — Скажем яснее: находится ли в Символе Восточной церкви что-нибудь такое, что не есть чистая истина, Богом откровенная?

И. — Желаю слышать доказательство того, что все содержащееся в Символе Восточной церкви есть чистая истина, Богом откровенная.

У. — Во-первых, все не только истины, но даже все важнейшие слова и выражения, содержащиеся в Символе Восточной церкви, взяты из Священного Писания, которое содержит чистую истину, Богом откровенную. Одно слово: *καθολικὴν*, «кафолическую», по славянскому переводу, «соборную» — не столь близко, как прочие, произведено может быть из Священного Писания. Но сие слово содержит в себе не столько сущность, сколько изъяснение догмата.

Во-вторых, как сомнения твои начались оттого, что ты заметил разногласие между христианскими обществами, то я должен еще сказать тебе, что ни одно разномыслящее от Восточной церкви христианское общество, или Церковь, кроме тех, которые отвергают таинства Троицы и Воплощения, которые посему недостойны самого имени христианской Церкви и которых мнения, конечно, не кажутся тебе заслуживающими внимания — кроме сих, говорю я, ни одно христианское общество не потребует, чтобы из Символа Восточной церкви нечто было исключено.

И. — Что же из того?

У. — Из сего следует то, что все христианские церкви признают за чистую, откровенную Богом истину все содержащееся в Символе Восточной церкви.

И. — Мне приходит на мысль, что правило, которое я допустил выше, требует исправления.

У. — Какое правило?

И. — То, что мы, чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо на земле власти, должны повиноваться ей дотоле, доколе она не требует от нас того, что Бог запрещает.

У. — Как же хочешь ты сие исправить?

И. — Мне кажется, правильнее сказать так: признанной власти мы должны повиноваться дотоле, доколе она не требует того, что Бог запрещает, и не запрещает того, что Бог повелевает.

У. — Пусть будет так. Теперь я должен предложить тебе вопрос: запрещает ли Восточная церковь то, что Бог повелевает?

И. — Что принадлежит до нравственного учения Восточной церкви, я уже сказал, что не имею о нем никакого сомнения. Но что касается до учения веры, я не знаю, не исключает ли Восточная церковь из своего Символа некоторые важные истины и таким образом не запрещает ли верить тому, чему Бог верить повелевает.

У. — Само собой разумеется, что Символ запрещает верить тому, что противоположно содержащимся в нем истинам, как, например, что Бог не есть троичен. Ибо всякая истина исключает то, что ей противоположно. Кроме же сего, Восточный символ ничего не запрещает и не исключает. Ты говоришь в нем: «Верую, исповедую», но ни однажды не говоришь: «Не верую, обязуюсь не исповедовать».

И. — Так разве я могу верить и тому, о чем не говорит Восточный символ?

У. — Можешь верить и тому, о чем он не говорит, но что ясным или сокровенным образом заключается в Священном Писании, а, следовательно, и есть в духе символа сего.

И. — Например?

У. — Например, ты говоришь в Символе: «Исповедую едино крещение», а не говоришь: «Исповедую таинство Тела и Крови Христовой». Однако можешь и должен верить последнему вместе с первым.

И. — Понимаю. Ты хочешь сказать, что поскольку Символ, утверждая известные истины, не исключает или не опровергает чрез то других, которые от слова до слова не содержатся в нем, то, следовательно, и не запрещает он верить ничему такому, чему Бог верить повелевает. Но все, что ты

доселе говорил о церкви Восточной и ее учении, мало или совсем не служит к опровержению учения и других церквей христианских.

У. — Не то было мое и намерение, чтобы опровергать другие Церкви.

И. — Так разве ты хочешь ввести меня во все разномыслящие между собою церкви?

У. — Опять нет.

И. — Но дабы предпочесть одну Церковь другим разномыслящим, надобно их опровергнуть.

У. — Подумал ли ты о том, чего требуешь? Что значит опровергнуть разномыслящие Церкви?

И. — Доказать и обнаружить, что некоторые известные Церкви суть неправославные, то есть неправомыслящие в вере.

У. — А как называется действие, которым доказывается и обнаруживается прав ли кто или не прав?

И. — Назови оное, как тебе угодно, надеюсь, о сем не будет спора.

У. — Я называю оное судом.

И. — Не спорю против сего.

У. — Но ты требуешь, чтобы я доказал и обнаружил, что некоторые известные Церкви не правы.

И. — Да.

У. — Итак, ты хочешь, чтобы я произвел суд над некоторыми Церквями?

И. — Что же? Ты думаешь поразить меня сим выражением?

У. — Нет, я сам поражен словом Божиим: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7:1). *Прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь, иже во свете приведет тайная тмы, и объявит советы сердечныя* (1 Кор. 4:5).

И. — Но к тому ли сказаны в Евангелии сии слова, о чем ныне мы рассуждаем?

У. — Первое изречение произнесено на осуждающих вообще, а второе именно на тех, которые судят учителей веры, и

даже таких учителей, которые *на основании Христовом назидают дрова, сено, тростие* (1 Кор. 3:12).

И. — Мне кажется, иное дело судить о недостойнстве учителей, а иное о неправославии Церквей.

У. — Разве легче осудить целую Церковь, нежели одного человека?

И. — Но как же могу я предпочесть одну Церковь другим разномыслящим, если мне совсем не позволено судить о их неправославии?

У. — Как же ты можешь и судить о них? Вопросы сам себя пред Богом и совестью: чувствуешь ли ты себя облеченным силой и властью вязать и решить Церкви?

И. — Чувствую дерзость мою. Но я дерзок от страха, чтобы не погибнуть вне Православной церкви.

У. — Но если бы ты был удостоверен, что находишься точно в Православной церкви, тогда не согласился ли бы, как частный человек, совсем не судить о других разномыслящих от нее церквях, а предоставить их суду Божию?

И. — В таком случае для меня и не было нужно судить о них. Но представь себе, что я желаю токмо удостовериться в Православии той церкви, в которой нахожусь, сего желания уже нельзя ни возбранить, ни ограничить, в сем случае не обязан ли я испытать, по крайней мере, ту церковь, в которой нахожусь? И если примечу в ней какие недостатки, то не буду ли вынужден судить?

У. — Испытаем, нельзя ли уклониться от сей опасной необходимости? Противоположим благовидному желанию истинную обязанность.

Во-первых, ты должен судить самого себя. Ибо говорит апостол Павел: *Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были* (1 Кор. 11:31). И посему говорит он еще: *Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неiskusни есте* (2 Кор. 13:5). Итак, испытай себя: пребываешь ли ты в вере? Или, что то же, пребывает ли в тебе Иисус Христос? И если сего не ощущаешь в себе, то испытывай далее, не сам ли

ты в чем-либо *неискусен*, то есть нет ли в тебе таких свободных расположений, которые препятствуют в тебе действию веры и соединению твоему с Иисусом Христом? Смиранный христианин всегда находит в себе таковые недостатки, а потому всегда и весь занят судом над самим собой.

Во-вторых, если ты опасешься, чтобы общество, в котором ты находишься и которое действует на тебя своим учением и духовной властью, вместо вспоможения не воспрепятствовало твоему преуспеянию в вере, ты можешь испытать оное общество, прежде нежели решительно прилепишься к нему с твоей верой. Сюда можно отнести наставление апостола Иоанна: *Не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть. О сем познавайте Духа Божия, и духа лестча: всяк Дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть; и всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть* (1 Ин. 4:1—3).

И. — По сему признаку и Восточная, и Западная церковь равно суть от Бога.

У. — Да, поскольку и та и другая исповедуют Иисуса Христа во плоти пришедша, то в этом отношении они имеют общий Дух, который *от Бога есть*.

И. — Однако ж это две церкви, разномыслящие между собою.

У. — Да, каждая из них имеет и особенный свой дух, или особое «отношение к Духу Божию».

И. — Так я должен испытать сие отношение, дабы узнать, которой церкви дух вернее соответствует Духу Божию.

У. — Приметь, где ты себя поставляешь?

И. — Где?

У. — Там, где дух двух великих церквей граничит с Духом Божиим. Можешь ли ты стоять и созерцать на такой высоте? Признайся, не туманно ли у тебя в глазах?

И. — Боже мой! Что же мне делать, дабы удостовериться в Православии церкви, в которой нахожусь? — Но не сказал ли ты сам, что я могу испытать сие общество?

У. — Я сказал тебе и то, в чем должно состоять сие испытание, именно в том, от Бога ли дух общества сего? Я показал и признак, по которому сие можно узнать.

И. — Но сей признак, общий многим церквам, не может удостоверить меня в православии особенной Церкви, в которой я нахожусь. Для сего мне нужен особенный признак, который бы показывал, что и особенный дух сей Церкви *от Бога есть* — истекает от истинного Духа Христова, соответствует Духу Христову ведет меня к соединению с Духом Христовым, и ведет прямым и верным путем.

У. — Ты начинаешь быть умереннее и справедливее в своих требованиях. Что значат слова — прямой и верный путь к соединению с Духом Христовым?

И. — Иначе сказать, чистое учение, руководствующее к соединению с Духом Христовым.

У. — Следовательно, желаемое тобою испытание может ограничено быть сим вопросом: преподает ли Церковь, в которой ты находишься, чистое учение, руководствующее к соединению с Духом Христовым?

И. — Согласен.

У. — Что такое чистое учение?

И. — Такое учение, которое содержит одну истину, без примешения лжи.

У. — Может ли быть ложь в том учении, которое не обязывает верить ничему такому, чему Бог запрещает верить, и не исключает ничего такого, чему Бог верить повелевает?

И. — Разумеется, что тут не будет лжи.

У. — Следовательно, вместо вопроса: преподает ли Церковь чистое учение? — можно поставить следующий: точно ли Церковь в учении своем не обязывает верить ничему такому, чему Бог запрещает верить, и не исключает ничего такого, чему Бог верить повелевает?

И. — Теперь вижу, почему ты в исследовании Восточной церкви ограничился столь простыми вопросами, что с первого взгляда они не обещали ей твердого защищения.

У. — Остановимся здесь и повторим истины, которые ты доселе или сам произнес, или признал. Ты сказал, что ты соединен с Восточной церковью и готов к искреннему ей послушанию, если ее над тобою власть угодна Богу. Ты признал, что мы, чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо на земле власти, должны повиноваться ей так, «как сущей от Бога», дотоле, доколе она не требует того, что Бог запрещает, и не запрещает того, что Бог повелевает. Что Восточная церковь в нравоучении не требует ничего богопротивного и не запрещает ничего богоугодного — ты о том не стал спорить. Что равным образом и в исповедании веры она предлагает чистую истину, или, что то же, не заставляет верить ничему такому, чему Бог запрещает верить, и не возбраняет верить ничему такому, чему Бог верить повелевает: сие ясно, как мне кажется, доказал я из Символа, заключающего в себе дух церкви Восточной. Смотри сам, какое отсюда должно вывести заключение.

И. — Моя неопытность в подобных исследованиях не позволяет мне увериться, что я надлежащим образом вникнул во все сии рассуждения и что их сила заключается в них самих, а не в моей слабости.

У. — Я напишу весь настоящий разговор, и ты можешь на свободе размыслить о нем, призвав на помощь Духа истины.

* * *

У. — Ты сказал, что, судя по чувствам и расположению твоего сердца, ты не знаешь, к какой Церкви принадлежишь.

И. — Я признался искренне в своем недоумении.

У. — Но ты сказал опять между прочим, что соединен с Восточной церковью принятием от нее таинств.

И. — Доколе не возникли во мне сомнения, союз верующего с известной церковью посредством таинств, от нее приемлемых, казался мне самым твердым и самым священным союзом.

У. — Но твои сомнения разве имеют силу и власть разрушить или сделать ничего не значущим союз, утвержденный и освященный благодатью?

И. — В сомнении о важности Церкви по необходимости заключается сомнение о важности самих таинств, которые она преподает.

У. — А мне, напротив, кажется, что в удостоверении о важности таинств, преподанных тебе Восточной церковью, ты мог найти такое удостоверение о важности твоего с ней союза, которое бы предохранило тебя от оскорбительных для нее сомнений.

И. — Изъясни мне сие.

У. — Возьмем в пример крещение. Веришь ли ты, что сие таинство совершенно над тобой правильно?

И. — Ничто не препятствует мне верить сему. Ибо таинство крещения всегда правильно, если только совершается во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

У. — Апостол говорит: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27). Совершилось ли над тобою и сие последнее?

И. — Верю, что и сие благодатью Божией совершилось в моем крещении; но, испытую мою совесть, не могу сказать, что я сохранил в целости сие Божественное облачение.

У. — Прости моей дерзновенной, может быть, ревности, если я твоим признанием воспользуюсь для обличения твоего. Ты чувствуешь и признаешься, что не сохранил благодати крещения, следовательно, как твоя потеря и твоя опасность в тебе самом, то в тебе же и предмет спасительного подвига. Но вместо сего ты восстаешь твоими сомнениями против Церкви, подательницы благодати. Ты получил сокровище — утратил его; должен искать его, а ты начинаешь испытывать, правой ли рукою оно тебе подано?

И. — Ты обличаешь меня так, как бы ты знал достоверно, что я только испытываю Церковь, а не стараюсь о внутреннем исправлении самого себя.

У. — Правда, я не могу видеть твоей внутренности, но мы недовольно иногда проникаем и в глубины собственной нашей души. Одно слово Божие *судительно помышлением и мыслем сердечным* (Евр. 4:12). Станем же пред суд сего слова. Иисус Христос говорит: *Аще кто хочет волю Божию творити, разумеет о учении, аще от Бога есть* (Ин. 7:17). Следовательно, если кто *не разумеет о учении, аще от Бога есть*, недоумевает, от Бога ли то учение, которым он долгое время оглашаем, Православная ли та Церковь, в которой он живет, — тот необходимо должен взять на себя подозрение, точно ли он *хочет волю Божию творити*, предварил ли он желание разумения желанием внутреннего исправления себя и верно ли подвизался в сем исправлении?

И. — При помощи Божией я всячески постараюсь питать в себе живое хотение внутренне себя исправить и творить волю Божию, дабы самому себе не поставить вечной преграды к разумению истины.

У. — Но возвратимся к неоконченному рассуждению о таинстве крещения. Ты сказал, что получил в преподанном тебе Восточной церковью крещении благодать, но не сохранил ее в целости. Однако ты, без сомнения, знаешь, что для возвращения оной не нужно тебе новое крещение.

И. — Знаю.

У. — Если тебе не нужно вторичное крещение, то не можешь ли ты думать, что благодать крещения не совершенно тебя оставила?

И. — Могу и так думать, но более думаю, что могу возвратить оную благодать другими таинствами, как, например, покаянием, которое Церковь и называет «вторым крещением».

У. — Но если бы над тобой не было совершено крещение, тогда тебе нужно было бы вместе и крещение, и покаяние, а теперь покаяние без крещения. Посему можно примечать, что крещением ты приобрел нечто такое, что не нужно приобретать в другой раз.

И. — Это, может быть, то, что я, со времени крещения если не здоровый, то, по крайней мере, немощный, или хотя мертвый, но уже член тела Христова.

У. — Так и мне кажется, что сим только предположением изъяснить можно неповторяемость крещения. Как член естественного тела никогда не перестает быть членом, разве чрез невозвратное отсечение и совершенную смерть, так и человек, облекшийся в крещении во Христа, никогда не перестает быть членом Тела Христова, разве чрез невозвратное отпадение от Церкви Христовой и вечную смерть.

И. — Согласен.

У. — Извлечем теперь из сего понятия о силе и важности таинства крещения, преподанного тебе Восточной церковью, несколько мыслей о твоих к ней отношениях.

Ты признаешь, что посредством крещения ты сделался членом тела Христова в то же время, как сделался членом церкви Восточной, и опять не знаешь, к какой Церкви принадлежишь, а только еще выбираешь, к какой бы лучше присоединиться. Не подобно ли сие тому, как если бы член отторгся от места, которое занимал в теле, и стал искать себе нового места?

Тем самым действием, которым ты вступил в союз с Церковью греко-российской, ты насажден, яко член, в теле Христовом: не ясно ли, что в оной видимой Церкви таинственно находится невидимое Тело Христово, или как бы часть сего Тела, составляемого из верующих всех времен и мест? Подумай же, что тебе приличнее, стараться ли верой пребывать в сем духовном общении святых, или с недоверчивостью искать иной наружной Церкви, которая была бы тебе по мысли?

Чрез посредство частной Церкви греко-российской ты соединен со всеобщей Церковью Божией и теперь вступаешь против первой сомнениями ума и чуждыми любви расположениями сердца. Не подобно ли сие тому, как если бы перст умыслил отсечь от тела руку или другую большую часть?

Церковь, которая из язычника сделала тебя христианином, от Самого Христа получила власть *сравнять тебя с язычником и мытарем, если ты ее преслушаешь* (Мф. 18:17). А ты хочешь один всю сию взыскавшую тебя Церковь бросить в число язычников и мытарей.

Союз между частями одного тела может быть разрушен только смертью или целого, или некоторых частей. Ты готов разрушать союз твой с греко-российской Церковью, с которой был едино тело во Христе. Неужели ты мог уверить себя, что вся сия Церковь поражена смертью, сия Церковь, которая была для тебя подательницей жизни в принятых от нее тобою таинствах?

И. — Признаюсь, я встречал людей, которые внушали мне мысль, что греко-российская Церковь есть ложная.

У. — Судя по тому, что я от тебя слышал, я могу прибавить к твоему признанию, что сии внушения заняли твое сердце и заградили слух, хотя ты не довольно, может быть, в себе это примечаешь.

И. — Я, кажется, слушаю без предубеждения.

У. — А я сомневаюсь, можно ли слушать без предубеждения, когда предубеждением занято сердце?

И. — Что же я должен делать?

У. — Стараться примечать за собою и смотреть, не потому ли только ты сомневаешься, что желаешь сомневаться или чрезмерно полагаешься на того, кто возбуждает в тебе сомнения?

И. — Не думаю, чтобы сие было со мною.

У. — Испытай тщательнее, не сие ли самое причиной того, что тебя занимает мысль: не есть ли Церковь греко-российская — ложная Церковь?

И. — Желал бы я иметь оружие против этой мысли.

У. — «Духовный меч» есть слово Божие. Оно говорит: *Кто есть лживый, точию отменяйся, яко Иисус несть Христос? сей есть антихрист, отменяйся Отца и Сына* (1 Ин. 2:22). Видишь ли, кто есть лживый в отношении к христианству? Тот, который не признает Иисуса Христом, Сы-

ном Божиим, Богочеловеком, Искупителем. Следовательно, и ложная церковь есть та, которая не признает Иисуса Христом, Сыном Божиим, Богочеловеком, Искупителем, — церковь антихристова. Но Церковь греко-российская, по разуму истинного слова Божия, исповедует Иисуса Христом, Сыном Божиим, Богочеловеком, Искупителем.

И. — Сим оружием защищаться может и другая христианская Церковь.

У. — А ты все ищешь такого себе оружия, которое бы защитило тебя погибелью других!

И. — Так разве я должен почитать истинной, например, и Римскую церковь?

У. — Ты непременно хочешь заставить меня судить. Знай же, что, держась вышеприведенных слов Священного Писания, никакую Церковь, верующую, *яко Иисус есть Христос*, не дерзну я назвать ложной. Христианская Церковь может быть только либо «чисто истинная», исповедующая истинное и спасительное Божественное учение без примешения ложных и вредных мнений человеческих, либо «не чисто истинная», примешивающая к истинному и спасительному веры Христовой учению ложные и вредные мнения человеческие. Сие самое различие употребляет апостол, когда говорит: *Несмы бо, якоже мнози, нечисто проповедующие слово Божие, но яко от чистоты, но яко от Бога* (2 Кор. 11:17). Что принадлежит до церкви Восточной, я доказал еще прежде, что ее Символ содержит чистое учение.

* * *

У. — Ты сказал, что ты соединен с Восточной церковью обязательством, данным ей при крещении, в исповедании ее учения. Как ты дал сие обязательство?

И. — Я думаю, что Восточный символ веры, который от лица моего произнесен при крещении восприемником, есть род присяги, которой я обязался исповедовать заключенное в сем символе учение Восточной церкви.

У. — Справедливо. Но не дал ли ты в то же время обязательства и во всегдашнем повиновении Восточной церкви?

И. — Как это?

У. — Когда от лица твоего произноsimы были слова: «Верую во Единую, Святую, Соборную и апостольскую церковь», то какой имели они разум? Сей ли, например: «Я верую, или обещаюсь веровать, во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, за каковую, впрочем, церкви Восточной не признаю, но которой буду искать, когда и где пожелаю»? Или сей: «Я обещаюсь веровать в истинную Церковь, которая и есть церковь Восточная греко-российская или к которой Церковь греко-российская принадлежит?»

И. — Без сомнения, в сем последнем разуме Церковь греко-российская принимала мое обязательство, а без сего и не согласилась бы она преподать мне крещение.

У. — Итак, можно сказать одним словом, что ты дал «клятву в верности» греко-российской Церкви.

И. — Я не разумел сей клятвы, когда ее дал.

У. — Так думаешь, что и не обязан ею?

И. — По крайней мере, обязан не так строго исполнять ее, как ты хочешь.

У. — Что значит не строго исполнять клятву? Нечто исполнить, а нечто оставить? Следовательно, в одном сохранить клятву, а в другом преступить? Клятва в своей обязывающей силе есть дело Божие, а дело Божие творить с небрежением особенно страшна. *Проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 38:10).

И. — Разум клятвы моей не от меня зависел, а от восприемника.

У. — Однако ты думаешь, что ты получил полное право, даруемое крещением.

И. — Что же?

У. — Следовательно, ты дал и полную клятву, под условием которой дано тебе право крещения.

И. — Но что, если бы мой восприемник от лица моего дал клятву исповедовать ложный догмат?

У. — Обязательство потеряло бы силу, как скоро узнал бы ты, что требуемое им противно Богу, но церковь Восточная не требует от тебя ничего богопротивного.

* * *

И. — Я сомневаюсь, чисто ли Восточная церковь исповедует догмат о «происхождении Святого Духа».

У. — *Словеса Господня, словеса чиста* (Пс. 11:7). Церковь Восточная исповедует догмат о происхождении Святого Духа самыми словесами Господа Иисуса Христа, сказанными апостолам: *Егдаже приидет Утешитель, егоже Аз пошлю вам от Отца, ДУХ истины, иже ОТ ОТЦА ИСХОДИТ, той свидетельствует о Мне* (Ин. 15:26). Что же может быть чище сего исповедания? Ибо самые слова Иисуса Христа: *ИЖЕ ОТ ОТЦА ИСХОДИТ* — богомудрыми отцами второго Вселенского Собора поставлены в символе веры: *ИЖЕ ОТ ОТЦА ИСХОДЯЩАГО*.

И. — Сие происхождение догмата столь ясно, что, по-видимому, не оставляет места для спора, однако же, самый догмат есть предмет спора между Восточной и Западной церковью.

У. — Да, за то, что мы от слова до слова повторяем в нашем символе догмат, принятый из уст Самого Иисуса Христа, учителя отделившейся Западной церкви называют нас «раскольниками», а хотят, чтобы мы сделали прибавление к словам Иисуса Христа и говорили бы: «Иже от Отца и Сына исходит».

И. — Может быть, Западная церковь находит, что церковь Восточная, хотя и словами Самого Иисуса Христа произносит догмат о происхождении Святого Духа, но неправильно разумеет сии слова или не прилагает к ним нужного изъяснения?

У. — Разберем оба сии подозрения.

Во-первых, ты сомневаешься, правильно ли Восточная церковь разумеет слова Иисуса Христа о происхождении Святого Духа? Но не примечаешь ли ты, что богомудрые отцы, составлявшие Символ, как бы предвидя сие подозрение, совер-

шенно его предупредили? Они не поставили в Символе своего какого-либо толкования на слова Христовы, дабы совсем не дать места сему вопросу: правильно ли слова сии толкуются? Но поставили самые слова Христовы, предоставляя здравому смыслу каждого христианина разуместь их так, как они гласят.

Во-вторых, ты сомневаешься, не виновна ли церковь Восточная в том, что к словам Иисуса Христа о происхождении Святого Духа не прилагает нужного изъяснения? Но Иисус Христос, когда сказал апостолам, что *Дух истины от Отца исходит*, не нашел нужным приложить к сим словам никакого изъяснения. Следовательно, и церковь Восточная, повторяя те же слова в Символе, не допускает никакого нужного изъяснения. Притом изъяснения ли только требует в сем случае Западная церковь?

И. — А что же?

У. — Например, если я скажу: «Дух Святой от Отца исходит», то есть «получает начало ипостаси своей», — вот изъяснение. Но если скажу: «Дух Святой исходит от Отца», то есть «от Отца и Сына», — какое тут изъяснение? Не прибавление ли это нового понятия, которого не было в прежних словах? Кто же может делать прибавления к словам Иисуса Христа, особенно в столь непостижимом деле, как происхождение и взаимное отношение ипостасей Святой Троицы, во внутреннем Святилище Божеского Естества?

И. — Я согласен, что в исповедании веры не должно делать догадочных, в кольми паче произвольных прибавлений к слову Божию. Но к словам Иисуса Христа, о которых теперь идет дело, не должно ли заимствовать нужное прибавление из других слов Самого же Иисуса Христа?

У. — Что ты чрез сие разумеешь?

И. — Когда Иисус Христос говорит о Святом Духе: *Аз пошлю*, не значит ли сие того, что Дух Святой исходит и от Сына?

У. — Что значит *Аз пошлю*, ты можешь спросить о том Самого Иисуса Христа. *Аз*, — говорит Он в той же беседе к апостолам, — *умолю Отца, и иного Утешителя даст вам*

(Ин. 14:16). Видишь, что *Аз пошлю от Отца*, значит *Аз умолю Отца, да даст*. Итак, Иисус Христос приписывает Себе, как говорят богословы, не «вечное исхождение Святого Духа», или «вечное начало испостаси» Его, но Его «временное посылание», или «раздаяние даров» Его, но и сие приписывает Себе Иисус Христос не как право собственного Своего лица, но как власть, заимствуемую Им от источной ипостаси Отца: *Послю от Отца*.

И. — Иные говорят, напротив, что слово «исхождение» означает «излияние даров» Святого Духа, или «временное посылание».

У. — Если ты хочешь видеть, правильно ли сие толкование, то приложи его к словам Иисуса Христа: *Приидет Утешитель, Его же Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит*, то есть «посылается». Не видишь ли, как сие толкование безобразит всю речь, делая ее тождесловной и беспорядочной?

И. — Как же бы правильнее истолковать приведенные слова Иисуса Христа в их составе?

У. — Для сего заметим прежде всего — и ты можешь проверить сие замечание, читая всю беседу Иисуса Христа к апостолам, из которой взяты оные слова, — заметим, говорю, что намерение Иисуса Христа было утешить апостолов Своих в предстоявшем разлучении Своем с ними. В сем духе говорит Он: *Приидет Утешитель*. Оба сии слова неопределенны и не дают еще слышащим полного утешения. *Приидет* — откуда приидет? Куда приидет? Не чуждо ли будет апостолов сие пришествие? *Утешитель* — кто сей Утешитель? Не человек ли, Духом Божиим исполненный? Не ангел ли? Может ли сей Утешитель восполнить лишение Сына Божия? На сии недоумения отвечает Иисус Христос в следующих словах своей беседы. Откуда приидет? — *Аз пошлю*. Куда приидет? Точно к апостолам: *Аз пошлю вам*. Не человек ли, не ангел ли будет послан? Нет, *послю* не от человек, ниже от ангел, а *от Отца*. Но сие разрешение недоумений, произведенных первыми двумя словами, рождает новую, еще труднейшую загадку: кто есть

сей великий Утешитель, Которого Сын Божий пошлет от Бога Отца? И что значит, что Сын Божий, Которому по воскресении *дастся всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28:18), в сие самое время пошлет Утешителя не просто Своей Божественной властью, а *от Отца*? Дабы разрешить совершенно сию загадку, Иисус Христос открывает, наконец, самое существо Утешителя: *Дух истины, иже от Отца исходит*. Как бы так сказал Он: «Я сказал: *послю от Отца*, потому что послю не сотворенного и власти Моей покоренного духа, но Духа, который от Отца имеет вечное начало Божественной Своея ипостаси».

И. — Но Иисус Христос говорит также о Святом Духе: *от Моего примет* (Ин. 16:14).

У. — Присовокупи к сим словам следующие за ними, тогда увидишь, к чему они сказаны: «*От Моего примет и возвестит вам*. Видишь, что Святой Дух *примет от Сына Божия*», или как бы от собственности Сына Божия, уже бывшего Учителем апостолов, заимствовать будет то, *что возвестит апостолам*, то есть *истину и учение*, как и выше в той же беседе Иисуса Христа сказано: *Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину: не от себе бо глаголати имать, но елика аще услышите, глаголати имать, и грядущая возвестит вам* (Ин. 16:13). Все сие не относится к «вечному происхождению» ипостаси Святого Духа.

И. — Сын Божий говорит: *Вся, елика имать, Отец, Моя суть* (Ин. 16:15). Следовательно, и происхождение Святого Духа «Его есть» и от Него зависит так же, как и от Отца.

У. — Сын Божий говорит и взаимно Своему Отцу: *Моя вся, Твоя суть* (Ин. 17:10). Однако ты не заключаешь из сего, что и воплощение — «Отца есть» или принадлежит Отцу так же, как Сыну. Столь же мало можешь положиться и на прежнее твое заключение о Святом Духе.

И. — Апостол называет Святого Духа *Духом Сына* (Гал. 4:6).

У. — Чтобы правильно разуметь сие название, возьмем апостольские слова в их составе: *Посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша*. Видишь, что здесь говорится о Духе Святом не

в строжайшем знамении сего имени, так как «о вечной ипостаси Божества», но как о дарах Духа Божия, ниспосылаемых в сердца человеческие. На сии дары воплощенный Сын Божий заслугой Своею приобрел от Бога Отца, так сказать, право собственности, по которому и властен раздавать оные человекам, вне Его заслуги чуждым всего Божественного. Сия мысль ясно изображена пророком Давидом, который говорит к воплотившемуся и по уничижении паки превознесенному Сыну Божию: *Возшел еси на высоту, пленил еси плен: приял еси даяния в человецех, или ради человеков* (Пс. 67:19). Посему неудивительно, что сии *даяния*, или «дары», Святого Духа, приобретенные и подаваемые человекам заслугой Сына Божия, называются *Духом Сына Божия* и, следовательно, сие выражение не дает понятия о «вечном начале ипостаси Святого Духа».

И. — Сын Божий дуновением преподаает Святого Духа (Ин. 20:22). Следовательно, Дух Святой происходит и от Сына.

У. — Апостолы рукоположением преподают Святого Духа (Деян. 8:17). Следовательно, Дух Святой происходит и от апостолов. Вот опять два совершенно подобные умозаключения, и если последнее неправильно, то и первое несильно.

И. — Что же ты, наконец, скажешь о происхождении Святого Духа от Сына?

У. — Точно то, что древняя Восточная и Вселенская церковь в своем Символе, то есть ничего.

* * *

И. — Мне сказывали, что блаженный Августин¹ хорошо изъясняет таинство Святой Троицы и происхождение Святого Духа чрез сравнение ипостасей Божества с некоторыми действиями души человеческой. Не знаешь ли ты сего места?

У. — Такое место находится в XV книге о Троице в главе 27. Я переведу тебе сие место. Пред окончанием всего своего сочинения блаженный Августин обращается к душе своей и говорит:

«Ты видела многое истинное не сими очами, которыми видят разноцветные тела, но теми, о которых молился муж, произнесший сии слова: *Очи мои да видита правоты*. Ты видела многое истинное и оное отличала от Света, при сиянии которого видела: возведи очи на самый Свет и утверди их в нем, если можешь. Ибо сим-то образом увидишь, како отстоит «рождение» Слова Божия от *исхождения* Духа Божия, чего ради едиnorodный Сын не сказал, что Дух Святой «от Отца рождается», иначе был бы брат Его, но *исходит*. Посему, как есть единосущное некое общение Отца и Сына, то Дух Святой называется Духом обоих, а не сыном обоих, еже да не будет. Но дабы сие чисто и ясно созерцать, ты не можешь утвердить тамо взора: знаю, не можешь. Я говорю истину; говорю к себе самому; знаю, что для меня невозможно. Впрочем, сама Троица показывает тебе в тебе оные три вещи, в которых ты можешь узнать образ самой высочайшей Троицы, которую твердыми очами созерцать еще не можешь. Она показывает тебе, что есть в тебе истинное «слово», когда оно «рождается» от твоего «ведения», то есть когда мы изрекаем то, что знаем, хотя, впрочем, никакого гласа, или речения (*voxem*), имеющего значение на языке какого-либо народа, не произносим и не имеем в помышлении, но из того, что «знаем», образуется наше «помышление» (*cogitatio*), и есть в оке помышляющего самый сходный «образ» того «познания» (*cognitionis*), которое в памяти содержалось; две же сии вещи, яко родителя и порождение, соединяет третья вещь — «воля», или «любовь» (*dilectio*). И сия «воля исходит от познания» (*de cognitione*), ибо никто не хочет того, о чем всем не знает, что оно или каково; однако воля не есть образ познания (*cognitionis*), и таким образом, в сих разумевательных вещах представляется некоторое расстояние (*distantiam*) между «рождением» и «исхождением», ибо усматривать помышлением — не то, что желать или наслаждаться волею, как то усмотрит и различит, кто может».

Вот собственные слова блаженного Августина. Извлечем из них главные, взаимно соответствующие понятия и поставим одно против другого:

«Ведение», или «познание», — Отец.

«Слово», или «помышление», — Сын.

«Воля», или «любовь», — Дух.

Воля исходит от познания.

Святой Дух исходит от Отца.

И. — Но для чего бы не сказать и так, что воля исходит от «познания и помышления»?

У. — Ты хотел знать, как блаженный Августин изъясняет таинство происхождения Святого Духа, и я показал тебе сие. А это иной вопрос, почему он изъясняет оное так, а не иначе. Я не берусь быть истолкователем его в таком случае, когда он хочет истолковать непостижимое.

И. — Он изъясняет сверхъестественный, непостижимый предмет посредством предмета естественного, постижимого.

У. — Но я не знаю, точно ли избранный им естественный постижимый предмет соответствует сверхъестественному, непостижимому. Он думает, что ипостась Святого Духа в Боге есть то, что в человеке «воля», или «любовь». Но в слове Божию нахожу я, что любовь есть свойство не одной ипостаси, но естества Божеского вообще, как то говорит Иоанн: *Бог любви есть* (1 Ин. 4:16); что иногда любовь приписывается Богу Отцу, как то у апостола Павла Сын Божий называется *Сыном любви Бога Отца* (Кол. 1:13); что Сам Сын Божий, изображая Святого Духа, называет Его *Духом истины* (Ин. 15:26), а в особенных дарах духовных Дух Святой называется *Духом премудрости, разума, совета, крепости, ведения, благочестия, страха Божия* (Ис. 11:2—3).

И. — Оставим сие сходство между ипостасью Святого Духа и силою «воли», или «любви», как предположение, частью принадлежащее блаженному Августину. Но я все не вижу, для чего бы ему не сказать, что любовь происходит «от познания и помышления»?

У. — Сие, кажется, объяснить нетрудно. Рассмотрим «познание, помышление и любовь» в определенном каком-либо случае. Например, ты имеешь познание о своем отце?

И. — Имею.

У. — Имеешь помышление о нем?

И. — Имею.

У. — Имеешь любовь к нему?

И. — Имею.

У. — Потому ли ты любишь его, что помышляешь о нем, или потому о нем помышляешь, что любишь его?

И. — Не знаю, что сказать на сие. Я и люблю отца потому, что помышляю о нем, как об отце, и потому помышляю о нем, что люблю его.

У. — Сего довольно. Итак, ты не можешь утвердительно сказать, что твоя любовь к твоему отцу происходит от помышления об отце. Но скажи мне, любишь ли ты отца твоего и тогда, когда не помышляешь о нем?

И. — Я думаю, что и тогда любовь к нему находится в душе моей, когда я не имею о нем определенного помышления.

У. — А если бы ты совсем не имел познания об отце как отце?

И. — Тогда бы не могла быть и любовь, ибо, как и Августин говорит, «никто не хочет или не любит того, о чем совсем не знает, что оно или каково».

У. — Итак, не можешь ли ты, без всякого в сем случае сомнения, утверждать, что любовь происходит от познания?

И. — Могу без сомнения.

У. — Итак, не видишь ли, что блаженный Августин прав, когда выдает за ясное и верное то, что воля исходит от познания и, следовательно, Дух Святой исходит от Отца?

И. — Теперь вижу, что сие изъяснение совершенно согласо с учением Восточной церкви. Однако мне говорили об оном совсем иначе.

У. — Я знаю, на каком основании тебе так говорили. Ты можешь сам, если не отречешься от труда, испытать, я ли вернее сообщаю тебе мысли блаженного Августина, или другие, которые тебе о том говорили? Я предложил тебе слова его так, как они читаются в древних и почти во всех рукописях, а другие пересказывали тебе оные так, как они напечатаны поборниками Западной церкви.

И. — Мне кажется невероятным, чтобы кто стал портить сочинения уважаемых писателей, дабы применить их ко мнениям своей Церкви. Можно ли защищать веру ложью?

У. — Я предоставляю сие подозрение твоему собственному рассмотрению. А я дам тебе отчет в своем предложении.

Напечатано: *Imago simillima cogitationis eius*. — Самый сходный образ того помышления; *Voluntatem de cogitatione procedere*. — Воля исходит от помышления; *Cogitationis imaginem*. — Образ помышления.

Но в венецианском издании 1552 года сделано на сие место следующее замечание: «Впрочем, в древних рукописях вместо «помышления» стоит «познания».

Также в парижском издании 1679 года и в антверпенском 1700 года на то же место сделано следующее замечание: «Почти во всех рукописях «того познания». И ниже: исходит от «познания». И далее, образ «познания».

Суди же, кому я должен был следовать? Древним ли рукописям и «почти всем» рукописям или издателям, которые и не сказывают, почему они напечатали не так, как читается «в древних рукописях» и «почти во всех рукописях»?

И. — Издатели сии, в самом деле, подозрительны в предпочтении неправильного чтения текста по пристрастию к своему мнению.

У. — Подозрительны тем более, что не только не уважили ни древности, ни большинства свидетельств в пользу другого чтения, но и не хотели приметить того, что принятое ими чтение очевидно повреждает смысл текста. Они читают: «*Sed ex illo, quod novimus, cogitatio nostra formetur sitque in acie cogitantis imago simillima cogitationis eius*». То есть: «Но из того, что знаем, образуется наше помышление, и есть в оне помышляющего самый сходный образ того помышления».

Не видишь ли, какая нелепость выходит из сего чтения? «Помышление есть самый сходный образ помышления»! Не защищает ли, напротив, другое чтение само себя правильно-стью своего смысла? «Помышление есть самый сходный образ познания».

И. — Удивляюсь.

У. — Ты удивился бы более или уже совсем перестал бы удивляться, если бы имел случай узнать, сколь многие в древних писателях места столь же явно испорчены.

И. — Желал бы я слышать яснее, как древние учителя Церкви произносили догмат о происхождении Святого Духа. Нет ли о сем таких свидетельств, которые бы не были подвержены спорам?

У. — В сочинениях одного блаженного Августина Адам Зерникав² и Феофан Прокопович³ нашли более пятидесяти мест, в которых догмат о происхождении Святого Духа произносится так, как доныне произносит оный Восточная церковь. В числе их есть такие, о неповрежденности которых никто не сомневается. Таково, например, следующее место из книги «*Contra sermonem arianum*»*, гл. 23: «Да не возомнят, будто, чрез некие степени, есть от Него (то есть от Сына) Дух Святой, подобно как Сам (Сын) есть от Отца: напротив, **оба от Отца, Тот рождается, Сей исходит**; которые два действия в высоте оного Естества (Божия) различить, конечно, трудно».

Из множества других подобных свидетельств, встречающихся у восточных и западных писателей, я представлю тебе свидетельство самого папы Дамаза и целого Римского собора, о подлинности которого нельзя сомневаться потому, что согласно написали о том Августин (*Sermo 129, De tempore***) и Феодорит⁴ (*Historia Ecclesiastica****, кн. V, с. 11), один в Африке, а другой в Азии; один на латинском, а другой на греческом языке, почти в одно время, но, верно, не слышав друг о друге. Дамаз на Римском соборе, с согласия многих епископов, издал исповедание веры, в котором, как я сказал, Августин и Феодорит читают следующие слова: «Аще кто не речет, яко Дух Святой от Отца есть истинно и собственно, яко же и Сын от сущности Божией и Бог, Божие Слово: анафема да будет».

* Против арианской проповеди (лат.).

** Проповедь 129 «О времени» (лат.).

*** Церковная история (лат.).

И. — Я имею предложить тебе отрывок из книги: «Главнейшие наставления в форме катехизиса», изданной по указанию Шарля-Иоахима Кольбера, епископа Монпелье. Вот он в переводе: «Нетрудно доказать, что те из греков, которые отделились от церкви Римской, отделились чрез сие от истинной Церкви Иисуса Христа. Дабы в сем убедить всякого благонамеренного человека, надобно только взять в рассмотрение ту и другую Церковь, как они были во времена своего соединения. То достоверно, что тогда греки признавали папу главою Церкви. Сие доказывается семью первыми Вселенскими (Geneaux) соборами, *которые* держаны были на Востоке и на которых первенство папы законно было признано. Сам Фотий, который посеял первые семена разделения, в сем не прекословил. На Вселенских (Geneaux) соборах, Лионском и Флорентийском, на которых рассуждаемо было о воссоединении двух церквей, сия истина также была признана греками. Церковь Константинопольская никогда не требовала себе более того, чтобы ей быть вторым Римом и по нем иметь первое место. Достоверно также, что церковь Константинопольская получила второе место уже на четвертом или не ранее, как на втором Вселенском соборе, что сделалось не без сопротивления. Итак, тогда справедливо можно было сказать, что папа был видимой главою Церкви, и Рим был средоточием единства, как говорит Иринеи, епископ Лионский, родом грек, живший во втором веке. Если Церковь, признававшая папу за видимую главу, была беспрекословно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то будет она таковою и всегда, ибо в сем пункте никогда не может приключиться в Церкви изменения. Следовательно, отделяться от Церкви, признававшей папу главою, значит отделяться от истинной Церкви Иисуса Христа, значит быть раскольников. Следовательно, восточные, отделившиеся от оной, суть раскольники».

У. — Не хочешь ли ты, чтобы я разобрал с тобой сие доказательство?

И. — Точно так.

У. — Будем же рассматривать оное по частям, держась для ясности того самого порядка, в котором изложил свои мысли сочинитель.

«Нетрудно доказать, что те из греков, которые отделились от церкви Римской, отделились чрез сие от истинной Церкви Иисуса Христа.

Дабы в сем убедить всякого благонамеренного человека, надобно только взять в рассмотрение ту и другую Церковь, как они были во времена своего соединения».

Как ты думаешь, кого разумеет писатель под сими словами: «Те из греков, которые отделились от церкви Римской»?

И. — Без сомнения, Восточную церковь.

У. — Итак, он предполагает, что Восточная церковь «отделилась от церкви Римской»?

И. — А ты разве сомневаешься в сем?

У. — Не сомневаюсь, а совершенно уверен, что предположение сие неправильно.

И. — Не понимаю.

У. — Я изъясню тебе сие примером. Когда по смерти Соломона из одного народа Божия сделалось два царства: Иудейское и Израильское, тогда, скажи мне, Иудейское ли отделилось от Израильского, или наоборот?

И. — Вижу, что здесь правильное будет сказать, царство Израильское отделилось от Иудейского.

У. — Почему сие правильное?

И. — Потому, что царство Иудейское осталось таким, каково было прежде, а царство Израильское основало себе новое правительство, нарушив признанное всеми коленами народа Божия право наследственного правления.

У. — Приложим сей пример к настоящему делу. Французский наставник говорит, что церковь Восточная отделилась от церкви Римской. Но дабы иметь право так говорить, надлежало бы прежде доказать, что Римская церковь осталась по разде-

лении такую же, какова была прежде, и что, напротив, церковь Восточная нарушила какой-либо великий закон, неразлучный с единством Церкви. А как он сего еще не сделал, то сим и допустил в самых первых выражениях своего доказательства подлог, выставляя за верное то, что надлежало доказывать. Скажу более: он показал истину совсем в превратном виде.

И. — Ты думаешь, что справедливее было бы сказать: Римская церковь отделилась от Восточной?

У. — Да. И теперь скажу и я словами французского наставника: «Дабы в сем убедить всякого благонамеренного человека, надобно только взять в рассмотрение ту и другую Церковь, как они были во времена своего соединения». Рассматривая и ту и другую Церковь во времена их соединения, или, что то же, рассматривая Вселенскую церковь первых восьми веков христианства, нахожу я принятый ею для охранения своего единства и чистоты следующий закон: «Общее вероисповедание и постановление Вселенской церкви определяется из слова Божия общим согласием Вселенской церкви чрез посредство ее учителей: частные церкви могут делать токмо частные для себя установления, относящиеся до благочиния церковного, а не касающиеся основания христианства».

И. — Где ты нашел сей закон?

У. — На нем основаны все Вселенские соборы вместе. Их не было бы, если бы его не было.

И. — Согласен.

У. — Обратимся от Вселенской церкви первых восьми веков христианства к последующим временам, в которые видим две разделенные между собою Церкви: Восточную и Западную, или Римскую. Сохраняется ли здесь оный закон Вселенской церкви? И если сохраняется, то в которой из двух несогласных между собою Церквей?

Посмотрим на церковь Римскую. Прочитай ее вероисповедание, составленное папой по решениям Тридентского собора, напечатанное в самой книге приведенного тобой французского наставника, и сравни оное с вероисповеданием

древней Вселенской церкви, то есть с Никейско-цареградским символом веры.

Во-первых, ты находишь древний догмат, произносимый с важным изменением слов, не только древнего Символа, но и слов Самого Иисуса Христа: «*qui ex patre filioque procedit*», то есть «иже от Отца и Сына исходящего».

Во-вторых, находишь догматы и постановления, которых и следа не было в древнем Символе и которые вновь определены, например: «Исповедую, что и под одним из двух видом приемлется весь и целый Иисус Христос и истинное таинство», «Утверждаю также, что власть индульгенций (послаблений) от Христа оставлена в Церкви и что употребление оных спасительно для народа христианского», «Римскому Первосвященнику, преемнику Блаженного Петра, Князя апостолов, и наместнику Иисуса Христа истинное послушание обещаю и клянусь в том».

Не видишь ли теперь, что в вероисповедании нынешней Римской церкви есть такие члены, которые определены ею без общего согласия Вселенской церкви?

И. — Римская церковь говорит, что и новые члены ее вероисповедания определены ею, яко Вселенской церковью, на Вселенских соборах.

У. — С тех пор как христианство разделилось на две несоединенные доселе половины, Вселенских соборов не может быть, доколе не последует общего соединения. Тридентский собор, на который, по словам самого Тридентского символа, особенно опирается нынешняя Римская церковь, есть частный собор сей Церкви, а не церкви Вселенской. Он даже не есть общий собор церкви Западной, поскольку она в сие время была уже вновь раздроблена.

И. — Западная половина христианства не считает Восточную значущей частью прежнего целого.

У. — Это весьма добрый знак для Восточной церкви, что и она, подобно как единственная глава ее, Иисус Христос, есть *камень, егоже небрегоша зиждущии* (Мф. 21:42), тем она ближе к тому, чтобы ей быть *во главу угла*. Я надеюсь немно-

гими словами доказать тебе, что пренебрегать Восточную половину христианства как незначущую часть оною, не значит судить суд Божий. Знаешь ли ты, на чем основывается сие пренебрежение?

И. — В той же книге, которая подала случай к настоящему разговору, я читал следующее: «Всеобщее запустение духовное и наружное, которому подвержены Восточные со времени раскола их, может быть принято за доказательство того, что Бог оставил их».

У. — Смотри же, каково сие доказательство. «Всеобщее запустение духовное» — где оно, укажи мне? В чем оно состоит, изъясни мне? Оно в некоторых турецких областях? Так не во всем Восточном христианстве, не «всеобщее». Оно состоит в непросвещении некоторых стран? Но так называемое непросвещение не есть «запустение духовное», ибо в людях, не образованных мудростью века сего, может обитать и обитает живая вера. «Всеобщее запустение наружное» — опять неправда. В Греции бедствует Восточное христианство, а в России благоденствует.

Смотри, напротив, не с большей ли силой оружие французского наставника может быть обращено против него самого? Не с большей ли справедливостью можно сказать: «общее запустение духовное», которое очевидно доказывается родившимся, возросшим и возгосподствовавшим посреди Западного христианства антихристианским безверием и развратом, доведшим до торжественного и всенародного отступления от Христа, и за сим необходимо следовавшее «общее запустение наружное», которое недавно, необыкновенной посторонней помощью, но Бог знает, надолго ли, остановлено, — сие двоякое запустение, которому подверглись Западные христиане пред лицом Вселенной и потомства, не может ли быть принято за доказательство того, что долготерпеливый Бог, ждавший их исправления, наконец, «оставил» их или, по крайней мере, чрез столь явное наказание угрожает им «оставлением»?

Не могу ли я сказать еще: ясным действием провидения совершившееся избрание Восточных христиан (россиян) в

главное орудие к избавлению Западного христианства от «общего запустения духовного и наружного» и к восстановлению Западной церкви, униженной и поруганной в самом ее первосвященнике, и торжественное освящение оскверненной богоотступлением, цареубийством, междоусобными кровопролитиями столицы, предоставленное Провидением священству и христианам также Восточной церкви, — не может ли все сие быть принято за доказательство того, что Бог не оставил Восточной церкви, но благословляет ее и благоволит о ней?

И сей-то Церковью пренебрегают, как незначущей частью христианства! Вспомни здесь опять недавно приведенный мною пример. Когда по смерти Соломона из одного народа Божия сделалось два царства: Иудейское и Израильское, первое состояло только из двух, а последнее из десяти колен. В сие время израильтяне верно говорили о иудеях, что это незначущая часть народа Божия. Но пред очами Божиими сия-то незначущая часть и составляла истинный народ Божий, в котором заключалась лучшая надежда и самих десяти колен отступнических.

И. — Я согласен, что и для ревностного защитника Западной церкви Восточная церковь в целом составе христианских народов не то, что были в древней Вселенской церкви некоторые секты христианские. Она существует тысячу лет по разделении от Западной и в сие время сохраняется, несмотря на тяжкое и продолжительное угнетение на Юге и Востоке, а на Севере время от времени более распространяется, утверждает-ся и процветает. Раскол, как показывает история христианства, никогда не пользовался таким покровительством провидения.

У. — Следовательно, я имел право назвать Восточную церковь «половиной нынешнего христианства».

И. — Согласен и на сие.

У. — Следовательно, соборы Западной половины христианства, или Римской церкви, не признаваемые Восточной, суть соборы частные, а не Вселенские, и определенные на них члены вероисповедания определены без общего согласия церкви Вселенской.

И. — Кажется, и на сие должно согласиться.

У. — Следовательно, Римская церковь нарушила принятый древней Вселенской церковью закон единства, по которому «общее вероисповедание долженствовало быть определяемо из слова Божия общим согласием Вселенской церкви».

И. — Кажется, так.

У. — Следовательно, Римская церковь отделилась в вероисповедании своем от древней Вселенской церкви.

И. — Для сего надобно, чтобы нынешняя Римская церковь отделилась в вероисповедании своем и от древней Римской же церкви.

У. — А тебе кажется сие невозможным?

И. — Конечно, трудно представить сие.

У. — Ты можешь видеть сие на самом деле. Вот пример: в 809 году, когда папе Льву III предложено было, чтобы возникшее мнение о происхождении Святого Духа и от Сына внести в Символ веры, он, несмотря на то что сие предложение сделано было под покровительством императора Карла Великого, не только не согласился на оное, но еще повелел вырезать Символ на двух серебряных досках, на греческом и латинском языках, без прибавления слова «и Сына», и положил на них следующую надпись: «Лев устроил сие из любви к православной вере и для ее охранения». Но сие прибавление, которого так остерегался Лев III, нынешняя Римская церковь торжественно признает в Тридентском символе. Не ясно ли здесь видно, что нынешняя Римская церковь отделилась в сем члене вероисповедания и от Римской же древней церкви?

И. — Но достоверно ли рассказанное тобою деяние Льва III?

У. — О нем свидетельствуют писатели: Смарагд, который вел записки о вышеупомянутом посольстве к папе, Анастасий Библиотекарь⁵, Петр Абеляр⁶, Петр Ломбардский⁷, Петр Дамиани⁸. О нем упоминает Фотий⁹. Не отрицают оно и новейшие Римской церкви писатели: Бароний¹⁰, Беллармин¹¹, Биний и иезуит Киховский. Если ты хочешь ими поверить мои слова,

то можешь найти подробные на них указания у Феофана Прокоповича в книге «*Historia de Processione Spiritus Sancti*»*.

И. — Надобно узнать, не отделилась ли также и нынешняя Восточная церковь от древней Вселенской?

У. — Испытаем. И для сего паки обратимся к найденному нами в древней Вселенской церкви закону единства, по которому «общее вероисповедание долженствовало быть определяемо из слова Божия общим согласием Вселенской церкви». Отцы Вселенских соборов приметили вскоре, что достижение общего согласия Вселенской церкви в новых изысканиях, относящихся до веры, время от времени становится труднее, частью по причине обширности Церкви, частью по причине распространяющегося влияния различных видов человеческих в дело Божие. Посему, когда на первом и втором Вселенских соборах составлено было «достаточное общее вероисповедание», сохраняемое донныне под именем Никейско-цареградского символа веры, то третий Вселенский собор, как для сохранения точнейшего согласия и единства со Вселенской церковью предшествовавших времен, так и для предупреждения могущих произойти несогласий при новых изысканиях, относящихся до веры, извлек из всеобщего закона единства следующее правило, которое находится в деяниях сего собора под числом 7.

«Святой Синод определил, да не будет позволено никому иную веру (то есть иное вероисповедание, или Символ) произносить, или писать, или составлять, кроме той, которая определена от святых отец о Святом Духе собравшихся во граде Никее».

С сего времени правила каждого из следующих Вселенских соборов начинались, в разных выражениях, подобными положениями, подтверждающими «неприкосновенность общего вероисповедания», и ни один из оных соборов не отважился делать «прибавлений к Никейско-цареградскому символу». Достойно примечания, что на Константинопольском соборе,

* «История о исхождении Духа Святого» (лат.). Полное название: «История о начатии и происхождении раздора между греками и римлянами о исхождении Св. Духа» (М., 1773).

который утвердил восстановление Фотия на патриаршество, послы папы Иоанна VIII дали о Символе следующий голос: «Праведно есть, да не составится вновь иное вероисповедание (ороζ), то есть кроме Никейско-цареградского символа».

И. — Признает ли сие деяние нынешняя Римская церковь?

У. — Правда, римские писатели стараются освободить себя от свидетельств сего собора посредством разных подозрений, но упоминает о сем соборе и самих послов именует сам Иоанн VIII в своих письмах. Иосиф Вриенний¹², писавший в начале X века, уроженец константинопольский, рассказывает, что в то время еще хранилась и подпись римских послов под деяниями сего собора; Зонара¹³, Валсамон, Матфей Властарь¹⁴ и даже Грациан¹⁵ приводят правила сего собора. Отрывки его деяний сохранил Иоанн Векк, патриарх Константинопольский, приверженец Римской церкви¹⁶. Впрочем, я упомянул о сем для того, чтобы показать тебе древнее мнение христиан Римской церкви, для Восточной же церкви не нужно свидетельство сего собора. В греческих списках его деяний он наименован и почитается от многих восьмым Вселенским, но поскольку Западное христианство упорствует признать его таким, то Восточная церковь, сохраняя вселенское согласие, держит седмичное число Вселенских соборов, которых и Западная церковь отвергать не может. И потому довольно, что сими утверждена «неприкосновенность общего вероисповедания», или символа. Сию-то неприкосновенность Символа непоколебимо сохраняет и донныне Восточная церковь, равно как и в церковном постановлении своем удерживает все то и одно то, что постановлено семью Вселенскими соборами. **Следовательно, нынешняя Восточная церковь в общем вероисповедании с древней Вселенской церковью едина есть.**

Но как я выше показал, что Римская церковь отделилась в вероисповедании своем от древней Вселенской церкви, следовательно, справедливо будет сказать и то, что Римская церковь отделилась от Восточной, а не Восточная от Римской, как сказал французский наставник.

И. — Я вижу, что сим превращением одного выражения, вопрос об отделении церкви Восточной от истинной Церкви Иисуса Христа совсем уничтожается. Однако мне кажется, что в предложенном тебе мною рассуждении французского писателя о сем вопросе есть предметы, которые заслуживают особенного исследования.

У. — Будем продолжать сие исследование. Французский наставник продолжает: «То достоверно, что тогда греки признавали папу главой Церкви. Сие доказывается семью первыми Вселенскими соборами, которые держаны были на Востоке и на которых первенство папы законно было признано».

В сих словах я нахожу следующее умозаключение: «Признано было первенство папы. Следовательно, папу признавали главой Церкви».

И. — Что же ты думаешь о сем умозаключении?

У. — Мне кажется, что тем же умозаключением можно доказать противное тому, что хотел доказать французский наставник.

И. — Как это?!

У. — Вот как: «Признано было первенство папы. Следовательно, папу не признавали главой Церкви».

И. — Но как ты докажешь, что заключение сие правильно?

У. — Оно правильно так же, как и следующее заключение: «Признано в Восточной церкви первенство патриарха Константинопольского. Следовательно, патриарха Константинопольского не признают главой Восточной церкви».

И. — Я опять не вижу, почему ты так превратно заключаешь.

У. — Вникни сам, что ты разумеешь под словом «первенство»?

И. — Кажется, что сие слово не требует изъяснения.

У. — Например, между братьями есть ли первенство?

И. — Должно быть.

У. — А между отцом и сыном?

И. — Здесь должно быть нечто большее, нежели первенство.

У. — А между начальником и подчиненным?

И. — И здесь есть некоторое иное отношение, нежели первенство.

У. — Как же называется отношение начальника к подчиненному?

И. — Начальство, или власть.

У. — Не видишь ли теперь, что первенство присвоется одному из тех, которые друг над другом не имеют власти? А из сего и выходит предположенное мною заключение: «Признано было первенство папы. Следовательно, не признавали власти папы над всей Церковью, или, что то же, не признавали папу главой Церкви».

И. — Но нынешняя Римская церковь, именуя папу главой Церкви, точно ли присволяет ему не одно первенство пред прочими епископами, но и власть над всей Церковью?

У. — Ты мог видеть сие из приведенных мною догматов папско-тридентского символа. В нем папа именуется «наместником Иисуса Христа» и предписывается «клятва о послушании папе». Это уже не простое первенство, какое Восточные патриархи отдают патриарху Константинопольскому, но преимущество власти, да и власти «самодержавной».

И. — Так, может быть, и французский сочинитель под именем первенства разумел преимущество власти над всей Церковью?

У. — Но для чего же он не сказал яснее: «Признана была власть папы над всей Церковью», а сказал только: «Признано было первенство папы»? Не значит ли сие, что последнее только положение надеялся он доказать, а не первое?

И. — Сие должно быть усмотрено из продолжения его доказательства.

У. — Он и в продолжении своего доказательства говорит о первенстве только, но из того выводит опять заключение о власти папы как главы Церкви.

И. — Впрочем, он свидетельствуется семью Вселенскими соборами в том, что тогда греки признавали папу главой Церкви.

У. — Он сам же и уничтожает сие свидетельство, когда говорит, что на семи Вселенских соборах признано было только первенство папы, а не власть папы над всей Церковью, как главы ее. Но если тебе угодно, и я свидетельствуюсь семью Вселенскими соборами в том, что тогда греки не признавали папу главой Церкви. Остается тебе самому выслушать сие свидетельство и судить, на чьей стороне справедливость.

Первого Вселенского собора 6-е правило гласит так: «Да держатся древние обычаи, сущие в Египте, и Ливии, и Пентаполе, дабы над всеми сими власть имел Александрийский епископ: ибо и Римскому епископу сие обычно. Подобно и в Антиохии, и в прочих областях свои старейшинства да сохраняются церквам».

Здесь видишь, что та же власть, какую имел Римский епископ, предоставляется Александрийскому и еще некоторым епископам; что сия власть не вновь дается сим епископам, а только подтверждаются собором древние обычаи; что по сим древним обычаям, как Александрийскому епископу принадлежала власть над Египтом, Ливией и Пентаполем, так и Римскому епископу — власть над некоторыми, и то немногими Западными церквами, а отнюдь не над всей церковью Вселенской. Суди по сему, сколь далек был первый Вселенский собор от того, чтобы признать папу главой Церкви.

Второго Вселенского собора 3-е правило повелевает: «Константинопольскому епископу иметь старейшинство чести по епископе Римском: ибо новый Рим есть». И здесь если предполагается какое преимущество в Римском епископе, то единственно первое старейшинство чести, а отнюдь не всеобщее старейшинство власти.

Должно заметить между прочим основание приведенного теперь правила. Почему Константинопольский епископ по Римском епископе? Ибо новый Рим есть. Если обратить силу сего рассуждения на Римского епископа, то можно сказать вза-

имно, почему епископ Римский пред Константинопольским епископом? Ибо древний Рим есть. Вот какое преимущество дает папе второй Вселенский собор, а не власть главы Церкви.

Третий Вселенский собор, подтверждая Кипрским епископам, а по сему случаю и другим епархиям вообще древние права независимости от посторонних епископов и ограничивая власть каждого митрополита теми областями, на которые она издревле простиралась, изъявляет при том следующую предосторожность: «Да не преступятся правила отец; да не превзойдет под видом священнодействия гордость светской власти; и да мало-помалу, неприметно, не утратим той свободы, которую Своею кровию даровал нам Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков» (правило 8). Итак, и сей собор не признавал такого единовластия, какое имеет ныне в папе Римская церковь, а брал предосторожность, чтобы таковой когда-либо не явился.

Между правилами четвертого Вселенского собора под числом 27 находится следующее: «Следуя во всем определениям святых отцов и признавая читанное теперь правило ста пятидесяти боголюбивейших епископов (то есть третье правило второго Вселенского собора), то же и мы определяем и постановляем о старейшинстве святейшей церкви Константинополя, нового Рима. Ибо престолу Древнего Рима, ради царствующего сего града, отцы прилично дали первенство. И по тому же уважению сто пятьдесят боголюбивейших епископов равное старейшинство предоставили святейшему престолу нового Рима, нашед то правильным, чтобы град, возвышенный пребыванием царя и Синклита и пользующийся равным старейшинством с древним царственным Римом, так же, как сей, возвеличен был и в делах церковных, яко второй по нем».

Здесь должно заметить:

первое, что собор признает старейшинство Римского епископа ради царствующего града Рима, но не ради преимущественной власти самого епископа как преемника Петрова, Христова заместителя и главы Церкви, как исповедуют нынешние читатели папы;

второе, что престолу нового Рима как сей собор, так, по его изъяснению, и второй Вселенский, предоставили равное старейшинство с престолом Древнего Рима. Таким образом, если Римский епископ имел первенство пред Константинопольским, то единственно потому, что нельзя быть двум первым, а отнюдь не потому, чтобы имел какую особенную власть или высший сан. Константинопольский епископ был то же в Константинополе, что Римский в Риме. Церковь Константинопольская столько же зависела от церкви Римской, сколько Римская от Константинопольской. То же должно разуместь и о других Восточных патриархах, которые должны были отдавать патриархам Римскому и Константинопольскому только старейшинство места на соборах.

Собор Трулльский, называемый пято-шестым, потому что составлен был в дополнение к деянию пятого и шестого Вселенских соборов, которые не издали церковных правил, и сам по себе имеющий достоинство Вселенского собора, потому что присутствовали на нем и деяние подписали пять Восточных патриархов, после Римского епископа и Римского собора, и более, нежели двести прочих епископов, — 36-м своим правилом возобновляет прежние постановления о престолах патриарших следующим образом: «Возобновляя постановление ста пятидесяти святых отцов в Богоспасаемом сем и царствующем граде собравшихся (второго Вселенского собора), и шестисот тридцати в Халкидоне собравшихся (четвертого Вселенского собора), определяем, чтобы Константинопольский престол пользовался равным старейшинством с престолом Древнего Рима, а также, как сей, возвеличиваем был в делах церковных, будучи вторым по нем. После Константинопольского да счисляется престол великого града Александрии, потом Антиохийский, а после сего Иерусалимский».

Кроме сих ясных свидетельств о древнем равенстве Восточных патриархов с патриархом, или папой Римским, из деяний соборных можно видеть, что Вселенские соборы созываемы были обыкновенно повелением и властью императоров, а не пап; что патриарх Константинопольский в письмах на-

зывает папу «братом и сослужителем», равно и папа так же называл патриарха; что Италийских даже церковей епископы подписывались с прибавлением только слов: «Божией милостью», а не так, как нынешние: «Божией и апостольского престола милостью»; что пятый Вселенский собор, на котором папа Витилий, находящийся в то время в самом Константинополе, не хотел присутствовать, отговариваясь то болезнью, то малочисленностью Западных епископов, совершил свое дело без его согласия, так что папа хотя и объявил было после свое мнение, несогласное с решением собора, но паки отступил от оногo; что шестой Вселенский собор в числе других монофелитов проклял папу Онория; что в деяниях сего собора как Римскому, так и Константинопольскому епископам даются одни и те же почетные наименования: Блаженнейшего Архиепископа и Вселенского, только Цареградский, по обычаю Восточных, называется патриархом, а Римский, по обычаю Западных и Александрийских архиепископов, папой; что послы папские в первый раз пользовались полным правом председательства на том соборе, который утвердил изгнание патриарха Фотия и который церковь Западная признает восьмым Вселенским, а Восточная причисляет к церкви лукавнующих, потому что Фотий, осужденный сим собором, не сделал иного преступления, как обличил императора Василия в цареубийстве и отцеубийстве и за сие отлучил от Святого Причастия.

Суди по сим свидетельствам, сколько то достоверно, что греки признавали папу главой Церкви, и доказывается ли это семью первыми Вселенскими соборами?

И. — Однако ж французский писатель на чем-нибудь основывался, говоря сие.

У. — Может быть, на том, что разумел соборные правила так, как ему желалось, а не так, как они гласят для беспристрастного. Впрочем, я истинно не нахожу иных вселенских правил, которые можно было бы привести в пользу французского наставника, и продолжение доказательства его показывает, что и он утверждался на тех самых, которые доселе мною

приведены. Могли бы послужить в пользу его мнения 3, 4 и 5 правила Сардикийского собора, которыми Юлию, епископу Римскому, предоставляется назначать пересмотр дела о низложении епископов, но должно заметить:

первое, что хотя и было намерение, дабы Сардикийский собор был Вселенским, но как при самом его начале епископы Восточные отделились от Западных и на нем не присутствовали, то и был он только частным, или поместным, собором, за каковой и признаваем был всегда Восточной церковью;

второе, что неповрежденность сих правил подвержена сомнению, так как они долго были неизвестны ни в Восточных, ни даже в Африканских, к Западной принадлежащих церквах; а четвертое правило Сардикийское во времена папы Зосимы с явным подлогом из архива Римского представлено было Африканским епископам за Вселенское никейское правило, каковой подлог и обличается собором Карфагенским в посланиях его к папам Вонифатию и Целестину;

третье, что правила Сардикийские, хотя и принять их во всей силе как правила частной Западной церкви, дают папе право только над епископами Западной церкви, подобно как такое же право предоставлено 9 и 17 правилами четвертого Вселенского собора патриарху Константинопольскому над Восточными епископами и митрополитами, принадлежащими его патриаршеству.

И. — Посмотрим, что еще ты найдешь в продолжении рассуждения французского писателя.

У. — Он говорит далее: «Самый Фотий, который посеял первые семена разделения, в сем (то есть в первенстве папы) не прекословил».

Здесь надобно рассмотреть прежде сие положение: «Фотий посеял первые семена разделения».

И. — Кажется, сие положение и ясно, и верно.

У. — Для меня не совсем верно.

И. — Как же ты думаешь?

У. — Поскольку ты можешь еще спросить, не противострастие ли какое возбуждает меня против всякого мнения за-

падных писателей, то здесь вместо своего я представляю тебе мнение писателя западного. В книге «Толковый словарь управления, законов, обычаев и дисциплины церковной» под словом «Константинополь» ты можешь читать от слова до слова мною переводимое следующее мнение: «Кажется, что наименование Вселенского патриарха, которое приняли епископы Константинопольские, есть истинное начало Греческого раскола, который открылся в девятом веке в патриаршество Фотия».

Подлинно первое семя разделения было наименование Вселенского, которое со времен четвертого Вселенского собора императоры, соборы и клир начали прилагать к именам Римского и Константинопольского епископов. Константинопольский 536 года собор, в деяниях коего многократное употреблено наименование Вселенского патриарха, принят и одобрен Римской церковью. Но когда после то же наименование приписано Иоанну Постнику, патриарху Константинопольскому¹⁷, то папа Римский Григорий Великий¹⁸ весьма сильно восстал против сего наименования и называл оное «антихристианским» (*Epistula Liber* IV; Ep. XXXII. XXXIV. LVI. Ep. VI. XXIV. XXX. XXXVI. XXXVIII*). Впрочем, патриархи Константинопольские, во-первых, до восьмого века не писали Вселенскими сами себя, а только не возбраняли другим сие делать; во-вторых, принимали наименование Вселенского только как почетное, подобно как некоторым приписывали на Востоке и наименование Вселенского учителя, но не соединяли с оным понятие о всемирной власти; в-третьих, они приписывали то же почетное наименование и Римским епископам. Но с 606 года сие «антихристианское», по выражению папы Григория, наименование с папой Вонифатием III воссело на Римский престол так твердо, что и последовавшие папы, сколько позволяли обстоятельства, всячески старались, во-первых, присвоить оное наименование себе одним, во-вторых, соединить с ним всемирную власть.

Случай, который так возвеличил Вонифатия, был следующий. Фока, достигший Константинопольского император-

* Послание Свободное (*лат.*). Далее просто «Ер.».

ского престола убийством императора Маврикия, хотел также умертвить его вдову и трех дочерей. По древнему обычаю, они искали безопасности в Церкви. Император хотел взять их оттуда, но патриарх Кириак сему воспротивился. «По сему случаю, — говорит римский писатель, — Фока стал враждовать против Кириака и начал благоприятствовать Римской церкви. Вонифатий, узнав о сем, воспользовался ненавистью к Кириаку». «Вонифатий, — говорит другой римский же писатель, — живя в Константинополе до самой смерти Григория, снискал благоволение Фоки и приобрел его дружбу»: по сей-то причине и также «из ненависти к Кириаку» император «по прошению, — говорит опять западный же писатель, — папы Вонифатия определил, чтобы престол Римской апостольской церкви был главой всех церквей».

Казалось, что сим образом цареубийца и похититель престола Фока преподавал папе Вонифатию собственный свой дух властолюбия. Папы не угасили сего духа. Время от времени менее уважали они Восточную церковь и сами Вселенские соборы, а не уважая древних правил, вводили новости за новостями. Собор Трулльский во многих своих правилах явно уже обличает Римскую церковь. Например, 13-е правило сего собора начинается так: «Поскольку мы узнали, что в Римской церкви приемлется за правило, чтобы имеющие принять рукоположение во диакона или пресвитера обязались не прикасаться более к своим женам, то, следуя древнему правилу апостольского рассмотрения и благочиния (то есть 51-му апостольскому правилу), желаем, чтобы законное сожитие священнодействующих лиц и отныне было твердо».

Также правило 55-е гласит так: «Поскольку мы уведали, что сущие во граде Риме в посты Святой Четырехдесятницы по субботам постятся вопреки преданному церковному последованию, то Святой Синод изволяет, дабы и в Римской церкви ненарушимо содержимо было правило (64-е апостольское), глаголющее: «Аще причетник обрящется постяться во Святой день Господень или в субботу, кроме единыя токмо; да извержется; аще же мирянин, да отлучится».

Но, несмотря на то что сии правила, как я и прежде сказал, утверждены пятью патриархами и послами Римского папы и Римского собора, Римская церковь не покорилась им и не покоряется донныне. Итак, «семена разделения», посеянные Фокой и Вонифатием, уже прозябали на Трулльском соборе.

Теперь посмотрим, что сделал Фотий, или, лучше, что с ним случилось. Недавно приведенный мной французский писатель («Толковый словарь...», статья «Фотий») говорит о нем следующее: «Он был высокой породы и глубоких знаний. Его достоинство было причиной того, что в 857 (858) году, будучи мирянином, избран он преемником Игнатия, патриарха Константинопольского, которого император Михаил изгнал, но которого не почитали правильно низложенным. Фотий в шесть дней прошел все церковные степени: в первый день был сделан монахом, во второй чтецом, в третий иподиаконом, в четвертый диаконом, в пятый пресвитером, а в шестой посвящен в патриарха Константинопольского. Вскоре по восшествии на патриарший престол он председательствовал на соборе, на котором Игнатий низложен». Впоследствии папы рукоположение Фотия почитали незаконным, впрочем, оно могло быть оправдано примерами Нектария, Тарасия (и Никифора), патриархов Константинопольских, и святого Амвросия Медиоланского. Оно и объявлено законным в 861 году на соборе более трехсот епископов, между которыми первенствовали послы папы Николая I. Игнатий снова был низложен.

Дополним сие свидетельство западного писателя некоторыми обстоятельствами, требующими особенного внимания. Фотий, будучи одним из первых чиновников государства, не имел нужды искать патриаршества Константинопольского, а, предвидя свои бедствия в сем достоинстве, писал к папе Николаю I (Ер. III, VI), что желал бы лучше смерти, нежели патриаршества. Игнатий еще прежде избрания Фотия подписал свое отречение от престола. Фотий приступил к соборному низложению Игнатия потому, что сообщники сего последнего, собравшись в храме Ирины, хотели низложить невинного Фотия. Но и после первого собора, уступая сообщникам Игнатия,

Фотий готов был отрясти прах на своих гонителей и оставить престол (Ер. III, VI, VIII), если бы ему то позволили. На втором соборе, как Игнатий, быв приведен в Константинополь, сужден и осужден; так Фотий выслушан и признан ни в чем невинным, и римские послы подписали сие деяние. Сей собор именуют Вселенским: Гемист, Вриенний, Валсамон, Зонара, Аристин¹⁹, Нил Солунский²⁰, Нил митрополит Родосский, Матфей Властарь, Макарий Анкирский и другие.

Но папа Николай не признал решения сего собора о патриархе Фотии и заставил римских писателей донныне жаловаться, иных на притеснение папских послов, а иных на красноречие Фотия. Игнатий, по соборному приговору низложенный с престола в Константинополе, мысленно возведен на престол в Риме. Фотий, лично доказавший свою невинность пред Константинопольским собором, осужден заочно на Римском соборе 863 года. Самые послы папы подверглись гневу его за то, что подписали такое решение дела, какое открылось из соборного исследования, а не повергли Константинопольского собора и патриарха к ногам патриарха другой Церкви.

Император письмом обличил сию гордость папы и начал открывать наготу Римской церкви. Но папа сделался еще предприимчивее и оскорбительным письмом к императору (Ер. VIII), и — Фотия в Рим.

В 886 году папа Николай послал в новопросвещенную христианством Болгарию своих епископов, предприняв отторгнуть ее от Константинопольского патриаршего престола и покорить себе. Константинопольскому престолу она принадлежала, во-первых, потому, что принадлежала к областям Восточной Империи, да и точно составляла часть Константинопольской патриархии, по закону Феодосия и по самому местоположению; во-вторых, потому, что недавно болгарский царь Михаил крещен был в Константинополе; в-третьих, потому, что страна, обитаемая в то время болгарами, имела и прежде их пришествия греческих священников. В сие древнее достояние Восточной церкви западные наставники внесли с собой и новую власть, и новое учение, как то: о происхождении

Святого Духа, о недействительности священниками совершаемого миропомазания, о безбрачии священников.

Что в сих обстоятельствах оставалось делать Фотию? Или вопреки 8-му правилу третьего Вселенского собора вместе с собою поработить независимую дотоле Константинопольскую, или, лучше сказать, всю Восточную церковь, неограниченному властолюбию папы, а с тем вместе подвергнуть ее необходимому влиянию мнений и обычаев, со дня на день более отступавшей от древних правил Римской церкви; или противопоставить дерзости твердость и, в невозможности хранить долее мир, обнажить все, дотоле терпением покрываемые, но в сие время, как в самом папе, так и в посланных от него в Болгарию епископах самым соблазнительным образом обнаружившиеся нововведения и несправедливые притязания. Первое, может быть, избрал бы наемник, а пастырю надлежало решиться на последнее. И Фотий исполнил сие окружным письмом к патриархам, собором и книгой, которую подписали тысяча Восточных епископов.

Что же было делать папе? Надобно было низринуть обличителя и потом делить его патриархию. Случай к сему вскоре открылся.

В 867 году император Михаил убит усыновленным от него Василием, и сей царевубийца и отцеубийца взошел на престол. Фотий не допустил его до Святого Причастия. Император, не восхотев унижить себя покаянием, которого требовал патриарх, изгнал сего свидетеля истины, восстановил соборно низложенного Игнатия и, чтобы украсить насильственное сие дело, просил папу покрыть оное собором.

В сие время на папском престоле, по смерти Николая, находился Адриан II, но то был один и тот же дух преобладания в другом теле. Он отправил в Константинополь послов, и под их председательством открылся в 869 году собор 102 только епископов, который Римская церковь почитает «восьмым Вселенским». Вражда императора, папы, сообщников Игнатиевых соединились в сем соборе против Фотия. Он введен пред собор не прежде как в пятое заседание. Свидетельствовав про-

тив насилия, он решился молчать, защищая сию решимость примером Спасителя. В седьмое заседание Фотий низложен, проклят, и, как свидетельствует враждебный ему писатель Никита, его низложение подписали не простыми чернилами, но — страшное дело! — пером, омоченным в самую Кровь Спасителя. Кроме жестокого заточения, вражда изобрела самое тяжкое мучение для мудреца — его лишили книг.

Каков был сей собор, можно судить, между прочим, по 21-му его правилу, которым Вселенскому даже собору запрещается обвинять или судить «Святейшего папу старшего Рима» или «Святую Римскую церковь». Что же было делать, по сему правилу, например, с папой Либерием, который, приобщась к полуарианам, подписал их исповедание и осудил святого Афанасия? По сему правилу и папу Онория не надлежало бы шестому Вселенскому собору судить и осуждать за монофелитскую ересь!

Чем более уступали папам, тем более они требовали. Иоанн VIII, решась во что бы то ни стало совершить церковное завоевание Болгарии, грозил самому Игнатию проклятием, если не выведет из нее греческих священников в течение тридцати дней (Ер. LXXVIII). Но Игнатий ускорил от папского суда к суду Божию.

Тогда император, частью будучи раздражен насильственными поступками папы, частью вспомнив о достоинствах и заслугах Фотия, как свидетельствуют Лев Грамматик²¹, Константин Багрянородный²², Зонара и другие, возвратил его на престол патриарший.

По письмам Василия, Фотия и других Восточных, Иоанн VIII отправил в Константинополь своих послов, уполномочив их восстановить Фотия, «Святейшего патриарха, брата и сослужителя» папы, примирить Восточных с Римской церковью, уничтожить низложивший Фотия собор и, наконец, — папа не забыл главного своего предмета! — «настоять об уступке Болгарии Римскому Престолу». Таким образом, в 879 году 383 епископа, в том числе послы Римского и всех Восточных патриархов, составили в Константинополе собор,

который весьма многие Восточные писатели признают «восьмым Вселенским». Сей собор, уничтожив деяния предшествовавшего, утвердил восстановление Фотия, признал «неприкосновенность Никейско-цареградского символа» под страхом проклятия и таким образом не допустил обличенного Фотием прибавления слова: «и Сына»; определил 1-м своим правилом, чтобы «связанные Иоанном были связаны Фотием и связанные Фотием были связаны Иоанном, без всякого нововведения относительно к старейшеству папы и церкви Римской», следовательно, признал независимость и равенство обоих престолов и обеих Церквей. А дело о Болгарии, как дело о границах Восточной Империи, предоставил императору. Можно сказать, что здесь Фотий, вместе с собором, возросшее уже терние раздора поправил и подавил.

Но престол Римский, не получив двух вождельных вещей: старейшинства власти Вселенской и Болгарии, подвигся новым гневом и полной горстью начал бросать на Восток проклятия, как песок против ветра. Фотий, проклятый, по счету Биния — двенадцатью, а по счету Аллатия — девятью папами, по домогательствам пап вновь низверженный с престола императором Львом, скончавшийся в заточении в монастыре, достиг последнего из девяти блаженств, исчисленных Спасителем: *Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради* (Мф. 5:11).

Впрочем, благодарение просвещению Восточных христиан в вере и твердости в древних правилах Церкви! Они не так смотрели на папские проклятия, как западные народы, когда епископский престол оружием проклятий покорял себе престолы царские.

Я заключу сие повествование опять свидетельством приведенного мною прежде французского писателя (в словаре под словом «Фотий»): «Папа требовал на соборе, восстановившем Фотия, чтобы Болгария подчинена была патриархии Римской. Не получив удовлетворения в требовании сем, а известясь, что Фотий поставил в сей стране митрополитов и послал им мантию, не удержался более в пределах умерен-

ности. Он извергнул послов, бывших на соборе Константинопольском, отменил все, что сделано было на сем соборе, и отлучил Фотия, который, со своей стороны, вновь отделился от церкви Римской».

Вот что говорит о разделении Восточной и Западной церкви духовный человек Западной церкви! Суди хотя по сему свидетельству, не властолюбие ли одно заставило папу презреть законный собор, проклясть ничем не оскорбившего веру патриарха Константинопольского и тем совершить разделение Церквей? Я говорю «совершить», поскольку после сего бывали только времена молчания, но времена единодушия кончились.

Если ты желаешь знать еще несколько подробностей о Фотии и разделении Церквей, то читай сочинение Илии Миняitia «Камень соблазна».

И. — Что ты скажешь о другом положении рассматриваемого нами французского писателя, относящемся до Фотия, то есть о том, что, по его мнению, Фотий не прекословил в первенстве папы?

У. — И я не прекословлю в том, что Фотий отдавал папе первенство места и почести, но старейшинство власти вселенской только на минуту в Константинополе приписали папе сообщники Игнатия и гонители Фотия.

И. — Продолжай твои замечания на рассуждение французского писателя.

У. — Он говорит далее: «На Вселенских соборах Лионском и Флорентийском, на которых рассуждаемо было о воссоединении двух Церквей, сия истина (то есть первенство папы) была признана греками».

Здесь я спрашиваю: почему французский наставник упоминает о сих двух Вселенских, по его мнению, соборах, когда Римская церковь от одиннадцати до четырнадцати насчитывает их по разделении ее от Восточной?

И. — Конечно, потому, что на оных двух находились и Восточные христиане.

У. — Итак, он признается, что свидетельство тех соборов, на которых находились и Восточные христиане, важнее про-

чих, и важнее не только для Восточных, но и для Западных, для которых он пишет?

И. — Сие и должно признать.

У. — Заметь же здесь мимоходом, сколь справедливо, по невольному признанию самого французского наставника, сказанное мною прежде, что Тридентский и ему подобные соборы не имеют достоинства Вселенских.

И. — А Лионский и Флорентийский?

У. — Рассмотрев некоторые обстоятельства сих соборов, ты найдешь, что и сии не имеют вселенского достоинства.

На Лионском соборе присутствовали: со стороны Западной церкви — папа Григорий X, король Арагонский, grosмейстеры кавалеров Храма и Странноприимства, послы Франции, Англии, Германии, Сицилии и других государств, от 400 до 500 епископов, тысяча нижних чинов духовенства; напротив, со стороны Восточной церкви — Герман, бывший патриарх, Феофан Никейский и Георгий Акрополит, великий логофет²³ с несколькими безгласными клириками. Какое равенство? Какая свобода?

И. — Но почему так мало было Восточных?

У. — Потому что император Михаил Палеолог имел в виду не соборное изыскание истины и законное примирение Церквей, а только искал себе в папе защиты; во-первых, от ненависти своих подданных, которых раздражил, отняв зрение у законного наследника императорского престола и низвергнув обличившего сие злодеяние патриарха Арсения. Во-вторых, от оружия западного.

И. — Какое же было следствие сего собора в отношении к Восточным христианам?

У. — Ненасытные орудия нечистой политики подписали мнимое соединение Церквей, но греки столь мало были на сие согласны, что за сие, по свидетельству Пахимера, самого императора не удостоили погребения, как изменника Церкви.

И. — Какие, впрочем, были условия сего соединения?

У. — Поверишь ли ты? Папа твердо настоял на своем догмате о папе, а в догмате о Святом Духе был менее взы-

скателен. Герману дозволено на самом соборе читать греческий символ без прибавления слов «и Сына» («Толковый Словарь...»: «Лион»).

И. — Что ты скажешь о Флорентийском соборе?

У. — Нельзя сказать о нем лучше того, что сказал сам творец сего собора, папа Евгений IV.

И. — Что такое?

У. — Услышав, что Марк, митрополит Ефесский²⁴, особенный ревнитель православия на сем соборе, не подписал определения о соединении Церквей, папа сказал: «Поэтому мы ничего не сделали!».

И. — Но что значит один человек?

У. — Очень много. Поскольку он был истинным поверенным Греческой церкви. Греческий император искал не духовного блага Церкви, а помощи против турок; Исидор, митрополит Киевский, и Виссарион, архиепископ Никейский, искали не блага Церкви, а кардинальских украшений, которые после и получили; патриарх Константинопольский умер в продолжение собора. Иных заставили подписать соединение угрозы и голод; иные подписали, не зная что.

И. — Как приняла собор сей Восточная церковь?

У. — Точно так, как предвидел папа. В Константинополе никто не хотел сообщаться с присоединившимися к латинам. Из Киева Исидор изгнан, а в Москве осужден на сожжение; но ему не столько нравился огонь мученичества, как огонь чистилищный, почему он и бежал от первого в Константинополь и, после третьей здесь неудачи, в Рим. В Иерусалиме собор трех патриархов отверг Флорентийское соединение, осудил латинствующего патриарха Константинопольского Митрофана и от самого императора требовал покаяния. Другой собор, бывший в Константинополе под начальством четырех патриархов, снова исследовал происходившее на Флорентийском и все отринул, низложив также латинствующего патриарха Константинопольского Григория. Свидетели сих происшествий: очевидец Флорентийского собора Сильвестр, Сиропул, Лаоник Халкондил, Георгий Фаранза, Геннадий Константинопольский²⁵,

Георгий Гемист, Аллатий и другие. На русском можно читать о сем в книге «О унии».

И. — Будем читать далее рассуждения французского писателя.

У. — Он продолжает: «Церковь Константинопольская никогда не требовала себе более того, чтобы ей быть вторым Римом и по нем иметь первое место».

И. — В сих словах я не вижу ничего важного, я видел из приведенных тобою соборных правил, что Римскому патриарху отдавали первенство места.

У. — Будем читать далее: «Достоверно также, что церковь Константинопольская получила второе место уже на четвертом или не ранее как на втором Вселенском соборе, что сделалось не без сопротивления».

Примечаешь ли ты здесь или хитрость, или неосмотрительность писателя?

И. — Какую?

У. — В начале сего рассуждения он стал было говорить о греках и в заключение скажет о Восточных христианах, а здесь говорит о церкви Константинопольской.

И. — Какая разница в сих именах?

У. — Заключать от Константинопольской церкви ко всей Греческой или, лучше, ко всей Восточной, значит — если сказать учебным языком — заключать от части к целому.

И. — Он, конечно, предполагает, что если главнейшая из Восточных церквей, Константинопольская, уступала Римской, то равным образом и прочие Восточные.

У. — Здесь-то и кроется обман. Церковь Константинопольская, говорит он, получила второе место не ранее как на втором Вселенском соборе, что же из того? Прежде сего Александрийская и Антиохийская церкви, также Восточные, равнялись Римской, как я показал то из 6-го правила первого Вселенского собора.

Если нужно, я опять противопоставлю западного же писателя западному, вот что он пишет («Толковый словарь...»: слово «Константинополь»): «Дотоле (доколе не возвысил-

ся Константинополь) три знаменитые Церкви признаваемы были за верховные над всеми прочими и господствовали над тремя частями известного тогда света. Сии три Церкви были: Римская на Западе, Александрийская на Юге и Антиохийская на Востоке. Впрочем, не вся Европа признавала Римского епископа за патриарха, не вся Африка подчинена была Александрийскому и не вся Азия Антиохийскому. Епископ Римский в качестве патриарха простирает свою власть только на соседние области».

И. — Посмотрим, что далее следует у нашего французского писателя: «Итак, тогда справедливо можно было сказать, что папа был видимой главой Церкви».

У. — Посмотри, какое здесь заключение? «Церковь Константинопольская имела второе место. Следовательно, папа был главой Церкви».

И. — Ты разбирал уже прежде почти то же заключение. Посмотрим, что далее: «Рим был средоточием единства, как говорит Ириней, епископ Лионский²⁶, родом грек, живший во втором веке».

У. — Прежде нежели мы рассмотрим самое мнение Ириней, позволь мне спросить, для чего французский писатель, говоря о нем, заметил сие обстоятельство: «родом грек»?

И. — Без сомнения, для того, что свидетельство грека против греков должно быть тем сильнее.

У. — Но я удивляюсь, как он не приметил, что сие обстоятельство уничтожается другим обстоятельством, о котором он также упомянул, — «епископ Лионский». Лионская, или вообще Галликанская церковь, по обстоятельствам места и народа, издревле относилась к Западной, почему Ириней и должен был говорить о Римской церкви не как грек, то есть посторонний, но как латинянин, то есть принадлежащий к церкви Римской.

И. — Я желал бы, впрочем, слышать точные слова Ириней.

У. — Место, на котором утверждается французский писатель, он сам и указывает в сочинении «О ересях», в книге III, главе III. Вот слова Ириней: «Всякая Церковь, то есть сущие повсюду верные люди, должны обращаться ради преиму-

щественного первенства (*propter potentiolem principalitatem*) (*sia to exaireton prwteton*) к сей Церкви (то есть, как писатель говорит несколько выше, к Церкви от двух славнейших апостолов Петра и Павла, основанной и утвержденной в Риме), в которой повсеместными христианами всегда сохранялось апостольское предание».

И. — Что, по твоему мнению, значит здесь «преимущественное первенство» Римской церкви?

У. — На что здесь мое мнение? Ты уже слышал о сем суждение Вселенской церкви, в приведенном мною 28-м правиле четвертого Вселенского собора, в котором сказано: «Престолу Древнего Рима, ради царствующего сего града, отцы прилично дали первенство». Во времена Ириния, когда не было нового Рима, другого царствующего града, Церковь Древнего Рима, яко царствующего града, конечно, имела преимущественное первенство, и наипаче во мнении меньших Западных же церквей.

И. — А как разумеешь то, что, по мнению Ириния, всякая Церковь должна обращаться к Римской церкви?

У. — Он указал в Римской церкви, во-первых, ее первенство, как Церкви царствующего града, во-вторых, сохранение апостольского предания; посему неудивительно, что и требует от верных своего времени особенного к ней внимания.

Впрочем, я еще сомневаюсь и в том, не напрасно ли соглашаюсь с новейшими западными писателями разуметь приведенные слова Ириния о Римской церкви. Я читаю на латинском: «*Ad hanc enim Ecclesiam propter potentiolem principalitatem necesse est omnem convenire Ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles, in qua semper ab his, qui sunt undique, conversata est ea, quae est ab Apostolis, traditio*».

Слова сии не только могут быть приняты в том разуме, как я их произнес прежде, но могут также переведены быть следующим образом: «Всякая Церковь, и сущие повсюду верные ради преимущественного первенства должны обращаться к той Церкви, в которой повсеместными христианами всегда сохранялось апостольское предание».

Такое разумение слов Ириния оправдывается тем, что апостольское предание сохранялось не в одной церкви Римской. Да и, по собственным его словам, он ограничивается, говоря о предании, Римской церковью потому только, что исчислять преемства епископов по всем церквам было бы долго.

И. — Я не могу входить в сии ученые разбирательства, не имея к тому способов и времени.

У. — Ты можешь предложить мои мнения на рассмотрение знающих людей, только избирай для сего беспристрастных.

И. — Кажется, ты сказал, что, по словам Ириния, о свидетельстве которого теперь идет дело, «Римская церковь основана и утверждена от двух славнейших апостолов Петра и Павла».

У. — Он, точно, говорит сие.

И. — В сем для меня есть нечто замечательное.

У. — Что такое?

И. — Величие первосвященника Римского, как я видел и из приведенного тобою члена тридентского символа, утверждается на том, что сей первосвященник есть преемник блаженного Петра, князя апостолов.

У. — Точно так.

И. — Но из слов Ириния вижу я, во-первых, что Петра и Павла вместе и наравне называет он славнейшими апостолами, подобно как и Восточная церковь доныне называет их обоих первоверховными. Где же теперь князь апостолов? Во-вторых, что Римская церковь основана Петром и Павлом вместе. Почему же теперь епископ Римский есть преемник Петра, а не Павла, или Петра и Павла вместе?

У. — Ты сделал такие замечания, на которые что стал бы отвечать ревнитель Западной церкви, я не знаю. А укажу тебе опять на свидетельство пререкаемого теперь писателя. Непосредственно после слов, указанных нам французским наставником, у Ириния находятся следующие: «Блаженные апостолы, основывая и учреждая Церковь, поручили (enescirisan) епископство управления Церковью Лину. О сем Лине Павел упоминает в послании к Тимофею. Преемником его был Анаклет. По нем третий от апостолов приемлет епископство Климент».

Теперь я спрашиваю Ириней, был ли первый епископ Римский Лин преемником апостола Петра? Нет, отвечает он, Анаклет был преемником Лина, а Лин не был преемником Петра, ибо, во-первых, не Петр оставил Лину епископство по смерти своей, но дали ему оное Петр и Павел при своей жизни. Во-вторых, они властью поручили ему епископство, а не оставили по преемству. В-третьих, не Петр был первый епископ Римский, но Лин, второй Анаклет, третий от апостолов Климент. Если же Лин не преемник, а только поставленник Петра, то тем менее преемниками Петра могут почитаться преемники Лина.

Мы можем еще французскому наставнику на предложенное нам о важности Римского престола свидетельство грека ответить свидетельством латинского писателя. Иероним в письме к Евагрию говорит: «Если рассуждать о важности (*auctoritas*), то мир больше Рима. Где бы ни был епископ, в Риме ли, или на Дону, или в Евгубине, он имеет то же достоинство, то же священство. Великолепие богатства и смирение нищеты не делают епископа ни высшим, ни низшим. Для чего ты мне предлагаешь обычай града? Для чего ты говоришь, что таких-то немного? Сия редкость произвела гордость».

Присовокупим и соборные свидетельства Латинской церкви о том же предмете. Собор Карфагенский говорит: «Первого престола епископ да не нарицается главою священников (*princeps sacerdotum*), или верховным священником, или чем-нибудь подобным сему, а только епископом первого престола» (III Carthag. can.* 26; по Славянской Кормчей: 39). «Кто захочет в суды за море (то есть к Римскому престолу) переносить дела, тот никем в Африке да не будет принят в общение» (Can. 31; по Славянской Кормчей: 26).

Как явно противоречит сим правилам нынешняя Римская церковь, нарицая епископа Римского наместником Христовым и почитая Римский престол всеобщим верховным судилищем дел церковных.

* Карфагенский канон (*лат.*).

И. — Мне кажется, впрочем, что надлежало где-нибудь быть средоточию единства церковного.

У. — Оно всегда было и есть в Духе Христовом. Так, апостол заповедует *блюсти единение духа в союзе мира. Едино тело*, — продолжает он, — *един дух, якоже и звание быте во едином уповании звания вашего: един Господь, едина вера, едино крещение; Един Бог и Отец всех* (Еф. 4:3—6). Если нужно еще какое средоточие церковного единства, то для чего апостол не присовокупил здесь: «един князь апостолов Петр» и «един епископ Римский глава всех епископов»?

И. — Посмотрим, что еще остается из рассуждения французского писателя.

У. — Остаются заключения, извлекаемые им из предыдущих его положений, которые он почитает неоспоримыми, но которых неосновательность, надеюсь, ты усмотрел из настоящего разговора. Французский наставник говорит: «Если Церковь, признававшая Папу за видимую главу, была беспрекословно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то будет она таковою и всегда; ибо в сем пункте никогда не может приключиться в Церкви изменения».

Первое положение сего умозаключения: «Церковь, признававшая папу за видимую главу, была истинной Церковью в течение восьми первых веков» — я смею назвать ложным, ибо приведенные мною правила соборов и свидетельства писателей ясно показывают, что Вселенская церковь восьми первых веков христианства не признавала папу за видимую свою главу. Но вместе с ложным началом сами собой падают и все последствия, которые хотят из него извлечь.

Итак, мне кажется, что я имею твердое право теперь обратиться рассуждение французского писателя на свою сторону следующим образом: если Церковь, не признававшая папу за видимую главу, была беспрекословно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то будет она таковою и всегда, ибо в сем пункте никогда не может приключиться в церкви изменения.

Но я не должен скрыть от тебя, что последнее положение писателя кажется мне подозрительным.

И. — Какое положение?

У. — «В сем пункте, — говорит он, — никогда не может приключиться в Церкви изменения». Кажется, он хотел сказать, что Церковь, которая была истинной, не может не быть таковою и всегда.

И. — Что же? И не сказал ли Сам Спаситель, что *врата адовы не одолеют ее*? (Мф. 16:18).

У. — Так! Но Спаситель не сказал, что «врата адовы не одолеют Римской церкви», а сказал только: *Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее*. А французский наставник, если я не обманываюсь, хотел сказать, что если Римская церковь признана однажды за истинную, то и должна быть признаваема за таковую всегда.

И. — И подлинно трудно воображать, чтобы первая из Церквей поколебалась.

У. — Первенство чести человеческой не есть защита от искушений и самого падения.

И. — Если же так, то страшиться можно, чтобы и все Церкви одна за другой не пали.

У. — От сего-то страха должно нас успокоивать слово Спасителя о Вселенской церкви: *врата адовы не одолеют ее*. Частные Церкви могут колебаться и падать. В Апокалипсисе (Апок. 1:20) они уподобляются светильникам, в которых не только может оскудевать свет истины и елей любви, но которые даже могут быть *двигнуты от места своего* (Апок. 2:5), то есть чувственно и совершенно испровержены. Но между тем как некоторые из них гаснут и упадают, *Ходяй посреди семи светильников златых* (Апок. 2:1) преносит их из одной страны в другую и возжигает вновь светлее прежнего. Так, всякая частная Церковь может не только поколебаться, но и разрушиться, но Вселенская церковь никогда никакой злою силой одолена быть не может.

И. — В каком же, ты думаешь, состоянии находится ныне светильник Римской церкви?

У. — Сие видит и ведает *Ходяй посреди семи светильников златых*. Он и в Фиатирской церкви, коея ведает дела,

и любовь, и службу, и веру, и терпение, и последняя больше первых, находит, однако, нечто достойное укорения: *имам на ты мало* (Апок. 11:19, 20). Напротив, и в Сардийской, именем токмо живой, делом же мертвой, обретает хотя *мало имен, иже не оскверниша риз своих, и ходити имут в белых, яко достойни суть* (Апок. 3:1, 4). Для меня довольно, что я в светильнике церкви Восточной нахожу чистый свет, могущий просветить тьму мою.

И. — Однако же ты, оправдывая Восточную церковь, тем самым осуждаешь Западную.

У. — Я только не пристаю к тем особенным мнениям, которые, при посильном исследовании, нахожу недоказанными либо совсем ложными. Но поскольку я не знаю, многие ли из христиан Западных и глубоко ли проникнуты сими особенными мнениями, обнаружившимися в церкви Западной, и кто из них как твердо держится верой «краеугольного камня» Вселенской церкви, Христа, то изъявленное мною справедливое уважение к учению Восточной церкви никак не простирается до суда и осуждения Западных христиан и Западной церкви. По самым законам церковным, я предаю частную Западную церковь суду церкви Вселенской, а души христианские суду или паче милосердию Божию.

И. — По крайней мере, ты предпочитаешь Восточную церковь Западной?

У. — Ты не мог не видеть сего.

И. — Мне бы желалось, чтобы ты яснее показал мне, как можно соединять в предпочтении сем и ревность, и терпимость.

У. — Вместо трудных о сем изысканий я постараюсь с помощью некоторых чувственных образов изъяснить тебе мои мысли, о которых, впрочем, суди, как тебе угодно.

На основании слова Божия представляю я себе Вселенскую церковь единым великим телом. Иисус Христос есть для него как сердце, или начало жизни, так и глава, или правящая мудрость. Ему только ведомы полная мера и внутренний состав сего тела. Нам же известны различные части его и более

наружный образ, распростертый по пространству и времени. Стараясь объять сей образ во все времена христианства, я представляю себе оный по частям, по примеру того, как в книге Даниила представлен подобный сему образ народов и царств; и нахожу, во-первых, в начальной апостольской Церкви образ главы нового тела и главы *от злата чиста* (Дан. 2:32). Потом в Церкви укрепляющейся и распространяющейся — подобие персей и рук; далее в Церкви обилующей — подобие чрева; наконец, в Церкви разделяемой и раздробляемой — подобие ног и перстов. В видимом сем образе, или видимой Церкви, находится невидимое тело Христово, или невидимая Церковь, *Церковь славная, не имущая скверны, или порока, или нечто от таковых* (Еф. 5:27). Но коея *вся слава внутри* (Пс. 46:14) и которой посему я, чисто и раздельно, не вижу, но в которую, последуя Символу, верую, ибо *вера есть вещей обличение невидимых* (Евр. 11:1). Облекающая же невидимую видимая Церковь частью открывает чистоту невидимой, дабы все могли обретать и сию и соединяться с ней, частью сокрывает ее славу. Видимая Церковь имеет и здравые члены, и *неможные* (1 Кор. 8:10, 11). Еще во времена апостола Павла в ней были *мнози нечисто проповедающие слово Божие* (1 Кор. 2:17). Неудивительно, что ныне их еще более.

Что принадлежит до Восточной половины нынешнего видимого христианства, я не по предрассудку и пристрастию, но по ревности, основанной на убеждении и совести, почитаю оное «десною частию» видимого христианства. Доказательства сего ты мог видеть во всем продолжении моих с тобою разговоров. Я присовокуплю здесь еще некоторые замечания.

Первое. Церковь Грузинская, основанная в четвертом веке, остававшаяся с того времени доныне особенной, независимой от других Церковью и своим положением устроенная от несогласий, происходивших между Греческой и Римской, доныне совершенно сходна с Греческой. Как можно изъяснить сие сходство, если не тем, что такова была вся древняя Церковь, в которой обе они имеют общее свое начало?

Второе. Недавно на Востоке открыта древняя Сирская церковь, с весьма давних времен пребывавшая уединенной от прочих. Она, как видно из «Христианских изысканий в Азии» доктора Буканана, изданных в Лондоне (1812 год), как во многих частях вероисповедания, так и в священноначалии несравненно ближе к нынешней Восточной церкви, нежели к Западной.

Вот новые признаки твердого соединения с древней Вселенской церковью нынешней Восточной, которую посему и называю я десной частью в целом составе нынешнего христианства. Благодарю Бога, милосердным Своим Промыслом устроившего так, что и я присоединен к сей части общим вероисповеданием и причастием таинств и желаю всем сердцем, чтобы все ищущие преспеяния в истинной вере во Христа воспользовались столь чистыми и обильными средствами к сему преспеянию, какие предлагает Восточная церковь.

Ты ожидаешь теперь, как я буду судить о другой половине нынешнего христианства. Но я только просто смотрю на нее, отчасти усматриваю, как Глава и Господь Церкви врачует многие и глубокие уязвления древнего змия во всех частях и членах сего тела, прилагая то кроткие, то сильные врачевства, и даже огонь и железо, дабы смягчить ожесточение, дабы извлечь яд, дабы очистить раны, дабы отделить дикие народы, дабы обновить дух и жизнь в полумертвых и онемевших составах. И таким образом я утверждаюсь в веровании тому, что сила Божия, наконец, очевидно восторжествует над немощами человеческими, благо над злом, единство над разделением, жизнь над смертью.

Кратко: вера и любовь возбуждают меня к ревности по святой Восточной церкви; любовь, смирение и надежда научают терпимости к разномыслящим. Я думаю, что последую в сем точно духу Восточной церкви, которая при самом начале каждого богослужения молится не токмо «о благостоянии святых Божиих церквей», но и «о соединении всех».

И. — Но мы и потеряли уже из вида обличителя французского.

У. — У него уже нечего более видеть, кроме осуждения Восточной церкви. «Следовательно, — говорит он, — отделяться от Церкви, признававшей папу главой, значит отделяться от истинной Церкви Иисуса Христа, значит быть раскольников. Следовательно, Восточные, отделившиеся от оной, суть раскольники».

И. — Что, наконец, ты на сие скажешь?

У. — После того что я сказал на доказательства сих заключений, уже я не имею нужды сказать что-либо на самые сии заключения.

Глава Церкви, Господь наш Иисус Христос, да даст нам «достигнуть в соединение веры» и да введет всех в ту славную Церковь, в которой не подозревают друг друга в расколе.

* * *

И. — Хотя и много уже мы говорили о Римском епископе, рассматриваемом в качестве видимой главы Церкви, но я имею еще предложить тебе о сем некоторые недоумения и вопросы.

У. — Я готов сказать, что знаю и нахожу справедливым.

И. — Римская церковь думает, что учение о видимой главе Церкви происходит от Самого Иисуса Христа.

У. — Покажи мне основания сего учения.

И. — Говорят, что Иисус Христос поставил Петра князем апостолов и, вместе с его преемником, своим наместником и видимой главой Церкви; преемник же сего достоинства Петрова есть Римский епископ.

У. — Рассмотрим оба сии положения. Чем доказывают, что Иисус Христос поставил Петра «князем апостолов», своим «наместником» и «видимой главой церкви»?

И. — Главное доказательство сего догмата находят в следующих словах Иисуса Христа: *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. И дам ти ключи Царствия Небеснаго: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф. 16:18—19).

У. — То же самое сказано и всем апостолам.

И. — Как?

У. — *Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешено на небесех* (Мф. 18:18).

И. — Однако не сказано того, что на всех апостолах, как на камениях основания, созиждется Церковь Христова.

У. — Неправда. Сказано и сие о всех апостолах и еще о пророках: *Наздани на основании апостол и пророк* (Еф. 2:20). *Стена града Иерусалима, низходящаго с небесе, имевшие оснований дванадесять, и на них имен дванадесять апостолов Англич* (Апок. 21:10, 14).

И. — Но Петр есть первый камень основания для прочих апостолов.

У. — И сие неправда. Первый камень основания как апостолов, так и всей Церкви есть один Иисус Христос. *Сущу краеугольну Самому Иисусу Христу* (Еф. 2:20). *Основания бо инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. 3:11).

И. — Для чего же Петру особенно сказано: *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою*?

У. — Для того, что на вопрос, предложенный апостолам от Иисуса Христа: *Вы же кого Мя глаголете быти?* — Петр упредил прочих решительным исповеданием Сына Божия: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Мф. 16:15, 16).

И. — Как же, по твоему мнению, должно разуметь слова: *На сем камени созижду Церковь Мою*?

У. — Августин (Serm.* 13) изъясняет оные так: «Ты еси Петр, — говорит Христос, — и на сем камени, который ты исповедал; на сем камени, который ты познал, исповедуя: ты еси Христос, Сын Бога живаго, — Созижду церковь Мою». На Мне созижду тебя, не на тебе созижду Меня (то есть Мое тело, Мою церковь). Ибо те, которые хотели назидать человеков на основании человеков, говорили: *Аз убо есмь Павлов, аз же Кифин* (то есть Петров; 1 Кор. 1:12).

* Проповедь (лат.).

Из сего рассуждения блаженного Августина ты видишь: первое, что камень, на котором зиждется Церковь, не есть Петр апостол, но Петрово твердое исповедание Христа и Сам Христос. Второе, что те, которые говорят: *аз есмь Кифин*, или Петров, то есть «я преимущественно принадлежу Петру; я признаю Петра главою всех учителей и самой Церкви», — по мнению блаженного Августина, хотят «назидать человеков на основании человеков». И вот чего хотят нынешние Римские христиане!

И. — Они приводят еще в доказательство своего догмата следующие слова Иисуса Христа к Петру: *Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя: и ты некогда обращающа утверди братию твою* (Лк. 22:32).

У. — Иисус Христос в молитве о всех апостолах и всех верующих в Него просил несравненно большего, нежели чего просит здесь Петру.

И. — В какой молитве?

У. — В той дивной молитве, которая находится у евангелиста Иоанна в XVII главе, там призывает Он: *Отче Святой! Соблюди их во имя Твое, да будут едино, якоже и Мы. Отче! Их же дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною*.

И. — Но почему Иисус Христос из всех апостолов особенно молился о Петре?

У. — Потому, что предвидел особенное падение Петра.

И. — Однако Петру же сказал: *Ты обращающа утверди братию твою*.

У. — То есть: «Ты поколеблешься в вере и падешь; однако паки обратишься к ней и восстанешь; тогда потщись загладить твою погрешность и жарким покаянием, ревностью, непоколебимым исповеданием истины покажи спасительный пример другим колеблющимся в вере».

И. — Римские христиане употребляют еще в защищение своего догмата троекратную заповедь Иисуса Христа, по троекратном вопрошении: *Любиши ли Мя?* — данную Петру: *Паси* (точнее с греческого: «питай») *агнцы моя, паси овцы Моя*; — *паси* (питай) *овцы Моя* (Ин. 21:15—17).

У. — Ты сам говоришь, что в словах сих заключается заповедь. И точно так: заповедь, а не почеть; и не столько власть, сколько должность. Да и такая должность, которую слово Божие возлагает на всех служителей веры: *Пасите стадо Божие* (1 Пет. 5:2).

И. — Но заповедь, данная Петру, имеет некоторую особенную торжественность и знаменательность.

У. — Из чего сие видно?

И. — Торжественность сей заповеди видна из предшествовавшего ей вопрошения о преимущественной пред прочими апостолами любви к Иисусу Христу и троекратного повторения как сего вопрошения, так и самой заповеди.

У. — Я не смею сказать тебе своего мнения о том, что значила сия торжественность, а скажу, как думали о сем Августин, Амвросий²⁷, Златоуст²⁸, Епифаний²⁹, Кирилл³⁰. Вместо многих вот слова последнего: «Троекратным исповеданием Петра (то есть сим: *Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя*, — заглажено преступление троекратного отвержения (Мф. 26:69—75). *Паси овцы Моя*, — сказал Иисус Христос, вновь поставляя его в сан апостольства, дабы оно не казалось нарушенным чрез отвержение, по слабости человеческой случившееся».

С сим замечанием древних учителей церковных прочитаем самые евангельские слова: *Глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих?* То есть ты, который некогда, хваляся, говорил: *Аще и вси соблазняются о Тебе, аз никогда же соблазнюся* (Мф. 26:33). Скажи теперь, точно ли ты любишь Меня более, нежели все прочие апостолы? И печальным опытом наученный Петр уже не смеет сказать, что любит Иисуса Христа «более, нежели все прочии», а говорит только, что любит Его: *Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя*. Иисус Христос, одобряя сей смиренный ответ, вопрошает во второй раз уже не о преимущественной пред всеми апостолами любви, которой некогда хвалился Петр, а о любви просто: «*Симоне Ионин, любиши ли Мя?*» — С прежним смирением повторяется прежний ответ. Но когда Петр вопрошен был в третий раз, тогда троекратное отречение от Христа представилось его вооб-

ражению, и сие-то было причиной того, что вопрошение любви в нем произвело прискорбие: *Оскорбе же Петр, яко рече ему третье, любииши ли Мя?* Итак, торжество ли здесь Петра видно или более уничижение?

И. — Я сказал еще тебе, что заповедь, данная Петру, имеет особенную знаменательность. Думают, что *пасти агнцы* значит руководствовать христианский народ; а *пасти овцы* — управлять самими пастырями.

У. — Сие толкование само сказывает о своем достоинстве.

И. — Как?

У. — Пасти «овцы», говоришь ты, значит управлять самими пастырями. Итак, «овцы» значат пастырей?

И. — Да, Петр есть такой пастырь, пред которым и пастыри суть, яко овцы.

У. — Если ты говоришь о внутреннем совершенстве, то есть и такие овцы, которые могут быть пастырями своих пастырей, но если о внешней власти, то и Петру не сказано: «Паси пастырей, яко овец».

И. — Я уже сказал, что под самим именем «овец» разумеют пастырей.

У. — Я покажу тебе еще иным способом неправильность сего толкования. — Скажи мне, в стаде не заключаются ли как овцы, так и агнцы?

И. — Так.

У. — Итак, не все ли равно сказать: паси овцы и агнцы, как и сказать: паси стадо?

И. — Так.

У. — Следовательно, «пасти стадо Христово» значит «пасти пастырей и народ»?

И. — Так.

У. — Но всем пресвитерам сказано: *Пасите стадо Божие* (1 Пет. 5:2). Следовательно, всем пресвитерам дана власть «пасти пастырей и народ». Вот что выходит из предложенного тобою толкования!

И. — Что же значит в словах Иисуса Христа «агнцы и овцы»?

У. — Выслушай на сие изъяснение Феофилакта Болгарского³¹: «Можно полагать различие между агнцами и овцами и между словами *boakein*, «питать», и *poimainein*, «пасти», то есть давать пищу и управлять стадом. Агнцами могут быть названы простейшие, которые удобно водимы бывают, а овцами — совершеннейшие. Итак, кто любит Христа, тот приложит старание как об агнцах, так и об овцах; питая агнцев, то есть употребляя кроткое над ними смотрение, и управляя овцами, чем означается нечто высшее и совершеннейшее».

И. — Для чего же именно Петру заповедует Иисус Христос пасти агнцы и овцы?

У. — Из приведенных мною слов Кирилла ты уже мог видеть, что сие нужно было для того, дабы вновь поставить Петра в сан апостольства, в котором он поколебался отречением от Христа.

И. — Ты не можешь, однако же, оспорить того, что весьма во многих местах Священного Писания Петр является между апостолами первенствующим.

У. — И не имею нужды оспаривать сего. Но я изъяснил тебе уже прежде, что первенствующий пред другими не есть еще глава всех. Кроме сего, должно заметить, что апостол Павел не одному Петру, но трем апостолам отдает старейшество пред прочими: *Иаков и Кифа (Петр) и Иоанн мнимии столпи быти* (Гал. 2:9). И подлинно, два последних апостола удостоены были особенной близости к Иисусу Христу: их избрал Он быть свидетелями Своего славного Преображения на Фаворе (Мф. 17:1) и тяжкого страдания в саду гефсиманском (Мф. 26:37). Апостол же Иаков отлично уважаем был, яко брат Господень и предстоятель церкви Сионской, матери всех Церквей (Литургия Иакова). Но при всем том апостол Павел равняет себя сим столпам Церкви: *От мнящихся же быти что, якови некогда быша, ничтоже ми разнствует* (Гал. 2:6). А Петра он даже обличил некогда в неправильном поступке: *Егдаже прииде Петр в Антиохию, в лице ему противу стах, яко зазорен бе* (Гал. 2:12).

И. — Как бы то ни было, Римский епископ уже довольно важен и в сем случае, когда он есть преемник Петрова первенства.

У. — Рассмотрим и сие, точно ли Римский епископ есть преемник Петра и в каком разуме. Римский епископ есть ли апостол?

И. — Престол его называется апостольский.

У. — В древности все епископские престолы, основанные апостолами, назывались апостольскими.

И. — В точнейшем же разуме, Римский епископ, конечно, не есть апостол.

У. — А Петр был апостол. Следовательно, Римский епископ не есть преемник Петра.

И. — Как апостола. Но не есть ли преемник его, как епископа?

У. — Мы несколько уже говорили о сем, когда рассматривали слова Иринея о церкви Римской и о преемстве епископов ее. Епископ Римский есть местный епископ, а Петр так, как и все апостолы, был епископ Вселенский, в самом полном знаменовании сего слова. Следовательно, Римский епископ не есть преемник епископства Петрова.

И. — Говорят, что Петр поставил главный престол епископства своего в Риме.

У. — Сие несправедливо. Первое и главное место служения Петрова был Иерусалим. Все, что в Деяниях апостольских повествуется о Петре, происходило на Востоке. Оба послания Петровы обращены преимущественно к иудеям (1 Пет. 1:1; 2 Пет. 3:1). Апостол Павел ясно говорит, что Петру были поручены иудеи, как то и другие апостолы признавали: *Уразумевшие, яко уверено ми бысть благовестие необрезания* (то есть язычников), *якоже Петру обрезания* (то есть иудеев) (Гал. 2:7).

И. — Но Петр скончался в Риме, и потому там остался главный престол его епископства.

У. — И Павел скончался в Риме, посему там остался главный престол и его епископства. Сколько же будет в Риме престолов епископства?

И. — Павел не был главный основатель Римской церкви.

У. — Иринея говорит без всякого различения, что «славнейшие апостолы Петр и Павел основали и утвердили церковь Римскую».

И. — Говорят, что Петр управлял Римской церковью 25 лет.

У. — Сие говорят в нынешнем Риме, а в древнем Лактаций³² написал, что «когда уже правительствовал Нерон, тогда Петр пришел в Рим» («О смерти гонителей»). Известно же, что в десятый год правления Неронова Петр принял мученическую кончину.

И. — Скажи же мне, чей, по твоему мнению, преемник был первый Римский епископ?

У. — Ничей.

И. — Как это?

У. — Так как «первый».

И. — Но прежде него Петр или, по сказанию Иринея, Петр и Павел исполняли должность епископства, которую потом ему препоручили. Как же он их не преемник?

У. — В сем смысле каждый епископ первенствующей Церкви был преемник какого-либо апостола. Тертуллиан говорит: «Пусть еретики откроют начало их Церквей; пусть покажут преемственный порядок их епископов, который чрез непрерывное преемство восходил бы до епископа, бывшего преемником какого-либо апостола или апостольского мужа, жившего вместе с апостолами, так, как, например, церковь Смирнская представляет Поликарпа, поставленного Иоанном, как церковь Римская представляет Климента, рукоположенного Петром, как все прочие Церкви представляют епископов, которые, быв возведены в епископство некоторым апостолом, преподали своим преемникам апостольское семя» («Praescr. contra haer.»*).

В сем разуме и все нынешние, законно поставляемые в какой-либо церкви епископы суть преемники «апостольского семени».

* Возражения против еретиков (лат.).

И. — По крайней мере, ты согласишься, что Римская церковь и Римский епископ всегда имели первенство.

У. — Нет, и сего мнения не признаю я согласным с истиной.

Мать всех Церквей (по словам отцов Константинопольского собора), мать христианского имени (по словам императора Юстина), имеющая начальное место в церкви Вселенской и первенство (по словам Авита, Ер.* XXIII) есть церковь Иерусалимская, основанная Самим Иисусом Христом, Который был ее и невидимой, и видимой главой, утвержденная сошествием Святого Духа, распространенная всеми апостолами, долее всех прочих бывшая под правлением апостолов, прежде всех процветшая мученичеством и бывшая великой житницей, из которой семена спасительного учения изнесены на лицо всей земли.

И. — Правда, что сии преимущества весьма важны. Но почему Петр, как первенствующий из апостолов, не остался навсегда в Иерусалиме?

У. — Примечай по сему, что Петр не думал созидать столицы христианства, как вздумали сделать после; а хотел исполнять заповедь своего Учителя: *Шедшие в мир весь проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16:15). Сия-то заповедь довела его наконец и до Рима.

И. — И он не принес с собой первенства Римской церкви?

У. — Представь себе, что какой-нибудь правитель, посещая свои области, приходит в какой-нибудь отдаленный от столицы город и там умирает: делается ли чрез сие этот город столицей?

И. — Конечно нет.

У. — Петр не столько правитель, сколько служитель Церкви, проходя весь мир с проповедью Евангелия, приходит в Рим и там умирает. И будто Римская церковь сделалась от того столицей Вселенской церкви.

Вообразим на минуту, что мы находимся в первенствующей Церкви. В 64 году по Рождестве Христовом Петр умирает

* Послание (лат.).

в Риме. Сделаем епископа Римского преемником Петра, первым в мире епископом и, если угодно, даже видимой главой Церкви. Посмотри же, что мы делаем. До конца первого века остаются в живых апостол и евангелист Иоанн, возлюбленный ученик Иисусов и, в особенности в Иерусалимской церкви, епископ ее, апостол Симон Зилот, сродник Господень. Так мы отдаем первенство Римскому епископу и над ними? Я уверен, что ты на сие не согласишься. Но если до конца первого века, доколе в Восточной церкви остаются в живых апостолы, епископы Римские не будут иметь первенства, то где возьмут они его во втором веке?

И. — Ты, однако же, прежде сказал и доказал, что самые соборы отдавали Римскому епископу первенство места. Откуда же оно взялось?

У. — От самих соборов.

И. — Как это?

У. — Епископы первенствующей Церкви, памятуя слово Христово: *Иже хочет в вас быти первый, буди вам раб* (Мф. 20:27), без сомнения, почитали каждый себя последними рабами. Должно думать, что вопрос, кому из них принадлежит первенство, никому из них не приходил на мысль, доколе живы были апостолы и доколе не начали собираться многочисленные соборы. Когда начали собираться соборы, тогда Церкви знатнейших городов, где бывает большее стечение народа, следовательно, и христиан, и притом такие Церкви, в которых вернее известно было преемство епископов от апостолов, получили первенство пред окрестными, не столь знаменитыми Церквями и сделались их прибежищем. Таковы были Антиохийская, коей епископы происходили от Павла и Петра; Александрийская, коей епископы начинались от евангелиста Марка, и Римская, коей епископы возводили свое происхождение к Петру и Павлу. Порядок требовал, чтобы и из трех епископов знатнейших Церквей которому-нибудь дать первенство; и, по словам вселенского правила, «отцы прилично дали первенство епископу града Рима, яко царствующего града». Заметь сие выражение соборного пра-

вила: «отцы дали первенство», следовательно, не апостолы и не Христос дали оное.

Нет! Церковь Христова ни в каком смысле не есть тело Римского епископа, посему и взаимно Римский епископ ни в каком смысле не есть глава Церкви.

Самые апостолы и пророки суть служители Церкви, никто, кроме Иисуса Христа, не нарицается в Священном Писании главою ее. *Той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова; дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, да не бываем ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человеческой, в коварстве козней льщения: истинствующие же в любви, да возрастим в Него всяческая, иже есть глава Христос* (Еф. 4:11—15)³³.

* * *

И. — Еще вопрос о священноначалии церкви Российской.

У. — Что такое?

И. — Она прежде зависела от патриарха Цареградского, потом, по согласию Восточных патриархов, получила собственного патриарха, что, конечно, все равно. После место патриарха занял Святейший Синод, не сделалось ли чрез то перемены в священноначалии Российской церкви?

У. — Нимало. Во все времена во всех Церквях были Синоды, занимавшие места патриархов.

И. — Что ты говоришь?

У. — Каждый раз, когда в какой Церкви умирал патриарх, собирався в ней Собор, а по-гречески «синод», который и занимал место патриарха.

И. — Вся ли патриаршую власть имел таковой Собор, или Синод?

У. — Без сомнения.

И. — Мог ли он избрать и рукоположить епископа?

У. — Он избирал и рукополагал патриарха, как же не мог избрать и рукоположить епископа?

И. — Есть ли на сие церковные правила?

У. — Первое апостольское правило говорит: «Епископ да рукополагается от двух или трех епископов». Соборные правила повелевают в постановлении епископа принимать участие епископам целой области, а по нужде также трем епископам, с согласия прочих (1-го Никейского собора правило 4; Карфагенского — правило 13; Антиохийского — правило 19). Подобным сему образом производились издревле и другие важнейшие дела церковные, и на сей конец 37-е правило апостольское повелевает: «Дважды в лете да бывает Синод епископов». То же подтвердил первый Вселенский собор (пр. 5). Но шестой Вселенский собор, приметив, что столь частые собрания епископов неудобны и обременительны для них, предписал (пр. 8) «держать Синоды единожды в год». Между тем большая часть дел, издревле подлежащих Синодам, перешли к патриархам и митрополитам.

И. — Так посему Российская церковь установлением Синода еще ближе подошла к древнему образу священноначалия, а не удалилась от оногo?

У. — Точно так. Только по пространству Российской церкви, а также и по нынешнему образу производства дел невозможно было в России быть Синоду один или два раза в год, а нужно было быть всегда. Почему и установлен непрерывный Синод.

И. — Кого должно считать высшим в священноначалии — патриарха или Синод?

У. — Общий Синод всей Российской церкви мог бы судить самого патриарха. Частный Синод избранных епископов в своем единстве пользуется правами, равными правам патриарха, почему так же, как патриарх, именуется Святейшим. Патриарх есть Синод в одном лице, Синод есть патриарх в нескольких избранных освященных лицах.

1815 год

Значение церковной молитвы о соединении Церквей

При начале Божественной литургии между первыми молитвенными прошениями к Господу Богу Православная церковь произносит следующее: «О мире всего мира, и благостоянии святых Божиих Церквей, и соединении всех, Господу помолимся».

Слыша сие, некоторые, расширяя сердце свое любовью, миролюбием и веротерпимостью, молятся не только «о благостоянии и соединении», то есть о сохранении в единстве «святых Божиих Церквей» православных, частных, составляющих Вселенскую церковь, например, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Российской, но и о воссоединении Церквей, уклонившихся от Православия, например, Римской, Армянской.

А некоторые, ограждаясь строгой ревностью о Православии, молятся при сем только «о соединении святых Божиих Церквей» православных.

Кто не уважает ревность о Православии? Кто не признает достоинства всеобъемлющей любви? Которого же, однако, из двух вышеуказанных значений молитвы преимущественно должен держаться соединяющий молитву свою с молитвой Православной церкви? Или, лучше сказать, которое из двух значений преимущественно внушает нам сама Православная церковь словами своего чиноположения?

Точно ли Православная церковь молится только о православных Церквах? Уча нас в сей самой молитве простирать нашу любовь до пределов «всего мира», стесняет ли она пределы своей любви к Церквам? Не желает ли она спасения инославным Церквам, чрез возвращение их в соединение с Православной церковью?

Как выражает Православная церковь свою молитву о соединении Церквей? «О мире всего мира, и благостоянии святых Божиих Церквей, и соединении всех, Господу помолимся».

Если бы молитва должна была иметь ограниченное значение о православных только Церквах, то надлежало бы поставить слова так: «О благостоянии и соединении всех святых Божиих Церквей Господу помолимся». Но не так поступлено, а разделена молитва на две части: 1) «о благостоянии святых Божиих Церквей», 2) «и соединении всех». Молитва сия приносится всегда, и в мирное, и в немирное для Церквей время. Следовательно, первая часть молитвы имеет следующее значение: «о благостоянии», то есть о состоянии мира и единства «святых Божиих Церквей» православных, чтобы «благостояние», уже им дарованное, было сохранено, а если где-либо, чем-либо нарушено, было вновь даровано благодатью Божией. Согласно с сим и вторую часть молитвы должно разуметь «о соединении» Церквей, чтобы оно было сохранено, поскольку существует, и чтобы восстановлено было, поскольку где-либо нарушено. В сей второй части молитвы поставлено слово «всех», которого нет в первой, а сие дает разуметь, что значение второй части обширнее, нежели первой. Из того, что вторая часть не соединена с первой, а отделена, должно заключить, что не все, содержащееся в первой, должно быть отнесено ко второй, и потому нет нужды дополнять вторую так: «о соединении всех святых Божиих Церквей», а надлежит дополнить только так: «о соединении всех Церквей». Посему Православная церковь молится о соединении Церквей так, чтобы соединение православных Церквей существующее было благодатью Божией сохранено и чтобы благодатью Божией восстановлено было соединение с Православной церковью и тех Церквей, которые отделило от нее какое-либо неправое учение.

Против сего изъяснения молитвы не представят ли в качестве возражения то, что в диптихах, на проскомидии, неправославных не поминают? — Ответствуем, это дело иное.

Иное дело молиться о соединении с Православной церковью неправославных Церквей в обширном составе молитв, объемлющих весь мир, а иное помянуть неправославных в диптихах при таинстве Евхаристии. Неправославные самим неправославием отлучили себя от общения таинств Право-

славной церкви, сему соответствует непоминание их при таинстве Евхаристии и исключение из диптихов.

А что и в литургии верных можно молиться о воссоединении Церквей, отделившихся от Православной, о том зри в литургии Василия Великого молитву: «Утоли раздоры Церквей». Раздоры Церквей оттого, что иная Церковь не покоряется в некоторых частях православному учению и, следовательно, впадает в состояние раскола. Святой Василий и такую Церковь не исключает из своей молитвы: «Утоли раздоры Церквей».

Когда Антиохийский патриарх Иоанн со своими епископами не покорился православному определению Ефесского собора и на председателя его, святого Кирилла Александрийского, произнес осуждение и, следовательно, впал со своей Церковью в состояние раскола, можно ли подумать, что святой Прокл и Константинопольская церковь, молясь о соединении всех Церквей, не молилась сей самой молитвой и о воссоединении Антиохийской церкви?

Итак, пусть благочестивая ревность молится преимущественно «о благостоянии святых Божиих Церквей» православных и о сохранении в них благодатью Божией «единения духа в союзе мира». Но пусть и всеобъемлющая любовь христианская молится и «о соединении всех» Церквей, и о воссоединении с Православной церковью уклонившихся от нее неправыми учениями, да будет, по обетованию Господа нашего Иисуса Христа, «едино стадо», как уже есть Он «единый Пастырь» и Владыка Своей Церкви на земли и на небеси, во времени и в вечности.

1860 год

Дополнение. Сие исследование написано было по чтению славянского текста литургии, в котором слово «все» не иначе можно было изъяснить, как чрез дополнение из предыдущей части текста «всех церквей». Уже по написании сего нам случилось иметь в виду греческий текст литургии, в котором читается не $\tau\omega\nu\ \lambda\alpha\nu\tau\omega$, а $\tau\omega\nu\ \lambda\alpha\nu\tau\omega\nu$, то есть «всех» христиан. Но сие не противоречит нашему толкованию, потому что, если бы надлежало дать тексту ограниченное значение, то над-

лежало бы сказать: περί τῶν πάντων ὀρθοδόξων χριστιανῶν ἐνωξέωξ, — «о соединении всех православных христиан». Без сего ограничения речь необходимо дает следующий смысл: «о соединении всех» христиан православных между собою и «о соединении» с ними и с Православной церковью и прочих христиан, не принадлежащих к единству церкви Православной¹.

**Мнение и ответы Преосвященного Филарета
на предложенные англичанином догматические
и церковные вопросы по поводу соединения
Англиканской церкви с Восточною**

В марте 1867 года протоиерей Евгений Попов писал графу Д. А. Толстому: «Прилагаемое при сем письмо осмеливаюсь повергнуть на благоусмотрение Вашего Сиятельства главным образом из уважения к тому обстоятельству, что предлагаемые в нем вопросы постоянно мною слышатся, а между тем, по крайней мере, на некоторые из них ответы могут быть даны только вследствие соборного определения. Здесь важна не столько личность вопрошающего, сколько общее содержание письма его, служащее для одних предметом беседований и совопрошений, а для других истинною потребностью мысли и чувства».

Перевод письма к о. Евгению Попову:

Reverend Sir

Надеюсь, что ревность моя по вере православной, столь близкой вашему сердцу, может послужить достаточным оправданием в том, что я, будучи простым мирянином и человеком совершенно вам незнакомым, беспокою вас целым рядом вопросов, здесь прилагаемых, и прошу вас к тому еще — сделать мне одолжение — ответить на них и ответы эти позволить огласить печатно.

Edvard Jovard

Член Английской, Church Union

Оба вышеозначенные письма и вопросы были отправлены графом Д. А. Толстым к Преосвященному Филарету, который ответил ему следующим письмом с ответами на вопросы, предложенные англичанином:

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

При отношении Вашего Сиятельства от 29 марта сего года (№ 1578) препровождены ко мне семь церковных вопросов мирянина Английской церкви и требовано мое мнение.

Дело идет к общению Английской церкви с Православною, но идет неравным путем. Мирянин предлагает такие вопросы, на которые не может отвечать мирянин, а только священник или даже епископ. Если мирянин, спрашивая, скажет что-нибудь неприятное для своей Английской или для Православной церкви, это падет ему одному на голову; Английская иерархия останется в мире и покое. Но если Православный епископ, отвечая на вопросы, скажет что-нибудь неприятное для Английской церкви, то будет брошен камень преткновения на путь мира между Церквями: потому что мнение епископа могут принять за общее мнение Церкви. Легко мирянину принять на себя ответственность за какие бы то ни было церковные вопросы: не так легко православному епископу принять на себя ответственность за вопросы, между которыми есть новые и еще не разрешенные Православною церковью.

Это меня остановило. Было бы удобнее, чтобы о. протоиерей Евгений от себя составил проект ответов и, если бы нашел нужным, прислал в Россию для совета.

Ему же предлежало доставить нам сведение о упоминаемом в 6-м вопросе **первом молитвеннике Эдуарда VI.**

Но когда Преосвященный Нектарий сообщил мне напоминание Вашего Сиятельства и желание получить ответы, я понудил себя написать ответы, при сем прилагаемые. Дать сим ответам печатную гласность было бы теперь неблагоприятно и не соответственно цели. Посему, если Ваше Сиятельство заблагорассудит сообщить сии ответы о. протоиерею Евгению, то предлагаю для сего следующие условия:

1) О. протоиерей не объявит имени писавшего.

2) Перескажет или прочитает вопрошавшему то из ответов, что найдет нужным, или и всю записку, и скажет: вот что могу отвечать на предложенные вопросы я или подобный мне священнослужитель; требовать официального разрешения оных, по желанию одного мирянина, неудобно, и так же неудобно подвергать печатной гласности частное мнение по таким предметам, которые ожидают иерархического рассмотрения и разрешения.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Филарет М. Московский

**Вопросы члена Англиканской церкви, по
собственному его выражению, мирянина, и ответы
на них Московского митрополита Филарета**

Вопрос первый: если бы кто-либо из мирян, крещенный и конфирмованный в Английской, законом утвержденной церкви, обратился к вам для (допущения или) принятия его в полное общение с Греческою церковью, были ли бы вы обязаны принять его даже и тогда, когда бы вам могло показаться, что лучше ему оставаться в Английской церкви?

Ответ: чтобы отвечать на вопрос, надобно прежде понять его. Но предложенный вопрос не удобопонятен и потому нужно к вопрошающему обратиться с обратным вопросом: какой может быть случай, в котором священник Православной церкви, уверенный в ее Апостольском достоинстве и чистоте, мог бы полагать, что члену Английской церкви лучше оставаться в ней, нежели присоединиться к Православной церкви? До разрешения сего обратного вопроса, православный священник Кафолической Восточной церкви может полагать, что предложенный вопрос на деле не существует; следственно, и ответа не требует.

Вопрос второй: в случае принятия подобного мирянина, нужно ли бы было снова совершать над ним крещение и конфирмацию, условно ли то или безусловно?

Ответ: член Англиканской церкви, несомненно крещенный во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, хотя и обливательно, по принятому в Российской церкви правилу (которое Константинопольская признает снисхождением) может быть принят в Православную церковь без нового крещения, но над ним должно быть совершено таинство миропомазания, потому что конфирмация по учению Англиканской церкви не есть таинство.

Вопрос третий: положим, что англиканский священник подобным образом обратился бы к вам: признано ли бы было тогда его рукоположение и позволено ли бы было ему священнодействовать тогда по греческому обряду? Если же нет, мог ли бы он снова получить посвящение (Reordination) в России ли то, или в Константинополе? И затем, могла ли бы быть ему дана *misson* в Англии?

Ответ: вопрос: может ли англиканский священник быть принят в Православную церковь в качестве действительного священника, ожидает соборного разрешения: потому что не приведено еще в ясность, сохранено ли в Англиканской церкви ненарушимым апостольское преемство иерархического рукоположения; а также и потому, что Англиканская церковь не признает священства таинством, хотя и признает в нем благодатную силу. Но священник сей Церкви, при не разрешении вышеозначенного вопроса, может рукоположен быть в православного священника, если не будет иметь недостатка в качествах, требуемых для священника церковными правилами. Вопрос: можно ли таковому дать миссию в Англии, неудоборазрешим в сем неопределенном виде. Для сего нужно иметь в виду более определенные обстоятельства.

Вопрос четвертый: положим, что к вам обратились бы в таком большом количестве, что ни ваша Российская церковь в Welbeckstreet, ни Греческая в London-wale не довольно были бы для них вместительны для присутствия их при богослужении,

и в сем случае они выстроили бы сами для себя церковь: освятил ли бы тогда кто-либо из ваших епископов эту церковь, позволил ли бы в ней священнодействовать и назначил ли бы для сего нарочитого священнослужителя?

Ответ: и на сей четвертый вопрос так же, как на первый, надобно отвечать обратным вопросом: почему же можно сомневаться, совершит ли или разрешит ли совершить православный епископ освящение церкви, построенной православными или новоприсоединившимися к православию, желающими иметь при оной православного священника и богослужение по чину Православной церкви и образовать при ней из себя приход?

Вопрос пятый: мог ли бы английский мирянин, правильно принятый в Православную церковь, быть рукоположен во священника, в России ли то или в Константинополе, и если может, то на каких условиях?

Ответ: мирянин от Англиканской церкви, правильно присоединенный к Православной церкви, может быть рукоположен во священника под тем условием, что его личность и назначение должны соответствовать требованию апостольских и церковных правил.

Вопрос шестой: безусловно ли, как *sine qua non**, требуется совершать греческую литургию во всем ее составе? Не могут ли быть допущены некоторые части и из английской литургии? Не могла ли бы национальная литургия, например, по первому молитвеннику Эдуарда VI, быть допущена для употребления в английских конгрегациях? Потребуется ли, как *sine qua non*, прямое призывание (*directa invocatio*) святых при совершении общественного богослужения?

Ответ: здесь под одним числом не один вопрос, а многие, частью неудобные к разрешению по неопределенности.

В Православной церкви под именем литургии разумеется определенное богослужение, в котором совершается таинство Евхаристии. Надобно полагать, что и здесь в сем значении предлагаются вопросы о литургии. И если установлено в Церкви, чтобы литургию совершал не мирянин, а особый член

* Непременно (*лат.*).

Церкви, получивший для сего благодатное посвящение, и ему поручено некоторые молитвы приносить даже тайно от слуха мирян, то не более ли свойственно, не более ли удобно, не более ли сообразно с предметом, не более ли законно о литургии вопрошать, рассуждать и входить в соглашение священнику, нежели мирянину?

Православная церковь, принявшая чин Божественной литургии от первенствующей Церкви и от древних святых иерархов и обязательно сохраняющая оный без изменения, естественно, имеет право и обязанность требовать, чтобы сего чина держались и присоединяющиеся к ней из других вероисповеданий.

Может ли быть допущено ограничение сего правила относительно некоторых несущественных частей литургии? На сей вопрос отвечать можно только по определенном указании сих частей; и ответ должен быть дан собором, потому что один епископ не имеет права делать изменения в литургии.

На вопрос: может ли быть допущена вся национальная литургия по первому молитвеннику Эдуарда VI — вопрошающий уже отвечал сам, когда спрашивал, могут ли быть допущены некоторые части Англиканской литургии. В основании сего последнего вопроса лежит мысль о неудобности допущения всей литургии. После благоговейно слышимого выражения **литургия святого Иоанна Златоустого** православному слуху трудно примириться с выражениями: **литургия национальная, литургия по первому молитвеннику Эдуарда VI**.

Потребуется ли *directa invocatio* святых? Здесь выражение *directa invocatio* употреблено, по-видимому, для точности: напротив, оно не благоприятствует точному пониманию мысли вопрошающего. *Directa invocatio*, прямое призывание, предполагает, что есть *indirecta invocatio*, не прямое, или косвенное, призывание святых. И как вопрошающий не желает допустить только *directam invocationem* прямого призывания святых, то не должно ли заключить, что он допускает *indirectam invocationem*, некое не прямое призывание святых! Не думает ли, может быть, вопрошающий, что позволитель-

но сказать в молитве: помилуй нас, Христе Боже, молитвами святых, но не позволительно сказать святым: молитесь о нас Христу Богу? Но если позволительно первое, то почему не позволительно второе?

Православная церковь на непринадлежащих к ней, чуждающихся призывания святых взирает с сожалением, что они сами себя лишают немаловажной помощи духовной, но принять таковых в свое общение значило бы вводить в свою среду противоречие и чуждому мнению открыть путь к ослаблению и изменению ее древнего, истинного и душеполезного предания. Скажет ли вопрошающий, что такое действие было бы согласно с требованиями истины, благоразумия и осторожности? Если бы мы видели, как апостол Петр помолился и воскресил Тавифу, не были ль бы мы побуждены, чувствуя нужду в духовной помощи, сказать ему: помолись и о нас? Почему же не можем сказать сего ему и теперь, когда он находится на высшей степени приближения к Богу?

Мы по Символу веры веруем в единую Церковь. В земную ли только Церковь мы веруем? По учению Апостола вера относится к предметам невидимым. Посему не более ли свойственно вере относиться к Единой церкви христиан, подвизающихся на земле, и совершившихся праведников на небесах? Если она едина на земле и на небесах, то что может препятствовать общению земных с небесными? Нам заповедано любить друг друга и молиться друг за друга; где же сказано святым небесным: не любите земных братий и не желайте им блага от Бога; или, что то же, не молитесь за них? В книге пророка Захарии написано: *И отвеща Ангел Господень, и рече: Господи Вседержителю! доколе не имаша помиловати Иерусалима?* (Зах. 1:12—13). Видите, ангел молится за Иерусалим. *И отвеща Господь Вседержитель Ангелу, глаголющему во мне, глаголы добры и словеса утешна.* Видите, молитва ангела принята благодатно. В книге пророка Иеремии написано: *И рече Господь ко мне: аще станут Моисей и Самуил пред лицем Моим, несть душа Моя к людям сим* (Иер. 15:1). Сие сказано в определенном случае, когда иудеи преступлениями своими

соделали себя неспособными к принятию помилования. Следовательно, в инаковом случае Господь позволил бы стать пред собою в молитве Моисею и Самуилу и молитву их принял бы милостиво, так же как принимал и исполнял их молитвы во время их земной жизни.

Не поставьте в предосуждение Православной церкви, что молитвенная любовь ее широка и не ограничивается землею, но простирается от земли на небо и с неба объемлет землю. *Един ходатай Бога и человеков человек Христос Иисус, давший Себе избавление за всех*, но к Нему и Его пред Отцом Своим ходатайству и простираются молитвы земные и небесные.

Вопрос седьмой: положим, что число таких конгрегаций значительно увеличится: можно ли (надеяться), что они не будут оставлены без епископов-миссионеров?

Ответ: когда будет жатва многа: тогда помолимся Владыке жатвы, да изведет делателей на жатву Свою; и Он устроит благопотребное для нее. Но рано делать распоряжение для многой жатвы, когда еще предлежит забота о сеянии.

28 июня 1867 года

УЧЕНИЕ О РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Молитва к 700-летию Москвы

Господи Боже Вседержителю, Словом Твоим утвердивый небеса и Духом уст Твоих всю силу их, положивый светила на тверди небесней в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и бытие видимых созданий Твоих в круги времен заключивый, благословивый начатки времен и числа исполнения их освятивый! Ты, Господи, усты пророка Твоего Моисея, первым в месяцах лета нарекл еси месяц, в оньже агнцем избавительныя Пасхи спасительное таинство Агнца, закланного прежде сложения мира, Господа нашего Иисуса Христа, предобразил еси людем Твоим Израилю. Ты, в древнем законе Твоем, в предел седмицы дней и седмицы седмиц, праздники Твоя, в память благодеяний Твоих, поставил еси; и исполнение седмицы лет и седмицы седмилетий, во обновление памяти судеб Твоих, летом оставления венчал еси, со благословением безтруднаго изобилия. Се ныне Твой новый Израиль, от древнего образа к новоявленной истине прешед, первый в месяцах, и новое лето начинает от явления во яслех вифлеемских Агнца, вземлющаго грехи мира, Господа нашего Иисуса Христа, и от начатия Его всеспасительныя крестныя жертвы, в страдательном пролиянии крове обрезания. Царствующий же град сей не месяца токмо и лета начало пред собою ныне зрит, и не седмицы дней токмо и лет исчисляет, но семь протекших над ним веков помянув,

судьбам Твоим чудится, и в помышлении о судьбах осьмого своего века, пред лицом Твоим, Царю веков, благоговеет. Исповедуем милости Твоя древняя, и о настоящих благодарим, и о Будущих молим. Славим Твое благодатное избрание, и богатый о нас Промысл, яко малую некогда весь во град велий возрастил еси; и, прежде сбытия, еже славну быти граду сему во всех градах российских, и взяти рукам его на плечи враг его, и прославится Тебе в нем, угодником Твоим святителем Петром предвозвестил еси; таже и приносимый престол Православия zde утвердил еси, и корень Единодержавия всероссийскаго zde насадил еси, и престол Царства возвысил еси, и угасшему светильнику царскаго рода отселе с вящшею светлостию возсияти даровал еси, и святым Твоим zde пожити и во благоухании святыни почити благоволил еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стеною, от напастей ограждал еси град сей, овогда же и бедствующий вскоре избавлял еси, и во дни наши, мневшийся погибнути, от пепела и разрушения еси возставил, и новым благолепием украсил, и обилием исполнил.

Отче щедрот и Господи милости! Призри благосердием на сие благодарственное исповедание наше и не остави милости Твоя от нас. Благослови венец нового лета благодати Твоею: и венец седми веков, иже на версе царствующаго сего града, и во осмем да не увядает. Обнови и умножи благословения Твоя на превознесенном Тобою рабе Твоём благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе нашем Императоре Николае Павловиче, и на державном его роде. Долгоденствие и благоденствие, и в делах царствия и во всех добродетелех преуспяние им даруй. Сохрани Церковь Твою Святую непоколебиму на основании Твоего Божественнаго слова, на камени апостольский веры, и никоеже дерзновенное своеумудрие человеческое да не прикоснется кивоту Божию. Реки, Господи, мир на люди Твоя, и на обращающия сердца к Тебе. Да будет близ боящихся Тебе спасение Твое, вселити славу в землю нашу. Милость и истина в ней да сретаются, и правда и мир да лобызаются. Не пре-

даждь нас призрети в суеты и неистовления ложная, но да призрим на вся заповеди Твоя, и не постыдимся. Даруй нам благодать и благую ревность, да Твоего вечнаго царствия и правды его прежде и паче всего ищем, яко да и благая временному житию потребная вся приложатся нам, предстательствующими и покровительствующими молитвами Преблагословенныя Приснодевы Богородицы и святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, с нимиже во общении веры Тебе Единому Триипостасному Богу, Безначальному Отцу и Собезначальному Сыну и Соприсносущному Святому Духу приносим подобающее благодарение, и поклонение, и славу, во веки веков.

Молитва в день воспоминания тысячелетия России

Господи Боже, Царю веков, глаголяй на язык и царство и созиждай и насаждай их! (Иер. 18:9). Ко Твоему величеству припадающе со страхом и благоговением, благодарне исповедуем милости Твоя, многочастне и многообразне в десяти веках явленные народу и царству Российскому. Ты бо, Господи, возглаголал еси Твое зиждительное слово на сей народ и создал еси в нем царство, и насадил, и укоренил, и возрастил, и расширил еси его на земли обитания его, и поставил еси над ним от Тебе сущую власть, и укрепил еси его на сопротивных, и оградил еси его законами, наипаче же просветил и одушевил еси его спасительною верою, и аще иногда и жезлом посещал еси неправды его, но милости Твоя не удалил и не удаляеши от нас.

Тя убо, Владыку, Господа и Благодетеля славим, хвалим, благодарим, поем и величаем, и, от самых щедрот Твоих в вере и уповании утверждение и дерзновение пред Тобою приемлюще, смиренно молим: сохрани престол и царство благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя Императора Александра Николаевича всея России в истинном величии, твердости и славе.

Прости, всемилостиве Господи, вся грехи наша и отец наших и направи стопы наша к деланию заповедей Твоих.

Соблуди в нас православную веру в ее чистоте и силе, и да пребудет она, якоже бысть, средоточием общественного единения, источником просвещения, основанием и твердынею народного благонравия, правды законов, благодетельности управления, нерушимости благостояния.

Да не увянет и не иссохнет древнее насаждение добра, но да привиется к нему новое стеблие лучшего, и да изыдет новый цвет благолепия и плод совершенства.

Тако призри на нас и ущедри нас, да благословляеми Тобою, от дне до дне и от века и до века благословим Тя, Господи.

Слава Тебе Богу, Благодетелю нашему, во веки веков. Аминь.

По окончании молебна и по возглашении многолетия благочестивейшему Государю Императору и Высочайшей Фамилии сделаны протодиаконом еще следующие провозглашения:

Просветившим Россию христианскою православною верою равноапостольным Великому Князю Владимиру и Великой Княгине Ольге, преемственне в течение веков создававшим и укреплявшим единодержавие России Благоверным Царем и Великим Князем, новосозидавшим Российское царство и расширившим и прославившим оное в Бозе почившим благочестивейшим Императорам и Императрицам **ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.**

Всем избранным сынам России, в течение веков верно подвизавшимся за ее единство, благо и славу, на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты Отечества **ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.**

Времена и лета в руце Своей положивый Господи, Твоим премудрым всеблагим Промыслом тысящелетне сохраняемому и возвращаемому царству Всероссийскому, пробави велию милость Твою и сохрани оное в вере и правде, во Богозаконии и благоустроении **НА ЛЕТА И ВЕКИ МНОГИЕ.**

**Слово на день торжества освобождения обители
преподобного Сергия от нашествия врагов**

*Говорено в Троицкой семинарии греческого и еврейского
языков учителем Василием Дроздовым в Свято-
Троицкой Сергиевой лавре 12 января 1806 года*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа

Было время — простите мне, что я от светлого торжества облеченной славою России бросаю взор на мрачные виды России страждущей: тень возвышает красоту света — было несчастное время, когда Отечество наше, терзаемое иноплемменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить последнее дыхание. Часть верных ему и Богу, бежавших от опустошенных градов и сел, сокровялась тогда в сей ограде, и враги, которые, казалось, клялись не щадить ничего священного, истожили против нее все усилия злобы своей.

Ужасное состояние! Два ненасытимые чудовища, война и мор, споря о добыче, соглашаются в лютоści, с которою хотят поглотить сию обитель. Смерть за стенами, смерть в стенах, смерть носится в воздухе, смерть крадется подземными стезями. Убийственные орудия досягают самого сего святилища, и святые Божии приемлют раны в своих избражениях. Мышцы, способные обращать меч, оскудевают; едва остается несколько слабых рук для воздеяния ко гневным небесам.

Наконец, когда сирые чада Отечества слезящими глазами увидели, колико суетно спасение человеческое; когда все колебалось, кроме упования на Вышнюю помощь; когда почти не было уже других орудий, кроме веры и молитвы, — Господь сил венчал нас оружием благоволения, и отчаяние, не нашед места между памятниками благочестия, устремилось в полчища злодеев.

Слава вам, насадители сего вертограда, возрадившего лавры и оливы! Слава вам, бесплотные вожди безоружных воинов, преподобные отцы, Сергие и Никоне, основатели и покровители сей обители! Слава тебе, беззащитная защита бедствующего царства! Торжествуй ныне избавление свое и со всею победоносною отселе Россиею, в подражание победоносной Церкви, исповедай, яко сия есть победа, победившая мир, и мир нам приобретающая вера во Всеблагое и упование на Всемогущего (1 Ин. 4:4).

Твердость в вере и благочестии, слушатели, есть и всегда первым основанием и единственным залогом благоденствия общественного.

Полагать началом общежития одну только нужду взаимного вспомоществования, а причину распространения его право сильнейшего есть представлять общество союзом кровожаждущих тигров и жалких агнцев. Сие есть род безбожия, отъемлющего у Вседержителя великую область беспредельного владычества Его. Думать, что множество различных волей само собою соединилось в одну, что из бесчисленных частных выгод случайно составила польза общая — значит производить все творение из нечаянного стечения пылинок. Да не прельщает нас обманчивое суемудрие: Бог столько ж есть Творец собранного воедино и приавшего политическое образование, сколько нравственного и естественного мира.

От одной и той же мудрости, которая вдунула в перстный истукан дыхание жизни, исходит дух благоустройства одушевить колоссальное тело государства. То же могущество, которое водит звезды в кругах, им предписанных, возводит царей на высоту славы и величия. Один Промысл называет червей, пресмыкающихся во прахе, и бдит над движениями волнующихся народов. Благость, дающая пищу всякой плоти, питает и возвращает их миром и тишиною. Весы нелицеприятного правосудия, на коих определяется истинная цена мыслей и деяний человеческих, не отягчаются извешивать царства и империи. Благо добрым, зло злым: сей вечный закон неизгла-

димо написан в книге совести нашей и во внутреннем составе всех обществ. Его влияние не менее простирается на всех вообще, как и на каждого в особенности.

Благодеяние общества не может существовать без строгого исполнения должностей, возлагаемых им на своих членов, и без ревностного их содействия благу целого. Трудности, которые встречаются при исполнении сих обязанностей, опасности, которые бывают иногда с ним сопряжены, личная польза, которою должно часто жертвовать ему, — все сие заставляет искать сильнейших, действительнейших побуждений к хранению верности. Сии побуждения находятся только в добродетели, верую в Бога подкрепляемой. Честь, предположенная единственным концом услуг, оказанных обществу, производит подлых самолюбцев; награждения, принятые за основание верности, дают ему наемников; страх делает рабов, которые алчут собственной выгоды на счет обшшй. Дщерь Вышнего! Ты лучшая мать сынов, ты мать отцов Отечества, которые служат ему за совесть, благотворят из послушания к Небесному Отцу, из любви ко всем во Искупителе братьям.

С какою осторожностью владыки, обладаемые благочестием, употребляют власть свою, почитая себя токмо первыми рабами пред лицом общего Владыки! Как щадят они кровь подданных, коей каждая капля, невинно пролитая, трогает их душу! С каким тогда благоговением правимые усматривают в своих правителях освященный образ Правителя миров. С какою неусыпною заботливостию испытует истину судия, уверенный, что рано или поздно глас ее услышится пред судилищем вечной правды и громом отдастся в сердцах глухих для ней аспидов. Какою исполинскою крепостию наполняется воин, который более помышляет о нетленных, нежели о увядающих, венцах и надеется подвигом в юдоли смерти восхитить бессмертие! С какою безопасностью каждый в состоянии своем, как Израиль во дни Соломона под виноградом своим и под смоковницею своею (3 Цар. 4:25) покоится, когда страх Божий, или паче любовь, от престола до

хижины все покрывая своею кроткою сению, изгоняет все ужасы преступлений!

Что здесь могут надменные враги? Они сильны, но чего не одолеют имеющие Всесильного своим поборником? Они многочисленны, но чего не сотворит в поругание гордыни Тот, Коего волею и неплоты многочадствуют, Который и бездетного старца возвращает в язык велий?

Так, Великий Боже! *Ты речеши на язык и царство, да возсозиждеши и насадиши я* (Иер. 18:9): *и глагол Твой не возвратится к тебе тощ* (Ис. 55:11). *Тобою царие царствуют и сильнии пишут правду* (Притч. 8:15). Ты изыдеши в силах наших и падет от страны нашея тысяща и тма, к нам же не приблизится (Пс. 90:7). И сие тогда, когда *яко очи раб в руку господий своих, тако очи наши к Тебе Господу Богу нашему* (Пс. 122:2). Но когда возмутившиеся языцы расторгнут узы повиновения Тебе и отвергают от себя иго Твое, Ты *посеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Пс. 2:9). Они забывают Тебя — и *отвращиу Тебе лице, мнутяся, исчезают и в персть свою возвращаются* (Пс. 103:29).

Напрасно говорят, что тело общества подвержено такому же разрушению, как тело животных, что падение государств есть только следствие состава их. Можно без дерзновенного присвоения высокого дара пророчества сказать с пророком каждому Иерусалиму, оставившему Бога своего: *накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя* (Иер. 2:19). Для совершения сего предсказания не всегда требуется сверхъестественная месть, стрелы нечестия, пущенные на небо, медленно или скоро собственною тяжестью низвергаются поразить развращенных народов. Религия в обществе есть пружина, по ослаблению коей все действия махины приходят час от часу в больший беспорядок. По испровержению сего оплота поток беззакония не находит никакой преграды и всюду разносит бедствия и опустошения.

Кому не изменят изменники Божества? Кого послушают невнемлющие гласу рассудка и природы? Каких казней устроятся союзники ада?.. Если благое иго веры, успокоивающее

совесть, облегчающее тягчайшие прискорбия, воображают несносным или бесполезным, то какое бремя должности покажется приятным и священным? Что же тогда будут законы? — Паутина, уловляющая слабых. Что правосудие? — Искусство запутывать истину и рассекать узлы ее золотом. Клятва? — Звук, бьющий воздух и служащий для успокоения легкомысленных детей. Самая добродетель? — Прекрасное имя, которое столь часто будет переходить из уст в уста, что никогда не будет касаться сердца. Мужество? — Слепое неистовство, кипящее фараоновым жаром и его угашающее в пучине отчаяния. Если среди сего замешательства внешней враг пожелает дополнить собою число домашних врагов несчастного общества и оно не прибегнет паки к помощи, ниспосылаемой свыше благодатью, сего довольно для его погибели!

О, да не осуществится вечно начертание сие в тебе, любезное Отечество! Да царствует в тебе всегда вера: сие едино есть на потребу для продолжения того благоденствия, которым ты наслаждаешься под скипетром благочестивейшего монарха.

Наша польза, слушатели, нас да научит сохранять веру как драгоценнейший залог благого неба; или если прошедшее несчастье есть убедительнейший наставник, настоящее торжество, торжество незабвенное, доколе не угаснет любовь к Отечеству, его произведшая, — при каждом возвращении своем да повторяет нам оный полезный урок. Аминь.

**Слово в день восшествия на Всероссийский
престол благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича**

Говорено в Чудове монастыре 20 ноября 1849 года

*Господне есть царствие, и Той обладает языки.
(Пс. 21:29)*

Замечали ли вы, что при начатии церковных молитвословий обыкновенно мы возглашаем: «Благословен Бог наш»

или «Слава Святей Троице», а при начатии моления о Благочестивейшем Государе нашем, в день его воцарения или царского венчания, употребляем особенное славословие: «Благословенно Царство» Святыя Троицы? И если вы сие замечали, то помышляли ли о том, что значит сия особенность? Не думает ли, может быть, Церковь представить менее высоким царство земное, нарочно превознося над ним Царство Небесное, в то самое время, когда верный народ особенной торжественностью чтит своего царя молитвой и радостью? Нет. Церковь имеет при сем другую — лучшую — мысль и намерение. Она возвышает и утверждает царство человеческое, связуя оное с Царством Божиим. Воспоминая начатие благословенного царствования и с сим вместе благословляя Бога именно в качестве Царя, она чрез сие дает нам разуместь, что высшее начало царствования сокрыто в Боге, хотя и открывается посредством земного закона престолонаследия, по воле главы царствующего рода, и что доблестями и подвигами Царя, его мудростью, крепостью, благостью пользуемся мы для нашего блага, то за сие «благословенно царство» Божие, ниспосылающее нам сии дары. При таком умопредставлении, как высок царь, как власть его есть орудие и проявление власти Царя Небесного! Как он тверд на своем престоле, который поддерживается Вечным и Всемогущим Вседержителем! И какое сильное в сем умопредставлении заключается побуждение для царя ко всякой добродетели и совершенству, чтобы ему быть достойным орудием Царя Всесовершенного! Какое сильное и чистое побуждение для подданного не только повиноваться царю, но и благоговеть пред ним, не только исполнять его законы и повеления видимыми действиями, но и предаваться ему верным и любящим сердцем на жизнь и на смерть пред очами Всевидящего Царя царствующих!

В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские — мало знают не потому, чтобы не могли знать, но потому, что не хотят знать; и глаголющиеся быти мудры между ними с

пренебрежением отвергают дознанное и признанное древней мудростью. Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия, они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке народных мнений, и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся. Однако новые столпотворители вавилонские, несмотря на смешение мыслей, худшее древнего смешения языков, кажется, не думают еще отстать от своего столпотворения.

В такие времена как особенно нужно, так и особенно должно быть приятно нам, братия, часто напоминать себе и крепко содержать оправданное судьбой Отечества нашего, преданное нам от предков, или, лучше сказать, от пророков учение, что *владеет Вышний царством человеческим; Господне есть царствие, и Той обладает языки.*

Если бы сей особенной истины и не открыло человеку слово Божие, он мог бы найти ее в общем составе своих познаний о Боге Творце и Промыслителе.

Как Бог есть Творец мира и вещественного, и духовного, то, без сомнения, Он есть и Промыслитель того и другого. И если промышления Его требует мир вещественный, движимый необходимостью законов, при сотворении в него впечатленных, то не паче ли требует одного мир духовный, которого существа, пользуясь преимуществом свободы, по сему самому иногда могут уклоняться от творческого направления и назначения и для таковых случаев особенно призывают руку Промыслителя, охраняющую и возвращающую? И если существа духовно-нравственные требуют промышления Божия раздельного, по своим частным свойствам, расположениям и обстоятельствам, то не требуют ли также сосредоточенного промышления Божия целые общества человеческие, поскольку от общества много зависит совершенствование и благосостояние каждого человека? Но как благоустройство и охранение общества человеческого преимущественно зависит от

верховой над ним власти, то и открывается необходимость, чтобы промысление Божие преимущественно сосредоточено было над верховной властью, чтобы *владел Вышний царством человеческим*.

Царствование Божие над царством человеческим не для всех и не всегда бывает явно, во-первых, потому, что Царь Небесный безмерно высок и непостижим, и Его нисходящее действие нередко скрывается в цепи посредствующих естественных причин и действий; во-вторых, потому, что, царствуя над существами, которым даровал свободу, Он хранит неприкосновенным Свой дар, оставляет довольно простора свободе человеческой; и оттого случается, что мы довольно долго слышим шум и видим движение дел человеческих, нередко смешанных и беспорядочных, и не примечаем, как за ними тихо шествует Божий Промысел и суд, утверждающий, охраняющий и возвышающий то, что служит Царствию Божию, и ранее или позже низлагающий то, что ему противоборствует. Посему, чтобы видеть царствование Божие над царством человеческим, надобно наблюдать со вниманием особенные случаи, в которых оное, по требованию обстоятельств, с особенной ясностью открывается.

Рече Господь к Самуилу: прииди, посю тя ко Иессею до Вифлеема, яко узрех в сынех его Себе царя (1 Цар. 16:1). Самуил колебался, находя опасным сие посольство. И Господь признал опасность и повелел чрезвычайное посольство прикрыть видом обыкновенного жертвоприношения, но самого дела не отменил. Пророк приходит в Вифлеем, пересматривает сынов Иессея, не зная, кто из них должен быть царем. Едва, наконец, найден Давид, бывший у стада и оставленный отцом без внимания, и тогда уже Самуил получил от Бога определительное изволение и помазал Давида в царя. Но что потом? Давид пошел не на престол, а обратно к стаду. По времени он позван в дом царя, но не царствовать, а играть на гуслях. Еще по времени пришел он в войско не как воин с оружием, а как обозный, с хлебом для своих братьев-воинов, но нечаянно вызвался на единоборство с Голиафом, победил его, получил славу, сделал-

ся сродником царя. Теперь он уже не так далек от престола, но и после сего еще он должен быть не царем, а изгнанником, бездомным, скитающимся по горам и дебрям, не находящим иногда безопасности в отечестве и принужденным удаляться к иноплеменникам. Что же это значит? Для чего Давид помазан в царя так рано, так, по-видимому, неблагоприятно, с опасностью? Для того, во-первых, чтобы помазанием преподать ему царскую благодать, которая бы соделала его и победителем, и любезным народу, и в гонении непобедимым, и, наконец, довела до престола, как и сказано в Писании, что вследствие помазания *ношаешя Дух Господень над Давидом от того дне, и потом* (1 Цар. 16:13). Во-вторых, для того рано помазан Давид, чтобы после, по действительном воцарении его, и непокорные принуждены были признать, что царь поставлен не случаем, не народом, а Самим Богом.

Не бесполезно, думаю, будет указать теперь особенное проявление Царствия Божия над царством человеческим в христианские времена.

В начале сих времен, три столетия Церковь Христова не пользовалась помощью царства человеческого, а напротив того — часто подвергалась гонениям от него. В разумение тайны сего попущения Божия вводит нас апостольское слово: *Немогущая мира избра Бог, да посрамит крепкая, — да не похвалится всяка плоть пред Богом* (1 Кор. 1:27, 29). Надлежало Церкви Христовой являться беспомощной, дабы очевидно было, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческой, а Божией силою. Надлежало ей страдать и страданием победить, чтобы заградить уста неверующих и хулителей, древним и нынешним. Но надобно же было, наконец, отдать истине и видимую справедливость. Надобно было, чтобы, по слову пророка, *одержала правда покой* (Ис. 32:17), чтобы Церковь после стольких царей-гонителей имела царя-покровителя. Бог избирает для сего Константина, но Константин — язычник, и Христова истина обыкновенным путем человеческого наставления не проникает до глубины его сердца. Итак, Царь царствующих действует Сам, как о сем рассказал Константин

и как нам пересказывает слышавший от него историк Евсевий. «Однажды в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил царь, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «Сим побеждай». Сие зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско. Вслед за сим во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знамением и повелел, сделав знамя, подобное сему виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов» (Евсевий. «О жизни Константина». Кн. 1, гл. 28, 29). Константин исполнил повеленное, под знаменем креста победил Максентия, сделался единовластителем Римской империи, уверовал во Христа и явился первым христианским царем и равноапостольным. Не очевидно ли здесь, что цари христианские ведут начало свое непосредственно от Царя Небесного?

Я мог бы указать особенные пути Царствия Божия и в княжении нашего равноапостольного Владимира, и в царствовании наших царей ближайшего времени. Но да не отягчу слушающих продолжением слова в праздник, поспешаю заключить оное мыслями, которые из предшествовавшего размышления сами собою рождаются.

Если Сам Бог Своим словом и Своими действиями внушает нам мысль, что Он посредством особенного промышления царствует над царством человеческим, то, конечно, мысль сия благопотребна для нас, и мы не должны терять ее из вида. Подлинно, в ней заключается сила, оружие, опора, руководство для царя, для царства и для каждого в царстве. Предстоит законный, необходимый, но трудный подвиг — царь земной повелевает, Царь Небесный помогает — подвиг совершен, но, как иногда случается, не усмотрен или не вполне усмотрен. Ничего не потеряно, у Царя Небесного хранится полное воздаяние. Приближается искушение, прельщение, если бы случилось, что уважение к закону земного царя поколебалось бы силой прельщения, око Царя всевидящего издалеча осветит дебри и пропасти, неизбежные на распутьях беззакония, и удержит искушаемого на пути долга и чести.

Если Царь Христос непосредственно Своим действием в лице равноапостольного Константина основал достоинство христианского царя для споспешествования Своей истинной вере, Своей Православной церкви, то сию священную обязанность может ли без оскорбления Царя Христа пренебречь какое-либо христианское царство? Слава Богу! Благочестивейший государь наш деятельно и успешно исполняет сию обязанность и не один миллион душ приобрел Православию от неправославия. Да ревнуем и мы, каждый в своем круге действия, чтобы обязанности служить царю земному и служить Царю Небесному, быть верным подданным и истинным христианином составляли для нас одну нераздельную обязанность, один непрерывный подвиг всей нашей жизни. Аминь.

**Слово в день рождения благочестивейшего
Государя Императора Николая Павловича**

Говорено в Московском Успенском соборе

25 июня 1848 года

*Клятся Господь Давиду истиною и не отвержется ея:
от плода чрева твоего посажду на престоле твоем.
(Пс. 131:11)*

Когда мы, вспоминая день воцарения благочестивейшего Самодержца нашего, сие воспоминание с благодарностию, с радостию, с молитвою приносим в церкви пред Богом, мы чрез сие ознаменовываем то, что царство земное связано с небесным, что Царь воцаряется и царствует не без действия и содействия Царя царствующих: мы отзываемся на глас Всевышнего: *Мною царие царствуют* (Притч. 8:15).

Подобным образом, когда воспоминание о священном венчании и помазании Царя пред Богом приносим, чрез сие мы предполагаем и признаем, что Богом Он венчан, помазан и освящен для дел царствования.

Когда же и самое рождение Царя, который родился не царем еще, а младенцем, хотя и от державного рода, торжественно воспоминаем пред Богом, чрез сие действие мы выражаем ту истину, что не только воцарение, венчание, помазание, но и еще прежде самое рождение Царя есть особенное устройство провидения Божия, что в день, в который Присноживущий Царь благословил сего младенца на жизнь, благословил Его уже и на царство. Посему-то при возвращении сего дня и прибегаем мы к Богу с вопиющим сердцем: благослови Его и еще, благослови Его царствовать долго, и всегда с благословением наследственным и потомственным.

Глубокая мысль — в основании могущества и власти царской полагать могущество и власть Божию.

Возвышенная мысль — источника для мудрости и благости царевой искать в свете и любви Божественной, и царское величество величием Божиим в одно время и возносить и преклонять к кротости и смирению.

Прекрасная мысль — еще над колыбелью созерцать зарю вышнего света, осиявающего впоследствии времени престол.

Если бы сии мысли были наше изобретение, можно было бы хвалиться счастливым изобретением.

Если бы это были мысли только догадочные, жаль было бы колебать их сомнением. Так они привлекательны, так успокоительны, так благотворны.

К счастью, это суть мысли основательные, словом Божиим утвержденные.

Посмотрите, на чем премудрый Соломон основывает свое царское величие и свои царские надежды: на том, что *клятятся Господь Давиду истинною и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем.*

Клятвы об истине свидетельствуемого и обещаемого и человеки, в мыслях и поступках основательные, не употребляют расточительно и без нужды, а берегут ее для дел особенной важности и для утверждения истины, которая преимущественно требует ограждения от недоумений. Кольми паче Бог, Которого слово и без клятвы самодостовечно, если достоверность

его усиливает клятвою, то, конечно, сим указывает на особенную важность предмета и на преимущественную потребность и благотворность удостоверения.

Подтвердим сие примерами. По таинственному повелению Божию Авраам, хотя не окончательным делом рук, тем не менее совершенною решимостию воли приносит в жертву единокровного сына и представляет образ крестной жертвы Единокровного Сына Божия, предавшего Себя и преданного Богом Отцом за спасение мира. Надлежало наградить беспримерное повиновение, указать на таинство, дать Аврааму обетование о Христе, и Бог изрекает оное с клятвою. *Мною Самем кляхся, — глаголет Господь, — егоже ради сотворил еси глагол сей и не пощадел еси сына твоего возлюбленного Мене ради: воистину благословля благословлю тя, — и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. 22:16—18). Подобным образом надлежало некогда изъяснить, что по предвечному совету Божию Христос есть не только жертва страждущая, но и вечный священник, Божественною силою священнодействующий спасение наше, и Бог у пророка сию великую и спасительную истину изрекает с подтверждающею клятвою: *Клятся Господь и не раскается: Ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109:4).

Согласно с сими примерами надлежит полагать, что когда и Давиду клятся *Господь истинною*, то есть утвердил клятвою истину Своего слова с дополнением, что *не отвержется ея*, то есть не одновременно исполнит Свое слово, но сохранит оное на продолжение времен, то сим указано на предмет важный, благопотребный, благотворный. А какой это предмет? Царская власть наследственная. *От плода чрева твоего посажду на престоле твоём.*

Вследствие сих соображений мы можем изречение Божественное разрешить на следующие изречения истины.

Первое: Бог **посажда** царя **на престоле**, или, иначе сказать, царская власть есть **Божественное учреждение**.

Второе: Бог **посажда** **на престоле** царем **от плода чрева его**, то есть наследственность царской власти есть также Божественное учреждение.

Третье: царская наследственная власть есть высокий дар Божий избранному Божию, как о сем свидетельствует обещание сего дара с клятвою и другое Божественное изречение: *Вознесох избранного от людей Моих* (Пс. 88:20).

Четвертое: царская наследственная власть есть и для народа благопотребный и благотворный дар Божий, поелику благодать Божия беспристрастна и премудрость Божия всеобъемлюща, и потому, если Бог дает царю дар, от которого зависеть должна судьба народа, то, без сомнения, дает, провидя и предустроя тем благо и всего народа.

Вот коренные положения царского и государственного права, конечно не имеющие недостатка в твердости, поелику основаны на слове Божиим, утверждены властью Царя царствующих и запечатлены печатью клятвы Его!

Не россиянин, может быть, спросил бы меня теперь, почему на поставленное Богом для одного народа и на обещанное одному царю я смотрю как на общий закон для царей и народов. И я не затруднился бы ответить, потому что закон, истекший от благодати и премудрости Божией, без сомнения, есть закон совершенный, а совершенного почему не предлагать для всех? Или ты думаешь изобрести закон, который был бы совершеннее, нежели закон, истекший от Божией благодати и премудрости?

От россиянина могу ожидать иного вопроса: к чему труд удостоверения о Божественном учреждении и благотворности наследственной царской власти? Сие учение уже написано на сердцах россиян. Знаю, возлюбленные, и радуюсь. Но если и не нужно удостоверять о том, что есть уже в сердце, тем не меньше естественно беседовать о том. Таков закон слова, который признала сама Премудрость: *От избытка сердца уста глаголют* (Мф. 12:34). Кроме сего, время теперь повторять себе и подтверждать самые известные истины, потому что дух времени не оставил ни одной истины, которую бы не покушался колебать или словом, или на деле.

Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет, потому что

за пределами твоими, по слову пророческому, *тма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. 60:2). *Шаташся языцы, и людие поучишся тщетным* (Пс. 2:1). Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, *Кем царие царствуют* (Притч. 8:15), они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали там не тверды, народы обьюродели. Не то чтобы уже совсем не стало разумевающих, но дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божиею. Из мысли о народе выработали идол и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнующееся море народов, которое частию поглощает уже, частию грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность.

Но благословен *Запрещающий морю* (Мф. 8:26)! Для нас еще слышен в событиях Его глас: *До сего дойдеши и не преидеши*» (Иов. 38:11). Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо и спокойно, подобно каменной горе, у подножия которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна, потому что державная рука помазанника Божия держит ее мир, и сугубо спокойна, потому что это мир не дремлющий, но бодрствующий с оружием против ненавидящих мира.

С нами Бог! — да взывает каждый из нас заедино с благочестивейшим самодержцем нашим. С нами Бог благодатию православной веры. С нами Бог благодатным даром благословенного наследственного самодержавия. Да пребываем же и мы с Богом, чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностию к Богодарованному царю и соответственным единоначалию единомушием.

Начальствующие от Отца Небесного и от царя земного да заимствуют отеческий дух любви и почтительности для действия на подчиненных, обеим сторонам приятного.

Подчиненные да ревнуют быть как пред Отцом Отечества Небесного, так и пред отцом Отечества земного, *чадами послушания* (1 Пет. 1:14) искреннего и совершенного, помышляя, что как *противляйся власти Божью повелению противляется* (Рим. 13:2), так равно и повинующийся власти Божью повелению повинуетя, и, следственно, одним действием повиновения можно совершить сугубую добродетель и приобрести сугубую награду.

Блюстители правосудия да памятуяют, *яко суд Божий есть* (Втор. 1:17), и да изрекают судимым не иной суд, как изрекаемый от Бога, Им самим в Его слове, в законе и в их совести. Правосудие в отношении к телу общества есть род врачевания: если членам, потерпевшим лишение, не доставят они восполнения, поврежденным — исправления и не отсекут зараженных смертоносною язвою, то могут сделаться виновными в смертоносном заражении всего тела.

Служители просвещения да открывают очи неведущих к небесному и содружному с небесным свету, при котором можно право ходить и делать полезное, и да не прельщаются, и да не прельщают каким-нибудь ночным светением червя или гнилого вещества, которого блеск может удивить на минуту, но не разгонит мрака, не осветит пути, не осветит делу.

Призываемые к оружию для безопасности Отечества да идут с любовью и самоотвержением по гласу цареву и по гласу Христову: *Болии сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15:13).

Каждый в деле своего звания, в земледелии, в ремесле, в художестве, в торговле, в царской и общественной службе да обращается честно, предпочитая своей пользе пользу общую, ожидая успеха в устроении общего и частного блага от Божия благословения правоте, *не ревнуй лукавствующим, ниже завиди творящим беззаконие. Зане яко трава скоро изсхнут* (Пс. 36:1—2). *Живый на небесех посмеется им, и Господь поругается им* (Пс. 2:4).

С нами Бог, верные Богу и царю, россияне! В Боге наша крепость. В нем надежда. От Него мир и, если нужно будет, от Него победа. Аминь.

**Слово в день рождения благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича всея России**

Говорено в Московском Успенском соборе

25 июня 1830 года

*Дати нам, без страха, из руки враг
наших избавльшимся, служити Ему преподобием
и правдою пред Ним вся дни живота нашего.
(Лк. 1:73–75)*

Душа человека, произнесшего сии слова, достойна того, чтобы сквозь самые сии слова посмотреть в ее внутренность.

Естественно неожиданное, необычайно предсказанное рождение сына Захария видит, наконец, совершившееся самым делом. Немой в продолжение девяти месяцев письменно утверждает он для новорожденного незнакомое и оспориваемое имя Иоанна, то есть *благодатного*; и, сим делом веры загладив вину неверия, за которую наказан был немотою, тотчас получает употребление языка. В сие время душа его исполняется чистою радостью; чистая радость проничается небесным вдохновением; его девятимесячные безмолвные помышления превращаются в живые чувствования и предчувствия; все сие вместе изливается из переполненной души: Захария говорит, а Дух Божий в нем пророчествует. Чего Захария долго в долгую жизнь свою желал, то, наконец, верно и близко предвидит; и потому о чем бы в другое время молился, за то теперь благодарит и благословляет Бога: *благословен Господь Бог Израилев*. Что ж это такое, чего Захария желал так сильно, что с восторгом предвидит исполнение? *Избавление людям — спасение от враг*: нетрудно признать достоинства сих желаний, принять ли слова сии в знаменовании простом, естественном или

в высшем, какое дает вера. Но что еще вожделенно Захарии, как дальнейшая цель сих, впрочем, благородных, желаний, как самый благодатный дар Божий? — *Дати нам, без страха, из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего.*

Прошу тщательно приметить, как он мыслит и чувствует. *Избавление людям* от многообразных зол и бед — очень желательно; только это не конец желаний. *Спасете от враг* — очень нужно; только и на сем нельзя остановиться. Сии праведные и человеколюбивые желания должны вести еще к одному желанию, как поприще ведет к цели — к тому, чтобы мы, избавленные от зол, спасенные от врагов, без страха, без препятствий, в мире совести, в свободе духа от страстей, могли служить Богу преподобием и правдою, святостию достойною Божества и добродетелию достойною человечества. Вот сердце истинного праведника! Вот дух человека Божия! Вот душа, в которой может жить Бог и которая достойна жить в Боге и Его блаженстве!

«Но к чему теперь сие указание?» — скажут, может быть, слышащие. Думаю, что сделанное мною указание годится к чему-нибудь во всякое время: посмотрим, не может ли оно теперь особенно быть употреблено в пользу.

Мы торжествуем ныне одно из благословенных рождений — рождение младенца, которого люди долго видели только порфирородным, не умея сказать, *что убо отроча сие будет*, но которому провидение Божие предопределило быть и порфириноносцем, и помазанником Божиим. Поколику предопределение сие совершилось; поколику он самым вступлением своим на престол принес *избавление людям* от зол и бед, коим трудно было бы предвидеть конец, если бы оные не были пресечены в начале; поколику во дни своего царствования еще не многие он приобрел нам не только *спасение от враг*, но и славные над ними победы: потолику мы можем перенять у Захарии его радость и славословие: *благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людям Своим, и воздвиге рог спасения нам* (Лк. 1:68—69). Но поколику видим еще остаток врагов и тем с большею скорбию видим, что сии плевелы про-

зябли рядом с нашею пшеницею на поле нами возделанном; поколику есть и еще неотвратимые человеческою рукою бедствия, от коих нужно избавление людям, потолику потребны нам теперь не одни благодарения и славословия, но и моления и прошения к Богу. Итак, приглашаю вас, братия, подражать праведным желаниям и спасительным молитвам, которых образец указал я вам в праведном Захарии. Желайте избавления людям от зол и бед: естественное и человеколюбивое желание! Молитесь о спасении от врагов, неправедных и злых, клятвопреступных и, следственно, безбожных: праведная и благопотребная молитва! Но, молясь о благоденствии царя и народа, о безопасности всех и каждого, не останавливайте помышлений и желаний на благе только видимом, телесном, земном, временном, а простирайте оные к невидимому, духовному, небесному, вечному; желайте паче всего служить Богу святостию и добродетелию; молитесь Ему *дати нам, без страха, из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего*. Увенчивайте ваши благие желания сим возвышенным желанием; и тем колико Благому, толико же Праведному Богу, представьте удобность увенчать ваши желания вожделенными событиями.

Нужно ли доказывать, что желание служить и благоугождать Богу должно быть коренным и главным желанием человека, началом и концом всех его желаний? Кто только знает Бога, тому едва ли нужно сие доказывать, а кому нужно сие доказывать, того можно, по крайней мере, подозревать, что едва ли он знает Бога. Кто только знает, что есть царь и подданный, тот по сему самому знает и то, что обязанность служить царю несравненно выше и сильнее обязанности служить кому-либо из подданных и что несравненно желательнее служить самому царю, нежели подданному. Кольми паче знающий Бога над тварию не может не знать, что обязанность служить и благоугождать Богу есть, без сравнения, выше и могущественнее всех обязанностей относящихся к тварям и что потому дело сего служения как в желании, так и в исполнении должно быть предпочитаемо всем возможным занятиям человека.

Человеки любят думать или хотя мечтать о возвышенности, о превосходстве своей природы. Не станем теперь исследовать, от глубокого ли разумения более сие происходит или от неосновательной гордости. Как бы то ни было, столько вы мудры, что разумеете, как только *малым чим умален человек от Ангел* и как он уготовляется к *увенчанию славою и честию*, дивною для самих ангелов; или вы столько горды, что неблагородную сторону вашей общей породы, ваше низкое сродство с перстием и брением хотите как-нибудь скрыть от себя вышними взглядами на свою природу и видами ее высокого назначения: будьте тем или другим, только будьте согласны сами с собою; зная себя по природе и по назначению паче прочих тварей близкими к Богу или хотя мечтая быть таковыми, не противоречьте, не противоборствуйте сей близости вашими душевными расположениями, склонностями, желаниями, делами; боги, — если вам угодно, ибо истина Божия не опасается вам дать сие имя не в пищу гордости, но для уврачевания от порока: *аз рех, бози есте; оных рече богов, к ним же слово Божие бысть* (Ин. 10:34—35), — итак, боги, говорю вам, не ставьте сами себя ниже презренных идолов, не превращайтесь в идолослужителей Мамоны, Астарты, Ваала, то есть корыстолюбия, роскоши, властолюбия; не *служите твари паче Творца, Иже есть благословен во веки*; не удаляйтесь от небесного, преследуя земное; не теряйте из вида Бога и Его воли, когда ищите себя и своего удовольствия или выгоды; не забывайте бесконечного, думая о ничтожном.

Полагаю, что меня предупреждают многие в сих размышлениях, говоря в мыслях своих: мы бесспорно признаем ни с чем несравненную важность обязанности служить Богу как по превосходству существа Его, так и по нашей от Него во всем зависимости, по долгу благодарности к непрерывным и бесчисленным Его благодеяниям, наконец, по чаянию блаженного воздаяния, обещанного благочестиво служащим Ему. Очень хорошо, истина довольна сим признанием ее в мысли или в слове, только ей нужно еще другое удовлетворение: сия истина требует сердца, требует дела. *Покажи ми веру твою от дел твоих* (Иак. 2:18).

Да, говорят, это правда, что мы не можем показать многих дел нашего служения Богу: но и нужны ли они Богу? Напротив того, у нас всегда много нужд; и потому можно ли строго судить нас за то, что мы много служили себе и много занимаемся тварями? Вероятно, многим из нас не далеко идти надобно, чтобы подслушать такое оправдание недостаточного служения Богу. Послушайте же. Если бы какой слуга царев стал рассуждать так: «Царь многочисленных подданных не много имеет нужды в моей службе, а у меня есть свои дела; буду пользоваться царским жалованьем, если можно, и царским благоволением и почестями, но не буду много заботиться о царской службе» — что подумали бы вы о таком человеке? Не почли ли бы его неблагородно мыслящим, неблагодарным, неверным своему царю? Не сии ли самые упреки, несравненно с большею строгостию, заслуживает тот, кто, пользуясь непрерывными и бесчисленными благодеяниями Божиими, не печется о делах служения Богу, превращая для себя истину в средство обмана — высокую мысль о вседозволии Божиим в предлог низкой лени? Бог вседозвольный подлинно не имеет нужды в служении вашем, но разве и вы не имеете нужды в служении Ему? Как же сделаетесь вы способными к участию в Царствии Божиим? Как приготовитесь к жизни небесной? Неужели сие делается посредством дел плотских, занятий мирских или посредством совершенного безделья?

Христиане! Чада Евангелия! Вспомните, чем началось Евангелие — вестию: *приближися Царство Небесное* (Мф. 4:17). Вспомните заповедь Евангелия: *ищите прежде всего Царствия Божия* (Мф. 6:33)¹. Вспомните молитву евангельскую к Отцу Небесному: *да приидет Царствие Твое* (Мф. 6:10). Что сие значит? Бог не царствовал ли от века? Не царствует ли отныне и до века? Не на всяком ли месте владычество Его? Так сей Царь вечен и вседержавен, но предназначенные к Его царствию временны и не всегда готовы к причастию Его Царствия. Далеко было Царство Небесное, когда человеки почти не знали истинного Бога и служили внешне идолам, а внутренно своим страстям и похотям; при-

близилось Царство Небесное, когда открылось познание и благодать Бога Отца в Единородном Сыне Его и во Святом Духе Его; ищется и призывается Царствие Божие, потому что хотя Бог и царствует, но человеки еще учатся служить Ему и еще готовятся к блаженному причастию Царствия Его; приидет Царствие Божие, когда избранные для сего человеки преуспеют в служении Богу и совершатся в приближении к Нему так, что во всех беспрепятственно владычествовать будет *правда и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14:17), а неправда, брань, всякая тягость земная, всякая скорбь адская потеряют против них всю свою силу, *да будет, наконец, Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15:28). Видите, что в Евангелии, в истинном христианстве, в Православной церкви все дело идет о Царствии Божием, следственно, о подвиге и совершенстве служения Богу, потому что не Царствия недостает со стороны Бога, но со стороны человека совершенного Богу покорения и служения, посредством которого Бог дает благодать и славу Царствия Своего человекам. Итак, христиане, чада Евангелия и Церкви, искатели и наследники Царствия Божия, берегитесь, чтобы вам в искании ваших собственных земных удовольствий и выгод как будто вашего собственного царствия не поступить против святого звания, которое носите, и против прав и путей Царствия Божия, которого ищите и которое призываете в молитве. Если вы желаете и просите от Бога безопасности для праздной беспечности, изобилия для роскоши, силы для несправедливого преобладания, чести для презрения к другим, свободы для своеволия, а не для того, чтобы употребить оные как средства и способы для благотворения человечеству, для служения Богу и Его Царствию, то вы требуете, чтобы Бог благотворил вам против пользы Его собственного Царствия. Удивительно ли, если такие желания и прошения не исполняются? — *Просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. 4:3).

Братия! В наши дни есть особенная надобность указывать не столь очевидную обязанность служения Богу и Его

Царствию. *Се тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. 60:2). Народы христианские, или, чтобы говорить определеннее, люди, которым попущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, правителями их деятельности, большею частию не то, что не знают, но, что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земные ищут, не призывают Царствия Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей. Делают для себя новые постановления, не основанные на постановлениях Божественных, с такою прочностью, какая свойственна зданиям без основания: построения их рушатся в их глазах; однако они не примечают, в чем недостаток, и воздвигают другие, не более надежные. Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, поработенных своим подданным; напротив того, приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам или ногам предоставляют должность головы, и сия должность у них исполняется так правильно, как правильно сие распоряжение; народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимого самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетным*; потому что в своих неблагословенных соборищах *собираются на Господа и на Христа Его*. Но за то и Господь уже *мятет их яростию Своею; яко сосуды скудельничи, сокрушает их* (Пс. 2:5,9), и не престанет сокрушать, дондеже *взыщут оставишиися человецы* (Амос. 9:12) Его и Его Царствия.

Братия! Поспешим вполне воздать неотъемлемую славу Царю Небесному на земле, еще взирающей к вечному Востоку, еще не обьятой мраком Запада, еще не примесившейся к смешению Вавилонскому. Взыщем Бога всем сердцем и

усердным исполнением святых Его заповедей; подвигнемся утверждать и поддерживать наше благоденствие на основании Царствия Божия; и сего ради паки и паки, часто и неотступно, да умоляем Бога, *дата нам без страха*, священною рукою помазанника Его *из руки враг наших избавльшимся, служить Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего*. Аминь.

Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича

Говорено в Московском Успенском соборе
25 июня 1851 года

*Яко свободни, а не яко прикровение имуще
злобы свободу, но яко раби Божии:
всех почитайте, братство возлюбите,
Бога бойтесь, царя чтите.
(1 Пет. 2:16—17)*

Что важнейшие из сих заповедей, преданных апостолом, знакомы нам и не остаются у нас без действия — о том свидетельствовать может нынешний день.

Заповедь *царя чтите* — является в действии, когда благословенный день рождения благословенно царствующего царя вы вспоминаете радостно и торжественно.

Заповедь *Бога бойтесь* — является в действии, когда вы вашу радость о царе, ваши о нем желания и надежды приносите пред Бога, чтобы Он благословил вашу радость, призрел на ваши желания, совершил ваши надежды.

И да будет неразрывен союз сих двух заповедей, прекрасный и благотворный! Народ, благоугождающий Богу, достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, благоугождает чрез сие Богу, потому что царь есть устройство Божие.

Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного, то так же, бесспорно, лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *Вижь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе* (Исх. 25:40), то есть на высоте Боговидения.

Согласно с сим Бог, по образу Своего Небесного единоначалия, устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного.

О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них богоподобную правду и благодать, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устройство царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа — благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям, взаимным согласием и единодушием — и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, — превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного.

Россия! Ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. *Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего* (Апок. 3:11). Сохраняй и продолжай украшать твой светлый венец, непрерывно подвизаясь совершеннее исполнять венцедательные заповеди: *Бога бойтесь, царя чтите*.

Простираясь от известного к тому, что, может быть, менее усмотрено и понято в слове апостольском, обращаю ваше внимание на то, что апостол, уча страху Божию, почтению к царю, повиновению начальствам, с тем вместе учит свободе. *Повинитесь*, — говорит, — *всякому человеку начальству Го-*

спода ради; аще царю, яко преобладающу, аще ли же князем, яко от него посланным, — яко свободни. Повинуйтесь, как свободные. Повинуйтесь и пребывайте свободны.

Кто усомнился бы, довольно ли совместимы сии части учения, того спросил бы я: если есть обязанные долгом повиновения тебе — например, подчиненные по званию и должности, слуги, работники, — не примечаешь ли, что из них одни повинуются только по необходимости, неохотно, принужденно, другие — добровольно, охотно, усердно, следовательно — свободно? И не разумеешь ли, что повинующийся только по необходимости будет уступать сей необходимости не более, поскольку не может преодолеть ее, будет работать для тебя как можно менее, с малой заботой об успехе дела и о твоей пользе, и даже готов совсем пренебречь дело, как скоро не будет понуждать надзор или угрожать наказанием и лишением платы. Напротив того, повинующийся по свободному расположению будет трудиться для тебя полной силой, верно и без надзора, тщательно и вне страха наказания. Итак, не очевидно ли, что повиновение может быть соединено со свободой и что такое повиновение лучше повиновения не-свободного?

Но есть трудность в том, каким способом согласить и соединить повиновение и свободу, когда их направления представляются противоположными — свобода хочет расширять человеческую деятельность, а повиновение ограничивает ее. В сем случае дело зависит наиболее от того, как понимают свободу. Ибо едва ли есть в языках человеческих слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманию и злоупотреблениям, как слово «свобода».

Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная.

Знаете ли, кто первый на земле прельщен был сей мечтою? Первый человек, Адам. Получив при сотворении высокие способности и могущественные силы, быв поставлен вла-

дыкой рая и земли, он пользовался обширнейшей свободой, какую может иметь сотворенное существо. Но и сей свободе поставлен был предел — древо познания добра и зла. Адаму не предоставлено было свободы вкусить от плода его. Злоупотребитель свободы, старейший человека, чрез злоупотребление свободы сделавшийся духом тьмы и злобы, темными внушениями научил тому же злоупотреблению человека. Человек захотел иметь свободу совершенно неограниченную, как Бог, и дерзнул переступить за предел, положенный заповедью Божией. И что же последовало? Он не только не приобрел большей свободы, но утратил большую часть и той, которую имел. И если бы и не осудил его Бог, то естественная необходимость поврежденной грехопадением его природы так же осудила бы его на рабский труд: *В поте лица твоего снеси хлеб твой.*

Удивительно покушение праотца незаконно расширить область свободы и без того почти всемирную. Впрочем, оно может быть объяснено недостатком знания опытного, хитростью искусителя и самой обширностью действительного владычества, при которой легко было не остановиться перед пределом, по-видимому ничтожным. Что касается до его потомков, обнаруживающих подобное стремление, не знаю, более ли надобно дивиться тому, что они не уважают и как бы не видят пределов, указуемых человеческой свободе и законом Божиим, и самим составом общества человеческого, и необходимостью природы; или более оплакивать сию прирожденную заразу, которую они наследовали от зараженного злоупотреблением свободы праотца и которую, по омрачению ума, подобным образом наследственному, не довольно умеют усмотреть и еще менее у врачевать, хотя это и просто при свете истинном.

Разумейте же, — скажу с пророком, — разумейте безумии в людех, и буши некогда умудритесь (Пс. 93:8). Поймите, мечтатели безграничной свободы, гибельное безумие ваших мечтаний, поймите, наконец, хотя после жестоких опытов, когда сокрушившая свои пределы свобода не раз обаграла лицо

земли невинной кровью и, проливая потоки крови человеческой, утопляла в них и сама себя!

Но как же правильнее понять и определить свободу? Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее и что она по естеству есть достояние каждого человека. Чего бы, кажется, и желать более? Но сие учение имеет свой свет на высоте умозрения природы человеческой, как она должна быть, а нисходя к опыту и деятельности, какова она есть, оно встречает темноту и преткновения.

В неисчислимости рода человеческого многие ли имеют так открытый и образованный разум, чтобы верно усматривать и отличать лучшее? И те, которые видят лучшее, всегда ли имеют довольно силы — решительно избрать оное и привести в действие? От лучших из людей не слышим ли жалобы: *Еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю?* (Рим. 7:18). Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстью, одержимы злой привычкой? Свободен ли корыстолюбец? Не закован ли в золотые цепи? Свободен ли плотоугодник? Не связан ли, если не жестокими узами, то мягкими сетями? Свободен ли гордый и честолюбивый? Не прикован ли, не за руки, не за ноги, но головой и сердцем, не прикован ли к своему собственному истукану?

Таким образом, опыт и сознание, по крайней мере, некоторых людей, в некоторых случаях, не говорят ли того, что вообще говорит Божественная Истина? *Всяк творяй грех, раб есть греха?* (Ин. 8:34).

Наблюдение над людьми и над обществами человеческими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство — в рабство грехам, страстям, порокам, — чаще других являются ревнителями внешней свободы — сколь возможно расширенной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? Нет причины так думать.

С большей вероятностью опасаться должно противного. В ком чувственность, страсть, порок уже получили преобладание, тот, по отдалении преград, противопоставляемых порочным действиям законом и властью, конечно, неудержимее прежнего предастся удовлетворению страстей и похотей и внешней свободой воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастная свобода, которую, как изъяснился апостол, *имеют, яко прикровение злобы!* Благословим закон и власть, которые, поставляя, указуя и защищая по необходимости поставленные пределы свободным действиям, сколько могут, препятствуют злоупотреблению свободы естественной и распространению нравственного рабства, то есть рабства греху, страстям, порокам.

Я сказал, сколько могут, потому что совершенного преращения злоупотреблений свободы и погруженных в рабство греха возведения в истинную и совершенную свободу не только нельзя ожидать от закона и власти земных, но для сего не довлеет и закон Небесного Законодателя. Закон предостерегает от греха, согрешившего обличает и осуждает, но не сообщает рабу греха силы расторгнуть узы сего рабства и не преподает средства загладить содеянные беззакония, которые, как огненная печать греховного рабства, лежат на совести. И в сем-то состоит *немоущее закона* (Рим. 8:3), о котором, не обинуясь, свидетельствует апостол.

Здесь вновь предстает вопрос, что же есть истинная свобода и кто может ее дать и — особенно — возратить утратившему ее грехом? Истинная свобода есть деятельная способность человека, не поработенного греху, не тяготимого осуждающей совестью, избирать лучшее при свете истины Божией и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией.

Возратить сию свободу рабу греха может только Тот, Кто даровал ее при сотворении безгрешному человеку. Сие объявил сам Творец свободы: *Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете* (Ин. 8:36). *Аще вы пребудете во словеси Моим, воистину ученицы Мои будете, и уразумееете истину,*

и истина свободит вы (Ин. 31:32). Иисус Христос, Сын Божий, в воспринятом естестве нашем пострадав и умерши за нас, Своей *кровию очистил совесть нашу от мертвых дел* (Евр. 9:14), и, расторгши узы смерти Своим воскресением, расторг и связующие нас узы греха и смерти, и, по вознесении Своем на небо, ниспослав Духа истины, даровал нам чрез веру свет Своей истины — усматривать лучшее и Свою благодатную силу — творить оное.

Вот свобода, которой не стесняет ни небо, ни земля, ни ад, которая имеет пределом волю Божию, и это не в ущерб себе, потому что и стремится к исполнению воли Божией, которая не имеет нужды колебать законные постановления человеческие, потому что умеет в них усматривать ту истину, что *Господне есть царствие, и Той обладает языки* (Пс. 21:20), которая непринужденно чтит законную человеческую власть и ее повеления, не противные Богу, поскольку светло видит ту истину, что *несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13:1). Итак, вот свобода, которая совершенно согласна с повиновением закону и законной власти, потому что она сама того хочет, чего требует повиновение.

Много имел бы я сказать о христианской внутренней, а не внешней, нравственной и духовной, а не плотской, всегда благоделающей и никогда не мятежной свободе, которая может жить в хижине так же удобно, как в доме вельможеском или царском, которой подвластный, не переставая быть подвластным, может пользоваться столько же, как властелин, которая и в узах, и в темнице ненарушима, как то можно видеть в христианских мучениках. Но уже время положить конец слову.

Возлюби свободу христианскую — свободу от греха, от страсти, от порока, свободу охотно повиноваться закону и власти и делать добро Господа ради, по вере и любви к Нему. И никто да не будет прельщен людьми, от каких остерегает нас апостольское слово, — *которые свободу обещавают, сами раби суще тления* (2 Пет. 2:19). Аминь.

**Слово в день тезоименитства благочестивейшей
Государыни Императрицы Марии Александровны**

Говорено в Чудове монастыре 22 июля 1856 года

*Молю убо прежде всех творити молитвы, моления,
прошения, благодарения за вся человеки, за царя
и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное
житие проживем во всяком благочестии и чистоте.
(1 Тим. 2:1—2)*

Если обратим внимание на то, в какое время написал святой апостол Павел сие наставление епископу Тимофею, то можем усмотреть всеобъемлющее пространство любви христианской, открыть глубокую Богодухновенную прозорливость апостола и глубоко почувствовать силу нашей обязанности молиться за царя.

Святой Павел написал наставление о молитве за царя и за сущих во власти тогда, как во всем мире не было ни одного царя христианского, когда цари и власти были иудейские, не верующие во Христа, и языческие, погруженные в заблуждения и пороки идолопоклонства, которые, приходя в соприкосновение с христианством, большей частью являлись врагами его и гонителями, с намерением совершенно истребить оное. Разум естественный, конечно, сказал бы: это несообразность — молиться за людей, которые хотят вас истребить. Но любовь христианская говорит: молитесь и за сих; желайте и просите им всякого блага, может быть, в благодеяниях познают они Благодетеля Бога, познав, уверуют в Него; уверовав, умиротворятся в отношении к другим верующим в Него; если же и не так, по заповеди возлюбленного Спасителя, *молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы* (Мф. 5:44). Так, действительно, первомученик Стефан за членов синаедриона, определивших побить его камнями, умирая, молился: *Господи, не постави им греха сего* (Деян. 7:60).

При воззрении на чуждые христианства и даже враждебные ему расположения современных апостолу земных властей его наставление представляет вид необычайности еще в том, что он заповедует *творить* за них не только *молитвы*, но и *благодарения*. Неужели враги и враждебные действия, гонители и гонения могут быть предметом благодарности? Сие недоумение будет устранено, если примем в рассуждение, что святой Павел есть не просто наставник, но наставник Богодухновенный. Христос Спаситель и всем христианам, для важных случаев, когда им нужно с особенной верностью и твердостью изречь или засвидетельствовать истину Христову, дал сие обетование: *Не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголай в вас* (Мф. 10:20). Без сомнения, в преимущественной силе и полноте дан сей дар апостолу, провозвестнику Христова учения для Вселенской церкви. Итак, святой Павел хочет написать наставление церкви Ефесской. Дух Святой в то же время благоизволяет написать чрез него наставление церкви Вселенской. Павел смотрит на церковь Ефесскую как она есть. Дух Божий в нем в то же время смотрит на церковь Вселенскую, как она есть и будет. Павел видит современный мрак царств языческих, Дух Божий в нем провидит и более или менее показывает ему будущий свет царств христианских. Взор Богодухновенного, проникающий будущие века, встречает Константина, умиротворяющего Церковь и освящающего верою царство, Феодосия, Юстиниана, защищающих Церковь от наглости ересей, — конечно, видит далее и Владимира, и Александра Невского, и многих распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия. После сего не удивительно, что святой Павел пишет: *молю творити* не только *молитвы*, но и *благодарения за царя и за всех, иже во власти суть*, потому что будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться со скорбью или с утешением, но и такие, за которых, как за драгоценный дар Божий, должно благодарить Бога с радостью.

Глубокое смирение и вместе сильное желание святого Павла сделать действительным преподаваемое наставление

открывается в том, что он не излагает истину равнодушно и не повелевает властью апостольской, но просит и умоляет, чтобы приносимы были молитвы за царя. *Молю, — говорит, — творити молитвы за царя.* И можем ли мы не чувствовать глубоко и сильно сей обязанности, столь убедительно нам внушаемой? Как ни отдалены мы от святого Павла временем, но мне кажется, что звук его апостольского вещания громче и сладостнее отдается в наших сердцах, нежели в близких к нему христианах Ефесской и других Церквей. Со страхом, сквозь слезы должны были они молиться за царей, чуждых христианства и угрожающих ему. Нашим отцам и нам предлежало и предлежит молиться за царей благочестивейших, распространителей веры, защитников Церкви, охранителей Православия — молиться с миром, с радостью, с благодарностью. Подкрепляя свое учение о молитве за царя, святой апостол указывает на ожидаемый от нее плод: *да тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте.* Итак, он полагает, что от царя, по молитве Церкви, и царства, Богом просвещаемого и укрепляемого, весьма много зависит *тихое и безмолвное житие*, то есть жизнь спокойная и безопасная, и не только *тихое и безмолвное житие*, но и житие *во всяком благочестии и чистоте.*

Чтобы уяснить сию истину, не впадимся в область умозрения и состязаний, в которой некоторые люди, не знаю, более ли других обладающие мудростью, но, конечно, более других доверяющие своей мудрости, работают над изобретением и постановлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого, по местам, по временам, видит их преобразовательные усилия в самом действии, но еще нигде, никогда не создали они *тихаго и безмолвнаго жития*. Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего твердого. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства и так же внезапно рушатся. Они тяготеют отеческой и разумной властью царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и бесконечные распри ис-

кателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а на самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение.

Надежнее самодельных умствований можно учиться царственной истине из истории народов и царств, и особенно из истории, преимущественно достоверной, как писанной не страстями человеческими, а пророками Божиими, — из истории древле избранного народа Божия. Она показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ обыкновенно делают не люди, а человек, не многие, а один.

Какое правительство дало народу еврейскому государственное образование и законы? Один человек, Моисей, который не был князем или царем, потому что царем народа Божия был Сам Бог.

Какое правительство распорядилось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейского? Один Иисус Навин.

В следовавшие потом времена судей неоднократно один судия спасал от врагов и зол целый народ. Но как такие явления были нечасты, то, по пресечении единоначалия, народ приходил в расстройство. Благочестие оскудевало, распространялись идолопоклонство и повреждение нравов, затем следовали бедствия и порабощение иноплеменниками. Священный дееписатель, написав, как в доме Михи из украденного сыном у матери серебра слит идол и потом воинами колена данова похищен, и домашнее идолопоклонство превращено во всенародное, как от необычайного разврата жителей Гаваона произошла междоусобная война, от которой едва не в конец истреблено колено вениаминово, и, предвидя вопрос, как могли произойти такие нелепости в народе Божием, дает на сие следующую ответ: *в тья дни не бяше царя во Израили; муж еже угодно пред очима его, творяше* (Суд. 21:25).

Вновь явился один, полномочный силой молитвы и дара пророческого, Самуил, и народ еврейский огражден от врагов, беспорядки прекращены, благочестие восторжествовало над идолопоклонством.

После того как Бог для непрерывного единоначалия в народе своем благословил быть царю, цари Давид, Иосафат, Езекия, Иосия представляют собой образцы того, как сильно может и должен царь споспешествовать своему народу к проведению *тихаго и безмолвнаго жития во всяком благочестии и чистоте*.

Скажут ли, что были не такие цари и не такие последствия их владычества? Это правда, но это было, особенно в царстве израильском, потому, что и цари, и народы не молились истинному Богу, а идолам, и от худой молитвы не было доброго плода.

Из истории царств христианских ограничусь одним примером для показания, как действительно может благочестивый царь споспешествовать распространению и утверждению истинного благочестия в своем народе. Было время, когда в Константинополе арианство усилилось так, что святой Григорий Богослов, призванный православными для поддержания Православия, не нашел церкви для своего священнослужения и проповедания и принужден был устроить для сего церковь в доме. Но, по молитвам Православной церкви, по устроению Провидения Божия, явился благочестивый император Феодосий и решился оказать Православию защиту и покровительство. Святой Григорий сам повествует о себе, что «шел среди войска и императора», чтобы вступить в соборный храм столицы, так нужна была предосторожность против многочисленных беспокойных ариан. С сего времени проповедь Православия свободнее стала оглашать константинопольский народ. Вскоре при покровительстве благочестивого императора составилась православный собор, и столица империи, которую покушались сделать столицей ереси, вновь явилась столицей Православия.

Довольно. Извлеченные теперь из апостольского слова мысли о молитве и благодарении Богу за благочестивого царя, как за вожденный дар Божий народу и Церкви, найдут себе дополнение в ваших, братия, собственных мыслях и чувствах, в том, что вы видите и что делаете.

Не видим ли отеческого попечения благочестивейшего государя нашего о доставлении нам *тихаго и безмолвнаго жи-*

тия в том, что он воздвигнутую против нас жестокую войну, поскольку возможно было, ускорил прекратить и даровать нам мир, удовлетворясь от враждовавших благоприятными обещаниями и не ища отмщения за нанесенную брань!

Не видим ли высокого примера благочестия его в том, что он своей царской власти, уже освященной законом престолонаследия, желает еще доставить высшее освящение чрез восприятие царского венца с соборной молитвой церкви и с благословением Божиим и чрез священное помазание?

Умножим, верные чада России, умножим сердечные моления наши о благочестивейшем Государе нашем Императоре Александре Николаевиче, да Царь царствующих Сам невидимо «положит на главе его венец от камене честна, и венчает его милостию и щедротами; да помажет его елеем святым», елеем благодати, духом премудрости и силы, да «благословит его благословением благодостынным», и с ним да благословит и соучастницу славы его, ныне тезоименитую благочестивейшую Государыню Императрицу Марию Александровну, к полной радости нашей, к совершенному благоденствию Отечества. Аминь.

**Слово в день тезоименитства благоверного
Государя наследника Цесаревича
Великого князя Александра Николаевича¹**

Говорено в Московском Успенском соборе

30 августа 1830 года

*Повинитесь убо всякому человеку начальству
Господа ради: аще царю,
яко преобладающе: аще ли же князем,
яко от него посланным,
в отмщение убо злодеем, в похвалу же благотворцем.
(1 Пет. 2:13—14)*

Так святой апостол Петр христиан своего времени учит исполнению гражданских обязанностей.

Тогда была особенная нужда внушать христианам повиновение начальству: во-первых, потому, что с распространением учения о спасении чрез веру во Христа и о ничтожности закона обрядов недоразумениями потрясено уважение к закону Моисееву вообще, а от того еще менее важными казаться стали обыкновенные законы человеческие; во-вторых, потому, что все человеческие начальства того времени были не христианские, и большею частию враждебные христианству.

Ныне, когда и царь, и подданный одного и того же Царя царствующих признают над собою; когда христианская вера возвышает и освящает сан царя нашего, а он взаимно возвышает и воцаряет с собою веру, защищает от неверных, покровительствует, покоит, ревнует о распространении ее чистых истин, ее совершенных добродетелей законом, властью, примером с тою, впрочем, великодушною терпимостию к неведущим и заблуждающим, которую сама кроткая вера внушает; — здесь, где вижу избранный собор сынов царствия, пришедших вознести благодарение Богу за царя своего и за надежду иметь его для потомства, как за бесценный дар небесный, и молить о сохранении сего дара; — ныне и здесь провозглашать столь же знакомую для сердца, как и для ума, заповедь о повиновении царю и всякому начальству нужно ли, не излишне ли, не оскорбительно ли даже? Нет, учит меня в сем оправдаться другой апостол — *мне убо не ленижно, вам же твердо* (Флп. 3:1).

Что повиновение во всяком обществе необходимо, что без него не может быть ни порядка, ни безопасности, ниже существовать общество само собою не может, сие очевидно. Люди, которых непокоривость довела до такого безумия, что они не примечают сей очевидности, бегут из общества и в дебрях и лесах составляют сборище татей и разбойников. Что ж? Дойдя до крайности беззакония, ушли ли они от закона повиновения? Совсем нет. Чтобы действовать с успехом, они принуждены повиноваться только не начальнику, а злодею, не закону, а неистовой воле. Так самые враги повиновения свидетельствуют о необходимости повиновения.

Но если даже в сборище татей и разбойников есть повиновение, то нельзя в сем случае не приметить, что есть род повиновения, который не составляет большой добродетели. Посему в учении о повиновении особенно важно то, чтобы определить род повиновения, который составляет истинную и совершенную добродетель. Для сего апостол, уча повиновению, обратил внимание на вопрос, чего ради повиноваться должно.

Между прочим замечает он, что начальники посылаются от царя, в *отмщение убо злодеям, в похвалу же благотворцем*. Итак, может человек повиноваться или ради собственной пользы, потому что начальники, посланные в отмщение злодеям, охраняют его безопасность от всякого злодея — или ради страха, потому что мстящие злодеям начальники обратили бы мщение и на неповинующегося, как на делающего зло целому обществу, повиновением утверждаемому, неповиновением разрушаемому — или ради похвалы и славы, потому что князи, посланные в похвалу благотворцем, в числе прочих добродетелей и точность повиновения отличают и награждают.

Открыли мы три рода повиновения: корыстное — для собственной пользы, рабское — из страха, честолюбивое — для достижения преимуществ. Что же должно сказать о их достоинстве? Бесспорно, все они лучше неповиновения; все могут в разных случаях с успехом быть употреблены против искушений неповиновения; но есть ли тут добродетель чистая и твердая?

В ком только страх господствует и гонит мысль и волю от дела злого к доброму, тот добр только впереди страха и уже зол позади страха. Кто уклоняется от зла и делает добро только для собственной пользы, происходящей от такого поведения, тот, по обдуманному ли расчету или сам того не примечая, поставил уже свою корысть выше добродетели. Честолюбие, как ни стараются ему дать благородный и возвышенный вид, есть также своекорыстие, только утонченное, которое не кладет тяжелой корысти в темную кладовую, но ловит легкую и блестящую корысть, которою можно было бы

украсить свое имя или воскресные одежды и которая бы носилась по воздуху в молве народной. Посему можно судить, есть ли чистая добродетель повиновение корыстное, рабское и честолюбивое.

Добродетель недовольно чистая не может быть довольно постоянною, подобно как нечистое золото изменяет свой вид и обнаруживает примесь. Как естественно то, чтобы всякое действие равно было своей причине и дальше ее не простиралось, так надлежит ожидать, что повиновение, основанное только на страхе, на корысти, на удовлетворении честолюбия, поколеблется, когда честолюбию нет удовлетворения или по невнимательности награждающего, или по алчности самого честолюбия, когда повиновение, требуемое общею пользою, противно частным выгодам; когда устрашающая законным отпущением или наказанием власть или не довольно сильна, или не довольно проницательна и деятельна.

Прежде нежели скажем, по наставлению апостола, о лучшем и совершеннейшем роде повиновения, да будет позволено мне мимоходом упомянуть, как учат общественному повиновению мудрецы века сего, не захотевшие учиться у рыбарей. Должно, говорят, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность. Вот прекрасное основание для того, чтобы на нем построить государство в высокоумной книге или в мечтательной голове, а отнюдь не в природе вещей. Если думают, что нельзя иначе основать общество, как на общественном договоре, то не на нем ли основаны и общества пчел и муравьев? И не надобно ли подлинно выламывающим соты и разрывающим муравейники поручить отыскивать в них поставленную хартию пчел и муравьев? И доколе сего не сделано, ничто не препятствует нам думать, что пчелы и муравьи составляют общества не по договору, а по природе, по впечатленной в существе их идее общения, которую Творец мира и в сем низком круге созданий Своих овеществовать благоизволил. Если же нашелся в природе пример составления

общества по самой природе или по назначению от Творца природы, то нужно ли вымышлять иной способ составления общества человеческого? И к чему годится вымысел общественного договора? Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейственное. Итак, младенец повинуется матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собою, чтобы она кормила его грудью, а он как можно менее кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании? Сколь удобно в сем случае приложение общественного договора: почти столько же оно удобно и во всех других случаях для всякого человека, от младенца до старца, от первого до последнего. Всякий договор человеческий может иметь силу только тогда, когда вступают в него с сознанием и по доброй воле. Много ли же в обществе людей, которые слышали о договоре общественном, а из немногих, которые наслышались о нем, многие ли о нем имеют ясное понятие? Спросите, не говорю простого гражданина, спросите мудреца договоров: когда и как вступил он в общественный договор? Во время совершеннолетия? Но кто определил сие время? И был ли вне общества до совершеннолетия?..

Посредством рождения? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякого россиянина с тем, что он умел, не знаю, с родителями ли своими или с самою Россиею, договориться, чтобы ему родиться в могущественной России, под правительством коликó сильным и полномочным, толикó же кротким и благоприятным законной свободе. Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о сем договоре в свое время и потому ссылаться теперь на него не значит ли подделывать оный? И, следственно, не вернее ли, так как и проще и в повиновении, и в прочих отношениях к обществу разбираться по праву и обязанностям рождения действительного вместо вымышленного договора — сего сновидения общественной жизни, которое, будучи рассказа-

но не в добрый час, — произвело и производит вещественные бедствия человеческих обществ. *Поведаша мне законопреступницы глумленья, но не яко закон Твой Господи* (Пс. 118:85). Возвращаюсь к учению рабов Твоих, которые одни умеют учить и для младенца просто, и для мудреца глубоко, и для будущей жизни спасительно, и для настоящей благотворно во всех отношениях.

Истинный и совершенный, собственно христианский образ повиновения начальству открывает апостол, когда говорит: *повинитесь, Господа ради*. Вы знаете, что Господь сотворил вас; что непрестанно провидением Своим Он хранит вас и печется о вас; что, наконец, Он устрояет вам вечное спасение. Вы познали Его; уверовали в Него; вы чувствуете или самую любовь к Нему, или, по крайней мере, совершенную обязанность любить Его, *яко Той первее возлюбил есть нас* (1 Ин. 4:19), и неограниченно повиноваться воле Его. Но как Он властвует всем и как Он вам творит добро чрез общество человеческое, то взаимно и чрез вас хочет творить добро человеческому обществу, между прочим, чрез самое простое средство — чрез повиновение. Итак, по вере в Него, по любви к Нему, из повиновения Ему — словом, *Господа ради повинитесь всякому человеку начальству*.

Подвергайте сей род повиновения каким угодно испытаниям — в чистоте, в твердости, в совершенстве; он способен все выдержать. Пусть не будет страха, пусть никогда человеческое прощение не угрожает за нарушение повиновения, христианин будет повиноваться, потому что Господь оком любви взирает на его повиновение и оком гнева воззрел бы на неповиновение. Пусть не будет ни выгоды, ни похвалы верному в повиновении, христианин останется таковым, потому что похвала от Бога в *совести*, награждает его совершенно достаточно; потому что и внешние выгоды его находятся в попечении у Господа и верно сохранены будут столько, сколько сие сообразно с его благом внутренним. Если бы даже противустали верному в повиновении неверность, прельщение, прещение за самую верность, нет нужды, говорит наставник

совершенного повиновения, предвидевшей и сию крайность искушения: *повинитесь законному начальству Господа ради*, даже и тогда, когда бы порок и бедствие сугубыми силами возстали противу добродетели повиновения. *Яко тако есть воля Божия, благотворящим обуздovati безумных человек невежество* (1 Пет. 2:15).

Россияне! Мысль о возлюбленном государе делает вам легким и сладким долг повиновения. Христиане! Мысль о Боге и Христе да соделоват вам вожденным и нетрудным совершенство повиновения. *Повинитесь, Господа ради*. Аминь.

**Слово в день тезоименитства благочестивейшего
Государя Императора Александра Павловича**

Говорено в Московском Успенском соборе

30 августа 1824 года

*Возсияет во днех его правда и множество мира,
дондеже отъимется луна.
(Пс. 71:7)*

Надпись псалма, из которого взяты слова сии, сказывает, что их можно разуметь о *Соломоне* и о его благословенном от Бога царствовании. Можно, говорю, так разуметь оные, ибо не должно сим ограничивать всего их знаменования. Правда Соломонова не могла сиять так долго, *дондеже отъимется луна*: Соломон угас, а правда его затмилась еще прежде, нежели угасла жизнь его. Царь, Которого правда и мир сияют и будут сиять, *дондеже отъимется луна*, и после отъятия луны, солнца и звезд еще сиять будут, есть Господь наш Иисус Христос. В Соломоне представлен только предварительный образ Его, только заря Его дней, не знающих вечера.

Счастлив Давид, который едва произнес о сыне своем сию молитву: *Боже суд твой царице даждь, и правду твою сыну цареву* (Пс. 71:1), — тотчас мог присоединить и сие предсказание о нем: *Возсияет во днех его правда и множество мира*.

Счастлив Соломон, которого царство представляло в себе некоторый образ Божественного царства Христова.

Не сему ли подобным счастьем счастливы мы, россияне, когда, предстоя в молитве о царе нашем, в то же время можем соединить с нею не предчувствование, ожидание, надежду Богом благословенного и христоподобного царствования, *сияющего правдою и множеством мира*, но чувствование наслаждения сим благом, радость и благодарность за оное к Богу, дающему *суд Свой цареви и правду Свою сыну цареву!*

Победил царь наш врагов своего царства и вместе врагов правды и мира. Победил не столько силою, которая была у врагов наших несравненно более нашей, сколько правдою, которая на страну правого дела нашего привлекла всемогущую правду Божию и потом вложила в самых врагов наших доверенность к нам и миролюбивые расположения. Победив врагов на брани, он победил еще самую брань, ибо множество мира, наполняющее душу его, воссияв от нее, образовало светлый, то есть искренний, на правоте и любви основанный, не омрачаемый своекорыстием, не затмеваемый притворством союз, который со дня на день заграждает разные устья бездны, из которой брань выходила на землю христианскую. Если он окружает себя воинами, то для того, чтобы они были стражами его правды, телохранителями его мира.

Будем, россияне, достойны счастья или, точнее сказать, благословения Божия, которое имеем в благочестивейшем самодержце нашем. Достойны же сего будем, если каждый по своей возможности будет соблюдать правду, которая сияет от престола царя нашего и распространяет мир.

Обыкновенная о правде мысль в обществе та, что правду соблюдать должны правящие, а подчиненные и все общество имеют право требовать и ожидать ее от правящих. Мысль справедливая, но в ней только половина той правды, которою благоустраивается общество, и потому от нее не может произойти полного мира; как можно примечать на самом опыте, что люди, требующие от правящих правды, как от подданных дани, без всяких других рассуждений, при малейшем виде

или даже только подозрении неправды, поднимают ропот, начинают судить судей и хотят писать новые законы правителям. Приложим другую половину, чтобы составила́сь целая правда общественная, которая бы могла осиять общество до самых дальних его пределов, до самых нижних его состояний и, как богатую жатву, произвести *множество мира*. Правду соблюдать должны все и каждый по своей возможности, в своем круге; и с большею строгостию должны требовать правды от самих себя, нежели от других.

Есть правда, которая требуется от правящих. О ней написано: *возлюбите правду судящии землю* (Прем. 1:1). Есть правда, которая должна действовать в целом народе, чтобы устроить его благоденствие. О ней говорит опытная мудрость: *правда возвышает язык* (Притч. 14:34).

Если любовь к правде одушевляет судящих земли, она, как солнце, сияет народу, освящает для него пути правды, возбуждает и питает в нем жизнь правды, смягчает в нем жестокое, согревает холодное, разгоняет мрак лукавства и злобы, иссушает нечистоты пороков и разврата. Если народ охотно предается сим впечатлениям правды, подобно как земля приемлет благотворные влияния солнца; если, исполняясь силою правды или чувством ее, которое внушают ему правящие, не принужденно дает ей прозябать в делах своих: сим образом правда начальствующих и подчиненных взаимно поощряет одних другими; правда правящих от часу яснее сияет в очищаемом воздухе общественной жизни; правда подчиненных от часу свободнее и обильнее прозябает под благотворным влиянием начальствующих. Так правда правящих, сочетаясь с правдою подчиненных, рождает *множество мира*, то есть благоустройство и благосостояние обществ во многих отношениях. Так *правда возвышает язык*.

Вообразим, напротив, государство, в котором любви к правде, одушевляющей судящих и правительствующих, не соответствуют господствующие в целом народе расположения. Какие должны быть от сего последствия? Солнце сияет, но птицы ночные не пользуются светом его. Солнце сияет, но грубые

испарения нечистых мест затмевают свет его и благотворную теплоту его превращают в томящий жар. Правда царственная сияет, но недостойные сыны царствия, закосневшие в неправде, не пользуются ею к своему исправлению. Правда царственная сияет, но поврежденный вкус и порочные склонности народа делают его неспособным живо чувствовать нежность попечений правительства и познавать благотворность его намерений, а только и кажется, что повеления его тяжки — разумеется, для своеволия и трудны к исполнению — для лености. Так некогда сияла правда Езекии или Иосии, но поелику народ иудейский, как стада ночных и нечистых птиц, от часу более уклонялся в лучах идолопоклонства, от часу глубже погружался в мерзости пороков языческих, то правда одного царя не могла дать множества мира царству, не могла возвысить целого народа, добровольно низвергавшегося в бездну. После чудесных побед, которые праведный Бог даровал правде Езекии над неправедными и нечестивыми ассирийцами, сей царь не мог упрочить своему народу мира далее предка своего царствования. *Рече Езекия ко Исаии: благо Слово Господне, еже глагола; да будет ныне мир и правда во дни моя* (Ис. 39:8).

Итак, повторяю, будем, россияне, достойны благословения, дарованного нам от Бога в царе, которого престол сияет правдою, дабы грады и веси, дома и хижины его державы наполнить множеством мира, подобно как он наполнил множеством мира царства и народы. Будем с нашей стороны соблюдать правду, каждый в своем круге, каждый по своему званию и состоянию.

«Каким образом?» — скажет кто-нибудь алчущий правды. Покажем сие для примера в некоторых особенных званиях и состояниях.

Начну с себя, дабы кто не ускорил обличать меня чрез апостола в сей по моему званию неправде: *научая инаго, себе ли не учиши* (Рим. 2:21)?

Священницы твои, Господи, облекутся правдою (Пс. 131:9). Так, братия сослужители, правда для нас должна быть облачением или одеждою, которая бы облекала все члены

существа нашего, все орудия нашего действия, дабы ничто в нас не являлось в наготе неправды к соблазну народа. Великое требование правды: от самих правящих в круге гражданском едва ли столько требуется. Или представим, если угодно, закон правды для нашего звания в виде более ограниченном: *служащий алтарю*, говорит слово правды, *с алтарем делятся* (1 Кор. 9:13). Вот наша правда! Вот свое каждому! От нас служение пред алтарем, умилоствующее Бога о наших гресех и о людских неведениях. Нам от алтаря питание, потребное для жизни. Если мы, по выражению пророка, млеко ядим и волною одеваемся, а овец Господних не пасем; если питаемся хлебом алтаря, а приходящих к нему не питаем словом жизни, не напояем духом молитвы; если других учим, а сами поступаем вопреки учению нашему: какая здесь правда? И может ли в сем случае служение наше быть служением мира для народа? В царствах земных были уже опыты, что в таких случаях он начинал пренебрежением служащих алтарю, а оканчивал отпадением веры и разрушением алтаря. Должно нам служить алтарю всеми нашими силами и способностями, всем нашим временем, всею нашею жизнью: такова правда, которою должны быть облечены священники Господни!

Воинствует кто? Правду сего звания Иоанн Креститель изображал в следующих словах: *Никого же обидите, ни оклеветавайте: и довольни будите оброки вашими* (Лк. 3:14). Или иначе сказать: от воина обществу безопасность и охранение, от общества воину честь и довольство. Но если тот, который должен охранять мирного гражданина от обид внешних врагов во время брани, будет во время мира обижать его или вынуждать из него для себя то, на что даются ему оброки от правительства; или если оружие, вверенное воину на защиту Отечества, соделается в его руках орудием частного гнева и мщения в домашних несогласиях, и слепой меч или огнестрельное орудие поставится судиею и решителем распрей: какая и здесь правда! Если так, то на что закон и порядок общественный, на что царственное правосудие? Предоставим

все силе, гневу и мщению каждого; но тогда, говорит апостол, *аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете* (Гал. 5:15).

Гражданин ли кто, живущий торговлею или художеством? Правда его звания есть доставлять произведения или приобретения своей деятельности имеющим в оных нужду за справедливую цену, а от них — то, что называют прибылью, получить, как воздаяние за свой труд или, лучше, как средство своего пропитания. Если продающий захочет брать столько прибыли, сколько позволит неведение или невнимательность покупающего, если, умножив свою прибыль, он не удовольствуется пристойным содержанием себя и своего семейства, но захочет вельможам подражать в великолепии, какая и здесь правда? И могут ли от сего произойти плоды мира для общества? Торговля, получившая качество уполномоченного обмана, сделает торгующего презрительным в глазах других членов общества; те, с которыми он хочет спорить в великолепии, но которые по роду и званию своему почитают себя обязанными превзойти его в оном, сделают для сего чрезмерные усилия и расстроят тем свое состояние; долги сделаются обыкновеннее богатства; взаимная доверенность оскудеет; кратко сказать: неправда будет рождать неправду, потом неправда будет сражаться с неправдою, и все неправды различных званий и состояний будут иметь одно согласное направление, чтобы разрушать мир или благоденствие общества.

Я сказал еще: мы должны с большею строгостию требовать правды от самих себя, нежели от других. Объясним сие правило самым обыкновенным примером: жалоба на неправду в суде есть одна из жалоб, часто слышимых в обществе. Положим, что бывает она и справедлива. Не в извинение неправедно судящих, которые дадут в том ответ Богу и верховной власти, но для изыскания источников правды и неправды общественной спросил бы я жалующихся на неправосудие: так ли строго сами они хранят правосудие, как взыскательно требуют оного от других? Если бы судия от целого сонма людей, окружающих его, слышал одни речи, что они желают

найти в суде правосудие, каково бы оно ни было для них, а не выиграть дело, как случится, только бы получить желаемое; что они отвращаются мысли быть развратителями суда, в котором пришли искать правды, — какое подкрепление имел бы судия против искусителя, который захотел бы совратить его к лихоимству. Но если целая толпа имеющих нужду в суде требует только удовлетворения, справедливо ли оно или нет; если мзда идет в суд менее застенчиво, нежели правда, то народ, жалующейся на неправду суда, не сам ли усиливает преступление, на которое жалуется?

Не скоро нашли бы мы конец спора, если бы захотели представлять различные виды правды, какая требуется от каждого из нас по его званию, состоянию и различным отношениям в обществе. Всего удобнее всему научить может правда евангельская, которая заповедует любить не только любящих, но и врагов; давать взаим нуждающимся без чаяния воздаяния, страдать за правду без ропота и не уклоняться от правды для избежания страдания. Если сия правда воссияет в сердцах наших, то свет ее не угаснет и множество мира ее не оскудеет, *дондеже отъимется луна. Аминь.*

Слово в пятую неделю Великого поста

Говорено в Чудове монастыре 19 марта 1822 года

*Она же реста Ему: даждь нам, да един одесную Тебе,
и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей.
Иисус же рече има, не веста, чесо просита.
(Мк. 10:37, 38)*

Случай, какого не надлежало, по-видимому, ожидать, представляется нам в сих словах Евангелия. Лучшие ученики наилучшего из Учителей пред самым окончанием обучения оказываются незнающими! Известно, что двенадцать учеников, иначе называемые апостолами, избраны Божественным Учителем, Иисусом Христом, преимущественно пред тысяча-

ми других явных и тайных учеников Его. Можно примечать, что Иаков и Иоанн, о которых теперь идет речь, между самыми двенадцатью апостолами были особенно избранные, ибо им и кроме их одному Петру оказал Он ту высокую доверенность, что допустил их быть свидетелями Своего славного Преображения на Фаворе и Своего тяжкого подвига в саду гефсиманском. Около трех лет сии счастливые ученики почти неразлучно пребывали с единственным своим Учителем, слушая от Него глаголы жизни вечной. Приближалась минута, когда Он скажет им: *Вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (Ин. 15:15). И такие ученики и в такое время не знают, что говорят! *Не веста, чесо просита.*

Что же при таком просвещении повергло их в такое неведение? Желание быть выше других и быть почти равными Тому, Который превыше всего. *Даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядево во славе Твоей.*

Не уничим, братия, сих ближайших последователей Христовых за то, что и они претыкались на пути своем, когда еще сошествие Святого Духа не озарило их светом незаходимым и не укрепило силою непобедимою. Но видя, как иногда самый *свет мира* (Мф. 5:14) подвержен был затмению, самые *столпы* (Гал. 2:9) Церкви колебались, помыслим, как нужно нам бодрствовать над собою и непрестанно взывать о свете и силе к Отцу светов и Господу сил. *Мняйся стояти, да блюдет-ся, да не падет* (1 Кор. 10:12).

Апостол Павел, говоря о грехопадениях и наказаниях евреев при образовании из них народа Божия под руководством Моисея, замечает, что *сия вся образы прилучахуся онем; писана же быша в научение наше* (1 Кор. 10:11). Подобно сему и об искушениях первых последователей Христовых, в которые влекла их поврежденная в Адаме природа и в которые неисповедимый, но всегда премудрый и благий Промысл попускал им впадать в то самое время, когда надлежало из них образоваться новому народу Божию, можно сказать, что все сие случилось с ними как образ или пример для последующих за ними и описано в Евангелии для наставления нашего. Так, приключение

Иакова и Иоанна, которые домогались первых мест пред апостолами, научает нас познавать и отвращать искушение, которое заключается **в желании быть выше других.**

В нынешнем веке слышим притчу: худой тот воин, который не желает быть военачальником. Не Соломонова это притча, не мудрость это, но мудрование плотское и суетное. Истинная притча говорит: *иже высок творит свой дом, ищет сокрушения* (Притч. 17:16). И еще: *не чист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16:5). С сим согласна притча и Того, Который более Соломона: *всяк возносяйся, смирится* (Лк. 18:14).

Трудно понять, как не понимают сих ясных свидетельств истины мудрователи века сего, которые, не преставая называться последователями Христовыми, вопреки слову Христову желание вознести себя выше других, одним словом, честолюбие, полагают правильною чертою благородного духа. Они думают даже апостола Павла поставить проповедником честолюбия, поймав его изречение: *Добрее мне паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. 9:15). Но вслушайтесь внимательнее в проповедь апостола, вы, проповедники честолюбия, и узнайте разность между ревностью к похвале, которая одушевляет его, и между алчностью к чести, которая вас снедает. Вы думаете исполнением должности заслужить честь; он говорит, что исполнение священнейшей должности благовествовать небесную истину не приносит ему никакой похвалы, как дело необходимой обязанности: *Аще благовествую, несть ми похвалы; нужда бо ми належит* (1 Кор. 9:16). Вы за каждый подвиг желаете награды; он полагает свою награду в том, чтобы оставаться без награды, на которую имеет право: *Как убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовествование Христово, во еже не творити ми по области моей в благовествовании* (1 Кор. 9:18). Вы усиливаетесь исторгнуть-ся из подчинения и получить свободу и власть над другими; а он, имея полную свободу, отрекается от нее и порабощает себя всем: *свободен сый от всех, всем себе поработих* (1 Кор. 9:19). Да умрет, вопиете вы, или, по крайней мере, да накажется гордым презрением тот, кто коснется нашей чести пред чело-

веками, но апостол говорит: пусть умру я, если кто уничтожит похвалу мою пред Богом; лучше мне умереть, нежели потерять благоволение Божие: *Добрее мне паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит*. Возможно ли сию святую ревность о бескорыстном служении Богу и ближним, смешивать с страстию честолюбия? Спросите ваше честолюбивое сердце, какво было бы ему, если бы заставили его почувствовать, что вы худшие из людей одинакового с вами состояния, что вы первые из всех достойны презрения и осуждения? Но апостол Павел сие самое чувство сердца непринужденно исповедует пред целою церковью: *Аз есмь мний Апостолов, и недостойн нарецися Апостол, первый от грешных есмь аз* (1 Кор. 15:9). Если вам кажется невероятным, чтобы столь уничижительное признание столь великого из святых могло произойти от внутреннего убеждения, то знайте, что не иная какая причина, как честолюбие же препятствует вам верить тому, что чувствует духовный человек во глубине своего смирения. *Како можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите* (Ин. 5:44)?

Но возвратимся к Иакову и Иоанну и снимем некоторые черты, которыми ознаменовалось в них желание превознести себя над другими.

Во-первых, сие желание побудило их к домогательству странному и нимало не сообразному с обстоятельствами, в которых они находились. *Даждь нам, — говорили они Иисусу Христу, — даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей*. Но время ли было говорить сие? Пред сим самым говорил им Иисус Христос: *Се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет Архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком и поругаются Ему* (Мк. 10:33). И вскоре надлежало исполниться сему предсказанию. Какая же несообразность! Он идет на место поругания и смерти, а они хотят делить между собою первые места во славе Его. Настает время подвига, а они просят венца. Надлежало бы просить веры, чтобы не быть ни первыми, ни поздними в оставлении Господа своего, когда

Он предан будет, а они предлагают странное требование быть ближе всех к Тому, Которого вскоре оставят! Не такие же ли запутанности в разных видах представляет и ныне желание превознести себя над другими? Домогаются высокого места, но не примечают пропастей, то есть опасностей, которые находятся на пути к нему или окружают оное. Иной, например, говорит: дайте мне сесть на место правосудия, но не помышляет, что, может быть, место сие обложено сетями клеветы, подкопано мздоимством, что оно ждет не того, кто бы на нем, как на престоле, являл себя в блеске славы, но того, кто бы на нем, как на жертвеннике, принес в жертву справедливости свое спокойствие, свои выгоды, а иногда благоволение многих сильных, чтобы спасти одного бессильного. Не многие ли стараются достигнуть сего престола, тогда как готовы бежать от сего жертвенника? Что сказать о том роде честолюбия, которого нелепость чувствуют некоторые из самых честолюбцев — о честолюбии тех, которые стараются дойти до священного седалища правды путем неправды и святокупства, достигнуть высшей степени в обществе низкими средствами человекоугодия, лести и раболепства? Не сделаем несправедливости никому из честолюбивых, если скажем всем им без исключения то же, что сказал Первый и Последний Своим искателям первенства: *не знаете вы, чего ищете*.

Во-вторых, желание превозношения обнаружило в Иакове и Иоанне тот недостаток, что они не довольно вникали в самих себя, в свои способности и в свое внутреннее состояние. Ибо в сем сокровенно их обличает Господь, когда вопрошает притчею: *Можете ли пити чашу, юже Аз пью, и крещением, им же Аз крещаюся, креститися* (Мк. 10:38)? Сия чаша Христова есть та самая, о которой Он молился в саду гефсиманском: *Отче мой! аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26:39), то есть чаша страдания и смерти. Сие крещение Христово есть крещение кровию, пролиянною на кресте. Следственно, вопрос, предложенный Иакову и Иоанну, вводит их в испытание самих себя, способны ли они участвовать в страданиях и кресте Христовом. И хотя они, совер-

шенно или несовершенно выразумев сие, провозгласили себя способными, что, по-видимому, признал и Господь, когда сказал им: *Чашу убо, юже Аз пью, испieta, и крещением, им же Аз крещаюся, креститися* (Мк. 10:39); но последующие события показывают, что Господь обещал только им на будущее время дар участия в Его страданиях, что и совершилось, наконец, усечением Иакова и заточением Иоанна; в самое же то время, когда они так решительно утверждали, что могут пить чашу Христову, они весьма далеки были от сей возможности, ибо, когда Иисус Христос пред сею чашею стоял в молитве, они не могли и единого часа пребыть с ним во бдении, а когда иудеи возложили на Него руки, тогда они вместе с прочими, *оставльшие Его, бежаша* (Мк. 14:50). Таковое незнание себя и меры своих сил и способностей есть обыкновенный недостаток людей, коими обладает желание превозношения. Они готовы занять всякое место, которое обещает удовлетворение сему желанию, а того не знают, что, может быть, первый труд, которого потребует сие место, приведет их в изнеможение, первая опасность обратит в бегство. Спроси себя, ищущий того, что выше тебя, можешь ли ты пить чашу, к которой протираешь руку? Если ты думаешь, что тебе надлежит воссесть у самого кормила правления обществом, то можешь ли правильно обращать сие великое орудие и крепко удерживать во время бури? Если желаешь быть наименован мужем совета в собрании старейшин, то имеешь ли в себе потребную для сего звания мудрость и дух совета? Если порываешься выйти из круга простых граждан и вступить в сословие благородных мужей, то подлинно ли благородством духа надеешься ты поддержать себя наряду с другими, принадлежащими к сему сословию, или одною суетною пышностью и наружным блеском, который только обнаружит то, чего тебе недостает, и, вероятно, истощит то, что имеешь? Чем более кто имеет истинного познания о себе, тем менее почитает себя способным устоять в таковом испытании, а потому и приемлет в закон своего поведения правило мудрого: *высших себе не ищи* (Сир. 3:21). Напротив того, чем сильнее и дерзновеннее кто ищет

того, что выше его, тем несомнительнее можно заключать, что он или не испытал себя, или обманулся в сем испытании, и обманет надежду тех, которые будут благоприятствовать исполнению его желания.

В-третьих, желание превозношения, воздействовав в Иакове и Иоанне, сопровождалось нарушением мира между апостолами. *И слышавше десять, начата негодовати о Иакове и Иоанне* (Мк. 10:41). Евангельская история не изъясняет, какого рода было сие негодование: огорчились ли апостолы неблаговременным стужением Учителю своему о преимуществах во славе, когда Он приготавлился и приготавлиал их ко вступлению в трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостию, которая обнаруживалась в том, что из двенадцати, которые равным образом оставили все для Иисуса и пребыли с Ним в напастях Его и которым потому всем равно обещаны дванадесять престолов в Царствии Его, двое хотят восхитить некую особенную степень славы; или, наконец, и в прочих десяти действовал тот же дух превозношения, так как некоторые, по-видимому, могли представить свои особенные права на предпочтение прочим, как, например, другой Иаков — то, что он был сродник Господень по плоти, Андрей — то, что он первый решился последовать Иисусу (ибо и в одном и том же подвиге важнее подать первый пример, нежели последовать примеру других), Петр — то, что он первый исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим. Но как бы то ни было, довольно ясно в наставление наше написано в сей истории то, что между апостолами никогда не видно было взаимного негодования, доколе не являлось между ими желание первенства; но как скоро возникло сие желание, вслед за ним открылось и взаимное негодование. Сие значит, что ближайшее порождение духа превозношения и честолюбия есть дух несогласия и раздора. Апостол, предрекая о последних временах, между прочим сказует, что тогда *за преумножение беззакония изсякнет любы многих* (Мф. 24:12). Не много нужно проницания, чтобы усмотреть между нами сие печальное знамение, а с сим вместе можно примечать и то, что из

всех беззаконий едва ли не более всех иссушается любовь гордостию и честолюбием. Роскошный легко дружится с роскошным; корыстолюбивый, если не в сообществе с корыстолюбивым, то убегает его; но честолюбивый честолюбивого старается низринуть и истребить и не оставляет в мире и покое никого, потому что последняя цель его есть видеть всех под ногами своими.

Познаем, христиане, в страстном желании быть выше других тяжкую и опасную болезнь человеческого духа и язву общества. Познав же сие, примем или к исцелению, или к предохранению нашему и те врачевства, которыми врачевал оную Врач душ и телес в учениках Своих.

Иисус, призвав их, глагола им: весте, яко мнящиися владети языки соодолевают им, и велиции их обладают ими, не такоже будет в вас (Мк. 10:42—43). Первым врачевством против духа превозношения и преобладания должна быть мысль, что это есть дух, свойственный язычникам. Это их несчастья, что они пленяются славою человеческою, потому что не знают славы Божией; усиливаются превознести себя на земле, потому что не имеют упования взыти на небо. Мы ли, христиане, познав истинную славу, будем гоняться за ложною? Нет, братия! *Не тако да будет в вас.*

Но как же должны поступать христиане? Божественный Наставник наш продолжает: *иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга* (Мк. 10:43). Желает ли превосходства и совершенства? — Старайся преимущественно и совершенно служить благу ближних. Если ты уже выше других по твоему званию, тем более старайся служить благу их, чтобы ты не был ниже своего звания; но если ты и ниже других, так же ревностно старайся служить благу их, и тогда никто здравомыслящий не скажет, что ты в низком состоянии, поелику и высочайшая земная власть, по понятию христианскому, не иное что есть, как *Божий слуга во благое* (Рим. 13:4).

Наконец, если, несмотря на сие, ветхий Адам, некогда восхотевший быть яко Бог, еще тоскует в тебе, когда ты умален пред человеками или когда ты возвышен пред некоторы-

ми из них, вновь льстит тебе мечтою, что ты можешь быть божеством над ними, то войди во врачебницу нового Адама и прими противу сей древней болезни вечноживотное врачевство. Иисус Христос предлагает тебе во врачевство Самого Себя: *ибо Сын человек не прииде, да послужат Ему, но да послужит, и даст душу Свою избавление за многи* (Мф. 20:28). Христианин! Неужели ты думаешь вознестись выше Христа твоего? *Довлеет ученику, да будет яко учитель его* (Мф. 10:25). Но Божественный Учитель наш, будучи Господь всех, смиряет Себя и служит рабам Своим: кольми паче да смирим себя мы и послужим друг другу любовью, *честию друг друга больше себе творяще* (Флп. 2:3). Аминь.

**Слово в день восшествия на Всероссийский
престол благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича**

Говорено в Чудове монастыре 20 ноября 1837 года

*И возвращу тя зело, зело, и положу тя
в народы, и царие из тебе изыдут.
(Быт. 17:6)*

Если день природы неодушевленной может нечто говорить внимательному, как некто подслушал и свидетельствовал, что *день дни отрыгает глагол* (Пс. 18:3), то не больше ли внятно и обильно должен говорить день человеческий, ознаменованный особенными действиями Провидения Божия или воспоминаниями о них.

Какое слово может обнять все, что нынешней день говорит уму и сердцу россиянина? Он говорит, во-первых, о том за четырнадцать лет бывшем дне, в который Бог в сердце приснопамятного Александра и в его заветную хартию¹ положил мысль о царствовании Николая как преимущественно желанном и благонадежном для России; потом о другом дне, от которого начинаются двенадцатилетние, доныне опыты,

удостоверяющие, что в завете Александра заключалось предусмотрительное и благотворное для России определение Божиих судеб. В царствовании, полном деятельности, *день дни отрыгает глагол* царских подвигов, подъемлемых и совершаемых в войне и мире, в законодательстве и правосудии, в усовершенствии устройства разных родов общественной службы, званий и состояний, в покровительствовании и распространении просвещения и благотворения, в превозможении трудностей, в отвращении опасностей, в умножении плодов народного благоденствия в настоящее время, в сеянии новых семян общественного блага на будущие времена, и естественно, что нынешней царственный день особенно полон отголосками столь многообразных глаголов царской славы.

Впрочем, когда вижу, что день сей собрал вас, верные и избранные чада России, привел во храм, поставил пред алтарем, то с утешением о вас заключаю, что день уже изглагодал в сердца ваши свою проповедь и что вы уже приняли его поучение, которое в том наипаче и состоит, чтобы принести Богу славу, благодарение и молитву за царя, Богом дарованного, царствующего под осенением провидения Божия.

После сего не так уже трудно служителю слова договаривать нечто из глаголов царского дня в назидание сынов царствия.

Зрелище царского благословенного семейства, которым в сие время наслаждается сия столица, представляет нам, россияне, среди высоких доблестей царских в столь же возвышенном свете доблести семейственные. Доблести царские суть достояние собственно царево, доблести семейственные могут и должны быть общим достоянием царя и народа. Провидение, являя семейственные доблести на высоте престола, не говорит ли чрез сие народу, что и в них есть возвышенное достоинство, что и они нужны и важны и столько же достойны поревнования, сколько доступны подвигу?

Семейство древнее государства. Человек, супруг, супруга, отец, сын, мать, дочь и свойственные сим наименова-

ниям должности и добродетели существовали прежде, нежели семейство разрослось в народ и образовалось государство. Посему жизнь семейственная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева. Чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, надобно, чтобы корень был крепок и приносил дереву чистый сок. Так, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процветала образованностию, приносила плод общественного благоденствия, — для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крепка благословенною любовью супружескою, священной властью родительскою, детскою почтительностию и послушанием и чтобы, вследствие того, из чистых стихий жизни семейственной естественно возникали столь же чистые начала жизни государственной, чтобы с почтением к родителю родилось и росло благоговение к государю, чтобы любовь детища к матери была предыгранием любви к Отечеству, чтобы простодушное послушание домашнее приготавлило и руководствовало к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и священной власти Самодержца, действующей непосредственно или чрез начальства, от него поставленные.

Из семейств составляется государство, и члены семейств образуются в члены великого состава государственного. Хотя сила общей жизни тела может больше или меньше исправлять частные недостатки и повреждения в здравии членов, но, без сомнения, полнее и совершеннее может она проявлять себя в движениях членов здоровых и неповрежденных. Так, хотя власть государственная может исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной, но тем еще лучше для государства, чем менее нужны сии исправления, чем более здоровых членов семейство представляет в распоряжение государства, чем вернее приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта к употреблению в подвиги и добродетели на поприще жизни общественной.

Итак, да помыслят отцы и начальники семейств, что если они, по выражению апостольскому, *дом свой добре пра-*

вят (1 Тим. 3:4); если в своем комнатном владычестве правильно и верно действуют рассудительно употребляемою властью, опытным словом, добрым примером; если содержат своих домашних в порядке и послушании, вселяют в них страх Божий, любовь к ближним, верность к государю и Отечеству, бдительным смотрением охраняют их нравы, то кроме того, что исполняют чрез сие долг, возлагаемый природою, а следственно, и ее Создателем, что готовят сами себе плоды семейных утешений, — кроме сего, таковым действованием они совершают и в пользу государства служение, которого благие последствия могут простираться даже до потомства.

Я сказал, что последствия доблестей семейственных могут простираться даже до потомства, и как не могу показать сего в будущем потомстве, которого мы не видим, то, дабы оправдать сказанное, по необходимости должен обратиться к предкам и потомкам, бывшим прежде нас.

Авраам был благочестивый и добрый отец семейства, почти только начинающегося, когда Бог явился ему и дал следующее обещание: *Возращу ты зело, зело, и положу ты в народы, и царие из тебе изыдут* (Быт. 17:6). Провещание много сказывающее в немногих словах!

Надобно вспомнить, что сие было за многие веки до того, как Бог в избранном народе Своем учредил царское достоинство и освятил оное собственным избранием и помазанием. Примечайте же, как рано Господь помышляет о царях; как ясно дает разуметь, что учреждение царя есть дело Его вечного предопределения; как высоко ценит достоинство царя, когда преимущество быть родоначальником царей предоставляет в награду столь избранной доблести, как Аавраамова.

Но какая то была доблесть, которая приобрела Аврааму столь великое и обширное потомственное обетование: *Возращу ты зело, зело, и положу ты в народы*? Еще не та единственная доблесть самоотвержения, с каким он по воле Божией готов был единокровного сына своего принести

в жертву, ибо сие было уже после; но не столь беспримерная доблесть мужа непорочного, упражняющегося в домашнем благочестии, дом свой добре правящего, с пожертвованием собственных выгод охраняющего домашний мир и родственное согласие (Быт. 13), с опасностью собственною готового на избавление присных от бедствия (Быт. 14). Итак, Авраам в сем случае представляет образ доблести семейственной, а Божие к нему провещание — образ потомственно благих последствий такой доблести.

Чтобы показать важность семейственных должностей и добродетелей и для подчиненных членов семейства, довольно указать на один пример, сильнейший самого закона, потому что это пример Законодателя, покоряющегося закону. Когда юного Иисуса преблагословенная Матерь Его и мнимый отец нашли во храме в собеседовании о предметах духовной мудрости и жаловались, что Он оставил их, тогда Он дал было им на сие такой ответ, которым, по-видимому, разрешал Себя от закона покорности земным родителям, потому что занимался делом Отца Своего Небесного: *Что, яко искасте мене? Не весте ли, яко в тех, яже Отца Моего, достоин быти Ми?* Но что же потом? Несмотря на столь высокое право, смиренно преклонил Он выно под иго заповеди, повелевающей чтить отца и мать: *и сниде с нима, и прииде в Назарет, и бе повинуюся има* (Лк. 2:51). Так важен долг повиновения семейственного, что Единородный Сын Божий отсрочил Свое вступление в дело Божие, чтоб исполнить сей долг пред землею Материю и даже пред одним именем отца, которое носил Иосиф до благовременного открытия тайны неимеющего отца на земле, и чтобы Своим примером вновь освятить обязанности и возвысить добродетели жизни семейственной.

Если сии размышления и примеры слышавшими вспомнятся по возвращении в семейства, если некоторых предохранят от невнимания к обязанностям семейственным, если внимательных сделают ревностнее, ревностных утешат, то малое слово сие награждено будет немалым плодом. Аминь.

**Беседа в день тезоименитства благоверного
Государя наследника Цесаревича Великого
князя Николая Александровича**

Говорена в 1858 году

*В елико время наследник млад есть,
под повелители и приставники есть,
даже до нарака отча.
(Гал. 4:1, 2)*

Сие апостольское изображение воспитываемого наследника привел мне на память высокий великого престола наследник, которого имя в нынешний день особенно возбуждает молитвенные чувства в миллионах православного народа. Под бдительным попечением благочестивейших венчаных родителей он проходит теперь поприще приготовления к подъятию царственных подвигов, которые предназначает ему право рождения, и Божественный, и царственный закон. Да утвердит и совершит в нем надежды Отечества *Вышний, владеющий царством человеческим!* Мудро воспитанный наследник престола есть сокровище, соблюдаемое для грядущих родов царства.

Но что, если мудро воспитанный наследник царства, вступая в царскую деятельность, встретит окрест себя род, воспитанный немудро и небрежно? Может ли он поддержать или устроить благоденствие царства и народа так же удобно, как если бы окружен был людьми, воспитанными тщательно и разумно? Конечно нет. Итак, народ должен благодарить царя, который упрочивает его благоденствие мудрым воспитанием своего наследника, и с тем вместе должен споспешествовать благонамерению царя и своему будущему благоденствию тем, чтобы каждый отец семейства воспитывал своих детей тщательно и разумно, сообразно со своим состоянием и с их способностями.

В нынешние времена о предметах, правилах и способах воспитания так много рассуждают, пишут, спорят, что это едва ли не уменьшает доверия воспитателям от воспитываемых, которые слышат их, препирающихся между собой, и видят руководительные книги, недавно одобренные, вскоре осуждаемые другими новыми. Может быть, это и неизбежно, по причине умножившихся и оразнообразившихся требований жизни общественной и частной, которым воспитание должно удовлетворять. Притом гласность некоторые почитают всеобщим врачевством против общественных зол, хотя иногда она бывает и источником общественных болезней, если слишком неумеренно расширяет уста свои не только для правды, но и для неправды. Впрочем, мне заповедано *не словопретися* (2 Тим. 2:14). Мой долг указать, поскольку возможно, родителям и воспитателям на то, что бесспорно истинно и для всех их доступно и полезно, и на руководительную книгу, которой не оттесняла бы от них никакая другая.

Библия не дала ли доброго воспитания народу Божию ветхозаветному? Не дала ли еще более совершенного воспитания народу Божию новозаветному? Премудро устроая воспитание будущих граждан Царствия Небесного, не имела она недостатка в мудрости, чтобы преподавать верные правила для образования доброго гражданина царства земного, и имела нужду преподавать оные, потому что худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен.

Итак, стоит труда поискать в Библии учения о воспитании.

Древнейшее о сем учение можно найти в слове Господа к Аврааму: *Авраам бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии; веи бо, яко заповесть сыном своим и роду своему по себе, и сохраняют пути Господни творити правду и суд* (Быт. 18:18—19). Здесь, во-первых, в образе похвалы воспитанию, какое даст Авраам своим детям, преподается главное правило воспитания: *заповедай сынам своим сохранять пути Господни, творить правду и суд,*

или — чтобы то же сказать по-нынешнему — давай детям воспитание благочестивое и нравственное, сообразно с законом Божиим. Во-вторых, здесь показываются и благотворные последствия такого воспитания: *Авраам... будет в язык велик и мног*; отец семейства, дающий детям своим воспитание благочестивое и нравственное, может надеяться от себя потомства многочисленного, уважаемого и благополучного. Не трудно понять, что не может того же ожидать нерадящий о таком воспитании, а угрожает ему противное.

Далее, прямо высказанные правила воспитания находим в ветхозаветных книгах, по преимуществу учительных, в книге притчей Соломоновых и в книге Иисуса сына Сирахова.

Соломон учит: *наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен; в досаждение же не вземлися душою твоею* (Притч. 19:18). *Наказуй* значит «учи», давай полезные наставления, но также и собственно «наказывай за проступки». Но Премудрый поставляет предел суровости наставления и строгости наказания: не действуй с досадой и раздражением и не возбуждай досады и раздражения. Раздраженный наставник не наставляет, а раздражает. Шумом раздражения заглушается голос истины. Наставляй добродушно, отличай кротко и мирно, наказывай умеренно и с сожалением.

Соломон побуждает к такому действию, обещая от него добрые плоды: *наказуй сына и возлюбит тя; и даст лепоту твоей души; не послушает языка законопреступна* (Притч. 28:17).

Учение сына Сирахова более строго: *суть ли ти чада, накажи я, и преклони от юности выю их* (Сир. 7:25). *Накажи сына твоего, и делай им, да не в безстыдии его поткнешеся* (Сир. 30:13). В особенности с горьким словом обращается он к тем родителям, которые любят забавлять своих детей и забавляться ими, а не учить их, дают им излишнюю свободу и легкомысленно смотрят на порывы их легкомыслия: *ласкай чадо, и устрашит тя, играй с ним, и опечалит тя* (Сир. 30:9).

Наконец, Евангелие, которое вообще, вместо духа страха пред законом, господствовавшего в Ветхом Завете,

распространяет дух любви и свободы, и в правилах воспитания смягчает древнюю строгость. Святой апостол Павел пишет: *Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни* (Еф. 6:4). И в другом послании: *Отцы, не раздражайте чад ваших, да не унывают* (Кол. 3:21).

Таково учение священных книг о воспитании. Оно просто и немногосложно, потому что назначено не только для мудрых, но и для простых. Впрочем, и мудрые не унижат себя, если окажут внимание учеников сим простым урокам, потому что их преподали люди, водимые Духом Божиим. Самое простое воспитание по правилам истинного благочестия и чистой нравственности может образовать доброго гражданина царству земному, способного и к небесному гражданству. Воспитание же любомудров, бесспорно, может сделать более и совершеннее приспособить воспитываемого к достижению разных общепользных целей. Но без сих правил самое ученое воспитание есть построение благовидного здания без прочного основания. По сим правилам просто воспитан был отрок Давид, чтобы пасти овец, но в нем открылся муж, способный пасти народ Божий, победоносный воин, царь, пророк. По сим правилам, вероятно, уже более учительно, воспитан сын царев Соломон, и явился царем премудрым, царем-пророком, царем необыкновенно счастливым.

Из того, что в ветхозаветном учении о воспитании видно более строгости, а в евангельском более свободолюбивой кротости, естественно, рождается вопрос: должно ли следовать исключительно последнему и совсем отложить первое?

Чтобы разрешить сей вопрос, обращаюсь к изречению святого апостола Павла, которым начал слово: *В елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, но под повелители и приставники есть*. Видите, он говорит о строгом воспитании как непредусудительном, обыкновенном и должном. Это тем более примечательно, что он строгое воспитание представляет образом того, как Бог воспитывает че-

ловечество. Сие видно из непосредственно следующих слов: *И мы, егда бехом млади, под стихиями бехом мира поработени*. Ветхий Завет есть детство человечества и его начальное воспитание под рабским страхом закона. Христианство есть высший возраст человечества и его совершительное под благодатью воспитание; здесь, соответственно возвысившемуся познанию и силе духа, ему вверяется духовная свобода, и тогда человек внутренне уже не раб, но сын и наследник Божий Иисус Христос. Итак, поскольку апостол в воспитании человечества Богом и в воспитании каждого человека родителями и наставниками признает одинаковый порядок, то ясно, что и из христианского кроткого воспитания он не совсем исключает древнюю строгость, дабы свобода вверяема была воспитываемому по мере приобретения им умения пользоваться ею.

Все ли равно, давать обширную свободу умеющему ее употреблять или не умеющему, зрелому в разуме или незрелому? Очевидно, не все равно. Следовательно, по мере возраста и образования должно давать свободу детям.

Которое из двух направлений правильное, приятнее и удовлетворительнее для человека: поступление от расширения свободы к ее ограничению или, напротив, от ее ограничения к расширению? Очевидно, последнее. Итак, надобно вести детей от ограничения свободы к расширению ее. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее со своим желанием поступления вперед и возрастающего удовлетворения? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы?

Провидением Божиим призванные быть родителями, воспитателями и наставниками детей да не пренебрегут сих напоминаний, да помышляют о них благовременно и предусмотрительно. И наипаче, чтобы основанием и душой воспитания было благочестие, да пекутся о сем с искренним усердием ради детей, ради себя, ради Отечества, ради потомства. *В чадах своих познан будет муж* (Сир. 11:28). Аминь.

**Слово в день рождения Его Императорского
Высочества, наследника престола, Государя
Цесаревича Великого князя Александра Николаевича**

Говорено в Чудове монастыре 17 апреля 1835 года

*Блюдите, да не презрите единого от малых сих:
глаголю бо вам: яко Ангели их на небесех
вину видят лице Отца Моего Небесного.
(Мф. 18:10)*

Слава и благодарение Царю царствующих! День рождения благоверного государя цесаревича, наследника престола, возвращается к нам, сыны России, не только с обычной радостью, но, можно сказать, с радостью возрастающего торжества. Его жизнь является нам не только как благословенная отрасль благословенного корня, не только как цвет прекрасный, блистающий изящными качествами наследственными, но уже и как цвет, оплодотворенный достойным высокого рождения и назначения воспитанием. Первенец и наследник царя по сему самому, очевидно, выше всего в царстве, но не видали ль вы, как он являлся сперва в рядах простых воинов, потом пред их рядами в наших степенях военного начальства, как знаки сих степеней один за другим приобретал он успехами в преподаваемом ему воспитании, как самое имя цесаревича получил он не только как свое достояние, по праву наследника престола, но и как награду по времени, по заслуге? Так руководствовал и руководствует его попечительный родитель, чтобы в наследнике престола образовать наследника отеческих доблестей, и собственной, так сказать, рукой возводя его к сему совершенству, сим же самым подает высокое, но всем понятное и для всех убедительное наставление родителям и детям.

И сие-то подает теперь и мне мысль предложить для обыкновенного круга жизни несколько размышлений об особенном внимании, какого требуют дети и их воспитание.

Общее правило: пекись о детях — не требует долгого учения и многих доводов. Его проповедует природа. Она говорит в сердце родителей в пользу детей, и не удивительно. Жизнь родителей чувствует свою отрасль в жизни детей и, естественно, хочет, чтобы она росла и цвела. Но, что более удивительно, природа в самих детях говорит за них, и еще прежде, нежели они говорить умеют: вид младенца умягчает и не родительское сердце и, если он беспомощен, влечет к тому, чтобы оказать ему помощь.

Бессловесные проповедуют человеку попечение о детях. Большая часть из них питают своих детей, охраняют с заботливостью и ревностью, переходящей в ярость, и даже с опасностью своей жизни. А некоторые и учат своих детей тому, что принадлежит к свойственному их жизни совершенству.

Но человека сильнее, нежели бессловесных, влечет природа к попечению о детях внутренним побуждением и нудит необходимостью внешней. В бессловесных привязанность к детям оканчивается с незрелостью их возраста; в человеке она простирается далее и остается навсегда. Дети бессловесных скорее и с меньшими пособиями выходят из состояния беспомощности и незрелости, нежели дети человека. Если бы при сем замечании вздумалось кому спросить: не обижен ли таким образом человек в сравнении с бессловесными? На сие не обинуясь отвечать можно: нет. И, во-первых, потому, что некоторые несовершенства рождения и жизни человека, нами примечаемые, не принадлежат к первоначальной, чистой природе человека, но, как показывает Священное Предание, суть последствия и признаки ее повреждения прародительским грехом, вначале произвольного, а потом уже наследственного. Во-вторых, потому, что как бессловесные тем более пособий к жизни должны были получить от природы, чем менее способны увеличить оные своим действием, не имея разума, так, напротив, человека нужно было не слишком ограждать пособиями природы, чтобы не стеснить поприща, предоставляемого разуму его и свободе. Если бы пособия и побуждения природы так же властно и так же легко, как бессловесных, двигали че-

ловека к целям жизни, то что было бы делать его разуму? Где была бы его свобода? Где достоинство разумного и свободно-го выбора, заслуга, добродетель, а следовательно, и высокое нравственное блаженство свободного существа? Дорого же, скажут, покупается совершенство человеческой жизни, всегда только искомое, очевидно жалким несовершенством ее начала! Да, может быть, не дешево, зато и покупается драгоценное. Какая цена может быть довольно дорога, чтобы купить небесное совершенство, к которому готовится человек на земле? Но и самые низшие совершенства земной жизни человека не бывают так малы, чтобы можно было пожелать променять оные на подобные совершенства жизни бессловесных. Захотел ли бы, например, человек променять свой прекрасный или даже простой дом на жилище бобра или гнездо птицы, хотя сии последние одним побуждением природы легче, нежели дела человеческого разума, устрояются без архитектора, без каменщика, без плотника, без денег? Сие мимоходное оправдание судьбы человека в несовершенстве его рождения не отводит меня от цели настоящего размышления, но ведет к оной. Если человек рождается более прочих животных беспомощным и более их требует пособий к усовершенствованию своей жизни, то особенная судьба человечества говорит родителям: попекитесь о детях. Если природа не так усиленно обрабатывает человека, потому что не хочет властвовать над ним, как над рабом, потому что доверяет обработать его разуму и свободе; а разум и свобода в человеке открываются не вдруг и не без помощи, но требуют пособия от разума, прежде открытого, и направления от свободы, прежде испытанной и обработанной, то достоинство разума и свободы говорит родителям: попекитесь о детях. Если человек, зачатый в беззакониях и рожденный в грехах, должен быть очищен и возведен к совершенству небесному, то жалкое начало и высокое назначение вдруг и печальным, и торжественным голосом говорит родителям: попекитесь о детях.

Но там, где глаголет Христос, всего лучше послушать, что Он глаголет. *Блюдите*, — глаголет, — *да не презрите*

единого от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго. Сие сказал Он апостолам, *когда, призвав отроча, постави е посреде их.* И потому, хотя оное изречение в высшем знаменовании в качестве притчи относилось к младенцам веры, но оно сказано было не мимо и естественных младенцев, из коих один был видимым и непосредственным предметом слова Господня, и особенно не мимо детей христианских, которые обыкновенно суть и младенцы веры по крещению. Посему каждый раз, когда Господь рукой Своего Провидения поставляет пред вами дитя, когда оно вам родится, или вверяется вашему попечению властью или законом, или приводится в руки ваши нуждой и беспомощностью, вы можете представлять себе, что Господь смотрит на оное и говорит вам: *Блюдите, да не презрите единого от малых сих.*

И как сильно подкрепляет Он сию заповедь! *Аминь бо глаголю вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго.* То есть ангелы служат хранителями детей, следовательно, имеют к ним внимание, заботятся о них, уважают их. Как же вам оставлять их без попечения, без внимания, в пренебрежении? Ангелы их *на небесех* и нисходят для них на землю, вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость к их малому возрасту? Ангелы их *выну видят лице Отца... Небеснаго* и от сего блаженного созерцания обращают взор к пеленам и колыбели и слух к плачу или лепетанию младенца, — вам ли покажется или скучным, или малым делом попечение о малых сих? И кто же посылает ангелов к младенцам человеческим? Кто, как не Сам Творец ангелов и человеков? Подумайте же, небо приходит в движение, чтобы сберечь на земле жизнь, или непорочность, вашего младенца. А между вами нет ли таких, которые без сострадания слышат вопль младенца на коленях нищеты, которые смотрят на возрастание собственных детей не с большим вниманием, как на траву, растущую в поле? Пожелаем, чтобы не нашлось столь жестокосердых или столь нерадивых, и не станем более говорить о них.

Держась слова Господня, скажем несколько слов о том, как осмотнительно должно быть внимание к детям и попечение о них. *Блюдите, да не презрите единого от малых сих.* Остерегайтесь, чтобы такое пренебрежение *единого от малых сих* не прокралось тогда, как вы не расположены предаться оному с сознанием. *Блюдите*, родители и воспитатели, — *да не презрите единого от малых сих*, которых вы родили, которых вы воспитываете. Вы, может быть, не подозреваете и возможности сего презрения, потому-то и сказано: будьте осмотнительны, остерегайтесь, блюдите.

Небрегут о детях, если они по опыту принадлежат кормилице, няне, надзирателю более, нежели отцу и матери, и более, нежели то нужно. Природа, или, лучше, Творец природы, одной и той же особе матери дает и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что разделять сии служения нередко больше или меньше заставляют то немощь матери, то ее другие обязанности. Но если сие делается только по склонности к беззаботной жизни, по необдуманному подражанию примерам подобной беспечности, то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдруг у двух младенцев — и у младенца кормилицы, и у своего собственного — и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери. Мать, которая кормит и носит на руках своего младенца, отец, который в минуты отдыха от своих дел также берет его на руки и учит его первым наименованиям того, что священо и любезно — *блюдите, да не презрите* — они делают прекрасное и важное дело, они наслаждаются сими занятиями, дитя также наслаждается; и в то же время любовь и доброта родительская непрестанно сеют в сердце дитяти семена детской любви и доброты и ранним и обильным сеянием приготовляет многоплодную жатву.

Небрегут о детях, если хотят только забавлять их и забавляться ими, и особенно тогда, как настает время более учить их, нежели забавлять. Такое неосмотнительное обращение с детьми обличает и совет против оного подает древний мудрец

в следующих изречениях: *ласкай чадо, и устрашит тя; играй с ним, и опечалит тя. Не смейся с ним, да не поболит о нем. Накажи сына твоего, и делай им, да не в безстыдии его поткнешися* (Сир. 30:9, 10, 13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя сама себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешение им, чтобы сберечь сие в поощрение и в награду их послушанию или успехам в полезном учении.

Небрегут о детях, если и учат их, но более приятному, нежели полезному. Искусства и познания приятные доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу, — не странно ли было бы заботливо собирать к столу как можно более приправы и лакомств и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища?

Небрегут о детях, если старательнее учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души бессмертной; если тщательно меблируют их голову набором слов и понятий, нежели возделывают вертоград их сердца, исторгая из него дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благие чувствования к добродетели, ограждая его от ветров легкомыслия и от бурь страстей. Если при воспитании не довольно помнят и не довольно употребляют в дело сколь важное само по себе, столь же благодетельное для всех отраслей познания начало учения: *начало премудрости страх Господень; разум же благ всем творящим его* (то есть хорошие познания хороши для тех, которые употребляют их на хорошие дела); *благочестие же в Бога начала чувства* (Притч. 1:7). Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, писмоводцев, художников, промышленников — хорошо, *но блюдите, да не презрите* — не пренебрегите того, что еще лучше, того самого, в обрабатывании чего хотят помочь вам *Ангели их*, которые *на небесех выну видят лице Отца вашего Небесного*, — не пренебрегайте образования в них сынов Церкви, приготовления будущих граждан неба.

Предоставляю слушающим продолжить сии размышления, ибо имею причины думать, что внимание к предме-

ту сих размышлений, то есть к воспитанию детей, довольно распространяется. Пример царя, благословенного отца и благопопечительного воспитателя, и пример первенца царева, расширяющего юные крыла вослед великоорлему полету родителя, величественно и усладительно светит и родителям, и детям, и воспитателям, и воспитываемым; и благодетельная попечительность о воспитании детей простирается от высших до средних и даже до низших сословий народа. В сей самый день гражданство сей столицы открывает памятник незабвенного для совершеннолетия государя цесаревича, наследника престола, и сей памятник будет не бездушный мрамор или медь, но восемьдесят отроческих душ, у которых бедность отнимала надежду доброго воспитания и которые получают сие благодеяние от добрых душ россиян, благодарных Богу за своего царя, славу России, и за наследника его, надежду России.

Воистину, благодарение Царю царствующих, благостынно хранящему и возвращающему доблести престола и оттоле распространяющему всякое добро в царстве и народе. Ангелы Его, хранители царей и царств, да ополчатся выну окрест благочестивейшего государя нашего императора, благочестивейшей государыни супруги его, благоверного наследника его и окрест всего августейшего дома и, охраняя их, сим самым да охраняют благо и спасение всей России. Аминь.

Рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне

Впервые опубликовано отдельным изданием в 1813 году

Не знаю, какой дух, в опасном для меня мечтании, представил вам, будто вы слышите мое рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне¹. Может быть, то был величественный дух любви к Отечеству, который везде дает слышать ее отголоски, во всем представляет ее образы; может быть, то был кроткий дух

любви к отечественному слову, который желает и связанные разрешать, и косные возбуждать языки. Дух благотворный, но для меня искусительный! Что если, следуя вашему, слишком ласковому ко мне, мечтанию, возмечтаю и я, будто могу рассуждать вслух общенародный о таких происшествиях, о которых теперь на всех образованных языках человеческих не столько рассуждают, сколько восклицают, которые сами о себе говорят выразительнее всех языков человеческих и в которых, по исповеданию всех благочестивых и добродетельных людей, даже по признанию некоторых безбожников, Сам Господь возглагодал?

Рассуждать о таких происшествиях царств, которые, очевидно проходя под перстом Царя царствующих, представляются в позор и наставление миру, по моему мнению, имеют полномочие только те, которым Он сам изострил и расширил взор, дабы они могли проникать в тайные законы миродержавства Его и отчасти обымать безмерные соображения судов Его. Тот, кто предпримет скудной пядью своей измерить всю землю, будет только пресмыкаться и скоро кончит великий подвиг великим утомлением. Слабые исследования не возвышают и не усовершенствуют, если еще не расстраивают и не унижают впечатления, которое сами собой производят предметы величественные.

С другой стороны, когда мы находились среди таких событий, которые, ниспровергнув чаяния нашего врага, превзошли нашу собственную надежду и показали в нас надежду отчаянной Европы, какой сын Отечества не обязан, для себя и Отечества, восходить мыслью и сердцем к источнику сих благословенных событий, дабы всеми силами охранять оный и, если можно, распространять его благотворные излияния?²

Вы видите, что я колеблюсь между поражающей величиною предложенного вами предмета и между привлекающей занимательностью его, между пореванием исполнить желание ваше и между опасением не удовлетворить ожиданию. Помогите мне решиться. Пошлите мне благотворного духа не для того, чтобы он обременил меня тяжкими оковами рассужде-

ния, в которых бы вскоре изнемог и пал, но дабы, в легком мечтании, пронес он и меня над необозримым поприщем невероятных событий и дал бы мне собрать непринужденно те мысли, какие на пути мне представляются.

Когда вы предлагаете мне искать нравственные причины для изъяснения невероятных событий настоящей войны, тогда вы уже признали, что ни естественное положение сражающихся сил, ниже искусственный образ их действования, не дают нам всего желаемого изъяснения на происшествия. Иначе какая была бы нужда помышлять о причинах нравственных? Итак, последуя вашим указаниям, на пути к открытию истинных причин, от которых произошли невероятные успехи оружия российского, я должен прежде пройти некоторые обстоятельства, по которым сии успехи казались невероятными.

Вернейшие успехи брани предуготовляются прежде брани; меч пожинает большей частью те лавры, которые посеяны миром. Казалось, никто лучше врага не знал сей опытной истины. Пред настоящей войной мы имели пять лет искреннего мира с ним, а он столько же, если не более, времени приготовления к войне с нами.

Покрываясь личиной нашего союзника, не простирали ли он тайную руку на расторжение других наших союзов? Не он ли наипаче раздувал попеременно на той или другой границе обширной империи пламя войны, которая хотя не изнуряла ее, но развлекала, хотя приобрела ей новую славу и новые области, но не дала насладиться отрадой и плодами желанного мира? Когда желание всеобщего мира убедило нас оказать холодность непреклонной морской державе, не питал ли он тогда сокровенного желания отяготить действие сей меры над нами самими? Не старался ли он устроить себе в собственных наших пределах невидимое передовое ополчение, посылая следами сиротствующих сынов царства французского, которые бегут к нам от пожравшей их Отечество заразы — толпы извергов мятежа, которые несут свою язву с собою; и сынами севера, столь же чуждыми низости

подозрения, как и слабости ухищрения, приемлются иногда в их безопасные жилища, как змея в недро? Я не буду ответственствовать на сии вопросы, ибо не желаю проникать в дела тьмы, которых прозорливое правительство не желало, может быть, обнажать по великодушию или совсем не хотело при-мечать из презрения.

Но когда среди мира, долженствовавшего сохранить Европе остаток ее свободы, Франция разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабых союзников, когда войска, столь нужные на юге, не оставляли севера, но еще час от часу в большем числе, подобно тучам, неслись туда же из поработенных царств, для кого могли быть загадкой намерения властолюбивой державы? Чем огромнее были ее приготовления, тем яснее показывали, против кого напрягает она свои силы.

Что же мы делали в сие время? О! Что мы тогда делали, то, может, не токмо врагам, но и доброжелателям нашим казалось недалновидным или недостойным сынов силы; но последствия дают нам право говорить, что то было премудро и велико. Мы свято сохранили мир, терпеливо напоминали о его законах вероломному союзнику и, наконец, весьма тихо приблизились к своим границам токмо для того, чтобы с миром идти навстречу самой брани.

Если превосходное число войска, бодрость воинов, обнадеженных сим превосходством, благовременные и обильные к войне приготовления, свобода избрать образ, время и место военных действий суть начатки военных успехов, то, взирая, с одной стороны, на целую почти Европу, прельщением и угрозами вовлеченную в предприятия одного властолюбца, с другой — на Россию, оставленную союзниками, похищенными великим вихрем или устрешенными, занятую войной с многочисленным народом и под маниями кроткого монарха в тишине ожидающую приближения новой и опаснейшей бури, — не мог ли бы кто сказать, что Наполеон, еще не начиная войны, уже побеждает? Так, по крайней мере, думал он сам, и должно признаться, что его предсказания о завоевании России, только ныне смешные, могли казаться тогда не столь-

ко невероятными, как то, если бы кто стал предсказывать конечное истребление бесчисленных союзных полчищ. Но непорфирородный царь, возжелавший быть еще непомазанным пророком, не провидел того, что, кроме физических и политических, государства одушевляются и действуют высшими нравственными силами, что насилие возбуждает против себя те самые силы, которые ему покоряются, что ухищрения могут быть перехитрены или разрушены нечаянностью, что правота всегда могущественнее коварства и злобы своей твердостью и провидением. Высокоумный повелитель надменного мнимой образованностью народа не знал и, к продолжению бед Европы, не изучил и доселе сего простого языка нравственности.

Необыкновенным открытием военных действий враг довершил чертеж вероломства и, по-видимому, приобрел новый залог чаемых успехов. Он начал брань не так, как государь, который, не могши убеждением расположить другого монарха или народ к справедливым, по его мнению, пользам своей державы, торжественно возвещает ему и другим, что употребит данную ему провидением силу для достижения своей цели, — он начал брань или как некий бог браней, который никому не обязан открывать своих предопределений, или как некий крамольник, внезапным восстанием поспешающий предупредить казнь, которой чувствует себя достойным. Сим наглым попранием народных прав он открыл себе путь безнаказанно попиравать нашу землю, между тем как мы принуждены были в одно время и отражать его нападения, и только еще приводить к единству движения распростертого по пространным областям войска, коего число и в соединении не могло быть страшно для слиянных сил шестнадцати народов.

Дано кровопролитнейшее из всех известных в наши времена сражение, в котором чем более победа колебалась между превосходством сил и совершенством искусства, между дерзостью и неустрашимостью, между отчаянием и мужеством, между алчностью грабежа и любовью к Отечеству, тем торжественнее увенчана правая сторона. Но какой опять мрак после

столь светлой для нас зари! Многочисленная потеря закрыта неисчислимыми остатками, победители утомлены победой, и дерзость «врага столиц» в свою черду могла величаться, если не покорением столицы, по крайней мере, вступлением в ее священные стены, обнажением ее благолепия, уловлением ее славного имени в поругание.

Если взаимно сообразить нетерпеливое стремление Наполеона в Москву и его упорное в ней медление, вопреки самим страстям его, то могут открыться мысли, которые имел он, войдя в сию столицу. «Теперь, — думал он, — я наступил на сердце России. Кто принудит меня обратить вспять мою ногу? Быв отнюдь не так силен, как ныне, я ступил в Вену и раздавил Германию. Москва, по крайней мере, должна вместе с собой смирить предо мною Россию».

Вообразим же, что в сию самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утешителю Европы столь высокомерную надежду, явилась бы истина и произнесла бы над ним свой суд: «Ты не наступил на сердце России, но, преткнувшись, оперся на грудь ее и вскоре будешь отражен и низвержен. Россия не будет унижена, но вознесется в славе, доселе невиданной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предела: начинается брань Господня. Ты расхитил преданную в руки твои судьбой столицу, но и будешь стрегом в ней, как уловленный хищник в «темнице»; а сие возбудит рабов твоей великой «темницы» к покушению сокрушить свои оковы. Поражаемый отовсюду, ты прибегнешь к обыкновенному твоему оружию лживого языка, но принужден будешь дать твоей империи повеление, чтобы она тебе верила, то есть признаться пред целым светом, что твоя империя тебе не верит. Ты побежишь, как тать, из той земли, в которую вторгнулся, как разбойник; и в столь же краткое время, как ты пришел сюда, тебя увидят в заточении собственного твоего дома, твои татьбины — в руках законных владетелей, твою великую армию — в плену, в снегах и в холмах могильных». Кто мог бы тогда отличить сии верные прорицания от суетных прещений? Кто узнал бы голос истины?

Но, наконец, истина оправдана от сынов своих, и судьба России от глубокого мрака изведена, как полдень, путями провидения. Да возвестится истина! Да благословится провидение!

Участь государств определяется вечным законом истины, который положен в основание их бытия, и который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством провидения.

Что есть государство? Некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделенный по наружности, но невидимой властью сопряженный с единством всецелого. Итак, чем постояннее оно удерживает себя в союзе верховного Правителя мира соблюдением Его закона, благочестием и добродетелью, тем точнее входит во всеобщий порядок Его правления, тем несомненнее покровительствуется Им, тем обильнее приемлет от Него силы к своему сохранению и совершенствованию. Оставив Бога, оно может быть на некоторое время оставлено самому себе, по закону долготерпения, или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий, но вскоре поражается правосудием, как возмутительная область Божией державы.

Что есть государство? Великое семейство человек, которое, по умножении своих членов и разделении родов, не могли быть управляемо, как в начале, единым естественным отцом, признает над собой в сем качестве избранного Богом и законом государя. Итак, чем искреннее подданные предаются отеческому о них попечению государя и с сыновней доверенностью и послушанием исполняют его волю, чем естественнее государь и поставляемые им под собой правители народа, по образу его, представляют собой отцов великого и в великом меньших семейств, украшая власть благотворением, растворяя правду милосердием, простирая призвание мудрости и благости от чертогов до хижин и темниц; тем соединяющие правление с подчинением узы — неразрывнее, ревность ко

благу общему — живее, деятельность — неутомимее, еди-
нодушные — неразлучнее, крепость — необоримее. Но когда
члены общества связываются токмо страхом и одушевляются
токмо корыстью собственной, когда глава народа, презирая
его, употребляет орудием своего честолюбия и злобы, тогда
есть покорные невольники, доколе есть крепкие оковы, есть
служители кровопролития, доколе есть надежда добычи,
а при наступлении общей опасности — все связи общества
ослабевают, народ без бодрости, престол без подпоры, Отече-
ство сиротствует.

Что есть государство? Союз свободных нравственных
сущностей, соединяющихся между собою, с пожертвованием
частью своей, свободы для охранения и утверждения общи-
ми силами закона нравственности, который составляет необ-
ходимость их бытия. Законы гражданские суть не что иное,
как примененные к особым случаям истолкования сего зако-
на, и ограды, поставленные против его нарушения. Итак, где
священный закон нравственности непоколебимо утвержден в
сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учени-
ем и уважаемыми примерами предков, там сохраняют верность
к Отечеству и тогда, когда никто не стережет ее, жертвуют ему
собственностью и собой без побуждений воздаяния или сла-
вы, там умирают за законы тогда, как не опасаются умереть
от законов и когда могли бы сохранить жизнь их нарушением.
Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется ложным про-
свещением и необузданной чувственностью, нет жизни в зако-
нах писаных, повеления не имеют уважения, исполнение — до-
верия; своеволие идет рядом с угнетением, и оба приближают
общество к падению.

Приложим сии всеобщие истины к настоящему положе-
нию Отечества, они покажут состав и меру его величия.

Верует Российское царство, что **владеет Вышний цар-
ством человеческим** и, неотступно держась верой и упова-
нием всемогущего сего Владыки, от Него прияло мощь, дабы,
не колеблясь, удержать на раменах своих всю тяжесть своего
бедствия, когда всеми земными силами было или боримо, или

оставляемо. Когда правота и великодушие упреждены были в мерах безопасности вероломством и нарушением народных прав, благочестивейший монарх не поколебался, но поручил свое дело Богу и не усомнился в народе своем. Верный народ не поколебался, но вверил судьбу свою Богу и монарху. Продолжение и возрастание общей опасности нигде не могло быть примечено, разве при алтарях, где моления становились продолжительнее, возрастало число притекающих, отверзающиеся Господу сердца, уже не таясь собратий, изливались в слезах умиления, и где отходящие на брань принимали последнее напутствие. Когда против чрезмерного числа вражеских полчищ правительство вынуждено было поставить неискушенных в брани граждан, вера запечатлела их собственным своим знамением, утвердила своим благословением, и сии неопытные ратники подкрепили, обрадовали, удивили старых воинов. А когда неистовые скопища нечестивцев не оставили в мире и безоружную веру, когда наипаче в богатой древним благочестием столице исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живого Бога и ругались Его святыне, усердие к вере превращалось в пламенную, неутолимую ревность наказывать ее хулителей и даже в ободряющую надежду, что враг Божий недолго будет счастливым врагом нашим. Наконец, с того времени, как по исполнении дней тяжкого искушения Господь сил увенчал нас оружием Своего благоволения, на необозримом поприще сколь знаменитых, столь же трудных подвигов, не тем ли наипаче высоким чувством одушевляется и укрепляется победоносное воинство, что идет под невидимым предводительством Бога отмщений?

Крепкий союз любви между подданными и государем, которого привыкли они видеть нежным отцом своим и мудрым неусыпным промыслителем, есть другой источник силы, сохранившей невредимой целость государства против напряженнейших усилий к его потрясению и сообщившей благоустройство и живость его действиям во дни нестроения. Тогда как уже враг некоторые области его занимал, а многим угрожал, оно принуждено было только еще собирать новые силы и

пособия военные. Какие же необыкновенные меры потребны были для того, чтобы сие исполнено было и с невозмущенной точностью, и с неутомимой поспешностью, и с удовлетворением необъятных нужд, и без опасного стеснения народа? Одно слово государя. Будучи уверен в чувствах своего народа, он пригласил его ко всеобщему восстанию против врага, и, точно, все восстали. Каждый помещный владделец учредил посильное войско для слияния в общую силу, множество свободных рук оставляли весы, перо и другие мирные орудия и простирались к мечу. Свободные пожертвования на потребности брани приносимы были не только свободными щедро, но и теми свободно, которые сами могли быть представлены другими в жертвование. Те, которых семейства были в опасности, обращались от них к общей опасности. Семейства менее, нежели обыкновенно, плакали, провожая новых ратников, забывали родство, помышляя об Отечестве. Приверженность народа к своему правительству не ослабевала и там, где затруднялись или прерывались сношения с правительством. Можно сказать, что в Москве, в самое время несчастного ее превращения из столицы российской в ужасный стан французский, подданные Александра были вернее своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю; ибо известно, что своеволие французского войска, еще более пагубное для него самого, нежели для опустошенной им столицы, не могло быть укрощено ни присутствием, ни повелениями, ни правосудием, ни самой жестокостью Наполеона. Между тем как граждане московские, сохраняя послушание к единому законному государю, по многократным и ласковым, и грозным требованиям, не хотели даже предстать иноплеменному властителю, решась страдать и умирать, но убежать с ним сообщения и оставляя его с одними телохранителями носиться по безлюдным путям вокруг Кремля, как толпы привидений около надгробных памятников.

Простые, но чистые и твердые правила нравственности, преданные от предков и не ослабленные иноплеменными нововведениями, поддерживали сию верность к своим обя-

занностям среди опаснейших соблазнов и величайших трудностей. Когда глас законов уже почти не слышен был среди шума бранного, закон внутренний говорил сердцу россиянина столь же сильно и повелительно: «Не смущайся сомнением и неизвестностью, в клятве, которую ты дал в верности царю и Отечеству, ты найдешь ключ к мудрости, разрешающей все недоумения. Находясь целую жизнь под защитой законов и правительства, воспользуйся случаем быть хотя единожды защитой законов и правительства. Не страшись опасностей, подвизаясь за правду, лучше умереть за нее, нежели пережить ее. Искупи кровью для потомков те блага, которые кровью купили для тебя предки. Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество — ты примешь жизнь и венец на небе». Вот правила, которые русский народ не столько умеет изъяснить, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вот чудесное искусство быть непобедимым, собирающее войска без военачальников, претворяющее целые селения в ополчения, ополчающее на брань слабые руки жен, побеждающее победителей! Вот истинно **«свободная наука»** не образованного по новейшим умозрениям народа, которой он обличил западных просветителей в буйном и рабском невежестве и которою теперь с толиким успехом освобождает от рабства приемлющих его в ней наставления?

Но благочестивые, верные и добродетельные сыны России не почтут похищением славы своей и то, что она вознесется до престола Царя славы. Да будет наша слава в том, что наша вера и правда привлекли на нас око Его благодати, да воспишется Ему то, что Он сотворил нами. Свет видел, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашим делом, но как часто над ними виден был собственный перст Божий! Не Бог ли, в руке Которого сердце царево, внушил царю в самом начале брани сие решительное, даже прорицательное чувство — «не полагать оружия, доколе ни единого врага не останется в пределах России», — чувство, которое всему народу вдохнуло столь же непоколебимую решимость? Не Бог

ли, непостижимый в путях Своего промысла, даровал Александру сие чудное провидение, что вначале пришел вождь, который понес на главе своей неизбежные неприятности, можно сказать, новой для российских воинов войны оборонительной и отступательной и тяжесть народного мнения. Потом, когда надлежало изменить лицо брани, явился другой, уготованный на спасение, прославленный многолетними подвигами, испрашиваемый желаниями народа, явился муж, который на беспокойного и недремлющего врага навел долгую дремоту, доколе не обновил крепости утружденного нашего воинства и доколе, во исполнение числа сего воинства, не ополчилась с нами вся природа? Не Господь ли сил в одном и том же пути одну рать истреблял болезнями, хладом и голодом, а другой соблюл крепость, вложил огонь и дал крылья? — «Благословен Бог воинств!»

Ныне заблуждающие народы, познайте пути к потеряному вами и тщетно в суетных мечтаниях искомому благоденствию! Бич Божий поражает Европу так, что его удары раздаются во всех концах вселенной. Услышите глас Наказующего и обратитесь к Нему, дабы Он был и вашим Спасителем.

Ныне благословенная Богом Россия, познай твое величие и не воздремли, сохраняя основания, на которых оно воздвигнуто! А ты, который не токмо трудности в деле брани Господней вверяешь Господу, но Ему же кроткой благодарностью возвращаешь и дарованные тебе победы! Ты, который твердостью в правде спас твою державу и благостью в могуществе спасаешь царства других! «Возвеселися его силою и о спасении его возрадуйся!» Мы верим и чаем, что и паки, когда жребий брани придет пред лице Его, **помянет Он всю кротость твою и еще даст тебе хотение сердца твоего.**

Но куда дерзают мои мысли?

Вы видите, почтенный руководитель мой, как далеко увлекает меня испрошенный у вас дух патриотического мечтания. Время успокоить его иверить вам сии беспорядочные строки. Если кто из строгих судителей в вашей храмине услышит их чтение, пусть услышит он и сие: в те дни, когда и

слабый пол побораёт брани Отечества и когда военачальники в повествовании о бранях более проповедуют о Боге, нежели многие учителя восемнадцатого века проповедовали в храмах, человек, не видевший брани, думал, что ему позволительно в уединении мечтать о земной и небесной судьбе браней.

**Слово при гробе в Бозе почившего Государя
Императора Александра Павловича**

Говорено в Московском Архангельском соборе

4 февраля 1826 года

Подобен ему не бысть пред ним царь, иже обратися к Господеви всем сердцем своим и всею душею своею, и всею силою своею. — Обаче не отвратися Господь от ярости гнева Своего великого.

(4 Цар. 23:25—26)

О Боже! Так ли неумолим гнев Твой? Царь не только благочестивый, но и беспримерный в благочестии, царь, который *сотвори правое пред очима Господними* (4 Цар. 22:2), царь, который старался не только подвластную ему Иудею, но и всю землю израилеву очистить от идолослужения и просветить богослужением истинным, который, как скоро узнал книгу закона Божия, немедленно принес пред нею покаяние в беззакониях своего народа и с тех пор не преставал быть ее учеником, исполнителем, защитником, проповедником, такой царь, с таким сердцем и душою, не мог отвратить Господа от ярости гнева Его великого; но гнев сей открылся раннею и внезапною смертию сего самого царя — Иосии. О, Боже! Так ли неумолим гнев Твой?

Не таков ли гнев Божий над нами, россияне? Ибо что значит сия, не угрожавшая нам, но уже действительная кончина сего поистине благочестивейшего царя, — кончина, которой ни лета его не призывали, ни силы, по-видимому, не допускали ни самая болезнь в начале своем, не предвещала? Не то ли сие

значит, что Бог нами прогневан, и *не отвратится Господь от ярости гнева Своего великого?*

Не познал иудейский народ цены сокровища, которое имел в царе своем Иосии: не познал, когда имел, и не воспользовался сим сокровищем. *Весь Иуда и Иерусалим плакаша о Иосии. И Иеремия возрыда по Иосии. И глаголаша вси князи и княгини плачь по Иосии* (2 Пар. 35:24—25). Ах! поздно большая часть из них плакали по Иосии вместо того, чтобы прежде усерднее плакать вместе с Иосиею, когда сердце его сокрушалось покаянием и смирялось пред грозным судом Божиим, когда он плакал пред Богом и был услышан. Иеремия, без сомнения, лучше всех знал, почему *рыдал*, когда другие только *плакали*: он рыдал удвоенным плачем, плачем о лишении царя и плачем о позднем плаче народа.

Народы, которым Бог в день благоволения Своего даровал благословенного Александра! (Ибо народам был Он от Бога дарован, а не одному народу российскому.) Народы! Познали ль вы всю цену сего сокровища? Упрочили ль для себя всю пользу, которою оно могло вас обогатить? Какое пророческое слово может ответствовать на сие? Время будет на сие ответствовать событиями. Вечный, владычествующий временами, да речет мир на преемника могущества и добродетелей Александра, дабы возобновился и не умолкал *глас радости и спасенья в селениях праведных!*

Но нам теперь говорить ли о великом сокровище? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли от избытка сердца печального? Или молчать от недостатка слова достойного? Дайте мне слово или научите меня молчанию. Не умею говорить и безмолвствовать не умею. Отрекаюсь от необъятного подвига хвалить Александра, уже Благословенного; но *нельзя* удержаться от печального пред Церковию размышления и слова о царе, который, подобно как Иосия, достоин, чтобы по нем рыдали пророки.

Представьте себе человека, который стоит над потоком и видит, как его сокровище низвергается в глубину. Касаясь вод, оно производит звук и рождает круги, один другого простран-

нейшие, но в то же мгновение скрывается в глубине, и только трепетание вод остается приметным зрителю. Подобно сему, кто может созерцать, пусть станет теперь над потоком времен, над водами народов, как изъясняется язык пророческий. Смотри, как драгоценная жизнь явилась, подвигла своею силою народы; наполнила своею деятельностью многочисленнейшие круги, один другого пространнейшие, произвела громкие звуки славы, но вдруг она погрузилась в вечность, и одно трепетное движение грозной нечаянности простерлось по всем известным народам.

Александр, еще в колыбели, радость и надежда Отечества, — Александр, в порфирородном семействе, утеха и любовь, — Александр, в начале века на престоле, как солнце на востоке, — Александр в России, отец народа, спаситель империи, — Александр в Европе восстановитель царей, примиритель царств, душа царственных советов Европы, — Александр в Царствии Божием, избранное орудие Царя Христа, чтобы торжественно утешить и возвеличить христианство там, где оно торжественно было целым народом отвержено и поругано, плотоносный Архистратиг небесных на земле сил, побеждающий небесным оружием, Кровию Агнца, кротостию и смирением!¹ Какие светлые виды! Какие величественные образы! Но как внезапно все они закрываются одною мрачною чертою: Александр во гробе!

Если в области природы есть предзнаменования и предчувствия необыкновенного и великого, подобно как в высшей области духа прообраования и пророчества, жизнь Александра многократно была оными ознаменована.

Что значит, что его рождение было в день, когда удаленное от нас солнце обращается к нам со своим светом, а вступление на престол империи в то время, когда солнце, увеличив свет до равновесия со тьмою, начинает для наших стран весну, время развития и оживления земной природы? Так случилось? Покойный ответ для людей, которые труд рассуждать почитают излишним и боятся, чтобы не узнать чего необыкновенного или чтобы не встретиться с провидением! Не так ничтожны

знамения времен для мудрого, который знает, что *в руке Господни власть земли, и потребного на время воздвигнет на ней* (Сир. 4:4). Святой Амвросий Медиоланский, даже говоря о Рождестве Спасителя, столь обильным знамениями чудесными, не оставляет без замечания и сего естественного знамения времени, что с **Рождеством Христовым день возрастает** (Слово на Рождество Христово).

Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь спросить старцев твоих, Россия, и рекут, — необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рождении Александра, когда родившийся младенец был только еще наследник наследника? Что и сие значило, что когда внуки, как новосаждения масличные, окружали Великую Екатерину, все прекрасны душою, все возлюблены, Александр преимущественно был ее восхищением? Что значил восторг России, когда она увидела Александра на престоле? Опыт дает право сказать, что то были великие предчувствия великой императрицы и империи.

Сообразно со знамениями времен, одним из первых подвигов царствования Александра было старание умножить свет в Севере, ему подвластном. Учреждения для просвещения народа умножены, ограждены постановлениями, расположены в правильных кругах, приведены к общему средоточию, находящемуся близ самого престола, украшены новыми предметами знания, обогащены способами, возвышены в правах как для сообщающих, так и для приемлющих просвещение. Как распространился от сего свет и сколько был он благотворен, пусть усматривают и определяют просвещенные. Царское дело — создать обители просвещения прочно и благолепно и покрыть своим высоким покровительством, а не преподавать учение или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имеющий в руке Своей власть земли*, как необходимо *потребного, воздвиг* Александра, было не тихое утро России, но бурный вечер Европы. Буря мятежа разрушила и престол царя, и алтари Христовы у народа, который дотоле, по-видимому, дышал только лег-

ким ветром, и ужасные развалины омывал продолжительный дождь кровавый. Из порывов безначалия родился, как сильный вихрь, похититель власти, который то уносил престолы с мест, где они были, то поставлял их на местах, где их не было, и который, наконец, подняв большую часть Европы, нес обрушить ее на Россию.

Что, если бы на сие время, когда так укрепился и возвысился сей *излишний* на земле, — что, если бы не воздвиг Господь *потребного* на ней? Что было бы с народами, которые со дня на день умножая собою число поработенных, чрез сие самое умножали число орудий поработения, увеличивали силу поработителя и которым он не хотел оставить другой безопасности, как войти в поработение, ни другой чести, как быть орудиями поработения? Что было бы со священным царским достоинством, которое непорфирородный царь оскорблял сугубо, и унижением порфирородных, и возвышением непорфирородных? Что было бы с народным духом, что было бы с просвещением и разумом образованнейшей части света, когда неограниченное самолюбие, никаких границ не уважавшего властителя, непременно требовало, чтобы все умели только раболепствовать пред ним, чтобы добродетель подвизалась только исполнять его волю, истина — ему ласкательствовать, знания — изобретать только средства для его целей, искусства — производить ему памятники его славы или размножать его идола? Чего надлежало ждать и христианскому богослужению от мнимого в своей земле восстановителя оно́го, который дал ему вид восстановления только для того, чтобы чрез то получить себе вид освящения, который одною рукою восстанавлиал алтарь Христов, а другою гораздо с большим усилием созидал Синагогу христубийственного народа?² Что было бы с землею, столь много бедствующею и еще более угрожаемою?

Какая бездна зол открывается при сем размышлении! Потому, какое беспредельное благодаяние *Имеющего в руке Своей власть земли*, что воздвиг на ней Александра, дабы заключить сию бездну! Чем бедственнее и ужаснее то, что

было, и было бы без него, тем величественнее и благотворнее то, что чрез него последовало.

Бог, Который воздвиг Александра на время необычайных браней и подвигов, научил его противопоставлять оружием воинства плотским не одни плотские, но наипаче духовные, даже, без несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адским оружием — небесные, хитрости — правду, дерзости — твердость и терпение, надменности — кротость и смирение, надежде на искусство и силы человеческие — упование на помощь и провидение Божие. И что же последовало? Идол Франции сокрушился о грудь России. Невольным поклонникам его дана свобода выйти из заблуждения. Союзом названные оковы многих царств распались. Александр с победою в столице врагов, разрушивших тебя, возрожденная потом столица Александра, и *наказует* их наказанием *праведника*, — *милостью* (Пс. 140:5). Ни к чему не прикасается; ничего не требует; не показывает и не принимает славы победителя; дарит им пленных; воздает христианскую честь их царю-мученику; дает им безопасность провозгласить изгнанного царя и восстановить законный, но давно разрушенный престол. Какая необыкновенная победа над врагами! И поелику столь высокая победа ни на минуту не подвигла духа Александрова с глубокого основания смирения, то какая еще более необыкновенная победа над самою победою!

И что еще! Слава побед, по правде пред тем почти забытой, принесена Господу сил. Неукротимый дотоле дух браней связан. Союзам царей и царств, для которых не находили дотоле более приличного закона, как закон своекорыстия и взаимной зависти, Александр сильным примером своим положил в основание закон бескорыстия и благоволения, словом, закон христианский. Несогласия народов или прекращены, или обессилены. Крамолы если не уничтожены, то приведены в отчаяние. Дела, которые решал меч, уже разрешаются советами. Многочисленное воинство Александра стоит в тишине как величественная стража мира не только России, но и Европы. Оградясь от врагов внешних, Александр, по собственному его

изречению, обращается против врагов внутренних, против неправосудия, неблагочиния, неблагочестия; как солнце, правильными шествиями обходит землю, ему подвластную, повсюду являя всех одушевляющий взор благоволения, пример благоговения к Богу, действия правды и милости. Мы наслаждались безопасностью и покоем; ожидали и требовали блаженства: увы, может быть, слишком нетерпеливо и с ропотом ожидали, не рассуждая о трудностях, какие встречают созидающие благо народов; может быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданию одного недостатком чистой и послушливой ревности к общему благу, истощая общее изобилие нашею роскошью, затрудняя законы и действие их преумножением беззаконий; и видел Господь; и прогневался; *и не отвратися Господь от ярости гнева Своего великого!*

Где сей новый Иосия, *иже обратися к Господеву всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею силою своею?* Что принесло нам величественное шествие? Что нашло наше ревностное сретение? Одно мертвенное, оставшееся от бессмертного. *Да плачет вновь весь Иуда и Иерусалим — весь народ и град престольный! Да глаголют вси князи и княгини плач! Да рыдают служители Слова и таинств, рыданием Иеремииным или плачем Давидовым!*

Слышу плач певца израилева: *Горы Гелвуйския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* За что сие проклятие на невинную природу? *Яко тамо повержен бысть щит сильных* (2 Цар. 1:21), жалуется певец израилев. Но сильные повергли щит, уступив сильнейшим в брани, за что же негодовать на место, которое приняло их в падении? Прииди, певец скорби: я укажу тебе место, более достойное негодования. Прииди, помоги мне сетовать на горы таврийския. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* Не оружием врагов поражены тамо сильные: горный ветер пронзил главу священную. Не малый щит немногих сильных повержен тамо: великий щит благоденствия великой империи, крепкий щит мира Европы, проникнут стрелою невидимою. Не Саул оставленный ищет

тамо смерти, которая окружает его, но возлюбленный Давид ищет жизни для возлюбленной болящей супруги, а никем не подозреваемая смерть его самого ищет. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!*

Но тщетно и сие негодование и, может быть, дерзостно. *Смиримся под крепкую руку Божию* (1 Пет. 5:6). И для нас, и для оплакиваемого нами лучше молиться, нежели жаловаться.

Царю Царей! Ты воздвиг Его на время; Ты воззвал Его к вечности. Приими то, что Ты даровал; не остави тех, которых лишаешь. Ты взял сего царя как *праведного, от лица неправды* (Ис. 57:1), когда она готовилась вновь разродиться отступлением от Царей (ибо разрушителя крамол всемирных надлежало устранить от тяжкой скорби видеть их отрасль, проникшую даже в Отечество); умилился, Господи, возьми сию неправду от лица оставшихся праведных! Христе, животе наш! В Тебе Едином искал Он врачевства и жизни во дни болезни своей; сподоби Его *истее Тебе причащаться в невечернем дни царствия Твоего*, в Соборе царей, вечно с Тобою царствующим! Аминь.

**Слово в день восшествия на Всероссийский
престол благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича**

Говорено в Чудове монастыре 26 ноября 1848 года

*Боже, песнь нову воспою Тебе; во псалтири
десятоструннем пою Тебе, дающему спасение царем.
(Пс. 143:9, 10)*

Приходило ли вам когда на мысль, что в древней Церкви еврейской, подобно как у нас ныне, бывало своего рода молебное пение о здравии и спасении царя? Точно бывало, как показывают священные книги. Совершали оное не только просто молитвенники, но даже пророки. Пророк Давид обещает песнь Богу, *дающему спасение царям*, и, конечно, исполнит свое обе-

щение: а это и будет молебное пение, потому что песнь Богу есть купно и молитва. *Боже, песнь нову воспою Тебе; во псалтири десятиструннем пою Тебе, дающему спасение царем.* Примечайте, что Давид говорит не о *царе*, то есть не о себе только лично, а о *царях* вообще, то есть о Божиим покровительстве царскому достоинству.

Еще примечательнее подобная песнь пророчицы Анны, в которой она, вознося благодарственную молитву к Богу, даровавшему ей сына Самуила, возвысилась до пророчесственного восторга. *Помолися Анна, и рече*, излагая чудные действия провидения Божия молитвенно и вместе пророчески: *даст крепость царем нашим, и вознесет рог Христа Своего* (1 Цар. 2:1, 10). Надобно при сем вспомнить, что уже после, при сыне Анны, Бог дал царей народу еврейскому. Итак, царей еще не было у евреев, а пророчица уже призывала и предрекала Божие покровительство их царям.

Так дорого ценили царское достоинство для блага избранного Богом народа люди Боговдохновенные! Так истинная Церковь древле и ныне всегда одинаково верна истине благотворной для общежития человеческого и самой себе!

Но что значит, что пророк предполагает о спасении царей песнь *новую*, тогда как она должна быть уже не первая? — Должно думать, что новые царственные обстоятельства, избавление от новых опасностей, препобеждение новых трудностей, вновь явленная Богом царю защита и помощь возбуждали в уме псалмопевца новые мысли, в сердце новые чувствования, в десятиструнной псалтири новые звуки, в обычной за царя молитве новую песнь.

И мы ныне, благодарственно вспоминая день, в который Бог *вознес избранного от людей Своих*, даровал нам благочестивейшего самодержца нашего, не новую, а всегдашнюю приносим за него молитву, но при мысли о новых событиях сердце исполняется новыми благодарными чувствованиями к Дающему спасение царю.

Третье десятилетие вращая скипетр огромного царства твердою рукою, много имел он царственных опытов, много со-

вершил подвигов, много, хранимый и покровительствуемый Богом, преодолел трудностей, но еще нового рода испытание царского духа и мудрости представил совершившийся ныне год. В царствах более или менее союзных с Россиею и частью соседних, у народов многочисленных, образованных, в минуты дремания правительств, из вертепов тайных скопищ, безнравственных и безбожных, внезапно исторгся вихрь мятежа и безначалья, который, колебля и разрушая порядок одного царства по другому, угрожал миру и безопасности всех народов Европы; а против державы Российской особенно дышал яростию с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира. Здесь можно сказать с Деворою: *велия испытания сердца* (Суд. 5:16)! И терпение хранить было трудно, и дать свободу ревности не удобно. Оставаться в бездействии было не безопасно, и могла чрез сие увеличиться дерзость врагов мира; но и действовать было не благовременно, и сие могло доставить предлог ищущим случая воспламенить войну. *Велия испытания сердца*. Но сердце царево утвердилось во Господе и не поколебалось от трудностей. Благодетельнейший государь с обычною ему откровенностию сказал свое царское слово своему народу о тревожных движениях за пределами России, могущих приразиться и к ее пределам, и изъявил свою волю, равно непоколебимую как в том, чтобы хранить мир, так и в том, чтобы отражать врагов мира. Внутренним движением военных сил к угрожаемым пределам, не выходя из мирного положения, он стал в положение грозное: и таким образом нравственно подкреплял верных союзников и друзей порядка и мира и поражал издалеча дерзость мятежа и безначалья. Если некоторые соседние государи, которым безначалие, даже не покрываясь личиною, противостало во всем своем безобразии, с самыми разрушительными усилиями — благонадежно и с успехом противопоставили ему законную власть и силу: сему, без сомнения, немало споспешествовало то, что за ними стоит крепкий защитительный оплот единоначалия и всякой законной власти — Россия. Итак, не новое ли это, что самодержец России мановением скипетра действует

так сильно, как оружием; не прерывая мира, побеждает одну из самых враждебных сил, словом, угашает возгоравшуюся войну, величественным молчанием заграждает огнедышащие уста? И год тревог и ужасов для многих народов у нас остался годом мира и спокойствия.

Боже, песнь нову воспеваем Тебе, дающему спасение царю!

Возвращаясь к еврейскому псалмопевцу, любопытствуя знать ближе, какие обстоятельства возбудили его к новой песни о спасении царей. Путь к разрешению сего вопроса мне видится в самом псалме. Псалмопевец молит Бога: *...избави мя от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды* (Пс. 143:7—8). И в след за сим восклицает: *Боже, песнь нову воспою Тебе, дающему спасение царем*. Чтобы понять сей внезапный переход от скорбной молитвы к торжественному восклицанию, необходимо предположить, что в людях, которых уста глаголют суету, которых десница есть десница неправды, он видит великую опасность не только для частных людей, но и для царства; и потому избавление от таких людей признает великим благодеянием Божиим, достойным торжественной благодарности.

Что умножение людей, которых десница есть десница неправды, вредно и опасно не только для людей в частности, но и для общества, о том сомнения не предвидится. Но неужели так же вредны и опасны и те, *ихже уста глаголаша суету*? Многие ли уста так строги, чтобы никогда не глаголяли суеты?

Чтобы рассуждать о сем основательно, требуется не поверхностный взгляд на суету. Соломон написал целую книгу для изъяснения суеты, но для сего довольно взять только начало и конец его книги. В начале ее сказано: *всяческая суета* (Еккл. 1:2), а в конце: *Бога бойся и заповеди Его храни: яко сие всяк человек* (Еккл. 12:13). Соединив сии мысли, находим, что, по учению Соломона, все, возвышающее человека над суетою, заключается в страхе Божиим и в хранении заповедей Божиих, и что, напротив того, вне страха Божия и хране-

ния заповедей Божиих все в человеке есть суета. Итак, *уста, глаголющая суету*, которых псалмопевец боится, как потопа, означают усиленное обнаружение образа мыслей, в основании которого нет благоговения к Богу и Его заповедям. *Избави мя*, говорит, *от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету*.

Мужа Боговдохновенного, конечно, нельзя подозревать в напрасном страхе или в малодушии. Если же указуемая им опасность от суеты действительно изведена, то хорошо ли мы поступаем, если видим, слышим и, может быть, себе позволяем суету без опасения и осторожности? И в наше время, и близ нас не умножаются ли уста, глаголющие суету в забвении Бога и Его заповедей? Не глаголют ли они часто, свободно, обаятельно, в беседах, на зрелищах, в книгах?

Дело суеты начинается тем, что уменьшается внимание к Божественному и вкус к духовному и усиливается склонность к чувственному; пленяются изящным, ищут приятного с охлаждением к истинному и доброму; более занимаются игрою страстей, нежели слушают рассудка и нравственного чувства. Но как Божественное, духовное, истинное, доброе бессмертно и потому сродно бессмертной душе человеческой и доставляет ей постоянное услаждение, а чувственное тленно и потому для бессмертной души неудовлетворительно; приятное, не упроченное истинным и добрым, есть мгновенно, и перестает быть приятным при повторении и пресыщении, от чего рождается непрестанная жажда нового; страсти, при ослаблении вожей рассудка и нравственного чувства, легко превращаются в бешеных коней: то дело суеты, получив силу, не может остановиться на одних забавах, но, смотря по обстоятельствами, больше или меньше, скорее или медленнее, подается вперед. Куда? Это, к сожалению, слишком очевидно в наше время у *сынов чуждых*. Многочисленные у них *уста, глаголющая суету*, сперва говорили суету приятную, потом нескромную, потом соблазнительную, потом явно порочную, наконец, возмутительную и разрушительную, взволновали умы: вызвали, поощрили, даже вновь образовали людей, *ихже*

десница — десница неправды, и таким образом произошли, по выражению псалмопевца, *воды многи* — потоп зла, который подмывает основания всякого благоустройства и благосостояния общественного и частного.

Так у *сынов чуждых*. Но мы довольно ли осторожны? Некоторые виды их суеты не переходят ли к нам открыто, не прокрадываются ли неприметно? Скажут, вероятно, что мы заимствуем у них только невинную суету. Не войду против сего в спор, хотя можно сомневаться, окажется ли какая суета невинною пред судом истины и добродетели. Скажу только, что, когда для суеты, как говорят, невинной, дверь отворена, тем более требуется заботливого внимания, чтобы она была затворена для суеты небезвинной и небезопасной.

Благодарение Богу и покровительствуемому Им благочестивейшему государю, что мы охранены *от вод многих* и *от сынов чуждых*, *ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды!* Да сохраняем себя со своей стороны достойными вышнего охранения! Средство для сего, простое и верное, то, которое предложил Соломон и которое, как лучшее из наследств, передали нам наши предки: *Бога бойся, и заповеди Его храни: яко сие всяк человек* — в сем достоинство, благо и блаженство человека и человечества. Аминь.

**Слово в день восшествия на Всероссийский престол
благочестивейшего Государя Императора Николая
Павловича, по первом лете царствования его**

Говорено в Московском Успенском соборе

20 ноября 1826 года

*Сотвори мне величие Сильный, и свято имя Его.
(Лк. 1:49)*

Забудем на минуту, что мы стоим теперь в великом храме, в котором после, без сравнения, великого имени Царя царей паче всякого иного имени возвеличено имя Царицы

Небесной. Возвратимся мыслию за осьмнадцать веков назад; войдем в малое иудейское селение, *Горняя*; встретимся там в малом, без сомнения, доме священника Захарии с родственницею его юною Девкою Мариєю, которая, хотя и происходила из великого рода Давидова, но, конечно, не сохраняла уже никаких останков сего древнего величия, когда обручена была малому земли, древоделю Иосифу. Там и тогда поставим себя слушателями торжественного восклицания Марии: *Сотвори мне величие Сильный* — а ни в ней, ни окрест Ее не видно никакого знака, ни следа величия! Что глаголеши, смиренная Дево? Как не страшишься восторженного слова, которым Сама Себя только возносишь? Как станет слово Твое? Кто ему поверит?

Познаем, ученики и вместе поклонники Слова, которым сотворено все, познаем силу Божественного Слова. Оно вселилось во утробу святой Девы Марии, потому сильно было во устах Ее и воистину сотворило Ей величие Царицы Небесной, которое и на земле мы видим и пред которым благоговейно поклоняемся.

Но так и всегда Сильный и Великий Бог творит величие тем, которые во смирении чувствуют и признают себя немощными и малыми в самих себе.

Благословенная Дева, прославляя Бога, сотворившего Ей величие, кажется, подражает знакомому Ей чрез церковное пение и домашнее чтение изречению псалмопевца, который взывает к Богу так: *Боже мой, не остави мене, дондеже возведу мышцу Твою роду всему грядущему. Силу Твою и правду Твою, Боже, даже до вышних, яже сотворил ми еси величия* (Пс. 70:18—19). Что такое величие? В изъяснение сего псалмопевец говорит далее: *Елика явил ми еси скорби мнози и злы, и обращя оживотворил мя еси, и от бездн земли возвел мя еси: умножил еси на мне величество Твое* (Пс. 70:20—21). Из соображения сих слов можно уразуметь, что *величия* на языке Священного Писания суть дела Божия над человеком чудесные, благотворные, открывающие безмерное величие Божие и сообщающие некое величие человеку. Впрочем, приложите имя

величия ко всему, к чему оное с некоторым приличием приложено быть может. Думаете ли вы о величии звания и власти или о величии ума, о величии души, о величии дел, во всех сих отношениях, по примеру псалмопевца, по примеру Пресвятой Девы, не обинуясь возвещаем всему роду сему, что сильный Бог творит *величия*, и что, следственно, без Него тщетно хотели бы немощные человеки поставить себе какое-нибудь самосотворенное величие.

Спросим ум возвышенный, обширный, глубокий; спросим сердце благородное, исполненное благоговения к Богу и любви к человекам, чистое до бесстрастия, спросим их: кто сотворил вам сии величия? Природа? Но природа не есть самостоятельная творящая сила, она есть орудие в руках истинного Творца, Бога. Образование? Но по самому своему имени образование не творит, а только дает некоторый определенный образ свойствам, деятельность способностям, направление силам, которые существуют независимо от образования. Опытность? Но сколько людей, которые среди великих опытов оказываются всегда малыми, как земное бытие, между тем как в других неприметное в начале семя величия, подобно указуемому евангельскою притчею *зерну горушну* (Лк. 13:19), в краткое время возрастает в дерево велие? Если и признать, что образование и опыты не только открывают дух возвышенный, но и действительно его возвышают, кто дает образователей и образование, многими тщетно искомое, кто посылает великие опыты и руководствует в них не опытного, иногда и беспомощного, — кто, как не Тот, Который, все соделав Словом творческим, по свидетельству божественного Слова, *доселе делает* (Ин. 5:17), потому что *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. 1:3), и без Его провидения мы *не можем власа единаго бела или черна сотворити* (Мф. 5:36)?

Если Бог Своим провидением и благодатию творит в человеках величие духа, не мнимое, которое, как призрак, является в порывах к возвышенному и вскоре упадает в ничтожество или нечистоту, но истинное, постоянное, выдер-

живающее трудные опыты, то посему самому не должно ли признать, что Бог творит и то величие, которое даст человеку деяния, производимые необыкновенною мудростию и силою великого духа, предводимые благородными побуждениями, сопровождаемые благотворными последствиями. Душа малая любит все свои успехи приписывать себе одной, из опасения, что, когда отстранит от себя ей не принадлежащее, люди приметят, как она мала; но души великие, после великих дел, сами охотно признаются, как мало было для них дел того, что знают они в себе, и как многое потребно было для оных от Бога и Его провидения. *От небесе ополчишися звезды, — поет Девора, прославляя победу над Сисарою, — от чина своего ополчишися с Сисарою* (Суд. 5:20). Не проговорилась ли пророчица, не унизила ли она великого дела, произведенного необыкновенною силою духа ее, приписав часть знаменитой победы влиянию звезд, которое произвело грозу над неприятельским войском или направило бурю в лицо ему? Нет! Она возвестила высокую истину, что видимые великие дела совершаются не иначе, как под вышним управлением, с невидимою помощию. Какое великое дело — если угодно иметь и другой пример, — какое великое дело, когда Гедеон с тремястами безоружных рассеял, истребил мадиамлян и амалекитян, которые были, *яко пружи множеством, и вельблюдам их не бяше числа!* Но от какой малости зависла судьба сего великого дела! От сновидения воина в неприятельском стане. *И бысть яко услыша Гедеон поведания сна, и разсуждение его, и поклонися Господеви, и возвратися в полк Израилев, и рече: встаните, яко предаде Господь в руки наша полк Мадиамль* (Суд. 7:12—15). И сию малость послал великий Бог для того, что без нее не состоялось бы великое дело человеческое.

Что сказать о величии звания? Если оно приобретено великими делами и благотворными для человечества подвигами, то из сказанного уже видно, что и сие величие творит Бог, помощник и покровитель в делах великих и благотворных. Если оно наследовано, и в сем случае, кто, как не Бог благо-

словляет род правых, да будет слава и богатство в дому его, и правда его, наследственная добродетель, пребывает в век века (Пс. 111:2—3). Бог сотворил царское величие малому пастырю овец Давиду; избрал наследовать оное Соломона; не допустил Ровоама разрушить оное неосторожностью; в лице младенчествующего Иоаса скрыл оное от коварства и злобы в собственном храме Своем; продолжил оное веки на престоле иерусалимском, в благословенном, хотя и не во всех своих рождениях равно достойном роде Давида; между тем как израильские цари, которые думали иметь величие без Бога истинного, и целые роды их с неблагословенного престола, один за другим, как листья и ветви с полусогнившего дерева, низвергаемы были бурями времен мятежных. И всем временам и всем великим земли возглашает все творящая, едина несотворенная премудрость Божия: *Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду: Мною вельможи величаются, и властители Мною держат землю* (Притч. 8:15—16).

Бог сотворил величие и роду наших царей, россияне! И недавно вновь воссотворил оное благословенно царствующему над нами Николаю. Что сделалось — было предначати-ем года, которого благополучное совершение ныне торжествуемо, что сделалось — было с сим koliko досточтимым, тоliko достолюбезным величием? Царя не стало, преемник скрывался, крамола подкапывалась во мраке под основание престола. Но Бог и не ожидавшего и даже уклонявшегося *вознес избранного от людей Своих* (Пс. 88:20); сотворил Ему и величие наследия по закону отеческому и вместе величие избрания от двух старейших братий, и величие духа, с которым Он первым явлением пришествия Своего уничтожил сопротивных, и величие деяний мудрых и благотворных, которые возвышают и, без сомнения, продолжают возвышать Его не в Его скромных помышлениях, не в наименованиях и словах, но в умах и сердцах верноподданных; наконец, после скорбей многих милосердый Бог *умножил* на Нем и на нас *величество* Своих благодеяний мирным и всерадостным Его венчанием и священным миропомазанием.

Реки ныне, благословенная Россия: *сотвори мне величие, Сильный!* Но не забуди приглаголать и сие слово преблагословенное: *свято имя Его!* Святи и не преставай святить имя Бога твоего благодарением за величие благодеяний Его, молитвою за царя и всяким благочестием. Святи имя возвеличившего тебя Бога не только устами благочестивыми, но и сердцем смиренным, и соблюдением святых Его заповедей во всякое время и во всяком деле жития, да и еще сохранить и умножить тебе величие — Сильный. Аминь.

**Слово по освящении храма Пресвятой
Богородицы, Взыскательницы погибших,
устроенного при замке пересыльных арестантов**

Говорено 23 декабря 1843 года

Всади их во внутреннюю темницу, и ноги их заби в кладе.

В полунощи же Павел и Сила молящиеся пояху Бога:

послушаху же их юзницы.

(Деян. 16:24—25)

Вот и мы *молящиеся* поем Бога, если не в самой темнице, то близ самой темницы, и ради темницы, и *слушают* нас юзницы.

Помышляя о том, что здесь ныне совершилось, хочу радоваться радостью человеколюбия, но несколько и страшусь страхом Божиим.

Если бы кому пришло на мысль во дворе темничном построить царский дом, кто не сказал бы, что это несообразно с достоинством дома царского? Как же дерзнули мы во дворе темничном устроить дом более нежели царский — дом Божий?

Чистота и святость принадлежат дому Божию преимущественно пред всяким другим местом, хотя, впрочем, не лишены своей чистоты. Напротив того, темница, и особенно темница осужденных, не есть ли такое место, куда общество человеческое повергает от себя нравственную нечистоту? Итак, сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома

Божия, когда мы поставляем его в соприкосновенности с темницей осужденных?

Правила святых удаляют от Святых Христовых тайн и едва допускают переступить чрез порог святого храма людей, обремененных тяжкими грехами, доколе не очистят их совести покаяние, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сия строгость, когда и человеческий закон тех же людей, за те же грехи, которые он, обнаружив, называет преступлениями, удаляет от домов и селений непорочных граждан, даже навсегда. Как же теперь святой храм со Святыми Тайнами сам пришел к сим людям, которым строгость священных правил не дает права приступать к Святым Тайнам и едва позволяет входить во храм?

Милостив буди к немощным служителям Твоей святыни, Единый Святой, Единый Господь, Иисус Христос, если мы не довольно строго удаляем от святыни Твоей то, что ее недостойно, если, научась от апостола Твоего, *помянуть юзники, аки с ними связаны* (Евр. 13:3), мы хотим разделить с ними, что только знаем утешительнейшего для себя, — именно благодать святого храма и спасительное общение или, по крайней мере, благотворную близость животворящих тайн. Не в темницу ли, не к осужденным ли, не к изгнанникам ли, не к узникам ли пришел и Сам Ты на землю, чтобы основать Твой живой храм, Твою святую церковь! Ибо что такое вся земля, после рая, как не пространная темница? Что человек вообще, как не осужденный преступник райского закона, изгнанник рая, пленник греха, узник бранный плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя, не чуждалась святыня Твоя. Ты пришел; и в сей темнице, для сего преступника, изгнанника, пленника, узника, поставил Твой Голгофский крестный жертвенник, Твоим страданием и смертью совершил на нем Твою вселенскую Божественную литургию, принес Твою вечную жертву, которая одна и та же и здесь, и ныне совершается. И кто были ближайшие к сему Твоему жертвеннику? Разбойник одесную, разбойник ошуюю. Если сия близость шуяго возбуждает негодование, то какое утешение подаст близость десного, который и

крестной жертвы Твоей верой приобщился, и Тебя прославил, и сам спасся, и самым безнадежным грешникам подал пример и надежду спасения! И ныне, Господи Иисусе Христе, Боже наш! Святой и Освящающий, Архиерей и жертва, Спаситель грешных, Взыскатель погибших, Датель благодати и славы! Да не удалится и от здешнего жертвенника святыня Твоя, да почивает на нем благодать Твоя. И если между приближающимися к нему пред зрящим на сердца оком Твоим явятся и разбойники или такие, которые не лучше разбойников, взыскуй и обретай между ними подобных благоразумному распятому с Тобой разбойнику. Пронзай души их взором Твоего всеведения и правосудия, да уязвятся сердца их спасительной скорбью покаяния. И когда от сокрушенного сердца возопиют к Тебе: *помяни их во Царствии Твоем* памятью милосердия, даруй им благую надежду и скоро начни отверзать им тайную дверь рая — в умиротворенной совести.

А вы, которых закон и правосудие сделали чуждыми для нас, но которых еще братьями называть побуждает нас любовь христианская! Поймите любовь сию в ее опытах, которые перед вами. Зачем пришли к вам, узникам, сии люди свободные, обилующие, люди почетных званий? Как вы с удовольствием исторглись бы из вашей темницы, так они с удовольствием отторглись от своих дел и занятий и поспешили к вам, в темницу. Не имеют ли они в вас какой нужды? Без сомнения, никакой. Какая же сила привлекла их сюда? Сила любви христианской. Видно, могущественна сия сила, видно, приятно следовать ее влечению. По любви христианской они находят приращение своего благополучия в том, чтобы сострадать вашему несчастью, чтобы трудиться для ваших нужд, чтобы, по возможности, облегчать ваши тяготы, наипаче же, чтобы указать вам единственное верное средство для вашего примирения с вашим жребием — в вашем внутреннем примирении с самими собой и с Человеколюбцем Богом.

Для чего так торжественно явился среди вас и церковный собор и так близко к вам водворил святыню храма христианского? Почему правосудие церковное не так для вас

решительно и неумолимо, как гражданское, хотя Церковь требует не только непорочности во внешних отношениях, но и во внутренней святости, и потому могла бы строже судить виновных? Почему тогда, как гражданское общество изгоняет вас, Церковь как бы гонится за вами? Одно изъяснение сих неожиданностей — любовь христианская. Даже и грозной строгостью церковных правил не иной кто вооружил служителей веры, как любовь, по реченному апостолом: *страхом спасайте от огня восхищающе*, любовь же повелела и умягчать строгость правил: *милуйте рассуждающе* (Иуд. 1:22, 23). Любовь во Христе избрала и провозгласила сей неожиданный образ действия: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9:13). *Прииде Сын человеческий взискати и спасти погибшаго* (Мф. 18:11). Та же любовь и ныне от девяносто девяти овец незаблудших идет искать одной заблудшей.

Братия, и в сем униженном состоянии вашем ради Христа возлюбленные! Не будьте к сей любви невнимательны и холодны. Если есть в вас некоторое расположение к благодарности, как оно есть в общей природе нашей, неужели вы попустите себе оказаться недобрыми для тех, которые так деятельно добры для вас? Неужели не захотите доставить некоторое утешение тем, которые заботятся о вашем утешении? Заботьтесь же сколько-нибудь и вы, чтобы доставить им утешение, которого они ищут в вашем нравственном и духовном улучшении.

Когда замечаете близ себя, что христианство раскрывает в людях способность находить благополучие в том, чтобы идти в темницу, заботливо заниматься осужденными, догадайтесь из сего, что есть в христианстве сила и в самих осужденных, и в самих заключенных в темнице, или странствующих в изгнании или заточении, открыть способность к благополучию, которого и темница не помрачит, которое и на пути в изгнание позади не останется. Источник сей победоносно благотворной силы есть благодать Божия, хранилища благодати суть Слово Божие, Церковь и ее таинства, средства

привлекать и приобретать оную суть сердечная молитва, поучение Слова Божия, благоговейное участие в церковном богослужении и в установленном порядке общение таинств с верою и любовью.

Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, как трудно вам возвышать дух ваш из-под тяжести бедствия. Не оспариваю сей трудности, но утверждаю, что есть верная возможность преодолеть ее, и чтобы доказать сие несомненными опытами, указываю вам на темницу или, если угодно, и на несколько темниц и изгнаний или заточений, которые несравненно тяжелее вашей темницы и вашего изгнания, но которые не препятствовали возвышаться духу, когда он того желает.

Апостолы Павел и Сила в городе Филиппах за проповедь Евангелия и за изгнание духа пытливого возмутившимся народом битые, израненные, отданы в темницу под крепкую стражу. Темничный страж, не довольствуясь заключением их во внутреннюю темницу, *ноги их заби в кладе*. Что же они делают, изнуренные биением, страждущие от ран, не могущие дать удобного положения телу от стесняющей ноги обоих колоды, — что делают они тогда, как и не изнуренные уступают немощи тела? *Полунощи Павел и Сила молящиеся пояху Бога*. Может быть, вы думаете, что апостольский только дух мог быть так возвышен и непреодолеваем ни бедствием, ни немощью. Не совсем так. По гласу молитвы апостольской и прочие заключенные в той же темнице, не только не апостолы, но, по всей вероятности, даже не христиане (потому что это было в языческом городе), возвысились духом и над бедствием, и над немощью плоти, не предались сну в полунощи: *послушаху их юзницы*. И видно, сильно их обьял восторг молитвы апостольской, потому что и чудо над ними совершилось: *всем юзы ослабеша*.

Кто не слышал о юном, невинном Иосифе, отторгнутом от отца, проданном братьями в плен и в рабство, увлеченном в дальнюю страну, к иноплеменникам, оклеветанном, вверженном в темницу? Знаете, конечно, и то, что столько

бедствий не могли унижить духа юноши, ни поколебать его добродетели, но и в рабстве она была свободна, и в темнице просияла. Не видите ли, что и в темнице, и в заточении можно находиться без упадка духа, не без надежды и даже с достоинством и славой?

Осмотрите еще одну темницу и узы, которые должны показать вам, что темница и узы не только не погубляют невинного, но еще могут споспешествовать спасению виновного, если он благоразумно ими воспользуется. Манассию, виновного в отступлении от Бога и в других тяжких преступлениях, *яша во узах, и связаша его оковы ножными, и отведоша его в Вавилон. И егда озлобен бысть, възыска лице Господа Бога своего, и смирися зело пред лицем Бога отец своих, и помолися к Нему, и послуша его* (2 Пар. 33:11—13).

Итак, если вы не можете, как Иосиф, сделать свою темницу, изгнание, заточение почтенными и славными посредством невинности и непоколебимой добродетели, по крайней мере, как Манассия, старайтесь сделать ваши бедствия и трудности спасительными для вас посредством покаяния, исправления жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбе Божией.

Что скажу, наконец, соединенным подвижникам христианского человеколюбия, посетителям темниц, попечителям их обитателей и пресельников? Что в особенности соратникам дела благочестия, которое ныне запечатлела благодать? Не многое потребно слово там, где уже довольно дела благонамеренно совершилось или совершается. *Не обидлив Бог забыты дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его* (Евр. 6:10). Любовь Божия да не перестает одушевлять и услаждать ваш труд. Имя Господа Иисуса да исполняет силой слова и действия вашего человеколюбия. В благоуспешном утешении бедствующих, в обращении заблуждающих, в радостном о сем свидетельстве совести вашей да является вам и в темнице Тот, Который отъял от нее поношение и украсил ее Своим уверением, что Он в ней был: *В темнице бех*. Аминь.

Слово пред присягой для избрания судей

Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря

2 января 1835 года

*Руки скоро не возлагай ни на когоже,
ниже приобщайся чужим грехом;
себе чиста соблюдай.
(1 Тим. 5:22)*

Слыша сие, благородные и разных родов и степеней почетными званиями украшенные мужи, вы тотчас можете подумать — к чему теперь сие слово? *Руку возлагать* не наше дело, мы пришли дать обет благонамеренно избрать достойных в некоторые должности гражданские и клятвою пред Богом засвидетельствовать Государю, Отечеству, друг другу, что будем сие делать точно по совести.

Знаю, и на сей именно случай желаю предложить вам некоторые мысли. Но позвольте мне думать, что не неуместно избрал я для сего в руководство моему размышлению слово апостольское, которое вы слышали. Дайте мне объясниться.

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом; себе чиста соблюдай.

Можете знать, как очевидцы, что обряд возложения рук, от времен апостольских доныне постоянно употребляемый в Церкви, означает предваряемое избранием и утверждением возведение и посвящение в разные степени церковного служения. Итак, правило апостола *Руки скоро не возлагай* значит: не будь тороплив в избрании, утверждении, возведении в церковные должности, будь в сем осмотрителен, осторожен.

Правда, что сие правило направлено на нас, служителей церковного управления, а нужно теперь правило для вас, почетные избиратели управления гражданского. Но что же делать? Апостолы писали не государственные постановления, не гражданские законы, нельзя требовать, чтобы в книгах их

отыскалась подробная инструкция гражданского избирателя. Впрочем, вы удостоверены, что апостолы в своих писаниях руководствовались истиной, и притом Божественной, а истина для всех одна. И премудростью, и законодательством апостолов было благочестие. *А благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4:8). Посему можно вам взять истинное и благочестивое правило апостольское из церкви и перенести в вашу избирательную палату. Отложите особенности: мысль о служениях церковных, обряд рукоположения — вы увидите в рассматриваемом изречении апостола общее правило: не будь скор в избрании в должности общественные, а будь осмотрителен, осторожен. Приложите ближе сие к вашему делу и обряду и скажите себе: избирательного шара скоро не полагай, будь осмотрителен, осторожен. Я же к сему присовокуплю, что сим образом учит вас апостол, а не я: уважьте наставление, и само по себе, и ради наставника.

Но апостол дает нам и вам не безотчетное повеление, ибо христианство владычествует силой свободного убеждения. К наставлению об осторожности, в избраниях он тотчас присовокупляет и убеждение в важности и необходимости сего наставления. *Ниже приобщайся*, говорит, *чужим грехом; себе чиста соблюдай*. О каких говорит он чужих грехах? Что значит *приобщаться чужим грехам*? Слова апостола заключают в себе мысль дальновидную: надобно ее раскрыть и приблизить к делу.

Дабы убедительно предостеречь от *скорых*, то есть неосмотрительных и необдуманных избраний, прозорливый наставник смотрит на последствия оных. Если выбираешь в должность без внимания, как случится, — всего легче, что выберешь недостойного. Если Тимофей, к которому первоначально писал свое наставление святой Павел, по неосмотренности рукоположит пресвитера, несведущего в учении спасения или недостойного по жизни, то произойдут в пресвитерстве или невольные грехи неведения, или вольные грехи неукротенных страстей и низких склонностей. И далее, вследствие сего, некоторые грехи народа, которым надлежа-

ло бы очищаться посредством духовного разума и священного служения, останутся неочищенными, и еще далее, родятся новые грехи соблазна, который с особенной силой приходит чрез недостойных служителей святыни. Вот разного рода чужие грехи, на которые предостерегательно указывает святой Павел Тимофею и мне! Мы сказали бы, может быть, какое нам дело до чужих грехов? Пусть отвечают за них те, которые их делают. Но апостол говорит: *Ниже приобщайся чужим грехом* — следовательно, полагает, что указанные теперь грехи падают на ответственность не только тех, которые их делают, но и того, кто скоро, неосмотрительно, необдуманно избирает и возводит недостойных делателей правды и святыни, которые после оказываются делателями неправды и греха. Кто посмеет сказать, что святой Павел судит здесь слишком строго? Знает дело правого суда тот, который принадлежит к избранным между избранными, которые непогрешительным избирателем удостоены доверенности *мирови судити* — *Ангелов судити* (1 Кор. 6:2, 3).

Надобно еще заметить, что апостол говорит о избрании только *скором*, неосмотрительном, и такое избрание находит уже участным в чужих грехах. Что же сказал бы он о избраниях обдуманно неблагонамеренных, пристрастных, корыстных? Не трудно заключить, сколь строже должна быть осуждена неблагонамеренность, в сравнении с неосмотрительностью, и я думаю, что избирателям неблагонамеренным, пристрастным, своекорыстным он сказал бы, что на их главу падет почти вся тяжесть грехов, содеяваемых против звания и должности недостойно избранными.

Перенесите, почтенные избиратели, рассуждение апостольское от наших выборов к вашим и помыслите, с каким вниманием надлежит вам ныне употребить власть избрания, которая с такой щедрой доверенностью дарована вам высочайшей властью самодержца.

Если — чему я не предполагаю быть на деле, но что говорю по ходу предостережения, — если вы не употребите всего, какое возможно, внимания и попечения, чтобы

открыть, привлечь и избрать в общественные должности людей самых достойных и благонадежных; если вы будете подавать избирательные голоса в пользу одного, потому что он очень желает избрания, в пользу другого, потому что он добрый знакомый, в пользу третьего, потому что надобно же кому-нибудь быть избрану, и так далее; а между тем не до-вольно будете вникать в то, имеет ли избираемый способности и сведения, потребные для дел, к которым избирается, и ругаются ли прежде известные его правила и деяния за то, что он согласно с пользой общественной проходить будет служение, которое вы хотите вверить ему, — если потом, вследствие столь невнимательного и небеспристрастного избрания, избранный вами служитель правосудия возьмет правду и суд, станет оправдывать неправды богатых и сильных, а не будет внимать суду вдовиц и сирых; блюститель земского порядка и спокойствия вместо того, чтобы облегчать и разрешать затруднения смиренных земли, сделается для них ярмом связующим и гнетущим; вождь ваших наследственно почтенных сонмов окажется не столь прямым и твердым в путях своих, как требует достоинство сего, особенно видного и возвышенного в государстве сословия, в котором растут столпы для благолепия престола самодержца; если такие и большие сих неправильности и грехи откроются в избранных вами, вследствие невнимательного или небеспристрастного избрания, то позвольте вам сказать, прежде нежели сие случилось, что в таком случае ваши гладкие избирательные шары превращаются в руках ваших в острые стрелы, которые уязвят общественное благосостояние и обратятся уязвить вашу совесть, спокойную, может быть, во время производства избрания, по такой же невнимательности в отношении к себе, как и в отношении к другим.

Остерегись, благонамеренный избиратель, чтобы ничего такого не случилось, будь внимателен — ревностно, дальновидно внимателен, не допусти последствий избрания, нежелательных ни для общества, ни для тебя: *Ниже приобщайся чужим грехом; себе чиста соблюдай.*

Себе чиста соблюдай не только от чужих отдаленных грехов, но в то же время и от ближайшего к тебе, собственно-го греха, который чрез невнимательность подкрасться может. Ибо что делаешь ты ныне здесь, приступая ко вверенному тебе делу избрания? Приемлешь в твои уста имя всевидящего Бога, лобзаешь Слово Христово и образ распятого Христа и сими святейшими знамениями запечатлеваешь твой обет, что так верно будешь обращаться в начинаемом деле, как верно видит тебя Бог, как верно слово Евангелия, как верно умер за тебя твой Спаситель и твой будущий Судия. Если засим ты будешь невнимателен в твоём деле, то легко сделаешься и неверен и таким образом оскорбишь святыню Божественную, которую ты лобызаешь, и поклоняемое имя, которое приемлешь. Соблюди себя от столь мрачной нечистоты. *Не очистит бо Господь приемлющего имя Его всуе* (Исх. 20:7).

Испытай сердца и утробы Божие праведно! (Пс. 7:10). Силой страшного и поклоняемого Твоего имени соблюди приемлющих ныне оное в чистоте правого разума и благого намерения, да будет дело их мирно, благоуспешно, общепольно, да усмотрят себе от всех и изберут в Начальства, мужи сильны, Тебе, Бога боящиеся, мужи праведны, ненавидящие гордости и корысти (Исх. 18:21), достойны начальствовать и судить в людех Твоих. Аминь.

**Мнение митрополита Филарета по вопросу:
должно ли спрашивать священника о том, что
открыто ему на исповеди подсудимым пред смертью**

Преосвященный Смоленский Тимофей в августе 1849 года вошел в Св. Синод с представлением следующего содержания: «Поречское Духовное Правление, вследствие требования тамошнего Уездного Суда, по делу, производящемуся в оном суде, дворянина Павла Долотовского, рапортом от 1 марта 1849 года испрашивало от меня разрешение, должно ли спрашивать священника Изировского, что открыто ему на исповеди

пред смертию подсудимым, прикосновенным к оному ж делу, Николаем Львовым. В разрешение сего рапорта, Смоленская консистория, с моего утверждения, предписала Духовному Правлению, что на основании 9-го и 10-го пунктов прибавления Духовного Регламента, невозможно спрашивать священника Изировского об исповеди умершего подсудимого; о чем уведомлен Смоленский Губернатор, но Губернатор, вновь изъясняя обстоятельства дела, пишет, что Львов пред смертию сознавался в совершении одним им убийства и будто бы оправдывал Долотовского; поэтому для правильного заключения по сему делу он просит разрешить священнику Изировскому обнаружить, по священству, с строжайшею истиною, все, что открыл ему на исповеди Львов, а если он, Преосвященный, не найдет возможным сделать такое разрешение, то предлагает испросить на то благословение Св. Синода». Вследствие таких обстоятельств Преосвященный Тимофей представил сие на рассмотрение Св. Синода. Рапорт Преосвященного Смоленского был отправлен к Митрополиту Филарету, который дал по этому случаю следующее заключение на имя графа Н. А. Протасова, обер-прокурора Св. Синода:

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Отношением от 15 дня сего ноября № 6966 Ваше Сиятельство требовали моего мнения по вопросу из Смоленска: должно ли спрашивать священника о том, что открыто ему на исповеди подсудимым пред смертию?

Полагаю, что не должно — по следующим причинам:

1) Изъятие из тайны исповеди, по весьма важным причинам в 9-м и 10-м пунктах прибавления к Духовному Регламенту. Но под сии правила далеко не подходит случай, представляемый из Смоленска. Там дело идет о безопасности священной особы Царя, Церкви и государства: а здесь — частном преступлении частного лица. Там — о таинстве покаяния несовершившемся, по причине неоставления злого намерения; здесь — о покаянии совершившемся.

2) Допрошение священника требуется напрасно. Положим, что Львов на исповеди признался, что один совершил убийство и что другой подсудимый, Долотовский, невинен. Как правила исповеди повелевают, чтобы кающийся исправил, если можно, зло, которое сделал или которое, по вине его, может сделаться, то в сем случае священник обязан не давать Львову разрешения, доколе он при свидетелях не объявит, что Долотовский за него страждет безвинно. Таким образом, суд без нарушения тайны исповеди узнал бы то, что ему нужно.

3) Исполнить требование суда было бы сколь противно правилам церковным, столько же вредно для подсудимых и для суда. По наблюдению за содержимыми в местах заключения известно, что они не во всем открываются духовнику, боясь обнаружения их дел, если недовольно в нем уверены, и что исповедь их становится более полною и чистою, когда о духовнике между заключенными, по опытам, составилось мнение о ненарушимости чрез него тайны исповеди. Итак, если допустить, что духовник может быть спрошен судом об открытом ему на исповеди, то нельзя не опасаться, что сие не скроется от подсудимых, что они будут скрывать свои преступления от духовника, ко вреду и гибели душ их, а суд из ложной исповеди будет выводить ложные заключения.

4) Суд не знает, чего просит. Положим, что священника спросили и он показал, что Львов объявил на исповеди невинность Долотовского. Что приобретает суд? Пред законом это свидетельство по слуху. Это один свидетель, хотя и по священству, что равно покаянию под присягою. Закон требует более.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Филарет М. Московский.
Ноября 25, 1849 года

**Речь к Преосвященному Леониду,
новорукоположенному епископу Дмитровскому**
Говорено в Успенском соборе 26 апреля 1859 года

Преосвященный епископ Леонид!

Вступающему в новое служение, при смиренном самосознании, должно быть свойственно искать наставления и приятно найти оное. Но сила и действие подаваемого наставления, без сомнения, много зависит от достоинства наставляющего.

Итак, стань со мною пред святым апостолом Павлом, и послушаем, что говорит он ефесским пастырям, не мимо нас с тобою: *...внимайте себе и всему стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею* (Деян. 20:28).

Кратко сие наставление, но окажется довольно полным, если несколько углубимся в оное.

Дух Святой постави епископы. Это учение веры. В епископе не должно видеть только начальника, подобного поставленным человеческой властью, исполнителя правил и законов, блюстителя порядка и благоустройства. Это не все. Епископ есть орудие Духа Святого. Начало его начальствования есть таинство. Действитель, поставляемый земной властью, получает от нее имя и право действовать, поставляемый Небесной Властью приемлет от нее не только имя, но и силу, не только право действовать, но и вышнее содействие. Дух Святой не удаляется от поставленного Им, если сей не уклоняется от Него. Итак, епископ всемерно должен иметь ум и сердце горѣ, как сосуды, верой и молитвой открытые к вышнему Источнику света и силы.

Дух Святой постави епископы. Это учит также страху Божию. Если поставленный земной властью действитель совестится не угодить начальству доброму, страшится подвергнуться прещению начальства строгого, с каким страхом поставленный Небесной Властью должен проходить свое

служение, чтобы не лишиться благоволения Духа Утешителя, чтобы не подвергнуться осуждению от Всеправедного и Всемогущего!

Дух Святой постави епископы. Сие же слово, если отяготеет над нами страх, может облегчить нас надеждой. Дух Святой творит Свое дело, конечно, не для того, чтобы оное пренебречь и отвергнуть, но чтобы поддержать и сохранить. Кого Он призвал и поставил в служение благодати, в том Он, конечно, не отчаялся, да не отчаиваемся и мы в продолжении благодати Его.

Чтобы спасительный страх пред великой обязанностью пасти Церковь Господа и Бога не был ослабляем чрезмерной надеждой или самонадеянием, чтобы в надежду не вкралась беспечность, чтобы многочисленные внешние отношения пастыря к пастве не развлекали его и не ослабляли внутреннего отношения его к Духу Святому, его поставившему, предостерегая от сего, апостол говорит пастырям: *внимайте себе*. Бодрствуйте над собой, поставленные на страже дома Божия; предавшись дремоте и сну, не сбережете ни себя, ни дома, вам вверенного. Осторожно наблюдайте за чистотой ваших мыслей и желаний, намерений и дел, светильник закона Божия и слова Христова да освещает ваше внутреннее и внешнее и да удаляет от вас мрак и зло.

Только внимающий себе пастырь способен с истинной пользой пещись о стаде. Посему и говорит апостол: *внимайте, во-первых, себе*, а потом *стаду*.

Что значит «внимать стаду»? — Рассудительно и неослабно пещись о словесных овцах, подобно как добрый пастырь печется о бессловесных. Води овец на тучную пажить, то есть питай души пасомых здоровым учением истины и жизни христианской. Стреги овец от волков, то есть охраняй православных от ересей и расколов. Ищи овец заблудших, то есть старайся привести в Церковь блуждающих вне ее. Врачуй овца болящее, то есть грешника, увещанием к исправлению и покаянию. Стань против овов крепких, бодущих и реющих, и подыми овца немощное, то есть дерзай поставить слово прав-

ды против неправды сильных и словом утешения и делом помощи поддержи нищего, оскорбляемого, унывающего.

Труден подвиг, особенно когда овны бодущие и против пастырей обращают роги, когда больные овцы, не приемля врачевания, думают сами врачевать пастырей, когда и у тех, которые должны быть не от мира, мир уже не ныне вынудил слишком много снисхождения к нему и даже преклонил их иное заимствовать от него.

Но апостол, наставник пастырей, преподает нам сильное средство укрепить себя в подвиге и одушевить себя ревностью, когда напоминает нам, что Церковь, для которой мы призваны подвизаться, Христос Господь и Бог *стяжал кровию Своею*. Взирая на сей безмерный подвиг Его для нас, поколеблемся ли пред малым, подлежащим нам подвигом для Него? Если Он, из любви к Церкви Своей, пожертвовал за нее Своей Божественной кровью, нам ли тяжело будет, из любви и благодарности к Нему, в служении Церкви Его, принести Ему в жертву наши способности и силы, наш труд и покой, наши утешения и скорби, и если бы потребовалось, и самую жизнь?

Тебе, боголюбезный брат, еще не обширный открывается круг епископского действования. Вступи благодушно; укрепляйся упованием на Божественного Пастыреначальника Господа Иисуса. Жезлом правости да будет жезл твоего начальства.

**Письмо Преосвященного Филарета графу
Н. А. Протасову, обер-прокурору Св. Синода,
об увольнении из духовного звания студента
Московской семинарии Василия Дроздова**

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Получив от Вашего Сиятельства извещение о происшедших по духовной службе личных переменах, долгом поставлю принести благодарность за оказанное мне сим внимание.

Сие внимание дает мне свободу принести Вашему Сиятельству и просьбу. Московской семинарии студент Дроздов просит увольнения из духовного звания и о сем представлено мною Св. Синоду.

Благоволите споспешествовать ускоренно решения о нем. Ваше Сиятельство, надеюсь, одобрите, что он ищет канцелярской службы не по моему ведомству, будучи со мною в родстве.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Филарет М. Московский.
Января 3, 1851 года

Записка о последствиях стеснения сект и снисхождения к ним

С некоторого времени в отношении к управлению делами о раскольниках повторяется мысль, что будто бы нигде стеснение сект не останавливало их успеха, а, напротив того, будто бы содействовало их распространению и что по сей самой причине должно бы отменить существующие о раскольниках постановления, как стеснительные для них, так что настоящее наше относительно раскола положение должно почитать переходным.

По сему предмету необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) Существующая система действий относительно раскольников есть следствие многолетних наблюдений и опытов; притом она уже не только в прошедшее царствование, но и в настоящее утверждена высочайшей волею.

2) Православие и раскол так противоположны друг другу, что покровительство и защита Православия естественно должны стеснять раскол; снисхождение же к расколу естественно

должно собою стеснять Православную церковь. Существующая система неудобна для раскола, но разве лучше та, которая будет неудобна для Православия?

3) Примеры истории показывают, что если секты от стеснительных мер усиливались, то это только там, где сии меры были не тверды, где они подвергались изменению; а где они были тверды, там успех сект останавливался и даже уничтожался.

Первая замечательнейшая в средней Европе секта гуситов, сначала было принявшая огромные размеры, потом энергическими мерами правительства подавлена так, что Богемия, где она возникла, совершенно обратилась в римско-католическую страну.

Спустя после через сто лет возникшее протестантство имело успехи только там, где сами государи явным образом приняли его сторону.

Но во Франции, где сего не было и где правительство, наконец, сильнейшим образом противодействовало протестантству, оно, после отмены Нантского эдикта, так ограничено, что уже не могло более распространяться.

Те же следствия были в Бельгии, где правительство употребило все усилия против распространения протестантства, а в Испанию и Италию по сей самой причине оно даже не могло и проникнуть, хотя и никак нельзя оправдывать ужасов бесчеловечной инквизиции.

В Англии протестантство окончательно утвердилось жестокими мерами покровительницы его, королевы Елизаветы. С тех пор и до нашего времени латинское исповедание не имело там никаких успехов, но как только правительство уравнило последователей оного в правах с прочими гражданами, число приверженцев папы более нежели удвоилось и теперь постоянно и быстро умножается.

В Пруссии лет за двенадцать пред сим появились было неокатолические общества, но о них почти уже не слышно с тех пор, как правительство положило преграду их незаконному распространению.

Если же истинная святая вера Христова распространилась в первые века посреди жесточайших гонений, то это было неопровержимое знамение Божественности учения Спасителя, и применять столь чудесное ее распространение к невежественным сектам значило бы унижать действие всевышней благодати.

Но к дальнейшему распространению христианства промысл Божий употребил впоследствии и покровительство властей; с принятием святой веры императорами римскими, распространение оной сделалось гораздо более быстрым и повсеместным. Наконец, и во всех европейских державах, равно как и в нашем отечестве, распространению христианства особенным образом способствовало покровительство государей.

И наша Православная церковь уже сама горьким опытом убедилась, что стеснения не распространяют, а подавляют, если не навсегда, то на долгое время, истинное учение веры. Так было в западном крае России, где гонение Православия создало унию и могло бы вконец подчинить весь народ Риму, если бы Промыслу не угодно было возратить тот край в недра Православной России. Так и теперь в австрийских владениях православие, стесняемое тамошним правительством, постепенно оскудевает.

Что касается нашего раскола, всем известно, что число последователей его сначала, несмотря на возникшие от них самые дерзкие смуты, было весьма малозначительно, за исключением тех, которые отпадали в раскол вследствие введенных императором Петром I европейских обычаев, но только со времен Императора Петра III стали особенным образом возрастать успехи раскола, по мере как возрастало снисхождение правительства, и наконец достигли неожиданных размеров к концу царствования императора Александра I. После сего раскол усиливался только в тех губерниях, где со стороны местных властей оказывалась ему потачка, ослабевал же там, где обращемо было строгое внимание на его оказательства, на соращения и на другие злоупотребления. Итак, снисхождение

к расколу содействовало и содействует его усилению гораздо более, нежели стеснение.

Никто, конечно, не станет в наше время одобрять мучительства и гонений, противных духу Христовой церкви. Но разве можно почитать мучением и гонением всякое должное взыскание? Если бы не было воспрещения совращать православных в раскол или соблазнять их оказательством раскола, если бы послушники сего не преследовались законом, то как же бы иначе правительство охраняло веру и верных ей? А если уклонившиеся от законного порядка и содействующие уклонению других ограничиваются законом в правах, злоупотребляемых ими для успеха секты на прельщение слабых мирскими выгодами, тут видно одно законное следствие общественного благоустройства, иначе не будет пределов своеволию и прельщению. Наконец, закрытие устроенных тайно скитов и других сектантских мест и сборищ есть простая потребность всякого благоустроенного государства, в коем подобное самовольство не допускается и людям господствующей веры. Без таковых законов, конечно, неприятных расколу, не было бы и покровительства Православию, и ни малейшего гражданского обуздания преступлений против веры. Но тогда нарушены были бы и самые уставы Вселенских соборов, на основании коих в христианской империи оказывается защита православию от ересей.

4) Раскол не может идти в сравнение с терпимыми в России исповеданиями, которые не скрывают пред правительством своих учений и не касаются коренного русского населения. Напротив того, раскольники в действиях своих не дают правительству отчета и, по духу своего прозелитизма, никогда не разграничатся с православными. Оттого существует значительное число (до 600 тысяч) колеблющихся между Православием и расколом. Эти люди еще ходят к православному богослужению, не исключают себя из Церкви, боятся ответственности и пред законом, к ним еще имеет доступ духовенство, их тайное уклонение от Православия еще не имеет наглости; но при послаблении законов все они

сделаются быстрой и невозвратной добычей раскола, а явное их отпадение укажет путь другим.

5) Если нынешнюю, неоднократно высочайше утвержденную систему действий подвергнуть новому пересмотру и до окончания этого огромного труда решать текущие дела о раскольниках, имея в виду будущие о них постановления и нарушая существующие, то такое распоряжение не замедлит сделаться известным всем раскольникам, везде прибавит число и явных, и тайных и обратит в ничто все усилия ревностных наших архипастырей, когда люди, склонные к расколу, получают убеждение, что правительство само облегчает им переход в общества, непокорные Церкви. И где же будет преграда отверстому для них пути? По какому праву правительство скажет одному из заблудших: «Ты можешь принять раскол» (т. е. преступить закон), а другому: «Ты этого не можешь».

6) Православный народ составляет несравненное большинство русского народа и, без сомнения, вернейшую опору правительства. Неужели оно может пожелать, чтобы число это умалялось к приращению раскола, составляющего язву и Церкви, и государства? И по какой причине? Потому только, что раскольники жалуются? Но они перестанут жаловаться тогда лишь, когда будут торжествовать.

Когда они перестанут жаловаться, тогда наступит охлаждение православного народа к правительству, покровительствующему расколу, дающему льготу неверным и непокорным к соблазну верных и покорных.

В заключение должно присовокупить, что если делать раскольникам уступки, то наше в отношении к ним положение действительно будет переходным к худшему для Православия, а лучше ли будет правительству оттого, когда оно ослабит Церковь, с которой тесно соединено, и когда на счет Церкви усилит раскол, с которым ему неестественно соединиться и который всегда будет работать к его же ослаблению?

1858 год

**Слово в день восшествия на Всероссийский престол
Государя Императора Николая Павловича**

Говорено в Чудове монастыре 20 ноября 1846 года

*Писано есть: дом Мой дом молитвы есть.
(Лк. 19:46)*

Кто из нас не знает, что место, где мы теперь находимся, есть дом молитвы и дом Божий? Однако не неблагоприятно, думаю, теперь привести на мысль, что знаменательное наименование *дома молитвы* и высокое наименование *дома Божия* не только дает сему месту пророк, но также признает и сама воплощенная Истина, Господь наш Иисус Христос, *глаголя: Писано есть: дом Мой дом молитвы есть.*

Чем вожделеннее для нас особенный предмет нынешней молитвы нашей: призвание новых благословений Божиих на обновляемое царственное лето благочестивейшего самодержца нашего, тем полезнее и приятнее иметь в виду твердое удостоверение, что молитва наша не на темном и неизвестном пути, не издалеча простирает недосязаящая руки и не достигающие, может быть, до слуха гласы, но беседует с Богом в доме своем и Божиим, следственно, близко, свободно, удобно-слышимо, благонадежно.

Приведем для себя в большую очевидность скорое и верное действие церковной и в особенности царственной и всенародной в Церкви молитвы посредством древнего примера. Во время внезапного нашествия на царство иудейское трех враждебных народов, *ста Иосафат в собрании Иуды во Иерусалиме, в дому Господни*, и принес единодушную с народом молитву к Богу, признавая свою немощь и призывая Его противу врагов помощь: *не вемы, что соделати имамы им: но токмо очи нашии к Тебе*. Едва произнесена была молитва, как услышался благоприятный на нее ответ Божий из уст Иозиила: *Бысть на нем Дух Господень посреди народа, и рече: слышите весь Иуда, и*

обитающих во Иерусалиме, и ты, царю Иосафате: сия рече Господь вам: не бойтесь, ниже ужасайтесь от лица народа сего многого, несть бо ваше ополчение, но Божее. На другой день, когда Иосафат и его войско шли навстречу врагам, воспе-
вая священные песни, междоусобие произошло в стане разно-
племенных врагов, они истребили друг друга; иудеям осталось
только собрать добычу (2 Пар. 20).

Если так действовала молитва во храме сеней и гаданий, то менее ли надлежит ожидать от нее во храме явленной и воплощенной Истины? Если так дерзала и успевала она там, где владычествовал грозный Закон, то не паче ли здесь, где поставила престол свой милующая благодать?

Воплощенный Сын Божий учил молитве словом и примером; побуждал к ней; пролагал и облегчал ей путь к Богу Своим о нас ходатайством, которого не прекращает и ныне и не прекратит до скончания века; и, одушевляя к подвигу чаемым плодом подвига, Он дал христианской соборной молитве уполномочивающее обетование. *Аминь глаголю вам: яко аще два от вас совещаеца на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех* (Мф. 18:19). *О всякой вещи, еяже аще просита:* какое обширное, какое, можно сказать, неограниченное полномочие! *Будет... от Отца... Иже на небесех:* какое высокое и, очевидно, никакою иною властью непреборимое полномочие! А что в обетовании говорится о наименьшем соборном числе *аще два от вас совещаеца*, это для того, чтоб и малый по нужде собор церковный не почитал себя слишком недостаточным для участия в обетовании Господнем и чтобы тем паче уповал на обетование собор великий.

Хотите ли видеть сие обетование в исполнении, сие полномочие в полном действии? Посмотрите в первоначальную Церковь апостольскую.

После одной из первой успешной проповеди на апостолов восстали все иерусалимские власти. Ввергают их в темницу; потом, взяв из нее, допрашивают в соборе князей, старцев и книжников и грозно запрещают им учить о имени Иисуса. Буря

сильна. Новонасажденное христианство было в опасности не только поколебаться, но и быть исторгнуто с корнем. Нужна была чрезвычайная опора, особенное подкрепление свыше. *И помолвившимся им, подвижесе место, идеже бяху собрана, и исполнишася вси Духа Свята, и глаголаху слово Божие со дерзновением* (Деян. 4:31). Место, идеже бяху собрана, очевидно, было домом молитвы и домом Божиим внутренно, хотя еще не время было тогда возвеличить оное внешне и осенить крестом, как у нас ныне.

В другое время *Петра стрежаху в темнице: молитва же бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем* (Деян. 12:5). Что же сделала сия церковная молитва? То, что ангел разрешил Петра от оков и сквозь запертые двери, мимо стражи вывел из темницы на свободу.

Нужно ли говорить более, чтобы возбудить покоящуюся уверенность, что наименования дома молитвы и дома Божия не суть только почетные наименования, поверхностно наложенные на предмет, но выражают нечто существенное в предмете, хотя не всегда и не всем открывающееся? Кажется, все мы знаем, что в доме молитвы, в соборе церковном есть особенная благодатная близость Бога вездесущего; что в доме Божиим есть таинственное вселение Бога невместимого; что в сем доме богатого благостию Домовладыки больше, нежели где-либо совокуплены сокровища даров, пособий, благоденний, милостей, утешений, света, силы, жизни, спасения; и чадам и присным сего дома предоставлен ключ от сих сокровищ: молитва веры. Кажется, все мы знаем достоинство и важность дома Божия, как о сем свидетельствует самое наше собрание и общий образ благоговения, господствующий в сем собрании.

Но я сказал не совсем решительно: кажется, все мы знаем — и, к прискорбию, имею на то причины. Когда от должного молитвенного возвышения к Богу или по немощи и развлечению падаю мыслию на себя и на окружающее или по лежащему на мне долгу охранять чин церковный обращаю испытательное внимание на служащих и предстоящих во храме; когда примечаю, что мы, служащие святилищу, не служим иногда

образцом для прочих в благоговении к святилищу; когда слышу чтеца, торопливо пробегающего псалом, или певца, играющего звуками без признаков духовного внимания к тому, что читают или поют; когда вижу некоторых предстоящих Царю Небесному с меньшим благоговением, нежели предстояли бы царю земному, пришедших беседовать с Богом, беседующих вместо того между собою: и в сем положении вижу не таких людей, которых можно было бы извинить пророческим словом: *...негли убози суть и буии* (Иер. 5:4); когда искушаемый неблагоприятным словом сопредстоящего, видимо, заботится не о том, чтобы не прогневать Бога неблагоприятием в Церкви, и не о том, чтобы удержать ближнего от неблагоприятия, а о том, чтобы молчанием не оскорбить приглашающего к празднословию: при таких видах желал бы не верить видимому и недоумеваю, что это значит? Знаем ли мы, куда и для чего пришли? Знаем ли, что это дом Божий? Или не хотим пользоваться его сокровищами? Неужели поклонники храма Иерусалимского должны в чем-нибудь уступить преимущество поклонникам какой-нибудь горы самарийской, которые, не имея у себя подобной святыни и даже *кланяясь, егоже не ведут*, тем не менее строго соблюдают порядок и безмолвие при молитве? Поймите глаголемое притчею, что горько было бы сказать без притчи.

Чтобы не преувеличивать обвинения, справедливость требует сказать, что несовершенный иногда вид благочиния и благоговения в храмах наших является не как выражение неблагочестия, а только как следствие не строгого внимания и недовольной бдительности некоторых над собою. Впрочем, если бы кто спросил: стоит ли труда преследовать такие погрешности, как поздний вход в дом молитвы или ненужное слово, сказанное во время богослужения? — то я отвечал бы, что надобно по возможности устранять и погрешности, чтобы за ними не пришли и не поселились грехи и беззакония.

Обратимся к Евангелию и посмотрим, какие преступления преследовал Господь наш, когда, *вшед в Церковь, начат изгонити продающих в ней и купующия, глаголя им: писано есть: дом Мой дом молитвы есть, вы же сотвористе его пещеру*

разбойником? Какие люди пришли в храм Иерусалимский и как превратили его в пещеру разбойников? Язычники ли это? Идолским ли служением осквернили они храм? Совсем нет. Это православные иудеи для удобства продавали и покупали то, что нужно в храме для богослужения: волов, овец, голубей для приношения в жертву — и разменивали деньги, чтобы тот, кому жаль положить в сокровище храма большую монету, близко мог найти для сего малую; и это делалось не во святилище, а во дворе храма. Мы, взглянув на сие, может быть, усомнились бы, надобно ли преследовать неблагообразие, которого не совсем легко избежать и которое имеет свою пользу? Но Господь преследует сие неблагообразие не только словом, но и бичом от вервий и называет оное превращением храма в пещеру разбойников. После сего надобно признаться, что нельзя почитать очень невинным, когда не во дворе храма, но в самом храме христианском, пред лицом самой святыни рассеянность и человекоугодие разменивают между собою приветствия и на праздные вопросы покупают бесполезные ответы.

Не угрожаю никому бичом Господним. Мой подвиг не в том, чтобы кого-либо изгнать из храма, но в том, чтобы сохранить всех вас храму, как его украшение. Если же и сие малое слово покажется кому-нибудь похожим на малый бич, пусть оно угрожает более нам, которые по справедливости подлежим большей строгости, а вы спокойно уклонитесь от того, что заслуживает удары слова. Вспомним слово Соломона: *Лучше обличения откровенна тайныя любви* (Притч. 27:5). Возлюбим обличения. Если мы их не заслужили, тем спокойнее можем слушать их, а они помогут нам, чтобы не заслужить их впредь; если же по несчастию заслужили, они помогут нам исправиться. Благодарение Богу, что сохраняется в нас влечение к дому Божию! Будем бодрственно внимательны к тому, чтобы наше пребывание в доме Божиим сделать более достойным оного, более совершенным и тем более плодотворным и спасительным.

С утешением воспоминаю пример, которым в благоговении к дому Божию предшествует нам благочестивейший

государь император. Как любит он созидать дома Божии! Вы сами по временам бываете свидетелями, как благоговейно предстоит он Господу во храме! Как неуклонно зрит к алтарю! Как внимательно следует молитвам о том, что ему любезно, и сопровождает их крестным знамением! Как смиренно преклоняется пред святынею!

Соединимся мысленно с ним в настоящей молитве нашей; да слиются все наши сердца в единое молитвенное кадило; любовь к царю и вера к Богу да соединятся, чтобы воспламенить духовный фимиам молитвы; и да взйдет она от дома Божия земного в небесный; и да снидет новое благословение на царство благочестивейшего самодержца нашего; да будет оно всегда благочестивою мудростию и правдою благоуправляемо внутри, ограждено безопасностью отвне, обильно средствами благоденствия, да под сению престола Его *тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте!* Аминь.

**Слово по освящении храма Живоначальной
Троицы, что на Покровке, на Грязях**

Говорено 12 сентября 1826 года

*Иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести
селение Богу Иаковлю. Соломон же созда Ему храм.*

Но Вышний не в рукотворенных церквах живет.

(Деян. 7:46—48)

Так пред сонмищем иудейским рассуждал о храме Божиим архидиакон Стефан, муж, по свидетельству евангелиста Луки, *исполненный веры и Духа Свята* (Деян. 6:5). Когда святой Стефан говорил, речь его клонилась к обличению жестоковыйных иудеев, но когда святой Лука написал речь его в книге Деяний апостольских, она, без сомнения, относится к наставлению христиан.

Наставление, заключающееся в вышеприведенных словах Стефана, может быть благовременно при настоящем тор-

жестве освящения благочестивым усердием воссозданного и возобновленного храма Божия.

Иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю. Сие говорит Стефан о царе Давиде, который, как повествует вторая книга Царств (7:2), чрез пророка Нафана просил от Бога позволения вместо подвижной и, вероятно, уже ветхой скинии создать новый, неподвижный храм. Должно заметить, что Богодухновенный проповедник прежде, нежели сказал о намерении Давида создать храм, предварительно упомянул о благодати Божией к Давиду: *иже обрете благодать пред Богом.* Чрез сие Дух Святой, глаголавший устами Стефана, дает разуместь, что самое намерение, или желание, создать храм Божий, самая мысль о сем родилась не просто, подобно многим человеческим помышлениям и желаниям, но в человеке облагодатствованном, под осенением Духа Божия. Следственно, можно сказать, что первоначальная мысль создать храм Божий была мысль Божия в человеке.

Соломон же созда Ему храм, — продолжает святой Стефан. Если намерение создать храм было дар благодати в Давиде, то нет сомнения, что исполнение сего намерения — создания храма — было так же дело благодати в Соломоне. Сам Бог предназначил Соломона к сему делу и сказал о нем чрез Нафана: *...той созиждет дом имени Моему* (2 Цар. 7:13). И дабы показать, что сие назначение и назначенное дело было в высшей степени благодатное, Бог сказал о Соломоне в то же время чрез того же пророка: *Аз буду ему во Отца, и той будет Ми в сына* (2 Цар. 7:14).

Не усомнимся присовокупить к сему и еще заключение, что если создание храма Божия было действие благодати, то и храм созданный есть дело благодати; если началом его была благодать, то и концом его должно быть распространение благодати в человеках. Ибо не можно и подумать, чтобы благодать Божия употребила свое действие на то, что ее недостойно или несообразно с ее намерениями о человеках.

Христиане! Между храмом иудейским, к которому первоначально относятся предыдущие размышления по ру-

ководству слов святого Стефана, и между храмом христианским, в котором теперь мы находимся, разность та, что храм иудейский во дни неплодства Церкви был один во вселенной, а храмы христианские во времена многочадия Церкви разродились повсюду во множестве и что сокрывавшееся во храме иудейском под покровом сеней обрядовых и гаданий пророческих в христианских храмах является во свете откровенного слова Божия, в силе и могущественном действии Святого Духа чрез Божественные Таинства. Посему благодать храма иудейского по превосходству принадлежит храму христианскому.

Итак, благо тому из нас, кто в сердце своем обрел благочестивое желание создать или воссоздать и обновить храм Богу христианскому. В сем желании обрел он благодать и, послужив благодати усердным исполнением сего желания, обрести может *благодать возблагодать*, то есть за благодатный подвиг получить благодатное воздаяние, ибо благодать не может быть не благодарна для служащих делам ее.

Благо и тому, кто любит созданный храм и охотно посещает его, ибо он любит дело благодати, посещает обитель благодати; следственно, в сей любви, в сем усердии носит уже и сам в себе семя благодати, которое, будучи в храме напоено из источников благодати, каковы суть Слово Божие и Таинства Божественные, может принести обильный плод просвещения, мира и спасения душевного.

Возвратимся к рассуждению святого Стефана. *Соломон же созда Ему храм*, — сказал он и тотчас присовокупляет: *но Вышний не в рукотворенных церквах живет*. Какой внезапный оборот мыслей! Что глаголеши, проповедниче Божий? Как можем мы разуметь тебя или как согласить тебя самого с собой? Если же Вышний не живет в рукотворенных церквах, на что же созидал Ему рукотворенную церковь Соломон, на что желал сего Давид, на что благодать вдохнула Давиду желание сего, на что Сам Вышний назначил Соломона для исполнения оногo? Правда, и Соломон, создатель храма, с неким недоумением говорит к Богу: *Аще истинно вселится Бог с че-*

ловеки на земли? *Аще небо, и небо небесе не довлеют Ти, кольми паче храм сей, его же создах имени Твоему* (3 Цар. 8:27). Почему и просил он не обитания Божия во храме, но благодатного призрения на храм: *да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь* (3 Цар. 8:29). Но не больше ли того, на что дерзала смиренная молитва, даровал Бог, когда *исполни слава Господня храм* (3 Цар. 8:11) и когда Бог изрек о нем сие обетование: *«Будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни?»* (9:3). Там ли не живет Бог, где сердце Его во вся дни?

Для разрешения сих недоумений и для правильного уразумения слов святого Стефана вспомним, что речь его, как выше сказано, клонилась к обличению иудеев. Они, видев чудесный облак, который осенил храм во время освящения его, слышав обетование, по которому Бог *сердце* Свое положил во храме, подумали, что храм Иерусалимский соделался не только твердым и постоянным на predetermined время, но и неперменным на веки селением Божиим; что и город Иерусалим, и народ иудейский, имея у себя святой храм, по сему самому также святы, неприкосновенны, неподвержены оставлению от Бога. Сии неосновательные и грубые, но набожностью прикрытые мысли сделались у иудеев пищею нечестия и беззакония. Бог живет у нас во храме, говорили они и не заботились о том, что нет Бога пред очами их. Надеясь на место святое, *язык грешный*, по выражению пророка Исаии, *людие, исполненные грехов*, бесстрашно *прилагали беззаконие к беззаконию* (Ис. 1:4, 5). Когда им угрожали, что умножившиеся между ними грехи погубят их, они либо не внимали сему, либо гневались на сие, прельщая себя надеждою, что святое место спасет их. Святые мужи церкви иудейской давно усмотрели сие заблуждение своего народа и неоднократно с ревностью обличали оное. Тот Исаия, которого и приводил во свидетельство святой Стефан, опровергая дерзкую надежду беззаконников на святой храм, говорит от лица Самого Бога: *Небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждете Ми? и кое место покоища Моего* (Ис. 66:1). И вместо ложной надежды на одну видимую и чуждую свя-

тыню, внушая истинное упование на благодать Божию, в послушании приемлемую человеком и соделывающую его самого храмом Божиим, пророк присовокупляет также от лица Божия: *на кого воззрю? токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66:2). Так и чрез Иеремию говорит Бог: *не надейтесь на себе в словесех лживых, понеже весьма не уполюзуют вас, глаголюще: храм Господень, храм Господень, храм Господень есть* (Иер. 7:4).

Подобно сему и писатель маккавейской книги рассуждает, что *не ради места язык, но языка ради место Господь избра* (2 Мак. 5:19). Следственно, если народ не пользуется благодати святого места к своему освящению, то не приемлемая благодать удаляется, святыня скрывается, и на месте селения Божия может явиться мерзость запустения. В таком духе обличения сказал и святой Стефан, что *Вышний не в рукотворенных церквах живет* (Деян. 7:48), то есть не заключается вездесущее Божие существо во храмах, хотя в них благодать присутствует; не привязано благодатное присутствие Божие ко храмам, хотя им даровано; не в том собственно живет благодать, что есть рукотворенное во храмах, но, будучи сама духовна, проходит она сквозь рукотворенное и сокровенно ищет оживить собою также духовное, то есть внутреннего человека. Если человек жестоковыен, невнимателен, нечувствителен, упорен против Духа Святого, то и в отверстом рукотворенном храме благодатное жилище Божие для него заперто; рукотворенная церковь не освящает и не спасает того, кто со своей стороны не подвизается, чтобы соделать себя живою церковью Живого Бога.

Но перестанем изъяснять слова Стефана. Довольно сказать: чему он учил, тому же его и наш Божественный и единственный Наставник научает в следующих словах: *Грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (Ин. 4:23).

Что скажем на сие, христиане? Скажем ли с некоторыми, на что же нам и церковь рукотворенная? Не довольно ли

знать одну церковь нерукотворенную в сердце? Остережемся. Сие значило бы метаться из одной крайности в другую; сие значило бы на место грубой жестоковейности плотской поставить гордое упорство духовное. Сам Основатель духовной Церкви — Христос и Его апостолы — не посещали ль рукотворенного храма? Не рукотворенные ли виды хлеба и вина предал Он для совершения божественного и боготворенного Таинства тела и крови Его? Не будьте так грубы, чтобы останавливаться на одном рукотворенном; но и не будьте так горды, чтобы пренебрегать рукотворенное, чрез которое Бог творит чудеса благодати.

Но если кто, простояв уреченный час в церкви рукотворенной по образу христиан, позволяет себе прочее время жизни проводить в страстях и пороках по подобию язычников, — кто поклоняется пред видимым рукотворенным образом святыне Божией, но не старается преобразиться внутренне во образ Божий правдою и преподобием истины; кто дает фимиам в кадило, но не приносит Богу в огне любви благоухания молитвы; кто слышит в храме звуки слова Божия и думая, что тем исполнил дело церкви, беспечно забывает оное; видит служение Таинств, но не жаждет душою причащения чрез них благодати Божией: всякому такому и мы со святым Стефаном говорим: *Вышний не в рукотворенных церквах живет*; не в стенах, знамениях, звуках, обрядах состоит благочестие и жизнь благодатная, жизнь Божия в человеке; дабы найти сию жизнь, надобно в ограде храма при занятии чувств и мыслей освященными знамениями, божественными звуками слова, священнодействиями Таинств *поклоняться* Отцу Небесному *духом и истиною*; а также и вне храма всю жизнь свою посвятить исполнению воли Божией и соделать оную непрерывным богослужением.

Вера, молитва и внимание к заповедям Божиим и к собственным делам нашим да помогут нам, братия, *обрести благодать пред Богом и испросить обрести селение Богу Иаковлю*, то есть обрати благодать нерукотворенного храма или *вселение Христа верою в сердца наша* (Еф. 3:17). Аминь.

Слово в день святителя Алексия

Говорено в Чудове монастыре 12 февраля 1845 года

*Не мнози учителя бывайте, братие моя, ведяще,
яко большее осуждение приемем: много бо согрешаем вси.*
(Иак. 3:1, 2)

К единому от Богопросвещенных учителей церкви Российской, уже несколько веков безмолвствующему и покоящемуся, собралось ныне здесь множество учеников. Или он, и безмолвствуя, еще учит и, покоясь, еще действует? Поистине и теперь учит он вере и жизни сильнее слова: примером веры, Богом оправданной, и жизни, Богом прославленной. И теперь действует он для нас пред Богом своими о нас молитвами, а пред нами — благодатным дарованием, по которому в самом теле его, как в чистом сосуде духа, вместо обыкновенных человеческих немощей, имеем мы открытые *святые мощи* — возвышенные силы, которые, подобно вещественному благоуханью, простирают сокровенное действие на чувство веры, возвышают наша собственные силы и производят благотворные перемены.

Итак, не напрасно, братья и соученики, собрались мы почтить учителя. Но если праведно чтить избранного евангельского учителя, то праведно и то, чтобы чтить вообще достоинство евангельского учителя. Чтить учителя и не чтить учительства была бы несообразность. Таким образом, чрез самое настоящее собрание наше мы для себя изрекаем обязанность чтить достоинство евангельского учителя.

Один из способов сего почтения указывает нам святой апостол Иаков, когда говорит: *Не мнози учителя бывайте.*

Если ты уважаешь власть, то не дерзнешь произвольно принять ее на себя или вмешиваться в дела ее; напротив того, со всякою готовностью исполнять будешь обязанности подчиненного. Подобно сему, если ты чтешь достоинство учи-

теля, установленное в Церкви Христовой, то не должен ты произвольно вступать на место учительское или прибегать к учителям, которых никто не поставил, и к пророкам, которых Бог не посылал; но должен в кротости и послушании проходить звание ученика евангельского под руководством поставленных от Бога и Церкви учителей. Страшись быть учителем и сам для себя, а тем более без высшего призвания учить других или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных. *Не мнози учителя бывайте.* Наставленье, может быть, более нужное для многих, нежели как с первого взгляда кажется.

Страсть быть и слыть учителями была господствующая в иудейских книжниках и фарисеях. Они, как обличает Господь наш, *любят зватися от человек: учителю, учителю* (Мф. 23:7). Против сей страсти *Иисус глагола к народом и учеником Своим*, то есть ко всем Своим последователям: *Вы же не нарицаетесь учителями: един бо есть ваш Учитель Христос: все же вы братия есте* (Мф. 23:8). Заповедь строгая, сколь высоко возносящая званье учителя в лице Христа, столь же неудобосообщимым делающая оное для христиан.

Однако видим, что и в христианской Церкви некоторые называются учителями. Апостол Павел и сам себя называет учителем языков и вообще говорит, что *положи Бог в церкви первее Апостолов, второе пророков, третье учителей* (1 Кор. 12:28). Как же согласить сие с заповедию Господнею? Не трудно, если точнее придержимся силы слов апостольских и Христовых.

Богодухновенный апостол, без сомнения, не погрешает, когда свидетельствует, что *Бог положил в церкви учителей.* Он свидетельствует о истине, когда говорит: *поставлен бых аз проповедник и Апостол, истину глаголю о Христе, не лгу, учитель языков в вере и истине* (1 Тим. 2:7). Но и Господь не служение учительское отвергает, ибо не говорит: да не будет учителей. Это даже невозможно, потому что, когда есть ученики, то по необходимости должны быть и учителя; и как все христиане суть ученики и в начале не иначе назывались,

как учениками, то по необходимости должны быть и учителя христианские, и особенно после того, как *Единый Учитель* вознесся на небо.

Не нарицайтесь, глаголет, учителя: един бо есть ваш Учитель Христос. Для себя ли ревнует Он о имени учителей? Конечно нет. Ибо Он превыше всякого имени. Но наше мудрование смиряет, превозношение низлагает, дерзость обуздывает, своеволие отсекает, осуждает и запрещает самопоставленное и самоназванное учительство. *Не нарицайтесь учителя:* не восхищайтесь сего звания сами себе, не вызывайтесь учить, когда вы не призываетесь к сему. А если и будете к сему призваны, если Бог поставит, если священный закон наречет вас учителями; и тогда не возноситесь званием, которое только по дару и по причастию вам принадлежит, поелику первоначально и существенно *един есть ваш Учитель Христос.* Почитайте себя не более, как *братьями* тех, которые называют вас учителями; будьте слуги, а не властители учения и учеников: *болий в вас да будет вам слуга* (Мф. 23:11).

Видно, что, несмотря на сие благовременное предостережение, фарисейская страсть к учительству чрез принятых в христианство из иудейства вскоре прокралась и в христианскую церковь, когда апостол Иаков возобновляет против нее увещание к христианам своего времени: *Не мнози учителя бывайте, братие моя.*

Увещание сие не того требует, чтобы не было большего числа учителей. Ибо и во всяком обществе и наипаче в Церкви, которая есть училище **премудрости Божией в тайне сокровенной**, множество людей просвещенных и способных преподавать другим спасительные наставления не может составить обременительного излишества. Нет сомнения, что апостол, увидя множество таковых, не запретил бы им учить, подобно как Моисей не запретил Елдаду и Модаду пророчествовать; и даже сказал бы вместе с ним: *кто даст всем людям Господним быти пророки*, или учителя, — *егда даст Господь Духа Своего на них* (Числ. 11:29)? Но должно взять в рассуждение то, что истинно духовные люди и достойные учителя почти не могут

являться в виде избыточествующего множества, ибо как первая степень их достоинства есть познание своего недостойнства, и высшая степень их мудрости есть смирение, то, доколе можно, скрываются они в числе учеников и никогда по своей воле не умножают собою числа учителей. Так, Моисей и Иеремия даже тогда, как Сам Бог посылает их проповедовать, еще уклоняются от сего. *Избери могуща иного, егоче послещи*, — говорит Моисей (Исх. 4:13). *Не вем глаголати*, — говорит Иеремия (Иер. 1:6). В апостолах видим готовность быть ловцами человеков и проповедовать Царствие Небесное, но ни в одном из них не видим того, чтобы он сам себя представил к званию апостола, не говорю, поставил себя в оное. Таким образом, если не искать учительства духовного и даже уклониться от него есть черта не раз ознаменовавшая самых достойных одного, то усиленно искать и домогаться одного, конечно, есть признак весьма неблагоприятный. Следственно, увидев многих, торопливо занимающих или произвольно себе поставляющих седалища учительства духовного, мы могли бы не без основания сказать всем им: остерегитесь; ваше смешанное множество, ваше своевольное искание достоинства учительского показывает, что вы идете не по пути пророков, не по следам апостолов, не по стопам истинных учителей церковных. Сие обличение заключил апостол в своем увещании: *не мнози учителя бывайте*.

Люди, которые предприимлют учить, не быв призваны к тому, думают оправдаться тем, что хотя дерзновенно их предприятие, но дело их спасительно. Апостол разрушает сию мечту самонадеяния, вводя их в познание самих себя и представляя им последствия их самоуправной деятельности. *Ведяще*, — говорит, — *яко большее осуждение приимем: много бо согрешаем вси*.

Примечайте здесь кротость и смирение истинного учителя. Тогда, как он творит дело учителя, он поставляет себя рядом с учениками. Тогда, как имеет нужду обличить грехи других и произнести на них осуждение, сии чужие грехи, чужое осуждение он приемлет на себя самого: *осуждение приимем — согрешаем вси*. Но между тем как он смягчает обличение, оно

тем большую силу получает для разумевающих. Если апостол по делу учительства поставляет себя под страхом осуждения в ряду с людьми много согрешающими, то как должно быть страшно дело сие для всякого другого!

Что сотворю, о, Единый Учителю? Если учу и согрешаю: страшусь, что большее осуждение прииму. И напротив, *горе мне есть, аще не благовествую: ибо строение ми есть предано* (1 Кор. 9:16—17). О, Судие, праведно строгий к учителям, более, нежели к ученикам! Егда хочещи осудити недостойнство, пощади повиновение Твоему устроению, закону и преданию!

А те, которых владычественная судьба Божия не послала учить, которых власть церковная не поставила наставниками, как дерзают учить и представлять себя наставниками? Чем могут извинить сию дерзость пред верховным Учителем и Судиею? Как не подумают, что *много бо согрешаем вси*? Могут ли они надеяться, что не повредят делу учительства своими грехами, от которых не очищены в сем деле избирающею благодатью, не ограждены послушанием закону избрания? Действуя по своемуудрию и своеволию, могут ли они быть в мире с мудрствующими о Господе и правимыми волею Божиею? А потому, не станут ли разделять вместо того, чтобы приводить в соединение веры, распространять соблазны вместо назидания, возмущать мир Церкви? И какому за сие осуждению подвергнуть себя, какому — других совращаемых или соблазняемых, и опять какому — себя за них!

Сколь не напрасны сии опасения, Церковь дознала многими печальными опытами. Для краткости приведу один пример, который много скажет внимательному. В послании святого апостола и евангелиста Иоанна читаем следующее: *...Церкви; но первенстволюбце их Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, воспомяну его дела, яже творит, словесы лукавыми укоряя нас; и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от церкви изгонит* (3 Ин. 1:9—10). Слышите ли? Диотреф не приемлет Иоанна! Диотреф, о котором неизвестно, была ли в нем какая искра здравого понятия о вере и Церкви, и которого имя дошло до

нас только по милости человека, им пренебреженного, — Диотреф не приемлет Иоанна, избранного между апостолами, Богослова по превосходству, тайновидца и главу пророков Нового Завета; не уважает его послания, порицает его, не приемлет приемлемых апостолов, запрещает другим принимать их и из церкви изгоняет их! Кто бы сему поверил, если бы не сам апостол повествовал о сем? Видите, какие богопротивные дела, какие разрушительные беспорядки производит в Церкви желание быть первым по собственному счету и похищаемая независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других! Судите по сему, как нужно и как важно предостережение апостольское: *не мнози учителя бывайте*.

Но здесь нет никакого Диотрефа, думают, вероятно, некоторые из слушающих, и мы не ищем быть учителями других. К кому же относится обличение и предостережение? Ко многим, братья, и к вам самим, которые так думаете.

Ученику свойственно принимать для себя всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю дождя и всякое зерно семени. Если вы не стараетесь прилагать учения к себе, а простираетесь в пытливое изыскание, кстати ли оно преподается и к кому мимо вас относится, то вы слушаете учение не просто, как ученики, а более как учителя или судьи. В сем случае не излишне для вас предостережение: *не мнози учителя бывайте*. Не учите учащего, как ему лучше учить; не судите других судом слышимого учения; слушайте учение с ученическою простотою и смирением для вашего внутреннего назидания.

Вы не домогаетесь сделаться самопоставленными учителями на каком-нибудь учительском месте, осмотритесь, однако же, не сделались ли уже вы такими в ваших мнениях и в ваших правилах или, что не лучше, не избрали ль таких учителей в руководство жизни вашей. Чьи вы ученики после того, как не принадлежите к училищам детским или юношеским? Преданные ли ученики отцов наших? Или сие кажется уже не благовременным, потому что новый все провозглашает себя мудрейшим прежнего? Прилежные ли вы ученики слова

Божия? Или сие училище представляется довольно посторонним для занятых много человеческою мудростию либо человеческою суетою? Послушные ли вы ученики Церкви? Или находите нужным сокращать ее уроки, потому что с ними не согласуется учение, которое преподает дух мира? Но как дух мира и дух века чужды единства, которое свойственно только духу Божию, и дают столько учений и учителей, сколько голов более или менее мыслящих, то даже неизбежно, чтобы по духу мира и века каждый был учителем сам себе и в то же время имел несчетное множество учителей, противоречащих друг другу. Что может быть сего несчастнее? Помыслите же, как верно обличение и как нужно увещание апостольское: *не мнози учителя бывайте, братие моя... много бо согрешаем вси*. Изберите себе лучше не многих надежных и между собою согласных учителей: спасительное слово Христово, святыя правила Церкви, опытную мудрость благочестивых и Богопросвещенных отцов наших!

Здесь нет Диотрефа, но, к прискорбию Церкви и священноначалия, вы можете недалеко отсюда встретить более, нежели одного Диотрефа, и притом имеющего последователей, несмотря на то что он давно обличен словом апостольским. *От нас изыдоша, но не беша от нас*, — обличает апостол Иоанн отступивших от единства верования и от послушания Церкви. Не видим ли и ныне людей сего рода? От нас получили они начало веры и таинств, — *от нас изыдоша*, но уже не хотят быть нашими. Без призвания, без благословения, как кому вздумалось, поставляют себя учителями и, чтобы прикрыть неблагообразие самочиния, отвергают Церковь, от которой получили все, что имеют или мнят иметь. *Первенстволюбец их Диотреф не приемлет нас*. — Дух явственно глаголет, и предрекает чрез апостола Павла, о *внемлющих духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью*, между прочими ложными учителями и заповедями, *возбраняющих жениться* (1 Тим. 4:1—3). И, несмотря на сие предварительное обличение, *духи лестчие* являются, *лжесловесники* не стыдятся проповедовать, будто

в нынешнее время совсем уже нет благословенного брака, будто теперь уже не Бог печется о продолжении рода человеческого; восстают против брака усильнее, нежели против того, что осуждается законом брака, а иные против истинных законов и брака, и девства вооружаются не только лжеучением, но и железом. Сколь ни ясны здесь черты *духов лестчих и учений бесовских*, однако находятся *внемлющие* им. Многие самопоставленные учителя умножают толки лжеучений; а нерассудительные последователи умножают лжеучителей. Встречаясь с теми и другими, припоминайте, братия, для себя и для них предостережение апостольское, столь бедственно ими пренебреженное: *не мнози учителя бывайте, ведяще... яко большее осуждение приимем.*

Помните, что *положи Бог в церкви первое апостолов, второе пророков, третье учителей. И никтоже сам себе приемот честь, но званный от Бога, якоже и Аарон* (Евр. 5:4), по Богопреданному чину. Только званные Богом учителя верно приводят к Богу. Аминь.

**Слово в неделю двадесять вторую по
Пятидесятнице при продолжении молитв
о избавлении от губительной болезни**

*Говорено в Троицкой церкви странноприимного
графа Шереметева дома, по случаю
возобновления оной 26 октября 1830 года*

Читанная ныне из Евангелия притча, или повествование, о богатом и Лазаре так известна, что при вступлении в поучение не нужно вновь читать или пересказывать написанное в Евангелии, а можно прямо приступить к размышлениям, какие оно внушает.

Но прежде всего сие место приводит мне на память *человека богатого*, который не потерял своего имени в делах ничтожных, который не оставил без внимания бедного и больного *Лазаря* у ворот своего великолепного дома, но за-

ботливо искал его по чужим домам, и бедному и больному Лазарю построил сей пространный дом, приготовил неистощимые пособия для жизни и врачевания, и сие великолепное дело человеколюбия довершил устройением сего величественного храма, чтобы Лазарь имел удобность не одним терпением до конца, но и другими упражнениями благочестия готовиться к лону Авраамову. Отче Аврааме, отче верующих и человеколюбивых! Обыми, если можно, и за нас в блаженных недрах твоих вместе с душою терпением спасавшегося Лазаря душу человеколюбием спасавшегося раба Божия, боярина графа Николая; и да почитет она в светлых обителях вечно благословенного и благословляющего твоего семени, Господа нашего Иисуса Христа, Которому ты берег души древние и Который для душ древних и новых Един есть воскресение, и жизнь, и покой!

Обратимся, братия, к себе — кто богат и любит свое богатство, кто склонен к роскоши, кто чувствует в себе порыв возноситься преимуществами своего имени и состояния, тот пусть поставит себя пред евангельскою притчею, как пред зеркалом, и пусть посмотрится, не походит ли он на богатого евангельского, и такое сходство нравственного лиценачертания не предвещает ли с вероятностию той же участи, какая постигла богатого евангельского по его смерти?

Бе богат: это подходит на многих из нас, и это, кажется, не есть несчастная черта, потому что ее видели в лице самого Авраама, который, однако, не только себе обрел по смерти утешение, но и которого лоно представляется хранилищем вечного утешения для других. *Облачашеся в порфиру и виссон,* то есть в самые изящные и драгоценные ткани, какие в древние времена употребляемы были людьми знатными и богатыми, и это на многих из нас походит, и также, кажется, не беда, что человек богатый носит одежду по приличию своего состояния, чистую, тонкую, отличную от простонародной. *Веселяся по вся дни светло,* кажется, и это не тяжкое преступление, что живущий в изобилии живет весело и законно купленные удовольствия разделяет с людьми, ему приятными.

В сем состоит все евангельское изображение жизни богатого. Прибавим изображение и смерти его: *умре же и богатый; и погребоша его*. Тут еще менее можно приметить что-либо, на чем бы основаться могло худое предвещание.

Что же потом? Блажен ли умерший богатый? по крайней мере, свободен ли от наказания? — Нет! *во аде, — сый в муках*.

«О Боже! — подумает кто-нибудь, — как легко погибнуть и, следственно, как трудно спастися! Евангельский богатый, кажется, ничего не сделал, за что бы его осудить на погибель». Так, возлюбленный! Подлинно легко погибнуть. Кто решительным направлением своей воли, склонностию, страстию совратился и двинулся на путь неправый — на путь богатолюбия, роскоши, тщеславия, тот легко и неприметно катится по наклонности сего пути, не примечая, что наклонность сия простирается до самого ада. Впрочем, пример богатого евангельского не показывает того, сколько трудно спастися, ибо как совсем не видно, чтобы он делал что-нибудь для своего спасения, то из сего примера совсем нельзя заключить, сколько труда для сего потребно. Ты думаешь извинить его тем, что он ничего не сделал для своей гибели, но не слишком ли много безумия требуешь ты от каждого погибающего, чтобы он сам действовал прямо для своей гибели? Погибают обыкновенно не потому, чтобы старались погибнуть, но потому, что не стараются спастися. Ничего не сделал? В том-то и преступление, от того-то и беда, что ничего не сделал. Если кто ничего не делает для временного благополучия, для земной выгоды, не признаешь ли ты справедливым, когда таковой ничего не получает? Как же можно требовать, чтобы праведный, свободно свободными владычествующий Бог, так сказать, насильно дал небесное, вечное блаженство человеку, который ничего не делает для получения сего блаженства и не имеет к оному деятельного желания и стремления свободной воли?

Итак, вот некоторые из наставлений, какие внушает евангельская притча о богатом. Не должно слишком много успокаивать себя внешнею непорочностию своей жизни: не делать грубых, явных преступлений, не убивать, не грабить,

не притеснять не значит еще быть добродетельным и достойным блаженства; в некоторых людях это есть только внешняя благовидность жизни, еще не означающая души, в добре утвержденной, это есть только преддверие, которым входят в храм непорочности, только подножие, которым восходят к добродетели, стоящей гораздо выше. Благами века сего должно пользоваться с умеренностию, даже с некоторою недоверчивостию, с опасением, чтобы *не воспринять благая своя в животе своем* без остатка утешения для жизни будущей. Вести жизнь *по вся дни веселую*, по вся дни блистательную, в которой дни работные не отличаются от праздников ни трудом, ни простою, в которой праздники не имеют покоя от увеселений, есть *путь*, по самому снисходительному суждению, реже невинный, чаще сомнительный, очевидно *широкий*, а потому если видимая широта его не стесняется тайным отчуждением сердца от мирских прелестей, сокровенными духовными подвигами и препобеждающими суету добродетелями, то конец сего пути не иной может быть, как указанный Христовым изречением: *Широкий путь вводя в пагубу* (Мф. 7:13).

Дабы лучше усмотреть, чего недоставало в лице евангельского богатого для благоприятных предзнаменований будущей участи, поставим против него лицо Лазаря. *Нищ же бе некто именем Лазарь*. Видите ли, чего недоставало богатому против Лазаря? Ему недоставало самого имени. *Человек некий бе богат*, говорит Евангелие. О, как стремглав превращается здесь образ мира сего! Кому была нужда узнавать и делать известным имя больного нищего, поверженного на земле, на которого никто не обращал внимания? Единственные собеседники его, псы, лизавшие гной его, верно, не называли его по имени. Но имя Лазаря написано в Евангелии; известно Аврааму; слышно на небесах. А имя богатого, на пиршествах и в собраниях переходившее из уст в уста его многочисленных друзей, почитателей и знакомых, пропало без вести. *Человек некий*: и только! Что же сие значит? Без сомнения, надлежит сие изъяснить, как последствие обыкновенного начала, что имя человека является и скрывается, помнится и забывается по

роду и достоинству дел его. Предметами жизни и деятельности богатого были вещи тленные, удовольствия скоропреходящие, слава суетная: все поглощено суетою, временем, тлением; не на чем было устоять праздному имени праздного человека.

Да помыслят посему человеки, более пристрастные к чести и славе своего имени, нежели ревностные к делам, достойным чести и славы; да помыслят, что будет и с их именем? Если они стараются только как-нибудь распространить и возвысить имя свое на земле, между человеками, а не делают ничего такого, по чему бы их узнали, почтили и приняли на небесах, то чего можно им ожидать для своего имени, разве что оно умрет со смертными, исчезнет в земном воздухе или, наконец, промелькнет, может быть, иногда пред ними сквозь пламя преисподнее для увеличения наказания их неукрощенного самолюбия и ложного славолубия? Но на небесах или не будут знать их имен, или не осмелятся произнести, чтобы не осквернить святых уст и слуха небожителей и чистого воздуха небесного. Сюда принадлежат слова пророческие: *ни помяну же имен их устнама моима* (Пс. 15:4).

Станем еще на краткое время между богатым и Лазарем. *Лежание пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупниц, падающих от трапезы богатого; но и пси приходяще облизаху гной его.* Теперь открываются в лице богатого черты, которые обнажают его нищую внутренним добром душу и обнаруживают тайну его гибели. Лазарь *пред вратами*: хозяину дома нельзя не приметить его при каждом своем выходе и входе, но богатый как будто не замечает его. Лазарь не только беден, но и болен, и сие не трогает жестокой души богатого. Больному немного надобно, слишком довольно было бы для Лазаря остатка от ломтя хлеба, которого богатый мало ест, сберегая остатки голода для снедей более лакомых, и сего бедный Лазарь тщетно *желает*. Псы, по непонимаемому ими внушению благодетельной природы, приходят отправлять должность врачей над ранами Лазаря: богатый все не хочет догадаться, что в нем нет и столько сострадания, сколько есть в бессловесных. О человек, чуждый человечества! Но удержим-

ся. Мы стоим здесь, братия, не для того, чтобы негодовать на пороки других, но чтоб учиться предохранять себя от пороков или исправлять себя от них и уклоняться от пропасти, в которую другие по небрежности низринулись.

Вот еще очень нужное наставительное размышление, которое мы должны почерпнуть из евангельского сказания о несчастном богатом. Жизнь чувственная, если небрежно предаются ей, занимая душу плотскими и суетными удовольствиями, неприметно расслабляет ее внутреннюю силу и притупляет нравственное и духовное чувство, так что человек, наконец, делается туп, тяжел и почти неспособен к возвышенным побуждениям и чистым удовольствиям истинной добродетели. А как, напротив, легко было бы то самое богатство, которое обыкновенно служит пищею жизни чувственной и плотской, обратить на то, чтобы питать побуждения возвышенные, чтобы достигать удовольствий чистых посредством благотворения нуждающимся и бедствующим ближним!

Братия! как много в сии дни *Лазарей!* Одни больны; другие бедны; некоторые и то, и другое. Благодарение человеколюбию благочестивейшего государя и им одушевляемого и движимого правительства! Благодарение и человеколюбию народа! Никто не остается не только *пред вратами*, на улице, но не оставляется и в жилище, неудобном или небезопасном; врачующие и пекущиеся охотно приближаются к больным такою болезнию, о которой одна мысль в иных возбуждает отвращение или страх; крупницы *от трапез богатых* довольно часто падают в уста бедных; даже бедные своими лептами делятся с другими бедными или отдают в милостыню свой труд и себя в служение больным; служители чистоты и Святыни всюду текут очищать, умягчать и заживлять душевные раны страждущих и еще не страждущих телесно. Кажется, и Сам Врач душ и телес преклоняется к молитвам веры и к подвигам человеколюбия и простирает милующую руку. Смерть уже не распространяет власти, ей попущенной, и болезнь начинает уступать здравью.

Однако дерзнем ли мы подумать, что у нас происходит уже нечто лучшее, нежели что видим в Евангелии? — Там

один больной и бедный; один богатый, осужденный, и у сего пять братьев, подобных ему в том, что жили только для себя, а не для Бога и ближнего. Бог да помилует нас, братия, чтобы не нашлось и у нас против одного требующего милости шесть немилостивых! Разделим, по возможности, каждый с которым-нибудь, а все со всяким злостраждущим Лазарем *благая наша, восприимлемая в животе нашем* временном, дабы принятые прежде нас на лоно Аврааме не отреклись разделить с нами благая Божия, в жизни вечной. Аминь.

Слово в день мученицы Татианы

*Говорено в храме св. мученицы Татианы
при Императорском Московском
университете 12 января 1851 года*

Прилучится же вам во свидетельство.

*Положите убо на сердца ваших,
не прежде поучатися отвещавати:
Аз бо дам вам уста и премудрость...*

(Лк. 21:13—15)

В обители высших знаний и, следовательно, можно сказать, в обители мудрости, празднуем праздник святой мученицы. Есть ли какое отношение между обителью знаний и мученицей, между мудростью и мученичеством?

Нынешний день есть тот, в который за несколько веков пред сим святая дева, диаконисса Римской церкви Татиана мученическим подвигом стяжала нетленный венец и, посредством смерти за Христа, родилась в бессмертную блаженную жизнь. Нынешний же день есть тот, в который почти за век пред сим от мудрого благоизволения благочестивой царицы родилась сия обитель знаний.

По правосудию провидения день подвига для мученицы сделался и на земле днем славы, не празднословной и суетной, какова бывает слава мирская, но действительной и бла-

готворной. Тогда как Церковь, вспоминая подвиг, славит Подвигоположника и Венцедателя Христа, тогда особенно дух увенчанной подвижницы привлекается посетить землю, как поприще совершившегося подвига, и в памяти чудесной благодатной помощи, споспешествовавшей подвигу, почерпает дерзновение предстательствовать о благодатной помощи, для просящих ее с верою; а небесный Венцедатель возобновляет награду подвига, многомилостиво преклоняясь к сему предстательству. Сим, без сомнения, помышляли воспользоваться руководители сего царского учреждения, когда решились день основания его вспоминать не просто, но с призыванием Божия благословения дальнейшему существованию и деятельности оногo; и для того созданный здесь храм вручили покровительству святой мученицы Татианы, и братию сего храма — ее молитвенному предстательству. Помышление благочестивое, проистекшее из чистого источника священно-таинственных преданий.

Но как, по учению апостола, все члены Церкви, следовательно, и святые, *имеют дарования, по благодати данной им, различна* (Рим. 12:6), следовательно, и благотворят преимущественно по роду своего дарования, следовательно, и желающим от них благодатной помощи прилично в некоторой степени сообразоваться с особенным их дарованием, то есть причина вновь спросить: есть ли какое отношение между мученицей и обителью знаний? Есть ли какое сродство между мученичеством и мудростью?

Ответствую: есть. Мученик есть сын мудрости, и уже не младенчаствующий. Мученичество есть род мудрости, и очень не низкий.

Чтобы трудная встреча с бедствиями не сделалась сугубо трудной от их нечаянности, Христос Спаситель предварил о них Своих последователей: *Возложат на вы руки своя и издены, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради*, и присовокупил: *прилучится же вам во свидетельство*. То есть гонения за веру должны привести вас к тому, чтобы «свидетельствовать». О чем? Очевид-

но, о истине веры Христовой, о Божественной силе Христовой. Заметим, что из сего изречения Христова древней Церковью заимствовано наименование «свидетеля» для означения «мученика», так что на греческом языке «мученик» не иначе называется как «свидетелем». Можно догадаться, что для свидетельствования о Христе посреди сонмищ иудейских, вооруженных законом и преданиями, и пред лицом царей и владык языческих, действующих лжемудрованием, лестью, силой и яростью, потребна была немалая мудрость. Но на что догадка? Сие очевидно из продолжения слова Христова: *Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещавати вси противляющиися вам.* Что Христос Спаситель обещал, то, без сомнения, и делом исполнил. Итак, Он мученикам *дал*, и они имеют *премудрость*, победоносную над всем, что ей противоборствует.

Жребий мученичества не для всех, но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их и светит всем на пути истины и спасения.

Не пройди мимо сего света без внимания, кто бы ты ни был, ищущий путей мудрости или только в простоте ходящий. Любопытствуй иногда, не бесплодным любопытством, узнать сей род премудрости, которую ты, может быть, не думал искать там, где она тебе указывается, которая, *не прежде поучаяся*, преподает сильные уроки, которая победоносно свидетельствует об истине, которой *не могут противитися противляющиися*, которая исходит от высокого начала, поскольку исходит от Христа: *Аз дам вам уста и премудрость.*

Но что за род премудрости у мучеников? Какой состав ее? Как определить ее? Для рассуждения о сем не думаю прибегнуть к руководству тех любомудрых, которые, ввиду премудрости Христовой, независимо от нее столько раз предпринимали построить всеобъемлющую науку, но разрушали создание один другого и не составили даже плана, благонадежного и общеприемлемого, для предполагаемого построения. Обращусь к любомудрию старому, но не лишен-

ному силы: нет нужды, что устарелым покажется оно пред теми, которые проповедуют бесконечное движение к новому, то есть плавание без пристани, стремление без цели. Книга Премудрости изображает премудрость следующими главными чертами: *целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, ихже потребнее ничтоже есть в житии человеком* (Прем. 8:7). И вот черты премудрости, которые прекрасно и величественно светят в словах, деяниях и страданиях мучеников христианских.

Не высокий ли **разум**, или благорассуждение, является у них, когда они, вопреки наследственным предрассудкам, уразумели нелепость многобожия, познали Единого истинного Бога, усмотрели неудовлетворительность внешнего — иудейского закона, открыли потребность благодати Христовой и ее Божественную силу и действительность, и достоинство сего нового ведения определили для себя так решительно и твердо Павловой оценкой: *Вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа?* (Флп. 3:8).

Как совершенно их **целомудрие**, или воздержание, когда они отрелись не только от всех страстных чувственных удовольствий, но большей частью и от невинных, и не только не искали удовольствий, но решались на жесточайшие страдания, чтобы сохранить чистыми мысль, совесть, сердце, душу, тело и *прославлять Бога в телесех и в душах, яже суть Божия!* (1 Кор. 6:20).

Как строга их **правда**, или праведность, когда от них требовали только слова или знака, благоприятного язычеству, а думать оставляли их, как хотят, и когда словом «я не христианин» или даже одним молчанием они могли бы избавиться от страданий и смерти, но они не хотели ослабить правды ниже словом, ниже молчанием. Или когда, например, один из них (Св. Варлаам. — *Примеч. П. К.*), которому вложили в руку фимиам и насильно наднесли ее над языческим алтарем, допустил жечь сию руку, но не разжал перстов, чтобы фимиам не упал на алтарь, что удовлетворило бы истязателей и избавило бы его от мучения; или когда, перенося несправедливые

и жестокие оскорбления, лишения, истязания, не только не помышляли они об отмщении, но и оказывали гражданской и государственной власти гонителей точное повиновение во всем, что не противно закону Божию и нравственному.

Как величественно их **мужество**, когда они, будучи *предаваемы на сонмища и ведомы к царем и владыкам* за имя Христово, зная, что встретят страдания и смерть, шли неуклонно, спокойно, и некоторые даже с радостью; когда язычество сражалось с ними угрозами, хулениями, бичами, разными орудиями пыток, огнем, раскаленным железом, кипящим маслом, мечом, но победа доставалась никого не уязвляющему оружию веры и любви Божией и терпения. Когда, например, святой Лаврентий, лежа одним боком на раскаленной сковороде, сказал мучителям: «Сожжено, оборотите на другой бок», или когда святой Иаков Персиянин, которому отсекали члены один за другим, при отсечении каждого члена произносил славословие Богу, как свойственно победителю!

Я сказал и повторяю: жребий мученичества не для всех, но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их, и светит всем на пути истины и спасения.

Кто не хочет блуждать наудачу, тот хорошо поступит, если при сем свете осмотрится, находится ли он на сем пути или, может быть, не слишком ли от него удалился.

К **разуму** истины Божественной, Христовой, спасительной прилепились ли мы умом и сердцем так, что она сделалась нашим сокровищем, нашим утешением, и что знания низшие по предметам и целям уступают ей преимущество в нашем внимании, в нашей привязанности? Это разум, которому учит премудрость. Или, напротив, более книг священных и назидательных нас привлекают книги любопытные и забавные, и учение, которое обещает похвалу или выгоду, занимает более, нежели учение, ведущее к вечному спасению? Это не тот разум, которому премудрость учит.

Целомудрие и воздержание так ли обладают нами, чтобы удерживать нас от чувственных удовольствий, по крайней мере, незаконных, страстных, излишних, от зрения и слыша-

ния, неодобряемого скромностью? Или, напротив, произвольно усиленная жажда чувственных удовольствий кажется требованием природы; привычкой к чувственным удовольствиям заглушается вкус к удовольствиям духовным; стыд не стоит на страже против нескромных зрелищ и нецеломудренных слов? Это совсем не то, чему учит премудрость. Она учит целомудрию и воздержанию.

Правда наша не в том ли только состоит, чтобы не обижать не обидившего нас? Это еще не премудрость. Внимательно наблюдать и ревностно исполнять наши обязанности к Богу и ближнему, быть до самопожертвования послушными законной власти, всегда быть готовым по возможности сделать ближнему добро и отстранить от него зло, хранить прямоту, верность в слове, нелстивость — такова правда и праведность, которой учит премудрость.

Мужество мы знаем и охотно прославляем в жизни военной. А думаем ли мы о мужестве в жизни нравственной? Решусь ли спросить: как перенесли бы мы за веру и правду то, что переносили мученики? Ограничусь вопросом легким, как переносим мы уязвление насекомого — малую обиду, несправедливый упрек, колкое слово, причиненный вещественный урон? Не раздражаемся ли? Не готовы ли отомстить? Как далеко сие от премудрости, можно судить по тому, что раздражаться и, по движению одной ярости, чуждой ума, мстительно нападать на раздражающего свойственно и зверям. Мужество и возвышенность духа, достойные человека и премудрости, должны оказаться в том, чтобы оскорбление малое или великое принять великодушно, оскорбившего простить и, сколько возможно, благорассуждением и доброжелательством возвести его на лучший путь. Бывает потребность в мужестве не только в отношении к людям, которые против нас, но и в отношении к тем, которые, по-видимому, за нас. Есть приятные враги, которые делают нападения не с острым оружием, но с мягкими сетями. Есть люди, которые силой приязни и дружбы влекут к делам неблагородным и неблагонравным, и мысль о приязни и дружбе может ослаблять силу

противоборства пороку. Кто станет твердо, и силой благочестивого и нравственного чувства расторгнет сеть и отразит соблазн, тот сын мудрости, и ему принадлежит венец мужества. Уступить лукавому соблазну значит малодушно изменить премудрости.

Христе, *Божия сила и Божия премудрость!* (1 Кор. 1:24). Молитвами и примерами святых Твоих мучеников поучай и научи нас премудрости, не той, которую Ты *обуил* (1 Кор. 1:8) и осуждаешь за ее гордость и суету, но той, которая *первое убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна* (Иак. 3:17). Аминь.

**Ответ Обществу любителей духовного
просвещения на избрание попечителем оного**

Говорен 11 сентября 1863 года

Приветствую, отцы и братья, ваш новый добровольный союз, в который собрала и соединила вас любовь к духовному просвещению, заключающая в себе любовь к Богу, к вере, к благочестию, к Православной церкви, любовь к вашим братьям, также сознающим нужду и питающим желание углубить и расширить свои духовные понятия, но не имеющим для того средств и пособий, наконец, вообще любовь к чадам Церкви и желание оказать духовную помощь людям, при некоторой теплоте веры нуждающимся в чистом свете истины или преследующим призрак истины и мечты благополучия, но лишенным или самих себя лишаящим жизни по вере и надежды блаженства.

Не сомневаюсь, что так понимаете вы настоящий союз ваш, и в сем значении с надеждой призываю ему благословение Отца светов.

Вспомним некоторые черты, которыми духовное просвещение, или что то же, духовную мудрость, изображает апостольское слово: *Яже свыше премудрость, первое убо чиста*

есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива (Иак. 3:17). Не подумаем, что это выше настоящего вашего предприятия, потому что апостол говорит *о премудрости свыше. Всякое даяние благо и всяк дар совершен есть сходяй от Отца светов* (Иак. 1:17). Не только совершенную *Господь дает премудрость*, но и в малом начатке *от лица Его познание и разум* (Притч. 2:6). Итак, трудящиеся в пользу истинного просвещения должны иметь в виду и в соображении черты, отличающие истинную мудрость, дабы произведение труда их не оказалось обезображенным и дабы вместо истинной мудрости не явилось у них ложное мудрование.

Мудрость христианская должна быть **чиста** — чиста по ее источнику, по ее побуждениям и цели. Ее чистый источник есть Бог — Его слово, заключенное в Священных Писаниях, уясненное церковными определениями, учением и духовными опытами Богомудрых мужей. Ее чистая цель также есть Бог — Его познание во Христе и Ему благоугождение блаженнотворное. Деятельное нужно внимание для охранения сей чистоты от нечистых влияний несмирненного разума, который сам хочет быть источником истины, который не признает своих пределов пред бесконечным и непостижимым, который, истину вечную находя старой, имея побуждением любопытство и целью тщеславие, без разбора гоняется за новым и, как руководительному началу, следует духу времени, хотя бы это было время предпотопное, который, ленись потрудиться, чтобы возникнуть в истинную область духа, погружается в вещество и здесь погрязает.

Мудрость христианская **мирна**, и подвижающийся для нее должен быть мирен. Он должен быть мирен в себе, не взволнован страстями. Только в тихой, а не волнуемой воде отражается образ солнца, только в тихой, не волнуемой страстями душе может отразиться вышний свет духовной истины. Мирным нужно быть любителю мудрости и в отношении к другим, *не словопретися*, как учит апостол, *ни на кую же потребу, на разорение слышащих* (2 Тим. 2:14), и, если нужно стать за истину против нападающих на нее, должно делать

сие со спокойной твердостью, без раздражения, так, чтобы можно было потом сказать себе в совести: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 99:6).

Мудрость христианская **кротка**. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят, для исправления. Но мы видим, как порицание сражается с порицанием удвоенными или утроенными нападениями и ни одна сторона не обещает исправиться. А что, в самом деле, должно произойти, если все будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания или разрушает?

Летят с разных сторон стрелы порицания и на наше звание. Примем их *броней правды* (Еф. 6:14) и постараемся отвечать на справедливые порицания по возможности исправлением, на несправедливые — терпением.

Прискорбно, что даже внутри нашего стана явились *господие стреляний* (Быт. 49:23), которые иногда против братий своих *наляцают лук* в повременных изданиях и в книгах. Вы, братия, не допускаете и не допустите подобного. Не забудете слов премудрого: *кроткий муж сердцу врач* (Притч. 14:30), так как и, напротив, жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь.

Мудрость христианская **благопокорлива**. Она проповедует и дарует свободу, но с тем вместе учит *повиноваться всякому начальству Господа ради* (1 Пет. 2:13). Нынешнее мудрование много разглагольствует о свободе, но нередко забывает о повиновении Господа ради и производит непокорливость. Ревнители истинного просвещения должны поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к свободному раскрытию его способностей и сил, но в то же время утверждать его в повиновении законам и властям, от Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумасшествие свободы.

Вот мысли, которые встретились мне при вашем, братия, вступлении на новое поприще деятельности, близ которого и меня поставили вы вашим избранием.

Что скажу в ответ на сие избрание? Уже не время мне обещать вам удовлетворительную в отношении к вашему Обществу деятельность, и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от вашего избрания. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к вам чуждым. По мере сил и возможности будем *пеицись* об общем деле и друг о друге.

**Речь по случаю совершившегося пятидесятилетия
Московской Духовной академии**
Произнесена 1 октября 1864 года

Если вы, любители Божественной, духовной, церковной мудрости, конечно, не без благословения свыше, достигнув предела некроткого поприща времени, взыскуете благословения на дальнейшее поприще вашей деятельности, то преклоните ваши умы и сердца пред владычествующим здесь обетованным благословением Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и, при Ее покровительстве, пред благословением преподобного отца нашего Сергия.

Святой апостол, под покровом примера, показал нам закон действенно простираемых благословений и преподаваемых духовных немощей, когда сказал о Христе Спасителе нашем: *в нем же пострада, Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. 2:18). Как Сам Он претерпел, быв искушаем, то может и искушаемым помочь.

И без собственного искушения, или испытания, Христос Бог не всемогущ ли, чтобы мог помогать искушаемым или испытуемым? Не всепремудр ли, чтобы изобретать верные и неистощимые средства для сей помощи? Не всеблаг ли Он, и не безмерно ли сильнее в Нем желание подать помощь искушаемым, нежели в них желание принять ее? Почему же истолко-

ватель тайн Его поставляет помощь Его искушаемым как бы в некую зависимость от Его собственного искушения? Потому, что заслугой собственного искушения, понесенного ради блага человеков, Он приобрел особенное право подавать искушаемым помощь даже при недостойнстве их. — Потому, что подвигами собственного искушения Он, так сказать, вошел в область искушений, в ближайшее общение с труждающимися в ней и тем беспрепятственнее может простирать на них благотворное и спасительное влияние.

Христос есть образ для христиан и по преимуществу для освящаемых и святых.

Итак, вот закон для них: кто на пути духовной жизни с крепкой и чистой верой перенес искушение, совершил подвиг, неослабно выдержал духовное испытание, тот, конечно, получил для сего благодатную помощь и силу, по слову Господню: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5), и в награду за верность в подвиге, по щедротам Божиим, данная ему помощь и сила в нем утверждается, как благодатный дар, которым он может, явно или сокровенно, простирать благотворное влияние, благословение, помощь на проходящих искушение, подвиг и на требующих помощи.

Соответственно сему закону, преподобный отец наш Сергей искусился и совершился в добродетелях общехристианских и имеет дар собирать окрест себя тысячи и мириады христиан всякого чина, звания и состояния, привлекая их не иным чем, как тем, что они на себе испытывают его благодатную помощь в своих искушениях, испытаниях, подвигах жизни в мире и жизни духовной. Искусился и совершился особенно в подвигах жизни монашеской и приял дар быть отцом и праотцем духовного рода их, хотя, может быть, в сие время уже не так крепкого, как были ближайшие чада его, Впрочем, и ныне явленными знаменательными и живыми опытами дознающего благодатное здесь своего родоначальника присутствие, действие, руководство, помощь, охранение.

Скажем ли вам, привитающие здесь любители Божественной, духовной, церковной мудрости, что преподобный

Сергий и для вас имеет дар Божий и на вас простирает сокровенно действенное благословение? Не обинуясь должны мы сие сказать.

Вспомните, как первоначально пришел он сюда, стал на сем «маковце», или темени горы, в темном лесу, и, возведши ум и сердце на небо, сказал: «Пресвятая Троице! Да будет на сем месте храм во имя Твое, в Твою ежедневную и вековую и вечную славу!» Не видим ли, какое пребывающее, какое обширное исполнение даровано сей мысли праведника, как действительно прославляется здесь имя Пресвятой Троицы народом, царями, веками? Не есть ли это знамение особенного благословения Божия? А в сем благословении не явно ли знамение того, что оно приобретено не простой мыслью, но крепким подвигом веры, высоким Богомудрием, светлым созерцанием?

И если надобно указать на видимое знамение того, что искусный в Богомудрии Сергий простирает благословение на ищущих здесь Богомудрия, указываем на то, что и прежде вашего пятидесятилетия, здесь, под его покровом, возжглись светильники, стоявшие потом на высоких свещниках Церкви, например, Платон, Амвросий¹, Августин. И ваше пятидесятилетие принесло Церкви двадцать шесть епископов — жатва, какая едва ли найдется где-либо на подобном нешироком поле.

Итак, повторяю, преклоним наши умы и сердца пред обетованным здесь благословением Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и преподобного отца нашего Сергия. Принесем пред ними наше смиренное желание благословения, и да примут, и да вознесут о нас, недостойных, свои молитвы к верховному Источнику благословений, да и на грядущее время подается нам новое благословение и благодатная помощь, не по нашей немощной вере, но по благодатности для служения вере и Церкви, особенно тогда, как духовные подвиги оскудевают, искушения умножаются, духовные испытания слабо выдерживаются, добродетель погрязает в страстях и суете мирской, среди христианства муд-

рость обьюродевает язычески, враги воинствующей Церкви беспрепятственно изошряют против нее и старые, и новоизобретаемые оружия.

Братия! Нам предлежит не почивать на победах мучеников и на подвигах древних отцов, но подвизаться с напряженной ревностью в охранении веры и Православной церкви с готовностью к самопожертвованию за истину Христову, если действительно желаем умудриться во спасение себе и другим.

Благословен Христос, Сый Бог и Божия ипостасная Премудрость! Буди и пребуди Его просвещающее благословение на ищущих просвещения премудростью Его!

**Слово в день совершившегося столетия
Императорского Московского университета**

Говорено в храме св. мученицы Татианы

12 января 1855 года

Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения, и притом с особенной торжественностью, потому что это сотый день ее рождения. Воспоминания своей столетней жизни, конечно, достопамятные, она возвестит собственными устами, в которых не имеет недостатка. Мне должно пред нею быть в том положении, в которое меня поставили преемники учеников Учителя рыбарей и скинотворцев, избравшего *буяя мира, да премудрыя посрамит* (1 Кор. 1:27). Отсюда смотрю, как начинает свой праздник обитель высших учений: и что вижу? С благоговением приводит она и наставников, и наставляемых пред лице Учителя, Который провозгласил Себя единственным Учителем и, следовательно, всех человеческих учителей низвел в разряд учеников, и, однако, чрез сие не преувеличил Своего достоинства и не оскорбил их достоинства. *Един есть ваш Учитель Христос* (Мф. 23:8). Итак, вы делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая, и Он же есть предмет поучаю-

щей премудрости — истина: что *Господь дает премудрость* наставляющим и *от лица Его познание и разум* в наставляемых (Притч. 2:6).

Взирая на сие с утешением и призывая свыше умом и сердцам наставников и наставляемых внутренне озаряющий свет Христов, надеюсь найти открытый слух, если прочитаю некие слова из святой учебной книги Божественного Учителя, которая одна удовлетворила некогда Иустина Философа после всех философских мудрований и которой, после приобретения славы афинской учености, отдали себя в ученики Василий Великий и Григорий Богослов.

Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину (Ин. 18:37). *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете; и уразумеете истину* (Ин. 8:31—32). *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6). Это суть собственные слова Небесного Учителя. Ревнителям знания, просвещения, мудрости, следовательно, ревнителям истины не радостно ли видеть, какую высокую важность дает Он истине и как сильно побуждает к исканию и уразумению ее?

Бог Слово сходит с неба, *одеваясь светом, яко ризою*, отлагает одежду славы, облачается в одежду нищеты — в естество человеческое, *приходит в мир*, добровольно идет на встречу пререканиям, лишениям, бедствиям, гонениям, несправедному осуждению, многострадальной смерти. Для чего столько необычайностей, столько без меры усиленных подвигов? Он отвечает: *Да свидетельствую истину*. Видно, истина нужна миру, видно, нужно чрезвычайное о ней свидетельство, видно, не была бы она достойно и удовлетворительно засвидетельствована, если бы не свидетельствовал о ней воплощенный Бог Слово.

Истина есть одна из естественных и существенных потребностей духа человеческого.

Божественное Откровение говорит в глубоком значении, что слово Божие, или истина Божия, есть хлеб жизни. *Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. 4:4). Подобно и естественный разум,

хотя не в таком глубоком разумении, может сказать, что истина есть жизненная пища духа человеческого. Уничтожьте истину, в уме останется пустота, голод, жажда, томление, мука, если только он не в омертвлении или не в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины, ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом, и жажда его останется неутолимой, и мука неисцельной.

Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая определительно, чего жаждет, и потому стремящаяся поглотить, что только можно.

Чего ищет судия в законе и в судебном деле? — Истины. Если бы вы могли уверить его, что он не найдет истины, вы уничтожили бы закон и правосудие.

Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? — Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом.

Но можно ли действительно находить истину? — Должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет и, конечно, не хочет признать себя лишенным жизни.

Были люди, которые хотели доказать, что истина недоступна познанию человеческому. Но что значит доказать? — Значит, истину, скрывающуюся во мраке неизвестности или во мгле сомнений, вывести на свет, посредством одной или нескольких истин, ясно познанных и несомнительно признанных. Итак, истина существует прежде доказательств, уже присутствует при их рождении и смеется над теми, которые хотят доказать ее отсутствие или несуществование, но для сего приуждены ее же призвать на помощь.

От любомудрия новейшего времени можно услышать, что ограниченное, многочастное, условное, относительное, чувственно являемое, изменяющееся, преходящее не пред-

ставляет совершенной истины, что коренная и совершенная истина должна быть найдена в непреходящем, в неизменяемом, в умозерцаемом, в отрешенном, в безусловном, в единичном, в бесконечном. В сих словах нечто слышится о истине, но не слишком ли мало в них ясности? Многие ли удобно и верно понимают каждое из них? Но разве истина только для немногих мучителей собственного ума, а не для всего человечества? И неужели к началу света надобно идти непременно темным путем? Менее ли удовлетворительно и не более ли понятно для всех, если скажем, что корень и основание истины, средоточие истин, солнце мысленного мира есть чистое умопредставление, или, по-вашему, идея Бога, Творца, Вседержителя, и что сия истина весьма доступна познанию всех человеков, *понеже разумное Божие яве есть в них; Бог бо явил есть им; невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1:19—20).

В слух столицы язычества, в слух народов и мудрецов языческих сказал апостол Павел, что *разумное Божие яве есть в них*. Так он был уверен, что против сей истины не может быть основательного возражения. Но вслед за сим он же, не опасаясь быть в противоречии с самим собой, сказал, что сии самые люди, для которых *разумное Божие яве есть, применишиа истину Божию во лжу, и почтоша и послужишиа твари паче Творца* (Рим. 1:19, 25). И на сие очевидным доказательством также имел он пред собой целый мир языческий и опыты веков и тысячелетий.

После сего извольте усмотреть, ревнители истины, в каком положении находится человечество в отношении к истине. Истина так необходима ему, как пища, истина доступна его познанию, и между тем целый мир в продолжении веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую, коренную, преимущественно необходимую, *яве* поставленную истину. Не несчастно ли человечество, не умея познать истину, преимущественно необходимую и спасительную? И еще, не виновно ли оно пред Богом, не приняв истины, которую

Бог явил есть? Что же далее, по естественному последствию предыдущего и вместе по правосудию Божию? Неразрешимая мгла сомнений? Блуждание во мраке неизвестности или вслед за обманчивыми призраками? Голодная смерть духа и, по кратковременной призрачной душевной жизни, гибель всего человека? Такова точно была и была бы навсегда судьба человечества, если бы Бог, Который познавательное о Себе явил человекам посредством естества сотворенных вещей, по преизбытку милосердия, не явил Себя вновь посредством Своего воплощенного Слова, Своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Так определяется значение и открывается сила изречений Христа Спасителя, что Он *на сие родился, и на сие пришел в мир, да свидетельствует истину*; что только *пребывающие в словеси Его* имеют надежду уразуметь истину; что Он *Сам есть истина* и путь к истине и жизни. *Благодать и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1:17), — говорит возлюбленный ученик Его. Почему прежде благодать и потом истина? Потому, что человек не только не знал истины, но и был виновен в неприятии истины, и за то недостоин ее нового откровения, и потому потребна была благодать, преизбыточествующая милость, чтобы удостоить его нового и высшего откровения истины. Какого откровения истины? Тот же возлюбленный ученик объясняет: *Бога никто же виде нигде же; Единородный Сын, сый в лоне Отчи Той исповеда* (Ин. 1:18), — исповедал Бога не только как Творца и Вседержителя, но, что особенно и дивно, и вожделенно, как Отца милующего, любящего и спасающего: *так бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3:16).

Не скажет ли мне кто-нибудь: это истина Божия, предоставляем ее богословам, нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого? А мне, братия, предлежит забота и подвиг о том, чтобы вы не отстраняли от себя истины Божией. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать значит убивать. Нет жизни

без единства. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому, и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с ней? Посмотрите на народы и на общества человеческие христианские и нехристианские. Не там ли ясно светит истина естественная: естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная, благоустроительная и благоукрасительная для человеческих обществ, где сияет солнце истины Божией и Христовой? Не ночь ли покрывает естественные способности и жизнь народов, над которыми не возшло благодатное солнце истины Божией и Христовой? Исторгните солнце из мира, что будет с миром? Исторгните сердце из тела, что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества, с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.

«Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель, какое же должно быть мое отношение к истине Откровения?» — Не мечтай, что ты можешь создать мудрость, помышляй лучше, что мудрость может прийти и пересоздать тебя, и когда с Соломоном найдешь, что *во множестве* самодельной, неудовлетворяющей *мудрости множество досады* и только *крушение духа* (Еккл. 1:17, 18), тогда не стыдись и не медли исповедать и твоему естественному любомудрию призвать на помощь Того, в *Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. 2:3), *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1:30).

«Я изыскатель истины бытописаний человеческих, чем я должен истине Божией?» Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру slučajев и борьбу страстей, или слепую судьбу, изощри свое око и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают так названные ими **доисторические времена**. У язычников басня поглотила истину древних событий,

мы имеем истинную Книгу Бытия, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого человека и не прерывается, доколе, наконец, входит в широкую ткань разнородных преданий и бытописаний.

«Я исследователь звезд, планет и их законов, чего требует от меня истина Божия?» Ты очень искусно возвысил пронизательность своего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку, потщись возвысить также искусно пронизательность твоего слуха, чтобы ты мог ясно слышать и возвестить другим, как *небеса поведают славу Божию*. Указую тебе для примера на одного из подвижников твоего поприща. Когда он усмотрел, что одна, долго наблюдаемая звезда, в продолжение наблюдений переменяла свой сребровидный свет в вид раскаленного угля и потом исчезла, он заключил, что с ней совершилось подобное тому, что предсказано о нашей земле: *земля, и яже на ней дела, сгорят* (2 Пет. 3:10), и потому сказал: слава Богу! Пред нашими глазами новое свидетельство того, что миру предстоит конец, что, следовательно, он имел начало, что есть Бог — Творец мира и владыка судеб его.

«Я любитель и возделыватель изящного слова, должен ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины?» Рассуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них скрыто было плодотворное семя назидательной истины и чтобы они издавали благоухание нравственной чистоты?

Все мы, христиане, и Любомудрствующие, и в простоте смиренномудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только истина, но и жизнь. В Своем слове и в Своем примере Он сделался для нас путем, чтобы привести нас к истине и чрез истину к истинной жизни. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой и недостаточно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову, тот самой истиной обманывает себя и подвергает себя опасности умереть

на пути и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге: *Тако тецйте, да постигнете*. Путем истины стремитесь к истинной жизни.

Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век. Оглянувшись на достигнутые успехи, благодари Бога и поревнуй достигать больших. Не прикрывай лестью неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в беспристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершенсиям. Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца, и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее. Подвизайся образовать подвижников истины и правды, веры и верности к Богу, царю и Отечеству, которые бы жили истиной и правдой и готовы были за них пожертвовать жизнью. Ибо истина, когда за нее умирают, бывает особенно животворна. Аминь.

Слово на освящении храма святой мученицы Татианы при Императорском Московском университете

Говорено в 1837 году

*Взысках Господа, и услыша мя,
и от всех скорбей моих избави мя.
Приступите к Нему и просветитесь,
и лица ваша не постыдятся.
(Пс. 33:5, 6)*

Итак, вот дом молитвы под одним кровом с домом любомудрия. Святилище тайн приглашено в жилище знаний, и вступило сюда, и здесь основалось и утвердилось своими тайнодейственными способами. Видно, что религия и наука хотят жить вместе и совокупно действовать к облагорожению человечества. Снисходительно со стороны религии: возблагодарим ее снисхождению. Благоразумно со стороны науки: похвалим ее благоразумие.

Не скажу: высочайший Мудрец, ибо сие наименование было бы еще низко для Того, о Ком теперь думаю; Тот, Который есть Сама Премудрость и единственный источник всякой мудрости, в Котором **вся сокровища премудрости и разума сокровена**, Который, открывая Свои сокровища, **дает премудрость**, и от лица Которого исходит **познание и разум**, — Он пришел сюда ныне, и притом не только как посещающий Гость, но и как водворяющийся Обитатель, и открывает здесь Свое училище, какого никто, кроме Него, ни до Него, ни после Него, не мог образовать, — училище, всегда довольно высокое для самых возвышенных умов и душ и вместе с тем довольно простое для самых простых и смиренных земли, — училище, которое не ласкает надеждой степени учительской, а хочет сделать все народы не более как **учениками**, но которое, будучи так неприманчиво при первоначальном образовании своем, привлекло и переучило по-своему древле ученый мир, — училище, в котором без нарушения справедливого уважения и любви к известным наукам можно заметить преимущественно достойные не поверхностного любопытства предметы учения. Слово жизни — философия не по стихиям мира, художественными опытами убиваемым и раздробляемым на мелочи и, по естественной соразмерности последствия с причиной, дающим не очень живые и не очень огромные познания, но по живым и животворным началам **премудрости Божией, в тайне сокровенной, уже уготова Бог прежде век в славу нашу**, — созерцание Верховной Единицы в единосущной Троице и Троицы в Единице, как истинного корня всего числимого, как безмерного основания всего измеряемого, — познание земли и неба, не то могильное познание земли, которое по глыбам и слоям сходит в глубину ее, как в могилу, и остатками разрушения хочет истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, без надежды воскресить погребенную и сохранить оставшуюся; не то стеклянное познание неба, которое посредством дальноразительных стекол следит пути звезд, не пролагая зрителю пути в небо; но познание земли и неба, вначале добрых зело, потом земли, проклятой в делах человека, и неба, сделавшего-

ся *нечистым* (Иов 15:15), далее, земли, которая с сущими на ней делами сгорит, и неба, которое прейдет; наконец, **нового неба и земли новой, в которых правда живет** и в которые можем переселиться и мы, если правдой жить будем, — законодательство не какое-нибудь древнее греческое и римское, которому время дало важность и которого время показало слабость, потому что государства, которые хотели благоустроить и упрочить сие законодательство, давно исчезли, — но законодательство, которым Царь неба и земли благоустроит Свое царство всех веков и Свое владычество во всяком роде и роде; и, что особенно важно для каждого из нас, законодательство, которым Он хочет устроить Свое царство внутри нас, если мы решительно и деятельно возжелаем сделаться сынами Его царствия, — врачевная наука душ, преподающая средства не только исцеления от болезней душевных, но и воскресения от смерти духовной, показывающая способы не только сохранять от разрушительных нравственных недугов жизнь, какую имеем, но и обретать новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное, всеисцеляющее врачевство, Плоть и Кровь Богочеловека, и единственное начало высшей жизни, благодать Святого Духа: — не занимательны ли должны быть сии учебные предметы? Не достоин ли ревностного слушания и последования Единственный Учитель, Который преподавал и преподает их в Своем вселенском училище? И что же препятствует слушать Его и поучаться от Него? Напротив, как близко и как удобно! *Приступите к Нему, и просветитесь.*

Сии призывные к просвещению и к Просветителю слова принадлежат очень древнему и, бесспорно, высокому служителю просвещения, царю и пророку Давиду. Повторим их несколько в большей полноте: *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя. Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся.* Чтобы лучше понять сие, надобно вспомнить, что древние почитали невозможным видеть Бога и что Сам Бог некоторым образом утверждал их в мысли, когда рек Моисею: *Не возможеши видети лица Моего; не бо узрит человек лице Мое, и жив будет* (Исх. 33:20). Итак,

державный певец псалмов не чрезмерное ли, не противное ли верованию своих времен предлагает, когда предлагает приступить к Господу и от Него непосредственно просвещаться? Чтобы не обременить пророка виной погрешности в Богопознании, несообразной с просвещением пророка, мы по необходимости должны взять в соображение другой вид Богопознания, также представляющийся у древних евреев. Внимательное исследование священных книг еврейских показывает, что Бог являлся в образе существа сотворенного, Ангела, человека, но с Божиим именем, с Божеским действием. Чем неожиданнее встречается сей человекообразный вид Богопознания под владычеством главной мысли о Боге невидимом, неприступном, непостижимом, тем легче узнать в нем особенное устройство провидения, именно раннее к человечеству снисхождение Сына Божия, предварительно являющегося в очертании Своего будущего воплощения, подобно как солнце, прежде восхождения своего, является в утренней заре, а иногда и в воздушном отражении круга своего. Теперь становится понятным, как Давид невидимого и неприступного Бога представляет видимым, безопасно доступным и просвещающим приближающихся к Нему; а с сим вместе определительно дознается и то, что пророк приглашает приступить для просвещения нашего к тому точно Господу, Которого мы называем Господом нашим Иисусом Христом. Итак, Христос есть Свет и древнего мира так же, как нового? И отдаленный древний мир указывает не на иной свет, как на сияющий нам так близко во Христе! Куда же и теперь приглашать любителей просвещения, как не к сему Свету? *Приступите к Нему и просветитесь.*

Если вникнуть в союз сих пригласительных слов у пророка с предыдущими и последующими, то можно усмотреть, что с призыванием к Господу Просвещающему он желает соединить убеждение к принятию сего призывания. Когда он говорит: *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя*, он указывает чрез сие на свой личный опыт, сперва несчастный, потом счастливый. *От всех скорбей моих*, видно, скорби его были многочисленны, тяжки; видно, на обыкновен-

ных стезях мирской жизни не встречал он ни облегчения, ни помощи, ни утешения. *Взысках Господа* — видно, и помощь от Бога нелегко получил он, или потому, что, не искусясь трудным опытом, не был довольно просвещен, или потому, что слишком глубокий мрак скорби скрывал от него путь Божий: ибо не говорит, что прибегнул к Господу прямо, приступил близко, но говорит, что *взыскал Господа*, ищут же не того, что видят или к чему путь верно знают. Что же, однако, наконец принесло искание Господа? *Взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя*. Как блуждающий в темноте, или в лесу, или в дебрях, голосом ищет избавителя, которого не может видеть, и сострадающий, услышав, отвечает ему, приближается к нему и прекращает его затруднение, так Давид взыскал Господа гласом скорби и молитвы, и Господь, услышав, отвечал ему гласом благодати, приблизился к нему и прекратил все его скорби. Теперь Давид, из несчастного счастливым, хочет делиться своим счастьем, благодарный к Избавителю, хочет споспешествовать избавлению бедствующих человеков, и потому, вслед за указанием на свой счастливый опыт, произносит воззвание, побуждающее не только искать Господа как сокровенного, но и приступать к Нему как уже обретенному: *приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся*. Такое последование изречений дает нам право разуметь сие последнее так, что пророк обещает от Господа не только просвещение ума светом истины Христовой, но и просвещение сердца светом Духа Утешителя, в преизобилующем утешении которого всякая скорбь земная исчезает, как капля горечи в чаше сладости.

Найдя, что пророк призывает к просвещению от Господа, яко к средству против скорбей, не подумаем, впрочем, будто Его призывание в сем смысле относится только к некоторым людям в некоторых обстоятельствах. Нет. Он взывает: *приступите*, — *просветитесь*, а не называет никого, к кому бы обращал сие воззвание, без сомнения, в том знаменовании, что взывает ко всем, которые имеют уши слышати. Спросим себя: без скорбей ли прожили мы доныне и надеемся ли прожить

без скорбей? Не думаю, чтобы кто так решительно похвалился прошедшим или поручился за будущее. Спрошу особенно: кто из нас ненарушимо обладает блаженством, о котором говорит древний благочестивый мудрец: *блажен муж, иже не попольз-
неся устнами своими, и не уязвися печалию греха?* (Сир. 14:1). Если паче чаяния захотел бы кто сказать, что он сохранил и сохраняет сие блаженство, таковому предварительно заграждает уста бесприкословный обличитель, избранный по чистоте, ученик Христов Иоанн: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1:8). Но если мы не так прельщены сами собою, не так чужды истины, чтобы не признавать в себе греха, и, следственно, подвержены печали греха, то, спрашиваю всех имеющих или когда-либо имевших притязание на просвещение и мудрость, где та мудрость, которая бы научила меня утешиться в печали греха? Где то просвещение, которое осветило бы мне путь избавления от скорбей жизни и наипаче от скорбей совести? Где та наука, которая бы удовлетворительно разрешала ни для кого из нас не посторонний вопрос о возможном облаженствовании человека, и особенно человека согрешившего и повинного пред Богом. Ибо хотя издревле немало любомудрствовали о блаженстве человеческом по разуму, но мало имели успеха, частью потому, что не понимали главной трудности вопроса, происходящей от мысли о грехе и о виновности пред Богом, частью потому, что суетились, как бы облаженствовать временную жизнь человека бессмертного, то есть хотели подсластить каплю, не заботясь, сладко или горько будет море, которое после нее пить надобно? Где человек, который бы просветил меня так, чтобы *лице мое не постыдилось* пред Богом и пред собственным сердцем, зазирающим согрешающему? Изыскатели сил, движущих небо и держащих оное в порядке и равновесии! Не найдете ли вы мне силы, которая бы исправляла мое уклонение от истинного пути неба, которая бы достаточно противодействовала моему вольному и невольному тяготению к аду? Ведцы прав Божеских и человеческих, естественных и общественных! Вы не можете не признать, что нет естественнее и безызъятнее

права, как то, которое имеет Бог требовать, чтобы никакая тварь Его не нарушала Его воли и закона никаким действием, никаким словом, которое также есть своего рода действие, никакой мыслью и желанием, которые в области духа и всеведения суть то же, что слова и действия в области чувств; что поступивший в противность правам самодержца теряет через сие собственные права, которыми пользовался по Его милости и которыми, по коренным началам Царственного благоустройства, не мог пользоваться иначе, как с обязанностью верного послушания; что по тем же началам он подвергает себя укротительным или карательным действиям правосудия. Таким образом, и ваша наука так же, как и совесть, *постыждает лице* грешника: но найдет ли она средство изгладить его стыд? Говорят у вас, что сделанное не может быть не сделанным: сие изречение осуждает грешника на вечный стыд сознаваемого греха. Бог милосерд: говорят часто без размышления, и на сей мягкой мысли хочет уснуть неразборчивая совесть. Но мысль о милосердии Божиим, столь сильным, столь сладким светом просвещающая область веры, не может быть приведена в подобное действие в области естественного мудрствования, одними условиями умозаключающего разума. Бог милосерд, но и правосуден, бесконечно милосерд, но и бесконечно правосуден. Весы понятий стоят равно, и нет причины, почему бы надежда на милосердие Божие могла перевесить ужас правосудия Божия. Что грешник подлежит правосудию Божию, то очевидно; в каком он отношении к милосердию Божию, то по разуму неопределимо; а каким образом Божие милосердие может преизбыточествовать для грешника без нарушения прав Божия правосудия, сие, без особенного откровения свыше, совершенно непостижимо. Кто же разрешит мои недоумения? Кто просветит тьму мою? Кто утешит меня верным и неопрамливающим упованием на милосердие Божие? Кто *избавит меня от всех скорбей моих*? Тебе Единому возможно сие, от Бога пришедший Учителю, Свете мира, Посетителю душ, Господи Боже, Спасителю Иисусе! Твое чудесное явление в мире, Твое слово, которому подобно *николиже глаголал человек*,

наипаче же Твои за меня страдания, Твои раны, Твоя крестная смерть суть такие доказательства спасающего милосердия, которые сильны и достаточны — и они только сильны и достаточны — не только земную тьму неведения, сомнения, скорби, но и адский мрак отчаяния просветить сладким, животворным, неугасимым светом. Как бы ни глубоко *уязвлено было сердце мое печалию греха*, как бы ни было изранено и растерзано скорбями земной жизни, — когда внутренним движением веры прилагаю мои сердечные раны к Твоим крестным ранам; текущая из них Твоя бессмертная и воскрешающая жизнь касается моей жизни, умирающей или уже умершей, и Твой Божественный свет просвещает омраченного, творческое Слово Твое восстанавливает падшего, исцеляет недугующего, воскрешает умерщвленного; утешение Духа Твоего или избавляет от всех скорбей, или самые скорби делает утешительными, самые страдания радостными, в причастии Твоих спасительных скорбей и страданий, с Тобою лицо мое *непостыждается* пред Богом Отцом Твоим и пред собственной моей совестью, ибо *кровь Твоя очищает совесть мою от мертвых дел*, правда Твоя покрывает мою самоосужденную неправду; ходатайство Твое дарует мне дерзновение пред Отцом Твоим, и, как Ты научил и дал нам право нарицать Его и нашим Отцом, сего ради славлю Тебя, Единственный Просветитель, и хотя недостойным гласом с достойным служителем Твоего вечного просвещения взываю о Тебе ко всем просвещенным и непросвещенным века сего: *Приступите к Нему* — благоговеющим умом, верующим сердцем, молящимся духом, послушной волей, приблизьтесь, *приступите к Нему и просветитесь*, и лица ваша не постыдятся. Аминь.

Мнение Преосвященного Филарета о драматическом сочинении Н. В. Сушкова «Начало Москвы»

Граф Орлов, препровождая к обер-прокурору Св. Синода пьесу Сушкова «Начало Москвы», писал: «Дирекция Им-

ператорских театров препроводила на рассмотрение цензуры III Отделения Собственной Его Величества канцелярии сочинение Н. Сушкова под заглавием: «Начало Москвы». Цензура III Отделения нашла, что сочинение написано вполне благонамеренно и не без достоинств, как в литературном, так и в сценическом отношении, но вместе с тем внимание цензуры остановил религиозный дух пьесы, могущий показаться неуместным на театре, хотя автор и объяснил, что содержание его сочинения удостоилось одобрения Его Высокопреосвященства Митрополита Филарета. Препровождая означенную пьесу на усмотрение Вашего Сиятельства, покорнейше прошу уведомить меня, не изволите ли находить с своей стороны препятствий к разрешению представления оной на Московском театре».

В ответ на сделанный по сему предмету графом Протасовым запрос Митрополит Филарет писал:

Конфиденциально

Ваше Сиятельство,

Милостивый Государь!

Ваше Сиятельство требует от меня (от 25 ноября № 8049, в получении 30 декабря) сведения, действительно ли я читал сочинение Г. Сушкова: «Москва, поэма в лицах и действии», и, по моему мнению, оно может произвести на публику, особенно же на Московскую, самое благоприятное впечатление.

Г. Сушков, известный мне как человек православно-христиански мыслящий, провождающий жизнь согласно с правилами церкви и искренно преданный Царю и Отечеству, действительно сообщал мне означенное сочинение, когда оно было напечатано, и я по недостатку времени и по непринадлежности до меня сочинений сего рода не столько прочитал, сколько просмотрел оное и нашел оное написанным в духе благонамеренности и патриотизма. Впрочем, помнится, сказал я сочинителю, что для меня необычно встретить под заглавием поэмы — драму, и в ней не мало стихий по старым понятиям, не очень дружных с высоким наименованием

поэмы. Что касается до отношения сего сочинения к театру, и я не признаю себя умеющим судить о сем, и театральное начальство не должно признавать меня способным судить о сем; потому что я должен судить согласно с 51-м правилом 6 Вселенского собора и с учением св. Златоуста, по которым не могу дать одобрения никакому зрелищному представлению. Но, чтобы по возможности удовлетворить требованию Вашего Сиятельства, предположим, что есть или могут быть театральные представления, которые могут пользоваться терпимостию со стороны христианской религии и нравственности. Теперь вопрос, в решении которого желаю споспешествовать Вашему Сиятельству, должен получить следующий вид: сочинение, о котором идет речь, может ли быть представлено на театре, не производя впечатления, неблагоприятного для религии, нравственности и приличия? Вот некоторые виды к разрешению сего вопроса.

В первой части, в первом явлении, средину декорации, представляющей пустыню, занимает крест и явленный чудотворный образ Спасов, который у сочинителя предполагается началом церкви Спаса на бору и Москвы. Припоминаю слышанное когда-то, что в Берлине, в декорации театра виден был алтарь и литургия Римской церкви. Протестанты оправдывали себя тем, что это богослужение чужого вероисповедания. Но в случившихся при том православных — благочестивое чувство было оскорблено, и они смотрели на сие с неудовольствием. Не сильнее ли почувствуется неприличие, когда на театре представится православным святыня Православной церкви? Первая сцена первой части начинается тем, что пустынный Букал произносит переложенную в стихи церковную песнь: «Царю Небесный», которая в церкви читается в начале вечерни и утрени и поется в начале молебна. Думаю, что люди строгого благочестия будут недовольны: зачем священная церковная песнь вынесена на театр, а люди не строгого благочестия также будут недовольны: зачем на театре хотят петь молебен? Следственно, в обоих случаях сомн. Букал длинный монолог заключает молитвою и сло-

вом: аминь. И затем тотчас следуют: ау! ау! ау! чур меня! чур меня! Не думаю, чтобы такой скачок был сообразен с чувством приличия. И в книге он неприятен, а на сцене, вероятно, более.

Стр. 14: кудесник говорит: слава! слава, сатана! Это слишком тяжело для христианского слуха. Притом кудесник представлен чителем Перуна и Белбога. А читатели Перуна и Белбога не славят сатану именно.

Стр. 15: кудесник сводит с неба молнию и зажигает лес. Слишком много для кудесника и особенно в сравнении с благочестивым пустынноиком Букалом и в присутствии креста и чудотворной иконы. Во все продолжение первого действия драмы главное лицо на сцене есть пустынноик схимонах Букал. Он молится, учит молиться, предсказывает, рассказывает чудеса от иконы Спасовой (не исторические, а вымышленные); около его или около его кельи поют песни, слышится множество суетных рассказов, между прочим, сны и гаданья о женихе, которые оказываются также справедливыми, как предсказания схимонаха; воют кликуши неизвестно от чего и неизвестно от чего с воплем уходят. Это смешение истинного с ложным, погружение святого в мирское нечистое странно видеть в словах книги и, думаю, еще страннее будет в лицах на театре. Писатель, сколько понимаю, имел добрую мысль представить происхождение Москвы религиозным. Но когда он одел сию главную идею разными видами тогдашней современности, сия одежда явилась, по моему мнению, слишком светскою для духовной идеи. Ограничивая мои замечания первую часть поэмы, надеюсь, что Ваше Сиятельство не потребует полного рассмотрения театрального сочинения.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Филарет М. Московский.
Января 5, 1853 года

**Мнение митрополита Филарета о предметах,
которые не должны быть назначены
на всемирную выставку в Париже**

В мае 1866 года министр финансов писал обер-прокурору Св. Синода, что Императорская Парижская Комиссия всемирной выставки просит принять меры для обеспечения участия России в отделе произведений искусства, характеризующих различные эпохи истории труда, с древнейших времен до конца XIX столетия. Ввиду того, что к помянутому отделу относятся произведения, составляющие большую часть археологическую редкость, Императорское Русское Археологическое общество составило по сему отделу подробную историческую программу. Из программы этой видно, что многие из предметов, помещение коих в русском археологическом отделе признается желательным, хранятся в ризницах наших церквей и монастырей, поэтому граф Рейтерн просил графа Толстого уведомить его, какие из предметов, показанных в программе хранящимися в монастырских ризницах, могли бы быть помещены в русском археологическом отделе на предстоящей всемирной Парижской выставке. Вместе с сим письмом граф Рейтерн препроводил копию с программы, в коей значатся следующие вещи:

1) Золотой образ, найденный в старом Киеве (в Киевском университете).

2) Крест св. Евфросинии Полоцкой 1161 года (в Полоцком Спасском монастыре).

3) Воздвизальный крест Новгородскаго Архиепископа Антония после 1211 года (в Новгородском Софийском соборе).

4) Каменный крест кн. Святослава Всеволодовича 1224 года (в соборе Юрьева-Польского).

5) Остромирово Евангелие 1056 года (в Императорской Публичной библиотеке).

- 6) Изборник 1073 года (в Синодальной библиотеке).
- 7) Мстиславово Евангелие до 1117 года в великолепном окладе (в Московском Архангельском соборе).
- 8) Рукописи с заставками, с узорчатыми заглавными буквами и пр. (в Синодальной библиотеке).
- 9) Грамота Великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года (в Юрьевом монастыре).
- 10) Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 года (в Хутынском монастыре).
- 11) Рисунки с мозаики Киевского Софийского собора.
- 12) Образцы ценного пола, найденного в развалинах Десятинной церкви в Киеве.
- 13) Оклад на напрестольном Евангелии XIV века (в Троице-Сергиевой лавре).
- 14) Оклад на Евангелии, данном вкладом в Саввино-Звенигородский монастырь (в этом монастыре).
- 15) Оклад на напрестольном Евангелии 1693 года (в Московском Успенском соборе).
- 16) Панагия св. Петра митрополита (в Патриаршей ризнице).
- 17) Саккос его же (в Патриаршей ризнице).
- 18) Крест золотой с сапфиром (в Московской Оружейной палате).
- 19) Панагия с изображением святителя Николая (в Новгородском Софийском соборе).
- 20) Образ св. митрополита Петра с изображением Великого князя Иоанна III на кости (в Московской Оружейной Палате).
- 21) Омофор Новгородского Архиепископа Моисея 1325 года (в Новгородском Софийском соборе).
- 22) Пелены и покровы (в ризницах Патриаршей и Троице-Сергиевой лавры).
- 23) Кресты тельные (в Москве у Подключиникова).
- 24) Кресты напрестольные и наперсные, панагии, митры, саккосы, омофоры и посохи (из Патриаршей ризницы).

25) Напрестольный крест Царя Иоанна IV Васильевича (в Московском Архангельском соборе).

26) Древние складни, принадлежавшие Лжедмитрию (у графов Мусиных-Пушкиных).

27) Резные образа на дереве (в Новгородском Софийском соборе).

28) Панагии (в Московской Синодальной ризнице).

29) Оклад на Евангелии 1571 года (в Московском Благовещенском соборе).

30) Оклад на Евангелии XVI века, лучшее произведение московских мастеров (у графа Уварова).

31) Образ св. Софии Премудрости Божией (в собрании князя Долгорукова).

32) Образа из собрания Коробанова (в Московской Оружейной палате).

Препровождая копию с отношения графа Рейтерна и вышеозначенной программы к Преосвященному Филарету, граф Толстой просил его дать свое заключение по сему предмету, на что митрополит Филарет писал:

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

При отношении Вашего Сиятельства, от 23 сего мая (№ 3102) препровождена ко мне копия проекта программы, составленной Археологическим обществом о предметах, которые предполагается назначить на Парижскую всемирную выставку, и между прочими о таких предметах, которые находятся в церквях и монастырских ризницах; и требуется по сему предмету от меня мнение. Благоговение к святыне в Православной церкви и в Православном народе выше и строже, нежели в других христианских вероисповеданиях. Крест, Евангелие, Евхаристические сосуды, освященные и употребленные в церковном богослужении, признаются священными в такой степени, что прикасаться к ним имеют право только священнослужители. Иконы, церковные облачения и принадлежности алтаря, как предметы освященные, охраняются от неприличного для них места и от смешения с мир-

скими предметами. Особенно чтутся облачения, одежды и другие предметы, бывшие в употреблении Святых и Преподобных Отцов и покровы мощей их, которые если выносятся из церквей и ризниц, то для возложения на больных в надежде исцеления от святыни.

Чувство благоговения к святыне так строго, что некоторые, увидев иконы и кресты новые, неосвященные, выставленные в лавках, приходят к архиерею и просят прекратить сию выставку, как несообразную с достоинством церковных предметов.

Но что такое выставка, частная или всемирная? Начальный и существенный характер ее есть коммерческий. Это большой рынок, на котором произведения ремесел и художеств выставлены напоказ, чтобы приобрести оным одобрение для увеличения сбыта их или чтобы и продать. Уже в программе для выставки нестройным представляется смешение предметов слишком разнородных: кресты, Евангелия, облачения, панагии, палаши, шпаги, кинжалы, чарки, разсолонники, ножи и вилки. Не больше ли это тяжело будет для православного взора на самой выставке?

Представим, что православные придут в праздник в Успенский собор и не будет вынесено Евангелие царей Иоанна и Петра; придут в Синодальную ризницу и не найдут облачений Святителей Петра и Фотия; придут в ризницу Сергиевой лавры и не найдут древних покровов святых мощей преподобного Сергия, и что в объяснение сего отсутствия им скажут: сии предметы теперь в Париже на выставке. Православное благочестивое чувство оскорбится сим, как бы перенесением сосудов Иерусалимского храма в Вавилон. По таковым соображениям полагаю, что не должно назначать на Парижскую всемирную выставку древних церковных предметов.

И чтобы яснее было, к каким предметам относится сие мнение, для сего прилагается:

«Выписка из исторической программы предполагаемого русского Археологического отдела на Парижской всемирной выставке 1867 года о предметах, которые не должны быть

назначены на выставку». Что касается до предметов того же рода, находящихся в общественных хранилищах светского ведомства и в частных собраниях археологических предметов, решение, конечно, зависеть будет от начальствующих над хранилищами и от владеющих археологическими собраниями.

Желательно, чтобы все поступили по одному правилу.

Не без заботы можно думать и о том, если неоценимые и невозвратимые археологические сокровища, как, например, Остромирово Евангелие и Изборник Святославов, исторгнутся из своих хранилищ, понесутся по длинным разнообразным дорогам и войдут в лабиринт Парижской всемирной выставки.

В Англии и Германии едва ли поступят с тамошними важнейшими древностями так, как предполагается поступить в России. Один московский художник послал на Лондонскую выставку мраморное грудное изображение Христа Спасителя; и оно, после окончания выставки, с трудом отыскано там в подвале поврежденное.

Парижская выставка требует исторических характерных произведений искусства. Соответствуют ли сему требованию Изборник Святославов, Вкладная грамота, Договорная грамота и пр.?

Если в Изборнике Святославовом находящаяся в начале его картина имеется в виду как произведение древнего искусства, то это напрасно! Это уже не подлинник, а недавняя копия. Подлинная картина была похищена, когда сия рукопись была еще в Воскресенском монастыре.

Потом явилась в частных руках и теперь находится в Императорской библиотеке или в Оружейной палате. Посему полагаю, что Изборник Святославов может оставаться в покое в Синодальной библиотеке.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства Милостивого Государя

покорнейший слуга
Филарет М. Московский.

Июня 9, 1866 года

**Беседа в день Благовещения Пресвятой
Богородицы, пред благодарственным
молебствием о заключении мира**

Говорена в Чудове монастыре 25 марта 1856 года

В день, в который небо благовествует земле тайное в начале, славное впоследствии *пришествие Божественного Начальника мира* (Ис. 9:6), торжественно благовествуется сему царствующему граду мир, благочестивейшим самодержцем нашим приобретенный Отечеству нашему, прекращающий трудную брань. Что помышляете при сем, верные сынове России? Что чувствуют ваши сердца? Чувствуют ли внутренний мир? Или еще не угасает гнев, еще кипит негодование на неправду, которая подвигла на нас брань и которая ожесточила ее?

Вспомним закон, исполним волю Божественного Начальника мира — не помнить зла, прощать оскорбления, *быть мирными даже с ненавидящими мира* (Пс. 119:6), кольми паче с предлагающими прекращение вражды и простирающими руку мирную. Да угаснет гнев. Да прекратится негодование. Мир не только оружием, но и градам, и весям, мир помышлениям сердечным, мир душам в глубине их.

Возблагодарим Бога, ниспосылавшего помощь во брани. Возблагодарим Бога, даровавшего мир. Побудим себя воспользоваться миром.

Нельзя равнодушно вспоминать, какие трудности надлежало преодолевать в сей брани российскому воинству, какие тяготы должен был понести народ, каким лишениям и страданиям подвергались от врагов наши соотечественники, близкие к позорищу войны. Но с сими печальными воспоминаниями соединено и утешительное, и величественное. Наши воины моря, начав свои подвиги истреблением турецкого флота, когда должны были уклоняться от чрезмерно превосходящей морской силы нескольких держав,

не только не уступили своих кораблей, но и сделали из них подводное укрепление для защиты пристани и города. Потом соединенные воины моря и суши одиннадцать месяцев победоносно противостояли в Севастополе многочисленнейшим войскам четырех держав и беспримерным донине разрушительным орудиям. Наконец, хотя и допущены враги работать над оставленными им развалинами для умножения развалин, но в Севастополе стоит донине русское воинство. На Дальнем Востоке малое укрепление с горстью людей отразило морское и сухопутное нападения несравненно сильнейших врагов, по признанию участвовавших в том, более молитвой нежели силой. На западе два сильнейших флота бесполезно истощали свои усилия против одной крепости, а на другую только смотрели издали. На севере было странное противоборство: с одной стороны военные суда и огнестрельные орудия, с другой — священнослужители и монашествующие, со святыней и молитвою ходящие по стене обители, и несколько человек со слабым и неисправным оружием — и обитель осталась непобежденной, и святыни неприкосновенными. Против России действовали войска четырех держав, и в числе сих были сильнейшие в мире. Из держав мирных некоторые были вполне мирны, а некоторые своим неясным положением уменьшали удобство нашего действия, и сие обращалось в удобство для врагов. И, несмотря на все сие, в Европе мы не побеждены, а в Азии мы победители. Слава российскому воинству! Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство и жизнь! Но превыше всего — да речет Россия с пророком: *благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань; милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой* (Пс. 143:1—2).

Благословим Бога, *научающего руце наша на ополчение*, видев, как поселяне и мирные граждане внезапно превращались в ратников ополчения и ратовали наравне с воинами обученными и испытанными.

Благословим Бога *избавителя*, слышав, как на востоке наши воины моря, на немногих кораблях, сквозь превосходящие морские силы врагов безвредно пролетели в отечественную пристань.

Благословим Бога, Иже есть *милость* наша, возбудившего в сердцах сочувствие к подвигам и к подвигающимся, желание споспешествовать подвигам, облегчать подвигающихся. Как охотно и обильно всюду предлагаемы были вспоможения для войны и воинов! Таланты богатых и лепты бедных сыпались в сокровищницу военную и в сокровищницу милосердия к раненым и болящим воинам и к семействам их. Особенно в царском доме открылись источники сего милосердия и текли и текут благотворными потоками.

Благословим Бога *милости* и за то, что Он явил в нас и ко врагам нашим не только правду, но и милость. Они не только не имеют случая упрекнуть нас жестокостью или разрушением и истреблением, не требуемыми военной необходимостью, но не могут не признать нашей милости к их пленным. Вступая в мир, не желаем ниже оружием слова возобновлять брань. Позволим только себе вспомнить, что и во время перемирия, когда не позволено было сражаться с нашими воинами, некоторые из противников наших продолжали сражаться с камнями наших даже мирных построений. За то и камни на них прогневались, и поразили, и погребли под собой одного из мудрецов разрушения. Дерзнем, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей стороне бескровная победа — нравственная.

Впрочем, если происходившая война и представляет на нашей стороне утешительные виды, сие не должно было располагать к желанию, чтобы война продолжалась. Слава Богу, что православно-христианская Россия не была виной начала войны и не объявила ее, а приняла объявленную. Должно было ей охранить себя, чтобы ни малейшей частью не пала на нее вина продолжения войны. Благодарение благочестивейшему государю императору, охранившему нас от сего, человеколюбиво пощадившему кровь своих и чуж-

дых, христиански предпочтившему кроткий мир мстительной взыскательности. Благословен Бог, споспешествующий ему в сем.

Бог глаголет устами пророка: *Аз устроивый свет, и сотворивый тму, творяй мир, и зиждяй злая: Аз Господь Бог творяй сия вся* (Ис. 45:7). Чудно и странно! Бог благий и самосущая благодать Сам о Себе свидетельствует, что Он *сотворил тму*, что Он *зиждет злая*. Но вникающий в дела провидения не смутится сим. Например, надобно было, чтобы Бог затмил глаза сирийских воинов, дабы не погиб от них Елисей, почти единственный в свое время пророк и защитник веры в истинного Бога. Надобно было, чтобы в потопе погибло развращенное племя первого мира, чтобы от всеобщей заразы зла не погибли малые останки доброго племени и чтобы земля не превратилась в ад. Если же провидение Божие управляет и карательными силами, действующими на род человеческий, то тем несомненное, что оно управляет силами благотворными. Если Бог попускает войну, тем несомненное, что Он *творит мир*.

Человеческими ли только силами и средствами устроен и нынешний мир? Правда, воевавшие с нами понесли сугубое бремя и самой войны, и бедствий, посланных вышней судьбой, но они продолжали опираться на свою многочисленность, и сделанные ими пред самым миром обширные приготовления к войне еще показывали и силу, и браннолюбивую мысль. Однако мир нам предложен, и шум и вопли врагов мира не могли заглушить тихого гласа мира. Кто же и там утишил сердца, воспламененные к брани? Не будем тупы очами ума и сердца. Узрим над видимыми действователями тайное мановение невидимого Творца мира. Да мимо идет война, Божие наказание народов, примем с благодарностью мир, как дар Бога, *творящего мир*.

Как же скоро признаем, что мир есть дар Божий, то с сим имеете должны мы признать и внутренне почувствовать нашу обязанность не только достойным образом принять, но и достойным образом употребить сей дар Божий. Всякий

дар Божий есть талант, который должен быть употреблен в дело и в пользу сообразно с намерением Дателя. Евангельская притча учит, что благоупотребившие дарованные им таланты приемлют умножение даров свыше заслуги и ожидания, а неблагоупотребившие лишаются и того, что прежде даровано.

Что скажу вам о благоупотреблении мира? Посоветую ли употребить оный на восстановление потрясенного войной общественного благосостояния? Но надобно ли советовать? Это присоветует нам ваша нужда и польза, и принятием к исполнению сего совета еще немного будет сделано, так как, напротив, это было бы отсутствие не только духовной мудрости, но и житейского благоразумия, если бы мы свободное время мира употребили на беспечность и праздность, на увеселения и расточительность, а не на полезную деятельность.

Потрудимся преимущественно, в преимущественном обилии приобрести и сохранить стяжания духовные — Божию благодать, веру, правду, добродетель — они созиждут и утвердят наш мир внутренний, внешний возвысят и упрочат.

Тако глаголет Господь: аще бы еси послушал заповедей Моих: то был бы убо аки река мир твой (Ис. 48:17—18). Послушай хотя отныне заповедей Господних, если не довольно внимал им прежде: и да *будет аки река мир твой*. Аминь.

**Письмо митрополита Филарета графу Д. А. Толстому,
обер-прокурору Св. Синода, с изъявлением
верноподданнических чувств по случаю избавления
Государя от опасности 4 апреля 1866 года**

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Благословен Бог и дивен Бог в избавлении Государя Императора от опасности.

Желаю со вверенным мне духовенством представить Его Императорскому Величеству наши верноподданниче-

ские чувства в всеподданнейшем письме. Ожидаю, какое разрешение о сем получит генерал-губернатор для других сословий.

Верноподданническое чувство в сильном движении и одушевляется религиозным; после благодарственного соборного молебствия в кафедральной церкви Чудова монастыря народ просил, чтобы оно повторено было на Кремлевской площади, что и исполнено. Потом, по желанию также народа, совершено молебствие пред Иверскою часовнею, и как здесь местность мала, то просили совершить молебствие на Красной площади, что и разрешено мною.

Ныне купечество изъявляет желание, чтобы в один из следующих дней совершено было благодарственное молебствие на Красной площади, против памятника Минина.

Разумеется, соглашаюсь.

Единоверцы¹ вчера испросили разрешение собраться в воскресенье из всех единоверческих приходов в единоверческий монастырь для благодарственного общего молебствия.

Единоверцы еще прежде просили и теперь просят разрешения, чтобы прежние их депутаты удостоены были предстать пред Государем Императором в день его рождения или в день двадцатипятилетия его благословенного супружества, приветствовать его, благодарить за учреждение единоверческого монастыря и поднести святую икону.

Не благоволите ли сказать мне по телеграфу, что могут явиться с надеждою?

Теперь имею от генерал-губернатора сведение, что представление адресов и депутатий разрешено.

Воспользуемся сим и мы.

Призывая Вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Филарет М. Московский.
Апреля 6, 1866 года.

**Ответ митрополита Филарета на секретное письмо
графа Д. А. Толстого о прекращении народных
торжеств по поводу избавления Государя от опасности**

30 апреля 1866 года обер-прокурор Св. Синода писал Преосвященному Филарету: «верноподданнические чувства к Государю, чудесно избавившемуся от угрожавшей опасности, с истинным единодушием выражавшиеся чрез благочестивое участие народа в торжественных духовных церемониях, не перестают доселе в некоторых местах располагать жителей к продолжению общественных духовных торжеств. Государь Император, с утешением взирая на таковое проявление народной преданности и вполне ценя оное, изволит находить, что дальнейшее продолжение этих торжеств, достаточно уже доказавшее всю силу верноподданнических чувств, может отвлекать народ от его обыкновенных занятий и обязанностей. Имею честь сообщить о сем Вашему Высокопреосвященству с тем, что не изволите ли Вы, М[илостивый] Г[осударь] и Архипастырь, по конфиденциальном соглашении с военным генерал-губернатором, негласно оказать зависящее влияние к приостановлению вышеупомянутых духовных церемоний, если оне продолжаются еще по Московской епархии».

В ответ на это письмо Митрополит Филарет писал:

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

В соответствие секретному письму Вашего Сиятельства от 30 апреля (№ 2585) о торжественных молебствиях в благодарение Богу за сохранение Государя Императора от опасности долгом поставляю представить сведение с некоторыми объяснениями. Молебствия сии, после общих церковных, вызваны были свободным благочестивым и патриотическим чувством народа. Духовному начальству свойственно было соответствовать сему движению. Непредвиденно для меня случилось, что после молебствия на Красной площади вы-

ставлено было народу вино, и некоторые неумеренно воспользовались сим угощением. Когда я узнал о сем, то бывшие потом молебствия разрешал не иначе, как с условием, чтобы не было угощения народа и ничего светского, дабы таким образом из собрания молящихся устранить любителей вина и празднолюбопытствующих.

Молебствия продолжились на многие дни, потому что обыватели желали иметь на местах молебствий чудотворные иконы, которые не могли быть в один день на многих местах, и потребовалась череда.

Наконец, еще пред получением Вашего письма, по соведанию моему с г. генерал-губернатором, положено прекратить экстраординарные собрания без противоречия усердию желающих; и для того, если еще какой-либо церкви прихожане будут просить разрешение для молебствия, отвечать им, что они могут совершить молебное пение внутри своей церкви и притом в праздничный день.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга,
Филарет М. Московский.
Мая 10, 1866 года.

[Р. С.] Сейчас получено донесение, что после общих церковных, по особо изъявленным желаниям, молебствий в разных общественных заведениях при церквях и на открытых местах совершено 69.

СТИХОТВОРЕНИЯ СВ. ФИЛАРЕТА

* * *

Я и не вовремя кричу,
Что многолетства Вам хочу:
Что в сердце вечно обитает,
Законов времени не знает.

начало 1800-х годов

* * *

Любезнейшим родным,
И малым, и большим,
Всех благ прямых желаю;
И также посылаю
Кому агу! Кому виват!
Пусть сами меж собой делят.

начало 1800-х годов

Эпитафия на могиле семи студентов первого курса Санкт-Петербургской Духовной академии

Мы чаяли узреть их делателями здесь,
Где жатва многая, а делателей мало:
Но жатвы Господу не то угодно стало;
Он их самих пожал и рано в кров свой внес.

1814,

приписывается св. Филарету

* * *

К Тебе, о Путь непреткновенный,
К Тебе, Путь истинный, живой,
Взывает путник утомленный,
Пути его во тьме не скрый.
Сей путь мой не в водах и в море,
Но волны есть в душе моей...
Явись, волн укротитель, вскоре
И волны запрети страстей!
Спаси, Наставник! Гибну! Гибну!
Умилосердись, ускори...
И с гласом грозным руку мирну
Извлечь молящего прости.

1819

**Ответ св. Филарета на стихотворение А. С. Пушкина
«Дар напрасный, дар случайный...»**

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

* * *

Близок последний труд жизни, плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.

Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, переселяясь отсюда скорбям,
сненающим дух.

Жертвой себя предая.

Вам же, грядущие, вам заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.

1867

ПРИЛОЖЕНИЯ

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК: ПЛАТОН (ЛЕВШИН) — СВ. ФИЛАРЕТ

Поздравление семинариста Василия Дроздова в день тезоименитства Московского митрополита Платона (Левшина)

Пой в песнях великих героев, Омир!
Дела же Платона ты петь не дерзай!
Поэты наклонны и правду превысить,
А как превозвысить деянья Отца?

Из письма родным

Архипастырь осчастливил нас прибытием своим, но в то же время и опечалил жалобами на свое здоровье. Сего дня он не священнодействовал; да мы совершенно не имели удовольствия и видеть его. К утешению, мы читаем его новую проповедь на прошедший Новый год, присланную нам от него, при конце коей замечательно смиренное прошение прощения пастырем у паствы. Так христианин всегда готовится к смерти: но она страшится тех, которые видят ее... Я желаю Вам видеть ее и не быть от нее видимым. [...]

Февраля 2, 1804 года

Из прошения Московскому митрополиту Платону (Левшину)

...Обучаясь и потом обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства покровительством, я научился, по крайней мере, находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому. Я тщательно испытывал себя в сем расположении в течение почти пяти лет, проведенных мною в должности учительской. И ныне Ваше Высокопреосвященство, милостивейшего архипастыря и отца, всепокорнейше прошу Вас архипастырским благоволением совершить мое желание, удостоя меня монашеского звания.

Июля 7 дня, 1808 года. К сему прошению риторики учитель *Василий Дроздов* руку приложил.

Письмо родным

Не знаю точно, понравится ли Вам новость, которую скажу теперь: впрочем, если в Ваших письмах говорит Ваше сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего соизволения, сделав один важный шаг по своей воле, по довольном, смею сказать, размышлении. Батюшка! **Васи-
лья** скоро не будет; но Вы не лишитесь сына: сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца. Простите мне; я не думал осмелиться хвалить Вас и не знаю, как это вырвалось. Без нетерпения, но с охотою, без радости, но с удовольствием я занимаюсь теперь некоторыми приготовлениями к преобразованию. Но Высокий Благодетель мой отнимает у меня часть своих попечений. Дано приказание изгот-
овить рясу и полукафтаны на его счет. В следующий пост, и, вероятно, в первой половине его, велят надеть оные. Я прошу

теперь Вашего благословения и молитв и надеюсь, что Вы и в том, и в другом не откажете.

Ноября 1, 1808 года

Из письма родным

Вы желаете ведать обстоятельства моего нового состояния. Но я почти не вижу около себя нового. Тот же образ жизни, те же упражнения, та же должность, то же спокойствие, кроме того, что прежде, с некоторого времени, я иногда думал: что-то будет? Что-то выйдет? А теперь и этого не думаю. Его высокопреосвященство удостаивает меня такого благоволения, какого не смел и желать... Я редко видел начальника, чаще отца, наставника...

Декабря 14, 1808 года

ПРОПОВЕДИ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА (ЛЕВШИНА)

Слово во Святой и Великий пяток

*Сказано в присутствии Ее Императорского Величества
в придворной церкви 1764 года, апреля 9-го дня*

*Мы проповедуем Христа распятого:
иудеем убо соблазн, еллином же безумие.
(1 Кор. 1:23)*

Предлежащая пред очами нашими сия мертвая плоть, не знаю, слов ли источником есть или молчания. Ибо рассуждая столь странное и от века не слыханное позорище, чтоб видеть Сына Божия, висящего на кресте; а притом помрачаемо солнце и все естества законы изменяемы, надобно бы с самым силь-

ным чувством сердечной горести, молчанием запечатать нам уста свои и только бить в перси со оными у Луки поминаемыми, которые своими глазами видели позор сей. Но, с другой стороны, сего небесного Учителя верный ученик и избранный сосуд и сам проповедует, и нам велит велегласно проповедовать распятого Христа; да и сего не сидящего одесную Отца во светлостях святых, не окружаемого чинами ангельскими, но висящего на кресте, точащего из ребер Своих кровь и отягощаемого руганиями: *и сего распята* (Лк. 93:48).

Но о несчастливых нас проповедников! Сия, которую мы более всего проповедовать должны, спасительная мира смерть, иудеям есть соблазн: сия во искуплении нашем сокровенная Божия премудрость, еллинам кажется безумием: сей претвердый веры камень другим есть претыкание: сей пресветлый истины свет иным есть ослепление.

Но пускай соблазняется иудей; пускай смеется язычник. Нам смерть Иисусова есть первая похвала, и мы паче египетских сокровищ почитаем поношение Христово. Но ко утверждению благочестивой нашей веры кратко рассмотрим, *что иудеев и еллинов столь много смущает?* А ты Сыне и Слове Божий простертыми Твоими на кресте руками наше намерение благослови!

Когда воображаем порядок предвечных Божиих советов и рассуждаем слабость человеческого ума, тогда ясно усматриваем, что *яко же отстоит небо от земли, тако отстоит путь Божий от путей наших, и помышления человеческая от мыслей его* (Ис. 55:9). Вот иудеи от смерти Христовой соблазняются, и Которого в пророчествах своих почитали, Того умирающего за них презирают; а то потому, что больше хотят верить своим страстным рассуждениям, нежели покорить себя глубине премудрости Божией. Но мы, благословенные христиане, в смерти сей находим тайные судеб Божиих пути и очами веры усматриваем в ней Божественную силу, от высокоумных скрытую, а младенцам открываемую.

Иудеи воображали себе, что ожидаемый ими Христос будет сильный и храбрый, да храбростию телесною, каковую,

например, имел Самсон или Македонский Александр. И как они тогда находились под владением римским, то ласкали себя, что мессия воинскою рукою избавит их от сего тяжкого ига и сделает их в свете так славными, какие были македоняне, а после римляне. Но как сего в Том, *Который не имел где главы приклонить* (Лк. 9:58), нисколько не усматривали, то соблазнялися. Вот плотское рассуждение! Они, видно, за ничто поставляли духовную силу и славу, которая состоит не в пролитии крови, не во взятии городов, не в опустошении земель, но в переменении внутреннего человека, чтоб победить страсти, потоптать плотские склонности, и не *радоваться тогда, когда духи нам повинуются, но когда имена наша написана суть на небесах* (Лк. 10:20).

Но мы сего, не имеющего, где главы приклонить, исповедуем, что он носит всяческая глаголом силы своея (Евр. 1:3). Мы сего мужа болезней и сего уязвленного признаем за славы Господа и бесчестьем Его превозносимся: *язвою бо его мы все исцелехом* (Ис. 53:5). Знаем мы, что Его *мышца с силою, крепка рука его и вознесена десница его* (Пс. 88:14); но благоволил Он смирить себя, и сим таинственным истощанием избавить нас не от ига римского, но от ига греха, от ига гнева Божия, и сделать нас славными в царствии Своем, сделать сынами Воскресения.

Иудеи думали, что мессия будет богат, каков был Соломон, и удивит весь свет флотами и своими огромными зданиями. Плотские глаза ищут наружности, которая обыкновенно их поражает. Но мы в сей нищете находим сокровенное благодати богатство и с Павлом вопием, что *Господь наш обнища богатый, да мы нищею Его обогатимся* (Кор. 8:9). Мы лобызаем его пелены, почитаем вертеп, превозносим ясли и бесчестьем креста хвалимся. Ибо в видимых сих снисхождения Спасителя знаках усматриваем невидимую красоту.

Иудеи знамения просят, то есть желают, чтобы Иисус Христос удивительнейшими чудесами доказал им Божество свое. О, окаянный иудей! Не видел ли ты столько чудес, сколько надобно для уверения жесточайшей души? Не видел ли

ты больных, одним словом исцеляемых, выгоняемых бесов, прозирающих слепых и встающих мертвых? Не слышал ли ты, что велегласно другие вопили: *николиже явится тако во Израили* (Мф. 9:33). Однако со всем тем иудеи знамения просят, а ожесточения своего не отлагают, и все божественные Христовы чудеса неприязненной силе приписывают.

Но мы, верующие, находим в Евангелии неисчислимые знамения, которые внутренне нас уверяют о божественном Иисуса Христа посольстве. А притом видим, что время пришествия Мессиина исполнилось, скипетр или власть владения от Иуды отнята, седмицы Данииловы окончились, проображения совершились и все древнейшие пророчества сбылись; а сверх того языки призваны к Богу, и все народы участники стали благословения Авраамова. Могут ли быть сильнее сие уверения благодати евангельские?

Иудеи защищают закон и чрез него ищут оправдаться пред Богом, а не рассуждают несчастливые притом, что, ежели человек хочет чрез закон пред судом Божиим стать праведным, надобно, чтоб он ни в малом закона преступлении обличен не мог. Но кто из человек такую святостию может похвалиться, а не паче с Давидом говорит: *Не вниди, Господи, в суде с рабом Твоим; яко не оправдится пред Тобою всяк живой* (Пс. 142:2)? Ежели б иудеи хотели вникнуть в высокую христианскую богословию, то узнали бы, что *закон пестун нам бысть ко Христу* (Гал. 3:24), то есть показывает токмо наши раны, а для исцеления отсылает к милосердию Избавителя.

Но мы держимся благодати, и с Павлом восклицаем: *яко благодать и человеколюбие явится Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы; но по своей его милости спасе нас* (Тит. 3:4). Не отвергаем закон, но опять же не подвергаем закону благодать. Не отвергаем закон, понеже благодать подает силы исполнять его; не подвергаем же закону благодать, *ибо от дел закона не оправдится перед Богом всяка плоть* (Рим. 3:20).

Иудеи защищают свои кровавые жертвы, храм и алтари, хотя и храм их разорен, и алтарь опровержен, и жертвы сами

собою перестали. Да и возможно ли крови козлей или тельчей очистить грехи и приношением безсловесных животных умилоствити Божество (Евр. 10:4)? Почему необходимо надобно было иудеям подумать, что была некая сокровеннейшая причина, для которой установил Бог приношение жертв?

Но что они оставили без испытания, то Евангелие нам открыло. Мы проповедуем жертву Единородного Сына Божия, на Алтаре крестном за нас Богу принесенную, в которой сделалось чудное милосердия и правосудия Божия растворение. Возможно ли, чтоб Ты, Небесный Отец, на жертву сию не умилился? Чтоб сия пречистая Агнца Божия кровь не очистила наши грехи и чтоб риза плоти его не была нам вместо покрывала от Твоего праведного гнева? Ибо, по учению Павлову, *Христос пришел, Архиерей грядущих благ, не с кровию козлею ниже тельчею, но Своею кровию вниде единою во святая, вечное искупление обретый* (Евр. 9:11—12).

Вот видим мы причины, для которых Иисус Христос иудеям есть соблазн. Но посмотрим еще, для чего сия Божия премудрость еллинам, то есть язычникам, кажется безумием.

Еллины премудрости ищут (Кор. 1:22). Они хотят, чтоб высокие спасения нашего тайны утверждены были на основаниях мирской философии, следовательно, хотят покорить Божию премудрость своим слабым, но пышным рассуждениям. Не приятно им слышать о вере, о правосудии Божии, о спасении, а паче о кресте. По их рассуждению, нечто несносное для вольных и на все отважных человеческих мыслей, спасение не употребительная вещь, Христос не слыханное имя, апостол не знатный человек, проповедь его проста и с витийственными правилами несходна, вся поступка не благородна, то есть мирской политике противна. С презрением все сие они отвергали и слышать о том не хотели. А искали тонкостей аристотелевых, демосфеновых высокоречий, архимедовых умствований; и жадно хотели слышать рассуждения о концах, о движениях, о родах, о видах, о качествах, о количествах, о существе, о случайностях и о прочем, чем языческая философия надумалась. И в сих мелкостях столь

суетный запутался язычник, что только не искал способа умиловить праведное божество, но и во внутренность души своей мало когда заглядывал. Но, о бедный язычник, ты ли, оставив большее, за сению гонишься, и других за худое осуждая, сам избежиши ли суда Божия?

Но мы, смиренные христиане, с священным Павлом удивляемся и сознаем, *яко буяя мира избра Бог, да премудрая посрамит, и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая; и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит, яко да не похвалится всяка плоть пред Богом* (1 Кор. 1:27—29). Слово же наше и проповедь наша состоит не в спорливых человеческия мудрости словах, но по явлению духа и силы; да вера наша не в мудрости человеческой, но в силе Божией будет (1 Кор. 2:4—5). Не могу я изъяснить евангельской истины превосходство лучше, как сими великого апостола словами.

Еллины вся испытывать предпринимали, и самые тайные советов Божиих стези исследовать покушались. И для того, послышав Павла о воскресении проповедующего, смеялися и, чтоб Бог в воспрнятой плоти за нас умирал, не верили.

Но мы пленяем ум свой в послушание веры, *яко не испытанны судьбы Божии и не исследованны пути его* (Рим. 11:33). Не так, чтоб мы без всякого основания не знали, чему верили, но слово Божие подает в сердца наши твердое Святого Духа свидетельство, ему же внимаем яко светильнику, сияющему в темном месте.

Еллины не хотели, чтоб в принятой ими вере какая-нибудь была перемена; и для того философы учили, чтоб веру содержать так, как содержит простой народ, и в признанной совестию истине не открываться. В рассуждении сего в сенате римском определено было, чтоб никого вновь за Бога не признавать, кого высокий сенат римский в сем достоинстве не подтвердит. А как Иисус Христос без их высокого подтверждения за Бога признаваем был, да еще за Бога, пред которым все прочие боги были только идола и ничто, то до самой внутренности сим прободались, и такое учение ненавидели, гнали и

называли безумным. Ибо как римляне думали о себе, что они превосходнее всех во вселенной людей, так думали и о богах своих, что они превосходнее всех богов; и как победили иудеев, то думали, что вместе и полонили и иудейского Бога, и рассуждали, что ежели царствовать иудейскому Богу, то надобно опровергнуть основание империи и возненавидеть победы и силу римского народа.

Но мы не только покоряемся зовущему Богу, но и усердным духом благодарим Ему, что Он благоволил нас призвать из тьмы в чудный свой свет. Признаем мы свои недостатки, и в истине лицемерить не хотим.

Еллины страшились тесного христианского жизни пути. Евангелие объявляло, что все люди пред Богом винны и страстями мертвы, и учило, что во время гонения за истину (а истина мало когда бывает без гонения) вместо тех утех, забав, увеселений, вместо всех прибытков надобно приниматься за крест, суровую жизнь, предуготовить себя на поношения и гонения. «О, боги бессмертные, — кричали язычники, — о, гремющий Юпитер, и веселый Бахус, и ты забавная Венера! Возможно ли, чтоб мы вас оставили и приняли учение, которое столь нас окаекает и столь жестокою проповедует жизнь? Нет — сие противно нашему рассуждению и нашим склонностям; а наипаче, что-то будет по смерти, нам неизвестно». Так суетные кричали язычники.

Но истинные христиане вопиют: мы есмы яко овцы заколения; всем поправление доселе. Вся побеждаем ради возлюбившего ны. *Многими бо скорбьми подобает нам внити в Царство Божие* (Деян. 14:22).

И так видели мы причины соблазна иудейского и смеха языческого. Видели, как иудеи о камень веры разбились, и как язычники осустились помышлениями своими, и омрачися неразумное их сердце. А мы, со благоговением взирая в высокое смерти Христовой таинство, с Павлом вопием: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия!* (Рим. 11:33). *Слово крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть* (1 Кор. 1:18). Мы почитаем Твои, Христе,

страсти; лобызаем Твои раны; поклоняемся благоутробию Твоему. Хотя иудей и Тебе и соблазняется, но ты мне Бог и не стыжуся: хотя еллин и смеется, но я не срамляюсь: Крестом Твоим хваляюсь. Смерть бо Твоя живот мне. Аминь.

Слово во Святой и Великий пяток

О истине

*Сказано в присутствии Ее Императорского Величества
в придворной церкви 1765 года, апреля 1-го дня.*

*Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир,
да свидетельствую истину.
(Ин. 18:37)*

Слыша сии слова, которые произносит самая истина, должен мир несказанно возрадоваться, предуготовить сердце свое к принятию столь неоцененного сокровища и благодарить неизреченному Божию милосердию, *яко не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам* (Пс. 102:10). Но, о, нечаянного и ужасного случая! Как только родилась истина, тогда ж Ирод смутился и весь Иерусалим с ним (Мф. 2:3). Пришла в мир истина; и мир ее не познал. Вознесла любезный свой глас истина; и все начали, затыкая уши, говорить: *что сей тако глаголет хулы* (Мк. 2:7). И для того жалуется истина: *Господи! кто верова слуху нашему и мысца Господня кому открыся?* (Ис. 53:1). Почему и не знаю я, чему здесь больше удивляться надобно? Божиему ли крайнему снисхождению или человеческому несказанному ослеплению? Истине ли, гонимой даже до смерти, или человеку, гонящему даже до потери последнего чувства? Ах, мир неблагодарный! И так ли ты принимаешь истину? Вместо того чтоб скрыть ее во внутренности души своей, скрываешь ты ее в темноте подземного гроба. Напрасно ж ты и приходишь в мир, любезная истина! Сидеть было тебе при молниелучном славы

несозданной престоле, а сойти было в мир Божию нелицеприятному правосудию и обличить его всею строгостию во ослеплении и жестокосердии. Но, *ей, Отче! Яко тако бысть благоволение пред тобою* (Лк. 10:21). Больше есть милосердие Твое, нежели злоба наша. Выше есть премудрость Твоя, нежели сколько слабая мысль наша понять может.

Сошла с небес истина и, сотканную от премудрости Божия плоть на себя надев, мир сей посетить благоволила. Посмотрим же, **как мир истину принял и понимает?** А ты, сошедшая с небес и умолкшая на кресте истина, оживи теперь в устах наших, да видит мир, что глас пролитой крови Твоей не умолкает никогда!

Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину.

Когда надобно миру засвидетельствовать истину, следует, что мир или не знал истины, или отвергал истину, или содержал истину в неправде, то есть лицемерил. Сам ныне нами проповедуемый истины страдалец говорит, что он имеет дух, который обличит мир о *грехе, и о правде, и о суде* (Ин. 16:8). Сей мира грех был крайнее мира развращение.

Подлинно человек создан по образу Божию и по подобию; но напоследок в сей по образу Божию созданной твари не можно было усмотреть ни следов образа Божия, но некоторый страшный мрак, которым, покрывшись, блудила по стезям непроходимым. Истинное Богопочтение было опровергаемо или безбожием, или многобожием, или суеверством, или лицемерством. Порок преодолевал добродетель: приятное предпочтительно было полезному, а полезное — нужному; прибыток ругался честности, и наружная красота за ничто ставила внутреннюю доброту. Искренность от ласкательства была уничижаема; и безрассудная смелость имела верх пред истинным великодушием. О настоящей пользе было нерадение; а о том, что кидалось в глаза, излишние заботы, в судах присутствовала несправедливость, а дружеские обхождения опорочены

были хитростями; в приобретении собственной чести и славы доходили до свирепостей бесчеловечных, а общее блаженство почитал всяк для себя ненадобным. Кратко: всем управляли чувства; а разум был опровержен и совесть насильствована. Сие рода человеческого развращение причиною было, что преславные империи, цветущие республики и знаменитые правительства разорились и погибли. Сколько ни было издаваемо законов, сколько ни было употреблено строгостей, но не могли удержать нагло текущий поток беззаконий: и скорее сами законы чрез злость человеческую истребились, нежели чтоб она чрез законы истребиться могла.

Рассуждение сие тем есть меньше сомнительно, что оно повседневым опытом доказывается. А ежели б кто совсем тем сего не усматривал, то сие было бы новым доказательством развращения человеческого, который со всеми своими недостатками думает, что он совершенен.

Оставим мы теперь изыскивать, откуда сие повреждение свое взяло начало; а только непосредственно отсюда заключим **первое**, что Бог яко преблагий всего сего причиною быть не может. **Второе**, что Он же яко милосердый в сем заблуждении нас оставить не хочет. Ко отвращению сего, кажется, даровал он самый свет разума и здравую философию; но разума свет, как видели мы, был потемнен, и философия непристойнейшими мнениями была опорочена. А хотя и промелькала в некоторых светлая разума луча; но она не довольна была преодолеть оную тьму, которая покрывала всю вселенную. Были подлинно от начала мира Богодухновенные мужи, были пророки, были и в самом язычестве просвещенные люди; но сии капли животные воды пожирала бездна пороков. Почему самая рода человеческого бедность, казалось, вопияла к Богу, чтоб он сам тую тварь, которую создал, как она была ничто, помиловал, как она ж пред ним по добродетели стала ничто.

Дошел вопль до небес, подвиглася милосердая Божия утроба, и посредством бесконечной премудрости самая предвечная истина сходит на землю, приняв на себя покрывало человеческого естества, дабы пред самые наши чувства путь

спасения представить. Сын Божий Августейшую сию, чтоб быть избавителем человеческого рода, на себя приемлет должность. Мир никогда не может видеть великолепнейшего и милосерднейшего Божия действия, как есть сие Сына Божия на землю посольство.

Сей истинный Проповедник, который пришел в мир, чтоб засвидетельствовать истину, открыл на земле свою небесную философию и чистейшее учение, какова род человеческий никогда ни от кого слышать не мог. Показал, в чем состоит истинное человеческое блаженство, и оное поставил в нищете духовной, в слезах и смирении, в кротости и милости, в гонении и поношении, что совсем было противно мудрствованиям мира сего. Изъяснил понятие о добродетели и пороке и их подлинности повелел искать не в наружных делах, но в самых намерениях и мыслях внутренних; протолковал, какая противность между Богом и миром, между истиной и лжю, между добром и злом; опроверг богомерзские суеверства и лицемерия; обличил человеческий род в жестокосердии и в безместнейших заблуждениях, уверил о несказанных будущей жизни благих и объявил, что Он есть посланный для избавления мира Спаситель. Кто б мог подумать, что сие столь высокое и непорочное учение мир презрел и отверг? Однако совсем тем небесный Посланник и великого совета Ангел *по своя прииде и свои его не прияша* (Ин. 1:11).

Иудеи, коих предкам и потомству неоднократно обещан мессия — избавитель мира, его, пришедшего, не познали, не приняли, отвергли, почли за лъстеца и гнали даже до смерти. Напоследок просьбами своими, клеветаниями и угрожениями склонили понтийского Пилата, чтоб он неповинного Иисуса осудил на бесчестнейшую крестную смерть. Ходатай Бога и человеков, призвав в свидетеля небо и землю, по принесении Небесному Отцу самых горячих молитв, которыми вручал ему верующих, по претерпении всяких ругательств и по излиянии всей крови вознесен на крест и пригвожден на нем. Вот видим первого за истину Мученика! Видим и ужасаемся. Ибо самой истине заграждены уста, и умолкла та, которая есть веселие

ангелов. Ужаснися небо и вострепещи земля! Благовременно ты солнце померкаешь, и ты луна прелагаешься в кровь. Да и Ты, Отче Небесный, оставил истину без защищения! Она к тебе с креста вопиет: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?* (Мф. 27:46). Но судьбы Твоя, Господи, бездна многа. Осужденная истина сколь много осуждает нас, столь больше прославляет милосердие Твое.

Видим мы теперь, слушатели, окончание происшествия, как истина принята от иудейского рода, от возлюбленного Израиля, от первородного сына. Мы не можем их осудить, чтоб вместе не осудить и самих себя. Их печальному примеру подражает мир. Как там Иуда истину продал, архиереи ее предали, народ кричал: *распи, распи* (Лк. 23:21); воины, ругаясь, сплетали ей тернов венец; Пилат самый разбой предпочел ей. Так, а не иначе и везде истину принимают. Из алтаря выгоняет ее неблагочиние и скверный священников прибыток; а из храма бесстрашие христиан и холодная молитва; до великих домов не допускает ее ласкательство, а впущенную презирает гордость или пренебрегает невежество; до судебных мест не дает ей приступу мздоимство, от купеческих лавок отгоняет обман; а простые дома давно уже заняты ссорами, грабительством и пьянством. Нет нигде истине места; или и есть, но в темницах, в изгнаниях, на крестах, во гробе. Когда таким образом мир гонит истину, не должно думать, что он гонит только пустое имя; нет, гонит он Бога, который есть самая истина; он паки распинает Христа, главнейшего истины проповедника. И потому надобно опасаться грешной душе, что, праздною она теперь смерть Христову, не есть ли причиною сама смерти сея?

Но понеже мир своего нрава и доселе не переменил: всегда одинаков или, может, и хуже становится, так, кажется, напрасно в мир приходила истина. О! Да не будет сие. Кровь пролитая истины во многих душах изобильный произрастила плод. Свидетельствует то сама себе истина: *Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12:24). От сего благословленного семени сколько возрос-

ло благочестивых царей, сколько просвещенных пастырей, сколько добродетельных мужей, сколько воздержных праведников, сколько мужественных истины поборников! Но и ныне сила пришедшая на землю истины во многих действует благочестивых душах. Оставим мы дальние примеры. Ваше благочестивое собрание тому свидетель. Это действие истины, что вы с усердием притекли в сей священный храм; вы празднуете смерть неповинности; вы оплакиваете человеческую слепоту, признаете свою бедность, проповедуете Божие милосердие. А наипаче ты, всеавгустейшая мать наша! подражая блаженной Иисусовой Матери, мыслию своею возносишься к распятой истине; Ты неоцененною непорочного Агнца кровию обогащаешь благочестивую душу свою; а чрез то причастицею бываешь страданий Христовых и подаешь нам действительный к благочестию пример.

Но в самое сие время как вы, благочестивые слушатели, в столь богоугодном упражняетесь деле, другие заботятся о мирских днях, чтоб в оные воскресить страсти свои; а иные, чего без въздыхания нельзя сказать, ругаются сему веры таинству, и всю христианства истину смешною представить стараются. Не знаю, коие ли проходящее до сердца было болезненнее Христу или такие ложных христиан мысли? Желчь ли, которою напояли Христа, горче была ему или такие беззаконные слова (Ин. 19:26)? Стоит при кресте возлюбленный Иоанн; стоит же и болезненная Мать. Умиравший Спаситель, указывая на ученика, сказал Матери: *Се сын твой!* — указывая на Мать, сказал ученику: *Се мати твоя.* Блаженная сия Мать была образом Церкви, которая от умирающей главы своей принимала последний завет; а возлюбленный ученик представлял тебя, христианин! что ты должен повиноваться спасительным Церкви советам. Как Иоанну, так и тебе, истина, указывая на Церковь с креста, вопиет: *Се мати твоя.* Ее недра да будут тебе, христианин, упокоением, ее животворные сосцы питанием, ее лицо утешением, ее глас наставлением.

Но опять, при сем о гонении истины рассуждении, может скажет кто: как не знать истины? Она сама чрез себя светла.

Как гнать истину? Она властью своею всякого поразить должна. Но смотри хитрость мира. Он это знает; но как страсть сильнее в нем действует, нежели признание совести, то ищет он для сего наружных видов. Посмотрим, как воплощенная истина осуждается. Архиереи ее предают, аки бы ревнуя по закону; народ то ж; Пилат, аки бы наблюдая покой общества. Ежели со стороны посмотреть, кажется, все святые, все праведные. Но, о, мир лукавый! Ежели усматриваешь истину, почто ее гонишь? Ежели хочешь гнать, почто прикрывательств ищешь? Мир своего нрава не переменяет. И ныне, когда кто хочет кого свести, выдумывает какие-нибудь прикрывательства. И так благочестивый пропадает под видом суевера, справедливый под видом упорного, разумный под видом высокоума, смиренный под видом лукавого, искренно сердечный презирается под видом глупого. Но кто может исчислить все хитростей человеческих виды? Праведно евангельское слово: *сынове века сего мудрейшии суть паче сынов века оного* (Лк. 16:8). То есть добрый человек не может столько выдумать способов к достижению до справедливого благополучия, сколько хитрый человек к исполнению своих несоветных намерений. Однако и из самых сих мира хитростей усматриваю я, сколь глубоко запечатал Творец истину на сердце всякого, что почти не может человек гнать истину, разве против совести.

Но перестаньте уже истину гнать, вы, лицемеры, вы, веры презрители, ласкатели и грабители. Вы уже истину вогнали во гроб. Посмотрите на плоть сию, как она вся уязвлена, вся растерзана, вся сделалась одною язвою. Вы, ласкатели, сии сладчайшие уста заградили. Вы, клеветники, его уши растерзали. Вы, грабители, последнюю ризу на нем изодрали. Вы, лицемеры, копием прободли сердце его. Вы, презрители веры, источили из него всю кровь. Не слышите ли, что сей Муж болезней к вам говорит? — Я вознесен на крест, чтоб вас, падших, поднять. Я распростер руки, чтоб вас, рассеянных несогласиями, собрать воедино. Я жажду: жажду спасения вашего. Я вас призываю искренно. Свидетельствует сие сердце копием открытое. Кровь моя да омыет скверны ваши.

Жертва моя да очистит беззакония ваши. А ежели совсем тем до конца будете нераскаянны, не думайте, чтоб Я остался всегда в сем истощания моего виде. Нет, будет время, когда сия Кровь воскипит гневом; сей Крест будет на обличение; сии раны на посрамление. Слова сии милосердного Избавителя слыша ты, грешная душа! — вострепещи!

А вы, которых гонит мир истины ради, вы, лишенные всей человеческой помощи, примером сим утешайтесь. Вы проливаете слезы, а Глава ваша — кровь. Вы терпите скудость, а Он висит совсем наг на кресте. Вы в гонении, а Он во гробе. *Помыслите убо таковое пострадавшего от грешников на себе прекословие, да не стужаете, душами своими ослабляеми* (Евр. 12:3). Подумайте, печалиться ли вам больше надобно, что страждете, или радоваться, что сообразуетесь столь великому Страдальцу? Плакать ли вам, гонимым от людей, или играть, утешаемым от Небесного Отца? Божественный Подвижник ваш, как на кресте о грешных молился, чтоб оставлены Им были грехи, так всякому из вас говорит: *днесь со мною будещи в раи* (Лк. 23:43). А страданий Его подражатель Павел и подтверждает то: *аще, говорит, с Ним страждем, с Ним и прославимся* (Рим. 8:17).

Спасителю Христе! Ты на кресте о одних молился, а других утешал. Что ж, Радосте наша, скажешь нам! Скажи и нам милосердие: *Мир оставляю вам, мир мой даю вам* (Ин. 14:27). Аминь.

МОЛИТВЫ СВ. ФИЛАРЕТУ МОСКОВСКОМУ

Радуйся, Богом Словом наученный; радуйся, Духом Святым вразумленный. Радуйся, богодухновенные книги изъяснивый; радуйся, многие писания святых отец верным преподавый. Радуйся, исповедание веры уяснивый; радуйся, глад духовный словом Божиим утоливый. Радуйся, освобождение угнетенным возвестивый; радуйся, деяньями твоими паству российскую духовно обогативый. Радуйся, святителю Филарете, веры Православныя богомудрый учителю.

Радуйся, о пастве твоей присно сердцем болезновавый; радуйся, о благостоянии Отечества твоего слезно моливыйся. Радуйся, грядущая России, яко темный облак, предведевый; радуйся, во искушениях к терпению паству твою призывавый. Радуйся, ересей мужественный посрамителю; радуйся, раскола ревностный врачевателю. Радуйся, заблуждших кроткий вразумителю; радуйся, отеческих обычаев твердый блюстителю. Радуйся, святителю Филарете, веры Православныя богомудрый учителю.

О богомудре святителю Христов Филарете, учителю премудрый и златоусте российский! Приими молебное сие пение и умоли Господа нашего Иисуса Христа сохранить в чистоте и святости церковь Русскую, Отечеству нашему благостояние даровати, нас же, ученьями и писаньями твоими наученных, Царствие Небесное улучшить, идеже вкупе с тобою радостно будем воспевати Ему: Аллилуиа.

Святителю отче Филарете, моли Бога о нас, чтущих память твою верно, и научающихся правде от словес твоих.

КОММЕНТАРИИ

В основу настоящего издания положено самое полное, седьмое и последнее, собрание творений св. Филарета Московского (Св. Филарет Московский. Творения. Слова и речи: В 5 т. М., 1873—1885). Использовались также современные выпуски произведений архипастыря, которые указываются дополнительно.

В издании сохраняется благородный свято-филаретовский стиль; текст, кроме молитв, дается в современной орфографии и пунктуации.

Учитывая, что большинство проповедей и молитв святителя, как правило, опубликовано в год их сказывания (см.: Хронологический указатель Слов и речей митрополита Филарета и некоторых иных произведений его, доселе известных / Материалы для биографии Филарета, митрополита Московского / Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. Кн. 6. М., 1869), мы отказались от постоянного упоминания этого факта (в отдельных случаях делается исключение).

Кавычками выделяются цитаты из церковных служб (кроме контекстуально понятных — диалогичных — представлений слов воображаемых собеседников). **Жирным шрифтом** — подчеркивания самого св. Филарета (кроме отдельно оговоренных в тексте случаев). Курсивом (*жирным* и *светлым*) — выражения из Св. Писания.

Библейские сокращения соответствуют Синодальному переводу.

Даты даются по аутентичному временам св. Филарета календарю.

Имена собственные приводятся в соответствии с современным правописанием.

Перевод с латинского осуществлен составителем. В качестве предисловия к настоящему изданию использована статья Мануила (Лемешевского) из его фундаментального труда «Русские православные иерархи 992—1892» (Москва. Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 3)

БОГОМУДРИЕ СЛОВА И ЖИЗНИ

Ежедневная молитва Господу Иисусу Христу

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. М., 1994. С. 471.

Ю. Ф. Самарин в письме к И. С. Аксакову от 23 октября 1872 г. признался, может быть, по поводу этой молитвы (другие являлись уже хорошо известными): «Молитва Филарета была мне совершенно неизвестна. Я тебе очень за нее благодарен. Все, что ты о ней пишешь, совершенно верно. Для меня она имеет особенное значение. В ней есть одна строка, в которой почти слово в слово повторяется молитва, которую я много лет тому назад сложил себе для собственного употребления и никогда никому не читал» (Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 542). Соответствующее письмо И. С. Аксакова не найдено.

Слово в Великий пяток (1806)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 91—96.

В рукописном сборнике, принадлежащем Павлу (Подливскому?), архиепископу Черниговскому, после этой проповеди было приписано: «Сие слово сочинено по назначению Великопреосвященнейшего митрополита Платона и было испытательное». В рукописном сборнике, принадлежащем племяннику св. Филарета, священнику Н. Н. Дроздову, по поводу этого же слова имеется следующий отзыв митрополита Платона (Левшина): «Прекрасно, учитель еврейского и греческого языка! Прекрасно! Заметь: Прекрасно, так как мы знаем тебя за первого из проповедников в Лаврской Семинарии» (наряду с идентичной записью на латыни).

Эти сведения о платоновских записях почерпнуты нами из примечания к данному Слову — в 1-м томе «Слов и речей» св. Филарета (М., 1873. С. 127).

¹ Ср.: «А — совершишася! не есть ли сие величайшая из проповедей?» (из письма св. Филарета к А. Н. Муравьеву (от 27 апреля 1835 г.) (см.: Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь: Сб. писем. М., 2006. С. 102).

² Алектор — поэт (*др.-гр.*) — неологизм св. Филарета, означающий сторонников пиетистского направления в протестантизме и в «искусственной чувствительности» его интеллигентски-масонских адептов в России (например, в стихотворении. М. М. Хераскова «Иисус друг грешников» или в «Стансах Богу» Я. Б. Княжнина — не говорю о собственно философских, «искусственных» текстах, скажем, Н. И. Новикова, И. Е. Шварца или И. В. Лопухина (см.: Русская философия второй половины XVII века / Хрестоматия. Свердловск, 1990).

³ Ср.: «Филарет вполне свободен от сентиментального или моралистического перетолкования Крестной любви» (см.: Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 181).

Слово во Святый и Великий пяток (1812)

Публ. по: Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. М., 1995. С. 15—24.

Слово в Великий пяток (1813)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 96—104

Одна из проповедей, которую прот. Георгий Флоровский назвал «неподражаемой и образцовой» (см.: Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. С. 168—169) и которая дала органичный повод М. М. Сперанскому признаться: «Я знаю только слог Карамзина и Филарета» (цит. по: А. Смирнов. Петербургский период жизни митрополита Филарета. М., 1900. С. 44).

Нельзя не вспомнить здесь и А. И. Герцена, объективно согласившегося с тем, что св. Филарет «владел мастерски русским языком, удачно вводя в него церковнославянский» (Герцен А. И. Былое и думы / Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1975. С. 125).

Беседа в Великий пяток (1815)

Публ. по: Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечно. С. 39—51.

Слово в Великий пяток (1816)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 104—112.

Еще одно «неподражаемое и образцовое» творение святителя, всегда «благовестие» и никогда «только красноречие», по справедливому определению прот. Георгия Флоровского (см.: Пути русского богословия. С. 168—169).

Слово в Великий пяток (1817)

Публ. по: Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 66—76.

Открывая настоящее издание Велико-пятничным циклом проповедей св. Филарета, мы руководствовались не только его ключевым значением для всего святоотеческого творчестваладыки, что подчеркивал и прот. Георгий Флоровский (см.: Пути русского богословия. С. 181), но и его исторической значимостью.

Ведь до сих пор — даже после канонизации! (самый последний пример — книга Я. А. Гордина: «Мистики и охранители» (СПб., 1999. С. 125—126, 135, 145), — кстати, выпущенная на деньги небезызвестного г. Сороса) — на св. Филарета возводят именно масонскую (чуть не до прямого членства в какой-нибудь ложе!) и в «лучшем» случае неправославно-мистическую или даже «сектантско-квакерскую» напраслину (благодаря «открытию» того же Гордина).

Еще с середины 20-х гг. XIX в. с «легкой» руки Степана Смирнова, одного из клеветников тогдашнего министра народного просвещения А. С. Шишкова — прямого противника св. Филарета в вопросе перевода Библии на русский язык и вообще его членства в Библейском обществе, — московского архиепископа стали обвинять и в масонстве, и в протестантизме, и в либерализме (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 145—146, 159, 270—271; Лебедев А. П. Великий в малом. Московский митрополит Филарет. М., 1999. С. 59, 60.). Эту клевету охотно подхватил «свободномыслящий» Герцен (см.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 125.) и ...откровенно мракобесствующий А. Б. Голицын (см.: Гордин Я. А. Мистика и охранители. С. 124, 125—126). Но никто, никто из злопыхателей св. Филарета не привел ни одного, подтверждающего их «особое» и «общеизвестное» — до абсурда! — мнение, документа — одни слухи и экивоки...

Более того, такой бескомпромиссный и по-шишковски резкий оппонент св. Филарета, как архимандрит Фотий (Спасский), в конце концов увидел «десницу Господню», «соблюдающую» московского митрополита (из письма к нему от 26 ноября 1830 г.), и искренне, почти предсмертно заметил в послании к А. И. Жадовской от 26 ноября 1837 г., что в пастве Филарета «уже почитают за святого» и он, Фотий, будет Бога молить — «дабы быть ему (разумеется, св. Филарету. — *Примеч. П. К.*) во святых» (см.: Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. Кн. 6. С. 56, 59).

Не делая исключительный акцент на собственно исторических свидетельствах в пользу личного антимасонства московского владыки (и все же помимо соответствующих доказательств на протяжении **всей** книги Н. В. Сушкова и А. П. Лебедева назовем еще классический труд И. Н. Корсунского «Святитель Филарет митрополит Московский» (Харьков, 1894; разделы, посвященные двадцатым годам жизни св. Филарета); уже упомянутое исследование А. Смирнова «Петербургский период жизни митрополита Филарета» (М., 1900; тоже все — целиком); современную биографию святителя А. И. Яковлева «Век Филарета: Роман-хроника» (М., 1997. С. 143—145, 201—202,

209, 223 и др.), мы хотели с наглядной содержательностью и именно на примере Велико-пятничного цикла показать краеугольное и принципиально противоположное отличие его сурового и весьма жестокого понимания Христова и православно-антропологического креста не только от масонско-пиетистского (=интеллигентского), но и в целом от гуманистично-секулярного («иудейского» и «языческого» — в буквальной транскрипции св. Филарета) — человекоугодничества вплоть до его уже «похристиански» лукавейшей — любви к миру.

Этой фундаментальной разницей, можно сказать, тотально обуславливается приоритетное место Велико-пятничных слов в нашем издании.

**Слово по освящении храма Господа
нашего Иисуса Христа, в честь и память
гефсиманского моления Его (1845)**

Эта проповедь органично дополняет Велико-пятничный цикл, оттеняя его Гефсиманскую составляющую и во многом объясняя дерзновенное открытие св. Филаретом в 1844 г. близ Троице-Сергиевой лавры как раз Гефсиманского скита — без предварительного согласия Св. Синода.

Слово в день Святой Пасхи (1811)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 113—116.

Слово в день Пасхи (1845)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 117—121.

Слово в день Пятидесятницы (1811)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 132—139.

Слово в день Сошествия Святого Духа (1814)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 139—145.

Слово в Неделю вторую по Пятидесятнице (1836)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 146—149.

Слово на Рождество Христово (1811)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 42—45.

**Слово на второй день праздника
Рождества Христова (1814)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 46—54.

Эта проповедь — последняя, которую св. Филарет произнес в придворной церкви Зимнего дворца, ибо вдовствующей императрице Марии Федоровне откровенно не понравилась еще одна уже критическая краеугольная тема будущего московского святителя: секулярно-гуманистическая «любовь к миру», претендующая на лукавую совмещенность со «служением Богу» в духе царя Ирода — тема, впервые заявленная во всей своей исповеднической и дерзновенной глубине именно в настоящем слове (потом — особенно — в проповедях, посвященных св. царевичу Димитрию — см. настоящее издание, а также см.: Смирнов А. Петербургский период жизни митрополита Филарета. С. 50—51).

Беседа о благом иге Христовом (1828)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 241—246.

¹ Имеется иное чтение сего отрывка по так называемому евреиновскому сборнику (принадлежащему М. М. Евреинову. — *Примеч. П. К.*): «Отцу было ли бы приятно узнать, что его сын, по-наружности почтительный, втайне питает желание скорой смерти его, чтобы скорее получить наследство? Какой друг был бы доволен откровенностью и приверженностью своего друга, если бы узнал, что он открывает совсем не то, что думает, и внутренне презирает его? Если человек, который не видит мыслей и не знает желаний своего ближнего, не почитает в нем невинными оскорбительные для себя мысли и желания, то koliko необходимее, чтобы чистоты желаний и мыслей требовал от человека Бог всевидящий и всеведущий?»

² Имеется иное чтение сего отрывка: «Каков и сей, которого благое и легкое иго Христово упокоило так, что торжество его покоя с силою простирается и на нас, еще труждающихся и обремененных. Видно, чувствовал он благодатную легкость, когда не только понес всецелое иго необходимых заповедей, но и добровольно приложил к нему иго советов евангельских; отрекся не только любостяжания, но и самого стяжания; не только в наслаждениях отказал плоти своей, но и необходимые требования тела ограничил, чтобы тем удобнее распространить свою деятельность в области духа; не только не искал возвышения между людьми, но избегал оно, сколько то ему возможно было.

Упокоенный и прославленный Игоносец Христов! Твоим примером и твоими молитвами помогай нам...» (Речь идет о преп. Сергии. — *Примеч. П. К.*)

Беседа о небесной награде (1826)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 140—148.

¹ Имеется дополнительное чтение выделенных слов: «... или потому что земные награды должны были соответствовать земным, приготовительным к духовному совершенству Царствия Небесного, добродетелям, которых он требовал, или, лучше сказать, которые мог произвести, или потому что...»

² Имеется иное чтение выделенных слов: «... такие расположения не показывают христианина, но если не грубого язычника, то верно не что-либо лучшее, как или тонкого лицемера, искусно выработавшего кумиры добродетелей и совершенств и отдающего их на продажу или зрелище, восприимлющего мзду свою на земли от человеков, которому небеса и Бог ничем более не должны; или от духовного совершенства Царствия Небесного далеко отстоящего земного ветхозаконочника».

³ Имеется иное чтение выделенных слов: «Подвижнике, уже получивший мзду на небеси, так многую, что она от избытка небесного и на землю падает и доставляет нам участие в богатстве благодатном, Святителю Алексие! твоим примером и молитвами утверди нас в благотворном искании чаяния мзды многия на небеси, да и воздаяния земные не будут для нас приманчивы, и скорби или потери временные не будут несносны. Аминь».

Слово в Неделю Крестопоклонную (1822)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 77—85.

Слово в Неделю Крестопоклонную (1835)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 86—91.

Слово в Неделю по Воздвижении (1824)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 86—95.

Слово в день Вознесения Господня (1824)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 126—132.

Слово на Преображение Господне (1820)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 150—157.

Беседа о нашем житии на небесах (1833)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 149—155.

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы (1832)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 157—163.

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы (1849)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 164—168.

Беседа о прикосновении веры ко Христу (1825)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 131—139.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЛИЧИЕ КРЕСТА

**Слово в день Благовещения
Пресвятой Богородицы (1822)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 54—60.

«Образ Богоматери резко и ярко вычерчен в богословском сознании Филарета», по верному наблюдению прот. Георгия Флоровского (см.: Пути русского богословия. С. 180).

¹ А. С. Хомяков отмечал эту мысль «красноречивого» митрополита Московского Филарета в подтверждение синергической свободы православного христианина, без которой Господь не приводит в исполнение свои величайшие намерения (см.: Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа / Соч.: В 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 114 (примеч.), 386).

² Речь идет о Сократе; см.: Тезтет / Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 202, 210, 215 и др.

³ Речь идет об И. Канте, авторе «Критики практического разума»; см.: Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 28—29, 31, 40 и др. Св. Филарет стал, пожалуй, первым в России самостоятельным интерпретатором критического учения И. Канта, купив еще в 1809 г. на свой счет латинский четырехтомник его сочинений (изданный Ф. Борном в 1797—1798 гг.) для преподавания философии в стенах Санкт-Петербургской семинарии и духовной академии. Читал работы кенигсбергского автора св. Филарет и на французском, заставив даже Г. Г. Шпета отметить свою не «невегласную» содержательность (см.: Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Сочинения. М., 1989. С. 43; Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета митрополита Московского. С. 128; Смирнов А. Петербургский период жизни митрополита Филарета. С. 24; Шохин В. К. Святитель Филарет в истории русской философии // Альфа и омега. 1996. № 4. С. 218—221; Калитин П. В. Кант — православно: секулярный и — модернизирующийся / Россия — не для «нормальных». М., 2008. С. 173—177).

Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы (1835)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 60—68.

¹ Св. Филарет в первую очередь имеет в виду «законную» деятельность якобинского Конвента в период Великой французской революции и его, скажем, «богиню разума»; см. подробнее: Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С. 468—471, 481—482, 492—495; см. также: Богиня Разума / Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1988. С. 276—288.

**Слово в день Благовещения
Пресвятой Богородицы (1843)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 69—75.

Беседа о нищете духовной (1824)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 123—130.

Беседа о благодарности к Богу (1842)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 246—252.

**Слово в день Собора святого
Архистратига Михаила (1821)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 218—223.

Слово в день святителя Алексия (1825)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 187—192.

**Слово по освящении храма Явления Божией
Матери преподобному Сергию, устроенного
над мощами преподобного Михея в Свято-
Троицкой Сергиевой лавре (1842)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 211—217.

Это Слово стало символом своеобразного православного романтизма, который не делал однозначный, абсолютизированный и в конечном счете по-масонски (= по-интеллигентски) идолопоклоннический мистический акцент на обретении Царства Божиего внутри нас, тем более, с Его психологически-комфортной и «блаженной» преисполнительностью «здесь-и-сейчас».

**Слово по возвращении к своей пастве
из Санкт-Петербурга (1823)**

¹ Св. Филарет прежде всего косвенно вспоминает о Б. Паскале и его бесподобном — «беспроегрышном» — «пари»-аргументе — от «естественного разума»; см. подробнее: Паскаль Б. Мысли. М., 1996. С. 186—188.

**Слово в Неделю всех Святых при
посещении города Коломны (1822)**

Св. Филарет посещал свой родной город и проявлял заботу о нем в исключительно конфессиональном и служительном плане (от разрешения на строительство или перестройку местных церквей до отправления панихиды по его родному брату, о. Никите в 1839 г.) (см.: Поздникин М. Святитель Филарет и Коломна / Православная культура в России: прошлое и настоящее. М., 2007. С. 47—49; Бычков Г. И. Служение Церкви и Отечеству // Коломенский альманах. 2008. С. 238—241).

Слово в Неделю о Фоме (1826)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 121—126.

Вновь и вновь св. Филарет не устает подтверждать, особенно в 1826 г., суровый характер православной веры, которой, как правило, не дано видеть ощутимые благодеяния Божественного промысла. А ежели дано, то «такой вере и дьявол не верит, как не верил ей в Иове». К тому же подобную — чающую ясных положительных удостоверений — веру легко использовать в политических целях, как бы подменяя своими «духовными» на «благо» народа обещаниями чаемый во «спасение» позитив, что и продемонстрировали, правда, еще неловко декабристские интеллигенты-«утешители».

Слово в Неделю мытаря и фарисея и на память святителя Алексия (1850)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 76—80.

В этой проповеди — опять же не без косвенного влияния бунтарских событий уже в Европе — св. Филарет раскрывает фарисейский аспект «доброй» и «утешительной» веры с ее превозношением самого себя даже в молитве. А что говорить о «промыслительном» или просто «объективном» вне себя переустройстве грешного мира?!

Беседа в Неделю о блудном сыне и на память святителя Алексия (1856)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 80—85.

Беседа по Крестном ходе (1843)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной. С. 156—167.

Слово в день святого мученика благоверного царевича Димитрия (1846)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 199—205.

Эта проповедь во многих абзацах буквально повторяет текст проповеди «Слово в день святого мученика Димитрия царевича» (1825), но, учитывая особую значимость ее тематики (помимо Велико-пятничного соумирования со Христом) в свято-филаретовском творчестве: внешне христианизированную и морализаторскую любовь к миру, которая уже однажды раз и навсегда прекратила придворную деятельность владыки (см.: примеч. к Слову на второй день праздника Рождества Христова), мы воспроизводим ее. К тому же обличение этой любви заставило будущих православных «миролюбцев», прежде всего в лице В. В. Розанова и прочих «богоискателей»-актуализаторов нашей веры, принципиально «модернизировала» московского архипастыря до «главы священных церемоний, и церемонных священных жестов, и церемонных слов», чтобы хоть формально, хоть обезличенно приложить и придавить его к гуманно-«миролюбчивому» христианству (см.: Розанов В. В. Около церковных стен. М., 1995. С. 34—36).

Слово в день святого мученика Димитрия царевича (1825)

¹ Подробнее см.: Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Братство святителя Алексия. Ростов н / Д: Изд-во «Приазовский край». 1992. С. 11—27, 78—85, 94—102 и др.

Беседа о милосердии к бедным (1847)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 253—258.

¹ Мы выбрали более правдоподобную датировку на основе письма самого св. Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры, архимандриту Антонию (Медведеву) от 10 дека-

бря 1847 г.; подробнее см.: примеч. к этой Беседе в 4-м томе «Слов и речей» св. Филарета (М., 1882. С. 591).

**Слово на день памяти преподобного и Богоносного отца
нашего Сергия игумена, Радонежского чудотворца (1824)**

¹ Обратите внимание на откровенно пророческий дух данного абзаца, написанного всего за год и два с половиной месяца до восстания декабристов! (см. об этом подробнее настоящее издание: примеч. к Слову в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича. 1837).

Беседа о благословенном рождении детей (1828)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 236—241.

**Слово на память святителя и чудотворца Алексия
в среду второй недели Великого поста (1847)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 193—199.

**Слово по освящении храма Живоначальной Троицы
в Московском Данилове монастыре (1838)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 205—210.

ВСЕЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

**Разговоры между испытующим и уверенным
о православии Восточной греко-российской церкви**

Впервые опубликованы отдельным изданием в 1815 г. (Синодальная типография, СПб).

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 397—460.

Непосредственным поводом к появлению «Разговоров...» стала личная и едва ли не отчаянная просьба тогдашнего министра духовных дел, князя А. Н. Голицына к св. Филарету, чтобы он провел увещательные беседы с 17-летним племянником высокопоставленного вельможи, который вдруг ли, не вдруг, но начал склоняться к католицизму под влиянием неимоверно усилившихся в тот период в Санкт-Петербурге иезуитов, особенно в лице Ж. де Местра. Записи этих бесед и легли в основу книжного издания «Разговоров...», причем с приложением «Выписки из окружного письма Фотия патриарха Константинопольского к восточным патриаршим престолом», во многом наглядно подтверждающим правоту св. Филарета.

Надо сказать, что он уже в 1811 г. — по просьбе императрицы Елизаветы Алексеевны — написал «Изложение разности между восточной и западной церковью в учении веры» и потому был достаточно компетентен в увещательной проблематике, о чем документально свидетельствует свято-филаретовская апелляция к огромному множеству исторических персонажей, авторов и их трудов в «Разговорах...».

Другое дело, что иезуиты принципиально не допускали серьезного противника, и чем он был действительно лучше, тем усиленнее предпринималась дискредитация его: «Должно выставлять на вид недостатки других монахов, могущие служить доказательством того, что они менее нашего могут удовлетворять в тех занятиях, в которых они с нами соперничают. С особенным же упорством должно действовать против тех монахов, которые задумывали бы устраивать школы для воспитания юношей в местах, где этим наше общество уже занимается с достоинством и пользою» (см.: Тайные наставления для руководства в Обществе Иисуса / Пер. Ю. Ф. Самарина. М., 1996. С. 22). Данная «заповедь» касалась даже своих, католических монахов, что же говорить об иноверческих — да еще в лице св. Филарета, и автора «Разговоров...», и ректора Санкт-Петербургской духовной академии?!

Вот и пошла от крайнего упорства иезуитов, вернее, их неофитских адептов, в частности, графини Е. П. Ростопчиной, С. П. Свечиной и И. С. Гагарина, а также их «всеотзывчивых» —

до наивной глупости! — православных «добряков» (например, А. И. Тургенева) гулять в истории русской культуры уничижительная и потому — на самом деле по-иезуитски положительная! — аттестация свято-филаретовских «Разговоров...» (см.: Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь: Сб. писем. М., 2006. С. 378—379 (примеч.) (о реакции Е. П. Ростопчиной); Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. М., 1999. С. 61—62 (о реакции С. П. Свечиной); Гагарин И. С. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996. С. 41 (примеч.), 323 (примеч.); письмо А. И. Тургенева — К. С. Сербиновичу (от 1 октября 1844 г.) — цит. в: Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. Ф. И. Тютчев. М., 1989. С. 38; о «диллентизме» А. И. Тургенева «по службе, науке и литературе», но не во «всеотзывчиво» глупом «добре» — см.: Вяземский П. А. А. И. Тургенев / Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 363—365; Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 234).

Иной крайностью в оценке антикатолических взглядов св. Филарета стала соловьевская попытка смягчить оные, можно сказать, до александрo-тургеньевской «доброты» и «всеотзывчивой» глупости лишь потому, что московский архипастырь канонически и формально не обвинял католиков в ереси и не предавал их анафеме (см.: Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 324, 407; Т. 2. М., 1989. С. 205) — и это стало чуть не единственной, но расхожей мыслью о св. Филарете в не менее «всеотзывчивых» интеллигентских кругах XX в. (см., например: Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Бог и мировое зло. М., 1994. С. 215).

Вновь и вновь приходится констатировать, что мы в лучшем случае не знаем свое суровое истовое православие, в худшем — низводим его или до оскорбительной, или до удушающей в либерализованных объятиях крайности — опять же пиетистски-масонского толка.

¹ Августин (353—430) — блаженный епископ Иппонский, один из самых авторитетнейших и для православных, и для католиков учитель Церкви.

² Адам Зерникав (1652—1692/93) — монах тогда еще Киево-печерского монастыря; окончил философский и богос-

ловский факультет Кенигсбергского университета, по окончании которого много ездил по европейским центрам учености (от Оксфорда и Кембриджа через Париж до Венеции и Падуи) с тем, чтобы написать свой главный труд «О происхождении Св. Духа от Отца», где он сделал подробную выписку из работ св. отцов первого тысячелетия и вообще собрал «все богословские доводы» — вопреки мнению западных христиан — об этом догмате, по оценке Евгения (Болховитинова) (подробнее см.: его «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» (М., 1995. С. 27—30).

³ Феофан Прокопович (1681—1736) — архиепископ Новгородский и первенствующий член Св. Синода; автор трактата «О происхождении Св. Духа», в котором много цитировал и хорошо отзывался о труде Адама Зерникава по тому же вопросу.

⁴ Феодорит (393— ок. 457) — блаженный епископ Киррский, один из почитаемых Православной церковью отцов Халкидонского собора.

⁵ Анастасий Библиотекарь (ум. в 880) — церковный писатель, сторонник единства христианского мира; был папским библиотекарем, а позже — канцлером папской курии.

⁶ Петр Абеляр (1079—1142) — одна из наиболее ярких фигур средневековой схоластики, магистр «свободных искусств» в Сорбонне.

⁷ Петр Ломбардский (ок. 1100—1160) — итальянский схоласт; основатель новой литературной формы: «суммы» изречений теологических авторитетов.

⁸ Петр Дамиани (1007—1072) — итальянский схоласт; впервые сформулировал принцип служебного подчинения философии теологии.

⁹ Фотий (ок. 820 — ок. 891) — патриарх Константинопольский; автор знаменитого «Мириобиблиона», где дана своеобразная хрестоматия 280 античных и ранневизантийских писателей с краткой характеристикой их творчества; одна из ключевых личностей в истории Православной церкви, чем и объясняется особое свято-филаретовское внимание к ней.

¹⁰ Бароний Цезарь (1538—1607) — кардинал и библиотекарь Ватикана; гл. труд — «Церковные анналы» (в 12 томах), представляющий собой апологетический свод документов по истории римской церкви (доведен до 1198 г.).

¹¹ Беллармин Роберт (1542—1621) — католический святой; учитель католической церкви; кардинал; инквизитор; иезуит; автор европейски знаменитых «Рассуждений о спорных вопросах христианской веры, против еретиков нашего времени» (точнее, протестантов).

¹² Иосиф Вриенний (2-я пол. XIV — нач. XV в.) — византийский богослов, инок студийского монастыря.

¹³ Зонара — византийский историк и канонист XII в.; автор Комментариев на полный текст церковных правил, а также Всемирной хроники от сотворения мира до вступления на престол императора Иоанна Комнина (1118).

¹⁴ Матфей Властарь — автор «Синтагмы», или собрания по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в церковных канонах.

¹⁵ Грациан — болонский монах XII в.; автор первого обширного труда по каноническому праву.

¹⁶ Иоанн Векк — константинопольский патриарх (1275—1282), самый авторитетный среди византийских ученых сторонник (лионской) унии с Римом.

¹⁷ Иоанн Постник — константинопольский патриарх (582—595); отличался аскетическим образом жизни (отсюда и прозвание), вследствие чего был чрезвычайно терпим даже к еретикам.

¹⁸ Григорий Великий — Римский папа (590—604); талантливый организатор и миссионер; борец за приоритет римского престола не только с константинопольским патриархом, но и с императорской властью.

¹⁹ Аристин Алексей — византийский ученый XII в.; автор Толкования канонов, которое вошло в русскую Кормчую книгу.

²⁰ Нил Кавасила — архиепископ солунский (ок. 1340); антикатолический полемист; автор сочинений «О причинах разделения церквей» и «О первенстве папы».

²¹ Лев Грамматик — византийский историк при дворе Константина VII Багрянородного.

²² Константин VII Багрянородный — византийский император (912—959); правил во время расцвета византийской культуры; автор знаменитнейшей книги-энциклопедии «Об управлении империей».

²³ Георгий Акрополит (1217 — ок. 1283) — великий логотет, т. е. хранитель патриаршей печати и заведующий патриаршей канцелярией, а также ее архивом; один из крупнейших византийских историков, автор европейски знаменитой «Истории».

²⁴ Марк (? — 1450) — митрополит Эфесский, ключевой защитник православия и противник унии на Ферраро-Флорентийском соборе и после него.

²⁵ Геннадий II (ок. 1400 — после 1456) — патриарх Константинопольский (1454—1456), первый после завоевания Византии турками; вождь всей нации (по османскому законодательству); особый противник католицизма.

²⁶ Ириней — св. отец Церкви II в.; епископ Лионский; замучен в 202 г.; главный труд — «Против ересей», направленный прежде всего против гностиков.

²⁷ Амвросий — св. отец и учитель Церкви V в., епископ Медиоланский.

²⁸ Иоанн Златоуст (347—407) — один из величайших св. отцов и учителей Церкви; архиепископ Константинопольский; самого св. Филарета часто называли «русским Златоустом».

²⁹ Епифаний — св. отец и учитель Церкви V в., архиепископ Кипрский.

³⁰ Кирилл (315—386) — св. отец, архиепископ Иерусалимский.

³¹ Феофилакт (1-я пол. XI в. — после 1126) — архиепископ Болгарский, известный византийский богослов.

³² Лактаций (ок. 250 — ок. 330) — один из самых блестящих и острых учителей Церкви.

³³ См. эпистолярное продолжение свято-филаретовской полемики с католиками по поводу «Разговоров...» — письма к Е. П. Ростопчиной (Св. Филарет Московский. Призовите Бога

в помощь. С. 378—398). Его дело продолжили прежде всего А. С. Хомяков и Ю. Ф. Самарин.

Значение церковной молитвы о соединении Церквей (1860)

¹ Ср. с почти идентичной запиской св. Филарета — А. Н. Муравьеву: Как понимать молитву о соединении Церквей / Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. С. 135—137.

Мнение и ответы преосвященного Филарета на предложенные англичанином догматические и церковные вопросы по поводу соединения Англиканской церкви с Восточною (1867)

Публ. по: Святитель Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. М., 1998. С. 309—318.

Вопрос присоединения Англиканской церкви к российской Православной приобрел в то время исключительную актуальность в связи с созданием в Нью-Йорке и Париже специальных обществ, ратующих за присоединение к нашей Церкви именно Англиканской, особенно в лице Кокса и Юнга (в Нью-Йорке) и аббата Гетэ (в Париже) (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 120, 236; см. также: Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. Т 2. Работы по богословию. С. 414—418 (примеч.), где дана своеобразная история данного вопроса и дополнительные факты свято-филаретовского соприкосновения с ним).

УЧЕНИЕ О РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Молитва к 700-летию Москвы

Впервые напечатана в сборнике «Творения Святых Отцов» 1847 г.

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 465—467.

Непосредственным поводом к написанию этой молитвы стал юбилей Москвы, который по повелению Николая I — из-за незнания точной даты основания первопрестольной — отпраздновали 1 января 1847 г. Св. Филарету предложили произнести торжественную проповедь, но он, понимая, что не охватит в ней все должное содержание, предпочел сочинить молитву, которая более приемлема для сказывания «малыми многая» (из письма наместнику Троице-Сергиевой лавры, архимандриту Антонию (Медведеву) — от 16 января 1847 г.).

Молитва в день воспоминания тысячелетия России

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 468—470.

Эта молитва была возгласена по России 8 сентября 1862 г. — в день Куликовской битвы и празднования тысячелетия нашего государства. Один из первых, если не первый, публикатор этого свято-филаретовского произведения Н. В. Сушков написал: «Удивительно, как слагаемые им (св. Филаретом. — *Примеч. П. К.*) молитвы дышат благодатным духом писаний апостольских! читая их, душа переносится в первые времена христианства» (Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 203—204; см. также публикацию этой молитвы в приложении к указанной книге: С. 88—89).

Слово на день торжества освобождения обители преподобного Сергия от нашествия врагов (1806)

Это торжество было учреждено в 1793 г. митрополитом Платоном (Левшиным) и знаменательно отмечалось в день св. Татианы, 12 января (по ст. стилю) — одновременно с праздником Императорского Московского университета.

В рукописном сборнике, принадлежащем Павлу (Подливскому?), архиепископу Черниговскому, после этой проповеди

замечено: «Сим словом сочинитель обратил на себя внимание Высокопреосвященнейшего митрополита Платона» (Левшина. — *Примеч. П. К.*) — этот факт взят из примечания к данному сочинению в 1-м томе «Слов и речей» св. Филарета. (М., 1873. С. 127).

**Слово в день восшествия на Всероссийский
престол благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича (1849)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 269—273.

В данной проповеди, а также в следующей за ней концептуально и сжато раскрывается то, что прот. Георгий Флоровский назвал свято-филаретовским «либерализмом»: «...Теория священного царства (св. Филарета — *Примеч. П. К.*) ...совсем не совпадала с официальной и официозной доктриной государственного суверенитета», ибо согласно этой теории помазуется только Государь, не государство. Потому органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных. Филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям николаевского времени» (см.: Пути русского богословия. С. 203). Отсюда, кстати, проистекали и серьезные трения владыки, можно сказать, со всеми обер-прокурорами Св. Синода, а порой и с самими императорами, что подчеркивалось любым исследователем свято-филаретовского жития и творений, и даже А. И. Герценом (см.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 125—126). За исключением разве что часто оригинальствующего в духе «подпольного» человека Ф. М. Достоевского — В. В. Розанова (см. настоящее издание: примеч. к Слову в день святого мученика благоверного царевича Димитрия, 1846).

В этой связи нельзя не подчеркнуть и юродственный («чудаческий») аспект в служении св. Филарета, выделяемый и им самим (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 224; см. также: Калинин П. В. Россия — не для «нормальных» / Россия — не для «нормальных» М., 2008).

О совершенно далеких для нашей Церкви «идеях абсолютизма» на примере откровенно гонимого Арсения Мациевича и св. Филарета писал Л. А. Тихомиров (см.: Монархическая государственность. С. 357—358), что в первую очередь обеспечивало неподдельный **«духовный авторитет»** московского архипастыря **«по государственным вопросам»** уже по оценке К. Н. Леонтьева (см.: О всемирной любви / Русская идея. М., 1992. С. 160).

**Слово в день рождения благочестивейшего
Государя Императора Николая Павловича (1848)**

Публ. по: Трибуна русской мысли (журнал православной интеллигенции). № 8. С. 61—64.

**Слово в день рождения благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича всея России (1830)**

¹ Одна из любимейших мыслей Н. В. Гоголя в Евангелии и — духовном наследии св. Филарета, которое автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» внимательно изучал, особенно с 1844 г., когда начал делать регулярные выписки из проповедей владыки (см.: Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 163, 429, 488 (примеч.), 530 (примеч.); о. Максим Козлов. Святитель (вступит. ст.) / Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 24). Следует отметить, что позднее творчество великого русского писателя с его «христианским направлением», в свою очередь, было принято св. Филаретом, правда, не без строгих оговорок (см.: Воропаев В. А. «Монастырь ваш — Россия!» / Гоголь Н. В. Духовная проза. С. 20).

**Слово в день рождения благочестивейшего
Государя Императора Николая Павловича (1851)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 274—279.

Одна из характернейших «либерально»-исповеднических проповедей святителя, по-своему определяющая имперско-свободную природу российской государственности в соборной «неслиянности» — с Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным.

**Слово в день тезоименитства благочестивейшей
Государыни Императрицы Марии Александровны (1856)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 284—288.

**Слово в день тезоименитства благоверного
Государя наследника Цесаревича Великого
князя Александра Николаевича (1830)**

¹ Точно не определены ни повод, ни время произнесения этой проповеди — подробнее см.: примечание к ней в 3-м томе «Слов и речей» св. Филарета (М., 1877. С. 445).

**Слово в день восшествия на Всероссийский
престол благочестивейшего Государя
Императора Николая Павловича (1837)**

¹ Речь идет о секретном акте Александра I, который он составил в 1823 г. и согласно которому наследником престола провозглашался Великий князь Николай Павлович, причем загодя появилось собственноручное письмо цесаревича Константина об отречении. Все эти важнейшие государственные документы (в оригинале!) Александр I препоручил хранить св. Филарету в Успенском соборе, с тем чтобы вскрыть их тому же владыке, а также московскому генерал-губернатору только в случае императорской смерти, что и было строго соблюдено.

Этой узаконенной тайной попытались лукаво воспользоваться декабристы, и св. Филарет весьма резко и решительно осудил их за то, что они впервые в российской истории прибегли к «конституционным», «революционным» и прочим «прогрессивно»-«демократическим» подспорьям для

элементарно-абсурдного удовлетворения своей воли к власти, своего исключительно гордынного «миропомазания». Иначе говоря, св. Филарет просто не мог признать политизированную версию все той же пиетистски-масонской и интеллигентствующей религиозности с ее, получается теперь, не только психологически, но и социально «утешительной», т. е. прямо «спасительной», «царство-божностью», с ее не только сугубо личным, но и обобществленным «раем». И новоявленные «мессии» = «духи» — и почему не «творцы»?! — стали бы при достижении своей «доброй», «свободолюбивой» и т. п. «справедливой» цели персонифицированными абсолютами, которым остается за их очевиднейшие «демократические» заслуги и — законно, по-антихристиански! — законно поклониться...

Но нет, жил еще в России истинно-православный народ, прекрасно понимающий все по-наполеоновски деспотическое коварство подобного «добра» и «прогресса». И жил еще в России по-настоящему доверенное лицо народа и царей — св. Филарет, сразу провидевший в «благородном» выступлении лукавых «добряков»-декабристов «разрушительный вихрь злобы, который внезапно исторгся было из пропастей безумия» (цит. по: Корсунский И. Н. Святитель Филарет митрополит Московский. Харьков. 1894. С. 333—334) и который мы — куда «свободнее»! — наблюдали после 1917 г. Не говорю о «законном» герценовском скрежете в адрес св. Филарета за его пророческую и юродственную! проницательность, органично подкрепленную проведением торжественных молебнов в честь действительно провиденциального со-спасителя Отечества — императора Николая I; за его потрясающее предчувствие «общего заговора Европы против России; он успевает медленно, но не останавливается» — и как раз со времен декабристских «мерзостей», от которых «избавил нас Бог, укрыв государя в 14 день декабря» (см.: Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. С. 632, 673; см. также настоящее издание: Слово при гробе в Бозе почившего Государя Императора Александра Павловича, 1826; Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, 1848).

**Беседа в день тезоименитства благоверного
Государя наследника Цесаревича Великого
князя Николая Александровича (1858)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 289—293.

**Рассуждение о нравственных причинах невероятных
успехов наших в настоящей войне (1813)**

Впервые опубликовано отдельным изданием в 1813 г. (Сенатская типография, СПб).

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 307—317.

Непосредственным поводом к написанию данного произведения стала личная, опубликованная в «Сыне Отечества» (1813, № 32) просьба хорошего знакомого св. Филарета, тогдашнего директора Императорской публичной библиотеки, а позже (с 1817 г.) — президента Академии художеств А. Н. Оленина (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 87—88; Мельникова Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002. С. 179, 203 (примеч.).

¹ 1812 года.

² Ср. с не менее провиденциальными постижениями событий 1812 г. — у К. Н. Батюшкова: Нечто о морали, основанной на философии и религии (1815) / Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 195—196.

**Слово при гробе в Бозе почившего Государя
Императора Александра Павловича (1826)**

¹ Речь идет не просто о «законном» поругании христианства в эпоху Великой французской революции, как в проповеди «по возвращении к своей пастве из Санкт-Петербурга», а и непосредственно о Наполеоне как ее лукавом продолжателе — с

«мнимым» «восстановлением» церковных служб; см.: Мнение митрополита Платона (Левшина) о местечковом императоре как органичном выразителе якобинского плана мирового господства при условии подавления даже «самых семян познания о Боге», но в христианизированной — по-мирскому — упаковке — письмом к Александру I (Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона. Часть 2. М., 1891. С. 31—33).

² Св. Филарет прежде всего исходит из канонического православного понимания иудейского народа, которое особым образом закреплено в Велико-пятничной церковной службе. О взгляде св. Филарета на «иудо»-«язычников» см. примеч. к проповеди «Слово по освящении храма Живоначальной Троицы, что на Покровке, на Грязях» (1826)

**Слово по освящении храма Пресвятой Богородицы,
Взыскательницы погибших, устроенного при
замке пересыльных арестантов (1843)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 223—228.

Отрывок из этой проповеди был переведен П. Я. Чаадаевым для французского журнала «Le Semeur» и передан графу Сиркуру при его отъезде из Москвы. Перевод был опубликован 24 сентября 1844 г., по поводу чего русский мыслитель написал тому же графу: «Еще лучше, если бы проповедь была напечатана целиком и без странного (скорее всего, просто невежественного, что побудило П. Я. Чаадаева дать нижеследующий комментарий. — *Примеч. П. К.*) комментария редакции. К счастью, владыка не обратил на него большого внимания. Я только что виделся с ним; он принял меня как нельзя любезнее. Лестное предисловие (к его проповеди. — *Примеч. П. К.*), по-видимому, подкупило его (по себе, по себе судит басманный гордец. — *Примеч. П. К.*). Вы отлично знаете, что во всех наших тюрьмах есть часовни и что в мире не существует церкви более снисходительной, чем православная. Она, может быть, даже слишком снисходительна (опять интеллигентский и притом прямо «мирско-христианский» конфуз: наша церковь, если и снисходительна, то

отнюдь не со всепрощенчески-«утешительной» гуманностью, о чем, кстати, грезил Ф. М. Достоевский, а лишь к искренне раскаивающимся — до преобразительной и деятельной одухотворенности — грешникам. — *Примеч. П. К.*) Религиозный принцип по самой своей природе склонен распаляться в том, что составляет его сокровенную суть... Наша же церковь по существу — церковь аскетическая, как ваша по существу — социальная: отсюда равнодушие одной ко всему, что совершается вне ее, и живое участие другой ко всему на свете (вновь и вновь — «мирско-христианская» абберация православия: оно «равнодушно не просто «вообще» «ко всему, что вне его», а к «живому» угодничеству перед миром, чему классичнейшим конкретным примером и служит житие св. Филарета: его, да, аскетические и крестная, но доподлинно живая наступательность и дерзновенность. — *Примеч. П. К.*)». См.: Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 173—174, 352 (примеч.).

Слово пред присягой для избрания судей (1835)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 259—263.

Мнение митрополита Филарета по вопросу: должно ли спрашивать священника о том, что открыто ему на исповеди подсудимым пред смертью (1849)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. С. 148—150.

Приводится в целом характерное отношение синодального клира к тайне исповеди и строгому соблюдению ее неразглашаемости.

Речь к Преосвященному Леониду, новорукоположенному епископу Дмитровскому (1859)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 305—307.

**Письмо Преосвященного Филарета графу
Н. А. Протасову, обер-прокурору Св. Синода,
об увольнении из духовного звания студента
Московской семинарии Василия Дроздова (1851)**

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. С. 156.

Поразительный по нынешним «демократическим» временам исторический документ, где главное условие выбора «отсталой» имперской службы — быть, ах, не в родстве с любым из ее, в данном случае — канцелярских, начальников, и наоборот!

**Записка о последствиях стеснения сект
и снисхождения к ним (1858)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 317—321.

**Слово по освящении храма Живоначальной
Троицы, что на Покровке, на Грязях (1826)**

Один из образцовых памятников русской культуры относительно так называемого «еврейского вопроса», который рассматривается св. Филаретом в «рабском» имманентно-религиозном ключе, парадоксально и общечеловечески! сопрягающим «нечестие» и «беззаконие» иудеев с «язычеством» порочных христиан.

**Слово в неделю двадесять вторую
по Пятидесятнице при продолжении молитв
о избавлении от губительной болезни (1830)**

Вновь перед нами удивительная глубина мысли св. Филарета: вполне устоявшемуся образу евангельского богача придаются совершенно неожиданные черты «внешней непорочности» по сути моральной жизни и — декабризма в лице «пяти» его братьев!..

Слово в день мученицы Татианы (1851)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 182—187.

Эта проповедь как никакая другая из огромного наследия св. Филарета оттеняет мученическую **норму** православной учености в условиях все более и более усиливающегося влияния пиетистски-масонствующих «утешителей»: нигилистов.

Ответ Обществу любителей духовного просвещения на избрание попечителем оною (1863)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 299—302.

Это общество было программно основано в ответ на нигилистический разгул «интеллигенции» в тогдашней словесности, основано во имя свободы, в первую очередь, от псевдоисправительных, разрушительных идей.

Речь по случаю совершившегося пятидесятилетия Московской Духовной академии (1864)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 302—304.

¹ Св. Филарет отмечает своих непосредственных учителей: Амвросия (Подобедова; 1742—1818), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского; Августина (Виноградского; 1766—1819), архиепископа Московского; Платона (Левшина; 1737—1812), митрополита Московского — столпов учено-монашеского ордена, традиции которого св. Филарет развил в большой стиль, если воспользоваться известным выражением О. Шпенглера и оценкой прот. Георгия Флоровского (см.: Пути русского богословия. С. 191; см. также: Калитин П. В. Уравнение русской идеи. М., 2006).

Слово в день совершившегося столетия Императорского Московского университета (1855)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 293—299.

С Императорским Московским университетом св. Филарета, как и с родным городом Коломной, связывали сугубо профессиональные и должностные отношения, заключающиеся прежде всего в личном присутствии владыки на экзаменах по его же Катехизису, особенно когда учителем по оному был настоятель храма св. Татианы, прот. Петр Терновский, и, конечно же, в проповеднической деятельности, что, впрочем, не исключало несомненную симпатию св. Филарета к самому великому вузу России.

Слово на освящении храма святой мученицы Татианы при Императорском Московском университете (1837)

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 175—181.

Храм св. Татианы, ставший домовою церковью Императорского Московского университета, был построен под руководством архитектора Е. Д. Тюриня — наряду с новым Аудиторным корпусом, причем трудился этот зодчий бесплатно, считая достаточным честь выполнения порученного ему значимого дела. И знаменательно, что именно в этом храме отпевали Н. В. Гоголя, попытавшегося развить в своем позднем творчестве свято-филаретовский взгляд на действительно просвещенную светскую мудрость, высказанную как раз в данной проповеди.

Мнение Преосвященного Филарета о драматическом сочинении Н. В. Сушкова «Начало Москвы» (1853)

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. С. 172—179.

Николай Васильевич Сушков (1796—1871) — русский писатель, драматург, поэт, историк, автор классических «Записок о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского», где приведен, я думаю, достоверный факт касательно данного мнения, за «строгость» которого св. Филарет извинился перед драматургом (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 143.).

**Мнение митрополита Филарета о предметах,
которые не должны быть назначены
на всемирную выставку в Париже (1866)**

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. С. 295—300.

**Беседа в день Благовещения Пресвятой
Богородицы, пред благодарственным
молебствием о заключении мира (1856)**

Публ. по: Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. С. 280—283.

Вновь перед нами — прекрасный парадоксализм св. Филарета, приравнивающий по нравственному, «бескровному» содержанию Крымскую кампанию к... Отечественной войне 1812 г. (см. настоящее издание: Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне).

**Письмо митрополита Филарета графу Д. А. Толстому,
обер-прокурору Св. Синода, с изъяснением
верноподданических чувств по случаю избавления
Государя от опасности 4 апреля 1866 года**

Публ. по: Св. Филарет, митрополит Московский. Мнения, отзывы и письма. С. 292—295.

¹ Единоверие — специфическое принятие российскими старообрядцами Православной церкви вплоть до получения ими ее священника; канонически закрепилось благодаря написанным митрополитом Платоном (Левшиным) в 1800 г. правилам (от него же единоверие получило и свое название).

СТИХОТВОРЕНИЯ СВ. ФИЛАРЕТА

«Я и не вовремя кричу...»

Публ. по: Бычков Г. И. Служение Церкви и Отечеству / Коломенский альманах. Литературный ежегодник. 2008. С. 225.

«Любезнейшим родным...»

Публ. по: Бычков Г. И. Служение Церкви и Отечеству / Коломенский альманах. Литературный ежегодник. 2008. С. 225.

Эпитафия на могиле семи студентов...

Публ. по: Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 399, 589 (примеч.: вполне правдоподобно приписывает эти стихи св. Филарету).

«К Тебе, о Путь непреткновенный...»

Публ. по: Яковлев А. И. Век Филарета. М., 1998. С. 165

«Не напрасно, не случайно...»

Публ. по: Яковлев А. И. Век Филарета. С. 272.
Впервые опубликовано в статье С. Бурачека «Видение в царстве духов» (журнал «Маяк». Ч. X. 1840. С. 59).
Это ответ на стихотворение А. С. Пушкина от 26 мая 1828 г.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?
Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

А. С. Пушкину оно стало известно по списку, переданному ему Е. М. Хитрово, дочерью М. И. Кутузова — близкой знакомой и поэта, и московского владыки.

Вообще говоря, отношения св. Филарета и великого русского поэта не стали близкими и дружескими, хотя встречаться

они начали еще на экзаменах по закону Божиему в Царскосельском лицее как учитель и ученик и достаточно часто — во время приездов А. С. Пушкина в Москву в конце 1820-х—1830-е гг. Интеллигентствующие буквокопатели и дотошники спешат приписать нашему первому поэту как минимум определенную отчужденность от владыки, «учено» напирая на известную запись в пушкинском дневнике о «старом лукавце». Но под этой нелестной характеристикой скрывается, да, митрополит, но Санкт-Петербургский и Новгородский — Серафим (Глаголевский), что следует уже из контекста всего абзаца, где «митрополит» подтверждает «мнение Филарета» и далее прямо сопрягается с уничижительной оценкой: «[Другой человек] приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал...» (см.: Пушкин А. С. Дневник 1833—1835 гг. / Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 47). К тому же, и 52-летний возраст московского архипастыря в 1835 г., как правило, точному в своем словоупотреблении поэту не дал бы повода назвать его «старцем», другое дело — 78-летний Серафим! Не говоря о схожей аттестации оного в том же дневнике (запись 22 декабря 1834 г.) (см.: Там же. С. 46).

Более того, у А. С. Пушкина есть прямые положительные отклики на творчество св. Филарета, в частности, на его «прекрасное» «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне» (цит. по: Королева Д. А. Святитель Филарет и А. С. Пушкин: стихотворный диалог / Православная культура в России: прошлое и настоящее. М., 2007. С. 37).

Наконец, о главном аргументе в пользу весьма достойного отношения А. С. Пушкина к святителю: его стансы.

Стансы митрополиту Московскому Филарету

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных

Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа согрета,
Отвергла блеск земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Лев Шестов увидел в этом «дивном» стихотворении доказательство любви автора к московскому архипастырю (см.: Шестов Лев. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 191). Н. В. Гоголь подчеркнул на примере этого же шедевра наличие у его автора «строгого лиризма повсюду, где ни коснется он высоких предметов» (см.: Гоголь Н. В. Духовная проза. С. 75).

Так что не в А. С. Пушкине, а в св. Филарете крылась причина их достаточно отстраненных отношений — и, разумеется, дело здесь не в о. Герасиме Павском с его откровенно пие-тистской и сентиментальной религиозностью, «самым острым западничеством» в богословии и даже «душевном самочувствии», по выражению прот. Георгия Флоровского (см.: Пути русского богословия. С. 194—196 и др.), — что в конечном счете не могло понравиться и позднему А. С. Пушкину (в частности, как автору остро-славянофильского письма к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.).

Отстраненность св. Филарета от нашего первого поэта объяснялась его целостным и аскетическим отношением к миру, но не в отшельническом смысле (что как раз утверждал П. Я. Чаадаев — см. настоящее издание: примеч. к Слову по освящении храма Пресвятой Богородицы...), а, напротив, ради его действительно христианского, увещательного преобразования, не осуществимого без должного авторитета православного сана, чему нагляднейшее и классическое свидетельство — стихотворный ответ владыки А. С. Пушкину.

«Близок последний труд жизни»

Публ. по: Яковлев А. И. Век Филарета. С. 480.

Стихотворение написано на мотив «Песни Увещательной» св. Григория Богослова (см.: Сушков Н. В. Записки о жизни и о времени святителя Филарета, митрополита Московского. С. 128).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Поздравление семинариста Василия Дроздова...

Публ. по: Яковлев А. И. Век Филарета. С. 53.

Из письма родным от 2 февраля 1804 г.

Публ. по: Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. С. 34—35.

Из прошения Московскому митрополиту Платону (Левшину)

Публ. по: Яковлев А. И. Век Филарета. С. 85.

Письмо родным 1 ноября 1808 г.

Публ. по: Бычков Г. И. Служение Церкви и Отечеству / Коломенский альманах. 2008. С. 226.

Из письма родным от 14 декабря 1808 г.

Публ. по: Св. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. С. 38.

Проповеди Московского митрополита Платона (Левшина)

Публ. по: Платон (Левшин; митрополит Московский). «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...». М., 1996. С. 121—132.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БОГОМУДРИЕ СЛОВА И ЖИЗНИ	17
Ежедневная молитва Господу Иисусу Христу	17
Слово в Великий пяток (1806)	17
Слово во Святой и Великий пяток (1812)	23
Слово в Великий пяток (1813)	30
Беседа в Великий пяток (1815)	38
Слово в Великий пяток (1816)	47
Слово в Великий пяток (1817)	57
Слово по освящении храма Господа нашего Иисуса Христа, в честь и память гефсиманского моления Его (1845)	64
Слово в день Святой Пасхи (1811)	71
Слово в день Пасхи (1845)	75
Слово в день Пятидесятницы (1811)	80
Слово в день Сошествия Святого Духа (1814)	87
Слово в Неделю вторую по Пятидесятнице (1836)	94
Слово на Рождество Христово (1811)	99
Слово на второй день праздника Рождества Христово (1814)	103
Беседа о благом иге Христовом (1828)	112
Беседа о небесной награде (1826)	119
Слово в Неделю Крестопоклонную (1822)	124
Слово в Неделю Крестопоклонную (1835)	130
Слово в Неделю по Воздвижении (1824)	136
Слово в день Вознесения Господня (1824)	143

Слово на Преображение Господне (1820)	150
Слово в день Преображения Господня (1826)	158
Беседа о нашем житии на небесах (1833)	163
Слово в день Успения Пресвятой Богородицы (1832)	168
Слово в день Успения Пресвятой Богородицы (1849)	176
Беседа о прикосновении веры ко Христу (1825)	181
Слово в день обретения мощей святителя Алексия (1822)	187
 АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЛИЧИЕ КРЕСТА	 194
Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы (1822)	194
Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы (1835)	201
Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы (1843)	210
Беседа о нищете духовной (1824)	218
Слово в день святителя Николая (1822)	223
Слово на память преподобного Сергия, Радонежского чудотворца (1844)	229
Беседа о благодарности к Богу (1842)	235
Слово в день Собора святого Архистратига Михаила (1821)	242
Слово в день святителя Алексия (1825)	248
Слово по освящении храма Явления Божией Матери преподобному Сергию, устроенного над мощами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой лавре (1842)	254
Слово по возвращении к своей пастве из Санкт- Петербурга (1823)	262
Слово в Неделю всех Святых при посещении города Коломны (1822)	270
Слово в Неделю о Фоме (1826)	279
Слово в Неделю мытаря и фарисея и на память святителя Алексия (1850)	285
Беседа в Неделю о блудном сыне и на память святителя Алексия (1856)	290
Беседа по Крестном ходе (1843)	296
Слово в день святого царевича Димитрия (1826)	304
Слово в день святого мученика благоверного царевича Димитрия (1846)	309
Слово в день святого мученика Димитрия царевича (1825)	315
Слово в Неделю вторююнадесять по Пятидесятнице (1831)	322

Беседа о милосердии к бедным (1847)	329
Слово на день памяти преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена, Радонежского чудотворца (1824)	336
Беседа о соблазнах (1840)	344
Беседа из притчи о плевелах (1825)	349
Беседа о благословенном рождении детей (1828)	355
Слово на память святителя и чудотворца Алексия в среду второй недели Великого поста (1847)	361
Слово по освящении храма Живоначальной Троицы в Московском Данилове монастыре (1838)	368
ВСЕЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ	375
Разговоры между испытующим и уверенным о правосла- вии Восточной греко-русской церкви (1815)	375
Значение церковной молитвы о соединении Церквей (1860)	448
Мнение и ответы Преосвященного Филарета на предложен- ные англичанином догматические и церковные вопросы по поводу соединения Англиканской церкви с Восточною (1867)	451
Вопросы члена Англиканской церкви, по собственному его выражению, мирянина, и ответы на них Московского митрополита Филарета	453
УЧЕНИЕ О РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	459
Молитва к 700-летию Москвы	459
Молитва в день воспоминания тысячелетия России	461
Слово на день торжества освобождения обители препообного Сергия от нашествия врагов (1806)	463
Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1849)	467
Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1848)	473
Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича всея России (1830)	479
Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1851)	486

Слово в день тезоименитства благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны (1856)	493
Слово в день тезоименитства благоверного Государя наследника Цесаревича Великого князя Александра Николаевича (1830).....	498
Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя Императора Александра Павловича (1824)	504
Слово в пятую неделю Великого поста (1822).....	510
Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1837).....	518
Беседа в день тезоименитства благоверного Государя наследника Цесаревича Великого князя Николая Александровича (1858).....	523
Слово в день рождения Его Императорского Высочества, наследника престола, Государя Цесаревича Великого князя Александра Николаевича (1835)	528
Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне (1813)	534
Слово при гробе в Бозе почившего Государя Императора Александра Павловича (1826).....	546
Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1848).....	553
Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, по первом лете царствования его (1826)	558
Слово по освящении храма Пресвятой Богородицы, Взыскательницы погибших, устроенного при замке пересыльных арестантов (1843).....	563
Слово пред присягой для избрания судей (1835).....	569
Мнение митрополита Филарета по вопросу: должно ли спрашивать священника о том, что открыто ему на исповеди подсудимым пред смертью (1849).....	573
Речь к Преосвященному Леониду, новорукоположенному епископу Дмитровскому (1859)	576
Письмо Преосвященного Филарета графу Н. А. Протасову, обер-прокурору Св. Синода, об увольнении из духовного зва- ния студента Московской семинарии Василия Дроздова (1851)....	578

Записка о последствиях стеснения сект и снисхождения к ним (1858).....	579
Слово в день восшествия на Всероссийский престол Государя Императора Николая Павловича (1846).....	584
Слово по освящении храма Живоначальной Троицы, что на Покровке, на Грязях (1826).....	589
Слово в день святителя Алексия (1845).....	595
Слово в неделю двадесять вторую по Пятидесятнице при продолжении молитв о избавлении от губительной болезни (1830)	602
Слово в день мученицы Татианы (1851)	608
Ответ Обществу любителей духовного просвещения на избрание попечителем одного (1863)	614
Речь по случаю совершившегося пятидесятилетия Московской Духовной академии (1864)	617
Слово в день совершившегося столетия Императорского Московского университета (1855).....	620
Слово на освящении храма святой мученицы Татианы при Императорском Московском университете (1837)	627
Мнение Преосвященного Филарета о драматическом сочинении Н. В. Сушкова «Начало Москвы» (1853).....	634
Мнение митрополита Филарета о предметах, которые не должны быть назначены на всемирную выставку в Париже (1866).....	638
Беседа в день Благовещения Пресвятой Богородицы, пред благодарственным молебствием о заключении мира (1856).....	643
Письмо митрополита Филарета графу Д. А. Толстому, обер-прокурору Св. Синода, с изъявлением верноподданнических чувств по случаю избавления Государя от опасности 4 апреля 1866 года (1866).....	647
Ответ митрополита Филарета на секретное письмо графа Д. А. Толстого о прекращении народных торжеств по поводу избавления Государя от опасности (1866).....	649
СТИХОТВОРЕНИЯ СВ. ФИЛАРЕТА	651
Я и не вовремя кричу	651
Любезнейшим родным	651

Эпитафия на могиле семи студентов первого курса Санкт-Петербургской Духовной академии.....	651
К Тебе, о Путь непреткновенный.....	652
Ответ св. Филарета на стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...»	652
Близок последний труд жизни.....	652

ПРИЛОЖЕНИЯ. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК:

ПЛАТОН (ЛЕВШИН) — СВ. ФИЛАРЕТ	654
--	------------

Поздравление семинариста Василия Дроздова в день тезоименитства Московского митрополита Платона (Левшина).....	654
Из письма родным от 2 февраля 1804 г.....	654
Из прошения Московскому митрополиту Платону (Левшину) от 7 июля 1808 г.....	655
Письмо родным от 1 ноября 1808 г.....	655
Из письма родным от 14 декабря 1808 г.....	656
Проповеди Московского митрополита Платона (Левшина)	656
Слово во Святой и Великий пяток.....	656
Слово во Святой и Великий пяток «О истине».....	663

МОЛИТВЫ СВ. ФИЛАРЕТУ МОСКОВСКОМУ	671
---	------------

КОММЕНТАРИИ.....	672
-------------------------	------------

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор О. А. Рогачева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 15.10.2009 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 33,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (*вышел*)
Русское Православие в трех томах (*вышли*)
Русское государство (*вышел*)
Русский патриотизм (*вышел*)
Русское мировоззрение (*вышел*)
Русский образ жизни (*вышел*)
Русская география
Русское хозяйство (*вышел*)
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература (*вышел*)
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крामолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги Института русской цивилизации можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Энциклопедии русской цивилизации» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 14, тел. 8(499)-186-93-78) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)